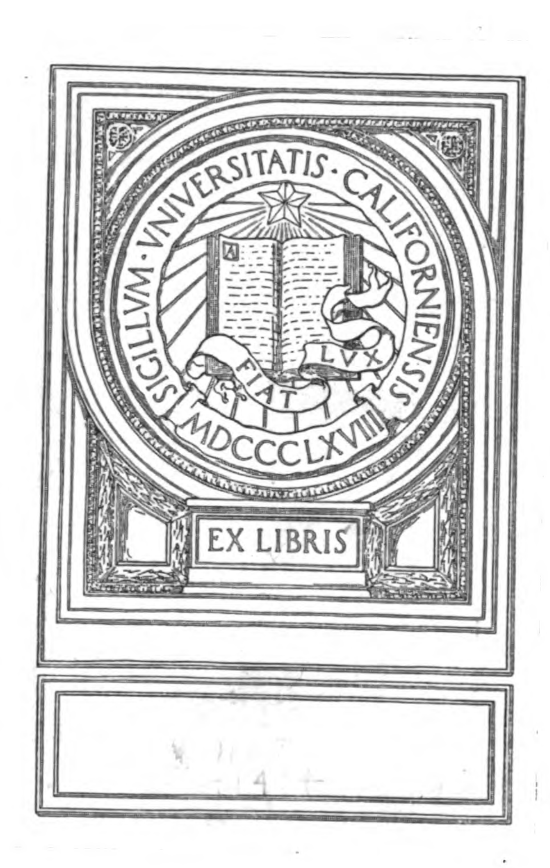

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIV-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ.

1905 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го марта 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

КЪ СОРОКАЛѢТІЮ „ВЕЛИКОЙ" РЕФОРМЫ.

Крестный ходъ въ селѣ Остожьѣ.
Вдругъ „пожаръ!" кричитъ народъ.
„Не бросать же дѣло Божье—
„Кончимъ прежде крестный ходъ".
И покудова съ иконой
Обходили все село,
Искрой, вѣтромъ занесенной,
И другой посадъ зажгло.
Погорѣли. Въ этомъ много
Правды горькой и простой.
Но, вѣдь, это противъ Бога,
Противъ вѣры... ой! ой! ой!
Тутъ полнѣйшая возможность
Къ обвиненью безъ суда...
Ради Бога осторожность,
Осторожность, господа!

Некрасовъ.

6-го апрѣля наступаетъ весьма почтенный возрастъ нынѣ дѣйствующему закону о цензурѣ и печати: въ этотъ день онъ входитъ въ пятый десятокъ лѣтъ своей «временной» жизни. Сорокъ лѣтъ русское общество жило подъ режимомъ свободы... молчанія, не въ малой степени явившейся прямымъ слѣдствіемъ закона 6-го апрѣля 1865 г., не говоря уже о послѣдующихъ весьма многочисленныхъ административныхъ его «дополненіяхъ» и «разъясненіяхъ»... Юбилей настолько почтенный, «свобода» настолько велика, а наше незнаніе цензурнаго законодательства все еще настолько широко, что, мнѣ кажется, было бы большою ошибкой пройти это сорокалѣтіе пренебрежительнымъ молчаніемъ.

I.

Первый русскій цензурный уставъ былъ изданъ въ 1804 году, въ расцвѣтъ «дней Александровыхъ прекраснаго начала». Если сравнить его съ уровнемъ современной ему эпохи, то впечатлѣніе получается даже грандіозное: настолько либераленъ этотъ первый цензурный законодательный актъ *).

Декабрьскіе дни 1825 года и ближайшія послѣдующія событія

*) Желающихъ подробно ознакомиться съ уставомъ 1804 года и его исторіей отсылаю къ своей статьѣ: „Пропущенный юбилей", въ ноябрьской книжкѣ „Русской Мысли" 1904 года.

мгновенно измѣнили регламентацію печатнаго слова—въ моментъ родился уставъ 1826 года, переписанный, по приказанію Шишкова, съ нелѣпаго проекта Магницкаго, валявшагося въ архивѣ министерства просвѣщенія...

Затѣмъ личныя интриги противъ Шишкова (а не что бы то ни было другое, какъ объясняютъ другіе историки цензуры), совершенно независимо отъ нежеланія хоть немножко освободить печать, увѣнчались уставомъ 1828 года. Подъ эгидой этого третьяго цензурнаго закона, щедро сдобреннаго въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ всевозможными, иногда просто сказочно-уродливыми распоряженіями, русское общество не только вступило въ эпоху «шестидесятыхъ годовъ», но и вышло изъ нея... Лучшее свое время печать прожила подъ старымъ уставомъ, худшее—подъ новымъ, теперь, въ свою очередь, тоже весьма устарѣвшимъ. Обстоятельство, стоющее серьезнаго вниманія историковъ русской общественности.

Не имѣя возможности нарисовать картину общественнаго возбужденія конца пятидесятыхъ годовъ, — очень и очень, кстати сказать, теперь намъ понятную,—укажу лишь, что секретъ силы этого возбужденія заключался въ томъ, что *всѣ* очнулись, *всѣми* овладѣло критическое отношеніе къ прошлому, *всѣмъ* захотѣлось свѣжаго воздуха. При такомъ общественномъ настроеніи извѣстныя идеи, по выраженію одного изъ ихъ гасителей, — «распространяются въ воздухѣ, несмотря на всѣ полиціи и всѣ цензуры» *).

Какъ я говорилъ уже въ другомъ мѣстѣ—«мощное общимъ сознаніемъ необходимости свободы, русское общество делегировало свои права на нее прежде всего литературѣ и взамѣнъ получило эту свободу на кончикѣ пера каждаго публициста, романиста, поэта, сатирика. И атака эта велась такъ дружно, такъ умѣло и тактически безупречно, что представлялось только два выхода: или лишить русское общество вообще печатнаго слова, или дать ему большій сравнительно съ прежнимъ просторъ. Благоразуміе подсказало второе рѣшеніе» **).

И именно благоразуміе, а не какое бы то ни было благожелательство, котораго никогда и не было. Какъ только волна, шедшая въ ширину *всего* общества, схлынула въ 1862 году, и началась реакція сначала среди извѣстной части общества—печать, уже не поддерживаемая всеобщимъ единодушіемъ, сразу была поставлена въ «соотвѣтствующія ея значенію границы»... Положено было начать борьбу съ безсиліемъ цензурныхъ установленій. И, конечно, теперь она была уже нетрудна...

Особая коммиссія кн. Д. А. Оболенскаго (1862 г.) работала около полугода и къ концу своихъ полномочій приготовила весьма обширный

---

*) Письмо А. В. Головнина кн. А. И. Барятинскому—*Н. Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина", XVII, 195.

**) „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ", Спб., 1904 г., 11 — 12. Эта моя книга, пока единственная большая работа по взятому въ ней вопросу, поневолѣ легла въ основу первой половины настоящаго очерка.

проектъ новаго устава. Центръ тяжести его заключался въ установленіи, во-первыхъ, сосуществованія двухъ совершенно другъ друга исключающихъ системъ цензурнаго законодательства: предупредительной и судебно-карательной; во-вторыхъ, административныхъ взысканій; въ-третьихъ, «вреднаго направленія». Относительно этого вѣчнаго Дамоклова меча коммиссія была болѣе чѣмъ откровенна: «Словами *вредное направленіе* выражается мысль общая, не ограничивающая, конечно, полнаго произвола при толкованіи относительнаго понятія *вреда*; но такъ какъ нѣтъ никакой возможности, даже приблизительно (!!), опредѣлить безспорные признаки вреднаго направленія, то приличнѣе, откровеннѣе и достойнѣе не прикрывать законъ наружною формою опредѣлительности, когда внутреннее содержаніе его не подходитъ ни подъ какое положительное опредѣленіе» *).

Не менѣе откровенна была коммиссія и по вопросу о смѣшеніи двухъ противорѣчивыхъ системъ. «Безпорно,—говорила она,—что въ практикѣ и на дѣлѣ столь обязательная для цензоровъ сила инструкцій можетъ нерѣдко быть употреблена во зло и ослабить значеніе самого закона. Но отъ подобнаго зла не можетъ быть другого огражденія, кромѣ вѣры въ прозорливое благоразуміе самого правительства. Напрасно было бы мечтать о возможности оградить цензуру отъ произвола, т.-е. лишить ее того характера произвола, который составляетъ всю ея сущность и безъ которой цензура перестала бы быть цензурой. Можно спорить о томъ, нужна-ли, полезна-ли, удобна-ли она въ извѣстное время; но пытаться поставить сущность ея въ какіе-либо ярко очерченные предѣлы нѣтъ никакой возможности». **).

Драгоцѣнныя слова, произнесенныя сторонниками точно опредѣленныхъ «береговъ благоразумной свободы»...

Въ 1863 году, подъ предсѣдательствомъ того же кн. Оболенскаго, работала вторая коммиссія, надъ которой царилъ духъ уже не Головнина—министра просвѣщенія, а Валуева—министра внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ, это не внесло никакой существенной разницы въ ея работу, ибо Флоридоръ есть Селестенъ, а Селестенъ есть Флоридоръ...

II.

Комиссія 1863 года согласилась со всѣми основами проекта коммиссіи 1862 года.

Впервые должны были не знать предварительной цензуры: всѣ книги не менѣе 20 печатныхъ листовъ ***), изданныя въ Петербургѣ и Москвѣ; всѣ изданія правительственныя, академій, университетовъ и

*) „Эпоха etc.“, 208.

**) Ibidem, 209.

***) Въ печатномъ листѣ 16 печатныхъ страницъ.

ученыхъ обществъ; все, напечатанное на греческомъ и латинскомъ языкахъ, и тѣ газеты и журналы, которые будутъ освобождены отъ нея по желанію издателей. За послѣднюю льготу нужно было лишь заплатить готовностью безропотно подчиниться дѣйствію административныхъ взысканій, конечно, помимо отвѣтственности по суду за нарушеніе законовъ и постановленій о печати...

Далѣе вводилась система денежныхъ залоговъ, правда, по единогласному заключенію коммиссіи, исключительно въ обезпеченіе пеней, которыя могутъ быть налагаемы на изданіе по суду.

Существенное разногласіе произошло на почвѣ административныхъ взысканій. Три члена: А. Ѳ. Бычковъ, И. Е. Андреевскій и... Е. М. Ѳеоктистовъ,—потомъ одинъ изъ самыхъ грозныхъ начальниковъ главнаго управленія по дѣламъ печати,—заявили, что вообще не могутъ допустить мысли о правѣ администраціи налагать какія бы то ни было наказанія; что это дѣло только суда. «Административныя взысканія,—говорили они,—построены на началѣ безусловнаго произвола правительственной власти прекратить такое изданіе, которое, не заключая въ себѣ преступленій слова, не можетъ быть предано судебному преслѣдованію, но представляется воззрѣніямъ администраціи преступнымъ и требующимъ наказанія». По ихъ мнѣнію, получалась явная несообразность: съ одной стороны отчасти отказывались отъ предварительной цензуры, какъ отъ вредной, основанной на произволѣ, съ другой—замѣняли ее опять-таки произволомъ, но еще болѣе вреднымъ. «Произволъ административныхъ взысканій является болѣе широкимъ и тяжкимъ, чѣмъ произволъ предупредительной цензуры. При существованіи сей послѣдней административная власть произвольно не дозволяетъ печатать того, что признаетъ вреднымъ для себя, но при административныхъ взысканіяхъ та же самая власть, не надѣясь доказать судебнымъ порядкомъ нанесенный ей повр'меннымъ изданіемъ вредъ, запрещаетъ самое повременное изданіе; слѣдовательно, въ первомъ случаѣ, при цензурѣ, она мѣшаетъ произнести слово, а во второмъ, при административныхъ взысканіяхъ, она *безъ суда* лишаетъ человѣка собственности потому только, что ей кажется, что слово для нея вредно, хотя доказать этого судебнымъ порядкомъ она не въ состояніи». Но «нельзя человѣка произвольно лишать собственности только потому, что неудобно преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ или невозможно доказать въ судѣ его преступленія: если посредствомъ суда нельзя выяснить его виновности, то, значитъ,—юридически ея и не существуетъ, а покарать кого-либо безъ суда все равно, что покарать невиннаго; если же предполагаютъ, что судъ не въ состояніи признать преступленіемъ цѣлаго ряда такихъ мыслей, изъ которыхъ ни одна отдѣльно не представляетъ ничего преступнаго, но всѣ вмѣстѣ образуютъ опасное направленіе, то это обнаруживаетъ очевиднее недовѣріе къ суду; предположивши, что судъ въ состояніи произвести оцѣнку каждаго отдѣльнаго

преступленія слова, на какомъ основаніи можно думать, что онъ неспособенъ оцѣнить цѣлое направленіе, систематическій рядъ явленій?» *).

Всѣ остальные члены **) рѣшительно присоединялись къ проекту 1862 года и настаивали, что «когда въ какомъ-либо спеціальномъ законоположеніи предлагается мѣра чрезвычайная, вызванная потребностью неотвратимыхъ внѣшнихъ условій, тогда странно (!) и безполезно (!!) было бы судить о достоинствѣ этой мѣры съ отвлеченной или теоретической точки зрѣнія права и законности» ***)...

Еще одинъ штрихъ—и читатель, совершенно не входя въ детали проекта комиссіи, сразу составитъ себѣ истинное мнѣніе и о немъ, и о ней. Я говорю объ единогласномъ заключеніи коммиссіи по поводу формы суда надъ печатью; профессоръ права Андреевскій не подалъ особаго мнѣнія...

«Никто, конечно, не станетъ отвергать того несомнѣннаго факта, что въ современномъ обществѣ нашемъ, такъ рѣзко раздѣленномъ на двѣ части политическими своими тенденціями, прогрессивный элементъ почти исключительно сосредоточенъ въ томъ слоѣ обществѣ, изъ котораго избираются и будутъ избираться всѣ наши коронные судьи и всѣ другія судебныя власти. Ввѣрить однимъ представителямъ этой среды судъ по дѣламъ печати—*значило бы отказаться отъ того охранительнаго начала, которое составляетъ дѣйствительную силу правительства*». По мнѣнію коммиссіи, единственные желательные судьи—это охранительно настроенные «граждане-собственники», а потому она и признала полезнымъ поручить вѣданіе дѣлъ печати особому присутствію уголовной палаты при участіи присяжныхъ засѣдателей изъ гласныхъ городскихъ думъ ****)...

III.

Въ серединѣ 1863 года комиссія закончила свои занятія, передала проектъ Валуеву, а послѣдній, внеся въ него нѣкоторыя измѣненія въ

*) Ibidem, 320—321.

**) А. В. Никитенко, В. А. Ржевскій, В. Я. Фуксъ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и Погорѣльскій.

***) Ibidem, 324.

****) Здѣсь одна изъ крупныхъ ошибокъ Джаншіева, признавшаго, по незнанію, возможнымъ ввести реформу 6-го апрѣля 1865 года въ число „великихъ“ реформъ. Ту же ошибку сдѣлалъ и К. К. Арсеньевъ: его книга „—Законодательство о печати“—издана, какъ одна изъ серіи книгъ: „Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ“... Поразительно, какъ оба автора, а за ними и многіе другіе не уяснили цѣну реформы 1865 года. Ставя въ *заслугу* коммиссіи желаніе суда присяжныхъ, Джаншіевъ не зналъ, о *какомъ* судѣ присяжныхъ она говорила... Такихъ ошибокъ въ его книгѣ вообще много, а въ статьѣ ея—„Цензурная реформа“, и особенно. Къ сожалѣнію, уваженіе къ имени и свѣтлой личности автора распространено незаслуженно и на его книгу, все еще не получившую должной историко-критической оцѣнки.

смыслѣ еще большаго увеличенія произвола администраціи, разослалъ его на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ. Проектъ перешелъ, слѣдовательно, во второй фазисъ.

Изъ всѣхъ отвѣтовъ, всегда довольно искусно, съ бюрократической точки зрѣнія, составленныхъ и иногда лукавыхъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія отзывъ барона М. А. Корфа, написанный, впрочемъ, не имъ, а состоявшимъ при немъ Д. М. Сольскимъ.

Этотъ отзывъ очень обстоятельно разсматривалъ недостатки системы предварительной цензуры. По его мнѣнію, она, во-первыхъ, уже тѣмъ негодна, что совершенно незаконно премируетъ лишь опредѣленный кругъ идей и понятій, изгоняя всѣ другіе изъ умственнаго обихода страны. «Понятно, къ какимъ результутамъ должно приходить учрежденіе, которое подъ предлогомъ направленія умственной дѣятельности народа, беретъ на себя покровительствовать однимъ произведеніямъ мысли и преслѣдовать другія. Изъ какихъ бы талантливыхъ личностей это учрежденіе ни состояло, оно роковымъ образомъ впадаетъ въ массу ошибокъ, и исторія представляетъ не одинъ примѣръ самаго крайняго умственнаго разврата въ обществѣ при строжайшихъ цензурныхъ преслѣдованіяхъ»... Во-вторыхъ, она «лишаетъ правительство драгоцѣнной помощи и поддержки въ исполненіи лежащихъ на немъ громадныхъ обязанностей, потому что «этой помощи можно ожидать лишь отъ печати свободной, откровенно выражающей дѣйствительныя мысли и чувства общества; если же печати дозволено говорить единственно то, что согласно съ видами и намѣреніями правительства въ данную минуту, то она, очевидно, не въ состояніи высказать ему ничего новаго и не спасетъ ни отъ одного ложнаго шага»... Въ-третьихъ, предварительная цензура вредна Россіи именно въ моментъ вступленія ея на путь истинъ, давно воспринятыхъ Европою *).

Но бар. Корфъ—не сторонникъ полной отмѣны ограниченій свободы слова. Онъ лишь настаивалъ на томъ, что, скрываясь за излишней постепенностью и осторожностью, никогда нельзя сдѣлать всего необходимаго. «Ни населеніе, ни судебные органы, очевидно, никогда не освоятся съ явленіями свободной печати, если имъ продолжать знать о сей печати только по наслышкѣ. Дать обществу на самомъ дѣлѣ пользоваться этою свободою настолько, чтобы она стала входить въ его нравы, и образовать его взгляды и понятія совершенно необходимо».

Между тѣмъ, разсматривая присланный ему проектъ, Корфъ справедливо видѣлъ въ немъ скорѣе лишь исправленное изложеніе дѣйствовавшихъ тогда постановленій, чѣмъ законъ дѣйствительно новый по существу и размѣру предоставляемой обществу доли свободы.

Что касается административныхъ взысканій, то, по его мнѣнію,

*) 1863—1865 годы, конечно, не единственные въ этомъ отношеніи.

это—«новая язва, заключающая въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ постоянно протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди».«Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ... Самая же возмутительная и, прибавлю, опасная сторона административныхъ взысканій состоитъ именно въ томъ, что одному административному лицу дается власть, по индивидуальному воззрѣнію, иногда по одному минутному настроенію духа, безъ всякой дальнѣйшей передъ закономъ отвѣтственности, лишать человѣка права собственности, права на продолженіе занятія, которымъ онъ, можетъ быть, жилъ, и что еще важнѣе,—исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе».

Переходя къ деталямъ, Корфъ находилъ, напримѣръ, норму безцензурности въ 20 листовъ высокою и предлагалъ понизить ее на половину. Вообще же говоря, онъ значительно стѣснялъ свободу произвола министра внутреннихъ дѣлъ, очень большую—по его мнѣнію, и все еще недостаточную—по мнѣнію Валуева *).

Другіе отзывы были, гораздо менѣе обстоятельны и гораздо болѣе солидарны съ гонителемъ печати, авторомъ «Лорина».

Въ ноябрѣ 1864 года послѣдній, т. е. Валуевъ, вошелъ уже съ своимъ представленіемъ и проектомъ въ государственный совѣтъ: проектъ вступалъ въ третій фазисъ.

IV.

Во второй половинѣ января 1865 года департаментъ законовъ усиленнаго состава обсудилъ проектъ и лишь кое въ чемъ ограничилъ министра внутреннихъ дѣлъ. А именно, онъ единогласно предлагалъ дать журналамъ (но не газетамъ) право выходить безъ цензуры по собственному ихъ желанію; третье предостереженіе дѣлалось министромъ съ разрѣшенія І-го департамента сената; послѣ третьяго предостереженія, если оно состоялось въ теченіе 15 мѣсяцевъ, считая со времени объявленія перваго, министръ имѣлъ право прекратить изданіе на срокъ до 2 лѣтъ со дня третьяго предостереженія. Вотъ и всѣ сколько-нибудь существенныя урѣзки правъ министра. Въ остальномъ согласіе царило въ департаментѣ полное и даже для самого Валуева неожиданное... Что касается суда присяжныхъ, то даже и изъ гражданъ-собственниковъ онъ былъ отвергнутъ.

Въ февралѣ проектъ передали въ общее собраніе государственнаго совѣта. Послѣднее склонно было проявить то же трогательное согласіе и, только благодаря «кузнецу-гражданину», Н. А. Милютину, рѣшило замѣнить изданіе полнаго устава о печати лишь тѣми допол-

*) „Эпоха etc.“, 357—368.

неніями и измѣненіями стараго, которыя можно бы, «впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта», привести въ дѣйствіе немедленно, но уже въ видѣ «переходныхъ мѣръ». Проектъ былъ возвращенъ въ департаментъ законовъ. Такимъ образомъ, «временностью» закона 6-го апрѣля мы обязаны Милютину, и не его вина, что ей уже 40 лѣтъ: онъ былъ убѣжденъ, что вполнѣ либеральный полный уставъ о цензурѣ и печати Россія получитъ гораздо раньше...

Въ департаментѣ дѣло теперь обратило на себя большее вниманіе. Особенно цѣнны были возраженія гр. Д. А. Милютина. Онъ прямо заявлялъ, что проектъ Валуева не удовлетворялъ требованіямъ литературы и общества; что онъ полонъ массы ошибокъ и создаетъ лишь новыя затрудненія правительству, которое «будетъ неизбѣжно поставлено въ необходимость обращаться по прежнему къ произволу административному во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ новый законъ окажется на практикѣ несостоятельнымъ».

Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, департаментъ положилъ: «всѣ существенныя перемѣны и дополненія, имѣющія предметомъ *поощрительныя* для нашей литературы льготы, совмѣстить въ формѣ именного высочайшаго указа, *непосредственно отъ престола исходящаго*, а подробности мѣръ и *ограниченій*, нужныхъ для приведенія упомянутыхъ льготъ во исполненіе, изложить въ мнѣніи государственнаго совѣта, которое, бывъ удостоено высочайшаго утвержденія, получитъ одинаковую съ указомъ обязательную силу» *)... Вотъ какими средствами думали внушить обществу сознаніе расположенія правительства къ литературѣ!...

Въ концѣ марта состоялось второе и уже послѣднее общее собраніе государственнаго совѣта, а 6-го апрѣля проекъ закона, въ видѣ указа сенату и мнѣнія государственнаго совѣта, былъ утвержденъ.

Первый актъ, озаглавленный: «О дарованіи нѣкоторыхъ облегченій и удобствъ отечественной печати», гласилъ:

«Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ переходномъ положеніи судебной у насъ части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, нижеслѣдующія перемѣны и дополненія:

«I. Освобождаются отъ предварительной цензуры:

«а) Въ обѣихъ столицахъ:

«1) всѣ выходящія донынѣ въ свѣтъ повременныя изданія, коихъ издатели сами заявятъ на то желаніе;

«2) всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ и

«3) всѣ переводы, объемомъ не менѣе 20-ти печатныхъ листовъ.

---

*) Ibidem, 387.

«б) Повсемѣстно:

«1) всѣ изданія правительственныя;

«2) всѣ изданія академій, университетовъ и ученыхъ обществъ и установленій;

«3) всѣ изданія на древнихъ классическхъ языкахъ и переводы съ сихъ языковъ.

«4 чертежи, планы и карты.

«II. Освобожденные отъ предварительной цензуры повременныя и другія изданія, сочиненія и переводы, въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ, подвергаются судебному преслѣдованію; повременныя же изданія, кромѣ того, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія, подлежатъ и дѣйствію административныхъ взысканій, по особо установленнымъ на то правиламъ.

«III. Завѣдованіе дѣлами цензуры и печати вообще сосредоточивается при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ высшимъ наблюденіемъ министра, во вновь учрежденномъ главномъ по симъ дѣламъ управленіи.

«IV. Дѣйствіе настоящаго указа не распространяется нынѣ:

«а) на сочиненія, переводы и изданія, а также мѣста въ нихъ, подлежащія, по дѣйствующимъ постановленіямъ и распоряженіямъ, духовной цензурѣ. Постановленія и распоряженія сіи, равно какъ и цензура иностранная, остаются на существующемъ теперь основаніи *);

«б) на повременныя и другія изданія эстамповъ, рисунковъ и другихъ изображеній съ текстомъ и безъ онаго, которыя подлежатъ дѣйствію цензурнаго устава также на существующемъ основаніи.

«Утвердивъ вмѣстѣ съ симъ и тѣ перемѣны и дополненія, которыя оказываются, вслѣдствіе вышеизложенныхъ мѣръ, необходимыми въ подробностяхъ дѣйствующихъ нынѣ касательно печати постановленій, повелѣваемъ правительствующему сенату сдѣлать къ обнародованію сей Нашей воли надлежащее распоряженіе съ тѣмъ, чтобы она приведена была въ исполненіе съ 1-го сентября текущаго года» **).

Этотъ указъ получилъ гораздо большее распространеніе, чѣмъ другой, въ которомъ были всѣ ограниченія и стѣсненія ***)...

Такъ, напримѣръ, первый изъ нихъ совершенно умалчивалъ о томъ, что, въ сущности, вообще отъ цензуры никто и ничто не освобождалось, что задержать любой номеръ газеты и журнала есть всегда полная возможность; что если въ органахъ безъ предварительной цензуры нельзя вычеркивать отдѣльныя слова, то можно зато вырѣзать цѣлыя статьи, и пр., и пр.

И мало кто понялъ тогда истинное значеніе законодательнаго

*) Я нигдѣ не касаюсь этихъ двухъ цензуръ: поставленныя въ совершенно ужъ исключительныя условія, онѣ заслуживаютъ особаго изслѣдованія и только въ немъ могутъ быть оцѣнены по достоинству.

**) Пол. собр. зак., 2-е, XL. № 41988.

***) Ibidem., № 41990.

акта 6-го апрѣля; мало кто зналъ о странной исторической игрѣ случаевъ: то, что въ видѣ закона 1852 г., во Франціи было принято, какъ мѣра несомнѣнно реакціонная, у насъ почиталось «великой» реформой... Только нѣкоторые оцѣнивали ее по достоинству, т.-е. считали лишь льготой, да и то не вполнѣ выдержанной въ стилѣ напускного просвѣтительства...

V

Валуевъ дѣлалъ, между тѣмъ, свое... Въ офиціозной «Сѣверной Почтѣ» (тогда замѣнявшей несуществовавшій еще «Правительственный Вѣстникъ») онъ старался всячески подчеркнуть «важное» значеніе закона 6-го апрѣля, а въ конфиденціальной литературѣ своихъ циркуляровъ самымъ безцеремоннымъ образомъ отмѣнялъ его...

23-го августа, т.-е. за недѣлю до вступленія въ силу закона 6-го апрѣля, онъ разослалъ повсюду необыкновенно откровенную инструкцію для цензоровъ. Это было просто-на-просто приказаніе не только не соблюдать иногда новый законъ, но и замѣнять его новыми, правда, болѣе утонченными формами произвола.

Вотъ нѣсколько образчиковъ оттуда:

«Изданія, добровольно остающіяся подъ цензурою и уклоняющіяся такимъ образомъ отъ непосредственной отвѣтственности, которая новымъ закономъ съ нихъ вполнѣ слагается, *теряютъ черезъ то всякое право на прежнія льготы и облегченія* (!). Съ другой стороны, въ виду существованія частной неподцензурной прессы, всѣ остальныя изданія, которыя будутъ выходить съ разрѣшенія цензуры, пріобрѣтаютъ характеръ спеціально одобряемыхъ правительствомъ изданій (sic?!), отвѣтственность за содержаніе коихъ падаетъ исключительно на правительственныхъ цензоровъ. При такомъ характерѣ большей части подцензурной литературы, въ ней не только не должно быть допускаемо прямого нарушенія законовъ, но и отстраняемо *все то, что противорѣчитъ правительственнымъ видамъ, цѣлямъ и взглядамъ*».

Или:

«Обращаясь затѣмъ въ частности къ разнымъ категоріямъ освобожденныхъ новымъ закономъ отъ цензуры изданій, необходимо при разсмотрѣніи ихъ *) руководствоваться слѣдующими соображеніями.

«Относительно повременныхъ изданій постоянно должно имѣть въ виду ихъ отличительное свойство непрерывныхъ проводниковъ впечатлѣній на публику. При наблюденіи за повременными изданіями цензоры обязаны прежде всего изучить господствующіе въ нихъ виды и оттѣнки направленія и, усвоивъ себѣ такимъ образомъ ключъ къ ближай-

*) Въ тѣ сроки, которые были установлены для такихъ изданій съ момента представленія ихъ въ цензуру типографіей и до момента выпуска цензурой въ свѣтъ

шему уразумѣнію содержанія каждаго изъ нихъ, разсматривать съ ясной точки зрѣнія отдѣльныя статьи журналовъ и газетъ. Всѣ тѣ нарушенія законовъ, которыя при *такомъ* наблюденіи окажутся сознательными со стороны редакціи, какъ бы средствомъ для поддержанія или уясненія въ глазахъ читателей предвзятаго направленія повременнаго изданія, должны быть постояннно заявляемы и строго преслѣдуемы, если сказанное направленіе есть въ какомъ-либо отношеніи вредное или противоправительственное. Если при этимъ не всякое нарушеніе закона можетъ быть формулировано съ достаточною для судебнаго преслѣдованія ясностью, *то оно во всякомъ случаѣ не должно быть предаваемо забвенію*, ибо масса подобныхъ нарушеній съ теченіемъ времени составитъ, наконецъ, основаніе для желательнаго судебнаго преслѣдованія» Etc., etc., etc.

Кромѣ того, Валуевъ обращалъ *особое* вниманіе цензоровъ на «самый характеръ каждаго изданія», на «прошедшее и личный составъ каждой редакціи» и на «обобщеніе или преувеличеніе частныхъ случаевъ административныхъ ошибокъ или злоупотребленій и на оскорбленія правительственныхъ мѣстъ и лицъ» *)...

Я не привелъ и десятой части этой необыкновенной инструкціи, но общее понятіе о приготовленіяхъ Валуева къ дню 1-го сентября болѣе или менѣе ясно. Для окончательной его обрисовки необходимо сказать о конфиденціальномъ письмѣ Валуева 29-го августа къ управляющему министерствомъ юстиціи, въ которомъ выражалась просьба не оставить министерство внутреннихъ дѣлъ безъ поддержки въ судѣ по дѣламъ о печати **)...

1-го сентября было торжественное открытіе главнаго управленія по дѣламъ печати. Новый законъ вошелъ въ силу.

VI.

Съ грустью приходится констатировать, что большая часть тогдашнихъ органовъ не поняла настоящаго значенія акта 6-го апрѣля. Славословіе во всѣхъ видахъ и формахъ было главнымъ мотивомъ даже обыкновенно вдумчивыхъ газетъ и журналовъ. Лишь незначительное меньшинство оцѣнило его по достоинству. Впереди всѣхъ былъ, конечно, «Современникъ», который, въ лицѣ и понынѣ здравствующаго М. А. Антоновича, встрѣтилъ свою собственную «безцензурность» замѣчательной статьей. «Что-то будетъ, что-то будетъ?!» такъ заканчивалъ талантливый публицистъ свою прекрасную отповѣдь по адресу Валуева.

Г. Антоновичъ такъ понималъ положеніе «безцензурныхъ» орга-

---

*) „Эпоха etc.“, 405—413.

**) Ibidem, 414—417.

новъ: «Представьте себѣ, читатель, что передъ вами недосягаемая пропасть, черезъ которую перекинута какая-то узкая и чрезвычайно неопредѣленная полоска, предназначенная для вашего перехода по ней; можетъ быть, она и сдержитъ васъ, а можетъ быть, она до такой степени хрупка, что сломается отъ перваго же шага по ней, или же она такъ узка и гибка, что при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ вы оборветесь и слетите въ пропасть. Согласитесь, что въ подобномъ положеніи позволительно сильное раздумье»...

Этому раздумью вполнѣ соотвѣтствовало и заглавіе статьи: «Надежды и опасенія»... Авторъ убѣжденъ, что новая «безцензурность» есть въ буквальномъ смыслѣ, освобожденіе слова, т.-е. освобожденіе слога, выраженій и оборотовъ; не больше. По его очень удачному опредѣленію, «безцензурное и цензурное изданіе—это два пассажира, ѣдущіе въ одномъ и томъ же поѣздѣ по желѣзной дорогѣ; они ѣдутъ одинаково скоро, въ одно время пріѣдутъ до мѣста, въ одинаковыхъ мѣстахъ останавливаются и во всѣхъ правахъ своихъ равноправны; но одинъ платитъ нѣсколько дороже, сидитъ въ вагонѣ перваго класса на мягкомъ диванѣ съ пружинами, другой же платитъ меньше и потому сидитъ во второмъ классѣ на диванѣ менѣе удобномъ, безъ пружинъ»...

Читатель понимаетъ, какой дальновидностью отличается статья г. Антоновича. Но я не исчерпалъ и двадцатой ея части. Приведу еще три желанія автора, вѣрнѣе—«Современника»:

«Во-первыхъ, мы желаемъ или просимъ, чтобы г. министръ внутреннихъ дѣлъ не былъ щедръ на предостереженія; чтобы они давались только въ необходимыхъ случаяхъ и только за то, что законъ признаетъ преступнымъ или предосудительнымъ, а не за все, что почему-нибудь не понравится администраціи, какъ дѣлается во Франціи».

«Во-вторыхъ, мы желаемъ и просимъ, чтобы администрація позволила періодическимъ изданіямъ извѣщать своихъ читателей о всѣхъ несчастныхъ случайностяхъ, могущихъ встрѣтиться въ судьбѣ этихъ изданій; чтобы, въ случаѣ задержки и конфискаціи какого-нибудь номера, было дозволено извѣщать читателей объ этомъ или черезъ другія изданія, или какими-нибудь печатными циркулярами; чтобы, однимъ словомъ, всѣ мѣры противъ того или другого органа прессы и всѣ наказанія ему получали возможно большую гласность для назиданія и урока всей прессѣ и для выгодъ самой администраціи».

«Наконецъ, въ-третьихъ, мы со всею русскою литературою жаждемъ и молимъ, чтобы точнѣе и положительнѣе были опредѣлены наши отношенія къ духовной цензурѣ» *)

Некрасовъ, въ свою очередь, выказалъ солидарность съ г. Антоновичемъ, написавъ главу своихъ «Пѣсенъ о свободномъ словѣ»—«Осто-

*) „Современникъ“ 1865 г., VIII.

рожность», не напечатанную въ «Современникѣ»; часть ея взята мною эпиграфомъ... Салтыковъ очень удачно выразилъ ту же мысль, отвѣчая уловляющему его Удаву: «У насъ все существуетъ, ваше превосходительство, только намъ не всегда это извѣстно. Я знаю, что многіе отрицаютъ существованіе свободы печати, но я не отрицаю» *).

VII.

21-го сентября было объявлено первое предостереженіе. Выпало оно на долю «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и даже наружно не было обставлено сколько-нибудь законно... Ясно было, что теперь посыплются, какъ изъ рога изобилія, десятки слѣдующихъ каръ и воздѣйствій.

Здѣсь нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ жизни сорокалѣтняго юбиляра. Она слишкомъ обширна и глубока, чтобы умѣститься въ предѣлахъ настоящей исторической справки. Я ограничусь лишь перечисленіемъ какъ всѣхъ наиболѣе важныхъ дополненій актовъ 6-го апрѣля 1865 года, такъ и принесенныхъ печатью жертвъ.

Первымъ если не дополненіемъ, то ужъ очень распространительнымъ толкованіемъ новаго закона нужно считать ту склонность налагать арестъ на непріятныя книги, которую главное управленіе стало проявлять съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ. Законъ былъ совершенно ясенъ: «Въ тѣхъ *чрезвычайныхъ* случаяхъ, когда, по *значительности* вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противозаконнаго сочиненія или повременнаго изданія, наложеніе ареста не можетъ быть отложено до судебнаго о семъ приговора, совѣту главнаго управленія и цензурнымъ комитетамъ предоставляется право немедленно останавливать выпускъ въ свѣтъ сего сочиненія, не иначе, впрочемъ, какъ начавъ *въ то же самое время* судебное преслѣдованіе противъ виновнаго» **). Что могло быть яснѣе, принимая во вниманіе, что лучшей редакціи «чрезвычайности» по русскому кодификаціонному обычаю и ждать было нечего?! Сплошь и рядомъ арестованныя книги были реабилитированы судомъ; а бывало, что, вопреки всякому смыслу закона, до суда даже и не доходили; просто подержать книгу съ полгода въ разныхъ канцелярскихъ перипетіяхъ и, по особому повелѣнію, сожгутъ...

Закрывъ «Современникъ» и «Русское Слово» и увидя, что редакціи ихъ хотѣли выпустить сборники, сейчасъ же поспѣшили провести черезъ государственный совѣтъ новый законъ 17-го октября 1866 года,

---

*) „За рубежомъ", пол. собр. соч., изд. 4-е, VIII, 428.

**) Ст. 147 по изд. 1890 г. Эта статья теперь совершенно забыта: все дѣлается только по ст. 149—153, о чемъ ниже.

въ силу котораго «редакціямъ и сотрудникамъ газетъ и журналовъ, подвергнутыхъ, вслѣдствіе троекратнаго предостереженія, временной пріостановкѣ, воспрещается, въ продолженіе такой пріостановки, издавать для подписчиковъ тѣхъ повременныхъ изданій, а равно выдавать имъ безплатно, или съ какою-либо платою, или по особой публикаціи, какое-либо, хотя и не повременное, но отъ имени тѣхъ же редакцій, изданіе, будетъ ли то съ участіемъ или безъ участія тѣхъ же сотрудниковъ» *).

Немного спустя, рѣшено было оградить достоинство цензурнаго вѣдомства отъ непріятностей, въ которыя оно попадало, благодаря не полной солидарности съ нимъ молодого суда. Каплей, переполнившей чашу терпѣнія, было оправданіе петербургскимъ окружнымъ судомъ Ю. Г. Жуковскаго и А. Н. Пыпина, преданныхъ ему за помѣщеніе вторымъ въ «Современникѣ» нашумѣвшей статьи перваго—«Вопросъ молодого поколѣнія»... Правда, палата, подъ воздѣйствіемъ небольшой, но характерной конфиденціальной переписки министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, отмѣнила приговоръ суда, но Валуева это не удовлетворило. 12-го декабря 1866 г. былъ изданъ законъ, передавшій значительную часть дѣлъ о проступкахъ печати изъ окружныхъ судовъ въ судебныя палаты,—мало того,—обязавшій прокуратуру возбуждать преслѣдованіе по первому требованію цензурнаго вѣдомства и предоставившій суду право наложенія ареста на любое изданіе до окончательнаго о немъ приговора...

Законъ этотъ очень любопытенъ, если принять во вниманіе основы судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года...

Черезъ полгода былъ опубликованъ законъ 13-го іюня 1867 г., который и до сихъ поръ не даетъ русскому обществу возможности знать всего, что дѣлается и говорится въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ. Всѣ постановленія этихъ собраній, отчеты объ нихъ, пренія и рѣчи,—все это можетъ быть печатаемо лишь съ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства **).

Спустя годъ, мы имѣли «временное» правило, предусмотрительно не проведенное черезъ государственный совѣтъ. Вступившій весною 1868 года на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ нашелъ очень незначительными свои права по репрессированію печати, и поль-

---

*) Статья 146 по изд. 1890 г. Положеніемъ комитета министровъ, высочайше утвержденнымъ 21-го января 1905 г.; статью эту министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено „пересмотрѣть въ видахъ временнаго измѣненія"...

**) Любопытно, что объ этой статьѣ (82-й) комитетъ министровъ теперь не высказался. Между тѣмъ на ея почвѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Россійское телеграфное агентство предписало своимъ агентамъ не иначе посылать телеграммы, содержащія свѣдѣнія о такихъ собраніяхъ, какъ съ письменнаго разрѣшенія ихъ губернаторами...

зуясь наступившими вакаціями государственнаго совѣта, онъ внесъ въ комитетъ министровъ представленіе о разрѣшеніи министру внутреннихъ дѣлъ запрещать розничную продажу газетъ, сопровождаемую якобы иногда уличными безпорядками. Комитетъ министровъ согласился съ Тимашевымъ, хотя вскользь далъ понять, что, пожалуй, лучше бы было не обходить совѣта... Положеніе комитета 14-го іюня 1868 г. имѣетъ серьезное значеніе и своей чисто формальной стороной: съ легкой руки Тимашева почти всѣ ограниченія русской печати пошли уже мимо государственнаго совѣта. Что же касается его сущности, то оригинально, что съ того самаго дня и до нашего времени положеніе комитета министровъ, вошедшее въ ст. 178 устава, понималось министромъ внутреннихъ дѣлъ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Статья гласила и гласитъ: «министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется указывать мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ онымъ дозволеній на розничную продажу на улицахъ, площадяхъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ и торговыхъ заведеніяхъ разнаго рода дозволенныхъ книгъ и повременныхъ изданій отдѣльными нумерами, тѣ періодическія изданія и отдѣльныя брошюры, которыя не должны быть допущены въ розничной продажѣ». Ясно, слѣдовательно, что воспрещеніе розничной продажи можетъ быть воспрещено только тѣмъ лицамъ, которыя, согласно ст. 177, должны получать отъ полиціи дозволеніе на продажу вообще. Иначе говоря, ни конторъ редакцій, ни книжныхъ магазиновъ и кабинетовъ для чтенія это не касается и воспрещать имъ торговать нумерами какой бы то ни было газеты ни одинъ министръ не имѣлъ никакого права. Но такъ статья 178 толкуется только съ 21-го января 1905 года, согласно высочайше утвержденному положенію комитета министровъ *). А до сихъ поръ, т.-е. въ теченіе 36 лѣтъ, она понималась совершенно иначе: *никто* и *нигдѣ* не могъ производить розничную торговлю запрещенною для этого газетою.

Въ 1869 году была учреждена особая коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати, подъ предсѣдательствомъ кн. С. Н. Урусова, получила довольно безнадежный личный составъ, напечатала очень цѣнные «Матеріалы», издала даже свои труды, но... кончила, конечно, какъ и всѣ россійскія комиссіи... Говорили, что продолженію ея работъ помѣшало усилившееся тогда общественное движеніе и цѣлый рядъ политическихъ процессовъ, но въ точности причина неизвѣстиа.

То же революціонное движеніе побудило Тимашева войти въ государственный совѣтъ (неизвѣстно, почему не въ комитетъ министровъ)

---

*) Настоящее толкованіе положенію 14-го іюня 1868 г. давалъ уже неоднократно г. Розенбергъ; см. его статьи въ книгѣ: „Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ“, М., 1905 г., стр. 130, 189.

съ представленіемъ о дополненіи и измѣненіи статей закона, касающихся «безцензурныхъ» изданій. Изъ представленныхъ государственному совѣту данныхъ было якобы видно, что въ 1868—72 гг. «на ряду со многими полезными произведеніями печати неоднократно были случаи изданія безцензурныхъ сочиненій, наполненныхъ самыми опасными лжеученіями, стремящимися ниспровергнуть священныя истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго общественнаго порядка. Весьма часто въ такихъ сочиненіяхъ не усматривается прямого нарушенія какой-либо статьи карательнаго закона и потому они распространяются безпрепятственно. Между тѣмъ, достовѣрными свѣдѣніями доказывается, что во многихъ случаяхъ изданіе ихъ имѣетъ спеціальною цѣлью распространять лжеученія между учащеюся молодежью и, въ этихъ видахъ, нѣкоторыя книги, которымъ назначается довольно высокая цѣна для продажи въ книжныхъ лавкахъ, уступаются издателями за треть или за четверть стоимости въ значительномъ числѣ экземпляровъ, для разсылки въ университеты и гимназіи или для раздачи лицамъ, посвятившимъ себя распространенію вредныхъ ученій. Подъ вліяніемъ такой пропаганды многіе молодые люди впадали въ пагубныя заблужденія и иногда вовлекались въ поступки, вынуждавшіе принятіе противъ нихъ мѣръ, тягостныхъ для нихъ и для ихъ семействъ» *).

Въ результатѣ такого мнѣнія государственнаго совѣта, утвержденнаго 7-го іюня 1872 года, мы и имѣемъ новыя 149—153 статьи устава о цензурѣ по изд. 1890 г. и измѣненіе въ старыхъ ст. 137 и 143.

Было постановлено, что «если распространеніе освобожденной отъ предварительной цензуры книги или номера повременнаго изданія, выходящаго безъ цензуры рѣже одного раза въ недѣлю, министромъ внутреннихъ дѣлъ принято будетъ особенно вреднымъ, то онъ можетъ, сдѣлавъ распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія, представить о воспрещеніи выпуска онаго въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ», который, согласно ст. 100 и 113 своего учрежденія, не проситъ о высочайшемъ утвержденіи своего положенія **). Далѣе, «если въ задержан-

*) „Правит. Вѣстникъ" 1872 г., № 153.

**) Согласно положенію комитета министровъ, высоч. утвержд. 21-го января 1905 г., установлено, впредь до общаго пересмотра законовъ о печати, правило, „чтобы представляемыя въ комитетъ министровъ для запрещенія книги, предварительно разсмотрѣнія ихъ комитетомъ, препровождались для отзыва въ Императорскую Академію Наукъ, а по предметамъ, по коимъ въ Академіи не имѣется соотвѣтствующихъ спеціалистовъ, въ иныя ученыя коллегіи". Извѣстно, что состоявшееся въ концѣ февраля общее собраніе академиковъ, заслушавъ записки И. И. Янжула, Ф. Ѳ. Фартунатова, единогласно постановило просить президента академіи повергнуть на высочайшее благовоззрѣніе ходатайство академіи объ освобожденіи ея отъ новыхъ обязанностей, исполненіе которыхъ она полагаетъ несовмѣстнымъ съ ея достоинствомъ.

номъ сочиненіи или номерѣ повременнаго изданія усматривается преступленіе, то, независимо отъ задержанія экземпляровъ подобныхъ изданій, *можетъ быть* возбуждено судебное преслѣдованіе виновныхъ общеустановленнымъ въ законѣ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ подлежитъ собственно *вопросъ объ отвѣтственности обвиняемыхъ*».

Для каждаго ясно, что эти двѣ статьи (149 и 151) совершенно уничтожали статью 147 объ обязательности начатія судебнаго преслѣдованія, о чемъ я говорилъ уже немного выше... Впрочемъ, законодатель, чувствуя явное противорѣчіе этихъ статей прежней ст. 147-й, ввелъ еще статью 152 «Порядокъ пріостановки выпуска въ свѣтъ произведеній печати, указанный въ ст. 147, сохраняется въ силѣ въ отношеніи ко всѣмъ тѣмъ сочиненіямъ и изданіямъ, къ которымъ министръ внутреннихъ дѣлъ не признаетъ нужнымъ примѣнить правила, изложенныя въ статьяхъ 149—151». Но каждый понимаетъ, что это все «лишь звукъ пустой». Къ чему особыя права на случай *чрезвычайности*, когда имѣются гораздо болѣе широкія на *всякій* случай?..

Что касается измѣненія ст. 137 и 143, то оно состояло въ увеличеніи сроковъ, которые повременное изданіе или книга, выходящія безъ предварительной цензуры, должны пробытьвъ цензурѣ; теперь они были вдвое увеличены: для газетъ и журналовъ до 4 сутокъ, для книгъ—до 7. Разумѣется, получалась и большая возможность задержанія...

И дѣйствительно, съ 1872 года число изданій, совершенно уничтоженныхъ, очень велико. *).

Въ слѣдующемъ, 1873 году Тимашевъ вошелъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ, въ которомъ находилъ необходимымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ право... ни больше, ни меньше, какъ устранять редакторовъ за обнародованіе того, что имъ воспрещалось печатать особыми каждый разъ высочайшими повелѣніями, и за неоткрытіе фамилій авторовъ такихъ произведеній. Но комитетъ не нашелъ возможнымъ обсуждать этотъ вопросъ, и дѣло было передано въ государственный совѣтъ. Тамъ оно приняло иную физіономію и кончилось, согласно высочайше утвержденному 16-го іюня мнѣнію, введеніемъ двухъ новыхъ статей: 140 и 156.

«Если, по соображеніямъ *высшаго правительства*, *найдено будетъ неудобнымъ* оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе *нѣко-*

---

*) Желающимъ ознакомиться со спискомъ ихъ, правда, неполнымъ и не всегда точнымъ, можно рекомендовать статью В. Богучарскаго въ словарѣ Брокгаузъ и Ефрона—„Цензурныя взысканія“ (п. 75), перепечатанную и въ его книгѣ: „Изъ прошлаго русскаго общества“, Спб. 1904 г. Это единственный пока источникъ доступный для широкой публики. И онъ стоитъ серьезнаго вниманія читателя...

тораго времени, какого-либо вопроса *государственной важности*, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій *поставляются о томъ въ извѣстность* чрезъ Главное Управленіе по дѣламъ печати, *по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ*».

Казалось бы, несмотря на серьезные кодификаціонные недочеты, статья все-таки ясная: изъятія дѣлаетъ высшее правительство, а сообщаетъ о нихъ печать черезъ министра. Она тѣмъ болѣе не допускаетъ двухъ толкованій, если ознакомиться со словами рекомендовавшаго ее государственнаго совѣта:

«Изданіемъ этого постановленія, созидающаго законную основу для распоряженій, неизбѣжно вызываемыхъ иногда *высшими интересами государства*, нисколько не стѣсняются тѣ предѣлы, въ которыхъ донынѣ предоставлялось печати обсуждать политическіе и общественные вопросы. Новое постановленіе, по своему разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ *чрезвычайно рѣдкихъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что органы печати, правильно понимающіе призваніе свое служить пользамъ отечества, и сами собою, безъ всякаго понужденія, подчинялись бы въ сихъ обстоятельствахъ приглашенію правительства. Посему особое о семъ правило и взысканіе за неисполненіе онаго можетъ относиться лишь къ тѣмъ *совершенно исключительнымъ*, однако, какъ показываетъ опытъ, возможнымъ случаямъ, когда одно чувство долга и нравственной отвѣтственности не удержитъ отъ опасной по своимъ послѣдствіямъ нескромности» *).

На самомъ же дѣлѣ, съ того дня и до сихъ поръ дѣло понимается совершенно иначе: по соображеніямъ одного министра внутреннихъ дѣлъ, а не высшаго правительства, изъ обсужденія печати исключались такіе вопросы, а часто и просто факты, которые не имѣли ни малѣйшаго сходства съ вопросами высшей государственной важности. Достаточно сказать, что съ 1873 и до 1895 г. такихъ циркулярныхъ изъятій было свыше 200... Нѣкоторыя изъ нихъ прямо удивительны: не перепечатывать изъ «Указателя по дѣламъ печати» заглавія книгъ, запрещенныхъ иностранною цензурою (30-го апрѣля 1874 г.); воспрещается печатаніе статей противъ академіи художествъ въ возникшей полемикѣ по поводу отказа художника Верещагина отъ званія профессора (21-го октября 1874 г.); не печатать никакихъ статей по поводу самоубійства Порфирія Ламанскаго (31-го января 1875 г.); воспрещается печатать какія-либо статьи о городскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ (27-го апрѣля 1889 г.); ничего не говорить о растратѣ земскихъ суммъ въ Калужской губерніи (26-го января 1890 г.) etc, etc, etc

Приведенная выше ст. 140 требовала, конечно, соотвѣтствующаго

*) Сбор. указ. и распор. прав. 1873 г., № 754.

возмездія за ея невыполненіе печатью и потому ст. 156 министру предоставлялось и предоставляется пріостанавливать выпускъ въ свѣтъ ослушника на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

19 апрѣля 1874 года утверждено Положеніе комитета министровъ, ставшее примѣчаніемъ къ ст. 167 по изд. 1890 года: «изданіе считается отпечатаннымъ лишь по совершенномъ изготовленіи заказаннаго издателемъ числа экземпляровъ, съ разборомъ притомъ типографскаго набора; изданія же, представляемыя въ мѣстные цензурные комитеты до окончательнаго отпечатанія оныхъ и до разбора типографскаго набора, разсматриваются какъ доставленныя на разсмотрѣніе предварительной цензуры наравнѣ съ изданіями представляемыми для сего въ рукописяхъ или корректурныхъ листкахъ».

Суть этого стѣсненія не сразу, пожалуй, понятна неискусившемуся въ цензурномъ языкѣ читателю. Она состояла въ желаніи заставить издателей не брать изданій рискованныхъ, потому что грозила большими убытками, которые получались даже при хорошемъ исходѣ, когда главное управленіе предлагало, не уничтожая всей книги, перепечатать нѣкоторыя страницы: издатель вторично тратился на бумагу, типографію, брошюровку и т. д.

5-го сентября 1879 г. было утверждено положеніе комитета министровъ о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ права прекращать помѣщеніе въ повременныхъ изданіяхъ частныхъ объявленій на время отъ 2 до 8 мѣсяцевъ *).

Въ сентябрѣ 1880 г., вступившій на постъ министра гр. Лорисъ-Меликовъ пригласилъ редакторовъ петербургскихъ газетъ и журналовъ и объявилъ имъ о расположеніи правительства къ большей свободѣ печати, но лишь при условіи не волновать общество мечтаніями... Наступила короткая пауза въ политикѣ широкаго притѣсненія... Больше того: вскорѣ была учреждена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ гр. Валуева, для обсужденія все того же цензурнаго устава... И все это рухнуло...

Въ 1881 г. генералъ-губернаторомъ и главноначальствующимъ, при положеніи чрезвычайной охраны, предоставлено право пріостановлять періодическія изданія на все время чрезвычайнаго положенія. А съ мая 1882 г. сталъ «стараться» графъ Д. А. Толстой и преподнесъ русской печати утвержденное 27-го августа 1882 г. положеніе комитета министровъ. Во-первыхъ, новая ст. 136 (по изд. 1890 г.) гласила: «Редакціи повременныхъ изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, обязываются, по требованію министра внутреннихъ дѣлъ,

*) По утвержденному 21-го января 1905 г. положенію комитета министровъ право это отмѣнено. Странно, что гг. Арсеньевъ (стр. 98 его книги: „Законодательство о печати") и Розенбергъ (стр. 132—133 книги „Русская печать и цензура etc.") не знаютъ о положеніи 5-го сентября 1879 г., вылившемся въ ст. 155 по изд. 1890 г.

сообщать званія, имена и фамиліи авторовъ статей, печатаемыхъ въ упомянутыхъ изданіяхъ» *).

Вторая мѣра вошла въ законъ въ видѣ примѣчанія къ ст. 144: «редакціи выходящихъ въ свѣтъ не менѣе одного раза въ недѣлю повременныхъ изданій (не исключая арендуемыхъ у правительственныхъ и ученыхъ учрежденій), вызвавшихъ третье предостереженіе, обязываются, по истеченіи срока пріостановки и по возобновленіи, представлять нумера ихъ для просмотра въ цензурные комитеты не позже 11 час. вечера, наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ, причемъ цензорамъ предоставляется право, въ случаяхъ усматриваемаго ими значительнаго вреда отъ распространенія такого повременнаго изданія, пріостанавливать выходъ его въ свѣтъ, *не возбуждая судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ*. Порядокъ представленія таковыхъ повременныхъ изданій въ цензуру для просмотра, а также срочность или безсрочность сего обязательства установляются по ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ».

А третья вылилась въ примѣчаніе къ ст. 148: «Вопросы о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій (не исключая и арендуемыхъ у правительственныхъ и ученыхъ учрежденій), выходящихъ какъ подъ предварительной цензурою, такъ и безъ нея, или о пріостановкѣ ихъ безъ опредѣленія срока ея, *съ воспрещеніемъ редакторамъ и издателямъ оныхъ быть впослѣдствіи редакторами или издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій*, предоставляются совокупному обсужденію и разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора св. синода, при участіи сверхъ того и тѣхъ министровъ или главноуправляющихъ отдѣльными частями, коими возбуждаются подобные вопросы. Порядокъ рѣшенія такихъ дѣлъ подчиняется общимъ для коллегіальныхъ учрежденій основаніямъ» **).

5 января 1884 года, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ ему предоставлено право запрещать публичнымъ библіотекамъ выдавать для чтенія тѣ книги, которыя онъ найдетъ вредными... Получилась еще особая цензура, держащаяся и до сихъ поръ.

Затѣмъ слѣдовалъ довольно большой промежутокъ, когда ничего особенно новаго въ области стѣсненія слова сдѣлано не было: просто ужъ нечего было, казалось, прибавлять. И лишь въ 1897 году, 28-го

---

*) Высочайше утвержденнымъ 21-го января 1905 г. положеніемъ комитета министровъ постановлено, что министромъ внутреннихъ дѣлъ предъявляются требованія редакціямъ газетъ и журналовъ о сообщеніи фамилій авторовъ помѣщенныхъ статей въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагается возбудить противъ автора статьи уголовное преслѣдованіе, или же когда министръ признаетъ сіе необходимымъ по соображеніямъ особой государственной безопасности.

**) Согласно высоч. утвержд. 21-го января 1905 г. положенію комитета министровъ, оба эти примѣчанія министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено пересмотрѣть въ видахъ временнаго измѣненія

марта, получило утвержденіе положеніе комитета министровъ объ измѣненіи порядка перехода періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому (ст. 122): требовалось уже не простое заявленіе о *совершившемся* переходѣ, а просьба разрѣшить его *).

7-го августа 1898 г. авторъ вышеприведенныхъ мѣръ, И. Г. Горемыкинъ, сдѣлалъ и еще одно важное распоряженіе по цензурѣ— руководствоваться при опредѣленіи величины печатнаго листа не длиною и шириною страницъ, а количествомъ буквъ, и предложилъ считать листъ измѣренія «безцензурности» въ 33.000 буквъ, что втрое превышало норму, установленную дѣйствовавшими 30 лѣтъ правилами 18-го мая 1867 года. Къ великому недоумѣнію россіянъ, это распоряженіе было сравнительно скоро отмѣнено, какъ и другое, въ силу котораго сборники статей не подлежали обыкновенной нормѣ «безцензурности»...

Въ 1901 г. произошло событіе, не имѣвшее себѣ подобныхъ съ 1865 года и не мало удивившее печать, привыкшую исключительно къ ограниченію своихъ правъ и преимуществъ. 4-го іюня было утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о срочности предостереженій; такъ, первое предостереженіе сохраняетъ свою силу въ теченіе года со дня его объявленія, если за это время не будетъ дано второе; если же въ теченіе года изданіе получитъ два предостереженія, то они остаются въ силѣ два года со времени объявленія второго, если за это время не будетъ дано третьяго. По истеченіи этихъ сроковъ изданіе освобождается отъ прежнихъ предостереженій и счетъ ихъ начинается снова съ перваго.

Вотъ бѣглый перечень главнѣйшихъ измѣненій въ положеніи печати съ 1865 года. Какъ видитъ читатель, недостатка въ ихъ размѣрахъ и количествѣ не было **).

Теперь мнѣ остается такъ же бѣгло просмотрѣть «журналъ взысканій» русской печати, предупредивъ читателя, что въ немъ масса любопытнаго, требующаго совершенно особаго изслѣдованія.

VIII.

Съ 21-го сентября 1865 года и по 1-е декабря 1904 года общее число административныхъ взысканій равняется 715 ***). Для лучшаго

*) Высоч. утвержд. 21-го января 1905 года положеніемъ комитета министровъ сила ст. 122 возстановлена.

**) Желающихъ ознакомиться подробнѣе и основательнѣе съ жизнью цензурнаго устава послѣ 1865 года отсылаю къ книгѣ К. К. Арсеньева „Законодательство о печати“, Спб. 1903 г. Кое-какія ошибки автора, не спеціалиста по исторіи русской цензуры и журналистики, не умаляютъ значенія этой работы для широкой публики.

***) Въ этой главѣ я предпочитаю оперировать съ цифрами и данными, заимствуемыми изъ статьи В. А. Розенберга (въ книгѣ „Русская печать и цен-

сравненія и болѣе выпуклаго представленія грандіозности этой колоссальной цифры нечеловѣческихъ страданій, прибавлю, что въ 1865 г. у насъ было изданій политическихъ, общественныхъ и литературныхъ 65, а въ 1900 г.—214 *).

По пятилѣтіямъ всѣ взысканія распредѣляются такъ **):

Годы.	Число.
1865—1869	60
1870—1884	103
1875—1879	164
1880—1884	94
1885—1889	60
1890—1894	48
1895—1899	101
1900—1904	82

Конечно, больше всего приходится на долю предостереженій: ихъ объявлено 280 семидесяти изданіямъ ***):

Годы.	Число.
1865—1869	46
1870—1874	54
1875—1879	71
1880—1884	41
1885—1889	13
1890—1894	8
1895—1899	27
1900—1904	20

Наибольшее число предостереженій получили:

«Голосъ»	20
«Недѣля»	16
«С.-Петербургскія Вѣдомости»	12
«Русское Обозрѣніе»	11
«Гражданинъ»	10
«Новое Время»	9

зура etc)", несмотря на неполную ея безошибочность: для нашихъ выводовъ и итоговъ не имѣютъ значенія незначительныя ошибки хорошо сведенной работы. Къ этой статьѣ г. Розенберга я отсылаю читателя, если онъ интересуется деталями.

*) Лисовскій,—Періодическая печать въ Россіи", Спб. 1903 г.

**) Для лучшаго сужденія читателя сообщаю порядокъ министровъ внутреннихъ дѣлъ: гр. П. А. Валуевъ (1865 — 1868 г.), А. Е. Тимашевъ (1868 — 1878 г.), Л. С. Маковъ (1878—1880 г.), гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ (1880—1881 г.), гр. Н. П. Игнатьевъ (1881—1882 г.), гр. Д. А. Толстой (1882—1889 г.), И. Н. Дурново (1889—1895 г.), И. Г. Горемыкинъ (1895—1899 г.), Д. С. Сипягинъ (1899—1902 г.), В. К. фонъ-Плеве (1902—1904 г.), кн. Д. П. Святополкъ-Мирскій (1904—1905 г.).

***) Въ 1866, 1872, 1877 и 1901 годахъ всѣ предостереженія слагались по высочайшимъ повелѣніямъ.

«Московскія Вѣдомости»	8
«Восходъ»	7
«Хозяинъ»	6

Второе мѣсто занимаетъ воспрещеніе розничной продажи: 218 разъ по отношенію къ 71 изданію:

Годы.	Число.
1870—1874	34
1875—1879	58
1880—1884	26
1885—1889	21
1890—1894	22
1895—1899	31
1900—1904	26

Чаще другихъ не продавались:

«Голосъ»	18 разъ
«С.-Петербургскія Вѣдомости»	15 »
«Новое Время»	13 »
«Русскія Вѣдомости»	12 »

Любопытно, что, благодаря отсутствію указанія максимума срока запрещенія розничной продажи, «Петербургскій Листокъ» не продавался съ 4-го апрѣля 1871 года по 21-ое апрѣля 1876 года!..

Временная пріостановка періодическихъ изданій была объявлена 153 раза 100 изданіямъ:

по 1 разу	66 изданіямъ.
» 2 »	23 »
» 3 »	6 »
» 4 »	3 »
» 5 »	1 («Гражданинъ»)
» 6 »	1 («Голосъ»)

при этомъ 64 пріостановки были результатомъ третьихъ предостереженій, 23—карою за несоблюденіе статьи 140-й, и въ 66 случаяхъ пріостановлены подцензурныя изданія.

Вотъ еще одна варіація этихъ цифръ:

Годы.	1-й случай.	2-й случай.	3-й случай.
1865—1869	10	—	—
1870—1874	13	1	—
1875—1879	18	9	3
1880—1884	8	6	5
1885—1889	4	4	7
1890—1894	1	—	9
1895—1899	7	—	22
1900—1904	3	3	20
	64	23	66

Запрещеніе печатанія частныхъ объявленій было сдѣлано 31 разъ 25-ти изданіямъ:

1875—1879	1
1880—1884	3
1885—1889	6
1890—1894	6
1890—1899	10
1900—1904	5

Наконецъ, объ изданіяхъ, закрытыхъ навсегда.
Ихъ 27:

по Высочайшему повелѣнію:		
«Современникъ»	Спб.	1866
«Русское Слово»	Спб.	1866
«Москвичъ»	М.	1868
«Кіевскій Телеграфъ»	Кіевъ	1877
«Собесѣдникъ»	Спб.	1877
«Сѣверный Вѣстникъ»	Спб.	1878
по рѣшенію сената (ст. 148):		
«Москва»	М.	1868
«Русское Обозрѣніе»	Спб.	1878
на основаніи примѣчанія къ ст. 148:		
«Московскій Телеграфъ»	М.	1883
«Отечественныя Записки»	Спб.	1884
«Здоровье»	Спб.	1885
«Свѣточъ»	М.	1885
«Дроэба»	Тиф.	1885
«Заря»	Кіевъ	1886
«Сибирская Газета»	Томскъ	1889
«Русская Жизнь»	Спб.	1895
«Новое Слово»	Спб.	1897
«Ардзагангъ»		1898
«Начало»	Спб.	1899
«Русскій Трудъ»	Спб.	1899
«Сѣверный Курьеръ»	Спб.	1900
«Жизнь»	Спб.	1901
«Россія»	Спб.	1902
«Русская Земля»	Спб.	1904
«Квали»	Спб.	1904
генералъ-губернаторами:		
«Правда»	Од.	1880
«Фаланга»	Тиф.	1881

Не считаются *прекращенными*, но, конечно, должно считать *поневолѣ прекратившимися*, во-первыхъ:

«Голосъ» 1882
«Страну» 1883
«Востокъ» 1884
«Русское Дѣло» 1889
«Русскій Курьеръ» 1889
«Русь» 1898
«Сибирь» 1898,

потому что всѣ эти безцензурныя газеты должны были при возобновленіи, на основаніи примѣчанія къ ст. 144, подвергнуться предварительной и, разумѣется, особенно бы къ нимъ придирчивой цензурѣ. Во-вторыхъ, сюда же надо отнести, напримѣръ:

«Волгу» 1884
«Донскую Газету» 1879
«Донской Голосъ» 1883

Эти органы прекратились въ виду полной невозможности продолжать издаваться при переносѣ цензуры иногда очень далеко отъ мѣста ихъ изданія; такъ, цензура «Волги» изъ Саратова была перенесена въ «Москву», туда же перенесена была цензура «Донской Газеты» и «Донского Голоса» изъ Новочеркасска *)...

Не упоминая о другихъ карахъ, сочинявшихся иногда спеціально лишь для даннаго изданія, я думаю, небезынтересно закончить эту главу двумя таблицами, которыя бы лучше многихъ словъ помогли оріентироваться въ значеніи всѣхъ вышеприведенныхъ цифръ.

Проценты къ общему числу административныхъ взысканій, принятыхъ въ *пятилѣтія*

ГОДА.	Предостер.	Воспрещен. разн. прод.	Временная пріостановка.	Воспрещен. част. объяв.	Особыя кары.	Совершенное прекращеніе.	
1865—69	76,6	—	16,7	—	—	6,7	100
1870—74	52,4	33	13,6	—	1,0	—	100
1875—79	43,3	35,3	18,3	0,6	—	2,5	100
1880—84	43,6	27,7	20,2	3,2	—	5,3	100
1885—89	21,6	35,0	25,0	10,0	—	8,4	100
1890—94	16,6	45,8	20,8	12,5	4,3	—	100
1895—99	26,7	30,7	28,7	9,9	—	4,0	100
1900—904	24,1	31,3	31,3	6,6	—	6,7	100

*) Г. Розенбергъ эти изданія упустилъ изъ виду, а ихъ больше, чѣмъ я перечислилъ.

Проценты къ общему числу административныхъ взысканій, принятыхъ въ теченіе *сорока лѣтъ*.

ГОДА.	Предостер.	Воспрещен. разн. прод.	Временная пріостановка.	Воспрещен. част. объяв.	Совершен. запрещеніе.	Всѣ кары.
1865— 69.	16,4	—	6,5	—	14,9	8,4
1870— 74.	19,3	15,6	9,2	—	—	14,4
1875— 79.	25,2	26,6	19,6	3,2	14,8	23,0
1880— 84.	14,7	11,9	12,4	9,7	18,5	13,3
1885— 89.	4,7	9,7	9,8	18,3	18,5	8.4
1890— 94.	2,8	10,1	6,5	18,3	—	6,8
1895— 99.	9,7	14,2	19,0	32,3	14,8	14,3
1900—904.	7,1	11,9	17,0	18,2	18,5	11,4
	100	100	100	100	100	100

Итакъ, вотъ къ чему привела «великая» реформа 1865 года, сдобренная позднѣйшимъ законодательствомъ и циркулярной литературой и смѣшанная съ уставомъ 1828 года и съ временными правилами 12-го мая 1862 года... Результаты слишкомъ выпуклы и ясны, чтобы о нихъ еще распространяться. Русское общество ясно видитъ крайне ненормальное положеніе, въ которое поставлена его печать, и потому должно столь же ясно сознавать, что безъ коренныхъ реформъ нашей жизни невозможны коренныя реформы въ положеніи печати. Послѣднее всегда было и будетъ плотью отъ плоти всего уклада жизни, яркимъ и простымъ показателемъ направленія всей общей политики. Общество должно проникнуться твердымъ сознаніемъ, что пока, по выраженію И. С. Аксакова, статьей 1-й, главы 1-й, раздѣла 1-го, тома I-го свода россійскихъ законовъ не будетъ стоять: «Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской имперіи, безъ различія званія и состоянія»—до тѣхъ поръ никакія коммиссіи и особыя совѣщанія не принесутъ никакихъ сколько-нибудь существенныхъ улучшеній.

Мих. Лемке.

САПСАНЪ.

(Поэма).

Въ поляхъ, далеко отъ усадьбы,
Зимуетъ просяной ометъ.
Тамъ табунятся волчьи свадьбы,
Тамъ клочья шерсти и пометъ.
Воловьи ребра у дороги
Торчатъ въ снѣгу—и спалъ на нихъ
Сапсанъ, стервятникъ космоногій,
Готовый взвиться каждый мигъ.

Я застрѣлилъ его. А это—
Грозитъ бѣдой. И вотъ ко мнѣ
Сталъ волкъ ходить. Онъ до разсвѣта
Вкругъ дома бродитъ при лунѣ.
Я не видалъ его. Я слышалъ
Лишь хрустъ шаговъ... Но спать не въ мочь.
На третью ночь я въ поле вышелъ...
О, какъ была печальна ночь!

Когтистый слѣдъ въ снѣгу глубокомъ
Въ глухія степи велъ съ гумна.
На небѣ мглистомъ и высокомъ
Плыла полночная луна.
За валомъ, надъ привадой въ ямѣ,
Сѣро маячила ветла.
Даль надъ пустынными полями
Была таинственно-свѣтла.

Облитый этимъ страннымъ свѣтомъ,
Подавленъ мертвой тишиной,
Я сталъ—и блѣднымъ силуэтомъ
Упала тѣнь моя за мной.
По небесамъ, въ туманной мути,
Сіяя, лунный ликъ нырялъ
И серебристымъ блескомъ ртути
Слюду по насту озарялъ.

Кто былъ онъ, этотъ полуночный
Незримый гость? Откуда онъ
Ко мнѣ приходитъ въ часъ урочный
Черезъ сугробы подъ балконъ?
Иль онъ узналъ, что я тоскую,
Что я одинъ? Что въ домъ ко мнѣ
Лишь снѣгъ да небо въ ночь глухую
Глядятъ изъ сада при лунѣ?

Быть можетъ, онъ сегодня слышалъ,
Какъ я, покинувъ кабинетъ,
Къ дверямъ балкона, въ залу вышелъ,
Гдѣ въ сумракѣ мерцалъ паркетъ,
Гдѣ въ окна небеса синѣли,
А въ синемъ небѣ четко всталъ
Чернозеленый конусъ ели
И острый Сиріусъ блисталъ?

Теперь луна была въ зенитѣ,
На небѣ плылъ густой туманъ...
Я ждалъ его,—я шелъ къ ракитѣ
По насту снѣговыхъ полянъ,
Я шелъ убить, я слушалъ чутко
Малѣйшій звукъ... Но отчего
Мнѣ было въ эту ночь такъ жутко
И за себя, и за него?

Онъ былъ мой врагъ, мы оба ждали
Смертельной встрѣчи. Ужъ не разъ
Мы другъ за другомъ наблюдали
Въ глухую ночь, въ полночный часъ.
Въ безмолвьи, на равнинѣ дикой,
Мы оба знали, что живемъ
Ея таинственной, великой
Зловѣщей чуткостью—вдвоемъ.

Но эта тишина пугала,
Въ ней крылось колдовство Судьбы...
И не она-ль подстерегала?
Она, она! А мы—рабы,
И оба одиноки въ полѣ,
И оба жалки... И одной
Обречены печальной долѣ:
Стеречь другъ друга въ часъ ночной.

Затерянный въ степи безбрежной,
Онъ въ эту полночь гдѣ-нибудь
Держалъ среди равнины снѣжной
Свой вѣчный безотрадный путь.
А я? Я тоже вѣчный странникъ;
Я, какъ и онъ,—въ добрѣ и злѣ
Какой-то темной силы данникъ,—
Живу скитальцемъ на землѣ....

И все же только мѣткость пули
Одна могла спасти меня...
И если-бъ предо мной блеснули
Два фіолетовыхъ огня,
И если-бъ врагъ мой отъ привады
Внезапно прянулъ на сугробъ,—
Я-бъ изъ винтовки безъ пощады
Пробилъ его широкій лобъ!..

Но онъ не шелъ. Луна скрывалась,
Луна сіяла сквозь туманъ,
Бѣжала мгла... И мнѣ казалось,
Что на снѣгу сидитъ Сапсанъ.
Морозный иней, какъ алмазы,
Сверкалъ на немъ, а онъ дремалъ,
Сѣдой, зобастый, круглоглазый,
И въ крылья голову вжималъ.

И былъ онъ страшенъ, непонятенъ,
Таинственненъ, какъ этотъ бѣгъ
Туманной мглы и свѣтлыхъ пятенъ,
Порою озарявшихъ снѣгъ,—
Какъ воплотившаяся сила
Той Воли, что въ полночный часъ
Насъ страхомъ всѣхъ соединила—
И сдѣлала врагами насъ

Онъ умерщвленъ. Но онъ—эмблема
Той дикой жизни, тѣхъ степей,
Гдѣ эта грубая поэма
Слагалася въ душѣ моей.
Онъ умерщвленъ. Но нѣтъ прощенья
За смерть его, сказалъ башкиръ:
Онъ геній зла, онъ демонъ Мщенья,
Онъ дьяволъ, покорившій міръ!

Иванъ Бунинъ.

ПЕРЕДЪ ПОХОДОМЪ.

Капитанъ Яблоновскій неуклюже разставилъ ноги, опустилъ голову и остановился посреди комнаты. Верхняя часть длиннаго мундира тѣсно обхватывала его грудь, отчего изъ-подъ нижней части выпуклость большого живота выдавалась впередъ, какъ у беременной женщины. Толстыя ноги капитана, безъ изгибовъ и очертаній, выходили изъ-подъ мундира, расширяясь и тупо упираясь въ полъ носками прямо впередъ.

— Ты напрасно все это... Рота держала себя хорошо,—медленно произнесъ капитанъ.—Да, ты напрасно... Ты всегда ищешь, къ чему бы придраться...—Капитанъ поверхъ очковъ посмотрѣлъ на свою жену, Варвару Михайловну. И когда онъ посматривалъ такимъ образомъ, его большіе на выкатѣ глаза казались двумя круглыми безцвѣтными пятнами.

Варвара Михайловна отвернулась, чтобы не видѣть этихъ глазъ. Они были непріятны ей еще, когда она выходила замужъ, а теперь... они уже глубоко противны ей. Они дышатъ на нее чѣмъ-то холоднымъ, чуждымъ и безцвѣтнымъ, какъ все его лицо, какъ вся его жизнь.

— Да, ты напрасно, напрасно...—медленно повторялъ сиплымъ басомъ капитанъ. — Корпусный генералъ строгъ, но все же онъ ничего не сказалъ, а ты вотъ...

Варвара Михайловна быстро поднялась съ кресла.

— Ничего не сказалъ! Еще бы, станетъ онъ съ тобой разговаривать!.. Развѣ съ тобой считаются... вѣдь ты ничтожество, ничтожество!—И она нервно сжала свои красивые, длинные, но уже огрубѣвшіе отъ работы пальцы.—Ну посмотри на себя, посмотри; даже внѣшность твоя говоритъ это: обрюзгъ, опустился, ни вида, ни голоса, ничего, ничего!.. Развѣ ты похожъ на офицера... развѣ ты способенъ внушить уваженіе къ себѣ!..

Капитанъ Яблоновскій невольно повернулъ голову направо, къ стѣнѣ, гдѣ надъ маленькимъ столикомъ, покрытымъ мраморной доской, наклонилось высокое зеркало. Изъ прозрачной глу-

бины стекла тупо смотрѣло большое лицо, бритое, плоское, съ опущенными концами жидкихъ сѣдѣющихъ усовъ. Поверхъ очковъ бѣлѣли мутные, безцвѣтные глаза, надъ ними лобъ, мелкій и заросшій.

Капитанъ Яблоновскій сердито отвернулся отъ зеркала.

— Гм... лицо, какъ лицо... видъ, какъ видъ... ничего особеннаго нѣтъ... Ты напрасно... И, наконецъ, не всѣмъ же быть похожимъ на Аполлона.—Капитанъ начиналъ волноваться, его сиплый басъ становился рѣзокъ и непріятенъ, какъ голосъ внезапно разбуженнаго человѣка.—Нѣтъ, я рѣшительно заявляю тебѣ: перестань ты придираться ко мнѣ!.. Первое время жили сносно, а теперь... ты на каждомъ шагу находишь что-нибудь такое... Жизнь становится чортъ знаетъ чѣмъ...

— Жизнь, какая жизнь?—съ удивленіемъ спросила Варвара Михайловна.—Развѣ это жизнь!.. Это все, что хочешь, но не жизнь... это могила!..

— Гм... могила...—презрительно усмѣхнулся капитанъ Яблоновскій.—Разныя громкія слова повычитала изъ романовъ, да и суетъ ихъ, гдѣ не нужно... Могила!.. Какъ будто я тебя насильно сюда затащилъ! Кажется, по своей волѣ замужъ выходила... по своей...

На глазахъ Варвары Михайловны блеснули слезы. Она стиснула голову руками и опустилась въ кресло. Она понимала, что съ точки зрѣнія другихъ людей, она не права, она, вѣдь, *по своей волѣ* замужъ пошла. И капитанъ, онъ ничего особеннаго не обѣщалъ ей, не соблазнялъ ее. Но... развѣ по своей волѣ продаютъ свою жизнь, свою молодость! О, какъ ей тяжело, какъ ей тяжело...

А капитанъ, остановившись надъ нею, продолжалъ своимъ сиплымъ, рѣзкимъ голосомъ:

— По своей волѣ, по своей!.. Такъ чего же ты ерепенишься!.. чего ты хочешь, а?..—И онъ недоумѣвающе протянулъ впередъ обѣ руки, и поверхъ очковъ снова забѣлѣли два мутныхъ, безцвѣтныхъ пятна.—Да, объясни мнѣ, объясни толкомъ, по-человѣчески: чего ты хочешь?.. чего?..

— Жить, жить я хочу! Я задыхаюсь у тебя!—почти крикнула Варвара Михайловна. Она судорожно выпрямилась въ креслѣ и съ ненавистью глядѣла на капитана.—Я вышла за тебя, чтобы освободиться, чтобы свободно вздохнуть... чтобы не жить у тетки на хлѣбахъ. .

— Ну, вотъ и договорилась!—съ торжествующимъ видомъ прервалъ ее капитанъ.—Вотъ и договорилась! Ты хотѣла освободиться... ну... вотъ... ты и живешь, какъ хотѣла... да...

— Неправда, неправда, неправда!..—быстро заговорила Варвара Михайловна.—Я не такъ хотѣла, не такъ... Когда я вышла

за тебя, мнѣ было восемнадцать лѣтъ... въ такіе годы хотятъ жить, а не по цѣлымъ днямъ штопать чулки, чинить бѣлье, мундиръ и разную дрянь... и никого не видѣть, и нигдѣ не бывать...

— И бывай; кто тебя не пускаетъ; ходи, куда хочешь... Ты свободна.—И капитанъ Яблоновскій всѣмъ своимъ большимъ, неуклюжимъ корпусомъ поддался къ окну, словно указывая на открывающуюся тамъ свободу.—Бывай, ты свободна...

— А домъ, а дѣти? На кого оставлять ихъ? На деньщика-идіота?.. Свободна!..—Варвара Михайловна засмѣялась рѣзкимъ, сухимъ, неестественнымъ смѣхомъ. — Ка-пи-танъ, ка-пи-танъ!.. Двухъ дѣтей не въ состояніи содержать; няньки нанять не на что; ка-пи-танъ!..

И быстро, быстро, глотая слезы и сбиваясь, Варвара Михайловна бросала своему мужу упреки, которые тяжелымъ, мучительнымъ пластомъ давили ей душу. Да, когда она выходила за него, она его не любила. Еще бы, какая тутъ могла быть любовь, когда ей было восемнадцать лѣтъ, а ему сорокъ пять. И онъ это прекрасно зналъ. Да ему никакой любви и не нужно было: ему нужна была только жена... жена и хозяйка. Но она все-жъ-таки согласилась выйти за него... потому что... потому что онъ обѣщалъ устроить ей хорошую жизнь. О, если бы она знала, какая жизнь ей предстоитъ у него! Раньше, въ дѣвушкахъ, у нея была хоть надежда, а теперь... Нѣтъ возможности прилично одѣться, чтобы пойти куда-нибудь, чтобы принять кого-нибудь. Никогда копейки нѣтъ, никогда. Капитанша!.. Сама варитъ, сама за дѣтьми ходитъ, шьетъ, штопаетъ, а онъ.. О, она знаетъ, куда уходятъ всѣ деньги! Карты ему нужны, да! Чрезъ недѣлю получка жалованья, а оно ужъ наполовину проиграно... Какъ жить, чѣмъ жить?..

— Но... это неправда... увѣряю тебя... ты это напрасно,— смущенно забормоталъ капитанъ,—вотъ увидишь, двадцатаго я тебѣ всѣ деньги принесу, увидишь...

— Не лги, не лги!—вспыхнула она.—Я все знаю. Кто вчера въ клубѣ проигрался, а?.. Молчишь!.. Пятьдесятъ рублей, это ужасно, ужасно!—И, произнеся эту фразу, Варвара Михайловна какъ будто осунулась и сгорбилась. Эта сумма давила и пугала ее: пятьдесятъ рублей!... Варвара Михайловна мучительно, напряженно закрыла глаза и сосредоточилась. Столько денегъ пропало. А впереди тянется рядъ дней, заполненныхъ утомительной, назойливой заботой: чѣмъ заплатить булочнику, чѣмъ заплатить молочницѣ, какъ составить обѣдъ, какъ сколотить ужинъ. Ахъ, какая противная, безсмысленная жизнь!.. Но если бы... если бы онъ хоть былъ человѣкомъ!.. Да, она готова примириться со многимъ. Она готова стирать, штопать, варить, занимать гроши,

но... если бы онъ хоть былъ человѣкомъ!.. И при этой мысли Варвара Михайловна взглянула на капитана съ холоднымъ, гадливымъ презрѣніемъ.—Да, ты тряпка, ты ничтожество, тебя презираютъ! Къ женѣ любого подпоручика относятся съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ ко мнѣ... Да это и вполнѣ понятно, развѣ дѣвушка, уважающая себя, пошла бы за эту сѣрую ничтожность... за эту развалину!..

Капитанъ быстро обернулся:

— Послушай...

— Да, да,—быстро продолжала Варвара Михайловна:—ты развалина... и во всѣхъ отношеніяхъ. О семьѣ ты почти не думаешь; въ своей ротѣ ты, какъ чужой; на собраніяхъ тебя только терпятъ, какъ лакея... И... когда ты женился, то былъ капитаномъ уже года три, и теперь ты капитанъ, и еще черезъ десять лѣтъ все будешь капитаномъ... Дальше ты не пойдешь... О, тебя уже хорошо знаютъ... на смотрахъ ты только гадишь и портишь... Генералъ замѣтилъ на вчерашнемъ смотру...

— Опять ты суешься не въ свое дѣло!—рѣзко замѣтилъ капитанъ, злобно глядя на жену.—Ничего на смотру не произошло, понимаешь: ни-че-го!

Варвара Михайловна порывисто приблизилась къ мужу, почти вплотную, и, ясно, твердо отдѣляя слова, медленно начала:

— Вчера корпусный генералъ на смотру подошелъ къ твоей ротѣ и спросилъ ее: «Кто, братцы, на войну желаетъ?» и вся рота молчала... какъ идіоты!.. пока полковникъ не махнулъ ей рукой... И по твоему это значитъ ничего не произошло! Да, вѣдь, у тебя роту за это могутъ отнять, понимаешь!..

— Э... разсказывай!..—съ пренебреженіемъ процѣдилъ капитанъ.—Много ты въ этомъ смыслишь!..—Онъ отвернулся и раздраженно махнулъ рукой.—Ты лучше за хозяйствомъ смотри.... кухня... это ваше дѣло... кухня, пеленки и тому подобное...

— Не смѣй такъ говорить со мной! Не смѣй!..—вскрикнула Варвара Михайловна. Она выпрямилась, стройная, дрожащая отъ гнѣва, и съ гордой ненавистью взглянула на капитана.—Я не служанка твоя!.. не раба!.. понимаешь, жалкая развалина... И я тебя презираю... Я тебя ненавижу!..

Поверхъ очковъ капитана тупо бѣлѣли два безцвѣтныхъ пятна, и казалось Варварѣ Михайловнѣ, что они проникаютъ ей въ душу чѣмъ-то холоднымъ, безжизненнымъ, мертвящимъ. Это взглядъ лягушки, живущей въ болотѣ.

— Ну довольно, женушка, довольно... будетъ тебѣ... ты, вѣдь, все это напрасно... Разстраиваешь и себя, и меня... къ чему это?.. Въ голосѣ капитана зазвучала спокойная, примиряющая увѣренность.—Къ чему это? Довольно.—Онъ протянулъ руку къ женѣ и

двумя пальцами, желтыми отъ табаку, дотронулся снизу вверхъ до ея подбородка.—Ну, помиримся. Все кончено, забудемъ...

— Прочь отъ меня! Прочь!..—И движеніемъ, полнымъ отвращенія, Варвара Михайловна сбросила съ себя руку мужа.—Не смѣй больше дотрагиваться до меня!.. ты мнѣ опротивѣлъ!.. ты мнѣ больше не мужъ!.. Да, противенъ... противенъ, какъ гадина... Уйди отъ меня!

Капитанъ Яблоновскій удивленно отступилъ отъ жены...

— Уйди... вотъ какъ... Отогрѣлась, отъѣлась на легкихъ хлѣбахъ и... уйди...—Капитанъ какъ-то съежился, стараясь придать своему голосу и своей наружности побольше злости и ехидства.— Такъ, такъ... совсѣмъ какъ въ романахъ .. ну и скажи ты мнѣ, голубушка, кто тебя изъ нищеты вытащилъ... а? кто тебя, безприданницу, въ люди вывелъ... въ дворянство привелъ... къ офицерамъ...

Варвара Михайловна покачала головой.

— Офицеръ, дворянинъ... О, лучше бы я тебя совсѣмъ не знала!.. Лучше бы голодать у тетки, чѣмъ продать себя такому ничтожеству!.. такому трупу!..

Капитанъ Яблоновскій гордо поднялъ голову, протянулъ впередъ руку съ толстыми, короткими, похожими на обрубки, пальцами и медленно, торжественно произнесъ:

— Если я еще разъ услышу отъ тебя нѣчто подобное, если это еще разъ повторится, предупреждаю—я тебя выгоню... понимаешь, выгоню!.. ступай себѣ къ теткѣ, если не можешь цѣнить!.. Да... хороша благодарность, хороша!.. — капитанъ повернулся и, высоко неся голову, медленно вышелъ изъ комнаты. И два бѣлыхъ пятна глядѣли поверхъ очковъ солидно, строго и укоризненно.

Потомъ хлопнула входная дверь, и видно было, какъ мимо окна, тяжело ступая по снѣгу, удалялась грузная фигура капитана Яблоновскаго.

II.

Обезсиленная, растерянная, Варвара Михайловна тупо глядѣла въ окно.

Ни любви, ни радости, ни счастья... Казалось, жизнь, такая большая, шумная, страстно зовущая къ себѣ, проносится гдѣ-то въ сторонѣ. Проносится мимо и уходитъ все дальше и дальше. И такъ будетъ до конца. И вся жизнь пройдетъ, и ничего, ничего не будетъ... Тихій, сдавленный стонъ робко замеръ на устахъ Варвары Михайловны.

Она вышла замужъ... но развѣ могла она еще сидѣть у тетки, когда тетка бѣдна и озлоблена постоянной нуждой. Ахъ, эта нужда, вѣчная нужда... безъ малѣйшаго просвѣта... какъ густой прони-

зывающій туманъ. Варвара Михайловна шевельнулась и опустила голову. Она помнитъ, было время, когда она думала о трудѣ, о самостоятельности, и если бы тогда, по окончаніи гимназіи, ей удалось попасть въ учительницы, въ библіотекарши или хоть въ телеграфистки... О, тогда жизнь, пожалуй, не была бы продана. Но, вѣдь, ничего не удалось, ничего... И она жила такъ... изо дня въ день... И она мечтала о любви и ждала ее. И въ противоположность своей сѣрой, скудной жизни, она рисовала себѣ эту любовь такой чудной, такой непохожей на все ее окружающее. Да, она придетъ, эта любовь, и принесетъ ей свободу, счастье, жизнь. О, какъ хорошо будетъ!..

Болѣзненная улыбка пробѣжала по лицу Варвары Михайловны. Какъ хороши были тогда ея надежды и... чѣмъ онѣ окончились, когда явился капитанъ Яблоновскій. О, онъ такъ не похожъ былъ на ея мечту о любви, онъ такъ не похожъ былъ на то, что можетъ охватить душу страстью и нѣгой... И когда онъ приходилъ, онъ всегда говорилъ о семейной жизни, о ея удобствахъ, выгодахъ и преимуществахъ, и еще о многомъ онъ говорилъ, но... никогда о любви. И она слушала его, и молчала, и не знала, на что рѣшиться... Ей такъ хотѣлось любви... И въ душѣ что-то трепетало, томилось и захватывало дыханіе въ безсонныя ночи, и настойчиво шептало, что безъ любви нельзя... что любовь должна быть, что она придетъ...

А въ это время надъ ея изголовьемъ слышался умоляющій, надтреснутый голосъ тетки:—Варенька, не мучь меня, засидишься въ дѣвкахъ, что тогда будетъ... Не могу я тебя содержать, сама ты видишь... Хочу, да не могу... своихъ вотъ четверо подросло... Какъ рыба, бьюсь, не знаю, что и будетъ съ нами, помоги...—И при этихъ словахъ лицо тетки становилось такимъ жалкимъ, запуганнымъ... — Выходи, милая, за него... пользуйся случаемъ... благородный человѣкъ и объ приданомъ даже не заикнется, еще спасибо скажи...

Да, эта нужда—это проклятье, изъ-за нея она продала свою жизнь капитану; вѣдь, у него чинъ, будущность, положеніе... И онѣ ушли, тѣ прежнія грезы, тѣ чудныя дѣвичьи грезы, какъ голубое небо, ласкающія душу... Онѣ тоскливо сжались, свернулись клубкомъ и тихо, робко спрятались...

Безсильно откинувшись на спинку кресла, Варвара Михайловна закрыла глаза. Вокругъ все такъ постыло, все такъ тоскливо и сѣро... И такъ будетъ тянуться до конца... изо дня въ день... Какая тоска, Боже. Зачѣмъ же она отдала свою жизнь и все... Онъ оказался ничтожествомъ, онъ никогда ничего не достигнетъ, его только терпятъ... и то пренебреженіе, съ которымъ смотрятъ на него, поневолѣ переносятъ и на нее, вѣдь она его жена... И

*

такъ пройдетъ вся жизнь!.. И въ душѣ Варвары Михайловны что-то забилось такъ трепетно, и ей мучительно захотѣлось уткнуться лицомъ въ подушку и рыдать, рыдать безнадежнымъ, глухимъ голосомъ, какъ рыдаютъ старики... Она еще такъ молода, ей такъ хочется счастья...

И казалось, прежнія дѣвичьи грезы судорожно подымаются и настойчиво просятъ, нѣтъ, не просятъ, а требуютъ чего-то, да... И загоралась страстная, давно забытая мечта: жить... любить... И Варвара Михайловна робко и пугливо прятала *что-то* отъ своего сознанія и хотѣла скорѣе пройти, пробѣжать мимо *чего-то*, не останавливаться... было страшно... И въ то же время она сознавала, что она уже не можетъ остановиться... Она сознавала, что *то*, что она въ эти четыре года считала ненужнымъ, стыднымъ, невозможнымъ, стало теперь возможнымъ и даже желаннымъ. Да, она хочетъ жить... и она имѣетъ право на это.

Варвара Михайловна порывисто закрыла лицо руками. Ей было страшно. Въ ней просыпалась жизнь и властно указывала впередъ...

Въ комнатѣ было тихо. Грустныя сумерки холоднаго зимняго дня незамѣтно прокрадывались неясной темной тѣнью. Изъ сосѣдней комнаты изрѣдка доносился дѣтскій смѣхъ, взвизгиванья и тупые деревянные звуки падающихъ кубиковъ. Откуда-то изъ города слышенъ былъ медленный, протяжный бой часовъ. Варвара Михайловна машинально считала эти удары, а ея мысли неслись впередъ и горячей волной приливали и охватывали душу. Она уже видѣла предъ собою *то*, что должно было скоро произойти; она видѣла это въ такихъ страстныхъ, желанныхъ образахъ... Да, прошлое кончено... теперь она будетъ жить...

Она машинально продолжала считать удары часовъ. Пробило пять, затѣмъ, послѣ небольшого промежутка, пробило еще полчаса. Сумерки надвигались.

Чья-то тѣнь промелькнула у окна. Въ передней рѣзко звякнулъ дребезжащій колокольчикъ, и вслѣдъ за нимъ пробѣжалъ деньщикъ. Послышался звучный, веселый голосъ:—Капитанъ дома?

— Никакъ нѣтъ, вашескородіе, ушли.

— Никого нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, барыня дома.

— Доложи.

— Слушаюсь.

Прошло нѣсколько мгновеній, и у дверей комнаты, въ которой сидѣла Варвара Михайловна, остановился деньщикъ:—Барыня, штабсъ-капитанъ Синицынъ просятъ, чтобы...

— Проси, проси...—быстро оборвала его Варвара Михайловна. Ей казалось, что эти минуты безконечны.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались легкіе, быстрые шаги и потомъ дѣтскіе голоса:—А, погучикъ пгишелъ! Здгаствуйте, погучикъ, здгаствуйте; посмотгите нашъ домикъ, что хогошенькій, а?

— Погучикъ? Ахъ вы, такіе сякіе!.. Какой я вамъ погучикъ... Службы вы не знаете... Ахъ вы... Штабсъ-капитанъ, а не погучикъ...

И въ сосѣдней комнатѣ поднялся цѣлый хаосъ звуковъ. Тамъ бѣгали, возились, что-то падало, что-то разсыпалось, и среди этого шума слышался молодой мужской смѣхъ и обиженно-веселые дѣтскіе крики.

— Злой погучикъ, гадкій... онъ домикъ газбгосилъ!.. гадкій, гадкій!.. Мамочка, возми его отсюда, онъ погтитъ намъ...

— Синицынъ!..—позвала Варвара Михайловна. — Не дразните дѣтей, несносный! Оставьте ихъ, идите сюда.

Штабсъ-капитанъ Синицынъ, смѣясь и отбиваясь отъ дѣтей, вошелъ и быстро закрылъ за собой двери.—Ну, дѣтвора, довольно, здѣсь моя крѣпость!

Онъ пожалъ руку Варварѣ Михайловнѣ и весело продолжалъ. —Я уже цѣлую недѣлю какъ въ штабсъ-капитаны произведенъ, а они все: погучикъ, погучикъ. Этакая отсталость, а! Не хотятъ никакъ признать за мною новаго чина... Ну, я ихъ и почистилъ немного... Махнулъ рукой, и ихъ замокъ трррахъ... разсыпался по полу... Вотъ вамъ за погучика, знайте!..

Синицынъ смѣялся, но въ его голосѣ уже не было веселости, и глаза тревожно слѣдили за Варварой Михайловной, лицо которой оставалось холоднымъ и неподвижнымъ.

— Что съ нами?—тихо спросилъ Синицынъ.—У насъ какія-то непріятности, да?—Въ его голосѣ дрогнуло что-то доброе, мягкое.—Мы такъ блѣдны, разстроены...—Варвара Михайлова молча глядѣла на него и, казалось, не слушала его.

— И всегда вы такая, всегда!.. хоть разъ вы бы сбросили съ себя эту холодную маску,—заволновался Синицынъ.—Я не могу, не хочу ей вѣрить, слышите, не хочу.—Онъ взялъ ея руки и прижалъ къ губамъ.—Если бы вы знали, какъ вы несправедливы ко мнѣ. Стоитъ мнѣ затронуть что-нибудь такое... и вы сейчасъ прячетесь въ свою раковину... Ну, скажите же, что съ вами?.. Не хотите говорить?.. Ну что-жъ, я и такъ знаю... вотъ по вашимъ глазамъ вижу все...—Онъ продолжалъ держать ея руки и цѣловалъ то одну, то другую.

Легкая тѣнь, тревожная и вмѣстѣ радостная, промелькнула въ глазахъ Варвары Михайловны.

— Будетъ, успокойтесь, новый штабсъ-капитанъ,—и она медленно, словно нехотя, освободила свои руки.—Разскажите лучше, что въ полку новаго.

— Новаго мало, и то, что есть, тоже непріятно для васъ.

Варвара Михайловна спокойно взглянула на Синицына.—Вы разскажите, а ужъ я сама разберу, что пріятно и что непріятно.

— Почему вы всегда такимъ тономъ говорите со мной?.. снова заволновался Синицынъ.—Постоянно какая-то насмѣшка сквозитъ... впрочемъ... какъ знаете...—онъ махнулъ рукой.—Новостей мало. Съ часу на часъ ждутъ объявленія войны. А дальше...— и Синицынъ пытливо взглянулъ на Варвару Михайловну,—носятся въ полку слухи, что корпусный остался очень недоволенъ капитаномъ Яблоновскимъ, и у капитана, пожалуй, отымутъ...

— Отымутъ роту, — прервала Варвара Михайловна. — Ну, что-жъ, я этого ждала... Развѣ я не знаю своего мужа.

— Я передаю, конечно, только слухи, — быстро заговорилъ Синицынъ,—они могутъ оказаться и ложными. Въ виду угрожающей войны, пожалуй, не захотятъ дѣлать никакихъ измѣненій въ полку, потому что...

— Именно въ виду войны это и сдѣлаютъ, — замѣтила Варвара Михайловна ровнымъ, беззвучнымъ голосомъ:—участь роты на войнѣ зависитъ отъ командира... Впрочемъ, оставимъ это... Значитъ, война, а? И вы тоже пойдете на войну?

— Да, конечно. Весь полкъ пойдетъ.

— И вы вернетесь и опять получите повышеніе... Счастливецъ...

Синицынъ укоризненно посмотрѣлъ на нее:—Въ чемъ же тутъ счастье?

— Да,—беззвучно продолжала Варвара Михайловна, не слушая его, — молодъ, красивъ, въ чинѣ... словомъ все, что нужно для жизни... Вернетесь и жену подыщете себѣ тоже молодую, хорошую...

— Варвара Михайловна!..

— Да,—тихо, медленно продолжала она, какъ будто вслушиваясь въ свои слова и вникая ихъ смыслъ:—вѣдь, это такъ, вѣдь ваша жизнь начинается такъ ясно... такъ хорошо...

— Начинается и... быть можетъ, уже кончается... кто знаетъ. Можетъ быть, убьютъ,—грустно замѣтилъ Синицынъ, снова поднося ея руки къ губамъ.—И не вернусь никогда, никогда!.. Варвара Михайловна,—порывисто заговорилъ онъ,—я, быть можетъ, въ послѣдній разъ вижу васъ, умоляю, скажите мнѣ хоть одно хорошее слово...

— Какое же вамъ слово сказать, какое?—Варвара Михайловна слегка откинулась на спинку кресла и снизу вверхъ глядѣла въ лицо Синицыну. Ея губы вздрагивали, глаза испуганно смотрѣли въ его глаза, близко наклонившіеся надъ ней и такіе просящіе, полные тоски.—Какое же вамъ слово сказать, какое?..—И потомъ

она быстро, судорожно обхватила его голову руками и прижала къ своей груди...

— Ты любишь, дорогая... почему же ты молчала... почему ты меня такъ мучила!..—И Синицынъ говорилъ, обрывая поцѣлуи и заглядывая въ ея глаза, словно ища отвѣта, и потомъ снова цѣлуя.

— Молчи, милый... Люби, цѣлуй... и не спрашивай ни о чемъ... я хочу забыть все это... забыть!..—И въ ея дрожащемъ шопотѣ слышно было, что пробудилась душа и всѣми своими молодыми, нетронутыми силами рвется къ солнцу... къ любви.

— Люби, милый, люби... я такъ хочу любви, такъ жду ея...— И она страстно прижимала его голову къ своей груди, и слезы, выступившія на ея глазахъ, дрожали, такія жалкія, безпомощныя. — Цѣлуй крѣпко, крѣпко, цѣлуй... ты вернешься, милый... вернешься... мы будемъ счастливы.

III.

Капитанъ Яблоновскій вышелъ изъ своей квартиры. Проходя мимо ея оконъ, онъ злобно поглядѣлъ на нихъ поверхъ очковъ своими большими безцвѣтными глазами. «Семейный очагъ... чортъ возьми!—сердито думалъ онъ.—Женился... обузу взялъ на себя!.. Сорокъ пять лѣтъ жилъ такъ, а потомъ... дернула нелегкая!.. Обрадовался, старый дуракъ, примадону нашелъ, вѣтромъ подбитую, безъ роду, безъ племени»... Впрочемъ, что же, развѣ онъ виноватъ: онъ хотѣлъ, какъ лучше, а оно вотъ вышло чортъ знаетъ какъ... Вѣчное безпокойство, упреки... и главное, что ей собственно нужно, спрашивается, а?.. Жить!.. Да живи себѣ, кто тебѣ препятствуетъ!..

Капитанъ остановился, досталъ изъ портсигара толстую папиросу, закурилъ ее, и, шумно пыхтя длинными струями дыму, пошелъ дальше. И вѣдь онѣ всегда такъ, эти вертихвостки захудалыя... Вертится вокругъ тебя: и хороша она, и добра, и хозяйка, и все такое... А вотъ подцѣпитъ мужа, отогрѣется около него, одѣнется, наберетъ на себѣ тѣла, ну... тогда и форсъ появляется и смѣлость... фантазіи разныя тамъ и все такое... «Нѣэ-тъ, голубушка, у меня этого не будетъ!..—И словно отвѣчая своимъ мыслямъ, капитанъ отрицательно покачалъ головой.—У меня этого не будетъ, ты не думай... я этого не позволю... Деньги я тебѣ всѣ цѣликомъ представлю, не безпокойся... а ты... ты свои обязанности добросовѣстно исполняй... вилять хвостомъ нечего».

И когда капитанъ вспомнилъ о деньгахъ, его мысли о неудобствахъ семейнаго очага сразу оборвались. Деньги... гдѣ ихъ

достать? Гдѣ можно было занять, онъ уже давно занялъ, а теперь опять вотъ проигрался. Прямо безвыходное положеніе.. чортъ знаетъ что!..

Капитанъ проигрывалъ довольно часто, хотя все небольшими суммами, и, когда приходилось уплачивать, онъ всегда изворачивался и хитрилъ: онъ оттягивалъ уплату, урѣзывалъ отъ жалованья, занималъ, у кого только можно было занять. Изъ долговъ онъ почти никогда не выходилъ, и они понемногу росли все больше и больше. Онъ уже нѣсколько разъ дѣлалъ займы у своего же фельдфебеля Томчука.

Сверхсрочный фельдфебель Томчукъ давно служилъ съ капитаномъ Яблоновскимъ въ одной ротѣ и хорошо изучилъ его слабыя стороны. Онъ занималъ капитану деньги, получалъ проценты за цѣлый годъ впередъ и обезпечивалъ себя на всякій случай векселями. Но, кромѣ того, между ними установилось какое-то молчаливое согласіе, какой-то ничѣмъ не оформленный, но ясно сознаваемый ими обоими договоръ, по которому фельдфебель чувствовалъ, что онъ можетъ дѣлать въ ротѣ все, что онъ хочетъ.

Начинало темнѣть. Большая казарменная площадь, вся покрытая истоптаннымъ снѣгомъ, была пуста. Небо, тяжелое, плоское, низко опустилось и угрюмо давило своей густой, мертвой массой. Кой-гдѣ въ казармахъ зажигались огоньки. Откуда-то дуло слабымъ, но холоднымъ, рѣзкимъ вѣтромъ.

Капитанъ Яблоновскій нерѣшительно остановился. Ему хотѣлось пойти въ клубъ... отыграться, но онъ понималъ, что такъ нельзя: надо раньше уплатить проигранное... иначе невозможно...

— Пятьдесятъ рублей... чортъ возьми!.. Да гдѣ же ихъ достать, гдѣ?.. Безвыходное положеніе!—бормоталъ капитанъ Яблоновскій. — Развѣ опять къ этому мерзавцу обратиться, къ Томчуку...

— Идти, такъ идти, что ужъ тутъ церемониться съ нимъ,— думалъ капитанъ. — Положимъ, занимать у своего подчиненнаго деньги, это не особенно-то...

Но, вѣдь, онъ отдастъ эти деньги, отдастъ при первой же возможности, чтобы не очутиться въ такомъ... въ нехорошемъ положеніи... И, наконецъ, онъ, вѣдь, выдаетъ векселя, такъ что, собственно говоря, тутъ ничего предосудительнаго нѣтъ... Капитанъ успокаивалъ себя и, не давая своимъ мыслямъ углубиться въ непріятную область возможныхъ послѣдствій, сталъ разсчитывать, сколько процентовъ переплачиваетъ онъ фельдфебелю на занятыя деньги.

«Да, деретъ, собака, здорово, пользуется... — сердито покачивая головой, думалъ капитанъ.—Два процента мѣсячныхъ, это, значитъ, двадцать четыре годовыхъ... На двѣсти рублей пере-

плачено,—считалъ капитанъ,—около пятидесяти рублей... Мерзавецъ!—выругался онъ!—Ростовщикъ, форменный ростовщикъ... а еще фельдфебель на сверхсрочной службѣ!.. Подлецъ, армію позоритъ!..—И капиталъ сердито сжалъ кулаки, словно угрожая фельдфебелю Томчуку. — Да, этотъ проклятый хохолъ въ концѣ концовъ подведетъ меня... На смотру генералъ что-то все косился на мундирную одежду новобранцевъ... Того и гляди подъ судъ попадешь... Этакой ростовщикъ ненасытный!.. Ну, ничего, ничего... нужно только отыграться, уплатить и тогда... О, я съ нимъ тогда расправлюсь, съ этимъ хохломъ... Да, отыграться нужно», думалъ капитанъ.

Всегда, садясь за карточный столъ, капитанъ забывалъ обо всемъ и думалъ только о деньгахъ, которыя онъ можетъ и долженъ выиграть. И чѣмъ дальше шла игра, чѣмъ больше онъ проигрывалъ, тѣмъ съ большей жадностью ждалъ онъ каждую слѣдующую партію, замирая отъ страха, желанія и надежды. Но обыкновенно ему не везло. Если же и случалось выиграть, то оказывалось, что ставки мизерно малы. И капитанъ собиралъ со стола деньги, громко посмѣиваясь и шутя надъ своей судьбой, чтобы не дать замѣтить партнерамъ, какъ дрожатъ его руки отъ злобы и какъ душитъ его неутоленная жадность.

И теперь, вспоминая о вчерашнемъ проигрышѣ и думая о предстоящей игрѣ, капитанъ постепенно забывалъ о женѣ, о непріятностяхъ по службѣ и о фельдфебелѣ Томчукѣ. Онъ перебиралъ отдѣльные моменты игры и возмущался, видя, какъ нѣкоторыя карты глупо и безсмысленно оказывались тамъ, гдѣ, по его разсчетамъ, имъ быть совсѣмъ не слѣдовало. Были между картами такія, при мысли о которыхъ капитанъ ощущалъ какой-то трепетъ: въ немъ подымалось то рабски-покорное чувство, которое невольно охватываетъ каждаго военнаго при видѣ высшей власти: при видѣ короля, императора, властелина.

И капитанъ захлебывался отъ негодованія, вспоминая, какъ эти карты, которыя такъ легко могли бы осчастливить его, вчера самымъ подлымъ образомъ обманули его, очутившись, вопреки всѣмъ его разсчетамъ, у того... у исправника.

— И чего онѣ полѣзли къ этому хабарнику!..—взбѣшеннымъ хрипомъ прошипѣлъ капитанъ.—Мало тамъ денегъ, что ли!.. Исправникъ, полиція, сволочь и больше ничего, взятки дерутъ съ живого и мертваго!.. Ну, мы еще посмотримъ, чья сегодня возьметъ; да, мы еще поиграемъ съ вами... мы вамъ покажемъ!..

И капитанъ самодовольно улыбнулся, рисуя себѣ предстоящую игру. Онъ играетъ сегодня медленно и обдуманно, не увлекаясь. Пусть его партнеры негодуютъ и злятся, сколько имъ угодно, но онъ все будетъ играть медленно, хотя бы игра затянулась до са-

маго утра. Да, сегодня игра рѣшительная. Онъ разсчитываетъ всѣ случаи, какіе могутъ встрѣтиться; онъ разсматриваетъ и критикуетъ всѣ шансы, которые могутъ быть за или противъ; онъ напрягаетъ всѣ силы своего ума и воображенія и... онъ выигрываетъ!.. Да, это внѣ всякаго сомнѣнія, сегодня онъ долженъ, долженъ выиграть во что бы то ни стало!,.

«И тогда, голубчики!..» Капитанъ крякнулъ отъ предстоящаго удовольствія. Жена?—онъ величественнымъ жестомъ швырнетъ ей деньги: «Вотъ тебѣ все жалованье!.. что молчишь, дурища ты?..» Фельдфебель?..—векселя уплочены и разорваны. «Каналья! служить надо вѣрой и правдой, а ты что?.. мундирная одежда въ какомъ порядкѣ?..» И капитанъ видѣлъ себя грозно стоящимъ передъ фельдфебелемъ: «Ты что, подъ судъ меня подвести хочешь, хамская морда!.. Я тебя»..

И когда капитанъ приблизился къ казармамъ, онъ уже твердо рѣшилъ, что нужно достать у фельдфебеля Томчука еще пятьдесятъ рублей и... отыграться.

IV.

У казарменнаго корпуса стоялъ дневальный. Маленькій, тщедушный, онъ почти тонулъ въ грубомъ, мохнатомъ тулупѣ, наброшенномъ на плечи. Капитанъ приблизился къ нему.

— Здорово!

— Здравія желаю, вашескородіе!

Дневальный вытянулся, отдавая честь.

— Что, холодно?

— Точно такъ, вашескородіе, холодно. Дюже холодно.

— Фельдфебель тутъ или ушелъ?

— Такъ точно, вашескородіе, тутъ.

Капитанъ бокомъ вдвинулся въ отворенную дневальнымъ дверь и пошелъ по длинному корридору. Налѣво чернѣло темное пространство большой ротной столовой; направо, въ полуоткрытую дверь видна была кухня, наполненная густымъ паромъ.

«Посмотрѣть бы... какъ они этотъ ужинъ готовятъ,—подумалъ капитанъ,—навѣрно крадутъ сало. . скоты»...

Онъ подошелъ къ дверямъ и, наклонившись впередъ, просунулъ въ нихъ голову.

— Эй, кто тутъ есть, кашеваръ!..

Въ глубинѣ кухни показался кашеваръ.

— Здѣсь, вашескородіе.—Сквозь густое облако пара, фигура кашевара казалась громадной и неясной.—Что прикажете, вашескородіе?

— Здорово!.. Что это у тебя такой паръ въ кухнѣ, а?—И,

не ожидая отвѣта, капитанъ продолжалъ:—варишь?.. Смотри, чтобы все какъ слѣдуетъ... Сало въ котелъ класть, а не въ карманъ... чтобы все въ порядкѣ...

— Слушаю, вашескородіе. Такъ точно, все въ порядкѣ.

— Смотри же, а то... Знаю я васъ, прохвостовъ!

Капитанъ отвернулся, прошелъ мимо темной столовой и сталъ грузно подыматься по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находилось жилое помѣщеніе роты и фельдфебеля.

— Фу...—отдувался и пыхтѣлъ капитанъ.—высоко, чортъ его дери... Эй, дневальный!..

На площадкѣ второго этажа никого не было, но изъ роты доносился гулъ голосовъ, сквозь который временами ярко прорывался чей-нибудь смѣхъ или ругательство.

— Не слышитъ,—ворчалъ капитанъ, подымаясь по лѣстницѣ. И когда онъ былъ уже на площадкѣ, онъ снова крикнулъ:—эй, дневальный!

Изъ дверей роты быстро выглянула испуганная фигура дневальнаго.

— Дневальный, фельдфебель тутъ или ушелъ?

— Тутъ, вашескородіе.

Дневальный подскочилъ къ дверямъ, на которыхъ висѣла бумажка съ надписью: «Фельдфебель тринадцатой роты».

— Пожалуйте, вашескородіе.

Дневальный распахнулъ дверь и, когда капитанъ прошелъ въ комнату, онъ осторожно прикрылъ ее, словно боясь задѣть ею начальника.

Въ комнатѣ было жарко и душно. Въ углу стояла желѣзная печь, толстая, низкая, круглая, отъ нея дышало жаромъ и специфическимъ жаромъ каменнаго угля. У стѣны протянулась кровать, покрытая сѣрымъ солдатскимъ одѣяломъ. Дальше, у окна, на большомъ четыреугольномъ столѣ въ безпорядкѣ лежали ротные списки, журналы, приказы. Высоко въ углу висѣла икона и предъ нею на треугольной дощечкѣ серебряная лампада.

При входѣ капитана, фельдфебель Томчукъ, пившій чай у стола, быстро вскочилъ, оправляя и застегивая мундиръ.

— Здравствуй, Томчукъ.

— Здравія желаю, вашескородіе.

— Жарко тутъ у тебя.

Капитанъ сталъ сбрасывать шинель. Фельдфебель суетливо помогалъ ему, забѣжавъ сзади и потягивая за рукава. Потомъ, когда шинель была снята, онъ слегка отряхнулъ ее отъ мелкихъ снѣжинокъ, выровнялъ воротникъ и повѣсилъ въ углу на вѣшалку, гдѣ висѣла и его, фельдфебельская, шинель.

— Фу, жарко, слишкомъ жарко,—повторялъ капитанъ, освобо-

дившись отъ шинели.—Что ты, чай пьешь?—замѣтилъ онъ, садясь на стулъ, съ котораго вскочилъ фельдфебель при его входѣ.

— Такъ точно, вашескородіе, чтобъ согрѣться. Можетъ, прикажете налить вамъ?—предупредительно заторопился фельфебель.

— Нѣтъ, не нужно... пей самъ.—И замѣтивъ, что фельдфебель стоитъ вытянувшись, онъ слегка махнулъ рукой. Это значило, по установившимся между ними обычаямъ, что фельдфебель можетъ держаться свободно.

Фельдфебель отодвинулъ въ сторону свой недопитый стаканъ, отошелъ къ окну и, почтительно наклонившись впередъ, сталъ глядѣть на капитана.

Его смущалъ этотъ неожиданный приходъ командира. «Когда нужно,—думалъ онъ,—тогда не приходитъ. Иногда за весь день ни разу и не заглянетъ, а вотъ теперь, вечеромъ, притащился. Ужъ не случилось ли чего?.. Не досталось ли ему за смотръ?... Бѣда будетъ!..» И фельдфебель со страхомъ вспомнилъ, какъ подозрительно смотрѣлъ на солдатскую одежду корпусный генералъ во время недавняго смотра. «Слишкомъ поношена; похожа скорѣе на тряпки, чѣмъ на мундирную одежду!..» съ неудовольствіемъ замѣтилъ тогда генералъ.

«Гм... похожа на тряпки,—думалъ фельдфебель,—а на что ей и походить-то? Тряпка и есть»... вѣдь... И мысль о томъ, что его продѣлка, совершенная за три недѣли до смотра, можетъ быть открыта, заставила фельдфебеля безпокойно и испытующе смотрѣть на капитана и мучительно ждать, пока онъ разъяснитъ причину своего неожиданнаго прихода.

А командиръ сидѣлъ смущенный, не зная, какъ приступить къ фельдфебелю съ просьбой о деньгахъ. «Вѣдь, чортъ его знаетъ... попросишь, а онъ, собака, возьметъ да откажетъ!.. положеніе-то какое будетъ... гм... Да и что дѣлать потомъ, куда обратиться»...

«Да, двадцать мундировъ такихъ было тамъ,—со страхомъ вспоминалъ фельдфебель;—можетъ здорово нагорѣть... тутъ и не выкрутишься, особенно, если этотъ дуракъ, каптенармусъ, завѣдующій одеждой, какъ-нибудь влопается и проболтаетъ все»... И фельдфебель ясно представлялъ себѣ недавнюю картину.

Оба они, онъ и каптенармусъ, не предвидя скораго смотра, выбираютъ двадцать старыхъ, рабочихъ мундировъ. Потомъ онъ, фельдфебель, приказываетъ эти мундиры починить, почистить и поставить на нихъ клеймо 3-го срока. Затѣмъ у новобранцевъ, болѣе смирныхъ и робкихъ, отнимаютъ выданную имъ было раньше довольно хорошую одежду 3-го срока и выдаютъ имъ взамѣнъ... эти мундиры...

«Гм... не совсѣмъ-то они и тряпки,—думалъ фельдфебель,— вѣдь починили ихъ... почистили... чего еще? Положимъ, тѣ, дру-

гіе мундиры уже давно проданы... ихъ и слѣдъ простылъ, но... если станутъ придираться... этотъ каптенармусъ трусъ... самъ попадется и другого выдастъ... плохо». И фельдфебель со страхомъ ждалъ.

А капитанъ сидѣлъ, молча наклонивъ голову и разсматривая какой-то старый, лежавшій на столѣ, приказъ. Мысли шевелились медленно, медленно. Капитанъ не находилъ ни удобной формы, ни нужной смѣлости, чтобы приступить къ дѣлу.

Слышно было, какъ въ ротномъ помѣщеніи, за стѣной, пробило шесть часовъ. Ударъ за ударомъ рѣзко и медленно прорѣзывалъ тяжелое молчаніе, висѣвшее какимъ-то непріятнымъ, смутнымъ предчувствіемъ надъ этими двуми сослуживцами.

Фельдфебель мучительно переступалъ съ ноги на ногу. «Да говори же, говори, дубина!—думалъ онъ, злобно поглядывая на капитана.—Усѣлся и молчитъ, какъ будто ничего и не было. У, ты... Командиръ!..—презрительно пронеслось въ головѣ фельдфебеля.—Командиръ!.. Гроша мѣднаго не далъ бы за него... Служитъ... хлѣбъ только даромъ ѣстъ... Что ему?..»

Капитанъ Яблоновскій, словно слѣдя за изчезавшими въ воздухѣ послѣдними ударами часовъ, поднялъ голову. Два безцвѣтныхъ пятна показались поверхъ очковъ и тупо, неопредѣленно уставились въ пространство.

— Ну, Томчукъ,—медленно началъ капитанъ,—что у насъ въ ротѣ слышно?.. Все спокойно, въ порядкѣ, а?..

— Такъ точно, вашескородіе,—быстро отозвался фельдфебель, пытливо глядя на капитана,—все въ порядкѣ.

— Гм... По старому, значитъ.

— Такъ точно, вашескородіе. Только вотъ съ этимъ... съ бывшимъ студентомъ, бѣда съ нимъ... опредѣлили его къ намъ въ роту, а онъ...

— Ну что-жъ, развѣ онъ кому-нибудь мѣшаетъ?—произнесъ капитанъ.—Строевикъ онъ, вѣдь, недурной... пускай себѣ...

— Такъ точно, вашескородіе, строевикъ онъ хорошъ...—фельдфебель пріободрялся понемногу; ему казалось, что опасность не такъ велика, какъ онъ думалъ, а можетъ быть, ея совсѣмъ и нѣтъ.—Строевикъ онъ хорошъ, вашескородіе, это вѣрно, но только я не объ этомъ.

— А о чемъ же?

— А вотъ, вашескородіе, смущаетъ онъ всѣхъ.

— Смущаетъ?—недоумѣвающе повторилъ за фельдфебелемъ капитанъ.—То-есть какъ же это смущаетъ?.. Я собственно не понимаю.

— Да такъ, вашескородіе, ученый онъ очень, образованный,—при этомъ въ голосѣ фельдфебеля дрогнуло что-то жесткое,

злобно-ироническое,—ну и разсуждаетъ все... Ты ему слово, а онъ тебѣ десять въ отвѣтъ... То, говоритъ, не по закону, то не по уставу, то не полагается...

— Ну и что же?—протянулъ капитанъ, и его безцвѣтные глаза тупо уставились на фельдфебеля.

— Вотъ оно, вашескородіе, и выходитъ плохо. Потому кругомъ солдаты... слушаютъ... дисциплина пропадетъ. Конечно, съ простымъ солдатомъ не долго... прихлопнешь его и молчитъ, потому что необразованный и боится... а все же не хорошо это. Портитъ онъ ихъ..,

— Н-да, это скверно, объ этомъ надо подумать,—безразличнымъ голосомъ протянулъ капитанъ.—Ну а дальше... остальное тамъ все въ порядкѣ?

— Такъ точно, вашескородіе, въ порядкѣ.

И видя, что капитанъ остается, какъ всегда, невозмутимо равнодушенъ къ своей ротѣ, фельдфебель совсѣмъ уже успокоился.—Ничего, думалъ онъ, нѣтъ, никакой опасности... Это онъ видно... насчетъ денегъ пришелъ... эхъ ты!..

И засмѣявшись нѣмымъ радостнымъ смѣшкомъ, фельдфебель повернулъ разговоръ опять на прежнее.

— Все въ порядкѣ, вотъ только студентъ этотъ... И онъ, вашескородіе,—продолжалъ фельдфебель, оживляясь,—книжки все читаетъ, полный ящикъ книгъ... самъ читаетъ и другимъ даетъ. Вслухъ, значитъ, читаетъ имъ. Собираются они всѣ, да слушаютъ. Книжки эти, вашескородіе, положимъ, безвредныя, а все же не годится это... потому, не читаеть, а все больше разговариваетъ, объясняетъ...

— Гм... такъ ты, Томчукъ, вотъ что, ты... ты эти книжки у него забери.

— Слушаюсь, вашескородіе. А какъ насчетъ этихъ разговоровъ его, прикажете?.. Потому, со смотромъ тоже изъ-за него недоразумѣніе вѣдь вышло... Все толковалъ онъ имъ про войну... а они и раскисли... Война, говоритъ, дѣло нехорошее, потому васъ молодыхъ да здоровыхъ поубиваютъ, покалѣчатъ, а дома, говоритъ, въ деревнѣ, останутся старики, дѣти, бабы... по-міру, говоритъ, всѣ пойдутъ, разореніе... Да, оно вотъ и вышло недоразумѣніе на смотру, потому народъ здѣсь все деревенскій...

Фельдфебель пытливо глядѣлъ на капитана и говорилъ все тише, словно неувѣренный въ исходѣ начатаго дѣла:

— Распустился онъ... студентъ этотъ бывшій... Его бы, вашескородіе, подтянуть хорошенько, онъ бы присмирѣлъ.

— Подтянуть, говоришь ты?—тихо повторилъ капитанъ.

— Такъ точно, вашескородіе, подтянуть, вашескородіе, не мѣшаетъ, — ободряюще замѣтилъ фельдфебель. — На нѣсколько

дневальствъ его поставить не въ очередь... въ городъ не отпустить его раза два...

Капитанъ безпокойно взглянулъ на фельдфебеля.

— Но... ты знаешь, вѣдь я обѣщалъ его матери отпускать его по вечерамъ къ ней.

— Такъ точно, вашескородіе, знаю.

— Ну, такъ какъ же... что я могу сдѣлать?

Фельдфебель многозначительно молчалъ. Углы его рта подергивались легкой усмѣшкой. Онъ чувствовалъ, что капитанъ уже колеблется и что достаточно одного натиска, и вопросъ будетъ рѣшенъ. И онъ молчалъ. Конечно, что ему говорить. Онъ ясно указалъ капитану дорогу. Теперь... пусть рѣшаетъ, какъ хочетъ.

— Ну, что же ты молчишь?—растерянно началъ капитанъ.

— Что же, вашескородіе, я уже докладывалъ вамъ, что его надо подтянуть, потому служба...

— Ну, такъ и дѣлай, что надо...—заторопился капитанъ. Онъ вспомнилъ, что ему нужно обратиться къ фельдфебелю за деньгами...—Если ты считаешь, что его нужно подтянуть, такъ и подтяни...

— Слушаю, вашескородіе. Такъ, значитъ, прикажете его на нѣсколько дневальствъ не въ очередь поставить и запретить въ городъ отлучаться.—Въ голосѣ фельдфебеля звучала покорность.

— Ну да, все, что нужно... нельзя же его такъ распускать...

— Такъ точно, вашескородіе,—фельдфебель вздохнулъ. Ему, казалось, было очень тяжело исполнять приказаніе капитана, но... вѣдь, это служба, нужно подчиняться... что дѣлать!..—Такъ я, значитъ, вашескородіе, такъ и заявлю ему, что молъ командиръ приказалъ за дерзкое и неумѣстное обращеніе со старшими...

— Да, да, такъ и скажи.. и все, что нужно, ты уже, пожалуйста, сдѣлай тамъ, чтобы никакихъ этихъ недоразумѣній не выходило... И вотъ еще, Томчукъ...—небрежно и словно неожиданно вспомнивъ, прибавилъ капитанъ,—нѣтъ ли у тебя денегъ, а? Мнѣ, видишь ли, рублей пятьдесять понадобилось... я, вѣдь, скоро отдамъ... ты знаешь.

Фельдфебель торжествовалъ. Онъ, значитъ, не ошибся. Слава Богу! Но все же, какъ бы тамъ ни было, а... каждый разъ давать деньги... это тоже не очень-то пріятно. Вѣдь, уже двѣсти рублей занялъ... когда-то еще отдастъ... Фельдфебель растерянно развелъ руками и какъ-то безпомощно согнулся: его бритое, круглое лицо выразило глубокое сожалѣніе.

— Деньги?.. гдѣ-жъ у меня деньги, вашескородіе? Сами знаете, жалованье небольшое, сколько получаешь—проживаешь.—Голосъ фельдфебеля принялъ грустный, скорбный оттѣнокъ. Такимъ тономъ жалуются на свою судьбу люди, еле сводящіе концы съ концами.

«Такъ я и зналъ,—мелькнуло въ головѣ капитана,—не хочетъ дать, собака»...

— Слушай, Томчукъ, вѣдь, я знаю, у тебя деньги есть... ты, вѣдь, ничего не проживаешь... ты уже лѣтъ пятнадцать копишь .. Ну?.. Вѣдь, я проценты впередъ уплачу, и вексель выдамъ, вѣдь, ты уже знаешь...

— Но у меня нѣтъ, вашескородіе. Развѣ я бы еще задумывался, если бы у меня были деньги. Боже упаси! Вѣдь, лучше своему командиру одолжить, чѣмъ кому другому... Но вотъ нѣтъ теперь, какъ разъ нѣтъ...

— Поищи, Томчукъ... Или вотъ что, если у тебя, дѣйствительно, нѣтъ, такъ ты гдѣ-нибудь займи, а я ужъ...

Фельдфебель безнадежно махнулъ рукой.

— Не дастъ теперь никто, вашескородіе, потому войны ожидаютъ, боятся...

— Ну что же, что война?—сердито произнесъ капитанъ.—Быть можетъ, нашъ полкъ и не пойдетъ въ дѣло... Мало тамъ безъ насъ, что ли?.. А если и пойдемъ, то, вѣдь, не всѣхъ убьютъ. вернемся...

— Кто знаетъ, вернемся или нѣтъ, это одному Богу извѣстно,—благоговѣйно замѣтилъ фельдфебель, глядя на икону.—А все же не довѣряютъ теперь денегъ... Вотъ ежели бы раньше...

Капитанъ поднялся и угрюмо, тяжело зашагалъ по комнатѣ, дѣлая три шага впередъ къ печкѣ и три назадъ. Ужасное положеніе... къ кому теперь обратиться... Какъ придти въ клубъ и сѣсть играть, не уплативъ долга... такъ не дѣлаютъ... Это даже безчестно... Да и всякій пойметъ тогда, что у него нѣтъ денегъ и что онъ пришелъ отыграться. Капитанъ съ мучительнымъ напряженіемъ старался найти выходъ изъ этого положенія, но... ничего, никакого исхода!.. Отчаяніе и бѣшенство охватывали его, когда онъ поверхъ очковъ взглядывалъ своими безцвѣтными глазами на спокойно стоявшаго фельдфебеля. «Не даешь, собака!.. не хочешь дать! Хорошо, посмотримъ!.. Я съ тобой иначе поговорю!..»

Капитанъ остановился. Холодная, твердая рѣшимость злобно подымалась въ немъ.

— Ну, мнѣ пора,—замѣтилъ онъ отрывистымъ, охрипшимъ отъ волненія, голосомъ.—Подай шинель.

Фельдфебель быстро снялъ съ гвоздя шинель, расправилъ ее и, зайдя сзади, сталъ натягивать ее на капитана, протянувшаго обѣ руки назадъ.

— Я,—началъ капитанъ, уже овладѣвъ своимъ волненіемъ,—хотѣлъ съ тобой относительно мундирной одежды поговорить... тамъ, кажется, что-то неладное произошло... Генералу она вотъ не очень-то понравилась...

Брови фельдфебеля слегка дрогнули; руки, натягивавшія шинель, на мгновеніе остановились.

— Да,—продолжалъ капитанъ,— глядя куда-то въ сторону, такъ ты, Томчукъ, завтра роту выстрой, и я осмотрю все хорошенько... что тамъ такое произошло. Или нѣтъ, всю роту не нужно, а только новобранцевъ... Понимаешь?—Капитанъ многозначительно протянулъ послѣднее слово.

— Слушаю, вашескородіе.

— И потомъ,—спокойно продолжалъ капитанъ,—этого бывшаго студента ты мнѣ домой пришли. Я его хорошенько поразспрошу, чего это онъ все придирается да разсуждаетъ... Одно ему не по закону, другое ему не по уставу. Можетъ быть, онъ и правъ...— Въ голосѣ капитана звенѣло строгое, начальническое недовольство.—Да, это нужно разобрать. Вѣдь онъ не мальчишка... юристъ четвертаго курса; онъ всѣ эти законы да уставы получше насъ съ тобою знаетъ.

— На домъ къ вашему высокородію прислать его?

— Да, да, домой, ко мнѣ. Тамъ удобнѣе поговорить съ нимъ.

— Слушаю, вашескородіе... А какъ прикажете относительно того... если, можетъ, спросить у кого... сколько, значитъ, надо?— фельдфебель почтительно вытянулся предъ капитаномъ.

— Мнѣ немного, рублей пятьдесятъ,—небрежно, замѣтилъ капитанъ; онъ застегнулъ всѣ пуговицы, поднялъ воротникъ и повернулся.—И еще, вотъ чуть было не забылъ,—спохватился онъ,—съ кухней этой... борщъ какъ вода... И куда они сало дѣваютъ, скоты!.. Я теперь каждый день буду заглядывать въ кухню... Быть можетъ, продаютъ они это сало... или отдаютъ кому-нибудь.

Фельдфебель распахнулъ двери. Капитанъ медленно вышелъ.

— Осторожно, вашескородіе, ступеньки начинаются.

— Да, да, я вижу.

Фельдфебель медленно спускался за капитаномъ.

— Такъ, если я, вашескородіе, найду, куда прикажете доставить?

— Ты о чемъ это?—удивился капитанъ.—Ахъ да, я и забылъ совсѣмъ, изъ головы вышло. Я... я теперь въ клубъ иду, ты, значитъ, туда... Скажешь тамъ, чтобъ доложили о тебѣ, когда придешь... Прощай...

— Счастливой дороги, вашескородіе.

V.

Рядовой Саловъ, бывшій студентъ, уходилъ ежедневно въ городъ. Онъ уходилъ вечеромъ, въ семь часовъ, когда въ казармахъ собирались ужинать, и возвращался въ девять часовъ къ повѣркѣ.

Эти два часа онъ проводилъ въ городѣ съ матерью и любимой дѣвушкой, которыя пріѣхали сюда, какъ только разнеслась вѣсть о томъ, что на дняхъ будетъ объявлена давно уже грозившая война.

Первые дни капитанъ не хотѣлъ разрѣшить Салову этихъ ежедневныхъ отлучекъ.

— Довольно будетъ, если разъ въ недѣлю увидятся, по воскресеньямъ; баловаться нечего... Служить надо...

Но помириться съ этимъ мать Салова не могла и стала просить капитана, открывая предъ нимъ свое наболѣвшее материнское сердце, полное слезъ и горя.

И теперь, лежа на койкѣ, въ ожиданіи, когда пробьетъ семь часовъ, Саловъ невольно морщился отъ боли, вспоминая, какъ униженно вымаливала его мать три дня тому назадъ эти отпуски.

Она просила, убѣждала и плакала.

— Капитанъ, вѣдь, я и раньше мало видѣла его, онъ былъ въ университетѣ... Капитанъ, дайте хоть теперь наглядѣться на него. Я пріѣхала за сотни верстъ... проститься съ нимъ... быть можетъ, навсегда... Вѣдь, вы понимаете, у васъ тоже есть дѣти...

Капитанъ недовольно пожималъ плечами:

— Ну что-жъ, и у меня есть дѣти. Но... это къ службѣ не относится... На службѣ надо помнить только свои обязанности и дисциплину. Я не могу этого разрѣшить вамъ. Вашъ сынъ на особомъ... на особомъ, такъ сказать, положеніи. Я его буду отпускать, а онъ возьметъ и... Нѣтъ, благодарю покорно, отвѣчать за него я не намѣренъ. Просите командира полка.

Мать Салова сходила къ полковнику и снова вернулась къ капитану.

— Капитанъ, не откажите!.. Полковникъ сказалъ, что предоставляетъ усмотрѣнію ротнаго командира... онъ лично ничего не имѣетъ противъ этого.

— Гм... ему что?.. развѣ онъ отвѣчаетъ?..—ворчалъ капитанъ въ нерѣшительности.—Поступай, какъ знаешь, а потомъ... отдуваться будешь; знаю я...

— Капитанъ, умоляю васъ, умоляю... Вѣдь, онъ у меня одинъ... Онъ вся моя жизнь. И... быть можетъ, онъ ужъ никогда не вернется...

«Этакая скотина! — мысленно выругался Саловъ — Ему ли о службѣ и дисциплинѣ говорить! Служака нашелся!.. Знаю я, какъ онъ изволитъ служить»...

И потомъ, когда разрѣшеніе было, наконецъ, получено и когда онъ первый вечеръ сидѣлъ у матери, она была такъ счастлива, такъ благодарна капитану. Она положила голову сына къ себѣ на колѣни и, нѣжно лаская ее, говорила:

— Нѣтъ, мой милый, не ругай его, онъ хорошій человѣкъ.

Но, въ самомъ дѣлѣ, пойми, вѣдь, онъ правъ, это служба... отвѣтственность...

— Ахъ, мама, ты его не знаешь, онъ полнѣйшее ничтожество, онъ даже своихъ солдатъ въ лицо не знаетъ... Фельдфебель въ ротѣ полнѣйшій хозяинъ. По его дудкѣ и пляшетъ этотъ капитанъ... командиръ.

— Ну, довольно, мой мальчикъ, не сердись. Онъ разрѣшилъ эти отлучки, и для меня онъ ужъ хорошъ человѣкъ. Вѣдь, это для меня счастье...

— Счастье, счастье!—тихо прошепталъ Саловъ, и упершись ногами въ желѣзную перекладину койки, онъ какъ-то трепетно, судорожно изогнулся своимъ молодымъ, здоровымъ тѣломъ.—Погонятъ на войну... и не вернусь, никогда не вернусь!.. Вотъ и будетъ счастье... Мои милыя, мои славныя, что-то будетъ съ вами!.. Мать безъ сына, невѣста безъ жениха... И Саловъ крѣпко прижалъ къ лицу руки, словно закрываясь отъ гнетущаго предчувствія. Вокругъ его койки ходили, по казармѣ носились разговоры, пѣсни, брань, смѣхъ, а онъ продолжалъ лежать, почти не двигаясь. Тяжелыя мысли, такія холодныя и безпросвѣтныя, вцѣпились въ него своими острыми глазами и медленно, медленно и зловѣще толкали куда-то впередъ, гдѣ было темно и страшно.

Война... Что-то подымается надъ его душою и гнететъ и давитъ... что-то такое громадное, безумно-громадное и нелѣпое... Зачѣмъ, для чего, кому нуженъ этотъ ужасъ, эта кровь, эти гибнущія молодыя жизни!..

Вотъ они идутъ, ихъ такъ много, сотни, тысячи... Вокругъ чуждая страна... сожженныя деревни... изуродованныя, рыдающія поля... Они идутъ все дальше... Тамъ, далеко, у опушки лѣса, что-то мелькнуло...

— Стой! Стройся!..

Вдругъ тамъ, *у тѣхъ* показался дымокъ... что-то ударило... Саловъ судорожно повелъ плечами... И это конецъ... на этомъ останавливается жизнь... Онъ работалъ, любилъ, мечталъ, жизнь открывала міръ такой громадный, необъятно-сложный и... конецъ. И они, вотъ всѣ эти, весело гудящіе вокругъ него, полные силъ и жизни, они тоже пойдутъ и... быть можетъ, не вернутся... Зачѣмъ это... зачѣмъ и для чего?

И среди мучительныхъ вопросовъ, заполнившихъ душу Салова, внезапно поднялся какой-то образъ, какое-то воспоминаніе... Да, это онъ, тотъ молодой солдатъ, сектантъ, прослужившій въ полку около пяти мѣсяцевъ и потомъ куда-то увезенный... Да, онъ ясно вспомнилъ этого солдата. Его звали Демьяновъ. Стройный, красивый, съ глубокими голубыми глазами, онъ дышалъ какой-то почти дѣтской чистотой, какой-то твердой, непоколебимой, нетронутой

силой. Даже этотъ мерзавецъ Томчукъ бывало стоитъ предъ нимъ, какъ загипнотизированный, не смѣя поднять на него руку.

И это было сравнительно недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Было тепло и ясно. Новобранцевъ вывели на дворъ, ихъ обучали. Имъ говорили: «Стрѣляй, коли штыкомъ, рви зубами, убивай»... А главное — это стрѣлять. И ихъ обучали стрѣльбѣ, пока еще только холостыми зарядами.

И вотъ въ первый же день, когда началась стрѣльба, молодой солдатъ-сектантъ Демьяновъ вдругъ выходитъ изъ строя.

— Собака!—крикнулъ взбѣшенный Томчукъ,—пошелъ на мѣсто! Куда вылѣзъ изъ строя!..

Демьяновъ, ничего не отвѣчая, медленно складывалъ на землю ружье, ранецъ и всю амуницію.

Томчукъ привелъ командира.

— Вотъ онъ, вашескородіе... вышелъ изъ строя, никого не спросилъ, не слушается.

— Ты... какъ тебя...—началъ капитанъ Яблоновскій, поглядывая поверхъ очковъ своими бѣлыми, безцвѣтными пятнами.

— Демьяновъ, вашескородіе,—быстро подсказалъ Томчукъ.

— Да, Демьяновъ... Ты что это затѣялъ, а?.. — Пошелъ на мѣсто, скотина!... Строй это священное мѣсто... Понимаешь! Животное!..

Демьяновъ тихо покачалъ головой.

— Нѣтъ, возьмите это, мнѣ не нужно,—онъ спокойно указалъ на лежавшую передъ нимъ; амуницію и ружье,—мнѣ не нужно, я убивать не буду... убивать нельзя... Надо по совѣсти, по справедливости...

И его увезли тогда...

«По совѣсти, по справедливости», — думалъ Саловъ; — какая короткая и ясно отчеканенная формула. Счастливецъ! онъ можетъ жить *ею*, руководствуясь только *ею* всегда и вездѣ. Но развѣ всѣ могутъ такъ...

Мысли Салова мучительно сплетались. Міръ страшно великъ; интересы наполняющихъ его странъ безконечно разнообразны; интересы одной часто противоположны интересамъ другой... Какъ же войти въ этотъ ураганъ съ такой примитивной формулой: «по совѣсти, по справедливости»... Развѣ есть въ этой формулѣ все, что необходимо человѣчеству... Вѣдь, человѣчество страшно сложно, и одухотворяющая его жизнь течетъ не по одному руслу, прямому и постоянному...

Война пугала Салова. Онъ боялся ея жестокостей; боялся кровавыхъ инстинктовъ, выростающихъ подъ ея дыханіемъ; боялся призраковъ нищеты и страданія, плетущихся за военной колесницей побѣдителя... И все-жъ-таки эта формула «по совѣсти, по

справедливости» казалась ему слабой, дѣтски-простой... Это хорошо или для человѣка совсѣмъ первобытныхъ дней, когда все ясно, когда врагъ есть врагъ, другъ есть другъ, бѣлое есть бѣлое... или это хорошо для человѣка безконечно отдаленнаго будущаго, когда не будетъ вражды, не будетъ могильно - тяжелаго труда, не будетъ рабовъ... А между этими двумя полюсами жизнь слишкомъ сложна, она не поддается рѣшенію по заранѣе составленному шаблону... Между этими двумя полюсами исторія человѣчества, еще не нашедшаго опоры, тянулась предъ глазами Салова по крутой дорогѣ, залитой кровью. Война, война, война,— такъ начинались главы этой исторіи и такъ кончались...

Въ предсмертныхъ мучительныхъ судорогахъ борются за свое существованіе народы уже отживающіе, дряхлѣющіе. Они стремятся удержаться на поверхности, сохранить за собой клочокъ земли, глотокъ воздуха и лучъ солнца... Развѣ они не правы?.. А съ другой стороны, встаютъ молодые, свѣжіе, бодрые народы; ихъ сказочно растущій организмъ задыхается въ тѣсныхъ оковахъ своихъ границъ; имъ нуженъ хлѣбъ, имъ нуженъ воздухъ; они бросаются впередъ въ отдаленнѣйшіе концы земного шара... Развѣ они не правы?..

И въ то время, когда Салову казалось, что исторія человѣчества шагаетъ по трупамъ твердо и безъ колебаній, какъ непреложный законъ смерти и жизни, онъ все же чувствовалъ, что въ глубинѣ его души живетъ глухой, робкій, но все больше и больше растущій протестъ: война не можетъ быть спасеніемъ, это ложь!.. война — гибель, смерть, разрушеніе!.. Нужно искать другіе пути для жизни.

И снова предъ Саловымъ вставалъ молодой сектантъ. «По совѣсти нужно, по справедливости»...

И уже казалось Салову, что эта формула далеко не такъ узка и примитивна, и еще казалось ему, что по временамъ онъ глядитъ на сектанта Демьянова, на этого простого парня средняго ума и способностей, снизу вверхъ... Да, снизу вверхъ...

Искать пути... Но гдѣ ихъ искать, какъ искать... Какъ уничтожить борьбу за существованіе, какъ снять съ народовъ тяготѣющую надъ ними расовую ненавить, какъ раздавить или примирить все, что создаетъ вражду...

И Саловъ невольно вспоминалъ, какіе горячіе споры подымались въ обществѣ, когда сталъ надвигаться жгучій вопросъ о рѣшеніи участи далекаго азіатскаго востока.

Самые честные искренніе, убѣжденные люди, солидарные во всемъ, переставали, понимать другъ друга, какъ только подымался этотъ вопросъ. Одни говорили, что Китай это разрушающійся организмъ, и для того чтобы спасти его, нужно дать ему европей-

скую культуру и просвѣщеніе... даже насильно, противъ его воли и желанія. Другіе говорили, что никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ жизнь Китая: онъ имѣетъ свою культуру, тысячелѣтнюю, которая намъ чужда, но съ которой онъ сроднился и которой онъ доволенъ. Потомъ говорили, что Китай обнищалъ и лишенъ возможности прокормить свое милліонное населеніе, а потому онъ грозитъ европейскимъ странамъ нашествіемъ рабочихъ рукъ... И еще много, много разнаго говорили... И это были по временамъ люди дѣйствительно честные, которыхъ нельзя было заподозрить въ какихъ-нибудь нечистыхъ, корыстолюбивыхъ стремленіяхъ...

И Саловъ чувствовалъ, что на него надвигается непроглядная тьма, густая, удушливая, тяжелая. Вѣдь всѣ рѣшали такъ: по совѣсти, по справедливости... и что же, развѣ виденъ путь?.. Правда, всѣ эти люди не признаютъ войны, но они развѣ даютъ взамѣнъ ея что-нибудь болѣе положительное?.. И, наконецъ, что значитъ вносить культуру?..

И казалось Салову, что весь міръ покрытъ дорогами, и человѣчество бредетъ по нимъ, никогда не останавливаясь и... никуда не приходя. Солнце такъ же далеко отъ него, смерть такъ же царитъ надъ нимъ, счастье такъ же чуждо... и все, все, какъ было раньше, сотни лѣтъ тому назадъ...

VI.

— Эй, робята, выходь на ужинъ, жива! жива!—такъ кричалъ дежурный по ротѣ, младшій унтеръ-офицеръ Онуфріевъ, прибѣжавъ изъ кухни и суетливо подталкивая и подгоняя неповоротливыхъ.

— Ну, выходь, выходь, не копайсь!

Рота мгновенно ожила и встрепенулась.

Начатое письмо «на родину», сапогъ, подвергавшійся критической оцѣнкѣ стараго солдата, заплата, бережно накладываемая на прорѣху казенныхъ шароваръ, недочитанная книжка про геройскій подвигъ Архипа Осипова, и т. п.—все это быстро, коекакъ, совалось подъ подушку, подъ тюфякъ или въ ящикъ шкафчика, стоящаго между каждыхъ двухъ коекъ.

Ужинъ... Ни одинъ порядочный солдатъ не пропуститъ ни обѣда, ни ужина. Въ праздникъ можно, конечно, побаловаться и булкой, и колбасой, и селедкой, а ужъ въ обыкновенные дни, нѣтъ, это не годится. Денегъ изъ дому присылаютъ довольно-таки рѣдко... да и по скольку присылаютъ! Два рубля, три... а ужъ если пять пришлютъ, ну, значитъ, держись, братъ, не скоро ужъ дождешься опять... можетъ черезъ полгода, а то и больше...

И потомъ письма-то эти какія... Не каждому изъ нихъ радъ тотъ, кто получитъ.

Грустно было на душѣ и у Петрухина, стоявшаго дневальнымъ. Ему писалъ братъ, что «и зима стоитъ лютая, и снѣгу нѣтъ, и поля голыя, и озимая того и гляди замерзнетъ. И телка, что уже хотѣли къ празднику на базаръ вывести, вдругъ ногу сломала; гнали ее къ водѣ, къ проруби, а она на самомъ краю упала и бухнулась въ воду; стали вытаскивать, а нога-то и подвернулась... бѣда». Потомъ еще стояло въ письмѣ къ Петрухину, что «жена твоя единоутробная въ скоромъ времени всенепремѣнно рожать будетъ и кланяется тебѣ. И ежели можно, то просись хоть на мѣсяцъ, чтобъ тебя отпустили на побывку. Потому можно бы тогда въ извозъ на заработки двумя подводами пойтить. А то я одинъ и не управлюсь со всѣмъ»...

И ощупывая полученные отъ брата два рубля, Петрухинъ ходилъ вслѣдъ за дежурнымъ и громко кричалъ, а его мысли были далеко:

— Ну, что же не выходишь, выходи, братцы!

И солдаты, толкая другъ друга, бѣжали въ уголъ помѣщенія, гдѣ на полкахъ, завѣшанныхъ ситцевой полосой, лежали хлѣбъ и ложки.

— Не толкай, чортъ!—доносилось изъ этого угла.—Успѣешь.

— Ну, ну, морда, не ругайся! Вотъ заѣду—такъ жарко станетъ!..

И первый солдатикъ, небольшой, незамѣтный, какъ мальчикъ, невзрачный и жалкій, напрасно силился достать свою ложку и хлѣбъ. Онъ становился на носки, протягивалъ руку, но въ это время кто-нибудь случайно толкалъ его, и онъ опять отѣснялся назадъ.

— Петрухинъ, достань,—умоляющимъ голосомъ обратился онъ къ Петрухину.

Петрухинъ стоялъ въ сторонѣ, онъ могъ пойти на ужинъ только тогда, когда всѣ уже поужинаютъ и его смѣнятъ съ дневальства.

Онъ вынулъ штыкъ изъ привѣшенной къ поясу ножны.

— Гдѣ твоя ложка, какая?

— Да вотъ направо, на верхней полкѣ. Толкани ее.

— Эту?

— Нѣ-этъ.. Эхъ, братецъ, какой ты!.. Вонъ та, пузатая... Вотъ и хлѣбъ тоже, двинь его—слетитъ...

Саловъ, услыхавъ, что *гонятъ* на ужинъ, быстро вскочилъ и сталъ нетерпѣливо одѣваться.

«Скорѣй, скорѣй въ городъ, туда»... къ нимъ. Пока дождешься этой минуты, душа изболѣетъ.... Мои милыя, мои славныя.

Застегнувъ шинель, онъ подошелъ къ дежурному по ротѣ.

— Слушайте, Онуфріевъ, я ухожу въ городъ до повѣрки. У меня разрѣшеніе отъ командира, вѣдь, вы знаете.

— Знаю, знаю, ступайте. Только вы ужъ, пожалуйста... того, не запоздайте. Потому вы знаете... фельдфебель каждый день спрашиваетъ: «не опоздалъ онъ къ повѣркѣ, а?» Не любитъ онъ васъ... ищетъ все, какъ бы...

Саловъ махнулъ рукой.

— Плевать на него!.. Я аккуратенъ и все въ точности исполняю, придираться не къ чему.

— Ну, дѣло ваше.—И дежурный снова крикнулъ:—выходи на ужинъ, выходи, не копайсь!

Саловъ быстро двинулся къ выходу. Вокругъ него слышался довольный смѣхъ и шутки людей, которымъ предстоитъ насытиться.

— А вы не ужинаете съ нами, Саловъ?—спросилъ кто-то изъ толпы, торопившейся къ ужину.

— Нѣтъ, ему не нужно,—вмѣсто Салова отвѣтилъ кто-то.— Зачѣмъ ему, онъ, вѣдь, всегда сытый, потому Саловъ значитъ сало...

Саловъ улыбнулся.

— Совсѣмъ это, голубчикъ, не остроумно. Притупился, видно, язычокъ твой.

— Потому голоденъ онъ, господинъ студентъ, вотъ что.

Толпа, хлынувшая было къ дверямъ, вдругъ остановилась, потомъ мгновенно подалась назадъ и умолкла. Въ дверяхъ показалась высокая фигура фельдфебеля.

— Стой! чего прешь!.. Ишь какъ бѣгутъ... небось на ученье не побѣжитъ, а вотъ жрать... свиньи этакія!..

Передніе ряды разступились, давая дорогу фельдфебелю. Они вытянулись и ждали. Нѣкоторые поспѣшно проглатывали недожеванные куски хлѣба, давясь и краснѣя отъ натуги.

— Дежурный!

— Я здѣсь, господинъ фельдфебель.—Дежурный приблизился къ фельдфебелю.—Что прикажете?

— Сейчасъ, подожди, некогда тебѣ?—Фельдфебель сталъ медленно разстегивать шинель, отряхая отъ нея приставшія снѣжинки. —Ты вотъ что... Гдѣ этотъ... какъ его... студентъ бывшій.—И фельдфебель, словно припоминая что-то забытое, сталъ оглядывать вытянувшихся вокругъ него солдатъ. Онъ, казалось, искалъ кого-то, но когда его глаза устремлялись въ то мѣсто, гдѣ стоялъ Саловъ, они мгновенно перебѣгали дальше.

— Вамъ Салова, господинъ фельдфебель?

— Да, да, Салова. Гм... и фамилія-то какая у него... постоянно забывается. — И фельдфебель съ легкой, какъ будто скры-

ваемой улыбкой нѣсколько разъ повторилъ: Саловъ, Саловъ, Саловъ... гм... Ну, такъ гдѣ же онъ, этотъ самый—Саловъ, а?..

Саловъ, сдѣлавъ шагъ впередъ, выступилъ изъ толпы. Онъ безпокойно глядѣлъ на фельдфебеля. Всегда фельдфебель принималъ съ нимъ этотъ полупрезрительный тонъ, когда имѣлъ въ запасѣ какую-нибудь непріятность для него.

— Я здѣсь, господинъ фельдфебель.

— А, вы здѣсь, хорошо!—фельдфебель окинулъ Салова холоднымъ взглядомъ.—Вы это, позвольте узнать, куда собираетесь, а?

— Я въ городъ, господинъ фельдфебель.

— Гм... въ городъ... это хорошо. Ну, а разрѣшеніе, позвольте узнать, у васъ имѣется?

— Да, имѣется,—сухо отвѣтилъ Саловъ.—Мнѣ командиръ разрѣшилъ уходить на два часа ежедневно. Вы это знаете.

— Ежедневно,—протянулъ фельдфебель,—да, я это знаю, но... кажется, это уже слишкомъ часто для васъ. Если каждый захочетъ уходить на два часа ежедневно, то...

— Господинъ фельдфебель, вы не имѣете права осуждать или отмѣнять приказаній командира. И разъ онъ разрѣшилъ мнѣ, то...

— Молчать! Не разсуждать! — вскрикнулъ фельдфебель, весь дрожа и краснѣя отъ бѣшенства.—Вы все знаете... всѣ права вы знаете!.. Я вамъ покажу права!.. Долой шинель! Поставить его дневальнымъ сейчасъ же... слышишь, дежурный?

Младшій унтеръ-офицеръ Онуфріевъ взглянулъ на фельдфебеля.

— Теперь, господинъ фельдфебель, дневальнымъ стоитъ Петрухинъ, такъ что...

— Смѣнить Петрухина, дуракъ! — топнулъ ногой фельдфебель.—Сейчасъ смѣнить и вмѣсто него поставить этого... этого,—фельдфебель пальцемъ указалъ на Салова.

— Слушаю,—смущенно отвѣтилъ Онуфріевъ, оборачиваясь къ Салову:—сбросьте шинель... дневальнымъ становитесь.

Саловъ началъ медленно сбрасывать шинель. Онъ разстегивалъ крючки, и пальцы его тряслись и прыгали, какъ будто онъ только что совершилъ какую-нибудь тяжелую физическую работу.

— Я все-таки не понимаю, г-нъ фельдфебель...

— И понимать вамъ нечего!—оборвалъ его фельдфебель.—Вы должны исполнять, а не понимать...

Саловъ сбросилъ шинель, нацѣпилъ на поясъ ножну со штыкомъ и подошелъ къ фельдфебелю.

— Я готовъ. Прикажете сейчасъ становиться?

— Дежурный, смѣни Петрухина...—началъ фельдфебель.—Готово?.. Ну, извольте становиться.

— Слушаю, г-нъ фельдфебель.—Саловъ вытянулся въ струнку, поднесъ руку къ фуражкѣ и твердымъ голосомъ отчеканилъ:

—позвольте вамъ доложить, г-нъ фельдфебель, что я буду жаловаться командиру на васъ.

— Позвольте вамъ доложить, г-нъ Саловъ,—иронически улыбаясь, произнесъ фельдфебель,—что командиръ *самъ*, слышите, *самъ* приказалъ не пускать васъ въ городъ и не въ очередь на дневальства почаще ставить.

— Но за что, за что?

— Гм... кто знаетъ. Можетъ быть, за то, что вы слишкомъ много разсуждаете... командиръ этого не любитъ... это не полагается на службѣ.

— Не понимаю, рѣшительно ничего не понимаю!—Въ голосѣ Салова чувствовалась боль и обида.—Вѣдь самъ же онъ обѣщалъ моей матери отпускать меня къ ней, а теперь...

Ненависть и презрѣніе къ командиру шевелились въ душѣ Салова. И все обиднѣе становилось ему, когда онъ думалъ, что повиноваться нужно человѣку, за которымъ нѣтъ ни способностей, ни ума, ни чести... Это гниль... Это какая-то развалина...

А фельдфебель торжествовалъ. «Этотъ молокососъ теперь пойметъ, отъ кого онъ зависитъ!» И безпомощно сложивъ руки, фельдфебель заговорилъ невинно-ехиднымъ, сочувственнымъ голосомъ:

— Ахъ, г-нъ Саловъ, что же дѣлать, подчиняться нужно. Вы вотъ образованный человѣкъ, скоро судьей или прокуроромъ или тамъ чѣмъ-нибудь будете важнымъ... а здѣсь все же подчиняться нужно. Да, мы люди простые, необразованные, а все же вы должны намъ подчиняться, потому служба, дисциплина...

— Но, вѣдь, я подчиняюсь, г-нъ фельдфебель. Я не претендую ни на что. Изъ границъ устава я никогда не выхожу.

— Да, да,—продолжалъ фельдфебель, не слушая его,—подчиняться нужно... А тамъ разные уставы да законы, да права... ужъ вы это другимъ оставьте, кто постарше васъ... Солдатъ не долженъ разсуждать...

Фельдфебель наслаждался своимъ тріумфомъ. Онъ медленно и съ чувствомъ потиралъ руки, побѣдоносно и свысока глядя на Салова.

— И вотъ книжки, вы, пожалуйста, перестаньте читать. Командиръ сказалъ, что это не годится...

— Да вѣдь книжки-то эти отсюда же, изъ ротной библіотеки, почему не читать ихъ?—удивился Семенъ.

— Ахъ, какой вы, г-нъ Саловъ,—ласково упрекнулъ фельдфебель.—Ну вотъ, сказано вамъ, отдать книжки, а вы опять разсуждаете... гм... Да развѣ я знаю, почему приказано. Приказано и кончено... Ахъ, Саловъ, Саловъ, плохо вы себя рекомендуете... А, вѣдь, ученый человѣкъ, понимающій.—И оглянувшись на сму-

щенно стоявшихъ кругомъ солдатъ съ ложками и хлѣбомъ въ рукахъ, фельдфебель улыбнулся.—Ну, маршъ на ужинъ, чего зѣваете. А вы, г-нъ Саловъ, такъ и быть, становитесь дневальнымъ. Подчиняться нужно... ничего не подѣлаешь! И я бы тоже, можетъ, ушелъ бы куда-нибудь, а нельзя... служба.

VII.

Было девять часовъ. Пропѣли молитву и разошлись по своимъ койкамъ. Саловъ въ фуражкѣ, въ застегнутомъ на всѣ крючки мундирѣ, опоясанный ремнемъ, на которомъ висѣлъ штыкъ, отбывалъ дневальство внутри роты. Онъ прикрутилъ лампы, позакрывалъ ставни, потомъ открылъ отдушникъ, въ черномъ отверстіи котораго быстро завертѣлось полосатое, разрѣзанное колесо.

Становилось тихо. Тусклый свѣтъ прикрученной лампы откладывалъ во всѣ стороны длинныя тѣни. Разговоры постепенно умолкали. Не ложились еще спать только тѣ, кто имѣлъ какую-нибудь работу. Тѣ, по уставу внутренней службы, могутъ сидѣть до одиннадцати часовъ, если только ихъ работа не мѣшаетъ спать другимъ и если на свой счетъ купятъ свѣчу или керосинъ.

Петрухинъ сидѣлъ у своей маленькой лампочки. Близъ него на той же койкѣ сидѣлъ младшій унтеръ-офицеръ Онуфріевъ, дежурный по ротѣ.

Саловъ подошелъ къ нимъ и присѣлъ на ближней койкѣ. Онъ сидѣлъ, повернувъ голову такъ, чтобы не терять изъ виду входную дверь.

— Онуфріевъ, вы посылали за приказомъ или нѣтъ? Сегодня приказъ, пожалуй, невеселый будетъ,—произнесъ Саловъ.

— Да, я уже посылалъ,—отвѣтилъ Онуфріевъ.—Петрухинъ цѣлый часъ въ полковой канцеляріи ждалъ. Не готовъ еще. Говорятъ, къ полночи готовъ будетъ. Много тамъ сегодня понаписано будетъ...

— Да, не готовъ,—подтвердилъ Петрухинъ. Онъ снялъ съ себя мундиръ, поднялъ и растянулъ его въ воздухѣ, какъ простыню, и сталъ пристально оглядывать его. Сквозь ветхое сукно мундира, растянутаго противъ лампочки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блеснулъ свѣтъ. Петрухинъ озабоченно наморщилъ лобъ:

— И дырявый же, чортъ!.. хоть чини, хоть не чини, все одно... Утромъ смотрѣлъ, ладный былъ, а теперь опять... Латай, да латай. И кажный вечеръ такъ. Ну, ну, мундиръ!..—Петрухинъ недовольно пожалъ плечами и сплюнулъ.—Каждый вечеръ, до полночи... починяй и сиди. Служба... Дали хорошій мундиръ, а потомъ, вишь, жалко стало, отобрали...

Онуфріевъ снисходительно улыбнулся.

— Служба!.. Эхъ ты, развѣ ты знаешь, какая она, эта служба? Ты что, новобранецъ считаешься, ну и терпи. Ты, братъ, годика три послужи, вотъ тогда тебѣ и уваженіе будетъ. Потому ежели ты старый солдатъ, такъ тебѣ уже во всемъ разное уваженіе полагается. А еще ежели ты чинъ заслужишь...—И Онуфріевъ при этомъ многозначительно зажмурилъ лѣвый глазъ и кивнулъ головой.—Да, чинъ это, братецъ ты мой, хорошее дѣло. Ты думаешь, фельдфебель кто такой, а? Генералъ, что ли?.. Небось, тоже унтеръ-офицеръ, какъ я. Но только онъ, значитъ, старшій унтеръ-офицеръ считается и, кромѣ того, на сверхсрочной службѣ... Да, безпремѣнно объ чинѣ надо думать. Онъ, видишь ли, что?—тоже унтеръ-офицеръ, а смотри... вся рота его... хозяинъ... сила...

Петрухинъ, внимательно разглядывая ветхій, полинялый мундиръ, махнулъ рукой.

— Куда ужъ мнѣ объ чинѣ думать... Мнѣ бы отслужиться безъ грѣха, да поскорѣй туды... домой.

— Домой... ахъ ты сѣрый, сѣрый. Безъ году недѣлю служишь, а ужъ домой. Нѣтъ, братъ, это не годится.—Онуфріевъ снисходительно и вмѣстѣ съ тѣмъ укоризненно покачалъ головой.— У насъ, братъ, въ учебной командѣ. А ты знаешь, что это значитъ— учебная команда? Это значитъ команда, гдѣ готовятъ на унтеръофицера... Такъ вотъ, значитъ, былъ у насъ поручикъ Синицынъ, парень шустрый, веселый. Онъ, братъ ты мой, какъ говорилъ: «Тотъ, говоритъ, не солдатъ, кто не думаетъ генераломъ быть».. Да, объ чинѣ надо думать, а не то что «домой». Дома что? Ни тебѣ чести, ни тебѣ дисциплины, ни тебѣ порядку... Одно слово—мужики и необразованность. И потомъ, ежели разсчитывать, выгоды никакой. Потому здѣсь, на службѣ, тутъ тебѣ чай и сахаръ въ препорцію, тутъ тебѣ говядина въ препорцію, тутъ тебѣ хлѣба въ препорцію, ну и все, что тебѣ нужно...

И перечисляя всѣ выгоды и преимущества военной службы, Онуфріевъ при каждомъ пунктѣ загибалъ палецъ и взглядывалъ на Петрухина. И лицо его дышало довольствомъ, спокойствіемъ и сытостью. Видно было, что этотъ человѣкъ уже огражденъ и обезпеченъ. Случайности и невзгоды свободной, самостоятельной жизни его ужъ не привлекаютъ. А деревенская жизнь, та жизнь, которая такъ влечетъ къ себѣ Петрухина... о, эту жизнь онъ совсѣмъ презираетъ...

— Да,—продолжалъ Онуфріевъ,—тутъ, братъ, деревенщиной не пахнетъ. Тутъ никакихъ тебѣ заботъ нѣтъ... самъ бариномъ живешь, да!.. Оно, конечно, и служить надо по правиламъ, какъ полагается, а то... вздуютъ и, главное, на сверхсрочной службѣ не оставятъ.

Петрухинъ, наклонившись надъ мундиромъ, ковырялъ иглой и слушалъ Онуфріева. Ему казалось странной, смѣшной и даже обидной та мысль, что будто онъ можетъ когда-нибудь отдать предпочтеніе этой подневольной жизни. Гм... дома онъ хозяинъ мужъ и, быть можетъ, даже отецъ... да, быть можетъ, въ эту минуту онъ уже отецъ, а тутъ... тутъ что!..

Петрухинъ инстинктивно сознавалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ на службѣ, съ нимъ что-то произошло; онъ растерялся, не чувствовалъ въ себѣ той бодрости, увѣренности и спокойствія, съ какими бывало выходитъ дома на работу, на свою полосу. Тамъ, дома, ему былъ ясенъ и понятенъ каждый шагъ. Онъ зналъ, зачѣмъ пашетъ, сѣетъ, жнетъ; зналъ, зачѣмъ везетъ хлѣбъ на базаръ, зачѣмъ покупаетъ корову, продаетъ жеребенка... Да, тамъ онъ все понималъ; все было ясно для него. И, главное, тамъ все было необходимо... А тутъ, на службѣ, онъ ни въ чемъ не увѣренъ. Каждый шагъ поселяетъ въ душѣ сомнѣніе: такъ нужно было сдѣлать или нѣтъ? И все время онъ боится не угодить; и все, что онъ дѣлаетъ, нужно почти всегда сызнова передѣлывать. Не такъ вывернутъ носокъ, не такъ сдвинутъ поясъ, не такъ сверкаетъ бляха. И къ чему ему все это, къ чему,—думалъ Петрухинъ. Но сколько ни напрягалъ онъ свою мысль, онъ все же не могъ ясно и конкретно представить себѣ цѣль, для которой понадобилось бы его, человѣка взрослаго и семейнаго, теребить, толкать и вертѣть, какъ чучело, поставленное на полѣ... И изъ-за чего?... Изъ-за пояса, не такъ сдвинутаго; изъ-за бляхи, не такъ сверкающей; изъ-за носка, не такъ повернутаго.

И по временамъ въ грустномъ, тоскливомъ взорѣ Петрухина видно было тяжелое, мучительное недоумѣніе. Кому это нужно было, кому... оторвать его отъ земли, отъ дома, отъ жены...

— Да,—тяжело вздохнулъ онъ,—дома лучше. Дома я, господинъ унтеръ-офицеръ, хозяинъ, а здѣсь что?.. Ничего. — И продѣвъ черную нитку въ иглу, онъ сталъ стягивать прорѣху подъ рукавомъ мундира.—И вы, господинъ унтеръ-офицеръ, службу хвалите, потому у васъ дома нѣтъ, земли нѣтъ. Вы городской человѣкъ... А ежели бы деревенскій были, и потомъ земля...

— Разсказывай!—презрительно отозвался Онуфріевъ—Земля!.. Ну что же, что нѣту... на что она мнѣ, земля эта... голодать съ нею!.. Нѣтъ, я вотъ на сверхсрочной службѣ останусь, деньги соберу, женюсь, ну и тоже землю куплю... А только копаться я съ нею не буду, нѣтъ, зачѣмъ. Я, какъ Томчукъ, фельдфебель нашъ, землю по рукамъ и никакихъ... Самъ только ходи да деньги за нее въ срокъ получай. А служба службой останется, не брошу ее... зачѣмъ бросатъ!

Петрухинъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, не хорошее это дѣло, на сверхсрочной службѣ.

— Нехорошее?.. Эхъ ты, баба деревенская! — разсмѣялся Онуфріевъ.—Много ты понимаешь: а деньги, а все тебѣ готовое, а уваженіе отъ начальства?

— Нѣтъ, нехорошее дѣло, — твердо и спокойно повторилъ Петрухинъ.—Потому, ежели на сверхсрочной службѣ человѣкъ останется, ужъ, значитъ, онъ тутъ и душу продалъ. Ужъ онъ значитъ объ солдатѣ и не думаетъ, что и солдатъ человѣкъ есть и что пожалѣть его надо. Да, ужъ онъ тогда все къ начальству норовитъ, чтобъ угодить ему, а объ солдатѣ... ужъ это онъ забываетъ. Вы теперь, г-нъ унтеръ-офицеръ, свой человѣкъ, любите солдата, товарищъ онъ вамъ... А вотъ какъ на сверхсрочной службѣ останетесь, тогда уже...

— Глупости ты говоришь,—недовольнымъ голосомъ протянулъ Онуфріевъ, задѣтый за больное мѣсто. Онъ думалъ по окончаніи дѣйствительной службы остаться на сверхсрочной, но въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что Петрухинъ правъ. Сколько ни видалъ онъ сверхсрочныхъ служакъ, всѣ они носили у солдатъ названіе «продажная шкура», и всѣ они большей частью оправдывали эту кличку.

Каждый изъ этихъ «продажныхъ шкуръ» всегда выколачивалъ душу изъ солдата, угождалъ начальству и, думая о будущемъ, старался заранѣе обезпечить себя... какъ и чѣмъ—это испытывали на себѣ подчиненные.

— Глупости ты говоришь, — повторилъ Онуфріевъ. — Можно такъ служить, чтобы и начальству угодить и чтобы солдата тоже въ обиду не дать...

Саловъ сидѣлъ близко и слушалъ, но до его сознанія доходили только отрывки разговора. Онъ видѣлъ предъ собою меблированную комнату. Посреди столъ. Самоваръ все тише и все тоньше поетъ свою странную, грустную мелодію. У окна, прижавшись лицами къ стеклу, стоитъ его мать и та, которая будетъ его женой, если... онъ вернется... Обѣ онѣ глядятъ въ темноту этой холодной зимней ночи и думаютъ тяжелую думу.

Почему его такъ долго нѣтъ? Почему онъ не идетъ? Вѣдь, уже девять часовъ.

Изрѣдка кто-нибудь изъ нихъ тяжело вздохнетъ и, словно ободряя другую, тихо шепчетъ:

— Опоздалъ немного... Ну что-жъ, это можетъ случиться... Что-нибудь задержало вѣроятно...

И снова прижавъ лица къ стеклу, онѣ глядятъ въ эту безотвѣтную ночь и ждутъ, и ждутъ...

Глухая ненависть подымалась въ душѣ Салова. Онъ чувствовалъ, какъ все возмущается въ немъ, противъ безпрекословнаго, животнаго повиновенія, рабомъ котораго онъ очутился теперь.

Служить, исполнять все, идти на войну... хорошо, онъ согласенъ, онъ мирится съ этимъ, но зачѣмъ же издѣваться надъ нимъ, зачѣмъ же эта ненужная безсмысленная жестокость... зачѣмъ!..

И этотъ вопросъ короткимъ, судорожнымъ вздохомъ вырвался изъ груди Салвва.

Онуфріевъ быстро обернулся.

— Что, г-нъ студентъ, ай домой заскучали?

— Да,—тяжело произнесъ Саловъ,—меня ждутъ, меня матушка ждетъ и... А онъ вотъ не пустилъ, мерзавецъ этакой!

Онуфріевъ безпомощно развелъ руками.

— Что-жъ дѣлать, г-нъ студентъ. Служба, подчиняться нужно. Оно, положимъ, капитанъ у насъ ничего... жить бы можно... А ужъ этотъ Томчукъ... это птица!—сдержанно замѣтилъ Онуфріевъ.— И не любитъ онъ васъ, страсть какъ не любитъ. Ну... Богъ съ нимъ, что толковать объ этомъ... А вы, г-нъ студентъ, вотъ что намъ скажите: война, говорятъ, она и въ самомъ дѣлѣ будетъ, правда это, а?

— Война,—тихо замѣтилъ Саловъ.—Кто знаетъ... Можетъ быть, не будетъ, а можетъ быть... можетъ быть, уже и объявлена въ сегодняшнемъ приказѣ... Страшная это будетъ война, далекая—далекая, и если мы, если нашъ полкъ пойдетъ, то многіе изъ насъ не вернутся больше. А можетъ быть, никто, никто изъ насъ не вернется...

— Никто не вернется...—какъ-то тупо, удивленно и машинально повторилъ за нимъ Онуфріевъ.

— Никто не вернется...—глухо, какъ далекое эхо, отозвался и Петрухинъ.

И стало тихо. Война, казалось, распростерла свои черныя крылья надъ этими людьми. Она тяжело опускалась на нихъ, и ея мертвое тѣло было мучительно и страшно своей неясностью и огромностью.

— Никто не вернется,—медленно, напряженно повторилъ Петрухинъ, оставляя иглу. Онъ всѣми силами души хотѣлъ вникнуть въ эти слова, чтобы понять ихъ. Но его лицо, большое, свѣтлое и доброе, какъ бываетъ иногда у дѣтей, глядѣло предъ собой съ недоумѣніемъ. Онъ думалъ о войнѣ, о походѣ, о непріятелѣ, и... все это было далеко и чуждо ему и мало трогало его душу.

Война... можетъ быть, его убьютъ, искалѣчатъ... Нѣтъ, это ему непонятно. Свѣжій, молодой, здоровый организмъ не понимаетъ смерти, не можетъ чувствовать и представлять ее себѣ. Нѣтъ, какое ему дѣло до этой войны... А вотъ тамъ, дома... И все дорогое, все близкое и милое Петрухину, казалось, встаетъ предъ нимъ яснѣе и такъ зоветъ къ себѣ... И поле, и домъ, и жена, и, быть можетъ... ребенокъ.

Билитъ.

НАКАНУНѢ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

(Историческій очеркъ).

*(Продолженіе *).*

Глава IV.

Вопросъ о мѣстной реформѣ въ редакціонной комиссіи.

Необходимость вмѣстѣ съ упраздненіемъ крѣпостного права коренным образомъ реформировать покоившуюся на немъ систему мѣстнаго управленія была настолько очевидна, что вполнѣ признавалась не только обществомъ, но и правительствомъ. Въ то время, какъ въ губернскихъ комитетахъ и дворянскихъ собраніяхъ складывались и формулировались общественно-политическія желанія дворянства, въ петербургскихъ канцеляріяхъ бюрократическая мысль также усиленно работала надъ вопросомъ о мѣстной реформѣ. Однако, эта работа, въ значительной степени осложненная чисто полицейскими заботами о сохраненіи государственнаго спокойствія, которому будто бы могло угрожать освобожденіе крестьянъ, шла крайне вяло и противорѣчиво. Послѣ «предположеній» министерства внутреннихъ дѣлъ 16-го мая 1858 года, въ которыхъ дворянство увидѣло оскорбленіе своему сословію и желаніе поставить въ осадное положеніе все русское земство и которыя подверглись неодобрительной критикѣ даже въ губернаторскихъ отзывахъ, земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ выработалъ въ концѣ 1858 года новый планъ мѣстной реформы. По этому плану, полицейское и хозяйственное земское управленіе распадалось на двѣ самостоятельныя отрасли.

Вся хозяйственная земская дѣятельность, строительная, земскихъ сборовъ, продовольственная, общественнаго призрѣнія и т. д., сосредоточивалась въ отдѣльномъ управленіи съ участіемъ въ немъ всѣхъ сословій. 25-го марта 1859 года эти общія начала получили высочайшее утвержденіе. Подробная и окончательная разработка проекта была возложена на особую комиссію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежде-

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ 1905 г.

ніяхъ, образованную при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ Николая Милютина. По высочайшему повелѣнію, комиссія должна была обсудить необходимость предоставленія хозяйственному управленію въ уѣздѣ *большаго единства, большей самостоятельности и большаго довѣрія*, а также опредѣлить степень участія каждаго сословія въ дѣлахъ хозяйственнаго управленія. 23-го октября 1859 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о выработкѣ на такихъ началахъ проекта преобразованія губернскихъ земско-хозяйственныхъ учрежденій.

Слова о необходимости большей самостоятельности и большаго довѣрія, какъ желательныхъ основахъ преобразованнаго земскаго управленія, очевидно, имѣли цѣлью внушить мѣстнымъ людямъ вѣру въ либеральныя намѣренія правительства. Но они не принесли ожидаемыхъ результатовъ и не успокоили встревоженнаго дворянства. Работы комиссіи протекали подъ покровомъ канцелярской тайны, при ревнивомъ недовѣріи къ представителямъ общества, при глубокомъ презрѣніи даже прогрессивныхъ чиновниковъ къ голосу мѣстныхъ людей. Какъ писалъ Ланской въ цитированной выше запискѣ, «улучшенія предприняты въ широкихъ размѣрахъ и будутъ вводиться съ должною последовательностью. Среди этихъ правительственныхъ трудовъ... общія и поверхностныя указанія частныхъ лицъ на недостатки административнаго устройства теряютъ всякое значеніе и не заслуживаютъ вниманія». Заранѣе клеймя мысль, не состоящую на коронной службѣ, какъ общую и поверхностную, бюрократія, естественно, не показывала готовности считаться съ мнѣніями общества и, въ частности, дворянства. Коммиссія дѣлала свое дѣло вполнѣ самостоятельно, руководствуясь только собственными взглядами и разсчетами. Нѣкоторыя изъ ея предположеній немедленно проводились въ жизнь и возбуждали еще большія опасенія въ дворянствѣ. Такъ, 16-го іюня 1859 года былъ обнародованъ указъ сената о преобразованіи полицейской и слѣдственной власти, который, вводя кое-какія улучшенія, вызвалъ, однако, сильное недовольство въ дворянствѣ, такъ какъ значительно усиливалъ губернаторскую власть и отнималъ у дворянскихъ обществъ право выбора земскихъ исправниковъ.

Идеи полицейскаго централизма, проникавшія этотъ указъ, заставляли подозрѣвать, что и остальныя преобразованія, вырабатываемыя комиссіей, отмѣчены тѣмъ же направленіемъ. Канцелярская тайна способствовала распространенію самыхъ разнообразныхъ слуховъ. Негодованіе противъ бюрократіи росло, и первыя же столкновенія дворянскихъ депутатовъ съ петербургскими чиновниками укрѣпили и усилили это чувство. Направленіе, по которому слѣдовали фактическіе руководители реформатоской дѣятельности правительства, скоро выяснилось даже для самыхъ непроницательныхъ представителей дворянства, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ этихъ руководителей не старались скрывать свои

взгляды. Одинъ изъ наиболѣе расположенныхъ къ бюрократіи дворянскихъ депутатовъ, Стремоуховъ, разсказываетъ, что въ салонѣ Николая Милютина шли откровенныя бесѣды на текущія политическія темы. «Всего интереснѣе,—пишетъ онъ,—были вечера у Н. А. Милютина. Здѣсь собирались представители нашей либеральной интеллигенціи и выдающіеся дѣятели редакціонныхъ комиссій. Здѣсь, можно сказать, лежалъ и центръ тяжести преобладавшаго въ то время въ высшихъ сферахъ направленія, душой котораго былъ Н. А. Милютинъ. Въ этой средѣ интересы дворянства находили весьма мало защитниковъ,—а еще менѣе какія бы то ни было права его на преобладающее въ государственномъ строѣ значеніе. Самъ Н. А. Милютинъ относился къ этой послѣдней темѣ съ какимъ-то особеннымъ раздраженіемъ. Не допуская за дворянствомъ никакихъ особыхъ политическихъ правъ, онъ энергически возставалъ противъ всякой иниціаторской его дѣятельности въ дѣлахъ, касавшихся общихъ нуждъ и интересовъ. Не забуду, какъ разъ, когда въ особомъ разговорѣ я коснулся этой темы, онъ вскочилъ, какъ ужаленый. «Никогда,—сказалъ онъ,—никогда, пока я стою у власти, я не допущу какихъ бы то ни было притязаній дворянства на роль иниціаторовъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ и нуждъ всего народа. Забота о нихъ принадлежитъ правительству; ему и только ему одному принадлежитъ и всякій починъ въ какихъ бы то ни было реформахъ на благо страны. Tout pour le peuple, rien par le peuple»,—при этомъ добавилъ онъ» *).

Все—для народа, ничего—чрезъ посредство народа, такою формулою полицейскаго государства опредѣлялись политическія воззрѣнія Милютина, предъ глазами котораго, очевидно, носился образъ наполеоновской Франціи «съ цесаризмомъ во главѣ и тайной полиціей въ подножьи», Франціи, привлекавшей въ то время мечты бюрократовъ всей Европы. И если простодушная «либеральная интеллигенція», собиравшаяся на вечерахъ вліятельнаго сановника, чистосердечно полагала, что Н. А. Милютинъ является представителемъ демократическихъ идей, то дворянство классовымъ и сословнымъ инстинктомъ весьма вѣрно угадывало истинную цѣну этого направленія. Человѣкъ, политическая опытность котораго не подлежитъ сомнѣнію, сразу раскрылъ суть демократизма Н. Милютина и далъ ему мѣткую характеристику.

Мы говоримъ о Бисмаркѣ, который въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ состоялъ прусскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. Недавно въ Берлинѣ вышла въ свѣтъ переписка Бисмарка съ барономъ Шлейницемъ, тогдашнимъ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Характеризуя своему шефу положеніе дѣлъ въ Россіи, Бисмаркъ, между прочимъ, писалъ: «Н. Милютинъ, то-

*) Н. Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. XVII, стр. 132.

варищъ министра внутреннихъ дѣлъ, самый умный и смѣлый человѣкъ изъ прогрессистовъ, рисуетъ себѣ будущую Россію крестьянскимъ государствомъ съ равенствомъ, но безъ свободы, съ сильнымъ развитіемъ просвѣщенія, промышленности, бюрократіи, печати—по наполеоновскому образцу». Но система Наполеона III, приводившая въ восторгъ бюрократію, отнюдь не представляла ничего привлекательнаго для депутатовъ русскаго дворянства, которые до извѣстной степени чувствовали себя выразителями общаго стремленія къ реформамъ.

На нихъ возлагались многочисленныя и разнообразныя надежды. «Прибытіе въ Петербургъ депутатовъ,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Стремоуховъ,—внесло чрезвычайное оживленіе въ столичную жизнь. Отъ дѣятельности ихъ ожидали почина во всякихъ преобразованіяхъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ крестьянскою реформою. Настроенія общества было приподнятымъ и возбужденнымъ подъ вліяніемъ идей, навѣянныхъ изученіемъ исторіи Франціи въ періодъ, предшествовавшій первой революціи. Незадолго передъ тѣмъ появилось и широко распространилось въ Петербургѣ новое сочиненіе Токвиля: «L'ancien régime et la révolution»... Разъ, встрѣтившись со мною на раутѣ у министра, С. С. Ланского, графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ, отведя меня въ сторону и спросивъ, что думаю я о роли депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, приглашенныхъ въ Петербургъ, сталъ догматически доказывать, что депутаты не только въ правѣ, но и обязаны сомкнуться въ дружную оппозиціонную силу противъ правительства, дѣйствія котораго въ крестьянской реформѣ явно ведутъ къ подрыву не только матеріальнаго благосостоянія дворянства, но и политическаго его значенія, какъ сословія, служащаго исконнымъ оплотомъ престола, что организованная въ такомъ смыслѣ оппозиція имѣла бы значеніе оппозиціи его величества, подобно англійской парламентской оппозиціи, которая, служа охранительною для королевы силою противъ ошибокъ, заблужденій и, вообще, ложной политики ея министровъ, по праву именуетъ себя her majesty's opposition» *). Разсужденія гр. Орлова-Давыдова, принадлежавшаго къ партіи такъ называвшихся плантаторовъ или крѣпостниковъ, показываютъ, что ко времени съѣзда дворянскихъ депутатовъ въ Петербургѣ мысль о сохраненіи крѣпостного права была оставлена защитниками дворянскихъ привиллегій и что они сосредоточили свое главное вниманіе на политической сторонѣ вопроса, какъ и представители либеральной части дворянства. Это подтверждается и свидѣтельствомъ Кошелева, убѣжденнаго противника крѣпостного права.

«Вообще можно сказать,—пишетъ онъ въ брошюрѣ «Депутаты и редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу»,—что всѣ депутаты безъ исключенія были за уничтоженіе крѣпостного состоянія; что всѣ

*) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина". Кн. XVII, стр. 129.

они желали развязки скорѣйшей и окончательной, и что большинство изъ нихъ было одушевлено самыми миролюбивыми чувствами. Что касается до сопротивленія волѣ государя, насчетъ освобожденія крестьянъ, до желанія затянуть дѣло и, подъ видомъ увольненія, устроить иное обязательное и столь же для крестьянъ тягостное положеніе,—то такихъ намѣреній никто изъ депутатовъ рѣшительно не имѣлъ, и слухи, въ семъ смыслѣ распущенные, суть чистѣйшія клеветы. По окончаніи занятій въ губернскихъ комитетахъ, члены ихъ пожили въ своихъ деревняхъ, убѣдились въ невозможности удержать крѣпостное право, въ необходимости разрѣшить вопросъ въ скорѣйшемъ, по возможности, времени, и пріѣхали въ Петербургъ съ искреннимъ желаніемъ помочь правительству въ установленіи новаго порядка вещей въ сельскомъ быту на прочныхъ основаніяхъ» *). «По многимъ губерніямъ произошли въ Петербургѣ явленія неожиданныя: люди, которые въ губернскихъ комитетахъ, въ теченіе 6, 7 и 8 мѣсяцевъ, между собою боролись, и которыхъ проекты были весьма различны, согласились между собою и стали говорить въ одинъ голосъ» **). Депутаты во многомъ расходились съ редакціонной коммиссіей въ вопросѣ о конкретной формѣ освобожденія крестьянъ, но принципіально они вполнѣ признавали его необходимость. Болѣе существенное и болѣе острое разногласіе заключалось въ томъ, что, по проекту коммиссіи, «чиновничье вмѣшательство водворялось въ дѣла сельскія, и что вліяніе дворянства на крестьянъ вовсе устранялось. Хотя бережно скрывалось отъ депутатовъ будущее устройство, какъ земской полиціи, такъ и мировыхъ судей, однако, слухи насчетъ назначенія всѣхъ этихъ чиновниковъ не по выбору сельскаго населенія вообще, а по произволу губернаторовъ; слухи насчетъ чисто бюрократическаго устройства всего уѣзднаго управленія полиціи и суда, сильно волновали членовъ губернскихъ комитетовъ и представляли имъ въ будущемъ совершенную невозможность жить въ деревняхъ. А потому не удивительно, что депутаты въ своихъ замѣчаніяхъ дозволяли себѣ самыя рѣзкія выходки противъ чиновничества вообще и противъ вмѣшательства администраціи въ дѣла сельскаго населенія» ***). «Депутаты должны были дружно стать противъ редакціонной коммиссіи, указать энергически ея заблужденія и заявить правительству, что ея заключенія не только уничтожаютъ значеніе дворянства, какъ землевладѣльца, но усиливаютъ, быть можетъ, вопреки ея желанію, то, что всего ненавистнѣе въ Россіи—чиновничество. Депутаты это исполнили по совѣсти» ****).

---

*) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія". Т. II. Стр. 201.
**) Ibid. Стр. 210.
***) Ibid. Стр. 199.
****) Ibid. Стр. 208.

Еще болѣе опредѣленно формулировалъ политическія стремленія дворянскихъ депутатовъ представитель либераловъ-западниковъ, Унковскій. «Какъ я, такъ и всѣ ближайшіе сотрудники мои, да наконецъ и вся, примкнувшая къ намъ впослѣдствіи, лучшая, наиболѣе разумная часть дворянства, составлявшая большинство въ Тверской губерніи, готовы были на значительныя, не только личныя, но и сословныя пожертвованія, но не иначе, какъ при условіи уничтоженія крѣпостного права не для однихъ крестьянъ, но для всего народа... Между тѣмъ, въ редакціонныхъ комитетахъ все дѣло свелось къ однимъ хозяйственнымъ разсчетамъ, и никто изъ членовъ коммиссіи самъ не начиналъ и намъ не давалъ начать серьезный разговоръ объ измѣненіи порядка управленія, хотя бы только мѣстнаго. Они даже исходатайствовали Высочайшее повелѣніе намъ, пріѣхавшимъ депутатамъ изъ разныхъ комитетовъ, не имѣть между собою какія-либо совѣщанія, а засадили насъ за письменное изложеніе нашихъ отвѣтовъ на ихъ вопросы въ отдѣльныхъ номерахъ петербургскихъ гостинницъ, вызывая по одиночкѣ въ коммиссію, и то лишь въ хозяйственное ея отдѣленіе, для допроса... Такимъ образомъ, осенью 1859 года все дѣло получаетъ такое направленіе, что на долгое время оставлялся весь крѣпостной строй съ барщиною и оброкомъ (безъ выкупа), и ограничивается одними лишь имущественными и политическими потерями для дворянства, а главное оставленіемъ въ силѣ прежняго произвола, какъ въ мѣстномъ, такъ и государственномъ управленіи» *).

Этотъ поворотъ вызвалъ одинаковое недовольство въ депутатахъ всѣхъ направленій, между которыми, впрочемъ, никогда не существовало серьезныхъ и глубокихъ разногласій въ вопросѣ объ отношеніи къ бюрократіи. По своимъ экономическимъ требованіямъ депутаты раздѣлялись тогда на три группы. Первая группа, состоявшая преимущественно изъ представителей промышленныхъ губерній, высказывалась за обязательный выкупъ и надѣленіе крестьянъ землей въ достаточномъ количествѣ; она являлась также наиболѣе прогрессивной въ своихъ политическихъ пожеланіяхъ. Сюда принадлежали депутаты губерній: Ярославской, Костромской, Владимірской, Тверской и Харьковской. Вторая группа, образовавшаяся изъ депутатовъ отъ Рязанской, Тамбовской, Саратовской, одного депутата отъ Воронежской, одного отъ Черниговской и московскаго депутата, въ общемъ, примыкала къ первой группѣ, хотя и расходилась съ нею въ вопросѣ о размѣрѣ земельнаго крестьянскаго надѣла. Третья группа, состоявшая изъ депутатовъ отъ Полтавской, Петербургской, Псковской, Новгородской губерній, одного депутата Воронежской, одного—Симбирской

*) Джаншіевъ. „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. Стр. 132, примѣчаніе.

и одного—Черниговской была наиболѣе консервативна по отношенію къ крѣпостному праву, но, во-первыхъ, она не могла выработать опредѣленныхъ программныхъ требованій, во-вторыхъ, она скоро распалась. Слѣдовательно, большинство депутатовъ, съ которымъ только и могла считаться редакціонная коммиссія, было болѣе или менѣе ярко окрашено въ либеральный цвѣтъ, и недовольство этого большинства бюрократическими замыслами Милютина и его сторонниковъ явилось дальнѣйшимъ развитіемъ стараго антагонизма между обществомъ и правительствомъ. Либеральная часть дворянства окончательно убѣдилась, что первоначальныя надежды на то, что власть искренно и безповоротно станетъ на новый путь, лишены основанія, и что единственнымъ правильнымъ шагомъ для сторонниковъ дѣйствительнаго обновленія русской жизни будетъ переходъ въ оппозицію. Но, становясь въ ряды оппозиціи, либеральные представители губернскихъ комитетовъ открывали себѣ возможность временнаго союза съ консервативными депутатами, которые, исходя изъ иныхъ побужденій, еще ранѣе пришли къ выводу о необходимости политическаго обезпеченія интересовъ различныхъ общественныхъ группъ отъ покушеній бюрократіи. Единство ближайшихъ практическихъ задачъ сблизило разномыслящія группы дворянства и онѣ, по справедливому выраженію Кошелева, дружно выступили противъ чиновническаго quasi-демократизма редакціонной коммиссіи. Прогрессивная бюрократія стремилась изобразить эту борьбу, какъ сопротивленіе крѣпостниковъ освобожденію крестьянъ. Въ дѣйствительности, она, имѣя, конечно, корни въ экономическихъ отношеніяхъ, происходила въ иной плоскости. Любопытна характеристика, которую даетъ И. С. Аксаковъ этой борьбѣ. «Въ Петербургѣ,—писалъ онъ Тургеневу въ октябрѣ 1859 года,—депутаты съ ростовцевскою коммиссіею рѣжутся не на животъ, а на смерть. Эта борьба представляетъ любопытное зрѣлище. Съ одной стороны,—либерализмъ безкорыстный и благоразумный, но чиновничій, тѣмъ болѣе дерзкій, что отрѣшенъ отъ жизни, либерализмъ деспотовъ-бюрократовъ, нивеллирующій, искажающій начала народной жизни, поклоняющійся петровской палкѣ; съ другой стороны,—либерализмъ озлобившихся помѣщиковъ, дерзость людей, которымъ уже нечего больше терять, либерализмъ болѣе жизненный и способный къ жизненному воплощенію, но являющійся все же во имя личныхъ корыстныхъ интересовъ. Обѣ стороны выбили другъ друга изъ позиціи, не имѣютъ почвы подъ ногами и болтаются ногами по воздуху. А третье лицо этой драмы—народъ, молчитъ и не раскрываетъ своихъ тайнъ, и ждетъ» *). Аксаковъ, несомнѣнно, далеко не точно называлъ политическое міросозерцаніе Милютина либерализмомъ, но по отношенію къ

*) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Кн. XVII, стр. 129.

дворянскимъ депутатамъ онъ былъ вполнѣ правъ. Зерно извѣстнаго демократизма, заключавшееся въ славянофильствѣ, позволило Аксакову понять, что борьба редакціонныхъ коммиссій съ членами губернскихъ комитетовъ является не борьбой крѣпостниковъ со сторонниками освобожденія крестьянъ, а борьбою двухъ политическихъ идеаловъ, одинаково прогрессивныхъ по сравненію съ крѣпостнымъ строемъ, но одинаково недемократическихъ по своему существу. Дворянская оппозиція, въ цѣломъ, стремилась къ осуществленію въ государственной жизни системы политическаго либерализма, какъ она сложилась въ своемъ историческомъ развитіи, т.-е. какъ системы политическаго преобладанія имущихъ классовъ. На этой общей цѣли, расходясь въ частностяхъ, сходились представители и консервативной, и либеральной дворянской оппозиціи. Поэтому, по нѣмецкой поговоркѣ, они «были вмѣстѣ» даже тогда, когда «шли врозь».

Но, при всей энергіи, дворянская оппозиція не имѣла возможности достигнуть сколько-нибудь существенныхъ практическихъ результатовъ въ редакціонной комиссіи. Послѣ того, какъ правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы разрознить депутатовъ, и превратило ихъ въ простыхъ экспертовъ, мнѣніе которыхъ сочли полезнымъ выслушать бюрократическія коммиссіи, депутаты могли высказать свои взгляды только въ письменныхъ отзывахъ на заданные имъ вопросы. Они въ полной мѣрѣ пользовались этой возможностью. Нѣкоторые отзывы представляютъ выдающіеся политическіе трактаты. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ по полнотѣ и разработанности отзывъ тверского депутата Унковскаго, представившаго мотивированную и подробную программу реформъ, требовавшихся либеральною частью дворянства. Этотъ отзывъ настолько удачно выражалъ стремленія либеральнаго общества, что разошелся по рукамъ въ тысячахъ списковъ. И дѣйствительно для своего времени онъ является замѣчательнымъ произведеніемъ русской политической мысли. «Въ настоящее время,—говорилъ Унковскій,—новое устройство управленія является въ Россіи первою и главною потребностью. При существованіи крѣпостного права настоящее управленіе, близкое по характеру своему къ вотчиннымъ крѣпостнымъ отношеніямъ, еще могло быть терпимо. Вся Россія раздѣляется на вотчины частныя и вотчины государственныя, и повсюду господствуетъ полный произволъ... Если само правительство охраняло систему административнаго произвола, то о низшихъ должностныхъ лицахъ и говорить нечего. Что касается помѣщиковъ, то они принадлежатъ къ сословію, имѣвшему вотчинныя права на половину Россіи, и будучи лично заинтересованы въ системѣ произвольнаго крѣпостного правленія, не могли не быть солидарны съ общимъ характеромъ существующаго порядка вещей. Такимъ образомъ во всемъ нашемъ управленіи и даже въ судахъ господствуетъ одинъ произволъ. Законы лежатъ подъ спудомъ въ тяжелыхъ и толстыхъ книгахъ, не

имѣя никакого отношенія къ народной жизни. До этихъ поръ народъ жилъ своею жизнью и молчалъ. Помѣщичья половина Россіи молчала по слѣдующимъ причинамъ: произволъ владѣльцевъ умѣрялся отчасти ихъ собственными выгодами и нѣкоторыми остатками древнихъ патріархальныхъ отношеній, и поэтому не казался возмутительнымъ; все государственное управленіе было основано на произволѣ: всѣ правительственныя учрежденія уважали только званія, чины и вобще общественное положеніе, а при томъ всеобщемъ порядкѣ вещей крѣпостные люди видѣли въ помѣщикахъ единственныхъ защитниковъ отъ притѣсненій и грабительства чиновниковъ; наконецъ, крѣпостные люди имѣли только выборъ мѣжду совершеннымъ безмолвіемъ и явнымъ возстаніемъ. Другая половина Россіи, росписанная по разнымъ вѣдомствамъ, не знала иного порядка вещей и, принадлежа по правамъ и положенію къ крѣпостному сословію, терпѣливо сносила произволъ въ своемъ управленіи, тѣмъ болѣе, что помѣстное дворянство, имѣвшее выгоду въ сохраненіи общественнаго спокойствія, умѣряло произволъ мѣстныхъ чиновниковъ, не допуская ихъ до открытаго грабежа. Дворяне - владѣльцы, будучи въ нѣсколько враждебныхъ отношеніяхъ къ сельскому народонаселенію, уединенные отъ всѣхъ сословій и притомъ нѣсколько огражденные выборными правами отъ притѣсненій мѣстнаго управленія, молча пользовались вотчинными правами; чиновники, имѣвшіе личныя выгоды въ произвольномъ и неотвѣтственномъ управленіи, заботились только о благоспѣшномъ продолженіи этой системы управленія, и различными средствами (цензурою и т. п.) не допускали истины до престола; поэтому весь народъ молчалъ, и *сверху казалось* все хорошо и спокойно». Но, въ дѣйствительности, эта система не приносила ничего, кромѣ зла. «Вся исполнительная власть находится въ рукахъ чиновниковъ-бюрократовъ, чуждыхъ народу и отвѣтственныхъ передъ судомъ только тогда, когда это будетъ угодно ихъ начальникамъ, такимъ же бюрократамъ.

«Вся жизнь народа взята подъ опеку правительства, и потому дѣлъ бездна. Нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной самому народу; все дѣлается съ разрѣшенія высшихъ властей. Народъ не смѣетъ нанять общими средствами одной подводы или лачужки для исполненія подводной или квартирной повинности; не можетъ починить дрянного мостика; даже не имѣетъ права нанять общаго учителя грамоты, на все нужно позволеніе разныхъ властей. Наконецъ, эта централизація доведена до того, что планы самыхъ незначительныхъ общественныхъ строеній, не стоящихъ вниманія, должны быть представляемы на утвержденіе высшихъ властей. При всемъ этомъ исполнительной власти вручены всѣ роды дѣлъ: и хозяйственныя, и полицейскія, и судебно-слѣдственныя, и даже чисто судебныя. Всякое исполнительное учрежденіе и должностное лицо имѣетъ надъ человѣческою личностью всѣ роды властей, и кругъ его дѣйствій ограниченъ только географически»...

«... По причинѣ неограниченной правительственной опеки надъ всею жизнію народа, соединенія всего управленія въ рукахъ одной неотвѣтственной исполнительной власти и совершеннаго отсутствія судебной власти, вся администрація наша представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, возведенную на степень государственнаго устройства. Система этого управленія или, лучше сказать, злоупотребленія властью, такъ сильна и послѣдовательна, что она покрываетъ собою всю Россію, не оставляя ни одного живого мѣста для разумно-свободной жизни...

«Многіе говорятъ, что зло не въ системѣ, а въ людяхъ, и въ доказательство того приводятъ права разныхъ обществъ по своду законовъ, утверждая, что общества имѣютъ всѣ средства искоренить зло, но не умѣютъ пользоваться данными имъ правами. Справедливо ли это? Гдѣ же тѣ права, которыми общества могли бы воспользоваться для искорененія зла? Они существуютъ только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности, и притомъ самыя законоположенія дѣлаютъ ихъ неосуществимыми. Начнемъ съ дворянства, которое, какъ высшее сословіе, пользуется особыми правами. Въ чемъ же состоятъ его права на самомъ дѣлѣ? Оно избираетъ должностныхъ лицъ въ нѣкоторыя судебныя и полицейскія учрежденія; право избранія судебныхъ должностныхъ лицъ не можетъ имѣть большого значенія, когда судъ не имѣетъ никакой власти; что же касается до низшихъ полицейскихъ должностей, то положеніе этихъ чиновъ... до того жалко и низко, что право выбора въ эти должности почти ничего не значитъ. Можетъ ли быть серьезная рѣчь о правѣ выбора, когда выборныя лица отдаются въ совершенно произвольное распоряженіе правительственныхъ канцелярій и когда избиратели не имѣютъ никакой возможности защитить своихъ избраннныхъ отъ произвола начальства? Притомъ еще выборъ этихъ лицъ долженъ быть утвержденъ начальникомъ губерніи. Одно это право утвержденія часто уничтожаетъ совершенно выборное начало... При этихъ условіяхъ, могло ли дворянство имѣть какое-либо вліяніе въ дѣлѣ управленія? Скажутъ, что дворянство имѣло право представлять правительству о своихъ нуждахъ и пользахъ и такъ далѣе, какъ написано въ сводѣ законовъ; но это могутъ говорить только тѣ, которые не знаютъ практическаго примѣненія нашихъ законовъ. Дворянство убѣдилось опытомъ въ совершенной безполезности этихъ представленій». Кромѣ недостаточныхъ правовыхъ гарантій, пассивность дворянства объясняется и другими причинами. «Никакое сословіе не можетъ совершенно отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ интересовъ; иначе не можетъ быть и жизни въ сословіи. Дворянство не могло сильно протестовать противъ существующаго порядка управленія, потому что оно само произвольно управляло половиною русскаго народа». Но если даже высшее сословіе не имѣло, по мнѣнію Унковскаго, существеннаго вліянія на дѣла мѣстнаго государственнаго

управленія, то объ остальныхъ сословіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Духовенство русское лишено всякаго политическаго значенія; городскія сословія пользуются только нѣкоторыми личными правами, но въ общественныхъ дѣлахъ совершенно безгласны; крестьяне подавлены гнетомъ помѣщичьяго и государственнаго крѣпостного права. «Ясно, что этотъ порядокъ вовсе не можетъ держаться по освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. При этой реформѣ онъ не будетъ имѣть никакой опоры. Если управленіе останется попрежнему, то помѣщичьи крестьяне должны неминуемо подпасть подъ необузданный произволъ чиновниковъ. Въ сущности, вѣдь, все равно—быть ли крѣпостнымъ помѣщика или крѣпостнымъ чиновника, и даже еще лучше быть крѣпостнымъ помѣщичьимъ. Помѣщикъ имѣетъ выгоду въ благосостояніи крѣпостныхъ людей, и власть его не переходитъ изъ рукъ въ руки, къ произволу одного скорѣе можно привыкнуть... Что же можно ждать отъ народа, если онъ будетъ обманутъ въ своихъ надеждахъ? Дворяне-владѣльцы не будутъ нисколько заинтересованы въ этомъ порядкѣ вещей; чиновники, навѣрное, не измѣнятъ своего образа дѣйствій, если будутъ неотвѣтственны попрежнему»... Россіи угрожаютъ, такимъ образомъ, серьезныя потрясенія, предотвратить которыя можетъ только коренная реформа всей системы управленія. Частичныя мѣры не принесутъ никакихъ результатовъ. «Все дѣло въ гласности, въ учрежденіи независимаго суда, въ отвѣтственности должностныхъ лицъ предъ судомъ, въ строгомъ раздѣленіи властей и въ самоуправленіи обществъ въ хозяйственномъ отношеніи». При этомъ для успѣшнаго развитія новой системы управленія, оно должно быть общимъ для всѣхъ сословій, такъ какъ, при раздѣленіи народа на отдѣльные слои, зло стараго порядка сохранитъ удобную почву для многообразнаго проявленія.

Однако, Унковскій не настаивалъ на полномъ уничтоженіи дворянскихъ преимуществъ. Онъ полагалъ, что «помѣстное дворянство, просвѣщенное болѣе всѣхъ сельскихъ сословій, одно можетъ руководить и вразумлять народъ въ исполненіи правительственныхъ распоряженій».

Что касается способа выработки предполагаемыхъ реформъ, то Унковскій высказывалъ убѣжденіе, что развитіе началъ, которыя будутъ приняты верховною властью въ основаніе судебныхъ и административныхъ преобразованій, должно быть непремѣнно поручено лицамъ, не состоящимъ на службѣ и не ожидающимъ отъ нея великихъ и богатыхъ милостей. «Правильное развитіе этихъ началъ было бы болѣе всего обезпечено, если бы оно было поручено не должностнымъ лицамъ, а людямъ науки, наиболѣе всѣхъ прочихъ безпристрастнымъ къ лицамъ и партіямъ, предпочтительно спеціалистамъ по части государственныхъ наукъ, и отчасти жителямъ разныхъ мѣстностей, испытавшимъ на себѣ всѣ неудобства настоящаго порядка вещей. Эти неудобства, разумѣется, ближе извѣстны управляемымъ, чѣмъ

управляющимъ; притомъ, самыя реформы имѣютъ въ виду болѣе первыхъ, нежели послѣднихъ. Если же проекты реформъ будутъ составляться исключительно лицами управляющими, то они, вѣроятно, не будутъ вполнѣ соотвѣтствовать ихъ цѣли и, скорѣе всего, ограничатся нѣкоторыми измѣненіями, въ видахъ еще большаго усиленія власти мѣстныхъ должностныхъ лицъ, ограниченія ихъ отвѣтственности и возможнаго облегченія ихъ трудовъ».

Другой содержательный отзывъ представилъ рязанскій депутатъ Кошелевъ, который во многомъ расходился съ либералами въ своихъ философско-историческихъ взглядахъ, но почти совпадалъ съ ними въ своихъ конкретныхъ требованіяхъ. Напоминая постановленіе меньшинства рязанскаго комитета, которое предполагало устройство сельскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ округовъ, гдѣ крестьяне и личные землевладѣльцы должны были бы совмѣстно завѣдывать мѣстными дѣлами, Кошелевъ указываетъ, что редакціонная коммиссія не говоритъ, къ кому перейдетъ упраздняемая административная власть помѣщиковъ. «Неужели къ чиновникамъ?—спрашиваетъ онъ.—Но, въ такомъ случаѣ, и благо освобожденія крѣпостныхъ людей не только не можетъ, но неминуемо должно превратиться во зло и во зло тѣмъ большее, что оно въ будущемъ одно, безъ раздѣла съ сдерживавшимъ его доселѣ зломъ крѣпостного владѣнія, будетъ пожирать лучшіе соки народа русскаго». Такія предположенія, по мнѣнію Кошелева, невѣроятны, и правительство не можетъ «только что освобождаемыхъ людей и образующихся здоровыхъ, крѣпостнымъ правомъ неискажаемыхъ землевладѣльцевъ передать на окончательное разореніе и порабощеніе чиновниковъ». «У насъ улучшеніе внутренняго управленія возможно только при условіи передачи его, въ возможныхъ предѣлахъ, мѣстной общественной дѣятельности. Эта дѣятельность не должна быть заключена въ тѣсный кругъ сословій; въ округѣ она должна принадлежать всему сельскому населенію: землевладѣльцамъ всѣхъ наименованій, которыя должны всѣ исчезнуть въ одномъ для всѣхъ общемъ». На тѣхъ же началахъ должно быть организовано уѣздное и губернское управленіе. Но, и по мнѣнію Кошелева, «дворянство, классъ самый образованный и какъ главный землевладѣлецъ, должно, для блага всего края, сохранить преимущественный въ немъ голосъ».

Насколько мысли, высказанныя Унковскимъ и Кошелевымъ, были общи всѣмъ депутатамъ безъ различія направленій, доказываетъ отзывъ Косаговскаго, члена новгородскаго комитета, принадлежавшаго къ группѣ консервативныхъ представителей дворянства. Этотъ отзывъ, между прочимъ, подписанъ и либеральными депутатами Владимірской и Харьковской губерній, Безобразовымъ, Хрущовымъ и Шретеромъ. Косаговскій говоритъ, что изъ трехъ видовъ рабства: крѣпостной зависимости, нищенства и раболѣпія, послѣднее является самымъ худ-

шимъ, такъ какъ оно добровольно, сознательно и потому наиболѣе безнравственно. Это рабство исходитъ изъ циническаго убѣжденія, что должно бояться не суда, а судьи, и распространено преимущественно тамъ, гдѣ служащіе состоятъ изъ людей пришлыхъ, посторонникъ и, слѣдовательно, не связанныхъ съ окружающимъ ихъ обществомъ никакими интересами. Крѣпостная зависимость прекратится скоро; но если, вмѣсто нея, на долю крестьянъ выпадетъ нищенство или же они будутъ вынуждены раболѣпствовать предъ такъ называемыми властями, то положеніе ихъ будетъ гораздо хуже теперяшняго; поэтому, крестьянскій вопросъ касается не только уничтоженія крѣпостного состоянія, но и всякаго вида рабства. Лучшимъ средствомъ для этого является образованіе «хозяйственно-распорядительнаго самоуправленія».

Эти отзывы показываютъ, что большинство дворянскихъ депутатовъ безъ различія направленій сходилось не только въ отрицательномъ отношеніи къ системѣ бюрократическаго управленія, но и въ положительныхъ требованіяхъ. Гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда, отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ судомъ, строгое разграниченіе властей судебной, административной и полицейской и, наконецъ, хозяйственное самоуправленіе общества въ мѣстныхъ дѣлахъ, — эти программныя требованія были общими въ той или другой степени для всѣхъ депутатовъ. Безъ сомнѣнія, одни представители дворянства были болѣе, другіе — менѣе послѣдовательны; одни съумѣли отрѣшиться отъ пережитковъ прошлаго, надъ другими еще тяготѣло вліяніе умиравшаго россійскаго феодализма: одни почти цѣликомъ отказывались отъ сословныхъ привилегій, другіе стремились ихъ расширить, хотя и примѣнительно къ условіямъ новаго быта, но, въ общемъ, поскольку требованія дворянства выливались въ форму той или иной политической программы, эти требованія различались только количественно, а не качественно. Принципіальной пропасти между различными направленіями дворянской оппозиціи не существовало, и въ послѣднемъ актѣ борьбы дворянскихъ депутатовъ съ редакціонной коммиссіей они выступили противъ нея съ одинаковой энергіей. Этотъ послѣдній актъ подготовлялся всѣмъ ходомъ событій. Редакціонная коммиссія, состоявшая изъ прогрессивныхъ чиновниковъ, не могла отрицать справедливости обвиненій, брошенныхъ депутатами въ лицо дореформенной администраціи; она признавала необходимость существенныхъ преобразованій. Но, во-первыхъ, она лелѣяла совершенно иной планъ реформъ, во-вторыхъ, она надѣялась ввести реформы постепенно, путемъ частичныхъ поправокъ, не касаясь основныхъ недостатковъ бюрократическаго строя, безъ творческаго участія общества, благодѣтельными декретами правительства. Поэтому, редакціонная коммиссія сосредоточила свое вниманіе исключительно на организаціи сословнаго

крестьянскаго управленія, которое она строила внѣ связи съ общимъ мѣстнымъ управленіемъ. Явная несообразность такого плана, горькіе плоды котораго до сихъ поръ отравляютъ существованіе русской деревни, ясно сознавалась депутатами. Но коммиссія, съ обычною бюрократическою уклончивостью, оградила себя отъ настойчивости мѣстныхъ людей чисто формальными рамками. Она не признала себя въ правѣ подвергать обсужденію представленные депутатами проекты мѣстной реформы, такъ какъ послѣдняя выходитъ изъ круга дѣятельности, опредѣленнаго для коммиссіи, и такъ какъ правительствомъ уже образована особая коммиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которая занимается составленіемъ проекта преобразованія уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій. Эта обычная ссылка на то, что наболѣвшій вопросъ жизни числится по другому вѣдомству, конечно, не могла удовлетворить депутатовъ, тѣмъ болѣе, что другое вѣдомство не только не обнаруживало намѣренія воспользоваться совѣтами депутатовъ, но даже старалось возможно скорѣе освободиться отъ нихъ. Вскорѣ послѣ представленія отзывовъ депутаты получили отъ министра внутреннихъ дѣлъ плохо замаскированное предложеніе оставить Петербургъ. По словамъ Кошелева, «такое недовѣріе къ нимъ правительства, такое неуваженіе въ нихъ лицъ, избранныхъ губернскими комитетами, составленными изъ выборныхъ отъ дворянства, такое униженное положеніе депутатовъ въ отношеніи къ редакціоннымъ коммиссіямъ» ясно показали мѣстнымъ людямъ, что духъ стараго политическаго режима остается неприкосновеннымъ даже въ прогрессивной части петербургскаго чиновничества. Депутаты увидѣли и поняли, что ихъ отзывы, которые составили до 2.000 листовъ, обречены сыграть жалкую роль ненужной бумаги, что ни главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, ни государственный совѣтъ не будутъ въ состояніи ознакомиться съ замѣчаніями и соображеніями членовъ губернскихъ комитетовъ. Поэтому, они остановились на мысли противопоставить проекту редакціонной коммиссіи цѣльный и единый проектъ реформъ, для составленія котораго они рѣшили исходатайствовать непосредственно отъ верховной власти необходимое соизволеніе. На общемъ собраніи депутатовъ былъ выработанъ всеподданнѣйшій адресъ съ самымъ умѣреннымъ текстомъ. Проектъ либеральныхъ депутатовъ, какъ и проектъ консервативнаго представителя симбирскаго дворянства были отвергнуты большинствомъ, избѣгавшимъ рѣзкихъ и опредѣленныхъ заявленій. Въ результатѣ адресъ большинства ограничивался общей просьбою дозволить депутатамъ представить ихъ соображенія на труды редакціонныхъ коммиссій до передачи ихъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Кромѣ нѣсколькихъ депутатовъ, не подписавшихъ этотъ адресъ по случайнымъ причинамъ, его не подписали изъ принципіальныхъ соображеній симбирскій депутатъ Шидловскій, представившій отъ своего имени

всеподданнѣйшее письмо, и депутаты: тверской—Унковскій, харьковскіе—Хрущовъ и Шретеръ, ярославскіе—Дубровинъ и Васильевъ, подавшіе особый адресъ. Эти два документа вносятъ конкретное содержаніе въ туманную формулу адреса большинства. Пять либеральныхъ депутатовъ характеризуютъ освобожденіе крестьянъ, какъ «поворотъ въ исторіи нашего отечества. Ему предстоитъ два пути развитія: одинъ—мирный и правомѣрный; другой—путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій». Второй путь явится неизбѣжнымъ результатомъ «неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдаетъ ожиданій и потребностей народа». Между тѣмъ, труды редакціонной коммиссіи не даютъ надежды на удовлетворительную развязку крестьянской реформы. «Мы убѣдились,—говорятъ пять депутатовъ,—что... въ большей части губерній помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ, по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ; и потому, что крестьяне только тогда почувствуютъ бытъ свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ предъ владѣльцами и когда сдѣлаются собственниками: ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной.

«Въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично-свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежатъ зародыши опасной борьбы сословій». Съ своей стороны депутаты полагаютъ, что крестьянскій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ спокойно и правомѣрно иначе, какъ при дарованіи крѣпостнымъ полной свободы и при коренномъ преобразованіи администраціи, полиціи и суда. Поэтому, онѣ ходатайствовали предъ верховной властью о полномъ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ путемъ обязательнаго выкупа, объ учрежденіи выборнаго всесословнаго хозяйственно-распорядительнаго управленія, независимаго суда и свободѣ печати (гласности).

Всеподданнѣйшее письмо Шидловскаго, который, какъ и всѣ члены консервативной оппозиціи того времени, говорилъ болѣе откровеннымъ языкомъ, не содержитъ никакого плана мѣстной реформы. Авторъ какъ бы не сомнѣвается въ томъ, что подобныя указанія безполезны, поскольку они обращаются къ бюрократіи, и ходатайствуетъ непосредственно о созданіи новаго учрежденія, которое могло бы осуществить реформы въ дѣйствительныхъ интересахъ страны, какъ ихъ понималъ Шидловскій. Послѣ обычныхъ нападокъ на бюрократію вообще и въ частности на редакціонныя коммиссіи, послѣ обычныхъ прославленій лойяльности и вѣрноподданническихъ чувствъ русскаго дворянства, послѣ обычныхъ предсказаній мрачныхъ послѣдствій потрясенія государственнаго порядка, Шидловскій опредѣленно высказываетъ свою главную мысль: «удостой призвать, государь, къ подножію

престола твоего нарочито избранныхъ уполномоченныхъ отъ дворянства и кончи, подъ личнымъ твоимъ, государь, предсѣдательствомъ дѣло, которое составитъ славу царствованія твоего» *). Несмотря на цвѣты вѣрноподданническаго краснорѣчія, Александръ II оцѣнилъ смыслъ письма Шидловскаго и передалъ его министру внутреннихъ дѣлъ съ надписью: «вотъ какія мысли бродятъ въ головахъ этихъ господъ». Такое отношеніе верховной власти къ консервативной дворянской оппозиціи станетъ вполнѣ понятнымъ при ознакомленіи съ содержаніемъ записки Михаила Безобразова, поданной государю одновременно съ адресами депутатовъ чрезъ шефа жандармовъ князя Долгорукова. Безобразовъ предлагаетъ, какъ лучшій способъ разрѣшить крестьянскій вопросъ, собрать въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу «*настоящихъ* выборныхъ отъ дворянства, которымъ и поручить разсмотрѣніе соображеній редакціонной коммиссіи». Этотъ способъ, по мнѣнію Безобразова, отнюдь не противорѣчитъ самодержавному образу правленія. «Собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія: въ немъ только оно можетъ освѣтить силы свои и находить путный свѣтъ. Власть не смѣняется въ своей силѣ таковымъ собраніемъ, а получаетъ вѣрное и правильное понятіе о томъ, что ей надо дѣлать для блага государственнаго. Нѣкоторые, добросовѣстные, впрочемъ, люди думаютъ въ семъ отношеніи различно: одни, что собраніе выборныхъ будетъ какимъ-то собраніемъ штатовъ; другіе, что оно разрушитъ самодержавіе. Первые говорятъ такъ, примѣняя заграничныя мысли къ Россіи; вторые, совсѣмъ не зная русской исторіи, русскаго народа и, главное, не понимая, что такое самодержавіе. Неужели люди здравомыслящіе могутъ вообразить, что самодержавіе есть право дѣлать все и какъ вздумается? Тогда было бы не управленіе, а беззаконіе и хаосъ. Самъ всемогущій Творецъ хранитъ законы, имъ созданные. А верховная власть человѣческая развѣ можетъ уклоняться отъ того же начала безъ потери своего значенія? То-есть она остается силою, которая покоряетъ, пока можетъ то дѣлать, и противъ которой справедливо бы возстать, когда является къ тому случай; но ее нельзя признать тогда властію, которой подчиняются съ любовью и уваженіемъ, за которую совѣсть обязываетъ стоять твердо, ежели она въ опасности. Самодержавіе иначе и быть не можетъ, какъ властію, облеченною полнымъ довѣріемъ подвластныхъ—съ силою охраняющею законы, на основаніи которыхъ бытіе этихъ подвластныхъ зиждется. Довѣріе не даетъ права нарушать то, что ввѣрено охраненію. Слѣдовательно, самодержавіе не должно считать безграничнымъ, ибо оно имѣетъ обязанности предъ государствомъ, къ исполненію коихъ должно имѣть постоянное неуклонное направленіе.

---

*) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“. Т. II. Стр. 167—180.

Дабы достигнуть возможности исполнять обязанности, съ самодержавіемъ сопряженныя, надо имѣть возможность слышать отъ государства, въ чемъ состоятъ его потребности. Для этого у насъ на Руси были выборные отъ земли, которые, не ослабляя нисколько силы власти, доставляли ей возможность узнать, къ чему и какъ эти силы примѣнить. Выборные даютъ власти значеніе самодержавія. Безъ нихъ оно имѣетъ характеръ своеволія, несмотря на благія намѣренія, идетъ ощупью и путается въ сѣтяхъ, разставленныхъ бюрократіею, которая вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ власти, дѣлается двигателемъ и руководителемъ. Право земли русской имѣть выборныхъ для совѣта верховной власти существуетъ нынѣ также, какъ существовало прежде. Отнять его никто не можетъ, оно право первосозданное отъ начала бытія народа русскаго. Выборныхъ можно не созывать, мысль о нихъ можно затемнить, но вырвать самое право, внѣ силъ человѣческихъ. Можетъ быть, когда-нибудь случится, что необходимость самосохраненія соберетъ выборныхъ также, какъ ихъ при государственныхъ опасностяхъ собирали. Прискорбно будетъ дожить до такого времени. Но радостно будетъ, если, не выжидая тяжелыхъ событій, верховная власть созоветъ около себя родныхъ законныхъ своихъ совѣтниковъ и съ ними, возстановя на твердыхъ основаніяхъ колеблющійся нынѣ порядокъ государственный, воздвигнетъ уроненное самодержавіе. Изъ хода предпринятаго преобразованія мы видимъ, какъ мало осталось самодержавія во власти верховной» *)... Въ другихъ частяхъ своей записки Безобразовъ заявляетъ себя рѣшительнымъ противникомъ конституціонной формы правленія и жестоко нападаетъ на либеральную оппозицію, обвиняя ее въ разрушительныхъ тенденціяхъ. Но его усилія не увѣнчались успѣхомъ. Александръ II, прочтя записку, сдѣлалъ на ней много весьма поучительныхъ замѣчаній. Такъ, противъ фразы Безобразова: «собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія», государь написалъ: «хорошъ софизмъ». Противъ увѣренія, будто сторонники Безобразова «желаютъ видѣть собраніе выборныхъ отъ земли у подножія престола», для того, «чтобы узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіе и силѣ, какъ непремѣнное и необходимое условіе блага отечества и твердости государства»,—послѣдовала высочайшая отмѣтка: «онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе» **).

Попытка непосредственнаго обращенія дворянской оппозиціи къ верховной власти не принесла ожидаемыхъ результатовъ. Записка М. Безобразова и адреса дворянскихъ депутатовъ были разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Въ результатѣ Безобразовъ былъ высланъ изъ столицы подъ надзоръ полиціи, Шидловскій

---

*) Ibid. Стр. 225.

**) Н. Барсуковъ „Жизнь и Труды М. П. Погодина. Кн. XVII, стр. 138.

и Унковскій получили строгое замѣчаніе и отданы были подъ надзоръ губернаторовъ, четыре депутата, подписавшіе адресъ вмѣстѣ съ Унковскимъ, получили замѣчаніе, и восемнадцать депутатовъ, подписавшіе адресъ большинства,—внушеніе чрезъ губернаторовъ. Мотивы, которыми руководилось правительство, накладывая административныя взысканія на депутатовъ, выясняются съ достаточною ясностью въ «Запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ всеподданнѣйшихъ адресовъ членовъ губернскихъ комитетовъ» отъ 4-го ноября 1859 года. Записка эта указываетъ, что убѣжденія участниковъ адресовъ въ области собственно крестьянскаго вопроса, весьма различны, что ихъ соединяетъ только общее недовольство редакціонными коммиссіями и что самою главною и существенною мыслью адресовъ является домогательство разрѣшить крестьянскій вопросъ собраніемъ сословныхъ выборныхъ. Это домогательство и высказано было первоначально въ с.-петербургскомъ губернскомъ комитетѣ. Потомъ оно вошло въ проектъ всеподданнѣйшаго адреса, составленный здѣсь прошлымъ лѣтомъ и повторенный нынѣ (въ краткомъ извлеченіи) членомъ симбирскаго комитета Шидловскимъ. То же стремленіе, хотя въ значительно смягченномъ видѣ, выражается въ адресѣ 18-ти членовъ, а также, въ болѣе серьезной формѣ, обнаруживается въ адресѣ 5-ти членовъ. Объединяя, такимъ образомъ, политическія заявленія различныхъ группъ дворянства, составитель записки не скрываетъ ихъ неоднородности, но «для правительства,—говоритъ онъ,—по убѣжденію моему, не важны эти второстепенные оттѣнки, проистекающіе отъ личныхъ воззрѣній. Важно то общее направленіе, которое именно въ послѣднее время стало распространяться, заявляя себѣ свободно и открыто, не только въ означенныхъ адресахъ, но и въ разныхъ статьяхъ, рукописныхъ и печатныхъ, особенно на иностранныхъ языкахъ. Смѣю думать, государь, что общая государственная польза требуетъ, чтобы этимъ беззаконнымъ стремленіямъ положенъ былъ предѣлъ» *)... Что разумѣлъ министръ подъ общимъ направленіемъ, которое распространялось повсюду и которому онъ стремился положить предѣлъ, видно изъ другой записки Ланского, представленной имъ по поводу напечатанныхъ въ «Русск. Вѣстникѣ» (1889 г., ноябрь) статей В. Безобразова: «Аристократія и интересы дворянства». «При всей неясности изложенія, явномъ смѣшеніи понятій и совершенной непрактичности сужденій,—писалъ министръ,—нельзя не замѣтить стремленія, чтобы дворянству (или правильнѣе землевладѣльцамъ) предоставлено было самостоятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ или такъ называемое самоуправленіе, хотя подъ этимъ именемъ говорится мѣстами собственно о внутреннемъ управленіи сословій (которое, въ извѣстной степени, допускается и нашими законами), но въ

*) Изъ „Записокъ М. А. Милютиной“. „Русская Старина“ 1899 г., кн. 4.

другихъ мѣстахъ то же слово принимается какъ будто въ смыслѣ управленія общаго или государственнаго, что уже было бы прямо противно основаніямъ нашего законодательства. Не могу, однако же, скрыть, что и косвенные намеки подобнаго рода при настоящемъ положеніи дѣлъ весьма вредны, если не по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, то по нравственному вліянія на извѣстную среду общества. Нѣкоторые изъ противниковъ крестьянскаго дѣла уже дозволяли себѣ указывать на необходимость предоставленія политическихъ правъ дворянству въ замѣнъ упраздняемаго крѣпостного права... Подобныя притязанія, лишенной всякой прочной основы на русской почвѣ, противныя всѣмъ народнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, наконецъ, несогласныя, какъ я полагаю, съ общимъ духомъ и понятіями самого дворянства, могутъ волновать лишь людей крайне близорукихъ или ослѣпленныхъ страстями. Тѣмъ не менѣе, такія притязанія, очевидно, терпимы быть не могутъ и потому необходимо зорко слѣдить, чтобы они не находили себѣ пищи даже въ общихъ и отвлеченныхъ разсужденіяхъ по вопросамъ государственнаго права» *). Съ этой точки зрѣнія борьба бюрократіи противъ членовъ губернскихъ комитетовъ является вполнѣ послѣдовательной. Ланской имѣлъ достаточно основаній утверждать въ запискѣ по поводу лейпцигской брошюры Кошелева: «Депутаты и редакціонныя коммиссіи», что «брошюра оправдываетъ образъ правительственныхъ дѣйствій. Изъ нея видно, что задушевное желаніе прибывшихъ сюда депутатовъ перваго приглашенія было составить изъ себя государственное учрежденіе, которое рѣшило бы окончательно крестьянскій вопросъ» **). Но Ланской завѣдомо невѣрно сводилъ всѣ разногласія къ экономическимъ условіямъ освобожденія крестьянъ. Подъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса депутаты понимали обновленіе всего строя русской жизни на началахъ общественной самодѣятельности, при широкомъ участи имущихъ классовъ въ дѣлахъ государственнаго управленія. Это «общее направленіе» дворянской оппозиціи и было главной причиной столкновенія между депутатами и редакціонной коммиссіей.

Бюрократія инстинктивно чувствовала тѣ логическіе выводы, о которыхъ умалчивало большинство депутатовъ, но которые сдѣлала бы жизнь, если бы крестьянская реформа пошла по плану дворянской оппозиціи. Депутаты, за отдѣльными исключеніями, не выставляли конституціонныхъ требованій. Даже тѣ, кто предвидѣлъ возможность «увѣнчанія зданія», считали преждевременнымъ поднимать вопросъ объ этомъ. Въ «письмѣ депутата перваго призыва къ депутату второго приглашенія» тотъ же Кошелевъ, очевидно, выражалъ мнѣніе большинства дворянства, когда, предлагая депутатамъ второго приглаше-

*) Ibid.

**) Ibid.

нія посвятить «главнѣйшія усилія» вопросу о мѣстной реформѣ, писалъ: «Всѣ мы глубоко убѣждены, что въ обширной Русской Имперіи одно самодержавіе можетъ удерживать связь между ея различными частями, хранить въ ней порядокъ и равно благоволить ко всѣмъ состояніямъ въ государствѣ; и потому мы всѣ за самодержавіе; но по той же самой причинѣ, мы всѣ противъ бюрократіи, подкапывающей самодержавіе своимъ своеволіемъ, неуваженіемъ къ людямъ и состояніямъ, и неумѣніемъ дѣло вести просто, хорошо и быстро». Поэтому, ближайшія политическія задачи, въ формулировкѣ Кошелева, сводились только къ мѣстнымъ преобразованіямъ. «Предоставленіе права самоуправленія мѣстностямъ, представляемымъ не однимъ, а всѣми состояніями, въ нихъ живущими; отвѣтственность должностныхъ лицъ не предъ однимъ отдаленнымъ правительствомъ, а и передъ окружающимъ ихъ населеніемъ; и устройство суда гласнаго и изустнаго— вотъ наши кровныя нужды, безъ удовлетворенія которыхъ и самое освобожденіе крѣпостныхъ людей не принесетъ пользы ни крестьянамъ, ни государству. На этомъ стойте пуще всего, и если достигнете этого, то *все остальное придетъ само собой*». Однако, и Кошелевъ признаетъ, что бюрократія не способна выработать планъ мѣстныхъ учрежденій самостоятельно, безъ участія дворянства, и онъ требуетъ передачи законопроектовъ на предварительное обсужденіе дворянскихъ депутатовъ. Такимъ образомъ, программа умѣренной части дворянской оппозиціи, которая, несомнѣнно, пользовалась наибольшею популярностью, сводилась къ преобразованію судебныхъ и мѣстныхъ учрежденій, къ образованію изъ представителей дворянства особаго совѣщанія для обсужденія крестьянскаго дѣла и связанныхъ съ нимъ измѣненій государственныхъ учрежденій. Бюрократическое сопротивленіе редакціонныхъ коммиссій требованіямъ общества, безъ сомнѣнія, показало передовымъ представителямъ дворянства необходимость углубленія программы и, во всякомъ случаѣ, привлекло къ борьбѣ за нее пассивное политически большинство дворянскаго сословія. Оппозиція обратилась ко всему сословію и создала цѣлый рядъ политическихъ заявленій со стороны дворянскихъ собраній.

Ник. Іорданскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*

СЛѢПОЙ ГЕРОНИМО И ЕГО БРАТЪ.

Разсказъ **Артура Шницлера**.

Переводъ съ нѣмец. **Г—къ.**

Слѣпой Геронимо всталъ со скамьи и взялъ гитару, которая лежала уже наготовѣ на столѣ возлѣ стакана съ виномъ. Онъ услышалъ издали шумъ приближающихся экипажей.

Размахивая руками въ воздухѣ, онъ давно извѣстной дорогой добрался до открытой двери, затѣмъ спустился внизъ по узкимъ деревяннымъ ступенькамъ, ведущимъ въ крытый дворъ. Братъ послѣдовалъ за нимъ и оба стали возлѣ самой лѣстницы, спиною къ стѣнѣ, чтобы защищаться отъ сырого и холоднаго вѣтра, который дулъ черезъ открытыя ворота. Всѣ экипажи, проѣзжающіе «Штильфьеріохъ», должны были проѣхать и черезъ мрачныя арки старой корчмы. Для путешественниковъ, проѣзжающихъ изъ Италіи въ Тироль, здѣсь была послѣдняя станція передъ подъемомъ. Корчма не манила останавливаться здѣсь надолго. Именно здѣсь дорога проходила довольно ровная, безъ красиваго вида, между голыхъ холмовъ. Слѣпой итальянецъ и братъ его Карло въ лѣтніе мѣсяцы бывали здѣсь какъ дома.

Почта пріѣхала, скоро подъѣхали другія кареты. Путешественники большей частью оставались сидѣть въ каретахъ, укутанные въ плэды и пальто; нѣкоторые вылѣзли и нетерпѣливо гуляли взадъ и впередъ подъ воротами. Погода все ухудшалась, холодный дождь лилъ ливнемъ. Послѣ цѣлаго ряда прекрасныхъ дней, осень наступила, повидимому, неожиданно и слишкомъ рано. Слѣпой пѣлъ и аккомпанировалъ себѣ на гитарѣ; голосъ у него былъ неровный, порою взвизгивающій, особенно, когда онъ выпивалъ. Минутами онъ поднималъ голову вверхъ съ выраженіемъ неуслышанной мольбы. Но черты его лица, со стриженной бородою и синеватыми губами, оставались совершенно неподвижными. Старшій братъ стоялъ возлѣ него почти неподвижно. Если кто-нибудь бросалъ ему въ шляпу монету, онъ кивалъ головою и бросалъ на человѣка, давшаго деньги, быстрый, какъ бы блуждающій взглядъ. Но моментально онъ отворачивался, какъ будто боясь, и, подобно брату, смотрѣлъ передъ собою въ пространство. Его

глаза, казалось, стыдились свѣта, который имъ былъ данъ, ни одного луча котораго они не могли отдать слѣпому брату.

— Принеси мнѣ вина, — сказалъ Геронимо, и Карло отправился послушный, какъ всегда.

Пока онъ взбирался по лѣстницѣ, Геронимо снова запѣлъ. Онъ давно уже пересталъ прислушиваться въ своему собственному голосу и потому могъ замѣчать все, что происходило вокругъ него. Вотъ онъ слышитъ двухъ людей, разговаривающихъ вполголоса, молодого человѣка и молодую женщину. Онъ думаетъ о томъ, сколько разъ эти люди уже проходили взадъ и впередъ по той же дорогѣ; при его слѣпотѣ и постоянно-нетрезвомъ состояніи, ему иногда казалось, что деньденьской все тѣ же люди проѣзжали черезъ эту мѣстность, то съ сѣвера на югъ, то съ юга на сѣверъ. И такимъ образомъ онъ и эту молодую пару зналъ уже давно. Пришелъ Карло и подалъ Геронимо стаканъ вина. Слѣпой поднялъ стаканъ по направленію къ молодой парѣ и сказалъ:

— За ваше здоровье, ваша милость!

— Спасибо,—отвѣтилъ молодой человѣкъ; но молодая женщина потянула его прочь, потому что слѣпой былъ ей страшенъ.

Теперь въѣхала карета съ довольно шумной компаніей: отецъ, мать, трое дѣтей, гувернантка.

— Нѣмецкое семейство, — сказалъ Геронимо тихо, обращаясь къ Карло.

Отецъ далъ каждому изъ дѣтей по монетѣ, которую каждый имѣлъ право бросить въ шляпу нищему. Геронимо въ благодарность каждый разъ кивалъ головою. Старшій мальчикъ съ боязливымъ любопытствомъ всматривался въ лицо слѣпого. Карло смотрѣлъ на мальчика. Невольно какъ всегда, при видѣ такихъ дѣтей, онъ вспоминалъ, что Геронимо былъ какъ разъ въ томъ же возрастѣ, когда случилось несчастье, вслѣдствіе котораго онъ потерялъ зрѣніе.

Онъ помнилъ тотъ день до сихъ поръ, двадцать лѣтъ почти, совершенно ясно. Онъ сейчасъ еще помнитъ рѣзкій дѣтскій крикъ, съ которымъ маленькій Геронимо упалъ на траву. И теперь еще онъ видитъ, какъ солнце играетъ на бѣломъ заборѣ сада, слышитъ вновь воскресные колокола, звонившіе какъ разъ въ ту минуту. Онъ выстрѣлилъ изъ лука, прицѣлившись въ дерево, стоявшее возлѣ стѣны, какъ онъ дѣлалъ это часто и раньше, и когда онъ услышалъ крикъ, онъ сейчасъ же подумалъ, что, вѣроятно, поранилъ маленькаго брата, пробѣжавшаго мимо только что. Онъ уронилъ лукъ, выскочилъ черезъ окно въ садъ и бросился къ маленькому брату, который лежалъ ничкомъ на травѣ, закрывая лицо руками, и громко плакалъ. По правой щекѣ и по шеѣ текла кровь. Въ эту минуту отецъ вернулся домой съ поля, онъ вошелъ черезъ садовую калитку, и вотъ оба лежали на колѣняхъ возлѣ плачущаго ребенка, не зная, что дѣлать. Подошли со-

сѣди; старуха Ванети была первая, которой удалось оторвать ребенку руки отъ лица. Затѣмъ пришелъ и кузнецъ, у котораго учился въ то время Карло и который умѣлъ лечить; онъ тотчасъ же замѣтилъ, что правый глазъ потерянъ. Врачъ, пріѣзжавшій вечеромъ изъ Поечіаво, также не могъ помочь. Онъ даже обратилъ вниманіе на опасность, которая грозила второму глазу. Онъ оказался правъ. Черезъ годъ послѣ этого для Геронимо весь міръ погрузился во мракъ. Вначалѣ пытались уговорить его, что онъ можетъ выздоровѣть черезъ нѣкоторое время, и казалось, будто онъ вѣритъ этому. Карло, знавшій правду, блуждалъ въ это время цѣлыми днями и ночами по дорогѣ, по виноградникамъ, по лѣсамъ и былъ близокъ къ самоубійству. Но священникъ, которому онъ повѣрилъ свою вину, разъяснилъ ему, что долгъ его жить и посвятить свою жизнь брату. Карло понялъ это. Его охватила страшная жалость. Мученіе его уменьшалось только тогда, когда онъ бывалъ со слѣпымъ мальчикомъ, гладилъ его волосы, цѣловалъ его лобъ, разсказывалъ ему сказки и водилъ его гулять по полямъ и между виноградниками, которые находились недалеко отъ дома. Онъ съ самаго начала забросилъ ученье въ кузнецѣ, потому что не хотѣлъ разставаться съ братомъ, а послѣ не могъ уже взяться за свое ремесло, хотя отецъ упрекалъ его и горевалъ объ этомъ. Однажды Карло замѣтилъ, что Геронимо совершенно пересталъ говорить о своемъ несчастіи. Скоро онъ догадался о причинѣ этого: слѣпой понялъ, что онъ никогда уже не увидитъ неба, холмовъ, улицъ, людей, свѣта. Теперь Карло страдалъ еще сильнѣе прежняго, сколько ни старался успокаивать себя тѣмъ, что онъ совершенно безъ намѣренія былъ причиною несчастья. И порою, когда онъ раннимъ утромъ смотрѣлъ на брата, лежавшаго возлѣ него, его охватывалъ такой ужасъ, что онъ выбѣгалъ въ садъ, чтобы не быть при томъ, какъ мертвые глаза каждый день вновь какъ будто искали свѣта, потухшаго для нихъ навѣки. Въ то время Карло пришла мысль обучать Геронимо, у котораго былъ пріятный голосъ, музыкѣ. Школьный учитель изъ Толы, приходившій иногда по воскресеньямъ, училъ его играть на гитарѣ. Слѣпой тогда еще не подозрѣвалъ, что это искусство, которому его обучали, будетъ когда-то служить ему для поддержанія жизни. Казалось, съ того ужаснаго лѣтняго дня горе навсегда поселилось въ домѣ стараго Лагарди. Годъ за годомъ—неурожаи; небольшой капиталецъ, отложенный старикомъ, мошенническимъ образомъ присвоилъ себѣ какой-то родственникъ. И когда въ одинъ жаркій лѣтній день онъ упалъ отъ удара на полъ и умеръ, онъ не оставилъ ничего, кромѣ долговъ. Небольшой дворъ былъ проданъ, оба брата остались безъ крова и ушли изъ деревни. Карло было тогда двадцать лѣтъ, а Геронимо пятнадцать. Съ того времени началась нищенская и странническая жизнь, которую они вели до сихъ поръ. Вначалѣ Карло думалъ найти какой-нибудь заработокъ, которымъ могъ бы содержать

себя и брата, но ничего не выходило. И Геронимо нигдѣ не хотѣлъ оставаться; онъ все хотѣлъ странствовать. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ они ходятъ по дорогамъ и долинамъ, по сѣверной Италіи и по южному Тиролю, тамъ, гдѣ какъ разъ проѣзжало больше путешественниковъ.

Хотя Карло послѣ столькихъ лѣтъ и не ощущалъ уже той острой боли, которую прежде возбуждалъ въ немъ каждый солнечный лучъ, каждая красивая мѣстность, но все же въ немъ жила вѣчно ноющая жалость, она была въ немъ постоянно, онъ даже не сознавалъ ея, она была въ немъ какъ біеніе его сердца, какъ дыханіе. И онъ бывалъ радъ, когда Геронимо напивался.

Карета съ нѣмецкимъ семействомъ уѣхала.

Карло по обыкновенію сѣлъ на нижнія ступеньки лѣстницы, а Геронимо стоялъ съ повисшими руками и поднятой вверхъ головою.

Служанка Марія вышла изъ корчмы.

— Много заработали сегодня?—крикнула она имъ сверху.

Карло даже не повернулся. Слѣпой нагнулся, чтобы взять стаканъ, поднялъ его съ земли и выпилъ за здоровье Маріи. Она сиживала съ нимъ по вечерамъ въ корчмѣ; онъ зналъ, что она хорошенькая.

Карло нагнулся впередъ, чтобы посмотрѣть на улицу. Дулъ вѣтеръ и дождь лилъ такъ, что шумъ приближающагося экипажа терялся въ разнообразіи звуковъ.

Карло всталъ и занялъ свое обычное мѣсто возлѣ брата.

Геронимо началъ пѣть уже, когда въѣзжала карета, въ которой сидѣлъ только одинъ пассажиръ. Кучеръ поспѣшно выпрягъ лошадей и пошелъ въ корчму. Путешественникъ нѣкоторое время сидѣлъ въ своемъ углу, совершенно закутанный въ сѣрый плащъ; онъ, повидимому, не прислушивался къ пѣнію. Но скоро выскочилъ изъ кареты и сталъ быстро ходить взадъ и впередъ, не отдаляясь отъ кареты. Онъ все потиралъ руки, чтобы согрѣться. Теперь лишь онъ замѣтилъ нищихъ. Онъ сталъ противъ и долго, какъ-бы испытующе, смотрѣлъ на нихъ. Карло слегка кивнулъ головою. Путешественникъ былъ очень молодой человѣкъ съ красивымъ лицомъ безъ бороды и съ безпокойными глазами. Постоявъ нѣкоторое время передъ нищими, онъ снова поспѣшилъ къ воротамъ, черезъ которые онъ долженъ былъ ѣхать дальше, и, видя безпрестанный дождь и туманъ, сердито покачалъ головою.

— Ну?—спросилъ Геронимо.

— Ничего еще не далъ,—возразилъ Карло.—Онъ дастъ, вѣроятно, при отъѣздѣ.

Путешественникъ подошелъ опять и сталъ возлѣ кареты. Слѣпой запѣлъ. Вдругъ молодой сталъ прислушиваться, повидимому, съ большимъ вниманіемъ. Появился слуга и снова запрягъ лошадей. И теперь только молодой человѣкъ, будто вспомнивъ объ этомъ, полѣзъ въ карманъ и далъ Карло одинъ франкъ.

— О, благодарю васъ,—сказалъ тотъ.

Путешественникъ сѣлъ въ карету и опять закутался въ плащъ. Карло поднялъ съ земли стаканъ и пошелъ вверхъ по деревяннымъ ступенькамъ.

Геронимо пѣлъ дальше. Путешественникъ нагнулся, сидя въ каретѣ, и покачалъ головою съ выраженіемъ и насмѣшки, и печали вмѣстѣ. Вдругъ, казалось, онъ что-то придумалъ. Онъ улыбнулся. Потомъ обратился къ слѣпому, стоявшему въ двухъ шагахъ отъ него:

— Какъ тебя зовутъ?

— Геронимо.

— Такъ ты, Геронимо, не давай себя въ обиду.

— Какъ такъ въ обиду, милостивый государь?

— Я далъ твоему провожатому двадцатифранковую монету.

— О благодарю, господинъ, благодарю!

— Да, такъ смотри же.

— Онъ мой братъ, господинъ, онъ меня не обидитъ.

Молодой человѣкъ подумалъ съ минуту, но въ это время кучеръ взлѣзъ на козлы и погналъ лошадей. Молодой человѣкъ усѣлся съ такимъ движеніемъ головы, будто хотѣлъ сказать: «Судьба, дѣлай, что хочешь!» и карета покатила.

Слѣпой махалъ ему вслѣдъ обѣими руками, выражая такимъ образомъ свою глубокую благодарность. Теперь онъ услышалъ Карло, который возвращался изъ корчмы.

Онъ крикнулъ сверху:

— Иди сюда, Геронимо, наверху тепло, Марія затопила!

Геронимо кивнулъ головой, взялъ гитару подъ мышку и ощупью взобрался по ступенькамъ наверхъ. Посреди лѣстницы онъ воскликнулъ:

— Дай-ка потрогать! Давно ужъ я не ощущалъ въ рукахъ золотой монеты!

— Что такое?—спросилъ Карло.—О чемъ ты говоришь?

Геронимо уже былъ наверху и обѣими руками обхватилъ голову брата, чѣмъ онъ выражалъ обыкновенно радость или нѣжность.

— Карло, дорогой братъ, есть еще добрые люди на свѣтѣ!

— Конечно,—говорилъ Карло.—Теперь у насъ всего двѣ лиры и тридцать сантимовъ; а вотъ еще австрійскія деньги около полулиры.

— И двадцать франовъ, и двадцать франковъ!—воскликнулъ Геронимо.—Я вѣдь знаю.—Шатаясь, онъ вошелъ въ корчму и тяжело упалъ на скамью.

— Что ты знаешь?—спросилъ Карло.

— Брось шутки! Дай мнѣ его въ руку. Какъ давно уже не было у меня золотой монеты!

— Что ты хочешь? Откуда мнѣ взять золотую монету? Всего здѣсь двѣ или три лиры.

Слѣпой ударилъ по столу.

— Теперь хватитъ, довольно! А, ты хочешь прятать отъ меня?

Карло озабоченно и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на брата.

Онъ подсѣлъ къ нему близко и, беря его, какъ бы успокаивающе, за руку, сказалъ:

— Я ничего отъ тебя не прячу. Какъ ты можешь повѣрить этому? Никто и не подумалъ дать мнѣ золотую монету.

— Но вѣдь онъ мнѣ сказалъ объ этомъ!

— Кто?

— Тотъ самый молодой человѣкъ, который бѣгалъ все взадъ и впередъ.

— Я тебя не понимаю!

— Онъ говорилъ со мною такъ: «Какъ тебя зовутъ?» А затѣмъ: «Смотри, смотри, не дай себя обмануть!»

— Тебѣ, вѣроятно, приснилось, Геронимо—вѣдь это безсмыслица!

— Безсмыслица? Вѣдь я это слышалъ, а я хорошо слышу. «Не дай себя обмануть; я ему далъ золотую монету», нѣтъ, онъ такъ сказалъ: «Я ему далъ двадцатифранковую монету».

Вошелъ хозяинъ.

— Что это съ вами? Вы уже бросили дѣло? Только что заѣхалъ экипажъ въ четыре лошади.

— Идемъ!—сказалъ Карло.—Идемъ!

Геронимо не тронулся съ мѣста.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ мнѣ идти? Что мнѣ изъ того? Вѣдь ты стоишь при этомъ...

Карло тронулъ его за плечо.

— Тише, идемъ теперь внизъ!

Геронимо молча послушался брата. Но на лѣстницѣ онъ сказалъ:

— Мы еще поговоримъ, да!

Карло никакъ не могъ понять, что случилось. Не съ ума ли сошелъ вдругъ Геронимо? Хотя онъ вспыльчивъ, но такъ онъ никогда еще не говорилъ съ нимъ.

Въ только что прибывшей каретѣ сидѣли два англичанина; Карло снялъ шляпу передъ ними, а слѣпой пѣлъ. Одинъ изъ англичанъ вышелъ и бросилъ нѣсколько монетъ въ шляпу Карло. Карло сказалъ «спасибо», а затѣмъ прошепталъ, какъ будто для себя: «двадцать сантимовъ». Лицо Геронимо осталось неподвижнымъ; онъ запѣлъ новую пѣсню. Карета съ двумя англичанами уѣхала. Оба брата молча пошли наверхъ. Геронимо сѣлъ на скамью, Карло сталъ возлѣ печки.

— Что же ты молчишь?—спросилъ Геронимо.—Это можетъ быть только такъ, какъ я тебѣ говорилъ.

Его голосъ слегка дрожалъ.

— Что ты говорилъ?—спросилъ Карло.—Это былъ, можетъ быть, сумасшедшій.

— Сумасшедшій? Вотъ это превосходно! Если кто-либо, говоритъ: «Я далъ твоему брату двадцать франковъ», то онъ сумасшедшій! А почему же онъ сказалъ: «Не давай себя обманывать!» а?

— Можетъ быть, онъ и не былъ сумасшедшимъ... но существуютъ люди, которые любятъ пошутить съ нашимъ братомъ...

— Вотъ что!—кричалъ Геронимо — Шутить? Да, этого еще недоставало! Я это и ожидалъ!

Онъ выпилъ стоявшій передъ нимъ стаканъ вина.

— Помилуй, Геронимо!—воскликнулъ Карло, чувствуя что онъ еле говоритъ отъ волненія.—Зачѣмъ бы мнѣ... какъ можешь ты подумать?

— Отчего твой голосъ дрожитъ... а... отчего?..

— Геронимо, увѣряю тебя я...

— Ну — а я тебѣ не вѣрю! Теперь ты смѣешься... я знаю, ты смѣешься теперь!

Снизу крикнули:—Эй, слѣпой, люди тутъ!

Они встали совершенно машинально и сошли внизъ по лѣстницѣ. Сразу пріѣхали два экипажа, въ одномъ сидѣли три господина, въ другомъ пожилая пара. Геронимо пѣлъ, Карло стоялъ возлѣ него, онъ не могъ овладѣть собою. Что ему дѣлать? Братъ ему не вѣрилъ! Развѣ это возможно? И онъ боязливо, сбоку смотрѣлъ на Геронимо, который пѣлъ свои пѣсни разбитымъ голосомъ. Ему казалось, онъ видитъ, какъ по лбу у него порхаютъ мысли, какихъ онъ до тѣхъ поръ не замѣчалъ.

Карета уже уѣхала, а Геронимо продолжалъ пѣть. Карло не осмѣлился прервать его. Онъ не зналъ, что говорить, боялся, что его голосъ дрогнетъ опять. Вдругъ сверху послышался смѣхъ и Марія крикнула: — Что ты все еще поешь? Вѣдь отъ меня ты ничего не получишь!

Геронимо остановился, оборвавъ мотивъ; казалось, голосъ его и струны треснули одновременно. Затѣмъ онъ опять пошелъ наверхъ и Карло за нимъ. Въ комнатѣ онъ сѣлъ возлѣ брата. Что ему дѣлать? Ничего не оставалось другого: онъ еще разъ попытается объяснить брату въ чемъ дѣло.

— Геронимо,—началъ онъ,—клянусь... подумай только, Геронимо, какъ могъ ты подумать, чтобы я...

Геронимо молчалъ; казалось, его мертвые глаза смотрятъ черезъ окно на сѣрый туманъ. Карло продолжалъ: — Можетъ быть, это не былъ сумасшедшій, онъ, должно быть, ошибся...—Но онъ почувствовалъ, что самъ не вѣритъ въ то, что говорилъ.

Геронимо отодвинулся съ нетерпѣливымъ жестомъ. Но Карло говорилъ дальше, вдругъ оживляясь:—Зачѣмъ бы мнѣ — ты знаешь, я не ѣмъ и не пью больше тебя, а когда покупаю себѣ новый сюртукъ, ты вѣдь объ этомъ знаешь... зачѣмъ-же мнѣ столько денегъ? Что мнѣ съ ними дѣлать?

Геронимо сквозь зубы проворчалъ: — Не ври, я слышу, какъ ты врешь!

— Я не вру, Геронимо, не вру!—искренно произнесъ Карло.

— Эге, ты уже отдалъ ей, да? Или она позже получитъ ихъ? — кричалъ Геронимо.

— Маріи?!

— Кому же, какъ не Маріи? А ты лгунъ, ты воръ!—И какъ будто не желая сидѣть вмѣстѣ съ братомъ за столомъ, онъ толкнулъ его локтемъ въ бокъ.

Карло всталъ. Сперва онъ пристально смотрѣлъ на брата, потомъ вышелъ изъ комнаты и спустился по лѣстницѣ на дворъ. Широко открытыми глазами смотрѣлъ онъ на улицу, утопавшую въ буроватомъ туманѣ. Дождь пересталъ. Карло опустилъ руки въ карманы и вышелъ на улицу. Ему казалось, что братъ прогналъ его. Что случилось?.. Онъ все еще не могъ понять этого. Какой-же это былъ человѣкъ? Даритъ франкъ и говоритъ, что подарилъ двадцать франковъ! Вѣдь у него должны быть какія-нибудь причины? И Карло старался вспоминать, не нажилъ ли онъ себѣ гдѣ-нибудь врага, который могъ подослать ему другого, чтобы отомстить... Но онъ никакъ не могъ вспомнить, чтобы онъ кого-нибудь обидѣлъ или серьезно поссорился съ кѣмъ-нибудь. Вѣдь вотъ уже двадцать лѣтъ онъ ничего не дѣлаетъ, только ходитъ по дворамъ и дорогамъ со шляпой въ рукахъ...

Можетъ, кто-нибудь разсердился на него изъ-за женщины?.. Но какъ давно уже онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ дѣла... послѣдней была приказчица въ «Ля Роза», прошлой весною это было... но изъ за нея никто, вѣрно, не завидовалъ ему... Это непонятно!.. Какіе же это были люди тамъ, въ томъ мірѣ, котораго онъ не зналъ?..

Отовсюду пріѣзжали они... что зналъ онъ о нихъ?.. Для этого чужестранца, вѣроятно, имѣло какой-нибудь смыслъ сказать Геронимо. «Я далъ твоему брату двадцать франковъ»... Да... Но что теперь дѣлать? Вдругъ стало ясно, что Геронимо не довѣряетъ ему! Этого онъ не вынесетъ! Онъ долженъ предпринять что-нибудь... И онъ поспѣшилъ обратно.

Когда Карло вошелъ въ комнату, Геронимо лежалъ на скамейкѣ и, казалось, не замѣчалъ его прихода. Марія принесла имъ обоимъ поѣсть. Во время ѣды они не говорили ни слова. Когда Марія убирала посуду, Геронимо вдругъ засмѣялся и сказалъ ей:

— Что же ты купишь себѣ на эти деньги.

— На какія деньги?

— Ну, что? Новую юбку или серьги?

— Чего онъ хочетъ отъ меня?—обратилась она къ Карло.

Между тѣмъ, внизу на дворѣ стоялъ грохотъ отъ нагруженныхъ телѣгъ, раздавались громкіе голоса, и Марія поспѣшила внизъ. Черезъ

нѣсколько минутъ вошли три ямщика и усѣлись за столъ; подошелъ хозяинъ и поздоровался съ ними. Они бранили дурную погоду.

— Сегодня ночью пойдетъ снѣгъ,—говорилъ одинъ.

Второй разсказывалъ, какъ онъ десять лѣтъ тому назадъ былъ засыпанъ снѣгомъ на горѣ и чуть не замерзъ. Марія подсѣла къ нимъ. Подошелъ слуга и освѣдомлялся о своихъ родителяхъ, жившихъ въ долинѣ, въ Борміо.

Вотъ прибылъ экипажъ съ путешественниками. Геронимо и Карло пошли внизъ. Геронимо пѣлъ, Карло держалъ свою шляпу, и путешественники подали милостыню. Геронимо казался теперь совершенно спокойнымъ. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ: «Сколько?» и на отвѣты Карло слегка кивалъ головою. Между тѣмъ самъ Карло старался разобраться въ своихъ мысляхъ.

Но его не оставляло неясное чувство, что случилось что-то ужасное, противъ чего онъ совершенно беззащитенъ.

Когда оба брата взбирались опять по ступенькамъ, они услышали сверху шумный и неясный говоръ и смѣхъ. Самый молодой кричалъ навстрѣчу Геронимо:

— Спой и намъ также, мы заплотимъ! Не такъ ли?—обратился онъ къ другимъ.

Марія вошла съ бутылкой вина и сказала:

— Оставьте его сегодня въ покоѣ, онъ въ дурномъ настроеніи.

Вмѣсто отвѣта Геронимо сталъ посреди комнаты и запѣлъ. Когда онъ кончилъ, ямщики захлопали.

— Иди сюда, Карло!—крикнулъ одинъ изъ нихъ.—И мы бросимъ тебѣ деньги въ шляпу, какъ тѣ господа внизу!—Онъ взялъ небольшую монету и поднялъ руку, какъ бы желая бросить ее въ шляпу, которую держалъ передъ собою Карло. Но слѣпой схватилъ ямщика за руку и сказалъ:

— Лучше мнѣ дай, мнѣ! Она можетъ упасть...

— Какъ такъ?

— Ну да! Между ногъ Маріи.

Всѣ разсмѣялись, хозяинъ и Марія также смѣялись, одинъ только Карло стоялъ неподвижно. Никогда еще Геронимо не шутилъ такъ!..

— Присядь къ намъ!—кричали ямщики.—Ты веселый малый!—Они сдвинулись, чтобы освободить мѣсто Геронимо. Разговоръ становился все болѣе шумнымъ и путаннымъ; Геронимо былъ между ними, онъ разговаривалъ громче и веселѣе обыкновеннаго, и не переставалъ пить. Вошла Марія; онъ хотѣлъ притянуть ее къ себѣ; тогда одинъ изъ ямщиковъ сказалъ, смѣясь:

— Ты, можетъ быть, думаешь, она хороша? Вѣдь она старая, некрасивая баба!

Но слѣпой потянулъ Марію къ себѣ на колѣни.

— Всѣ вы дураки,—говорилъ онъ.—Вы думаете, мнѣ нужны гла-

за, чтобы видѣть? Я знаю также, гдѣ теперь Карло—ага?—онъ стоитъ возлѣ печки, держитъ руки въ карманахъ и смѣется.

Всѣ посмотрѣли на Карло, который, разинувъ ротъ, стоялъ у печки и, дѣйствительно, улыбка скривила его лицо, чтобы не обличить брата во лжи.

Вошелъ слуга; ямщики хотѣли быть въ Борміо еще передъ вечеромъ, имъ надо было поспѣшить. Они поднялись и шумно попрощались. Оба брата опять остались одни въ комнатѣ. Это былъ часъ, въ который они часто спали. Все въ корчмѣ затихло, какъ всегда въ первые послѣобѣденные часы. Геронимо положилъ голову на столъ и казался спящимъ. Карло походилъ немного взадъ и впередъ, затѣмъ сѣлъ на скамью. Онъ очень усталъ. Ему казалось, что его охватилъ тяжелый сонъ. Всякія мысли приходили ему въ голову.

Онъ думалъ о томъ, что было вчера и третьяго дня и во всѣ дни, которые были раньше, онъ думалъ о жаркихъ лѣтнихъ дняхъ и о бѣлыхъ дорогахъ, по которымъ ходилъ вмѣстѣ со своимъ братомъ, и все это было такъ далеко и непонятно, будто больше не могло уже такъ быть.

Къ вечеру прибыла почта изъ Тироля и вслѣдъ за нею въ короткіе промежутки времени нѣсколько каретъ, направляясь на югъ. Еще четыре раза братьямъ приходилось спускаться на дворъ. Когда въ послѣдній разъ они взобрались наверхъ, сумерки уже наступили, и керосиновая лампочка, висѣвшая съ деревяннаго потолка, коптила. Пришли рабочіе, занятые въ недалеко находившейся каменоломнѣ, у которыхъ были деревянныя хижины нѣсколько шаговъ отъ корчмы. Геронимо подсѣлъ къ нимъ; Карло остался одинъ за своимъ столомъ. Ему казалось, что онъ уже давно одинокъ. Онъ слышалъ, какъ Геронимо громко, почти крикливо, разсказывалъ о своемъ дѣтствѣ: что онъ очень хорошо еще помнилъ многое изъ того, что видѣлъ когда-то своими глазами, лица и предметы: отца, работающаго въ полѣ, маленькій садъ съ деревомъ у забора, низенькій домикъ, принадлежавшій имъ, двухъ маленькихъ дочерей сапожника, виноградникъ за церковью, онъ помнилъ даже свое собственное дѣтское лицо, глядѣвшее на него изъ зеркала. Сколько разъ уже Карло слышалъ это. Сегодня онъ не могъ выносить этого. Это звучало сегодня не такъ, какъ всегда: каждое слово, сказанное Геронимо, получило другой смыслъ и, казалось, было направлено противъ него. Онъ тихо вышелъ и снова пошелъ по дорогѣ, окутанной въ густой мракъ. Дождь пересталъ, воздухъ былъ очень холодный, и мысль пойти дальше, все дальше окутаться въ этотъ мракъ показалась ему почти заманчивой. Онъ хотѣлъ лечь подъ конецъ въ канаву, заснуть и не проснуться больше. Вдругъ онъ услышалъ шумъ кареты и увидѣлъ приближающійся свѣтъ двухъ фонарей. Въ проѣзжавшей каретѣ сидѣли два господина. Одинъ изъ нихъ, съ узкимъ безбородымъ лицомъ, испугался и за-

дрожалъ, когда фигура Карло выступила изъ темноты при свѣтѣ фонарей. Карло остановился и снялъ шляпу. Карета съ фонарями исчезла. Карло опять находился въ темнотѣ. Вдругъ онъ испугался. Въ первый разъ въ его жизни его пугала темнота. Ему казалось, что онъ больше ни минуты не вынесетъ ея. Страннымъ образомъ, ужасъ, который онъ самъ ощущалъ, смѣшался съ мучительной жалостью къ слѣпому брату и погналъ его домой.

Когда онъ вошелъ въ корчму, онъ увидѣлъ тѣхъ двухъ путешественниковъ, которые только что проѣхали мимо него, сидящихъ за столомъ за бутылкой краснаго вина. Они разговаривали. Они еле оглянулись, когда онъ вошелъ.

За другимъ столомъ сидѣлъ Геронимо попрежнему съ рабочими.

— Гдѣ ты пропадаешь, Карло, отчего оставляешь брата одного?— спросилъ его хозяинъ уже въ дверяхъ.

— Что случилось?—спросилъ Карло испуганно.

— Геронимо угощаетъ этихъ людей. Мнѣ это безразлично, но вамъ слѣдовало бы подумать, что скоро наступятъ худшія времена.

Карло быстро подошелъ къ брату и взялъ его за руку.

— Идемъ!—сказалъ онъ.

— Чего тебѣ?—крикнулъ Геронимо.

— Идемъ спать,—сказалъ Карло.

— Оставь меня, оставь! Я зарабатываю деньги, я имѣю право дѣлать съ своими деньгами все, что мнѣ угодно, да! Не все же тебѣ красть! Вы думаете, онъ мнѣ отдаетъ все! О, нѣтъ! Я, вѣдь, слѣпой человѣкъ! Но есть люди — есть добрые люди, они говорятъ мнѣ: «Я далъ твоему брату двадцать франковъ».

Рабочіе засмѣялись.

— Довольно, идемъ!—сказалъ Карло. Онъ потащилъ брата съ собою, почти понесъ его по лѣстницѣ до пустого чердака, гдѣ была приготовлена имъ постель.

Все время Геронимо кричалъ:

— Да, вотъ оно выяснилось, да, теперь я это знаю! Ого, погодите только. Гдѣ же она? Гдѣ Марія? Или ты кладешь деньги для нея въ сберегательную кассу? Да, я пою для тебя, играю на гитарѣ, на мои деньги живешь ты, а ты воръ!—Онъ упалъ на солому.

Цъ корридора виденъ былъ слабый свѣтъ; напротивъ была открыта дверь въ единственный номеръ, имѣвшійся въ этой корчмѣ, и Марія готовила постель на ночь. Карло стоялъ передъ братомъ и смотрѣлъ на его опухшее лицо съ синеватыми губами; волосы прилипли къ мокрому лбу; онъ выглядѣлъ гораздо старше своихъ лѣтъ. И мало-по-малу онъ сталъ понимать его. Недовѣріе слѣпого, должно быть, уже давнишнее, уже давно оно какъ бы дремало въ немъ и у него не хватало только повода, или, можетъ быть, мужества, выразить его. И все, что дѣлалъ для него Карло, было напрасно; напрасны

угрызенія совѣсти, напрасна жертва всей его жизни. Что же ему теперь дѣлать? Неужели онъ будетъ продолжать изо дня въ день, Богъ знаетъ сколько еще времени, водить его по вѣчному мраку, служить ему, просить за него милостыню и не получать за все это ничего, кромѣ недовѣрія и брани? Если братъ считаетъ его воромъ, то, вѣдь, всякій чужой могъ оказать ему такія же или даже лучшія услуги. Правда, разумнѣе всего было бы оставить его одного, навсегда разстаться съ нимъ. Тогда только Геронимо узнаетъ правду тогда только онъ узнаетъ, что значитъ быть обкраденнымъ и обманутымъ, быть одинокимъ и несчастнымъ. А онъ самъ, что же онъ сдѣлаетъ? Онъ еще не старъ, онъ можетъ многое еще предпринять. Слугою онъ съумѣетъ всюду пристроиться. Но пока эти мысли проходили въ его головѣ, онъ не спускалъ глазъ съ брата. И вотъ онъ вдругъ увидѣлъ его передъ собою, одного, на краю залитой солнцемъ дороги; онъ сидѣлъ на камнѣ, глядя въ небо широко раскрытыми бѣлыми глазами, въ небо, которое не могло ослѣпить его, и онъ хваталъ руками этотъ мракъ, который вѣчно окружалъ его, Карло почувствовалъ, что у него также не было никого въ мірѣ, кромѣ этого брата, какъ и у брата никого не было, кромѣ него.

Онъ понялъ, что любовь къ этому брату есть содержаніе всей его жизни, и впервые ему стало вполнѣ ясно, что лишь вѣра въ то, что братъ отвѣчаетъ ему той же любовью, помогала ему переносить съ такимъ терпѣніемъ всю эту несчастную жизнь. Онъ не могъ сразу отказаться отъ этой надежды. Онъ чувствовалъ, что столько же нуждался въ братѣ, сколько братъ въ немъ. Онъ не могъ, не хотѣлъ оставить его. Онъ долженъ былъ или переносить это недовѣріе, или найти средство убѣдить слѣпого въ безпричинности его недовѣрія... Да, если бы ему какъ-нибудь удалось раздобыть золотую монету! Если бы онъ завтра утромъ могъ сказать слѣпому: «Я спряталъ ее только затѣмъ, чтобы ты не пропилъ ее съ рабочими, чтобы люди не украли ее у тебя»... или что-нибудь другое... По лѣстницѣ послышались шаги: путешественники собрались на покой. Вдругъ его осѣнила мысль постучаться къ нимъ, разсказать имъ по правдѣ сегодняшнее происшествіе и просить у нихъ двадцать франковъ.

Но онъ тотчасъ же подумалъ, что нельзя было разсчитывать на успѣхъ! Они даже не повѣрятъ всей этой исторіи. И онъ вспомнилъ, какъ одинъ изъ нихъ, блѣдный, задрожалъ отъ испуга, когда онъ, Карло, появился вдругъ въ темнотѣ передъ каретой.

Онъ легъ на солому. Было совсѣмъ темно въ комнатѣ. Онъ слышалъ, какъ рабочіе, громко разговаривая и тяжело ступая, спускались по деревяннымъ ступенькамъ. Скоро послѣ этого заперли ворота. Слуга еще разъ пошелъ туда и обратно по лѣстницѣ, затѣмъ стало совсѣмъ тихо.

Теперь Карло слышалъ только, какъ храпѣлъ Геронимо. Скоро

сонъ охватилъ его и мысли его спутались. Когда онъ проснулся, его окружала еще темнота. Онъ смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ находилось окно; напрягая зрѣніе, онъ увидѣлъ тамъ, посреди непроницаемой темноты, темносѣрый квадратъ.

Геронимо все еще спалъ тяжелымъ сномъ пьянаго. А Карло думалъ о завтрашнемъ днѣ и ужасъ охватилъ его. Онъ думалъ о ночи, которая послѣдуетъ за этимъ днемъ, о днѣ за этой ночью, о будущемъ, лежащемъ передъ нимъ, и ужасъ охватилъ его при мысли о томъ одиночествѣ, которое предстояло ему. Зачѣмъ онъ вечеромъ не былъ мужественнѣе? Зачѣмъ онъ не пошелъ къ этимъ иностранцамъ и не попросилъ у нихъ дать ему двадцать франковъ? Можетъ быть, они все-таки сжалились бы надъ нимъ. А все же, можетъ быть, это хорошо, что онъ не просилъ ихъ. Да почему же хорошо?.. Онъ быстро сѣлъ и почувствовалъ сердцебіеніе. Онъ зналъ, почему хорошо: если бы они отказали ему, онъ все же остался бы у нихъ въ подозрѣніи—такъ... Онъ пристально смотрѣлъ на сѣрое пятно, начавшее понемногу свѣтлѣть... То, что противъ его воли проходило въ его мысляхъ, было, вѣдь ,невозможно, совершенно невозможно... Тамъ дверь была заперта,—впрочемъ, они могли проснуться... Да, а то сѣрое свѣтящееся пятно посреди мрака—это былъ занимающійся день...

Карло всталъ, будто его тянуло туда, и прислонился лбомъ къ холодному стеклу. Зачѣмъ онъ всталъ? Чтобы попытаться?.. Чтобы подумать?.. Что-же?.. Вѣдь это было невозможно и, кромѣ того, это преступленіе. Преступленіе? Какое значеніе имѣютъ двадцать франковъ для людей, которые для своего удовольствія проѣзжаютъ тысячу миль? Они бы даже не замѣтили... Онъ пошелъ къ двери и тихонько отворилъ ее. Напротивъ была другая дверь, запертая, въ двухъ шагахъ отъ этой. На гвоздѣ возлѣ двери висѣло платье. Карло потрогалъ его рукою... Да, если бы люди оставляли свои кошельки въ карманѣ, то жизнь была бы очень проста, никому не приходилось бы собирать милостыню... Но карманы было пусты.

Что же оставалось дѣлать? Вернуться въ комнату, на солому. Можетъ быть, найдется лучшій способъ достать двадцать франковъ—менѣе опасный и болѣе законный. Оставлять себѣ, дѣйствительно, всякій разъ нѣсколько сантимовъ отъ милостыни, пока не наберется двадцать франковъ, и затѣмъ купить золотой... Но это можетъ продолжаться мѣсяцы, если не цѣлый годъ. О, если бы у него хватило мужества! Онъ все еще стоялъ въ корридорѣ. Онъ посмотрѣлъ на ту дверь...Какая это полоса опускалась сверху перпендикулярно на полъ? Возможно ли это? Дверь была притворена, не замкнута... Почему это такъ поразило его? Уже нѣсколько мѣсяцевъ дверь не затворялась хорошо. Да и зачѣмъ? Онъ вспомнилъ, что за это лѣто здѣсь спали люди всего три раза, два раза ремесленникъ и разъ туристъ, поранившій себѣ ногу. Дверь открыта,—теперь ему нужна только смѣлость да счастье

Смѣлость? Худшее, что можетъ случиться съ нимъ, это то, что они проснутся, а онъ тогда все еще найдетъ какую-нибудь отговорку. Онъ заглядываетъ въ щель. Еще темно, и онъ еле видитъ контуры двухъ фигуръ, лежащихъ на кроватяхъ. Онъ прислушивается: они дышатъ спокойно, равномѣрно. Карло безшумно открываетъ дверь и такъ же безшумно, босикомъ, входитъ въ комнату. Обѣ кровати стоятъ вдоль одной изъ стѣнъ, противъ окна. По серединѣ комнаты столъ, Карло подкрадывается къ нему. Пошаривъ по немъ рукою, онъ ощупываетъ связку ключей, перочинный ножикъ, книжечку—больше ничего... Ну, конечно! Какъ могъ онъ предполагать, что они положатъ деньги на столъ! Да, онъ можетъ сейчасъ уйти!.. А все же, можетъ быть, однимъ удачнымъ пріемомъ ему посчастливится... И онъ приближается къ кровати, стоящей возлѣ двери; здѣсь на стулѣ лежитъ что-то— онъ ощупываетъ—револьверъ... Карло содрагается.. Не взять ли его сейчасъ же съ собою? Зачѣмъ этотъ человѣкъ приготовилъ себѣ револьверъ? Если онъ проснется и замѣтитъ его... Но нѣтъ, вѣдь онъ— сказалъ бы тогда: «Уже три часа, господинъ, вставайте!..»

Револьверъ остается на мѣстѣ.

Онъ крадется глубже въ комнату. Здѣсь, на другомъ стулѣ, между бѣльемъ... о, Боже! вотъ онъ... вотъ кошелекъ—онъ держитъ его въ рукахъ!.. Въ это мгновеніе онъ слышитъ трескъ. Быстрымъ движеніемъ онъ припадаетъ къ полу въ ногахъ спящаго... Трескъ повторяется—кто-то тяжело дышитъ, кряхтитъ—и опять тишина, глубокая тишина. Карло остается лежать на полу, съ кошелькомъ въ рукахъ, и ждетъ. Теперь все тихо. Уже блѣдный разсвѣтъ врывается въ комнату. Карло не отваживается встать на ноги и ползкомъ добирается до двери, которая достаточно пріотворена, затѣмъ дальше и въ коридорѣ только онъ поднимается медленно, глубоко вдыхая воздухъ. Онъ раскрываетъ кошелекъ; въ немъ три отдѣленія: въ правомъ и въ лѣвомъ мелочь серебромъ. Карло открываетъ среднюю часть, замкнутую задвижкой, и ощупываетъ три двадцатифранковыя монеты. У него промелькнула мысль взять двѣ изъ нихъ, но онъ сейчасъ же побѣждаетъ это искушеніе, вынимаетъ только одну золотую и закрываетъ кошелекъ. Затѣмъ онъ опускается на колѣни, смотритъ сквозь щель: въ комнатѣ полная тишина; тогда онъ толкаетъ кошелекъ такъ, что онъ летитъ ко второй кровати, подъ которой и остается лежать. Когда путешественникъ проснется, онъ подумаетъ, что кошелекъ упалъ со стула. Карло тихо поднимается. Полъ слегка трещитъ и въ эту минуту онъ слышитъ голосъ изъ комнаты: «Кто тамъ? Что такое?» Карло быстро дѣлаетъ два шага назадъ, задерживая дыханье— вотъ онъ въ своей комнатѣ. Онъ внѣ опасности, прислушивается... Въ той комнатѣ еще разъ затрещала кровать, затѣмъ опять все тихо. Онъ держитъ золотой между пальцами. Удалось, удалось! У него двадцать франковъ, онъ можетъ сказать брату: «Видишь, я не воръ!»

Они сегодня же уйдутъ отсюда—пойдутъ на югъ, въ Борміо, затѣмъ дальше, черезъ Вельтлинъ... въ Тирано... въ Эдоль... въ Брено... на Изейское озеро, какъ въ прошломъ году... Это совсѣмъ не покажется подозрительнымъ, потому что онъ уже третьяго дня говорилъ хозяину: «Черезъ нѣсколько дней мы отправимся на югъ». Становится все свѣтлѣе, вся комната наполняется сѣроватымъ свѣтомъ. Если бы Геронимо только проснулся скоро! Утромъ такъ хорошо ходить! Они уйдутъ еще до разсвѣта. Они попрощаются съ хозяиномъ, со слугою, съ Маріей также и затѣмъ уйдутъ прочь, прочь отсюда... И только часа черезъ два, когда они будутъ уже почти въ долинѣ, онъ разскажетъ Геронимо объ этомъ. Геронимо потягивается. Карло зоветъ его:

— Геронимо!

— Что случилось?—Онъ опирается обѣими руками и садится.

— Встанемъ, Геронимо.

— Зачѣмъ?—Онъ обращаетъ мертвый взглядъ на брата. Карло знаетъ, что Геронимо вспоминаетъ теперь вчерашнее происшествіе, но онъ знаетъ также, что онъ ни слова не проронитъ, пока не напьется опять.

— Холодно, Геронимо, уйдемъ отсюда. Въ этомъ году погода уже не поправится; уйдемъ лучше. Къ обѣду мы можемъ уже быть въ Боладорѣ.

Геронимо всталъ. Послышался шумъ просыпающагося дома. Внизу, на дворѣ хозяинъ разговаривалъ со слугою. Карло всталъ и спустился къ нимъ. Онъ всегда вставалъ рано и часто до разсвѣта выходилъ на улицу. Подходя къ хозяину, онъ сказалъ:

— Мы съ тобою попрощаемся.

— Вы сегодня уже собираетесь уходить?—спросилъ хозяинъ.

— Очень уже холодно стоять на дворѣ и вѣтеръ продуваетъ.

— Такъ поклонись отъ меня Бальбетти, когда будешь въ Борміо, скажи, чтобы не забылъ прислать мнѣ масла.

— Да, я передамъ поклонъ. Да вотъ за сегодняшній ночлегъ. —Онъ полѣзъ въ карманъ.

— Оставь, Карло,—сказалъ хозяинъ.—Эти двадцать сантимовъ я дарю твоему брату; вѣдь я его также слушалъ. Добраго утра.

— Спасибо, вамъ,—сказалъ Карло.—Впрочемъ, намъ не такъ къ спѣху. Мы еще увидимся съ тобою, когда ты вернешься съ работы; Борміо останется на томъ же мѣстѣ, не такъ ли?—Онъ засмѣялся и пошелъ наверхъ.

Геронимо, стоявшій посреди комнаты, сказалъ:

— Ну, я готовъ.

— Сейчасъ,—отвѣтилъ Карло.

Изъ стараго сундука, стоявшаго въ углу, онъ вынулъ нѣкоторыя вещи и связалъ ихъ въ узелъ. Потомъ онъ сказалъ:

— День прекрасный, но очень холодный.

— Я знаю,—отвѣтилъ Геронимо. Оба вышли изъ комнаты.

— Иди потихоньку,—говорилъ Карло,—здѣсь спятъ тѣ двое, что пріѣхали вчера вечеромъ.—Они осторожно сошли внизъ.—Хозяинъ тебѣ кланяется,—говорилъ Карло,—онъ не взялъ у насъ ничего за сегодняшнюю ночь. Теперь онъ ушелъ въ поле и вернется лишь черезъ два часа. Вѣдь мы увидимся съ нимъ въ будущемъ году.

Геронимо ничего не отвѣтилъ. Они вышли на шоссе, лежавшее передъ ними въ полумракѣ. Карло взялъ брата за лѣвую руку и они молча пошли внизъ, въ долину. Скоро они очутились на томъ мѣстѣ, откуда дорога поднималась въ гору. Туманъ поднялся имъ навстрѣчу, а вершины передъ ними заволоклись тучами. И Карло подумалъ: «Теперь я скажу ему объ этомъ».

Карло не говорилъ ни слова; вынувъ золотой, онъ подалъ его брату. Геронимо взялъ ее между пальцевъ правой руки, затѣмъ провелъ ею по щекѣ и по лбу, наконецъ, онъ кивнулъ и сказалъ:

— Вѣдь я это зналъ.

— Ну да,—отвѣтилъ Карло и удивленно посмотрѣлъ на Геронимо.

— Если бы и путешественникъ не говорилъ мнѣ ничего, и то я зналъ бы.

— Ну да,—растерянно сказалъ Карло.—Но ты понимаешь, почему я тамъ, передъ тѣми,—я боялся, что ты все сразу... И посмотри, Геронимо, вѣдь же пора купить тебѣ, думалъ я, и новый сюртукъ, и башмаки: и потому я...

Слѣпой оживленно покачалъ головою.

— Зачѣмъ?

Одной рукой онъ провелъ по своему сюртуку.

— Онъ еще достаточно хорошъ и грѣетъ достаточно, а теперь, вѣдь, мы будемъ на югѣ.

Карло не могъ понять, отчего Геронимо не выказывалъ радости, отчего онъ не извинялся.

И онъ продолжалъ:

— Геронимо, развѣ я не хорошо сдѣлалъ? Почему же ты не радуешься? Теперь деньги у насъ, не такъ ли? Онѣ у насъ нетронуты. Если бы я тебѣ говорилъ о нихъ тамъ, наверху, кто знаетъ... О хорошо, что я не говорилъ, конечно!

Вдругъ Геронимо закричалъ:

— Перестань врать, Карло, мнѣ надоѣло!

Карло остановился и выпустилъ руку брата.

— Я не вру.

— А я знаю, что ты врешь!.. Ты всегда врешь!... Уже сотни разъ ты вралъ!.. И это ты хотѣлъ себѣ оставить, но побоялся, вотъ что!

Карло опустилъ голову и ничего не отвѣтилъ. Онъ снова взялъ слѣпого за руку и пошелъ дальше. Ему было больно, что Геронимо

говорилъ это. Но, въ сущности, онъ удивлялся, что не былъ болѣе разстроенъ.

Туманъ разсѣялся. Послѣ долгаго молчанія Геронимо сказалъ:

— Становится тепло.

Онъ сказалъ это равнодушно, просто, какъ говорилъ уже много разъ, и Карло почувствовалъ въ эту минуту, что въ глазахъ Геронимо все было по старому, Въ его глазахъ онъ всегда былъ воромъ.

— Ты голоденъ?—спросилъ онъ.

Геронимо кивнулъ головою, вынулъ изъ кармана кусокъ сыра и хлѣбъ и поѣлъ. Они пошли дальше.

Имъ навстрѣчу ѣхала почта изъ Борміо, кучеръ спросилъ:

— Уже на югъ?

Затѣмъ проѣзжали кареты, направляясь въ гору.

— Повѣяло долиной,—сказалъ Геронимо и въ ту же минуту, послѣ быстраго поворота, у ихъ ногъ лежалъ Вельтлинъ.

«Дѣйствительно, ничто не измѣнилось, — думалъ Карло.—Вотъ я укралъ ради него и это было напрасно».

Туманъ подъ ними становился все прозрачнѣе, блескъ солнца прорывалъ его пелену. А Карло думалъ: «Можетъ быть, неблагоразумно было уйти такъ поспѣшно изъ корчмы... Кошелекъ лежитъ подъ кроватью, это во всякомъ случаѣ подозрительно»... Но какъ безразлично ему все это! Что съ нимъ могло еще случиться? Братъ, у котораго онъ отнялъ свѣтъ очей, считаетъ себя обкраденнымъ имъ, уже годами думаетъ такъ и всегда будетъ такъ думать, что же еще худшаго можетъ случиться съ нимъ?

Вотъ подъ ними стоитъ большой бѣлый отель, залитый утреннимъ свѣтомъ, а тамъ, ниже, гдѣ долина становится шире, широко расположилась деревня. Молча пошли они дальше, рука Карло все еще лежала въ рукѣ слѣпого. Они прошли мимо парка отеля и Карло видѣлъ сидѣвшихъ на террасѣ гостей въ свѣтлыхъ, лѣтнихъ костюмахъ, за завтракомъ.

— Гдѣ ты хочешь отдохнуть?—спросилъ Карло.

— Въ «Орлѣ», какъ всегда.

Они дошли до конца деревни и зашли въ небольшую корчму. Они сѣли въ распивочной и заказали вина.

— Что это вы такъ рано у насъ?—спросилъ хозяинъ.

Карло немного испугался при этомъ вопросѣ.

— Развѣ такъ рано? Сегодня десятое или одиннадцатое сентября, не такъ ли?

— Въ прошломъ году вы, навѣрное, были здѣсь гораздо позднѣе.

— Тамъ такъ холодно, — говорилъ Карло.—Мы мерзли эту ночь. Да, кстати, меня просили тебѣ передать, чтобы ты не забылъ послать масла.

Воздухъ въ комнатѣ былъ спертый и душный. Странное безпо-

койство овладѣло Карло; ему захотѣлось быть опять на воздухѣ, на большой дорогѣ, ведущей въ Тирано, въ Эдоль, къ Изейскому озеру, всюду, вдаль! Вдругъ онъ поднялся.

— Развѣ мы уже уходимъ?—спросилъ Геронимо.

— Будемъ къ обѣду въ Боладорѣ. Тамъ въ гостинницѣ «Олень» останавливаются кареты въ обѣденное время; это хорошее мѣсто.

Они пошли. Парикмахеръ Бекочи стоялъ въ своей лавкѣ и курилъ.

— Здравствуйте, — крикнулъ онъ имъ.—Ну, какъ тамъ наверху? Эту ночь, вѣрно, снѣгъ пошелъ?

— Да, да,—сказалъ Карло и ускорилъ шагъ.

Деревня осталась за ними, дорога тянулась бѣлая между луговъ и виноградниковъ, вдоль шумной рѣки. Небо было синее и тихое.

«Зачѣмъ я это сдѣлалъ?—думалъ Карло.—Развѣ у него лицо не такое, какъ всегда? Онъ сбоку посмотрѣлъ на слѣпого.—Онъ всегда вѣрилъ этому и всегда былъ одинокъ, — онъ все время ненавидѣлъ меня». Ему казалось, что онъ тащитъ тяжелую ношу, которую онъ никогда не можетъ сбросить, ему казалось, что онъ видитъ тотъ мракъ, по которому шелъ Геронимо, въ то время какъ солнечный свѣтъ былъ разлитъ по всѣмъ дорогамъ.

И они шли дальше, шли, шли часами. Отъ поры до времени Геронимо садился на камень, или они оба опирались о перила какого-нибудь моста, чтобы отдохнуть. Опять они прошли по какой-то деревнѣ. Передъ корчмой стояли кареты, путешественники выходили и прогуливались; но наши нищіе не остановились. Они вышли опять на открытую дорогу. Солнце поднималось все выше; скоро, вѣрно, обѣдъ. Былъ день, какъ и тысяча другихъ.

— Это—боладорская башня,—сказалъ Геронимо. Карло оглянулся. Онъ былъ пораженъ тѣмъ, что Геронимо такъ точно высчитывалъ разстоянія: дѣйствительно, на горизонтѣ появилась боладорская башня. Кто-то издали приближался къ нимъ. Карло казалось, что этотъ человѣкъ сидѣлъ передъ этимъ на краю дороги и вдругъ всталъ. Фигура приближалась. Теперь Карло узналъ жандарма, котораго они часто встрѣчали по дорогѣ. Все-таки Карло слегка испугался. Но когда этотъ человѣкъ подошелъ ближе, онъ узналъ его и успокоился. Это былъ Пьетро Тенелли; еще весною оба брата разъ сидѣли съ нимъ вмѣстѣ въ корчмѣ Рагачи въ Мориньоне и онъ разсказывалъ имъ страшную исторію о томъ, какъ какой-то жуликъ разъ чуть не закололъ его.

— Кто-то остановился,—сказалъ Геронимо.

— Это жандармъ Тенелли,—отвѣтилъ Карло. Они подошли къ нему.

— Здравствуйте, господинъ Тенелли, — сказалъ Карло и остановился.

— Ничего не подѣлаешь, — сказалъ жандармъ, — я долженъ пока васъ обоихъ свести въ Боладоре, въ участокъ.

— Ну! — воскликнулъ слѣпой.

Карло поблѣднѣлъ.

«Какъ это возможно? — думалъ онъ. — Но это не можетъ относиться къ тому. Вѣдь здѣсь не могутъ еще знать этого».

— Кажется, вамъ по дорогѣ, — сказалъ жандармъ, смѣясь, — вамъ ничего, если пойдете со мною.

— Отчего ты молчишь, Карло? — спросилъ жандармъ.

— О да, я говорю... Прошу васъ, господинъ жандармъ, какъ же это возможно... въ чемъ же насъ... то-есть меня, обвиняютъ... право, не знаю...

— Ну, дѣло такое. Можетъ, ты и не виновенъ. Откуда мнѣ знать. На всякій случай мы получили приказъ телеграфомъ остановить васъ, ибо васъ подозрѣваютъ, даже сильно подозрѣваютъ въ томъ, что вы тамъ, наверху, у кого-то украли деньги. Ну, возможно, что вы не виновны. Итакъ, впередъ!

— Отчего ты молчишь Карло? — спросилъ Геронимо.

— Я говорю... о да, я говорю...

— Ну, идите же, наконецъ! Какой смыслъ останавливаться по дорогѣ! Солнце такъ и жжетъ. Черезъ часъ мы будемъ на мѣстѣ. Маршъ впередъ!..

Карло по обыкновенію, взялъ за руку Геронимо и они медленно пошли дальше, за ними жандармъ.

— Карло, отчего ты не говоришь ничего? — спросилъ опять Геронимо.

— Чего ты хочешь, Геронимо, что мнѣ говорить? Все выяснится; я и самъ не знаю...

И онъ подумалъ: «не разъяснить ли ему дѣло, прежде чѣмъ мы будемъ передъ судомъ? Нельзя... Жандармъ услышитъ... Ну, такъ чтоже? Передъ судомъ все равно скажу правду. «Господинъ судья,— скажу я,—вѣдь это не такая кража, какъ всякая другая. Дѣло было такъ»... Онъ старался подобрать слова, чтобы представить дѣло передъ судомъ ясно и понятно.—«Тутъ вчера пріѣзжалъ какой-то господинъ... можетъ быть, онъ былъ сумасшедшій или онъ просто ошибался... этотъ господинъ»...

Но что за безсмыслица! Кто этому повѣритъ? Ему вовсе и не дадутъ говорить такъ долго.

Никто не повѣритъ этой глупой исторіи... Даже Геронимо не вѣритъ... И онъ сбоку посмотрѣлъ на него. Голова слѣпого, по старой привычкѣ качалась въ тактъ ходьбы, но лицо было неподвижно, мертвые глаза были направлены въ пространство. И вдругъ Карло стало ясно, какія мысли работали за этимъ лбомъ...

«Вотъ какъ обстоитъ дѣло, навѣрное, думалъ Геронимо. Карло не только меня, онъ и другихъ людей обкрадываетъ... Ну да, ему легко, у него глаза, онъ пользуется ими». Да, конечно, таковы мысли Ге-

ронимо... «И то, что у меня не найдутъ денегъ, не поможетъ мнѣ,— ни передъ судомъ, ни у Геронимо. Они меня арестуютъ и его... Да, и его также, вѣдь у него золотой».

И онъ не могъ дальше думать, онъ былъ такъ разстроенъ. Ему казалось, что онъ ничего не понимаетъ во всемъ этомъ дѣлѣ, и онъ одно только зналъ: что онъ съ удовольствіемъ далъ бы себя засадить въ тюрьму на цѣлый годъ... хоть на десять лѣтъ, если бы только Геронимо зналъ, что онъ изъ-за него сталъ воромъ.

Вдругъ Геронимо остановился, такъ что и Карло не могъ пойти дальше.

— Ну, что же?—сказалъ жандармъ сердито.—Маршъ, маршъ!

Но вотъ онъ увидѣлъ, къ своему удивленію, что слѣпой уронилъ гитару, поднялъ обѣ руки и искалъ лица брата. Потомъ онъ губами прильнулъ къ губамъ брата и прежде, чѣмъ Карло могъ опомниться, онъ поцѣловалъ его.

— Съ ума вы сошли?—спросилъ жандармъ.—Маршъ, маршъ, впередъ! Не охотникъ я изжариться здѣсь.

Геронимо подобралъ гитару, не говоря ни слова. Карло глубоко вздохнулъ и взялъ снова за руку слѣпого. И онъ улыбался со страннымъ выраженіемъ счастья на лицѣ.

— Впередъ!—кричалъ жандармъ.—Да двигайтесь же вы, наконецъ.—Онъ толкнулъ Карло въ бокъ.

И Карло, крѣпко ведя за руку слѣпого, пошелъ дальше. Онъ шелъ гораздо быстрѣе прежняго. Улыбка не сходила съ его лица. Ему казалось, что ничего дурного не могло уже случиться съ нимъ,—ни передъ судомъ, ни гдѣ бы то ни было въ мірѣ. У него опять былъ братъ... нѣтъ, у него впервые братъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(Къ полуторавѣкому юбилею: 1755—1905).

(*Продолженіе* *).

IX.

Съ 1836 года начинается третій періодъ исторіи московскаго университета, отмѣченный уставомъ 26-го іюля 1835 года. Хотя этотъ университетскій уставъ, проведенный Уваровымъ, по отзыву проф. Иконникова, «былъ даже либеральнѣе (тогдашнихъ) германскихъ», но по сравненію съ уставомъ 1804 года онъ представлялъ значительный шагъ назадъ. «Автономія университетовъ,—говоритъ оффиціальный историкъ министерства народнаго просвѣщенія, — подверглась значительному ограниченію. Она выразилась въ отмѣнѣ университетскаго суда, въ усиленіи власти попечителя, въ стѣсненіи выборнаго начала».

Время прохожденія университетскаго курса было увеличено до четырехъ лѣтъ, а на медицинскомъ факультетѣ до пяти лѣтъ. Форма была сдѣлана обязательной для студентовъ не только въ университетѣ, но и внѣ университета. Ближайшій же надзоръ за поведеніемъ учащейся молодежи былъ предоставленъ инспектору, который выбирался уже не совѣтомъ изъ среды ординарныхъ профессоровъ, какъ было раньше, а попечителемъ изъ гражданскихъ или военныхъ чиновниковъ. Какія обязанности были возложены на инспектора и какія громадныя полномочія были ему предоставлены, объ этомъ можно судить на основаніи временной инструкціи, утвержденной 18-го октября 1834 года спеціально для московскаго университета. Особенно страшенъ былъ для студентовъ 29-ый параграфъ инструкціи, въ силу котораго «совѣтъ, факультеты и правленіе университета въ случаѣ неодобрительнаго засвидѣтельствованія инспектора о поведеніи и нравственности не переводятъ учащихся изъ низшаго курса въ высшій, не удостаиваютъ ихъ ученыхъ степеней... не выдаютъ золотыхъ и серебряныхъ медалей... не принимаютъ на казенное содержаніе» и т. д.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ 1905 г.

Что касается условій поступленія въ университетъ, то въ уставѣ 1835 года не было сдѣлано никакихъ сословныхъ и имущественныхъ ограниченій. Требовалось лишь выдержать предварительное испытаніе, отъ котораго могли быть освобождены только лица, представившія одобрительныя свидѣтельства объ окончаніи полнаго гимназическаго курса. Но оставалось въ силѣ распоряженіе 1827 года, чтобы допускались къ слушанію лекцій только лица свободныхъ состояній; а 9-го мая 1837 года въ рескриптѣ на имя Уварова вновь было подтверждено, «чтобы лица крѣпостного состоянія тогда только были допускаемы въ училища среднія и высшія, когда по волѣ ихъ помѣщиковъ они получатъ увольненіе отъ сего состоянія». Къ сожалѣнію, и на устраненіи отъ высшаго образованія крѣпостныхъ крестьянъ дѣло не остановилось. Уваровъ старался изыскивать всевозможные способы, чтобы преградить низшимъ сословіямъ доступъ къ пріобрѣтенію «роскошныхъ знаній», какъ онъ выразился въ одномъ секретномъ циркулярѣ. Тщетно гр. Строгановъ, попечитель московскаго учебнаго округа, доказывалъ, что «всякія стѣснительныя мѣры къ остановленію юношества отъ вступленія въ университеты... повлекутъ за собою вредныя послѣдствія для распространяющагося у насъ народнаго просвѣщенія и едва ли будутъ согласны съ общественнымъ мнѣніемъ». Министръ народнаго просвѣщенія, опираясь на желаніе императора Николая I, провелъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью «умѣрить приливъ юношества къ учебнымъ заведеніямъ высшаго разряда». Въ 1839 году введена была плата за слушаніе лекцій, для московскаго университета въ размѣрѣ 100 р. асс., а въ 1845 этагоду плата была повышена до 50 руб. сер. Въ томъ же 1845 году запрещено было принимать въ университетъ даже вольноотпущенныхъ дворовыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ. Лишенные права поступать въ студенты, лица податныхъ сословій послѣ 1827 года поступали въ разрядъ «приватныхъ слушателей», которые имѣли право по выслушаніи полнаго курса держать экзамены. Въ 1847 году разрядъ этихъ слушателей былъ упраздненъ. Даже въ гимназіи дѣти купцовъ и мѣщанъ стали приниматься только по представленіи ими увольнительныхъ свидѣтельствъ. Это требованіе на ряду съ установленіемъ платы было также, по выраженію г. Рождественскаго, «косвеннымъ средствомъ устранить изъ университетовъ нежелательные элементы».

Ограниченіе университетской автономіи и мѣры, направленныя къ устраненію отъ «роскошныхъ знаній» сыновей крестьянъ, мѣщанъ и даже купцовъ, не помѣшали расцвѣту Московскаго университета именно въ министерство Уварова. Московскій университетъ въ это время находился подъ ближайшимъ начальствомъ просвѣщеннаго вельможи гр. С. Г. Строганова, попечительство котораго совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ въ исторіи русскаго образованія, который называется «сороковыми годами».

Въ русской литературѣ до настоящаго времени личность гр. Строганова не выяснена въ достаточной степени, и надъ его дѣятельностью не произнесенъ еще окончательный судъ. До московскаго попечительства гр. Строгановъ связалъ свое имя съ такимъ мрачнымъ фактомъ, какъ закрытіе каѳедры философіи въ 1826 году, а послѣ своего попечительства въ Москвѣ онъ представилъ императору Николаю «доносъ» на русскую литературу и журналистику, результатомъ чего была «эпоха цензурнаго террора» въ Россіи. Впослѣдствіи гр. Строгановъ зарекомендовалъ себя ярымъ противникомъ освобожденія крестьянъ съ землей, а еще позже заслужилъ даже названіе «злого генія реакціи». Но 1835—1847 годы, когда гр. Строгановъ былъ попечителемъ въ Москвѣ, представляютъ свѣтлую страницу его біографіи, хотя и эта страница не безъ пятенъ.

О гр. Строгановѣ, какъ попечителѣ, имѣются очень суровые отзывы, исходящіе изъ среды его недруговъ, къ числу которыхъ принадлежали московскіе славянофилы и поборники такъ называемой офиціальной народности. Такъ, напримѣръ, Погодинъ около 1845 года писалъ графу Строганову: «Университетъ Московскій спитъ глубокимъ сномъ, какого въ немъ никогда не бывало. Ученой жизни между профессорами никакой... Между студентами, кромѣ ученья тетрадокъ, участія, жизни также никакой... Литература убита въ тѣхъ поколѣніяхъ, которыя воспитались подъ вашимъ попечительствомъ... Вы сами во все вступаетесь, считая себя умнѣе всѣхъ» и т. д. (Барсуковъ, VIII, 96—98). Приведенныя явно несправедливыя слова принадлежатъ человѣку, котораго гр. Строгановъ выжилъ изъ московскаго университета. Но и Герценъ, пользовавшійся расположеніемъ гр. Строганова, даетъ о немъ не особенно лестные отзывы. «Когда онъ бывалъ въ либеральномъ направленіи, — говоритъ Герценъ,—онъ говорилъ о книгахъ и журналахъ, восхвалялъ университетъ и все сравнивалъ съ тѣмъ жалкимъ положеніемъ, въ которомъ онъ былъ въ мое время. Но когда онъ былъ въ консервативномъ направленіи, тогда упрекалъ, что я не служу, и что у меня нѣтъ религіи, бранилъ мои статьи, говоря, что я развращаю студентовъ, бранилъ молодыхъ профессоровъ, толковалъ, что они его больше и больше ставятъ въ необходимость измѣнить присягѣ или закрыть ихъ каѳедры». Между прочимъ, гр. Строгановъ, какъ видно изъ дневника Герцена, считалъ необходимымъ «всѣми мѣрами противодѣйствовать гегелизму и нѣмецкой философіи», потому что «она противорѣчитъ нашему богословію». Онъ даже заявилъ, что «готовъ или оставить свое управленіе, или закрыть нѣсколько каѳедръ».

Что касается личнаго характера гр. Строганова и его обращенія съ людьми, то и тутъ также, какъ въ его воззрѣніяхъ, было много рѣзко противорѣчиваго. Тотъ же Герценъ, съ одной стороны, отмѣчаетъ у графа Строганова «бездну рыцарски-благороднаго», а съ другой—заявляетъ, что иногда онъ «дѣлался чисто-на-чисто... взбал-

мошно-грубымъ, особенно, когда у него разыгрывался желчный почечуй». По словамъ профессора Боброва, «графу С. Г. Строганову были присущи рыцарскія чувства; но у него же подчасъ проявлялись крайне странныя, несимпатическія черты, недостойныя человѣка съ его образованіемъ и положеніемъ: мелочность, злопамятность, мстительность, издѣвательство и гоненія людей бѣдныхъ, слабыхъ, отъ него зависящихъ» *).

На всѣ эти недостатки гр. Строганова сравнительно рѣдко проявлялись во время его попечительства, которое оставило самыя свѣтлыя воспоминанія у большинства студентовъ и профессоровъ. По словамъ С. М. Соловьева **), гр. Строгановъ былъ гордъ, неуживчивъ, холоденъ, дикъ, малодоступенъ, скупъ», но въ то же время онъ, уважалъ мысль, уважалъ науку, ставилъ выше всего честность, прямоту, благородство, таланты, трудолюбіе, святое исполненіе обязанностей». «Къ нему нельзя было,—говоритъ Соловьевъ,—подольститься ничѣмъ другимъ, кромѣ усерднаго исполненія должности, кромѣ личныхъ достоинствъ... Придти къ Строганову съ рекомендательнымъ письмомъ отъ знатной дамы, отъ знатнаго господина—значило навсегда погубить себя въ его мнѣніи, никогда не получить отъ него мѣста». Понятно, что у такого человѣка было много враговъ въ разныхъ слояхъ общества. «Но для порядочныхъ людей,—продолжаетъ Соловьевъ,—какъ принадлежащихъ къ ученому вѣдомству, такъ и для всѣхъ тѣхъ, кому дорого было просвѣщеніе, управленіе Строганова московскимъ учебнымъ округомъ было золотымъ временемъ. Не могу безъ глубокаго чувства благодарности вспомнить того освѣженія нравственной атмосферы, которое произошло, когда пріѣхалъ Строгановъ попечительствовать».

«Мы любили гр. Строганова,—говоритъ Полонскій ***),—за то вопервыхъ, что во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ принималъ онъ самое горячее сердечное участіе». По свидѣтельству Буслаева, онъ «чуть не каждый день» посѣщалъ лекціи профессоровъ, присутствовалъ на переводныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, гдѣ внимательно замѣчалъ наиболѣе способныхъ студентовъ, которыхъ онъ прочилъ или въ профессора, или въ учителя гимназій. Особенно благодарныя воспоминанія оставилъ гр. Строгановъ своимъ доброжелательнымъ отношеніемъ къ учащейся молодежи. Даже Погодинъ не могъ не признать, что «со студентами обходился онъ очень хорошо, входилъ въ ихъ состояніе,

---

*) См. сборникъ профессора Боброва „Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX вѣка", т. II, приложеніе V, гдѣ пять печатныхъ листовъ заняты матеріалами для характеристики и оцѣнки гр. Строганова. Нужно при этомъ имѣть въ виду явную тенденцію профессора Боброва развѣнчать гр. Строганова.

**) „Русскій Вѣстникъ" 1896 г., № 2.

***) „Нива" 1898 г. Ежемѣсячныя литературныя приложенія, № 12.

помогалъ имъ, былъ снисходителенъ, чѣмъ и пріобрѣлъ ихъ расположеніе». По свидѣтельству Аѳанасьева *), «были случаи, что графъ помогалъ бѣднымъ студентамъ, давая имъ взаймы свои деньги для своевременнаго взноса... за слушаніе лекцій». И это въ то время, когда министръ народнаго просвѣщенія такъ усердно хлопоталъ объ очищеніи университетовъ отъ учащагося пролетаріата!

Еще болѣе любили студенты гр. Строганова за то, что онъ защищалъ ихъ «отъ полицейскихъ набѣговъ» и не одного увлекающагося юношу спасъ отъ солдатской шинели. Однажды студенты сдернули жандармовъ съ лошадей и устроили «великое побоище», по выраженію Колюпанова **), а затѣмъ благополучно скрылись. На другой день оберъ-полиціймейстеръ явился къ попечителю съ жалобой на студентовъ. «Это вздоръ, генералъ!—заявляетъ гр. Строгановъ:—Что же, взяли кого-нибудь?»—«Нѣтъ, графъ, полиція была слишкомъ малочисленна».—«Ну, такъ я и ожидалъ, толпа переряженныхъ буяновъ, а вы меня безпокоите, не имѣя никакихъ доказательствъ». Другой случай, разсказанный въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Колюпанова, еще характернѣе. Студентъ Юрьевъ, извѣстный впослѣдствіи писатель, въ пьяномъ видѣ на маскарадѣ ударилъ полицеймейстера и сорвалъ съ него эполету. Виновный былъ арестованъ, посаженъ въ карцеръ и облеченъ въ солдатскую шинель, которую ему пришлось бы долго носить, если бы не вмѣшательство Строганова. Упрошенный инспекторомъ Нахимовымъ, попечитель призвалъ полицеймейстера и сказалъ ему: «Студентъ въ пьяномъ винѣ нанесъ вамъ оскорбленіе, онъ будетъ строго наказанъ, и я за него прошу у васъ извиненія; но оффиціальнаго дѣла, полковникъ, не заводите, иначе вы будете имѣть его не со студентомъ, а со мною». Полицеймейстеръ, конечно, принужденъ былъ удовлетвориться графскимъ извиненіемъ, а Юрьевъ отдѣлался всего только трехдневнымъ карцеромъ.

Характеренъ для гр. Строганова и такой фактъ, какъ допущеніе въ университетъ студента медико-хирургической академіи, исключеннаго за то, «что онъ далъ субику (т.-е. субъ-инспектору) tête-à-tête за дерзость по физіономіи». Благодаря гуманной снисходительности гр. Строганова попалъ въ университетъ и Лохвицкій (впослѣдствіи профессоръ), исключенный изъ гимназіи за то, что ударилъ директора по рукѣ.

Если гр. Строгановъ являлся защитникомъ молодежи въ такихъ серьезныхъ проступкахъ, то, разумѣется, онъ былъ еще снисходительнѣе относительно мелкихъ нарушеній формы и дисциплины. «Упраздненіе партикулярнаго платья и введеніе формы,—говоритъ Юрій Самаринъ,—не могло не возбудить ропота, тѣмъ болѣе, что съ понятіемъ

*) „Русская Старина“ 1886 г., № 8.
**) „Русское Обозрѣніе“ 1895 г., №№ 3 и 4.

о мундирѣ связывалось темное опасеніе коренныхъ преобразованій на военный ладъ... Многіе и очень долго не подчинялись (новымъ требованіямъ), продолжая попрежнему являться въ партикулярномъ платьѣ въ театрѣ и на гуляньяхъ... Къ чести тогдашняго инспектора, къ чести тогдашняго попечителя—ни одинъ человѣкъ» не пострадалъ за это. Заслуживаетъ упоминанія и отношеніе гр. Строганова къ демонстраціи, учиненной студентами на магистерскомъ диспутѣ Грановскаго. Присутствуя на диспутѣ, онъ «даже ни разу не оглянулся на студенческія скамьи» и только на другой день, призвавъ депутатовъ отъ всѣхъ факультетовъ, сказалъ имъ, какія худыя послѣдствія могутъ выйти изъ подобныхъ «протестацій». «А чѣмъ бы могла разыграться эта исторія при другомъ попечителѣ—страшно подумать!» говоритъ Аѳанасьевъ.—Сколько было бы разослано солдатами въ сибирскіе баталіоны и на Кавказъ, гдѣ многіе изъ насъ,—говоритъ Еленевъ *),—загрубѣли бы умомъ и сердцемъ и навсегда погибли бы нравственно. Еще тактичнѣе и гуманнѣе оказался гр. Строгановъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда студенты отказались посѣщать лекціи одного очень слабаго профессора (Терновскаго): ни одинъ изъ студентовъ не пострадалъ, а неудачный профессоръ былъ удаленъ изъ университета.

Неудивительно, что бывшіе московскіе студенты восторженно отзываются о времени попечительства и о самой личности гр. Строганова. До назначенія гр. Строганова попечителемъ «зачастую слышалась,—говоритъ Буслаевъ,—угроза солдатчиной, и спустя много лѣтъ послѣ того мерещилось мнѣ иногда во снѣ, что мнѣ брѣютъ лобъ, и я надѣваю на себя солдатскую аммуницію». Съ назначеніемъ Строганова «страхи и ужасы прекратились и наступило для студентовъ счастливое время». По отзыву Аѳанасьева, «это было едва ли не самое счастливое время московскаго университета, по отсутствію всякихъ стѣсненій и формализма». «Мало сказать: студенты любили и уважали графа,—говоритъ Н. Дмитріевъ **),—мы гордились имъ. Онъ былъ для насъ образцомъ благороднаго, достойнаго; даже видѣть его было удовольствіе. Когда графъ входилъ на лекціи и садился вмѣстѣ съ студентами, пріятно было чувствовать, что онъ былъ тутъ. Страхъ явиться преступникомъ передъ нимъ былъ выше всего. Студентъ лучше понесъ бы какое угодно наказаніе, даже самое удаленіе изъ университета, лишь бы не предстать предъ лицомъ графа преступникомъ! Такова была та нравственная высота, на которой стоялъ графъ!»

Легко понять, съ какимъ сожалѣніемъ узнали профессора и студенты московскаго университета объ отставкѣ Строганова въ 1847 году, вызванной его столкновеніемъ съ гр. Уваровымъ. «Извѣстіе о

*) „Русскій Архивъ“ 1889 г., № 8.

**) „Отечественныя Записки“ 1858 г., №№ 7 и 9, и 1859 г., № 1.

выходѣ графа изъ попечителей,—говоритъ Шестаковъ *),—произвело на насъ буквально оцѣпеняющее впечатлѣніе: у насъ опустились руки, мы какъ будто лишились кого-то близкаго, служившаго намъ щитомъ и опорой». Даже постороннія лица искренне сожалѣли объ уходѣ гр. Строганова. Даже его принципіальный противникъ Хомяковъ выразился: «для университета, думаю, отставка Строганова... мало чѣмъ легче холеры».

Признательный университетъ выбралъ гр. Строганова своимъ почетнымъ членомъ, а профессора и студенты поднесли ему альбомъ съ подписями. Въ исторіи московскаго университета имя гр. Строганова заняло почетное мѣсто рядомъ съ именемъ Шувалова и впослѣдствіи сдѣлалось даже орудіемъ для укоровъ позднѣйшимъ московскимъ попечителямъ. Въ 1879 году московскій университетъ поднесъ престарѣлому гр. Строганову адресъ, въ которомъ похвалы старому попечителю звучали рѣзкими упреками присутствовавшему при чтеніи этого адреса тогдашнему московскому попечителю кн. Мещерскому, всячески стѣснявшему университетскую автономію.

X.

Съ именемъ гр. Строганова въ исторіи московскаго университета неразрывно связано имя инспектора студентовъ Нахимова. Эти два имени всегда стоятъ рядомъ въ студенческихъ воспоминаніяхъ, и трудно сказать, кому изъ нихъ обязанъ больше московскій университетъ сороковыхъ годовъ восторженными воспоминаніями своихъ питомцевъ. Родной братъ синопскаго героя, капитанъ 2-го ранга въ отставкѣ, Нахимовъ въ своемъ флотскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, на первый взглядъ производилъ впечатлѣніе суроваго и взыскательнаго формалиста. Онъ неутомимо преслѣдовалъ всякое несоблюденіе формы, особенно длинные волосы, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ готовъ былъ накричать на студента и даже затопать ногами, напугать его карцеромъ, исключеніемъ изъ университета и даже отдачей въ солдаты. Но всѣ эти угрозы обыкновенно, ограничивались словами, такъ какъ Нахимовъ былъ добродушнѣйшимъ изъ смертныхъ, искренне любившимъ молодежь. Студенты охотно прощали Нахимову и грозные окрики, и страшныя угрозы, и фамильярное «ты», такъ какъ скоро съумѣли понять, что подъ суровой оболочкой чудаковатаго моряка скрывается доброе сердце и прекрасная душа. Стоило только сказать: «Платонъ Степановичъ! вѣдь вы нашъ отецъ!»—и смягчившійся инспекторъ отпускалъ провинившагося студента и только въ самомъ худшемъ случаѣ сажалъ его въ карцеръ. «Всякаго рода

---

*) „Русская Старина“ 1887 г., № 9.

проступки,—говоритъ Н. Поповъ *),—даже буйство и скандалы, учиненные студентами въ разныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ Москвы, всегда оканчивались домашнимъ образомъ: карцеромъ и головомойкой».

Вообще Нахимовъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы всякую непріятную исторію погасить въ самомъ началѣ. Однажды Буслаевъ зимою въ Николинъ день со своими товарищами сильно кутнулъ въ «Желѣзномъ» трактирѣ. Кое-какъ дотащились они до университета въ глухую полночь, но никакъ не могли попасть въ свои номера. Тогда Буслаевъ подошелъ къ колоколу, висѣвшему на столбѣ по срединѣ университетскаго двора, и ударилъ въ набатъ. Сбѣжались сторожа и водворили запоздавшихъ гулякъ по мѣстамъ. «На другой день поутру,—разсказываетъ Буслаевъ,—только что мы проснулись, началась расправа. Платонъ Степановичъ насъ требуетъ къ себѣ каждаго по одиночкѣ... Несмотря на суровый видъ и рѣзкость голоса, во всемъ его существѣ чувствовалось мнѣ трогательное безпокойство, точно онъ потерялъ какую дорогую вещь или очень нужную оффиціальную бумагу и не можетъ найти, чего ищетъ. До сихъ поръ онъ считалъ меня самымъ примѣрнымъ по благонравію студентомъ, и вотъ теперь не можетъ вѣрить, не можетъ понять, чтобы я такъ преступно провинился. Онъ удивляется и жалѣетъ меня. Разумѣется, я сердечно раскаивался и вышелъ отъ него со слезами на глазахъ». А вотъ другой случай, разсказанный тѣмъ же Буслаевымъ. На лекціи Каченовскаго произошла драка между двумя студентами. Грозный ректоръ настаивалъ на исключеніи зачинщика изъ университета, но вмѣшался Нахимовъ, и исключеніе было замѣнено карцеромъ. «Мы убѣдились,—говоритъ Буслаевъ,—что правосудіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть безъ грѣха подкупаемо состраданіемъ и милосердіемъ, и мы не стали отъ того хуже».

Спасая студентовъ, уже попавшихъ въ бѣду, Нахимовъ не упускалъ, конечно, случаевъ и предостеречь молодежь отъ грозящихъ ей опасностей. Въ концѣ сороковыхъ годовъ у московскихъ студентовъ образовался тайный клубъ, гдѣ читались и обсуждались запрещенныя газеты и брошюры. Однажды Нахимовъ призываетъ къ себѣ вожаковъ клуба и, по словамъ Колюпанова, заявляетъ имъ: «Господа! все это дошло до жандармскаго начальства; не сегодня, завтра у васъ сдѣлаютъ обыскъ; такъ вы клубъ этотъ немедленно закройте, все, что есть запрещеннаго пришлите мнѣ, да не забудьте въ каждое такое сочиненіе вложить закладку, кому оно принадлежитъ: уляжется все, стану раздавать, такъ, пожалуй, перемѣшаю». Клубъ былъ закрытъ, запрещенныя изданія съ закладками были снесены къ Нахимову, а впослѣдствіи были возвращены по принадлежности. Тотъ же

---

*) „Историческій Вѣстникъ“ 1884 г., № 12.

Колюпановъ приводитъ еще и такой фактъ, очень характерный для Нахимова, какъ человѣка и инспектора. Совершенно неожиданно явился онъ однажды въ столовую казеннокоштныхъ студентовъ и громогласно заявилъ: «Господа!.. когда вамъ нужно у себя въ номерѣ что-нибудь такое, что вы не хотите, чтобы до меня дошло, дѣлайте это, когда господинъ Р. ушелъ»... Р. былъ казенный студентъ изъ семинаристовъ; привыкнувши наушничать отцу ректору, онъ хотѣлъ примѣнить эту систему и къ Платону Степановичу, но не ожидалъ, конечно, такого исхода».

Заботы Нахимова о молодежи и доброй славѣ университета доходили до того, что онъ по праздникамъ ѣздилъ по московскимъ улицамъ и «подбиралъ» пьяненькихъ студентовъ, чтобы они «въ растерзанномъ видѣ» не попались на глаза генералъ-губернатору или другому какому-нибудь начальству. И сами студенты, зная доброе сердце Нахимова и его старанія о томъ, чтобы никакія «исторіи» не доходили до гр. Строганова, являлись къ инспектору съ повинною и возвращались отъ него, по выраженію Н. Дмитріева, «съ облегченнымъ сердцемъ, хотя и достаточно напуганные на будущее время».

Душевная доброта Нахимова проявлялась и въ его заботахъ о матеріальныхъ интересахъ учащейся молодежи. Онъ доставалъ уроки, давалъ взаймы деньги и даже, по свидѣтельству Попова, нерѣдко вносилъ въ университетъ плату «за многихъ бѣдныхъ студентовъ. И дѣлалъ это такъ деликатно, что тѣ, которымъ онъ помогалъ, развѣ впослѣдствіи по выходѣ изъ университета, и то случайно, узнавали имя своего благодѣтеля». Студенты находили у Нахимова защиту даже отъ строгихъ и требовательныхъ профессоровъ. По словамъ Аѳанасьева, «нерѣдко полученная на экзаменѣ единица была переправляема» вслѣдствіе просьбы инспектора. «Однажды въ великій постъ,— говоритъ Аѳанасьевъ,—когда говѣли казенные студенты, попъ Терновскій объявилъ на исповѣди двумъ студентамъ, что за какіе-то важные грѣхи онъ не допуститъ ихъ къ причастію; студенты-грѣшники обратились къ Платону Степанычу; тотъ бросился къ Терновскому уговаривать его быть снисходительнѣе. Долго отговаривался Терновскій, наконецъ сказалъ: «не могу... Іисусъ Христосъ сказалъ...» и уже былъ на-готовѣ текстъ, какъ Нахимовъ нетерпѣливо и съ отчаяніемъ прервалъ его: «что Іисусъ Христосъ! что графъ-то скажетъ?» Это послѣднее возраженіе возымѣло силу—и студенты были допущены къ св. причащенію».

Чудаковатость Нахимова, его вспыльчивость, скудный образовательный багажъ, нетерпимость къ стихамъ *), пристрастіе къ рому—

---

*) Нерасположеніе Нахимова къ стихотворцамъ добродушно вышучено въ одной пьесѣ Полонскаго, напечатанной въ книгѣ Фета „Ранніе годы моей жизни", стр. 210—211. М. 1893.

все это давало обильный матеріалъ для разнаго рода разсказовъ, частью вполнѣ достовѣрныхъ, частью вымышленныхъ, но всегда очень характерныхъ для «Флакона Стакановича», какъ называли студенты своего инспектора. Вотъ, напримѣръ, разсказъ, показывающій, въ какое непріятное и комическое положеніе ставили добродушнаго Нахимова его неумѣренныя угрозы. Одного изъ длиноволосыхъ студентовъ Нахимовъ нѣсколько разъ посылалъ къ цирульнику. Студентъ всегда давалъ обѣщаніе остричься, но продолжалъ носить длинные волосы. «Слушай,—сказалъ ему Нахимовъ, выведенный изъ терпѣнія: —если я еще разъ встрѣчу тебя... въ такомъ видѣ, то непремѣнно исключу изъ университета. Даю тебѣ честное слово. Понимаешь?»—«Понимаю, Платонъ Степановичъ». На другой или третій день Нахимовъ отправляется въ университетъ. Повернувъ съ Тверской улицы въ университетъ по Долгоруковскому переулку, онъ къ ужасу своему видитъ, что съ другого конца этого переулка... идетъ ему навстрѣчу означенный студентъ—и не остриженный! Бѣдный инспекторъ очутился между Сциллой и Харибдой. Сдержать свое слово—жалко студента; не сдержать—значитъ, признать себя безчестнымъ. Положеніе бѣдовое; но добрякъ удачно изъ него вышелъ. «Оборачивай назадъ, выѣзжай на Тверскую!—кричитъ онъ кучеру.—Скорѣе, розиня!» Кучеръ исполнилъ приказаніе и тѣмъ спасъ студента отъ бѣды, а своего барина отъ безчестья».

Не менѣе характеренъ и слѣдующій случай, разсказанный въ воспоминаніяхъ Аѳанасьева. «Разъ пришелъ къ Платону Степаноиичу хозяинъ трактира «Великобританія»... съ жалобою на какого-то студента, который, забравши у него на порядочную сумму, не платитъ да еще требуетъ. Платонъ Степановичъ отправился въ «Великобританію» самъ. «Ты задолжалъ, не платишь, да еще буянишь», сказалъ онъ студенту. «Я-съ, Платонъ Степановичъ, не собрался съ деньгами; я ему заплачу... а онъ—просто грабитъ, цѣны беретъ хорошія, а если-бъ вы видѣли, какая у него водка сверная, хоть не пей! вотъ извольте попробовать сами». Платонъ Степановичъ взялъ рюмку и выпилъ. «Ахъ, ты мошенникъ,—закричалъ онъ на трактирщика,—такую-то продаешь ты водку!» и распекъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, а потомъ обратясь къ студенту, сказалъ: «а ты бы лучше ромъ пилъ!» Тѣмъ расправа и кончилась». Этотъ столь любимый Нахимовымъ ромъ играетъ болѣе видную роль въ другомъ разсказѣ, который записанъ Шестаковымъ. Заходитъ разъ Нахимовъ въ «Великобританію» и застаетъ студентовъ за стаканами пунша. Съ чисто-инспекторской безцеремонностью онъ пробуетъ ложечкою пуншъ у всѣхъ студентовъ и, не сказавъ никому ни слова, уходитъ, а на слѣдующій день одного изъ студентовъ отправляетъ въ карцеръ за то, что его товарищи пили настоящій пуншъ, а онъ пилъ какую-то «бурду».

Не удивительно, что такой добродушный чудакъ пользовался рѣд-

кою любовью и популярностью среди московскихъ студентовъ, которые до конца своей жизни хранили о немъ самыя пріятныя воспоминанія. «Мы, старые студенты Московскаго университета,—говоритъ Буслаевъ, въ своемъ миломъ Платонѣ Степановичѣ видѣли какъ бы воочію эпическаго героя русскихъ былинъ и высоко цѣнили въ немъ подвиги благодушія, милосердія и снисходительности, которыми онъ въ своей простотѣ и наивности могъ достигать того, что недоступно суровому правосудію съ его крутыми мѣрами». «Нахимова мы—говоритъ, Аѳанасьевъ,—всѣ отъ души любили, да и онъ любилъ студентовъ, какъ своихъ дѣтей. Съ простотой, повидимому, нѣсколько суровой онъ соединялъ душу необыкновенно добрую и сердце мягкое; однимъ словомъ, онъ живо напоминалъ мнѣ прекрасный характеръ Максима Максимыча (въ «Героѣ нашего времени»). По словамъ Н. Дмитріева, «Нахимовъ связалъ свое имя съ исторіею университета.. глубокою и добротою прекрасной души. Можно положительно сказать, что впродолженіе тринадцатилѣтней службы не вышло изъ университета ни одного студента, который не унесъ бы о Платонѣ Степановичѣ самыхъ чистыхъ воспоминаній. Платонъ Степановичъ почти каждому оказалъ какую-нибудь спасительную, благотворную помощь; всѣ вообще видѣли въ немъ самаго вѣрнаго, самаго надежнаго оберегателя юности». Въ его внимательномъ, неусыпномъ надзорѣ не было ничего тяжелаго, жосткаго: все смягчало его добрая душа и благородство правилъ. Шестидесятилѣтній старикъ умѣлъ, какъ немногіе, понимать увлеченіе юности, умѣлъ всегда отдѣлять простой порывъ молодыхъ силъ отъ дурного и порочнаго. Всѣ знали, что этотъ сѣдой, сердитый съ виду морякъ хранитъ въ себѣ непоколебимо—добрую душу, способную не осудить, а скорѣе снять съ виноватаго бремя проступка. Благородныя же движенія души ни въ комъ не находили такого сочувствія, уваженія, какъ въ Платонѣ Степановичѣ. Все это поселяло въ юношахъ не только искреннюю къ нему любовь, но и глубокую, полную довѣренность». «Упреки его часто доводили до слезъ весьма неслезливыя натуры. «Всѣ меня любятъ, одинъ ты меня не бережешь»—слова эти были ужаснѣе всякаго карцера и служили вѣрнымъ завѣтомъ къ исправленію».

«Гдѣ бы ни сошлись студенты Московскаго университета,—говоритъ Шестаковъ,—никакъ не утерпятъ, чтобы не вспомнить о Платонѣ Степановичѣ, чтобы не разсказать о немъ нѣсколькихъ смѣшныхъ анекдотовъ, но всѣ эти разсказы дышатъ незлобіемъ, теплотою; въ нихъ сквозь видимый смѣхъ незримо проглядываетъ сердечная любовь къ доброму незабвенному инспектору». «Однажды, — разсказываетъ Н. Дмитріевъ—нѣсколько человѣкъ, бывшихъ студентами Московскаго университета и товарищами, случайно съѣхалось въ какомъ-то дальнемъ уголку Россіи послѣ долговременной разлуки... Студенческіе годы, юность, университетъ возстали въ ихъ воспоминаніяхъ во всей

поэтической красотѣ. Вмѣстѣ съ ними предсталъ и добрый образъ незабвеннаго Платона Степановича. Тутъ же положили они послать ему за подписью всѣхъ письмо, въ которомъ... свидѣтельствовали ему свою вѣчную, неизмѣнную благодарность. Старикъ берегъ это письмо, какъ святыню, и въ хорошія минуты нерѣдко показывалъ его студентамъ».

Со слезами на глазахъ прощались студенты со своимъ незабвеннымъ инспекторомъ, покинувшимъ университетъ вскорѣ послѣ отставки Строганова. Но слезами дѣло не ограничилось: открыта была подписка, которая въ три дня дала до пяти тысячъ рублей. «Бѣдные,—вспоминаетъ Колюпановъ,—несли въ закладъ часы, богатые подписывались сотнями... Просили дозволенія поставить бюстъ Платона Степановича, но въ этомъ отказали; поднесли золотой кубокъ и альбомъ съ карточками студентовъ». Оставивъ университетъ, Нахимовъ получилъ мѣсто главнаго смотрителя шереметевскаго странноприимнаго дома въ Москвѣ, но студенты продолжали его называть «нашимъ Платономъ Степановичемъ» и въ первую же Пасху огромной толпой явились къ нему съ поздравленіями. Когда же Нахимовъ въ 1850 году умеръ, студенты на рукахъ отнесли его гробъ на кладбище.

XI.

Послѣ ухода гр. Строганова и Нахимова начинается самый мрачный періодъ въ исторіи московскаго университета, періодъ 1848—1854 годовъ, когда, казалось, наука въ Россіи была обречена на погибель, а все честно мыслящее—на гробовое молчаніе. Это было время, когда думали о закрытіи всѣхъ университетовъ, когда выкуривовали «вольный духъ» даже изъ поваренныхъ книгъ, когда даже въ евангеліи и акаѳистахъ находили нецензурныя мѣста. «Паническій страхъ овладѣлъ умами,—пишетъ Никитенко въ своемъ «Дневникѣ».—Ужасъ овладѣлъ всѣми мыслящими и пишущими... Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей». Въ это ужасное время даже самъ гр. Уваровъ, авторъ знаменитой формулы: православіе, самодержавіе и народность, оказался черезчуръ либеральнымъ и потерялъ министерскій портфель

Съ отставкой гр. Уварова некому было защищать русскіе университеты и уставъ 1835 года. Еще при гр. Уваровѣ, хотя и вопреки его желанію, послѣдовалъ Высочайшій указъ 30 апрѣля 1849 года о прекращеніи пріема студентовъ до тѣхъ поръ, пока число ихъ не сократится до 300 человѣкъ въ каждомъ университетѣ. Гр. Уварову удалось только медицинскіе факультеты поставить внѣ этой нормы, которая обрекала университеты на самое жалкое прозябаніе. При преемникѣ гр. Уварова, кн. Ширинскомъ-Шихматовѣ, реакція пошла еще болѣе быстрыми шагами. Въ студенты стали принимать «преимущественно»

дворянъ. Выборное начало было почти совсѣмъ уничтожено: ректоры университетовъ стали назначаться и отрѣшаться отъ должности по усмотрѣнію министра. Свобода преподаванія была до крайности стѣснена особыми инструкціями ректорамъ и деканамъ, гдѣ предписывалось зорко слѣдить, чтобы въ лекціяхъ профессоровъ «не укрывалось ничего несогласнаго съ ученіемъ православной церкви или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій нашихъ и чтобы, напротивъ, ясно и положительно выражалось вездѣ, гдѣ только это правило можетъ имѣть разсудительное приложеніе, благоговѣніе къ святынѣ, преданность государю и любовь къ отечеству» *). Нѣкоторыя каѳедры были признаны вредными даже при самомъ строгомъ надзорѣ за чтеніемъ лекцій и были закрыты. Такой участи подверглись каѳедры государственнаго права и философіи. Первая изъ нихъ была признана «совершенно лишнею», а по закрытіи второй преподаваніе логики и психологіи было поручено профессору богословія. Кромѣ того, запрещено было отпускать за границу молодыхъ русскихъ ученыхъ, а равно и приглашать иностранцевъ на каѳедры въ русскихъ университетахъ. Тогда же подверглись сильному ограниченію общедоступность диспутовъ (публику стали пускать по билетамъ), устройство публичныхъ лекцій и право унитерситетовъ на полученіе иностранныхъ сочиненій помимо цензуры.

Не только за лекціями, но и за самими профессорами въ это время былъ установленъ строжайшій надзоръ помимо университетскаго начальства. По свидѣтельству Буслаева, «нерѣдко звонокъ вечеромъ въ передней профессора означалъ появленіе жандарма». Однажды въ профессорскую комнату явился самъ генералъ-губернаторъ гр. Закревскій и выразилъ желаніе прослушать лекцію проф. Гофмана. «Когда они вышли за дверь, мы,—говоритъ Буслаевъ,—уже совсѣмъ потеряли голову: не то смѣяться, не то горевать. Гофманъ по-русски говорить не умѣлъ, а студентамъ читалъ по-латыни и переводилъ съ греческаго языка на латинскій. Что же будетъ слушать Закревскій на его лекціи, не понимая ни слова на этихъ языкахъ? Вечеромъ я узналъ, что Гофманъ арестованъ, а черезъ день былъ высланъ подъ стражею за границу. Полицейскіе сыщики перехватили его письмо къ брату, который состоялъ тогда членомъ германскаго конгресса во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Такимъ образомъ нашъ товарищъ былъ обвиненъ, какъ соумышленникъ западныхъ мятежниковъ» (стр. 312—313).

---

*) Распоряженіе это вызвало слѣдующее ѣдкое замѣчаніе С. М. Соловьева: „Вотъ тебѣ наставникъ,—говорило тогдашнее правительство молодому человѣку,—записывай и заучивай его уроки; но это человѣкъ опасный, мнѣ противный, я ему не вѣрю, за нимъ наблюдаютъ ректоръ и деканъ, чтобъ онъ не сказалъ тебѣ чего-нибудь дурного про меня». Какъ будто бы ректоръ или деканъ могли усмотрѣть за мастеромъ науки, чтобы онъ не провелъ предъ слушателями своего взгляда! А если бы даже они и могли воспрепятствовать ему въ этомъ на лекціи, то какъ могли воспрепятствовать ему дома, въ кабинетной бесѣдѣ съ студентами“.

Тотъ же самый Закревскій потребовалъ отъ попечителя Голохвастова свѣдѣнія «объ образѣ жизни и мыслей» профессоровъ Грановскаго, Кудрявцева и Соловьева, и хотя получилъ самый успокоительный отвѣтъ *), тѣмъ не менѣе учредилъ за ними строжайшій секретный надзоръ. Особенно страдалъ отъ подозрительности властей Грановскій. Выбранный деканомъ на мѣсто Шевырева, онъ не былъ утвержденъ въ этой должности. Заподозрѣнный въ недостаточной религіозности лекцій, онъ имѣлъ непріятное объясненіе съ митрополитомъ Филаретомъ. «Положеніе наше,—писалъ Грановскій Герцену въ 1849 году, — становится нетерпимѣе день ото дня... Доносы идутъ тысячами. Обо мнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два раза собирали справки... Есть съ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во время... Всѣ держимся на волоскѣ, каждому предстоитъ отставка или поѣздка въ Вятку и можетъ далѣе».

Московскіе профессора до того были напуганы подозрительнымъ отношеніемъ къ нимъ администраціи, что боялись даже продолжать товарищескія сходки, на которыхъ дѣло ограничивалось однимъ чаепитіемъ и ужиномъ, а «о политикѣ съ ея дрязгами», по свидѣтельству Буслаева, не говорилось «ни слова». Неудивительно, что Грановскій въ это мрачное время думалъ о самоубійствѣ и искалъ забвенія въ карточной игрѣ, а такіе люди, какъ Соловьевъ, Кудрявцевъ, Ешевскій, появляясь въ обществѣ, должны были, по свидѣтельству Галахова, пробавляться разсказываніемъ анекдотовъ, возбуждавшихъ общій смѣхъ.

Въ это безпримѣрно тяжелое для Россіи время попечителями московскаго учебнаго округа были Голохвастовъ и генералъ Назимовъ.

Не чуждый наукѣ, «человѣкъ,—по отзыву Соловьева,—знающій, умный, честный и любившій честность въ другихъ», Голохвастовъ не оставилъ хорошихъ воспоминаній ни какъ помощникъ попечителя съ 1833 года, ни какъ попечитель, занимавшій мѣсто Строганова до 1847 года. Особенно скверно отзываются о немъ студенты первой половины тридцатыхъ годовъ, когда онъ былъ въ университетѣ почти полнымъ хозяиномъ и стремился къ «исправленію студенческихъ нравовъ» путемъ всевозможныхъ строгостей и каръ вплоть до отдачи въ солдаты. «Въ 1833—1834 году,—говоритъ Гончаровъ,—на университетъ легла какая-то тѣнь. Въ университетѣ, сначала внѣ аудиторіи, стала появляться новая личность. Это была статная прямая фигура довольно большого роста, высоко державшая голову, въ вицъ-мундирѣ, съ крестомъ на шеѣ. Увидя его, такъ и хотѣлось сдѣлать ему плюшкинскій вопросъ Чичикову: не служилъ ли онъ въ военной службѣ? Такъ онъ держалъ себя осанисто и гордо, точно въ строю. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ похаживаніемъ вокругъ да около Голохвастовъ сталъ заглядывать и въ аудиторіи, садился, пока молча, около профессора, слушалъ лекціи и внушительно, начальственно погляды-

*) См. «Русскій Архивъ» 1887 г., № 8, стр 523.

валъ на насъ. Мы отвѣчали ему взглядами недоумѣнія. Затѣмъ онъ сталъ вмѣшиваться въ лекціи, спрашивалъ студентовъ, причемъ посматривалъ на насъ нѣсколько надменно и, безъ всякихъ съ нашей стороны поводовъ, строго... На выпускныхъ экзаменахъ онъ уже являлся полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ нашихъ судебъ. Онъ занялъ роль предсѣдателя въ комитетѣ экзаменаторовъ; деканъ при немъ стушевался. Онъ вмѣшивался въ вопросы, задавалъ свои, одобрялъ и порицалъ отвѣты, даже одного студента довольно грубо удалилъ изъ аудиторіи—и вмѣстѣ изъ университета—за какой-то неумѣлый или непочтительный отвѣтъ на его замѣчаніе».

По свидѣтельству Вистенгофа, «Голохвастовъ былъ язвительнаго, надменнаго характера. Онъ злорадствовалъ всякому случайному студенческому промаху и, раздувъ его до maximum'а, находилъ для себя особаго рода наслажденіе наложить на него свою кару». «Особенно оскорбляло насъ,—говоритъ Прозоровъ,—грубое обхожденіе Голохвастова со студентами... При посѣщеніи комнатъ (казеннаго общежитія) даже во время студенческихъ занятій онъ никогда не снималъ съ своей головы фуражки, шляпы и не дѣлалъ привѣтствія кланявшимся студентамъ».

Съ назначеніемъ гр. Строганова попечителемъ Голохвастовъ отошелъ на второй планъ, но и въ это время ничьихъ симпатій не пріобрѣлъ. «По политическимъ убѣжденіямъ своимъ, — говоритъ Соловьевъ,—Голохвастовъ былъ сильный охранитель: ему очень нравился существующій порядокъ вещей, дисциплина, чинопочитаніе.. Будучи помощникомъ попечителя, а потомъ попечителемъ, онъ ненавидѣлъ университетъ, считалъ его учрежденіемъ опаснымъ для существующаго порядка вещей и не скрывалъ этихъ мнѣній своихъ, не совѣтывалъ никому отдавать сыновей своихъ въ университетъ и говорилъ, что своихъ никогда не отдастъ туда, что всѣ дворяне должны служить въ военной службѣ... Неуваженіе его къ подчиненнымъ или, по крайнѣй мѣрѣ, къ большинству ихъ было возмутительно... Наконецъ въ наружности Голохвастова было много отталкивающаго: его фигура выражала спѣсь, натянутость, форменность; это была фигура красиваго, рисующагося квартальнаго, который понимаетъ свое высокое значеніе на публичномъ гуляньѣ передъ толпою черни».

Занявъ мѣсто Строганова, Голохвастовъ не ознаменовалъ себя такими суровыми мѣрами, какъ при кн. Голицынѣ По крайней мѣрѣ, сынъ его увѣряетъ, что съ конца 1847 года и до половины 1849 года, «ни одинъ студентъ въ солдаты не попалъ» *). Въ заслугу Голохвастову надо поставить и упомянутое выше заступничество за Грановскаго, Кудрявцева и Соловьева. Но это заслуги чисто-отрицательнаго характера. Ничего хорошаго для университета Голохвастовъ не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать вслѣдствіе своей медленности, нерѣшительности и мнительности. «Онъ только и дѣлалъ, — говоритъ

*) „Русскій Архивъ“ 1887 г. № 5, с. 346.

Соловьевъ,—что разсуждалъ и ничего не рѣшалъ; дѣла самыя необходимыя по хозяйству останавливались». Рѣшительнымъ и настойчивымъ онъ оказывался только въ такихъ случаяхъ, когда нужно было, напримѣръ, не выдать учительскаго свидѣтельства сыну «дворовой дѣвки». Въ концѣ-конновъ, потерявшій совершенно голову въ хаосѣ наступившей реакціи, Голохвоатовъ, подалъ въ отставку «отъ страха» какъ выразился Грановскій въ письмѣ къ Герцену.

На мѣсто Голохвастова былъ присланъ генералъ Назимовъ, чтобы «онъ—какъ выражается Соловьевъ *)—по-военному скрутилъ университетъ, согнулъ въ бараній рогъ профессоровъ, этихъ злонамѣренныхъ либераловъ, бунтовщиковъ». Это былъ человѣкъ очень суровый по наружности, съ густыми нахмуренными бровями и огромными рыжими усами. «Кто видѣлъ его въ первый разъ»—говоритъ о Назимовѣ «смоленскій дворянинъ» — невольно ощущалъ нѣкоторый трепетъ. Съ грознымъ видомъ Назимовъ соединялъ и поразительное невѣжество: достаточно сказать, что, показывая почетнымъ гостямъ, во время столѣтняго юбилея университета, маятникъ Фуко, онъ увѣрялъ, что это perpetuum mobile» **). Но по характеру своему Назимовъ, какъ свидѣтельствуетъ Соловьевъ, былъ человѣкъ добрый и простой, хотя «со всѣми привычками тогдашняго генерала: при первомъ удобномъ случаѣ любилъ пошумѣть, риспечь подчиненнаго, хотя послѣдній не долженъ былъ этимъ оскорбляться, потому что его превосходительство, распекши, потомъ и обласкаетъ».

По мнѣнію Соловьева, «назначеніе Назимова было благодѣяніемъ для университета въ то время гоненія... Судьба молодыхъ опальныхъ профессоровъ быстро перемѣнилась къ лучшему при Назимовѣ... Вмѣсто бунтовщиковъ генералъ нашелъ людей очень скромныхъ, почтительныхъ, робкихъ. Генералъ изумился: «все наврали,—сказалъ онъ,—никакого бунта нѣтъ въ университетѣ!» Тщетно ему внушали, чтобы онъ не смотрѣлъ на наружность, что эти тихони содержатъ въ себѣ скрытый ядъ, обманываютъ начальство. «Что же это такое? — отвѣчалъ Назимовъ на такія внушенія.—Все подлецы да подлецы, гдѣ же честные-то люди?» ***) Когда Назимову сообщили, что ходятъ слухи о неблагонамѣренности Соловьева, онъ отвѣчалъ: «пустяки! я знаю его тестя, прекрасный человѣкъ!» Однимъ словомъ, въ лицѣ Назимова московскій университетъ получилъ попечителя, который былъ мягче

---

*) „Русскій Вѣстникъ" 1896 г. № 5.

**) „Русская Старина" 1896 г. № 3.

***) О Назимовѣ, по словамъ Соловьева, „въ округѣ ходили удивительные разсказы. Напримѣръ, когда во время университетскаго юбилея Шевыревъ предлагалъ для обстановки пригласить девять актрисъ, которыя бы изображали девять музъ, то Назимовъ отвѣчалъ: „зачѣмъ же только девять? сколько угодно пригласимъ!" Его помощникъ Муравьевъ требовалъ отъ университетской типографіи, чтобъ она соблюдала экономію, набирала старымъ, избитымъ шрифтомъ, а набѣло печатала хорошимъ, новымъ".

не только военнаго генерала Писарева, но и Голохвастова, не носившаго военнаго мундира.

Въ преподаваніе Назимовъ не вмѣшивался и главное вниманіе обращалъ на внѣшній порядокъ и чистоту помѣщенія, причемъ, заботясь объ университетскихъ зданіяхъ, не забывалъ и собственнаго кармана. «Самая дурная привычка въ немъ,—говоритъ Соловьевъ,—была привычка къ такъ называемымъ безгрѣшнымъ доходамъ». Особенное вниманіе обращалось при Назимовѣ на внѣшній видъ студентовъ, такъ какъ императоръ Николай I во время пребыванія въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1849 года нашелъ, что у нѣкоторыхъ студентовъ «внѣшность и пріемы неудовлетворительны». «Сугубая внѣшняя формалистика—говоритъ Бѣлоголовый,—господствовала во всѣхъ мелочахъ, и мы почувствовали ее на первыхъ же шагахъ. Лишь только мы облеклись въ студенческую форму: мундиръ, шпагу и крайне неудобную треуголку, инспекторъ собралъ всѣхъ поступившихъ на первый курсъ въ большую актовую залу, прочелъ наставленіе объ обязательныхъ для студентовъ правилахъ благонравія, распушивъ многихъ за противозаконную длину волосъ, подробнѣе всего остановился на томъ, какъ мы должны отдавать честь на улицахъ своему начальству и военнымъ генераламъ, а именно, какъ, не доходя до нихъ на три шага, становиться во фрунтъ и прикладывать руку къ шляпѣ, и въ заключеніе заставилъ насъ каждаго, вызывая по списку, пройти мимо него и отдать ему честь; тотъ, кто продѣлывалъ это неправильно, безъ достаточной граціи и военной ловкости, долженъ былъ вовращаться назадъ и до тѣхъ поръ повторять свое церемоніальное прохожденіе мимо инспектора, пока не заслуживалъ его полнаго одобренія. Это была, можно сказать, первая наша лекція въ университетѣ... Всѣ проступки тогдашняго времени ограничивались несоблюденіемъ формы, и самымъ тяжкимъ преступленіемъ считалось выйти на улицу безъ шпаги и особенно не въ треуголкѣ, а въ студенческой фуражкѣ, ношеніе которой строжайше было запрещено въ городской чертѣ».

«Забота о неукоснительномъ соблюденіи формъ,—по словамъ Обнинскаго *),—доходила нерѣдко до фанатизма». Не даромъ К. Аксаковъ заявилъ въ началѣ 1855 года: «сила внѣшности растетъ, и надо ожидать, что университетъ обратится скоро въ корпусъ, а студенты—въ кадетовъ». Въ довершеніе этого сходства по случаю крымской войны было введено преподаваніе военныхъ наукъ и обученіе военному строю. «Въ аудиторіяхъ,—говоритъ Буслаевъ,—появились двѣ новыя каѳедры какихъ-то военныхъ наукъ съ двумя полковниками; въ актовой залѣ принялись маршировать студенты по командѣ взятаго на прокатъ капитана. Я нарочно заходилъ туда посмотрѣть, какъ ихъ тамъ муштруютъ, растянувъ въ шеренгу по толстому канату, за которой они держатся обѣими руками, когда маршируютъ. Такъ какъ университетъ

*) „Русскій Архивъ“ 1892 г., № 1.

получалъ нѣкоторымъ образомъ характеръ воинскій, то для поддержанія иллюзіи нашли вполнѣ пригоднымъ и самому зданію придать атрибуты вооруженной крѣпости. Въ этихъ видахъ на выступахъ по обѣимъ сторонамъ широкой лѣстницы было поставлено по большущей пушкѣ» (стр. 313). «На ученье,—говоритъ Обнинскій,—являлся иногда и попечитель, любитель и знатокъ дѣла... Съ сосредоточеннымъ вниманіемъ обходилъ онъ нашъ строй, выправлялъ грудь, училъ «равненію» и добродушно пояснялъ студентамъ, что если онъ и не вполнѣ компетентенъ для нихъ въ другихъ отношеніяхъ, зато фронтъ—его дѣло, его наука, и въ немъ онъ уже полный хозяинъ».

Достойнымъ помощникомъ Назимова по части превращенія университета въ кадетскій корпусъ былъ инспекторъ студентовъ Шпейеръ. Этотъ преемникъ незабвеннаго Нахимова также былъ морской офицеръ, также любилъ распекать студентовъ за всякую мелочь, но въ своихъ отношеніяхъ къ молодежи онъ не проявлялъ никакой сердечности и, понятно, не пользовался ничьими симпатіями. «Этотъ невысокій, шарообразный толстякъ,—говоритъ Бѣлоголовый,—былъ истиннымъ пугаломъ для студентовъ; послѣдніе боялись попадаться къ нему на глаза, потому что онъ придирался къ самому незначительному упущенію въ костюмѣ... а заключеніе въ карцеръ было обычнымъ финаломъ такой встрѣчи. Между прочимъ Боткинъ долженъ былъ цѣлыя сутки отсидѣть въ карцерѣ за незастегнутые крючки вицъ-мундирнаго воротника».

Вообще, со студентами Шпейеръ обращался, какъ съ мальчишками, кричалъ на нихъ: «я вамъ покажу», ругалъ ихъ и топалъ ногами, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ. «И молодой человѣкъ—говоритъ Бѣлоголовый,—долженъ былъ выслушивать это поруганіе надъ своей личностью почтительно, руки по швамъ, выражая на своемъ лицѣ смиреніе и покорность: горе ему было, если бы въ это время онъ вздумалъ улыбнуться, или открыть ротъ въ свою защиту; тогда это дѣйствовало на Шпейера, какъ масло на огонь, и гнѣвъ его доходилъ до высшаго бѣшенства. Но еще большее горе ждало того, кто бы не совладѣлъ съ собой и оскорбился бы на мелочность и придирчивость инспектора, на незаслуженную рѣзкость его выраженій; тогда тотчасъ же раздавалось со стороны инспектора: «вонъ изъ университета!» И угроза эта приводилась въ исполненіе, если за студента некому было заступиться. Между прочимъ, Шпейеръ чуть не исключилъ изъ университета Тихонравова (впослѣдствіи академика), придравшись къ нему за то, что одинъ разъ онъ былъ застегнутъ не на всѣ пуговицы, а другой разъ не явился на всенощную.

Иногда Шпейеръ забывался до такой степени, что отъ ругани переходилъ къ дѣйствіямъ. «Я самъ видѣлъ однажды,—говоритъ «смоленскій дворянинъ»,—какъ онъ ударилъ по рукѣ студента на улицѣ за то, что тотъ *какъ-то не по формѣ* ему поклонился».

Но Шпейеръ былъ не одинъ: существовали еще субъ-инспектора и сторожа, которые слѣдили за каждымъ шагомъ студентовъ, особенно

казеннокоштныхъ. Утреннее чаепитіе, обѣдъ и ужинъ въ студенческомъ общежитіи—все это отравлялось присутствіемъ дежурнаго субъинспектора, а въ остальное время за студентами наблюдали комнатные унтеръ-офицера, доносившіе начальству обо всякой мелочи.

«Осадное положеніе нашего университета подъ грозною опалою,—говоритъ Буслаевъ,—тянулось до годовщины его столѣтняго юбилея 12-го января 1855 года. Въ этотъ незабвенный день императоръ Николай Павловичъ осчастливилъ насъ великою милостію. Онъ повелѣлъ немедленно устранить всѣ неудобныя стѣсненія, недавно вызванныя временною необходимостью, и привести университетскіе порядки и льготы въ прежнее ихъ положеніе». Въ этомъ заявленіи почтеннаго академика явное преувеличеніе. Столѣтіе московскаго университета было отпраздновано очень торжественно, несмотря на военныя неудачи университетъ получилъ Высочайшую грамоту, гдѣ были признаны его «важныя заслуги отечественному просвѣщенію» и было даже упомянуто, что онъ «образовалъ отличныхъ писателей и ученыхъ, принесшихъ честь Россіи своими дарованіями и трудами». Но признаніемъ заслугъ университета и ограничились «милости» императора Николая I, если не считать полученныхъ профессорами орденовъ *). Возвращеніе же университетовъ къ прежней болѣе нормальной жизни началось только по смерти императора Николая I и въ общемъ шло довольно медленно. Такъ, неограниченный пріемъ студентовъ въ университеты былъ дозволенъ осенью 1855 года, каѳедра философіи возстановлена только въ 1860 году, выборъ же ректора по уставу 1835 года возвращенъ только въ 1861 году, да и то этимъ правомъ московскій университетъ воспользовался не прежде, какъ въ 1864 году, когда вошелъ въ силу новый университетскій уставъ.

Такимъ образомъ, понадобилось цѣлыхъ девять лѣтъ для того, чтобы русскіе университеты приноровились къ новымъ требованіямъ жизни. Но новыя вѣянія опередили законодательство и не замедлили при первой же возможности выкурить изъ московскаго университета «назимовскій духъ и запахъ». Исчезла «шагистика», исчезли треугольныя шляпы и узкіе воротники, перестали сажать въ карцеръ за разстегнутыя пуговицы, наконецъ, въ 1861 году и вовсе отмѣнили для студентовъ форменную одежду. Правда, мѣсто попечителя и въ это время могъ еще занимать военный генералъ Исаковъ (1859—1863), но генералъ этотъ былъ уже не чета Назимову. И въ должности инспектора студентовъ уже не было такихъ солдафоновъ, какъ Шпейеръ.

С. Ашевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Было еще увеличено число студентовъ до 350-ти, но эта мѣра исходатайствована министромъ Норовомъ до юбилея.

СЛОВО.

Я ковалъ мое слово во тьмѣ... но съ любовью
И страданьемъ нѣмымъ я его закалилъ,
И зажегъ ему сердце проклятьемъ и кровью.
И росою души ему путь окропилъ,

И сказалъ ему послѣ, какъ другу и сыну:
«Время жить и бороться. Пора! Выступай!
«Ринься молніей къ людямъ, и жизни пучину
«Озари всемогущимъ порывомъ!.. Прощай!»

Билитъ.

„Болитъ душа моя".

Болитъ душа моя... не знаю отчего:
Устала ли она хранить покой счастливый,
Иль это мелкій дождь холодный и тоскливый
Коснулся сердца моего?..
Иль падающій листъ, печально шелестя,
Навѣялъ мнѣ тоску и слезы увяданья?..
И сжалась вдругъ душа предчувствіемъ страданья,
Не понимая и грустя...

Г. Галина.

СМѢНА „ФИРМЫ“.

Повѣсть.

(Изъ воспоминаній мастерового).

(*Окончаніе* *).

IX.

Шесть часовъ утра. Гдѣ-то медленно, съ перерывами звонятъ къ ранней, и волнами расплывается въ свѣжемъ воздухѣ звонъ небольшого колокола, и стонетъ онъ, и плачетъ, и замираетъ въ какой-то мольбѣ, оторванный, одинокій. На заводѣ протяжно гудитъ басистый свистокъ и возвѣщаетъ уныло о началѣ работъ. Гдѣ-то промычала корова, гдѣ-то раздался сонный сердитый голосъ. Напротивъ, изъ калитки вышла старушка, перекрестилась, отворила ставни и остановилась въ раздумьи, шамкая губами и безцѣльно смотря вдоль улицы. На улицѣ тихо и пустынно. Изрѣдка лишь пробѣжитъ запоздавшій заводскій мастеровой.

Семенъ Петровичъ смотритъ въ пространство, прислушивается и къ звону, и къ заводскому гудку, о чемъ-то размышляетъ, что-то разсчитываетъ.

Хозяйка распоряжается въ кухнѣ и готовитъ съ кухаркой мастерамъ завтракъ. Потомъ онѣ пойдутъ на рынокъ. Съ ними пойдетъ и дежурный Петя. Теперь онъ вертится тутъ же: то ищетъ мѣшокъ для картошки, то корзину для овоща, то, будто и за дѣломъ, заглянетъ въ печку, гдѣ такъ весело горятъ дрова, а больше такъ себѣ мечется безъ толку, отъ радости, предвкушая предстоящее удовольствіе. На рынкѣ онъ будетъ толкаться среди всякаго народа, смѣяться, откалывать штучки надъ торговками и деревенскими бабами, встрѣтитъ знакомыхъ мальчишекъ, перемигнется съ ними, другому втихомолку дастъ тумака и поскорѣе прижмется къ Аграфенѣ Никитичнѣ, какъ къ вѣрной защитѣ, или самъ невзначай получитъ въ бокъ отъ такого же

---

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ 1905 г.

бѣсенка и будетъ нырять подъ локтями взрослыхъ, разыскивая обидчика. Аграфена Никитична не разъ прикрикнетъ на него, и даже пообѣщаетъ пожаловаться хозяину, но Петя знаетъ, что она добрая и никогда этого не сдѣлаетъ. Гораздо страшнѣе другая угроза—не взять съ собой въ слѣдующій разъ и потому Петя на время притихаетъ. Онъ вертится около возовъ и лотковъ, торгуется, приводя въ умиленіе Аграфену Никитичну своей смекалкой, помогаетъ пересыпать картофель, гдѣ получитъ въ подарокъ морковку, а гдѣ и самъ стащитъ какой-нибудь огурецъ или рѣпу, и не потому, чтобы ужъ очень хотѣлось, а такъ, заманчиво какъ-то. Потомъ пойдутъ въ лавку, а тамъ торговецъ дастъ грошевую конфетку, которую онъ будетъ сосать вплоть до дому, или горсть подсолнуховъ, которыми онъ можетъ подѣлиться съ Сашей. Онъ всегда такъ дѣлаетъ... Весело ходить на рынокъ...

Мастера при дѣлѣ.

Иванъ Ивановичъ кроитъ что-то, размахиваетъ то ножницами, то ножомъ и весь сосредоточенъ на этомъ кускѣ кожи, который такъ быстро поворачивается и передвигается съ мѣста на мѣсто. Митричъ еще не разошелся, куритъ трубочку, потягивается и всматривается въ лежащую передъ нимъ работу, рисуетъ въ воображеніи, что изъ нея выйдетъ въ окончательной отдѣлкѣ, и немного философствуетъ на эту тему. Молодой мастеръ Павелъ, которому зачесанный ухарски хохолокъ придаетъ пѣтушиный видъ, вертитъ сапогъ, насаженный на колодку, мнетъ, выправляетъ и, видимо, намѣревается расправиться съ нимъ какъ слѣдуетъ. Ребята ждутъ хозяина, ковыряютъ пальцемъ въ носу и мечтательно смотрятъ передъ собой, а то взглянутъ на остальныхъ мастеровъ и съ улыбкой начинаютъ перешептываться, косясь глазами въ сторону то одного, то другого.

А мастера—вялые, разбитые, съ тусклымъ взглядомъ покраснѣвшихъ глазъ, съ отекшимъ лицомъ и какой-то сѣрой блѣдностью,—кто захватилъ голову обѣими руками и закрылъ глаза, кто потираетъ грудь и морщится, кто держится за животъ и слегка покачивается, кто весь скорчился и вздрагиваетъ. Всѣ мрачны и унылы, у всѣхъ трещитъ съ похмелья голова, тошнитъ, руки нѣмѣютъ и дрожатъ. Всѣ угрюмо молчатъ и только отъ времени до времени раздается вздохъ или глухой ропотъ на жестокую долю. Передъ каждымъ лежитъ работа, но на нее и смотрѣть не хочется. До того-ли тутъ.

Митричъ посматриваетъ на нихъ бокомъ и невозмутимо сосетъ трубку, другому подмигнетъ и значительно улыбнется; тотъ ему отвѣтитъ, но отъ улыбки вѣетъ жалобой и лицо принимаетъ видъ сморщеннаго яблока.

Вошелъ хозяинъ, мастера подтянулись и протянули руки къ работѣ. Мучительное выраженіе лицъ не измѣнилось, взглядъ остался тревожнымъ, движенія неувѣренны и безцѣльно суетливы. Семенъ Петровичъ окинулъ всѣхъ опытнымъ взглядомъ, прошелъ къ своему мѣсту, перекрестился и взялся за работу, какъ будто не замѣчалъ ни взглядовъ мастеровъ, въ которыхъ выражалась тоска и мученье, ни ожиданій ребятъ, у которыхъ не было работы, и которые въ смущеніи переминались съ ноги на ногу, не зная, просить ли у хозяина работы, или терпѣливо ожидать, пока онъ обратитъ на нихъ вниманіе.

Минутъ десять прошло въ томленіи, и тогда только хозяинъ пожелалъ замѣтить, что его мастера не въ порядкѣ. Онъ поочередно посмотрѣлъ на каждаго изъ нихъ краткимъ, полнымъ укора взглядомъ. Хотя мастера и почувствовали себя устыженными отъ этого взгляда, тѣмъ не менѣе вздохнули облегченно: у каждаго мелькнуло, что мученья близятся къ концу.

— Что праздницкіе? — началъ Семенъ Петровичъ съ лукавой усмѣшкой,—погуляли? Хорошо погуляли? То-то у васъ и обличье. Вонъ, рожа-то: взглянуть, такъ плюнешь. Небось, въ головѣ-то чортъ тѣсто мѣситъ, и на свѣтъ не смотрѣлъ бы. И какъ не надоѣстъ только? Ну, выпили бы стаканчикъ, другой, чтобы кровь зажечь. А то, нѣтъ. Непремѣнно нализаться надо, до самаго до свинства. Небось, и память потеряли? Ну, конечно, не безъ того. Не хватаетъ только, чтобы съ себя пропивать стали. Да и пропили бы: вамъ только дай поблажку. Непремѣнно. Это ужъ первое удовольствіе. И о чемъ только вы думаете? Изопьетесь совсѣмъ—какая вамъ цѣна будетъ? Еще болѣзнь какую напьете, только и толку.

Мастера терпѣливо выслушиваютъ наставленіе хозяина и хотя въ сущности это ни къ чему, потому что каждый это хорошо понимаетъ, и уже, можетъ быть, рѣшаетъ никогда болѣе не пить, но долженъ же хозяинъ дать острастку. Иначе, какой же былъ бы это хозяинъ?

Между тѣмъ, Семенъ Петровичъ, исполнивъ долгъ, нашелъ, что ему пора и отмякнуть. Помолчавъ еще минуту-двѣ, какъ будто погруженный въ серьезныя размышленія, онъ, наконецъ, даетъ отпускную.

— На сей разъ—Богъ съ вами. Вижу ваши мученья: дѣлать нечего, идите къ старухѣ, подкрѣпитесь. Только смотри. Въ другой разъ не помилую и такую выдержку учиню, долго помнить будете.

Подобная угроза повторялась каждый разъ.

Мастера, точно по нимъ прошелъ электрическій токъ, разомъ двинулись съ мѣста и такъ быстро исчезли за хозяйской дверью, что Семенъ Петровичъ невольно улыбнулся.

Мастера выпили по стаканчику изъ рукъ самой Аграфены Никитичны и ожили. По всему тѣлу расплылось ощущеніе чего-то мягкаго и теплаго, въ голову слегка ударило, отчего въ ней тотчасъ все пришло въ порядокъ, тошнота исчезла.

Когда мастера вернулись въ мастерскую, Семена Петровича тамъ уже не было: онъ ушелъ, чтобы дать мастерамъ оправиться и окончательно придти въ себя.

— Отошло?—спросилъ Митричъ, перебѣгая глазами съ одного мастера на другого.

— Ничего, полегчало,—отвѣтили ему.

— А въ брюхѣ, небось, на телѣгѣ скачутъ? И какъ же это вы такъ урезонились? А ты, Серега? Будто кто-то зарокъ давалъ?

— Я что-жъ,—откликнулся Серега,—я бы ничего, да Митька вонъ. Говорю—не надо, будетъ, такъ нѣтъ, какъ же...

— Ну, теперь Митька виноватъ,—возразилъ Митька.—Ты его, Митричъ, не слушай. Онъ тебѣ наскажетъ.

— Нѣтъ, ты вотъ что скажи,—я-то какого дурака отмахалъ.

Съ этими словами Василій подошелъ вплотную къ Митричу и, сильно жестикулируя, сталъ объяснять, какъ онъ отмахалъ дурака.

— Выпилъ хорошо... Подвернулись Булыгинскіе, и самъ хозяинъ съ ними... То-сё, давай въ карты. Идетъ. Все чинно и благородно. Они на взводѣ—я крѣплюсь, вижу, въ выигрышѣ. Ну, думаю, куплю себѣ гармонь... Вотъ нельзя никогда впередъ загадывать... Завидно, вишь, имъ стало. Давай, говорятъ, по копейкѣ на конъ съ выигрыша, на выпивку. Отказать стыдно, да и много ли тутъ копейка?... Что-жъ? согласенъ. А тамъ, смотрю, и поплылъ выигрышъ и всѣ въ проигрышѣ оказались. А? Какъ это тебѣ понравится? Поддѣли... Положимъ, рубля два все-таки у меня осталось. Ну, а тутъ, какъ ударило въ голову, и ихъ по-боку. На, молъ, угощайся. Нѣтъ, ты смотри, что подвели-то. По копейкѣ за конъ.

Митричъ сочувственно усмѣхался.

— А Петруха, вѣдь, тоже былъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Петруха? да ну?—спрашивалъ Митричъ такимъ голосомъ, какъ будто Петруха никогда не могъ быть въ трактирѣ.

Мастера раскатисто засмѣялись, но тотчасъ спохватились и боязливо посмотрѣли на хозяйскую дверь, а потомъ уже заговорили значительно тише, полушопотомъ, пока увлеченные разговоромъ снова не загалдѣли.

— Еще какъ былъ-то. Да, видно, бѣсъ его попуталъ. Идетъ мимо и видно, что его тянетъ, однако, перешелъ на другую сторону, отъ грѣха подальше, бѣжитъ трускомъ и не оглянется, а Пашка ему и крикни: «Петруха, бѣги скорѣй—жена дожидается». Ну, ему это и вдарило,—«что, молъ, насчетъ моей жены». Смотримъ, идетъ къ намъ. Подъ мышкой сапожки заказчику несъ. А

Пашка-то язва. «Правда, говоритъ, жена у тебя деньги отбираетъ?» Петька-то какъ вспыхнетъ. «Что, говоритъ, жена? По какому праву?»—«Да такъ слухъ идетъ».—«А ты слуху не вѣрь»,—это Петруха-то говоритъ. Ну, тутъ и Заноза вступился. «Жена его въ строгости держитъ, говоритъ,—выпить и то не даетъ». Ну, это его и сшибло. «Какъ, говоритъ, она можетъ мнѣ не давать? А хошь—всѣхъ угощу?» Тутъ и пошло,—и сапожки у Занозы оставилъ.

— Ужъ этотъ Пашка кого не подведетъ. Самъ выпить не дуракъ, ну и другой ему соотвѣтствуй.

— Теперь пойдетъ крутить. Все спуститъ.

— Не безъ того. И такъ долго себя выдерживалъ.

— Одно безобразіе. Какъ, вѣдь все это выходитъ, — зарокъ бы дать что-ли, — проговорилъ одинъ изъ мастеровъ уныло: у него, несмотря на похмелку, голова была не въ порядкѣ.

— Зарокъ что,—отвѣчалъ другой.—Нѣтъ, если бы съ попомъ клятву дать съ крестнымъ цѣлованіемъ. Оно можетъ и помогло бы. А такъ ничего не выйдетъ.

— Нѣтъ, братъ, насчетъ крестнаго цѣлованія то ты помолчи. Оно тоже на два канта выходитъ. Либо бросишь, а либо и того хуже. Лукавый-то силенъ. Вотъ такъ-то Пашка Косоглазый, съ похмелья тоже, разошелся: Не буду, молъ, пить. Къ попу—такъ и такъ. Тотъ все устроилъ, какъ полагается и крестъ давалъ цѣловать. А что вышло? Въ тотъ же день потянуло. Все ничего, а вспомнитъ, что крестъ цѣловалъ, и тянетъ, да какъ еще тянетъ—никакихъ силъ нѣтъ. Къ попу: сними молъ. А попъ строгій—ни за что. Не хочу, говоритъ, твоего грѣха на душу брать. Ну-ка, каково? Парень захворалъ инда. Ходитъ такой сумный, да блѣдный, глаза-то такъ и горятъ. Съ мѣсяцъ промаялся—не выдержалъ и того хуже запилъ. Я, говоритъ, теперь пропащій человѣкъ, душу продалъ чорту. Пей, значитъ, во всю... Видишь оно, крестное-то цѣлованіе? Нѣтъ, эта штука—не приведи Богъ, трудное дѣло.

— А Максимъ вонъ съ фелшеромъ возится. Давалъ какія-то капли—не помогаетъ, нѣтъ.

— А есть, что знаютъ средствіе. У насъ въ деревнѣ старуха была. Колдунья что-ль, а помогала. Заговоръ такой сдѣлаетъ—и отшатнетъ человѣка. Такъ тоже боязно. Какая въ ней сила? Можетъ отъ дьявола.

— Что тутъ толковать-то. Какъ ни кинь, а отъ нея, отъ проклятущей, не отдѣлаешься. Ну, какъ не выпить усталому человѣку стакашекъ, другой. А въ голову вступило, и пошло— тутъ ужъ никакого удержу нѣтъ. Должно ужъ такъ на роду написано мастеровому человѣку. Куда ни глянь—всѣ пьютъ.

— Да, про сапожниковъ слава не то, чтобы очень, совсѣмъ даже на отличку.

— Что-жъ сапожники? Не одни сапожники.

— А бываютъ и не пьютъ,—сказалъ Митричъ.—Вотъ Павелъ не пьетъ.

Павелъ смутился, а когда всѣ мастера обернулись въ его сторону, покраснѣлъ, какъ молодая дѣвушка.

— Павелъ? Не пьетъ—это точно, потому мальчишка и женихается. А дѣвки развѣ уважаютъ пьяницъ? Женится—тогда другое дѣло, помѣхи ему не будетъ. Такъ что-ли? такъ я говорю?

— Такъ,—едва внятно отвѣтилъ Павелъ, чтобы не отвѣтить молчаніемъ, и робко взглянулъ на мастеровъ въ ожиданіи насмѣшекъ, но вошелъ хозяинъ и всѣ смолкли.

Семенъ Петровичъ занялся раздачей работы.

— Слышалъ, Семенъ Петровичъ?—обратился къ нему Митричъ.—Петруха-то опять загулялъ.

— Загулялъ? Эхъ, бить его некому. Совсѣмъ съ пути собьется. А какой былъ скромница. Помнишь, у насъ работалъ?

— Подишь ты. Должно, ужъ судьба такая.

— У тебя все судьба. Баловство одно. Какого ему еще рожна надо? Жена молодая, самъ въ силахъ, и работать мастеръ. Чего ему еще.

— Пожалуй и такъ,—согласился Митричъ.

— Ну, а вы, до боя дошли?—освѣдомился Семенъ Петровичъ у мастеровъ.

Мастера переглянулись между собой и улыбнулись. Кажись все въ порядкѣ, ни синяковъ, ничего, а онъ уже видитъ. Вотъ, что значитъ глазъ-то.

— Малость было, такъ, чуть,—отвѣтилъ одинъ.

— Выставили значитъ?

— Да вотъ Васька больно непокоенъ. Изъ-за него и смута вышла.

— Хорошъ голубь.

Семенъ Петровичъ раздалъ работу и принялся за свою, но она тоже не клеилась. Онъ распрашивалъ мастеровъ о разныхъ новостяхъ, какія тѣ слышали въ трактирѣ у Занозы. Кто какіе заказы получилъ, кто спился, кто съ своими мастерами переругался и чѣмъ эта ругань кончилась, кто изъ города ушелъ, кто пришелъ,—однимъ словомъ, интересовался всякою мелочью изъ быта своего цеха. Крупныхъ событій не было, по поводу которыхъ Семенъ Петровичъ могъ бы пофилософствовать и сказать мастерамъ надлежащее поученіе. Мастера наперерывъ другъ передъ другомъ разсказывали, а работа шла вяло, даже дѣти, прислушиваясь къ разсказамъ, мало думали о ней.

Настоящая работа началась только послѣ завтрака. У всѣхъ лица были нѣсколько возбуждены и сосредоточены, удары молотка отчетливы и рѣдки, визгъ дратвы явственнъ, кратокъ. Семенъ Петровичъ сидѣлъ лицомъ къ окну и былъ поглощенъ своей работой, а привычное ухо прислушивалось къ этому шуму, въ которомъ находило своеобразную гармонію и давало знать, кто что дѣлаетъ, спорится ли работа, нѣтъ ли какой заминки, не фальшифитъ ли кто.

Митричъ затянулъ пѣсню. Его поддержали. Послышались и тонкіе голоса дѣтей, и октава самого хозяина. Пѣли стройно. Отъ этого тягучаго мотива вполголоса среди шума работы вѣяло чѣмъ то грустнымъ, но спокойнымъ и мирнымъ.

Митричъ сдалъ свою работу. Семенъ Петровичъ не могъ удержаться отъ восхищенія.

— Вотъ это такъ работа. Утѣшилъ. Посмотрѣть любо. Иванъ Ивановичъ, посмотри-ка поди, какъ щечки то ловко вышли.

Иванъ Ивановичъ подошелъ и посмотрѣлъ.

— Да, хорошо,—сказалъ онъ сухо и пошелъ на свое мѣсто. Онъ не раздѣлялъ чувствъ хозяина. Спору нѣтъ, Митричъ работаетъ красиво, — это такъ. Но приходить отъ того въ восторгъ—это уже излишне.

— Какой, братъ, ты строгій,—сказалъ Семенъ Петровичъ съ усмѣшкой, — хорошо и все тутъ. На удивленіе, а не то, что хорошо.

— А ты не хвали, захвалишь,—пробормоталъ Митричъ, сдвигая брови,—и меня захвалишь, да и другого кого обидишь.

Семенъ Петровичъ продолжалъ восхищаться работой.

— Да, сдѣлалъ на славу. Прямо золотыя руки. Смотри, скоро и меня перещеголяешь, а?

— Чего не скажешь — развѣ за тобой угонишься? Это ужъ кому какъ Богомъ положено.

— Ничего, перегоняй, не обижусь. И то сказать — старое старится, пора и мнѣ съ дороги сходить.—Въ голосѣ дрожали унылыя нотки.

Семенъ Петровичъ еще разъ любовно осмотрѣлъ всю работу, погладилъ рукой, пожалъ пальцами, подержалъ ее на вѣсу передъ собой, чтобы окинуть общимъ взглядомъ, и тогда только поставилъ ее за стекло, причемъ его мысли опять-таки настроились на унылый ладъ. Стоитъ ли такъ работать? Развѣ заказчикъ понимаетъ что? Онъ тебѣ толкомъ не разскажетъ что ему надо, что нравится, что—нѣтъ, а не то, чтобы оцѣнить такую работу. Семенъ Петровичъ ни въ грошъ не ставилъ заказчика, а всегда относился къ нему свысока, когда дѣло касалось обуви, и посмѣивался надъ нимъ. Но теперь ему почему то дѣло показалось

съ другой стороны, и грубость вкусовъ заказчика, и его невѣжество, вызывали въ немъ чувство обиды и грусти. Вообще сегодня онъ былъ настроенъ на особый ладъ, на все смотрѣлъ иными глазами и испытывалъ мало знакомое ему чувство безпричинной тоски, какого-то томительнаго нытья въ груди.

Наступило время осмотра работъ учениковъ.

Семенъ Петровичъ поочередно подходилъ къ каждому изъ нихъ, внимательно изслѣдовалъ работу, не пропускалъ ни малѣйшаго недостатка, тому объяснитъ, другому поправитъ, кому дастъ подзатыльникъ, кому ничего не скажетъ и молча отойдетъ къ слѣдующему, а мальчикъ, которому ничего не сказано, вспыхнетъ, задрожитъ весь и окинетъ мастерскую широкимъ радостнымъ взглядомъ, такъ какъ молчаніе хозяина равносильно одобренію.

Дошла очередь до Ивана. Семенъ Петровичъ взялъ кусокъ кожи, только что имъ выкроенный, осмотрѣлъ его и, казалось остался доволенъ. Онъ уже протянулъ руку за мѣркой, чтобы провѣрить размѣры, какъ въ глаза бросилось нѣчто непозволительное. Онъ нахмурился, засопѣлъ носомъ и посмотрѣлъ въ упоръ на Ивана, отчего тотъ сразу потупился.

— А ты что-жъ, Иванъ Ивановичъ?—обратился хозяинъ къ мастеру.—Стоишь рядомъ и не можешь заглянуть, что дѣлаетъ этотъ оболтусъ?

— Какъ я ему покажу, когда онъ, смотрите, какой,—оправдывался Иванъ Ивановичъ,—ему слова сказать нельзя.

Семенъ Петровичъ нахмурился еще болѣе.

— Ты мнѣ, Иванъ Ивановичъ, этого не говори. Понялъ?

И не смотря болѣе на смущенную фигуру Ивана Ивановича, Семенъ Петровичъ продолжалъ, обращаясь къ Ивану:

— Что-жъ ты смотрѣлъ. Это что такое?

Иванъ вспыхнулъ и молчалъ.

— Что-жъ молчишь-то, говори.

— Жилка,—пробормоталъ Иванъ и съ отчаяніемъ взглянулъ на Семена Петровича: вотъ,-вотъ тотъ его ударитъ.

— Жилка,—передразнилъ хозяинъ,—куда ты смотрѣлъ? Только кожу испортилъ, теперь ее брось.

— Что же жилка? Можно затереть,—оправдывался Иванъ и взглянулъ прямо въ глаза хозяину.

— Затереть... Дуракъ, дуракъ и есть, никакого понятія. А сапогъ-то лопнетъ? Мѣсяцу не продержится и лопнетъ. Ты думаешь объ этомъ? Иль тебѣ все равно? Заказчикъ будетъ жаловаться, мастерскую хаить, а тебѣ наплевать? У, скотина... Бросить, а не затереть.

Семенъ Петровичъ бросилъ кусокъ на полъ, но вспомнивъ, что

еще не провѣрялъ мѣрку, велѣлъ Ивану поднять его. Тотъ поднялъ неохотно и хотя ни словомъ, ни движеніемъ не показалъ себя, но Семенъ Петровичъ прочиталъ въ немъ, что онъ противится. Семенъ Петровичъ крякнулъ, но воздержался и сталъ промѣрять кожу.

Выкроено было ничего, сносно, и въ другое время Семенъ Петровичъ одобрилъ бы, но теперь онъ былъ возбужденъ и жилкой, и жалобой Ивана Ивановича, и затаеннымъ протестомъ Ивана, и потому нашелъ, къ чему придраться.

— Ну, куда это выпятилъ? Чуть не на палецъ залѣзъ. Лѣнь было разгладить? Такъ, какъ попало хватилъ, да и ладно. Тебя, дурака, что учи, что нѣтъ—толкъ-то одинъ. Слово тебѣ ни почемъ, только и ждешь, чтобы хозяинъ оттрепалъ.

Иванъ вздрогнулъ. Его снова охватилъ страхъ въ ожиданіи затрещины, но въ то же время ему была обидна придирка хозяина. Его тянуло идти на опасность, скорѣе получить эту затрещину и... дать сдачи,—звонко, со всего маху по щекѣ. Иванъ поблѣднѣлъ и дерзко взглянулъ на Семена Петровича. Тотъ замѣтилъ этотъ взглядъ.

— Чего волкомъ-то смотришь? Поправь!—И съ этими словами Семенъ Петровичъ ткнулъ ему кожу къ самому носу.

Иванъ посмотрѣлъ еще страшнѣе и пробормоталъ какое-то ругательство.

Семенъ Петровичъ не разобралъ, но чувствовалъ, что тутъ дѣло не ладно и покраснѣлъ. Сильная рука его вцѣпилась въ гладко причесанные волосы Ивана. Тотъ рванулся, и нѣсколько волосковъ осталось въ рукѣ хозяина.

— Не тронь,—бѣшено, дико заговорилъ Иванъ захлебывающимся голосомъ.—Прошу. Не тронь. Отпусти лучше... Заплачу... Не тронь. Не доводи до грѣха. Не тронь.

Семенъ Петровичъ опѣшилъ отъ такого бурнаго протеста, но гнѣвъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы онъ могъ вникнуть въ суть дѣла.

— Ты меня учить будешь? —загремѣлъ онъ, наступая на Ивана.—Не бить? Ты будешь водку трескать, а я тебя по головѣ гладить? Ты будешь матеріалъ гадить, а я мирволь? И за работу не взыскивай? Нѣтъ, врешь. Бью и буду бить.

Семенъ Петровичъ схватилъ одной рукой Ивана за грудь, другой надиралъ уши.

— Еще что сказалъ... Не бей—бойся грѣха... Ты что-жъ? на хозяина руку поднять хочешь?.. Ты?.. Вотъ тебѣ... и еще... на... Не смѣй такихъ рѣчей говорить. На вотъ, получи. Я учу тебя и буду учить—понялъ? Не бью, дуракъ, а учу... учу...

Иванъ точно одеревенѣлъ и не сопротивлялся. Семенъ Петро-

вичъ, багрово-красный, съ налитыми кровью глазами, кричалъ на всю мастерскую. Мастера не шелохнутся.

— Стерва!—въ послѣдній разъ крикнулъ Семенъ Петровичъ, ударивъ Ивана по щекѣ, и вышелъ въ волненіи на свою половину.

Иванъ, блѣдный, съ ярко горѣвшимъ румянцемъ на одной щекѣ, который еще болѣе подчеркивалъ эту блѣдность и придавалъ ей синеватый оттѣнокъ, стоялъ на томъ же мѣстѣ, тупо и упорно смотрѣлъ въ одну точку, безсознательно мялъ въ рукахъ кусокъ кожи и нервно подергивалъ головой. На лицѣ играли мускулы и поминутно появлялась нѣмая улыбка одной стороной, которая тотчасъ же и исчезала, въ глазахъ стояли слезы, ноги дрожали. Было и стыдно, и больно, и досадно, и обидно, и что-то неопредѣленное, смутное, горячее и жгучее царило надо всѣмъ этимъ и придавливало его. Онъ чувствовалъ, какъ что-то катило по груди вверхъ, къ горлу, схватывало его и душило.

На этотъ разъ мастера не смѣялись надъ нимъ. Даже Иванъ Ивановичъ не кинулъ въ его сторону своего насмѣшливаго взгляда. Всѣхъ охватило какое-то безпокойство, и только Митричъ смотрѣлъ равнодушно—мало ли чего бываетъ, это ужъ всегда такъ, что хозяинъ учитъ, а ученикъ тѣмъ недоволенъ.

Хозяинъ волновался, выпилъ не одну кружку пива, выкурилъ не одну папироску, а успокоеніе не приходило.

Вспышка Ивана гвоздемъ засѣла въ его голову. Конечно, онъ наказалъ его и даже слишкомъ строго, но онъ и не могъ не наказать—не смѣй грубіанить, да еще грозить хозяину. Наказать надо было и не въ томъ дѣло. Но что дѣлать дальше? Отпустить? Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, когда еще срокъ не вышелъ и малецъ еще не освоился совсѣмъ съ дѣломъ: самъ же потомъ всю жизнь будетъ проклинать, что хозяинъ плохо училъ и послушалъ ребячей просьбы, да и хозяйское самолюбіе не позволяетъ идти на уступки. Спускать? Смотрѣть на все сквозь пальцы? Опять-таки нельзя: и хозяйскій авторитетъ страдаетъ, другимъ соблазнъ, да и самому Ивану пользы мало. Продолжать по старому? Еще больше его озлобишь, и такъ парень изъ себя выходитъ. Что же дѣлать? И откуда въ немъ гордость такая? Сколько учениковъ перебывало, и все ничего, и вдругъ заявился вотъ. Не тронь его... Что же дѣлать съ нимъ?.. Старикъ, столько лѣтъ правилъ, а тутъ мальчишка—и думай о немъ, и не знаешь, какъ взяться... смутно все. «Порченый, что ли, какой?» задалъ себѣ вопросъ Семенъ Петровичъ и съ нимъ вышелъ въ мастерскую.

Въ забывчивости онъ вторично сталъ осматривать работы учениковъ. Замѣтивъ, что Иванъ стоитъ безъ дѣла, онъ сказалъ:

— Возьми тамъ пока, прибей вонъ подошву.

Митричъ быстро повернулъ голову въ сторону хозяина, потомъ

медленно обвелъ взглядомъ мастеровъ, но тѣ были заняты—никто не обратилъ вниманія, а онъ хорошо слышалъ, что въ интонаціи голоса было что-то особенное, что именно—опредѣлить бы онъ не могъ, но что-то странное, необычное для хозяина. Митричъ еще разъ взглянулъ на хозяина, и ихъ взгляды встрѣтились. Митричъ понялъ, что у хозяина что-то неладно на душѣ, подивился и подумалъ: «Должно ужо позоветъ».

У Ивана работа не клеилась, руки дрожали, а гвозди то и дѣло ломались. Семенъ Петровичъ посмотрѣлъ на него и подумалъ: «Парень расклеился совсѣмъ», но тутъ точно что подтолкнуло его, явилось сомнѣніе—ужъ не притворяется ли онъ? не хочетъ ли передъ хозяиномъ покобениться? Семенъ Петровичъ сталъ раздражаться.

— Ну, что тамъ зря колотишь?—раздался его голосъ.—Пустое дѣло и то не можешь. Сообразительности нѣтъ. Голова-то, видно, дубовая, по ней вотъ молоткомъ походить, такъ, можетъ, толкъ выйдетъ... Пусти-ка...

Семенъ Петровичъ грубо оттолкнулъ Ивана и сталъ самъ запускать гвозди одинъ за другимъ, тихо, аккуратно и приговаривая:

— Вотъ какъ... Вотъ и пошелъ... Туда-жъ и этого.

Иванъ стоялъ тутъ же. Сердце запрыгало какими-то скачками и болѣзненно сжималось, на лицѣ мертвая блѣдность и отпечатокъ какого-то страннаго, тревожнаго настроенія, какъ будто человѣкъ испугался чего, или прислушивается къ чему-то неизвѣстному и страшному, руки конвульсивно сжимаютъ молотокъ, глаза неестественно подались впередъ и упорно смотрѣли въ одну точку на склонившейся головѣ Семена Петровича. Иванъ былъ въ какомъ-то чаду, былъ окутанъ какимъ-то туманомъ, ничего не видалъ, ничего не слыхалъ, и весь ушелъ въ созерцаніе только этой одной точки. Въ головѣ мелькали какіе-то обрывки мыслей, которые онъ тотчасъ же забывалъ... Этотъ стукъ собственнаго сердца надоѣдалъ ему, мѣшалъ чему-то... Какъ будто его надо было остановить... И вдругъ оно остановилось, а рука съ силою ударила молоткомъ въ сѣдую голову, потомъ еще разъ, и еще...

Мастера подскочили къ хозяину, дѣти ахнули, грузное тѣло Семена Петровича медленно склонилось съ табурета. Воцарилась глубокая тишина и слышно было только прерывистое дыханіе Ивана. Испуганная страннымъ движеніемъ въ мастерской, можетъ быть, влекомая предчувствіемъ, вбѣжала въ мастерскую хозяйка и, какъ вкопанная, остановилась у двери, еще не видя мужа за склонившимися надъ нимъ мастерами. Съ улицы зашелъ заказчикъ, крикнулъ: «а гдѣ тутъ»... оборвался и замеръ.

— Я говорилъ... я говорилъ...—вдругъ застоналъ Иванъ, откидываясь на прилавокъ.

И все сразу ожило. Заказчикъ немедленно улепетнулъ на улицу, хозяйка бросилась къ трупу и зарыдала, мастера надвинулись на Ивана, кто-то силился поднять мертвое тѣло, кто-то побѣжалъ за полиціей...

X.

Аграфена Никитична какъ-то опустилась вся и обрюзгла. Сѣдые волосы неряшливо выбились изъ-подъ платка, полныя щеки отвисли, глаза опухли и были красны отъ слезъ, появились глубокія морщины, руки безжизненно покоились на колѣняхъ, платье разстегнулось, и оттуда болталась связка образковъ и крестиковъ. Въ такомъ видѣ она сидѣла спустя нѣсколько дней на любимомъ мѣстѣ Семена Петровича, противъ окна, которое выходило во дворъ. А въ дверяхъ, прислонившись къ косяку, стоялъ Митричъ, разводилъ руками и не спѣша, какъ бы самъ съ собою, излагалъ свои соображенія.

— Конечно, безъ мужчины ужъ какое дѣло. Принять, напримѣръ, заказчика? Ты думаешь это шутка? ничего не стоитъ? Анъ дѣло-то выходитъ серьезное: надо знать обхожденіе, видѣть съ кѣмъ и какъ. Съ иного взять по настоящему, а иному уступить, а то и совсѣмъ за пустяки сдѣлать, ежели онъ человѣкъ нужный. Одного надо брать ласкою, съ подходцемъ, другой поторговаться любитъ—хоть пятачокъ да уступи, а кому очки втеръ да и ладно. А то такіе есть, что и словъ-то терять съ нимъ, оглашеннымъ, нечего. Наговоритъ онъ съ три короба—я, молъ, и самъ всякое мастерство превзошелъ, и работать могу и цѣны всѣ знаю. Проговоритъ съ тобою часъ битый, да ни съ чѣмъ и отъѣдетъ. Это маклакъ какой-нибудь. Онъ, выжига, всѣ мастерскія обѣжалъ, вездѣ цѣны узнавалъ, гдѣ, значитъ, подешевле. Такого сразу видно. Ну и поступать съ нимъ надо сурьезно: цѣной-то его сразу огорошишь, ну онъ и отхлынетъ... Тонкое это дѣло, Аграфена Никитична, даже очень умственное. Вотъ, возьми, къ примѣру, если заказъ изъ казеннаго мѣста. Тутъ, прежде всего узнай, кто всему дѣлу голова. Не смотри, что есть начальство—начальству разумѣется, почетъ, а ты ищи самую что ни на есть основу, кто, значитъ, дѣломъ ворочаетъ. Вонъ, въ семинаріи, такъ тамъ Ермолаичъ, потому какъ къ нему...

— Ахъ, Митричъ,—оборвала съ досадой Аграфена Никитична слезливымъ голосомъ и заерзала на стулѣ.—Ты все не о дѣлѣ толкуешь. Ты толкомъ мнѣ скажи, какъ быть, что съ мастерской дѣлать, а то пошелъ огородъ городить. Продавать что ли мастерскую-то, али какъ?.. Да нѣтъ, какже я ее продамъ? Столько лѣтъ

покойникъ работалъ, все была мастерская, а тутъ вдругъ и нѣтъ ея.

Аграфена Никитична вздохнула и заморгала глазами.

— Зачѣмъ продавать?—утѣшалъ Митричъ равнодушно.—Все память будетъ.

— А какъ же быть? Выходитъ сдать надо? Самой, гляди, не управиться.

— Разумѣется, не управиться. Кому ни на есть, а сдавать надо. Женщина ты рыхлая, да и не бабьяго ума это дѣло. Тутъ надо съ головой, чтобы во всемъ порядокъ былъ, съ одними мастерами управиться и то трудно. Семенъ Петровичъ, бывало, слово скажетъ, а то и просто взглянетъ, а ты ужъ чувствуй и разумѣй, къ чему оно. Ну а ты... Куда-жъ тебѣ? Тебя заговорятъ. Опять-таки такого виду нѣтъ, духъ совсѣмъ иной пойдетъ. Нѣтъ, не бабье это дѣло.

— Управителя, можетъ нанять?

— А что-жъ? Разлюбезное дѣло. Будетъ въ мастерской хозяйничать и тебѣ о всемъ докладывать, ты и будешь душой покойна. На что лучше, какъ управителя нанять.

— Хорошо сказать управителя, а гдѣ его найдешь? Тоже чужому человѣку какъ повѣрить?

— Разумѣется, чужому пальца не клади. Что и говорить, дѣло извѣстное.

— Развѣ Ивана Ивановича?

Старуха пытливо уставилась на Митрича, а тотъ отвѣчалъ тѣмъ же равнодушнымъ голосомъ:

— Можно и Ивана Ивановича. Мастеръ хорошій, дѣло до тонкости знаетъ и способности къ тому имѣетъ большія. Самъ собирается хозяйствовать. Ну тутъ ему наука будетъ, значитъ, стараніе проложитъ. Управляющій хорошій.

— Человѣкъ-то онъ ненадежный,—сомнѣвается Аграфена Никитична и въ раздумьи смотритъ въ окно. — Покойникъ Семенъ Петровичъ не больно его жаловалъ.

— Это правда,—соглашался немедленно Митричъ,—понадѣяться нельзя. Да и то сказать—всякому получше хочется, у всякаго свое на умѣ: у хозяина разсчетъ, а у мастера свой. Кто себѣ врагъ? Своего никто не уступитъ.

— Вотъ видишь!—встрепенулась Аграфена Никитична.—Какъ же я возьму его. Станетъ онъ меня обманывать да обсчитывать, развѣ углядишь за нимъ? Хоть бы и въ товарѣ. Что я тутъ понимаю? Какъ скажетъ, такъ и ладно. Не самой же мнѣ по лавкамъ бѣгать. Да и пошла бы я, толкъ-то какой? Въ лавкѣ-то еще того лучше обманутъ: такой товаръ положатъ и не обрадуешься.

— Ужъ какъ водится, не прозѣваютъ, да и Иванъ Ивановичъ охулки на руку не положитъ, человѣкъ хозяйственный. Это ты

вѣрно. Только безъ этого никакъ нельзя. То хозяинъ, а то чужой человѣкъ; хоть и свой мастеръ, а все не хозяинъ. Никакъ мастера съ хозяиномъ не сравняешь.

— И что только дѣлать ума не приложу. Вотъ она... наша... доля-то... вдовья...

Аграфена Никитична заплакала, прижала платокъ къ глазамъ и запричитала.

Митрича не трогали эти слезы; напротивъ, онѣ раздражали его. Извѣстное дѣло бабьи слезы, что вода, цѣны имъ никакой быть не можетъ, и къ нимъ надо относиться равнодушно. А вотъ глупа больно, да зря языкомъ своимъ чешетъ, это досаждаетъ.

Дѣйствительно, съ кѣмъ только ни совѣтовалась Аграфена Никитична, и все неудачно. Казалось, все разобрано до мелочей, все взвѣшено, она со всѣмъ соглашалась, оставалось только рѣшить и дѣйствовать, и вдругъ ею овладѣвалъ страхъ, она заливалась слезами и начинала жаловаться на свою долю, на отсутствіе близкаго человѣка, на свою безпомощность. Снова говорили о мастерской, предлагали иное рѣшеніе, и снова повторялась все та же исторія. Благодаря этой нерѣшительности и вѣчно одному и тому же разговору, разныя кумушки, которыя набрались невѣдомо откуда и заполнили домъ, въ надеждѣ найти обильную пищу для судаченья, разбѣжались и оставили Аграфену Никитичну въ одиночествѣ.

Теперь она принялась за мастеровъ.

Митричъ не одобрялъ такой нерѣшительности. И объ чемъ тутъ говорить? Какъ ни верти, а безъ хозяина никакое дѣло не пойдетъ. Думай не думай, а ничего не выдумаешь. Будь Аграфена Никитична помоложе, статья иная, можно было бы и мужа подходящаго найти, у Митрича даже есть одинъ такой на примѣтѣ, да поздно: совсѣмъ старуха. И выходитъ—либо мастерскую закрывай, либо сажай кого ни на есть, и вѣрь ему. А кого посадишь? Иванъ-ли Ивановичъ, другой ли кто—цѣна одна: всякъ будетъ наживать и общиплетъ Аграфену Никитичну за милую душу. Ужъ какъ она матушка не вертись, не отвертится.

Аграфена Никитична предавалась отчаянію, а Митричу хотѣлось уйти поскорѣе: онъ давно соскучился по трубкѣ, которую, изъ уваженія къ хозяйкѣ, не рѣшался закурить въ ея комнатѣ, да и слушать безтолковую бабу слишкомъ надоѣло.

Онъ помялся на мѣстѣ и рѣшился заговорить.—Теперь идти можно?

Аграфена Никитична взглянула на него и укоризненно закачала головой.

— Стыдился бы. Аль Семенъ Петровичъ тебя не любилъ? Такое горе случилось, а ты и посовѣтовать не хочешь.

«Вотъ дура-то»! подумалъ Митричъ съ досадой и отвѣтилъ сухо.

— Что-жъ я еще посовѣтую? Твое дѣло. Ты хозяйка, что велишь, то и будетъ. Приказывай.

— Хозяйка. А легко хозяйкѣ-то? Подумалъ ты объ этомъ, жестокій ты человѣкъ.

Нѣкоторое время длилось молчаніе. Аграфену Никитичну заняла другая мысль. Она искоса посмотрѣла на Митрича и нерѣшительно сказала:

— А если тебя? Тебя, говорю, посадить въ управители? Какъ думаешь? Управишься?

Дѣло принимало совершенно неожиданный оборотъ. Полный удивленія Митричъ разинулъ ротъ и неестественно вытянулъ лицо. Однако, тотчасъ же сообразилъ, что глупо показывать хозяйкѣ такое свое настроеніе, какъ будто онъ ужъ и совершенно не годится въ управители. Онъ подбодрился и крякнулъ въ руку.

Онъ былъ хорошій, можно сказать, теперь, за смертью Семена Петровича, лучшій мастеръ въ городѣ. Но какой же онъ хозяинъ? Развѣ можетъ онъ равняться хотя бы съ тѣмъ же Иваномъ Ивановичемъ? Только бабѣ и можетъ придти такая дурь въ голову. Это была первая мысль Митрича.

Однако, перспектива сдѣлаться полнымъ хозяиномъ въ лучшей мастерской города была ему пріятна и щекотала его самолюбіе. Къ тому же онъ будетъ получать хорошее жалованье, какъ и полагается въ хорошей мастерской, будетъ имѣть свободу, и тогда...

Лицо Митрича освѣтилось блаженной мечтательной улыбкой: со дня смерти Семена Петровича въ немъ опять засосало и потянуло его на просторъ, на волю.

— Что-жъ, Митричъ? Аль отказываешься? Говори на чистоту?

И въ голосѣ Аграфены Никитичны послышалась тревога.

Митричъ колебался, но лукавый въ концѣ концовъ осилилъ.

— Твоя воля,—скромно отвѣтилъ онъ.—Велишь, буду хозяйствовать. Слава Богу, мастеръ я не изъ худшихъ.

— Да, я думаю, что такъ лучше. Тебя я знаю, ты меня не будешь обманывать, тебѣ я повѣрю, да и Семенъ Петровичъ любилъ тебя за твое доброе сердце.

— Зачѣмъ надувать. Чтобы утаить тамъ что, аль, къ примѣру, по части матеріала, такъ во мнѣ этого нѣтъ. Да и къ чему? Мнѣ и жалованья хватитъ—человѣкъ я одинокій.

— Знаю, знаю.

Скажи Митричъ, что онъ отказывается, и Аграфена Никитична уцѣпилась бы за свою мысль и со слезами стала бы его упрашивать, но онъ слишкомъ скоро согласился. Теперь она смо-

трѣла на него загадочнымъ взглядомъ и ею уже опять овладѣвало сомнѣніе. Хорошій, душевный человѣкъ этотъ Митричъ, а только Богъ его знаетъ,—вдругъ да загуляетъ. Какъ же тогда мастерская? А это съ нимъ станетъ.

— Митричъ,—тревожно заговорила хозяйка и внимательно посмотрѣла на Митрича, какъ будто хотѣла прочитать, какія мысли таятся тамъ у него, на сердцѣ. Но это не былъ взглядъ Семена Петровича, и потому онъ не далъ ей ничего опредѣленнаго, да и на Митрича не произвелъ никакого дѣйствія.—Митричъ, а какъ же насчетъ... Иной разъ бываетъ съ тобой.. Не загуляешь?

— Загуляю? Зачѣмъ загуляю? Сейчасъ—иное дѣло, потому какъ я вольный мастеръ, холостой, заботъ нѣтъ и все такое. Ну, а тогда ни-ни. Тоже понимаю,—дѣло серьезное. Какъ можно мастерскую оставить безъ глазу: ни вѣсть что надѣлаютъ, и самъ голову потеряешь. Такъ развѣ праздникомъ когда за грибами сходить, да и то съ осторожностью. Смотри, и въ праздникъ не придется, потому, какъ управителю, что хозяину, всегда дѣло найдется. Я это тоже знаю и понимать могу. Будь безъ сумлѣнья. А чтобы не скучно было, можно жениться, потому теперь за меня любая пойдетъ...

И долго еще говорилъ Митричъ на эту тему. Онъ говорилъ отъ сердца, и самъ былъ увѣренъ, что сдѣлаетъ такъ, какъ говоритъ. И все-таки Аграфена Никитична сомнѣвалась, и чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ сильнѣе охватывало ее сомнѣніе. Она поддакивала ему кивками головы, а сама думала: «Нѣтъ, не годенъ... куда ему, какой это хозяинъ»... Потомъ болтовня разошедшагося Митрича стала надоѣдать ей, она раза два зѣвнула и думала, какъ бы поделикатнѣе его спровадить, но вмѣсто того сама разболталась. Она заговорила о Семенѣ Петровичѣ, о томъ, какъ онъ болѣлъ о мастерахъ, радѣлъ о нихъ; вспомнила молодые годы, какъ вышла замужъ, какъ боялась сначала мужа и какъ впослѣдствіи узнала его настоящую цѣну; вспомнила, какъ похоронила единственнаго сына много лѣтъ тому назадъ, погоревала, что Богъ больше не далъ дѣтей, даже поѣздка на богомолье не помогла, всплакнула и о сынѣ и о Семенѣ Петровичѣ, и долго пробесѣдовали они и, наконецъ, Аграфена Никитична отпустила Митрича, обѣщаясь хорошенько подумать о своемъ предложеніи.

А черезъ часъ она позвала Ивана Ивановича.

Онъ вошелъ, почтительно поклонился и такъ же, какъ Митричъ, всталъ у двери. Аграфена Никитична вдругъ смутилась. Ею овладѣла тревога, неясное безпокойство и засосало подъ ложечкой. Она уже раскаявалась и съ большою радостью отправила бы мастера назадъ, но на это не хватало рѣшимости. Она суетливо поправила волосы, заправила образки за платье и застегнула

его, безпокойно задвигалась на стулѣ, провела рукой по лицу, тяжело вздохнула, и все-таки не знала, какъ приступить къ дѣлу. А Иванъ Ивановичъ точно истуканъ, стоитъ, молчитъ, не шелохнется и упорно смотритъ прямо ей въ глаза.

— Ты бы присѣлъ,—рѣшилась, наконецъ, заговорить Аграфена Никитична и указала мастеру на стулъ противъ себя.

— Мы и постоять можемъ,—почтительно отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ и провелъ рукой по гладко причесаннымъ волосамъ.

— Нѣтъ,—настаивала хозяйка,—ты присядь вотъ сюда. Такъ и мнѣ ловчѣе.

Иванъ Ивановичъ сѣлъ, и сѣлъ развязно, безъ обычнаго смущенія, какое онъ испытывалъ всего нѣсколько дней тому назадъ въ этой же комнатѣ, и даже прислонился къ спинкѣ стула. Это не скрылось отъ вниманія Аграфены Никитичны и произвело хорошее впечатлѣніе.

«Повадка-то какая, какъ и слѣдуетъ быть управителю,—подумала она, а вслѣдъ затѣмъ всгрустнула:—нѣтъ настоящаго хозяина, и будетъ хозяйствовать, распоряжаться мастеръ, который и голоса-то прежде не смѣлъ поднять, въ стрункѣ ходилъ, когда живъ былъ Семенъ Петровичъ».

— Какое горе-то у меня, Иванъ Ивановичъ... Такъ сразу и безъ покаянія,—заговорила Аграфена Никитична и машинально прижала платокъ къ глазамъ, которые были сухи и отъ усталости или по другой какой причинѣ не проявляли ни малѣйшаго желанія проливать слезы. Послѣднее обстоятельство приводило Аграфену Никитичну въ смущеніе и даже негодованіе. Что можетъ подумать Иванъ Ивановичъ? Не скажетъ ли, что ей и горюшка мало, что она не жалѣетъ мужа?.. Она всхлипнула, а слѣдомъ затѣмъ выступили слезы, но не крупной, горькой слезой, а такъ, чуть-чуть, и тотчасъ же расплылись въ мокрое пятно около самыхъ глазъ. Почувствовавъ слезы, Аграфена Никитична успокоилась и взглянула на Ивана Ивановича: теперь ей нечего было сердиться. Тотъ придалъ своему лицу выраженіе нѣкоторой грусти, сложилъ руки у живота и слегка вздохнулъ.

— Бываетъ,—отвѣчалъ онъ Аграфенѣ Никитичнѣ тономъ, въ которомъ слышалось соболѣзнованіе и желаніе утѣшить.—Что же дѣлать? Воля Господня. А ежели насчетъ покаянія, то вы напрасно-съ, и это зачтется. Сказываютъ такъ, что его душа, царство ей небесное,—Иванъ Ивановичъ повернулся въ сторону образовъ и широко перекрестился, увлекая своимъ примѣромъ и Аграфену Никитичну,—его душа прямо въ рай, значитъ. Такъ въ святомъ писаніи указано. Оно тяжело, точно, а только какъ будто и радоваться за него надо.

— Въ рай, говоришь?

— Непремѣнно-съ. Теперь они все равно, что мученики—всѣ грѣхи сняты.

— Плохо мнѣ вдовой-то... Столько лѣтъ выжили, все вмѣстѣ, а теперь одна осталась, совсѣмъ одна...

— Оно, конечно, не легко, а только и то во вниманіе взять надо: вы теперь полная хозяйка, можете своей волей жить. Такъ ли, этакъ ли, какъ хотите, такъ и поверните, все будетъ ладно: никто надъ вами власти не имѣетъ.

— Ну ее, волю-то эту. Не знаешь, что съ ней и дѣлать. Дѣло мое старое, о смерти думать надо... воля-то ни къ чему.

— Рано, Аграфена Никитична, раненько о смерти задумались. Только вотъ, что въ такихъ чувствіяхъ, а то развѣ это старость. Еще поживете въ свое, можно сказать, удовольствіе.

— Что ты! что ты! Какое тутъ удовольствіе?!..

Аграфена Никитична замахала руками, а все-таки улыбнулась. Неловкость, страхъ передъ Иваномъ Ивановичемъ пропали. Напротивъ, ей было пріятно поддерживать съ нимъ разговоръ. Пріятный человѣкъ, когда захочетъ. И все у него выходитъ умно, не то, что у Митрича, который, не вѣсть Богъ, какую ерунду поролъ. У этого все складно выходитъ и фигурой беретъ, обращеніе имѣетъ. Да, она не ошибается, Иванъ Ивановичъ будетъ хорошимъ управителемъ.

А Иванъ Ивановичъ всматривался въ старуху и продолжалъ:

— Семенъ Петровичъ человѣкъ былъ на рѣдкость и мастерской правилъ основательно. Не мнѣ говорить противъ него, а только, думается мнѣ, и вы распорядитесь не хуже.

— Что скажешь—не хуже. Семенъ Петровичъ, небось, былъ мужчина, и потомъ умъ-то какой.

— Позвольте, это все такъ. Конечно, въ мастерской нуженъ мужчина. Ну, а отыскать-то его надо? Надзоръ-то за нимъ? Къ рукамъ прибрать его надо? А я такъ скажу, Аграфена Никитична, что все это вы устроите какъ нельзя лучше, только взяться. Управитесь, непремѣнно управитесь.

— Управлюсь, думаешь?

— Всенепремѣнно. И еще какъ управитесь. Самимъ, конечно, трудно: не женское это дѣло. А вы возьмите управителя, непремѣнно возьмите, потому что безъ управителя никакъ это невозможно. Подыщите такого знающаго человѣка, и все пойдетъ, какъ нельзя лучше. Онъ все усмотритъ, все устроитъ, распорядится и вамъ отчетъ отдастъ. А вы иной разъ, такъ, для порядка, пройдетесь по мастерской... хозяйкой этакъ... Даже очень все это хорошо выйдетъ.

Аграфена Никитична совсѣмъ повеселѣла и заговорила довѣрчиво:

— Вотъ, Иванъ Ивановичъ, какъ все хорошо ты обдумалъ, успокоилъ меня. Кого теперь въ управители взять? Нарвешься, вѣдь, если чужого человѣка.

— Дѣло немудреное. Нѣтъ, чужому довѣряться, да по нонѣшнему времени—это послѣднее дѣло. Гдѣ теперь найдешь вѣрнаго человѣка? Совѣсть-то у людей гдѣ?

— Да, да, это вѣрно. Я было думала Митрича... Да нѣтъ, гдѣ-жъ ему. Онъ чудной какой-то, да и загулы. Какъ думаешь, загуляетъ?

— Митричъ загуляетъ—иначе онъ не можетъ, да и не хозяйственный онъ человѣкъ. Голова у него особенная... продуваетъ...— Иванъ Ивановичъ снисходительно улыбнулся и показалъ рукой, какъ продуваетъ.—Ему бы птички, да рыбки, да лѣсокъ—гдѣ тутъ о хозяйствѣ думать. А хозяйство, сами изволите знать, не малое.

— Что и говорить. Знаю, знаю. Я и сама думаю, что ему неподхоящее... Кого же?.. Развѣ ты?

Какъ ни смѣло вышло, все-таки Аграфена Никитична поперхнулась. Впрочемъ, она не раскаивалась въ своей поспѣшности. Она все болѣе и болѣе убѣждалась, что Иванъ Ивановичъ будетъ образцовымъ управителемъ.

— Отчего же?—подхватилъ Иванъ Ивановичъ.—Я могу-съ. Да и Семенъ Петровичъ мнѣ многое довѣрялъ, пока... пока я не свихнулся. Молодъ, глупъ былъ. А теперь я это оставилъ, не по нашимъ оно капиталамъ.

— А развѣ не думаешь хозяйствовать?

— Ну, куда мнѣ? Поздно теперь за это дѣло браться, а главное силы нѣту. Да и зачѣмъ мнѣ? Если, съ Божьей помощью, у васъ управителемъ останусь, такъ лучшаго мнѣ ничего и не надо.

— Такъ управишься?

— Отчего не управиться? Хозяйство Семена Петровича я, какъ свои пять пальцевъ, знаю и порядокъ его знаю, и заказчиковъ, и гдѣ товаръ беретъ, и какой, и по какой цѣнѣ—мнѣ все это извѣстно. Опять же мастеровъ знаю, а это много значитъ.

— Ну, вотъ и хорошо,—совсѣмъ уже успокоенная сказала Аграфена Никитична, но по привычкѣ добавила:—все-таки подумать надо. Тамъ у тебя работа, небось, а я болтаю. Ступай себѣ, а я все обдумаю хорошенько. Нельзя такъ сразу.

— Подумайте,—охотно согласился Иванъ Ивановичъ.—Разумѣется, не думавши нельзя. А только скажу, что это будетъ самое подходящее. Лучшаго управителя вы не найдете. Вѣрно говорю.

Аграфена Никитична была вполнѣ съ этимъ согласна.

Однако, скоро по уходѣ по Ивана Ивановича, сомнѣніе опять закралось въ ея душу. Она остановилась на мысли взять упра-

вителя и непремѣнно изъ своихъ мастеровъ. Но котораго—Митрича или Ивана Ивановича? Какъ она ни раскидывала умомъ, все у нея ничего не выходило. Иванъ Ивановичъ обдеретъ, Митричъ загуляетъ. А потомъ—«да не обдеретъ же Иванъ Ивановичъ; велика бѣда, что загуляетъ Митричъ». Она плохо спала и вздыхала, плакала, она молилась Богу. Утромъ она снова позвала Митрича на совѣщаніе, но Митричъ рѣшительно отказался помочь ей.

— Что зря болтаешь,—сказалъ онъ.—Уже все переговорили. Ты хозяйка—подумай и рѣшай.

Когда же она позвала Ивана Ивановича, тотъ обошелся и совсѣмъ круто.

— Я такъ вамъ скажу, Аграфена Никитична,—заговорилъ онъ рѣшительно и самоувѣренно послѣ первыхъ вздоховъ хозяйки,—что безъ меня вы никакъ не обойдетесь. И это вамъ всякій скажетъ. Тутъ и толковать нечего, только слова попусту тратить,—болтовня одна. Коли на то пошло, такъ я вамъ напрямки скажу: берите меня въ управители, а не гожусь—пожалуйте разсчетъ. Ни Митричу, ни другому кому служить не стану. Слава Богу, не лыкомъ шитъ—мѣсто всегда себѣ найду.

Аграфену Никитичну точно пришибло. Она вытаращила глаза, разинула ротъ, да такъ и осталась въ этомъ положеніи. Прошла добрая минута, прежде чѣмъ Аграфена Никитична очнулась вскочила со стула и съ гнѣвомъ наступила на мастера.

— Да ты что? Разбойникъ какой. Захотѣлъ обидѣть старуху? Все забылъ? Забылъ, что Семенъ Петровичъ тебѣ благодѣтелемъ былъ? И на дорогу вывелъ и проступокъ твой забылъ, не оставилъ безъ хлѣба, какъ мастерская-то твоя прогорѣла? Былъ бы онъ живъ, посмѣлъ бы ты?

Тутъ энергія Аграфены Никитичны изсякла, она заохала, застонала, посыпались жалобы.

— Въ такое время и оставить? Бога въ тебѣ нѣтъ. Вотъ до чего дожила, и заступиться некому. Ты бы хоть пожалѣлъ меня, старуху, не огорчалъ бы меня...

— Это какъ вамъ будетъ угодно, а отъ своихъ словъ я не откажусь,—сухо сказалъ Иванъ Ивановичъ и смолкъ.

Битый часъ Аграфена Никитична изливала свое горе: то молила Ивана Ивановича быть человѣчнѣе, то гнѣвалась и называла его душегубомъ и Іудой, а тамъ снова впадала въ меланхолическій тонъ и изливалась въ жалобахъ на свою участь. А этотъ идолъ не поддавался: молчалъ, какъ истуканъ, а если и кинетъ слово, то еще болѣе разобидитъ старуху своимъ упорствомъ. Измучилась съ нимъ Аграфена Никитична. Она перебрала всѣ извѣстныя ей мягкія слова, всѣ извѣстныя грубыя

слова, повторила ихъ по нѣскольку разъ, нѣсколько разъ заклинала именемъ Семена Петровича, все было тщетно. Тогда она смирилась.

— Что-жъ... такъ, видно, Богу угодно, управляй.

Иванъ Ивановичъ вздрогнулъ. У него захватило дыханіе. Онъ вспыхнулъ. Волненіе не давало ему возможности что-либо сообразить и отвѣтить. До послѣдняго момента онъ не былъ увѣренъ, что ему удастся сломить тупое упрямство старухи. И вотъ теперь, когда онъ окончательно потерялъ всякую надежду и отдался весь тоскѣ, какую навело на него нытье старухи, когда собирался уже дерзко уйти изъ комнаты, чтобы въ тотъ же день искать мѣста,—до его слуха долетѣли желанные звуки—«управляй».

Старуха не видала его волненія, даже не обратила вниманія на его молчаніе, а когда потомъ онъ спросилъ или сказалъ что-то, она отмахнулась рукой, какъ отъ надоѣвшей мухи, и сказала одно слово:

— Завтра.

Иванъ Ивановичъ вышелъ, а Аграфена Никитична долго еще сидѣла на своемъ мѣстѣ и апатично смотрѣла въ окно. Худо-ли, хорошо, а дѣло сдѣлано, и думать теперь не приходится.

XI.

— Бабушка, пойдемъ чай пить,—пищала пятилѣтняя дѣвочка и тянула старушку за юбку.

— Постой, дай довязать... видишь, тутъ малость осталась... нельзя же такъ бросить...—уговаривала старушка и торопилась довязать спицу. Но пальцы слушались плохо, а дѣвочка не поддавалась ни на какіе резоны, продолжала тащить за подолъ и все капризнѣе и пискливѣе твердила:

— Пойдемъ же, мама велѣла. Ну, пойдемъ...

Старушка заторопилась, уронила мотокъ шерсти, стала поднимать его и спустила спицы. Она заворчала, сердито бросила чулокъ на стулъ и послѣдовала за малюткой, поправляя подъ платкомъ свои сѣдые, рѣдкіе волосы и продолжая ворчать.

— Экій бѣсенокъ, прости Господи... Торопыга... Вотъ петли спустила... Думаешь, скоро ихъ подымешь?.. Это у тебя глаза-то острые.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на ворчаніе старухи, дѣвочка съ торжествующей улыбкой ввела ее, держась за подолъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ за маленькимъ столомъ, на которомъ весело пѣлъ и шумѣлъ самоваръ, сидѣла ея мать.

Комната была низка и мала. Единственное окно смотрѣло въ

ветхій заборъ, вслѣдствіе чего въ ней царилъ полумракъ. Закопченныя, засиженныя мухами стѣны, по которымъ смѣло бѣгали прусаки и кое-гдѣ ползали мокрицы, придавали ей еще болѣе мрачный видъ. И все-таки здѣсь было уютно, была видна женская заботливость, женское умѣнье изъ ничего создать своего рода комфортъ.

— Не хочешь ли, бабушка, выпить со мной чайку,—сказала Марья Петровна.—У меня сегодня праздникъ: цѣлый рубль заработала.

— Ну?—удивилась старуха.—Счастье тебѣ. Посмотрю я, какъ у тебя все ладится.

Марья Петровна чуть-чуть усмѣхнулась.

Изъ темнаго угла послышалось всхлипыванье, а затѣмъ виноватый, тихій голосъ:

— Мама, я не буду...

Марья Петровна обернулась и сказала:

— Иди ужъ. Да смотри, въ другой разъ такую лупку дамъ...

Изъ угла вышелъ мальчикъ лѣтъ восьми. Расшатанной, боязливой походкой онъ подошелъ къ столу, но, удостовѣрившись, что мать больше не обращаетъ на него вниманія, быстро усѣлся на скамейку, рядомъ съ сестренкой и уже затѣялъ съ нею перебранку.

— Что только дѣлать съ нимъ,—жаловалась Марья Петровна, обращаясь къ старухѣ. — Какъ я со двора, такъ онъ черезъ заборъ и прямо къ Танькѣ. Вишь, ему весело тамъ...

И обращаясь къ мальчику, она сказала сердито:

— Я тебѣ такое веселье дамъ—не сядешь недѣлю.

— Малъ еще, не въ разумѣ,—сказала старуха.—Я ему и то говорю—нельзя. Да развѣ углядишь? Тамъ, вишь, играютъ съ нимъ, конфеты даютъ, ласковы съ нимъ—оно и лестно. Ты лучше тѣмъ скажи, чтобы не смущали.

— Скажи-ка имъ. Только осмѣютъ да обругаютъ еще.

— А ты слышь,—заговорила старуха, понизивъ голосъ и придавъ ему таинственность,—купца подцѣпили, да богатаго.

— Вотъ какъ. Какже это онѣ?

— Ужъ не знаю. Не иначе, что Федосѣевна. Это ужъ ея дѣло, а то гдѣ-жъ имъ такого залучить.

— Значитъ, раздолье. Тьфу ты. Срамота одна. Куда только совѣсть у людей дѣвалась, такую подлую жизнь ведутъ... Что-жъ ты, пей...

— И то...

Старуха протянула руку за чашкой. Въ теченіе нѣкотораго времени царило молчаніе. Было слышно только, какъ дули и всхлебывали горячій, жегшій губы чай.

Хотя Марья Петровна и очень энергично обошлась, назвавъ жизнь Таньки подлою, но это нисколько не соотвѣтствовало тѣмъ мыслямъ, которыя забродили въ ней подъ впечатлѣніемъ переданной новости. Этой Танькѣ—прямо счастье, а она и не воспользуется,—такъ дуромъ все пойдетъ. Доведись такой случай Марьѣ Петровнѣ, она съумѣла бы дѣла раздѣлать, сорвала бы съ него какъ слѣдуетъ. Хорошо бы это было. Не приходилось бы такъ мыкаться за работой, давно бы своимъ хозяйствомъ зажили съ Иваномъ Ивановичемъ. И его бы не огорчила: тонко все это раздѣлала бы. Да и онъ не глупый. Если бы и примѣтилъ—смолчалъ. Разумѣется, смолчалъ бы. А теперь сколько лѣтъ бьются... Соблюдала честь. А кому она нужна, честь-то эта. Глупа была, время-то и опустила. Вотъ она какая сухая, да желтая. Ужъ кое-гдѣ и морщины намѣтились. Такая-то кому понравится... Да, глупа была Марья Петровна и не съумѣла счастье ловить. А могла бы. Случаевъ было много, особенно первое время, какъ она по работѣ пошла. Кто-кто только не заглядывался на нее.

Выпивъ чашки двѣ, старушка, обиженная словами Марьи Петровны, которыми та обрушилась на Таньку, заговорила:

— Очень-то судить ихъ нельзя. Нужда, вѣдь, дѣло извѣстное.

— Такъ развѣ въ нуждѣ такъ живутъ?—возразила Марья Петровна. — Ночь напролетъ пляшутъ, да водку пьютъ, музыку завели... Какая ужъ тутъ нужда. А днемъ-то выйдетъ на улицу—смотри, барыня какая. Разрядится, набѣлится. Тьфу.

— Ничего-то ты, Марья Петровна, не понимаешь. Говоришь жизнь подлая, а въ суть не входишь. Вотъ у меня муженекъ-то померъ, да двухъ ребятъ оставилъ. Что я съ ними дѣлать-то стала бы. Туда-сюда, вездѣ смѣются да охальничаютъ, а помощи нѣтъ. Другой и помочь не прочь, да требуетъ платы дорогой... Такъ-то побьешься, побьешься, а кровь-то играетъ, даетъ себя знать, ну и пойдетъ все своимъ чередомъ.

— И ты также жила?—спросила Марья Петровна.

Ее охватило любопытство, какъ такъ жила старушка, и рядомъ съ этимъ что-то гадкое наполняло ее.

— А то какже? Да тутъ поди-ка, небось, всѣ такъ-то живутъ. Развѣ у кого мужъ, ну такъ боязно, да и надобности, можетъ, особой нѣтъ, а то чего же?

Марья Петровна вспыхнула, но посмотрѣла на старушку брезгливо.

— Билась я, билась,—продолжала старушка послѣ нѣкоторой паузы, — пришло и мое время: не помирать же съ голоду, ѣсть тоже хочется, да и за работой изнывать не больно-то оно любо. А тутъ смотрю—живутъ въ свое удовольствіе: и одѣты хорошо, и ѣдятъ вкусно, и заботъ нѣтъ, и веселы. Польстилась. Ошиб-

лась только... Думала денегъ на черный день сберегу. Куда тутъ. Пошло веселье, да разгулье. На одеженку тоже надо, чтобы встрѣтить гостя, встрѣтить какъ слѣдуетъ, въ комнатѣ чтобы порядокъ былъ, чтобы во всемъ чистота, да аккуратность, потому какъ при томъ стоимъ. А тутъ все въ привычку вошло, да болѣзни пошли... Одна видимость только, что хорошо живется, а то нѣтъ—плохо, очень плохо, иной разъ прямо хоть руки на себя накладывай. Да и мущины тоже.. Сначала онъ къ тебѣ со всѣмъ вниманіемъ, а потомъ не знаетъ, чѣмъ только наобидѣть... Вотъ, если къ кому на содержаніе попасть—это еще ничего, а такъ не приведи Богъ... Нѣтъ, молодка, трудно оно прожить-то, ой, какъ трудно. А ты такія слова—подлая жизнь. Вотъ кабы обокрали кого, аль убили тамъ, а то себя изводимъ только... Нелегкая жизнь.

— У васъ дѣти были, нужда,—сказала Марья Петровна,—а у Таньки что? Или вонъ Сашка?

— Вотъ ты, Марья Петровна, замужемъ, и мужъ твой на хорошемъ мѣстѣ, а сладка твоя жизнь-то?

— Это что-жъ, это дѣло особое.

Марья Петровна смутилась.

— Ну и тутъ особая. Тоже мало радости и замужъ выйти. Рѣдко у кого удается. Попадешь какъ такому, вродѣ вонъ Четина—въ гробъ вгонитъ. Такъ лучше ужъ такъ жить, свободнѣй оно. А грѣхъ?—такъ это одному Богу извѣстно, ему одному и отвѣтятъ.

Вниманіе Марьи Петровны было привлечено въ сторону дѣтей, которыя подняли ссору.

— Отдай, отдай, отдай сахаръ,—запищала дѣвочка.

Мальчикъ, уже упрятавшій одинъ кусокъ въ ротъ, при крикѣ сестры смутился и не зналъ, проглотить ли его, чтобы скрыть слѣды преступленія, или отдать обратно сестрѣ. Онъ взглянулъ на мать и отдалъ другой кусокъ, который былъ зажатъ у него въ рукѣ. Мать дала затрещину, отчего кусокъ самъ проглотился. Мальчикъ заплакалъ, а дѣвочка стала его утѣшать и сама же отдавала злополучный кусокъ сахару.

— Надоѣли вы мнѣ,—прикрикнула мать.—Пейте, да убирайтесь на дворъ... А ты что-жъ, Лизка? Сама ревѣла, а теперь сама же и даешь? Тоже бить буду—не капризничай.

— Меня нельзя,—спокойно сказала дѣвочка.

— Это что еще? Почему нельзя?

— А я папѣ скажу,—смѣло отвѣчала Лиза, увѣренная, что уже одно слово «папа» спасаетъ ее отъ всякихъ напастей.

Марья Петровна посмотрѣла на старушку, какъ бы говоря—смотри, какая у меня дочурка растетъ, и проговорила съ гордой и шутливой улыбкой.

*

— Туда же. Васъ вмѣстѣ съ отцомъ одной веревкой отодрать надо, чтобы онъ не баловалъ дѣвчонку.

— Бѣдовая дѣвчонка,—сказала старушка и погрозила своимъ корявымъ пальцемъ.

Марья Петровна сладко потянулась. Дѣти выбѣжали на дворъ.

— Отдохну сегодня,—намучилась. А завтра опять къ этимъ Пашутинымъ. Доканаютъ.—У нихъ, прости Господи, поѣсть и то не дадутъ, какъ слѣдуетъ, такъ и смотритъ хозяйка, чтобы времени лишняго не просидѣла. Все смотритъ, все примѣчаетъ,—рванаго платка не возьми... Куда платка. Мыла обмылокъ и то сдай. Тьфу ты Господи. А туда же, господа. Нѣтъ, вотъ у Платоновыхъ. Тамъ тебя и накормятъ какъ слѣдуетъ и платятъ хорошо, и работы не очень спрашиваютъ. Хорошая работа.

— Еще бы, Платоновы народъ богатый. А какъ, думаешь, богатство нажили? Тоже случай. Вѣдь, отецъ-то ихъ вмѣстѣ со мной по улицамъ бѣгалъ, а потомъ, гляди, какое счастье выпало. Сразу въ гору пошли... Все отъ Господа. Кому, значитъ, какой удѣлъ выйдетъ. Случай подойдетъ, и вышелъ въ люди. Вотъ и муженекъ твой... Теперь дѣло ваше пойдетъ.

— Не больно-то дѣло его идетъ,—сказала Марья Петровна съ легкой досадой.—Старуха упрямая. И что ей? Деньги есть, слава Богу, на ея вѣкъ хватитъ, и жила бы себѣ потихоньку. Такъ нѣтъ, вишь, съ мастерской жаль разстаться.

— Ну, какъ же, все память по мужѣ.

— Какое тамъ. Просто до денегъ жадна. А куда ей онѣ? Дѣти бы дѣти были. Все равно помретъ, съ собой не унесетъ. Жадная старуха.

— А много ли она проситъ?

— Да ничего не проситъ, а просто не хочетъ продавать. Иванъ Ивановичъ измучился какъ. Да и то сказать—тяжело. Такъ подумаешь, подумаешь, и одурь возьметъ. Кажется, плюнула бы на все. Столько, вѣдь, лѣтъ... Этакъ и жизни не увидишь... Тоска беретъ...

Марья Петровна пригорюнилась.

— А ты не тоскуй. Чего тосковать—все уладится,—утѣшала старуха.—То ли еще бываетъ, и то въ уныніе не приходятъ. Твой-то мужикъ дѣльный. Онъ до своего дойдетъ.

Но утѣшеніе не дѣйствовало. Марья Петровна тоскливо смотрѣла передъ собой и не слушала старухи.

Въ кухнѣ раздалась твердая мужская походка. Старушка засуетилась.

— Легокъ на поминѣ,—сказала она и зашмыгала, нѣсколько

скорѣе обыкновеннаго, въ свою комнату. Она не долюбливала и побаивалась Ивана Ивановича.

Иванъ Ивановичъ наскоро перекрестился, бросилъ на сундукъ узелокъ, который держалъ въ рукахъ и обнялъ Марью Петровну.

— Ну, Маша, теперь дѣло пойдетъ.

Та вскинула на него глаза и замерла. Но Иванъ Ивановичъ не распространялся болѣе на эту тему.

— А гдѣ же ребята? Лиза гдѣ?—спросилъ онъ.

— Ну вотъ,—недовольнымъ голосомъ отвѣтила Марья Петровна,—не успѣлъ ввалиться и прямо о ребятахъ. Гдѣ имъ быть? На дворѣ, небось.

— Пойду посмотрю. А ты чайкомъ балуешься? Ну-ка угости и меня.

— Подогрѣю сейчасъ.

— Ладно.

Марья Ивановна вышла подогрѣвать самоваръ. Иванъ Ивановичъ постоялъ у окна, посмотрѣлъ на заборъ,—единственное, что можно было видѣть въ окно,—взглянулъ на кровать, потрогалъ рукой пологъ, улыбнулся, точно отвѣчая на собственныя мысли, и вышелъ искать дѣтей. Скоро онъ вернулся съ Лизой на рукахъ. Сынишка держалъ его за другую свободную руку и, подпрыгивая, засматривалъ въ глаза отцу.

— Какая высокая. Смотри, выше меня выросла, головой въ потолокъ упираешь,—шутилъ отецъ, поднимаясь на цыпочки, чтобы Лиза достала рукой до потолка.

Лиза доставала обѣими руками, взвизгивала, быстро опускала руки на шею отца и брыкала ногами. Мальчикъ тянулъ отца и говорилъ:

— Ну, папа, и меня также. Достану я? Да нуже, папа.

— Смотри, что она говоритъ,—сказала Марья Петровна, входя въ комнату съ самоваромъ.—Не смѣй ее трогать, а то отцу скажетъ.

— Такъ, такъ. Ахъ ты, клюква! На-ка тебѣ конфетину.

Иванъ Ивановичъ досталъ изъ кармана леденецъ и далъ дѣвочкѣ; другой протянулъ мальчику. Затѣмъ онъ сѣлъ около стола, посадилъ Лизу себѣ на колѣни, притянулъ къ себѣ мальчика и, любовно посматривая то на того, то на другого, гладилъ ихъ по головѣ.

— Ну, Мишутка, наши дѣла на мази,—сказалъ Иванъ Ивановичъ, взлохмачивая сыну волосы,—заживемъ, братъ. Ты кѣмъ у меня будешь?

— Вахмистръ.

— Вахмистръ? Это что за выдумка? Почему вахмистръ?

— У меня будутъ шпоры и лошадь. Я медаль получу.

— Ахъ ты глупышъ, глупышъ! Откуда только ты словцо подцѣпилъ? Ты у меня хозяиномъ будешь. Понимаешь? Въ мастерской будешь хозяиномъ. Всѣ мастера у тебя въ повиновеніи, а самъ ты надъ всѣми господинъ будешь, и денегъ у тебя будетъ много. Это куда, братъ, получше вахмистра. А теперь ступайте-ка куда-нибудь. Леденцы получили и будетъ. Скоро каждый день они у васъ будутъ... Ну, ступайте.

Мальчикъ отступилъ на шагъ, но все еще смотрѣлъ на отца, можетъ быть, можно и остаться. Лиза прижалась къ отцу и не хотѣла идти, пока не получила легкаго шлепка, и отецъ не сказалъ строго:

— Идите, идите.

Дѣти отошли.

— А это что? Я посмотрю?—спросила Лиза, дотрогиваясь до узелка, который несъ Иванъ Ивановичъ.

— Ступай, ступай, не твое дѣло.

Дѣти вышли.

— Ну, Марья Петровна,—началъ Иванъ Ивановичъ, — надо устраиваться. Сверточекъ-то положи тамъ, чтобы не вертѣлся, да и потолкуемъ.

Марья Петровна развернула свертокъ и спрятала его въ сундукъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Ивановичъ сдѣлался управителемъ, такіе свертки приносились довольно часто... Это былъ все разный сапожный товаръ. «Откроемъ дѣло — пригодится», говаривалъ Иванъ Ивановичъ, и свертокъ шелъ въ сундукъ, уже на половину наполненный такимъ товаромъ.

Иногда ему представлялся хорошій случай продать кое-что изъ своихъ сбереженій, но Иванъ Ивановичъ никогда на это не рѣшался. Съ одной стороны, онъ боялся слуховъ; съ другой—все равно самому придется покупать, когда заведетъ хозяйство, да еще, пожалуй, дороже платить, чѣмъ бы получилъ самъ за товаръ. Такъ пусть ужъ лежитъ—дѣло вѣрнѣе.

— Аль подалась старуха?—спросила Марья Петровна, усаживаясь на скамейку рядомъ съ Иваномъ Ивановичемъ.

— Нѣтъ, куда тебѣ. Да я ужъ и не безпокою, пусть отдохнетъ, позабудется, а на этой недѣлѣ, значитъ, сразу и крышка— разсчетъ вѣрный. Ужъ кое съ кѣмъ изъ мастеровъ переговорилъ, кто понадежнѣе. Заказчики у меня тоже въ рукахъ, всѣхъ знаю и меня знаютъ. Ну, а ее кто знаетъ?

— Что-то и не вѣрится,—томно сказала Марья Петровна и вздохнула.

— Повѣрится... Такъ-то, Марья Петровна,—Иванъ Ивановичъ похлопалъ ее по плечу.—Отдохнемъ. Снова заживемъ своимъ хозяйствомъ, разодѣнешься, полноту опять наживешь. А это что? Щепка щепкой стала, никакого аппетита въ тебѣ нѣтъ

— Еще бы!—съ горечью сказала Марья Петровна.—Цѣлый день мыкаешься,—не больно раздобрѣешь.

— То-то и оно. Ну а теперь живи въ свое удовольствіе и дѣтей рожай. Теперь можно.

Марья Петровна смутилась и опустила глаза. Она еще болѣе смутилась, раскраснѣлась вся, когда Иванъ Ивановичъ обнялъ ее и поцѣловалъ такъ крѣпко и страстно, какъ давно не цѣловалъ. Точно это были первые дни ихъ совмѣстной жизни.

— Да что ты...—прошептала она, сама невольно заражаясь его чувствомъ.

Иванъ Ивановичъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Эхъ, Маша! И хорошо же. Трудно было, прямо не въ моготу. Зато теперь... Чего и желать, не знаю. Теперь-то ужъ захозяйствуемъ и съ пути не собьемся. И сытно будетъ, и довольство, и передъ людьми не стыдно. Пускай теперь твоя Матрена Ивановна придетъ. Небось, прикуситъ язычекъ-то, не до смѣху будетъ. И мать твоя плакаться не будетъ. Всѣ съ уваженіемъ... Хорошо это. Ребятишки-то наши: вонъ они какія замарашки. А теперь мы ихъ умоемъ, одѣнемъ, не хуже барскихъ будутъ. Мишку въ школу, пусть въ наукахъ побалуется, ученымъ будетъ: оно и въ хозяйствѣ пригодится; все-таки обращеніе иное. Ну, Лизу-то учить нечего. Еще заучится. Пусть при домѣ болтается, а тамъ подрастетъ—замужъ выдамъ, да за кого-нибудь почище, съ приданымъ-то можно хорошаго жениха найти. Пусть живетъ барыней. Изъ себя она хороша будетъ, въ тебя...

— Больно далеко занесся. Ужъ и замужъ выдалъ. Еще что твоя старуха скажетъ.

— Что ты все со старухой? Говорю, дѣло налажено—ей податься некуда. Сама же будетъ просить, чтобы я купилъ мастерскую, за безцѣнокъ отдастъ. Что она съ ней будетъ дѣлать, когда я мастеровъ переманю и заказы всѣ возьму. Кабы живъ былъ Семенъ Петровичъ—это такъ, а то, вѣдь, баба.

— А пойдутъ мастера-то?

— Почему не пойдутъ? Еще какъ пойдутъ-то; тоже зазорно оно будетъ подъ началомъ у бабы остаться.

— Она другого управителя возьметъ.

— Гдѣ это она найдетъ его?

— А Митричъ? Такъ и не показывается?

— Такъ и не показывается. Совсѣмъ пропалъ. Говорятъ, въ

Москву ушелъ. Да если бы и Митричъ? Гдѣ-жъ ему противъ меня? Онъ словно дитю малое, никакого разсчета въ головѣ нѣтъ. Поди-жъ, парень, вѣдь, съ головой: разсказать что, али по душамъ потолковать—это онъ можетъ. Чудно. И вотъ что скажи: дожилъ до сихъ поръ и не женился. Память о невѣстѣ имѣетъ что ли—ужъ и не знаю.

— Скажешь, о невѣстѣ. Просто случая нѣтъ. Гдѣ бы онъ невѣсту нашелъ, когда не по-людски живетъ? Самъ же ты разсказывалъ.

— Можетъ, статься и оттого... Ну да Богъ съ нимъ. Разболтались мы съ тобой, а намъ надо дѣло дѣлать. Ну, слушай.

Иванъ Ивановичъ пересѣлъ на сундукъ, посадилъ около себя жену и началъ излагать суть дѣла.

Черезъ недѣльку, примѣрно такъ, онъ объявитъ своей хозяйкѣ рѣшительно, что уходитъ и открываетъ свою мастерскую. Аграфена Никитична, конечно, испугается и сама же будетъ просить, чтобы онъ купилъ у нея мастерскую. Онъ поломается, сколько слѣдуетъ, и купитъ ее за безцѣнокъ. Если же она заупрямится, такъ наплевать, потому что уже и теперь Иванъ Ивановичъ коегдѣ беретъ заказы отъ себя, а въ заказчикахъ главная сила. Итакъ, черезъ недѣлю все будетъ закончено. А пока что, надо подыскать квартиру, купить разной мебели, насчетъ одежды—однимъ словомъ, надо подумать о хозяйствѣ. И этимъ должна заняться Марья Петровна, такъ какъ у самого Ивана Ивановича нѣтъ свободнаго времени.

Марья Петровна слушала мужа и восторгалась его сообразительностью.

— Какой ты умный... Какъ у тебя все хорошо выходитъ... Ловко ты придумалъ... — говорила она въ промежуткахъ, когда Иванъ Ивановичъ, изложивъ одно изъ своихъ соображеній, останавливался и, прежде чѣмъ перейти къ другому, любовно на нее посматривалъ.

Когда Иванъ Ивановичъ сказалъ, что она должна будетъ хлопотать, она порывисто обняла его и, въ свою очередь, стала излагать, что и какъ надо дѣлать. Она говорила и объ улицѣ, на которой должна быть мастерская, чтобы удовлетворить нужды и промышленнаго заведенія, и расчетливой хозяйки, для которой важно, напримѣръ, чтобы рынокъ былъ подъ руками, и о квартирѣ, въ которой можно было бы наглухо отдѣлить хозяйскую половину отъ мастерской, а далѣе, мебель, посуда, разныя полочки, столики, ухваты, кочережки, да мало ли что нужно въ хозяйствѣ? Все это надо купить подешевле, да получше, да поудобнѣе.

Когда Марья Петровна говорила объ улицѣ и квартирѣ, Иванъ Ивановичъ принималъ дѣятельное участіе въ ея размышленіяхъ и не велѣлъ давать задатку, прежде чѣмъ онъ самъ не посмотритъ; когда же она говорила о разныхъ хозяйственныхъ нуждахъ, онъ снисходительно улыбался и молчалъ, впрочемъ, высказалъ одно соображеніе, что недурно бы имѣть при домѣ огородъ, о которомъ, къ ужасу Марьи Петровны, она ранѣе забыла; когда она заговорила, что надо завести изъ одежды, онъ снова принялъ живое участіе и все твердилъ, чтобы Маша одѣвалась вродѣ какъ по-барски.

— Такая есть матерія,—совѣтовалъ онъ,—и съ синими цвѣточками... И сшить, чтобы тутъ гладко, а здѣсь этакъ какъ бы вырѣзка какая.

— Молчи, молчи,—засмѣялась Марья Петровна.—Вотъ тутъ ты ровно ничего не понимаешь. Съ вырѣзомъ... И потомъ синіе цвѣты... Нѣтъ, ты ничего не понимаешь. Это я ужъ сама. Не безпокойся, понравится—влюбишься.

Она бурно охватила его за шею и, дрожа вся, прижалась къ нему.

Вбѣжали дѣти, размѣстились тутъ же около родителей и приняли живое участіе въ разговорѣ.

Большой домъ! Огородъ! Новое платье! Сколько восторговъ. Какое широкое поле для фантазіи. Сколько вопросовъ сыплется одинъ за другимъ. И взрослые не уступали малымъ. Уже давно стемнѣло. Очертанія фигуръ едва были видны, а они шумѣли, вскрикивали, смѣялись и все плотнѣе и плотнѣе прижимались другъ къ другу, обхватывая то того, то другого руками, засматривая въ глаза, цѣлуя другъ друга.

Иванъ Ивановичъ поднялся, такъ какъ уже пора было идти. Зажгли лампу и сразу стало спокойнѣе, всѣ мечты, всѣ живые призраки исчезли съ темнотой, но хорошее, радостное чувство осталось.

Въ первый разъ за столько лѣтъ Ивану Ивановичу не хотѣлось уходить. Ему здѣсь было тепло, уютно, мило, а тамъ... Тамъ предстояло серьезное дѣло, волненія...

— Ты собираешься?--спросила Марья Петровна и, получивъ утвердительный кивокъ, нерѣшительно проговорила. Ты бы остался... Она вдругъ зардѣлась вся и еще ниже склонила голову.

Иванъ Ивановичъ также вспыхнулъ, глаза заблестѣли, потомъ покрылись дымкой, по всему тѣлу пробѣжала мелкая дрожь...

— Нѣтъ, Маша, нужно туда—сказалъ онъ глухо и обнялъ жену.

Они замерли въ поцѣлуѣ. А дѣти смотрѣли на нихъ, широко

раскрывъ глаза, точно удивленные и испуганные... Они также раскраснѣлись. Казалось, настроеніе родителей невидимыми путями передалось имъ, испугало ихъ.

— Вотъ глупо-то,—первый заговорилъ Иванъ Ивановичъ, приходя въ себя.—Ужъ стариками стали, а смотри ты... Ну, прощай. Не долго теперь.

Иванъ Ивановичъ вышелъ изъ комнаты.

Иванъ Ивановичъ не ошибся въ своихъ расчетахъ. Аграфена Никитична продала ему мастерскую и продала за безцѣнокъ. Но что всего удивительнѣе—она была спокойна, не жаловалась, не охала, не выказывала бабьей дури, а безропотно подчинилась необходимости, какъ будто успѣла приготовиться къ ней. Иванъ Ивановичъ не остался въ этомъ домѣ, а устроилъ мастерскую въ другомъ концѣ города. Онъ не желалъ, чтобы ему хоть что-нибудь напоминало о старомъ. Теперь онъ самъ хозяинъ; самъ поведетъ дѣло и поведетъ его совсѣмъ иначе, чѣмъ Семенъ Петровичъ.

Домикъ опустѣлъ, замолкъ. Въ немъ не было ни шума, ни пѣсенъ, ни ссоръ и выглядѣлъ онъ какъ-то уныло. Но жизнь тамъ была. Только, на смѣну шумныхъ мастеровъ, пришли какія-то женщины, всегда скромно одѣтыя во все темное. Онѣ тихо и безшумно проскальзывали за калитку, входили къ Аграфенѣ Никитичнѣ, мирно бесѣдовали съ ней объ угодныхъ Богу дѣлахъ и такъ же тихо, точно тѣни, выходили отъ нея, и многія исчезали за оградой монастыря.

В. Васильевъ.

НАМИ-КО.

Современный японскій романъ.

Кенджиро Токутоми.

(*Продолженіе* *).

Глава III.

Выздоровленіе.

Такео раскрылъ отяжелѣвшія отъ сна глаза, разбуженный пѣвшими подъ его окномъ птицами. Онъ протянулъ руку и отдернулъ пологъ. Утреннее солнце, только что поднявшееся изъ-за горы, ярко свѣтило въ окно. Горы еще были окутаны предразсвѣтнымъ туманомъ, но осеннее небо надъ нимъ было ясно, и контуры вишневаго дерева, краснѣвшаго за окномъ, рѣзко выдѣлялись на немъ. Нѣсколько маленькихъ пташекъ чирикали и прыгали среди его вѣтвей. Подъ конецъ онѣ отважились заглянуть въ окно, увидѣли Такео, полулежавшаго въ постели, и вдругъ вспорхнули, словно испугавшись, а за ними съ вѣтки неслышно упалъ пожелтѣвшій листъ.

Такео улыбнулся при мысли о маленькихъ, разбудившихъ его вѣстникахъ утра и попытался снова хорошенько лечь на подушку. Лобъ его морщился точно отъ боли. Наконецъ ему удалось принять удобное положеніе, и онъ задремалъ.

Утро было тихое, и ничто не мѣшало ему. Вдругъ закричалъ пѣтухъ, и вдали запѣлъ рыбакъ.

Такео открылъ глаза улыбнулся и снова закрылъ ихъ, словно погрузившись въ думы.

Прошло больше мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ раненъ въ сраженіи и помѣщенъ въ госпиталь въ Сасехо.

Пораженный осколками непріятельской бомбы, разорвавшейся у пушки, онъ безъ сознанія упалъ на палубу. По счастью пораженіе не затронуло бедренной кости, а остальныя поврежденія оказались лишь незначительными наружными контузіями. Капитанъ его взлетѣлъ на воздухъ, а остальные его товарищи изъ числа начальниковъ всѣ были

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ 1905 г.

убиты, тогда какъ нѣсколько канонеровъ остались невредимыми. При такихъ обстоятельствахъ, чудо, что Такео остался въ живыхъ. Попавъ въ госпиталь, онъ вначалѣ бредилъ, вслѣдствіе высокой лихорадки, но молодость взяла свое, и ему стало лучше, какъ только наступила болѣе прохладная погода. По истеченіи мѣсяца онъ еще чувствовалъ, правда, боли, но уже настолько поправился, что могъ попытаться выйти изъ своей пропахшей карболкой комнаты на свѣжій воздухъ, рискуя нарушить предписанія врача. Онъ ожидалъ теперь только дня, когда ему можно будетъ вернуться на театръ войны.

Жизнь, которую онъ оцѣнилъ ничтожнѣе пылинки, не хотѣла выпустить своей добычи. По мѣрѣ того, какъ лихорадка и боли ослабѣвали, возвращалась противъ его воли любовь къ жизни, и вмѣстѣ съ жаждой жизни и жизненныя горести и печали. Змѣя можетъ смѣнить кожу, но человѣкъ—нѣтъ, и воспоминанія Такео, похороненныя временно подъ пыломъ сраженія и страданіями, оживали все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ къ нему возвращалось здоровье и духъ его становился спокойнѣе.

Но подобно тому, какъ тяжелая болѣзнь обновляетъ ткани нашего тѣла, такъ ощущеніе того, что онъ находился лицомъ къ лицу со смертью, придало чувствамъ Такео новую окраску. Ужасное сраженіе и удивительныя обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія его, потрясли его душу, какъ сильная буря. Теперь буря кончилась, но дѣйствіе ея еще продолжалось на морѣ его души, и чувства, носившіяся по ея волнамъ, приняли иной видъ. Такео уже не испытывалъ ненависти къ матери. Онъ заключилъ память о Нами въ святое святыхъ своего сердца, словно она была уже покойницей, и когда думалъ о ней, то ему казалось, что онъ слушаетъ грустную, но пріятную музыку изъ-за далекихъ горъ.

Пріѣхалъ Тазаки, и Такео узналъ отъ него о матери и о Нами. Боясь доставить Такео непріятность, Тазаки ничего не сказалъ о дочери Ямаки. Но того малаго, что Такео услышалъ о Нами, было достаточно, чтобы растрогать его до слезъ. Ночныя грезы его были полны образомъ больной жены. Онъ видѣлъ, какъ она стоитъ у виллы, и вѣтеръ меланхолически шелеститъ въ верхушкахъ пиній. И этотъ образъ чередовался съ картинами сраженія при Ялу.

Такео думалъ о томъ, что случилось недѣлю тому назадъ.

Онъ отбросилъ отъ себя газету, которую читалъ, и зѣвнувъ, посмотрѣлъ въ окно. Товарищъ его по комнатѣ уѣхалъ наканунѣ, и теперь онъ оставался одинъ. День клонился къ вечеру. Въ комнатѣ было полутемно, а наружи лилъ осенній дождь. Въ сосѣдней комнатѣ паціента, повидимому, подвергали леченію электричествомъ, потому что жужжащій звукъ инструментовъ непрестанно смѣшивался съ шорохомъ дождевыхъ капель и увеличивалъ чувство безотрадности. Онъ вяло прислушивался къ этому звуку, смотря, какъ дождь, точно

струя фонтана, ударяется объ оконныя стекла, и какъ мокрыя деревья и кусты то всплывали изъ мрака, то исчезали. Онъ смотрѣлъ на это нѣкоторое время наполовину въ дремотѣ, и вдругъ натянулъ одѣяло на голову.

— Вотъ пакетъ и ящикъ для васъ. Вы спите?

Такео высунулъ голову. У кровати стоялъ мальчикъ. Въ рукахъ его былъ пакетъ и тяжелый ящикъ, обвязанный веревками.

— Мнѣ?—сказалъ Такео.—Откуда же это?

Мальчикъ прочиталъ фамилію отправителя. Такео раньше никогда не слышалъ ее.

— Пожалуйста открой его.

Когда масляная бумага была снята, обнаружился узелъ, завязанный въ красное сукно. Узелъ состоялъ изъ свѣтлаго шерстяного платья, мягкаго шелковаго бѣлья, бѣлаго креповаго шарфа, пары бѣлоснѣжныхъ чулокъ, рубашки съ широкими рукавами и мягкаго пледа. А что же оказалось въ ящикѣ? Онъ былъ полонъ крупныхъ грушъ и свѣжихъ банановъ, любимымъ лакомствомъ Такео.

Сердце его застучало.

— А письма нѣтъ?—спросилъ онъ.

Мальчикъ пересмотрѣлъ все, но не оказалось ни клочка писанной бумаги.

— Покажи-ка мнѣ обертку.—Такео взглянулъ на свое имя, написанное на бумагѣ, и сердце его почти замерло. Онъ узналъ почеркъ.

Это она. Это она. Кто же это можетъ быть, кромѣ нея? Развѣ ты не видишь драгоцѣнные знаки ея слезъ въ каждомъ стежкѣ на матеріи. Развѣ ты не видишь, какъ буквы дрожатъ подъ ея слабыми пальчиками?

Едва оставшись одинъ, Такео залился слезами.

Онъ понялъ, что Нами вѣчно будетъ жить въ его сердцѣ, и что оно разрывалось отъ неутолимаго горя. Днемъ онъ думалъ о ней, а по ночамъ видѣлъ ее во снѣ.

Но міръ въ дѣйствительности не былъ такъ свободенъ, какъ въ грезахъ. Такео грезилъ, что даже смерть не сможетъ разлучить его съ ней, тѣмъ менѣе мелкія, жалкія свѣтскія условности. Но когда онъ пытался осуществить свою мечту, то убѣждался, что именно эти мелкія, жалкія условности воздвигали непобѣдимую стѣну между мечтой и дѣйствительностью. Чтобы свѣтъ ни дѣлалъ, она во всякомъ случаѣ была его женой навѣки. Но его мать отъ его собственнаго имени пожелала развода и ея отецъ, по ея желанію, расторгъ бракъ. Въ глазахъ свѣта между ними не должно было существовать ничего общаго. Возможно ли для него, когда онъ выздоровѣетъ, увидѣться съ нею и снова сдѣлать ее своей женой? Несмотря на всѣ старанія обмануть самого себя, Такео не могъ думать, что возможно преступить всѣ общественные законы; напротивъ, онъ былъ увѣренъ, что подобная по-

пытка не только совершенно не удастся, но сдѣлаетъ пропасть между нимъ и матерью еще шире. Онъ уже достачно испыталъ горечь, которую влечетъ за собой неповиновеніе матери. Погруженный въ эти думы, Такео невыносимо страдалъ видя что его стремленіе къ любимой женѣ невыполнимо, но не могъ найти никакого выхода. День проходилъ за днемъ въ этомъ безпокойствѣ, и единственнымъ его утѣшеніемъ было клясться въ глубинѣ души, что Нами при жизни и послѣ смерти останется его женой.

Вотъ о чемъ думалъ Такео, только что проснувшись.

Вскорѣ вошелъ врачъ, дѣлавшій обычный обходъ, и съ удовольствіемъ объявилъ, что рана скоро заживетъ. Затѣмъ Такео получилъ письмо отъ матери. Она выражала свою радость по поводу сообщенія Тазаки о томъ, что Такео поправляется, и просила его пріѣхать домой, какъ только позволитъ докторъ, потому что ей нужно поговорить съ нимъ объ одномъ дѣлѣ. Поговорить съ нимъ? О чемъ, какъ не о томъ именно, чего онъ больше всего боялся и чего больше всего старался избѣжать? Такео думалъ и соображалъ. И результатомъ этого было то, что онъ не поѣхалъ домой въ Токіо.

Въ началѣ ноября, вскорѣ послѣ того, какъ «Матсушима», подвергавшійся починкѣ послѣ битвы въ Желтомъ морѣ, снова отправился на театръ войны, Такео выписался изъ госпиталя и поѣхалъ на транспортномъ суднѣ въ Таліенванъ, на свой корабль.

За день до отъѣзда изъ Сасехо, онъ сдалъ на почту два письма. Одно изъ нихъ было адресовано къ матери.

Глава IV.

Искушеніе.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за первымъ сентября, когда изъ города уѣзжало большинство наполнявшихъ его лѣтомъ, можно было видѣть даму, въ теплые часы дня прогуливающуюся по морскому берегу въ Цуши, въ сопровожденіи служанки за пятьдесятъ лѣтъ.

Рыбаки на берегу и еще остающіеся больные привыкли видѣть ея болѣзненную фигуру, и кланялись, здороваясь, при встрѣчѣ съ ней. Всѣ знали кое-что изъ ея грустной исторіи.

Молодая женщина была Нами. Хотя въ жизни ей не оставалось никакихъ надеждъ, но она продолжала прозябать, и вскорѣ снова наступили длинные осенніе мѣсяцы.

Нами вмѣстѣ съ теткой вернулась въ Токіо въ іюнѣ, и съ той минуты, какъ она узнала свою неожиданную судьбу, болѣзнь стала ухудшаться и ухудшаться, и кровохарканія усилились. Врачъ ничего не могъ сдѣлать, семья ея была въ отчаяніи, сама же она съ радостью

ожидала смерти. Жизнь ея висѣла на волоскѣ. Однимъ ударомъ она была свергнута на самое дно пропасти, не успѣвъ даже познать любви или ненависти. Подавленная ужасомъ своего положенія, она стремилась единственно и исключительно къ покою. А только смерть могла подарить отдохновеніе. Поэтому она жаждала смерти, и въ то время, какъ тѣло ея было приковано къ постели, мысли ея уже носились въ иномъ мірѣ. Сегодня или завтра, когда нить ея жизни дойдетъ до своего конца, душа ея покинетъ міръ со всѣми ея горестями и взлетитъ въ надземныя края, черезъ безконечное пространство, и тамъ, у ногъ покойной матери, она сможетъ выплакать свое горе. Никогда смерть не была болѣе желанной вѣстницей.

Но даже смерть была противъ нея. Она думала всякій день, что онъ будетъ послѣднимъ, но конецъ не приходилъ. А когда прошелъ мѣсяцъ, ей, противъ ея воли, стало немного лучше. Принужденная оставаться въ этомъ мірѣ, она должна была прожить положенное время въ слезахъ. Она дивилась своей судьбѣ, потому что привыкла считать жизнь безотрадной и не видѣть ничего страшнаго въ смерти. Зачѣмъ ей говорить съ врачомъ, принимать лекарство и стараться спасти свою ненужную жизнь.

Но у нея, вѣдь, былъ отецъ, любившій ее. Онъ часто пріѣзжалъ къ ней полный любви, давалъ ей самъ лекарство, выстроилъ для нея хорошенькую маленькую виллу и старался вылечить ее всѣми возможными для него средствами. Каждый разъ, какъ она слышала шаги отца и видѣла, какъ свѣтлѣло его лицо, когда она казалась нѣсколько здоровѣе, она не могла удержаться, и слезы струились по ея щекамъ. Ради него она заботилась о себѣ и чувствовала себя не въ правѣ упорно искать смерти. А кромѣ того, была и еще одна причина. Нами не могла заставить себя усумниться въ мужѣ. Она слишкомъ хорошо знала его, чтобы приписать ему разводъ. Когда она, лежа больная, получила извѣстіе отъ Такео, то почувствовала, какъ будто надежды ея скрѣплены печатью, и стала гораздо спокойнѣе. О будущемъ своемъ она, разумѣется, ничего не знала. Она едва смѣла думать, что однажды порванныя узы брака могутъ быть возстановлены, даже если она выздоровѣетъ. Но она твердо и непоколебимо вѣрила въ неизмѣнный союзъ ихъ душъ и утѣшалась тѣмъ, что ничто не можетъ уничтожить ихъ вѣчную любовь.

И вотъ нѣжность отца и ея вѣра въ неизмѣнную любовь Такео, вмѣстѣ съ искуснымъ леченіемъ врача, подогрѣли почти угасающее пламя ея жизни. И въ началѣ сентября она могла снова переѣхать въ Цуши съ Ику и съ сидѣлкой.

Нами почувствовала себя въ Цуши здоровѣе, и спокойствіе этого мѣста благотворно дѣйствовало на ея душу. Когда она полулежала въ креслѣ послѣ ванны и слушала заливавшихся треллями птицъ, въ то время какъ рокотъ моря доносился издалека, ей казалось, что она

снова переносится назадъ, къ веснѣ, и она сидѣла и почти ждала, что мужъ ея въ любую минуту можетъ очутиться передъ ней.

Жизнь въ виллѣ была приблизительно такая же, какъ и полгода назадъ. Въ обществѣ Ику и сидѣлки она дѣлала, что могла, чтобы исполнять предписанія врача. Иногда она развлекалась писаньемъ стиховъ или уборкой цвѣтовъ. Разъ или два въ недѣлю пріѣзжалъ докторъ изъ Токіо. Нѣсколько рѣже ее навѣщала тётка или двоюродная сестра, а еще рѣже мачиха. Узнавъ о ея болѣзни, нѣкоторыя изъ школьныхъ подругъ написали ей письма съ утѣшеніями, но они показались ей неискренними. Больше всего она скучала по Шицу, потому что все, что она желала знать, доходило до нея черезъ Шицу.

Со времени развода семейство Кавашима отдалялось отъ нея все больше и больше. Мысль о любимомъ мужѣ, находившемся за сотни миль, днемъ и ночью жила въ ея сердцѣ, но о его матери она никогда не думала. И она старалась не дѣлать этого. Если иногда мысль ея случайно обращалась къ старой свекрови, то она мучилась непріятнымъ чувствомъ страха и отвращенія. Ей становилось страшно при одной мысли о ней, и она старалась избѣгать ея. Узнавъ о томъ, что Ямаки отправилъ свою дочь къ Кавашима, она, разумѣется, нѣсколько встревожилась, но всего на минуту. Она знала, что это не имѣетъ никакого отношенія къ человѣку, котораго она любила и въ котораго такъ твердо вѣрила. Хоть она была принуждена оставаться въ маленькой виллѣ на песчаномъ берегу залива Сагами, сердце ея все время было далеко, на западѣ.

Оба человѣка, которыхъ она любила больше всего на свѣтѣ, находились на войнѣ съ Китаемъ. Отецъ ея уѣхалъ въ Хирошиму тотчасъ послѣ ея отъѣзда въ Цуши, чтобы присоединиться къ арміи. Ей очень хотѣлось проститься съ нимъ, но вмѣсто того онъ написалъ ей, чтобы она береглась и постаралась выздоровѣть настолько, чтобы встрѣтить его, когда онъ побѣдителемъ вернется домой. По доставленнымъ свѣдѣніямъ Такео не былъ на флагманскомъ суднѣ соединенныхъ эскадръ. Она боялась, что онъ опять почувствовалъ себя дурно отъ перемѣны погоды и былъ не въ состояніи исполнить свой долгъ, какъ солдатъ. Такимъ образомъ, несмотря на свое убѣжденіе, что ей нечего больше дѣлать въ этомъ мірѣ, Нами днемъ и ночью была занята мыслями о войнѣ на морѣ и на сушѣ и сидѣла, склонившись надъ газетами, съ сердцемъ, исполненнымъ заботой о побѣдѣ своей родины, безопасности отца и успѣхахъ Такео.

Въ концѣ сентября она узнала о битвѣ при Ялу и нѣсколько дней спустя нашла имя Такео въ числѣ раненыхъ. Въ ту ночь Нами ни на минуту не сомкнула глазъ. Но тетка въ Токіо узнала о состояніи Такео и дала ей знать, что его рана не опасна, и что онъ лежитъ въ госпиталѣ въ Сасехо. Она почувствовала необыкновенное облегченіе но, видя себя въ воображеніи на пути къ нему, она вполнѣ сознавала,

какъ мало участія можетъ выразить ему открыто. Въ глубинѣ души они оба не измѣнили, но, вслѣдствіе развода, она не могла даже написать ему ни строчки, чтобы выразить свое участіе. Нами была глубоко угнетена этой мыслью.

Однако, направляемая своей непреодолимой тоской, она нашла, наконецъ, выходъ. Съ помощью Ику она сшила платья для Такео и послала ихъ вмѣстѣ съ его любимыми фруктами отъ имени вымышленнаго лица въ Сасехо, надѣясь, что онъ пойметъ чувства ея сердца.

Дни шли, и въ серединѣ ноября Нами получила письмо со штемпелемъ Сасехо. Она читала его и плакала.

На утро Шицу и сестра Нами, Кома, гостившія у нея съ субботы, уѣхали назадъ въ Токіо. Вилла, въ которой недавно раздавались ихъ веселые голоса, приняла свой обычный молчаливый отпечатокъ заброшенности. И въ этотъ сумрачный день Нами заперлась въ своей комнатѣ и просидѣла одна съ портретомъ своей покойной матери.

Сегодня, девятнадцатаго ноября, была годовщина ея смерти. Нами взяла портретъ, вставила его въ раму и повѣсила въ альковѣ, украсивъ цвѣтущими хризантемами, привезенными Шицу. Нѣкоторое время она сидѣла, слушая Ику, разсказывавшую забавныя исторіи изъ ея дѣтства, но теперь она оставалась одна передъ портретомъ и дала волю своимъ мыслямъ.

Ровно десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Нами въ послѣдній разъ видѣла свою мать, и въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ она никакъ не могла забыть ее. Но никогда она не чувствовала такъ отсутствія ея, какъ теперь. Еслибъ только мать была жива, думала Нами, она могла бы разсказать ей все свое горе и облегчить тяжесть, которая была слишкомъ велика для ея собственнныхъ плечъ. Зачѣмъ она ушла и покинула свое безпомощное дитя? Мысль эта вызывала тихія слезы изъ ея глазъ.

Она такъ хорошо помнила одинъ счастливый день за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти матери. Ей было тогда восемь лѣтъ, а ея сестрѣ пять. Обѣ были одѣты въ одинаковыя платья изъ тонкаго крепа, затканнаго вишневыми цвѣтами, и ѣхали съ матерью въ колярскѣ къ Сузаки въ Куданъ. Тамъ былъ снятъ и портретъ, стоящій сейчасъ передъ ней. Десять лѣтъ промелькнули, какъ сонъ, она помнила мать точь-въ-точь такой, какой видѣла ее на карточкѣ, а она сама... Она рѣшила никогда больше не размышлять о себѣ самой, но печальная жизнь, которую она вела теперь, дѣлала то, что она не могла думать ни о чемъ другимъ. Ей казалось, будто ея безнадежное «я» окутано тяжелыми тучами, и будто комната, въ которой она сидитъ, превратилась въ холодную подземную темницу, куда не можетъ пробраться ни одинъ лучъ солнечнаго свѣта.

Вдругъ часы пробили два. Пробужденная отъ своихъ грезъ, она бросилась въ сосѣднюю комнату съ такой поспѣшностью, словно за

ней гнались. Тамъ не было ни души, но она слышала голоса Ику и сидѣлки наружи. Съ минуту она простояла въ нерѣшительности, но потомъ вышла изъ комнаты въ садъ, а оттуда за ворота на берегъ.

Небо было пасмурно. День былъ осенній, тяжелыя тучи нависли низко, и море лежало черное, словно сердитое. Воздухъ былъ недвижимъ, и ни одна морщинка не рябила воды. На всемъ водномъ пространствѣ она не видѣла ни одного паруса.

Нами шла все дальше и дальше. Сегодня не было видно рыбаковъ, и никто не гулялъ по берегу, кромѣ маленькой дѣвочки, несшей на спинѣ ребенка. Она пѣла и искала раковинъ. Дѣвочка замѣтила Нами, улыбнулась и поздоровалась, и Нами тоже грустно улыбнулась. Но затѣмъ снова погрузилась въ мысли и пошла дальше, устремивъ взоръ въ землю.

Вдругъ она остановилась. Она дошла до того мѣста, гдѣ песчаный берегъ кончался, и откуда узкая дорожка шла по скаламъ къ Фудо, гдѣ находился водопадъ, который она и мужъ посѣщали прошлой весной.

По этой тропинкѣ она и пошла. Она дошла до Фудо и сѣла на камень. Это былъ тотъ самый камень, на которомъ она сидѣла съ Такео. Тогда небо было высоко и чисто, и море лежало блестящее и гладкое, какъ зеркало. Теперь же небо было покрыто темными, фантастическими тучами, вода прилива поднялась до самаго подножія камня, и ни одинъ парусъ не рисовался бѣлой точкой на голубой поверхности воды.

Нами вынула письмо. Оно заключало всего нѣсколько строкъ, написанныхъ крупнымъ, смѣлымъ почеркомъ, но для Нами онѣ казались гораздо краснорѣчивѣе многихъ страницъ изощренныхъ изліяній. И каждый разъ, когда она перечитывала простодушное признаніе Такео: «Дня не проходитъ безъ того, чтобы я не думалъ о Нами-санъ», она чувствовала, что сердце ея словно разрывается.

«Зачѣмъ люди поступили со мной такъ жестоко,—думала она.— Я такъ люблю его и готова умереть отъ горя. И онъ тоже меня любитъ. Какъ могло случиться, что узы между нами порваны? Развѣ не кровь его сердца говоритъ въ этомъ письмѣ? И здѣсь, какъ разъ на этой скалѣ, мы поклялись весной въ вѣрности другъ другу. Море это знаетъ, и скалы могутъ быть нашими свидѣтелями. Но почему свѣтъ былъ такъ жестокъ и раздавилъ насъ своей желѣзной пятой? О, мой возлюбленный Такео, здѣсь, на скалѣ, весной, весной»...

Нами открыла глаза. Она сидѣла одна на скалѣ. Безгласное море лежало передъ нею, и только рокотъ водопада зловѣще слышался за ея спиною. Она закрыла лицо руками и заплакала. Слезы неудержимо лились между ея тонкихъ пальцевъ.

Въ вискахъ ея застучало, и сердце холодѣло по мѣрѣ того, какъ мысли, проворныя какъ ткацкій челнокъ, пролетали въ ея мозгу. Она

думала о томъ днѣ, когда впервые была здѣсь съ мужемъ, о первомъ времени заболѣванія, о дняхъ, проведенныхъ въ Икао, и о днѣ, когда невѣстой стояла во время брачной церемоніи. День, когда она вернулась съ теткой въ Токіо, смерть матери много, много лѣтъ назадъ, ея лицо, лицо отца, мачиха, братъ, сестра и многіе другіе промелькнули съ быстротой молніи передъ ея внутреннимъ зрѣніемъ. Потомъ она подумала объ одной изъ подругъ, о которой вчера разсказывала Шицу. Она была на два года старше Нами и, за годъ до Нами, вышла замужъ за молодого графа. Свекровь очень ее любила, но мужъ не питалъ къ ней ни малѣйшаго чувства. У нея были дѣти, но вслѣдствіе разсѣяннаго образа жизни мужа, она прошлой весной развелась и вскорѣ послѣ того умерла. Она умерла, покинутая своимъ мужемъ а Нами умирала отъ горя и тоски по своему. Не одинаковы судьбы людей, но всѣ полны горя и заботъ. Нами глубоко вздохнула и посмотрѣла на темнѣющее море.

Чѣмъ больше она думала, тѣмъ больше ей казалось, что для нея нѣтъ мѣста въ мірѣ. Рожденная въ уважаемой семьѣ,она потеряла мать, когда ей было всего восемь лѣтъ, провела десять тяжелыхъ лѣтъ подъ надзоромъ мачихи, и теперь едва озаренная счастьемъ любви, сдѣлалась жертвой ужасной болѣзни. А за ней послѣдовало то, что хуже смертнаго приговора, и если даже мужчина, котораго она любила, останется ей вѣренъ, она не можетъ назвать его своимъ мужемъ, а онъ ее своей женой. Если она была осуждена на такую несчастную жизнь, то зачѣмъ она родилась? Зачѣмъ она не умерла вмѣстѣ съ матерью? Зачѣмъ она вышла замужъ за Такео? Почему она не умерла въ его объятіяхъ, какъ только заболѣла? Почему она не умерла, когда узнала о своей судьбѣ? Развѣ стоитъ жить тому, кто боленъ неизлечимой болѣзнью, или тому, кто жаждетъ любви, которой никогда не получитъ? Если даже она и выздоровѣетъ, то все равно умретъ отъ горя, если не вернется къ мужу. О, смерть. Ей больше не на что было надѣяться, кромѣ смерти.

Нами смотрѣла на море, не вытирая катившихся по ея лицу слезъ.

Въ направленіи къ Ошимѣ вдругъ поднялась тяжелая туча, и необыкновенный звукъ послышался издали. Широкая гладь моря черезъ минуту была въ полномъ возмущеніи. Налетѣлъ порывъ вѣтра. Не успѣлъ онъ пронестись, какъ бѣлоснѣжная пѣнящаяся масса вдругъ поднялась изъ черной поверхности воды, взвилась какъ дикій конь и ринулась на скалу, на которой сидѣла Нами. Широкая равнина залива Сагами вдругъ превратилась въ кипящій котелъ, и вздымающіяся волны гнали другъ друга.

Не обращая вниманія на воду, бурлившую вокругъ нея, Нами сидѣла и смотрѣла на море. «Тамъ въ водѣ,—думала она,—тамъ смерть. Смерть, можетъ быть; легче жизни. Не лучше ли безплотной тѣнью быть всегда съ Такео, чѣмъ влачить жизнь безъ надеждъ? Онъ гдѣ-

*

нибудь въ Желтомъ морѣ. Хотя это далеко отсюда, но, можетъ быть эти волны дойдутъ туда. Я исчезну въ морѣ, какъ взлетѣвшія брызги пѣны, и душа моя полетитъ къ нему.

Нами встала. Она бережно спрятала письмо Такео въ складкѣ шарфа и распустила волосы, развѣвавшіеся на вѣтру.

Буря была въ полномъ разгарѣ, и она едва могла держаться на ногахъ. Вверху гнались облака, а передъ ней яростно кипѣло море. Вѣтеръ ревѣлъ надъ горой Сакурой, и лѣсъ взмахивалъ верхушками пиній, какъ лошадь гривой. Буря гремѣла, море ревѣло, горы стонали, и смятенный грохотъ наполнялъ небо и землю.

— Теперь пора, пора! О помоги мнѣ, мама. Отецъ, прости свою дочь! Моя короткая жизнь исчезаетъ, какъ сонъ.

Она сняла деревянныя туфли и плотно прижала къ себѣ платье. Затѣмъ подождала, пока кипящая вода взовьется къ скалѣ. Тогда она сдѣлала движеніе.

Въ эту минуту позади нея послышался крикъ, и она почувствовала, какъ ее схватила сильная рука.

Глава IV.

Исторія Ясо.

— Ику, приготовь чай. Она сейчасъ придетъ,—сказала Нами старой служанкѣ, убиравшей комнату.

— Она такая милая,—сказала Ику.—Я прямо удивляюсь, что она «ясо» *).

— Да, кажется, это такъ.

— Никогда я не думала, что такая благородная дама можетъ быть ясо.—А потомъ у нея стриженые волосы.

— Ну, такъ что же?—спросила Нами.

— Да извѣстно, что ясо не стригутъ волосъ, когда умираетъ ихъ мужья. Вмѣсто того, онѣ одѣваются еще лучше и сейчасъ же думаютъ, какъ бы достать другого.

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Это всѣ знаютъ,—сказала Ику.—И я могу сказать, что эта религія совращаетъ молодыхъ дѣвушекъ съ пути. Я знаю одну дѣвушку, которая жила бокъ-о-бокъ съ моей родственницей. Она была очень милая дѣвушка, но вдругъ попала въ миссіонерскую школу. И тутъ ее точно подмѣнили. По воскресеньямъ, когда матери всего нужнѣе была ея помощь, она преспокойно отправлялась въ церковь. А потомъ приходила и говорила, что ей не нравится дома, потому

*) *Ясо*—отъ слова Iesus. На обыденномъ японскомъ нарѣчіи означаетъ христіанинъ или христіанство вообще. Употребляется, какъ выраженіе пренебреженія.

что тамъ не такъ чисто, какъ въ школѣ, и объявляла своей матери, что та непокладистый человѣкъ. И хотя она ходила въ школу, но не могла даже написать квитанціи или сшить порядочный рубецъ. Родители ужасно безпокоились о томъ, что изъ нея выйдетъ. Она была настолько высокомѣрна, что объявила, что выйдетъ замужъ не иначе, какъ за человѣка, имѣющаго двѣсти пятьдесятъ іенъ въ мѣсяцъ. Развѣ отъ этого нельзя заболѣть? И она, въ самомъ дѣлѣ, была прежде такая славная, что всѣ дивились, какъ она могла стать такой. Но это происходитъ навѣрно отъ волшебства, которое, говорятъ, заключается въ этой религіи.

Нами засмѣялась.

— Да, это не хорошо. Но, вѣдь, каждая вещь имѣетъ двѣ стороны, и нельзя судить, увидавъ только одну. Ты не согласна?

Ику недовѣрчиво покачала головой. Затѣмъ серьезно посмотрѣла на Нами.

— По моему, лучше вамъ держаться подальше отъ этой ясо.

Нами улыбнулась.

— Ты хочешь сказать, что тебѣ не нравится, что я разговариваю съ нею?

— Ну, да, еслибъ всѣ ясо были такими, какъ она, то это бы еще ничего, но...

Ику остановилась, потому что тѣнь человѣческой фигуры упала вдругъ на бумажный экранъ.

— Простите, что я прошла сквозь садовую калитку,—проговорилъ мягкій голосъ.

Ику поспѣшно встала, открыла дверь, и вошла довольно маленькаго роста дама, лѣтъ около пятидесяти. Она казалась старше своихъ лѣтъ, сѣдые волосы были коротко острижены, и она была одѣта въ черное. Она производила сначала грустное впечатлѣніе своей худобой и истощенностью, но глаза ея были ласковы, а губы улыбались.

Это была та особа, о которой говорила Ику. Она же, кромѣ того, спасла Нами, недѣлю тому назадъ чуть было не бросившуюся въ море.

Она никогда не дѣлала ни малѣйшей попытки привлечь къ себѣ вниманіе людей, но знавшіе ее могли засвидѣтельствовать о ея необыкновенной личности. Звали ее Кійо Огава, и она жила въ Мегуро, воспитательницей въ сиротскомъ пріютѣ. Величайшей радостью ея было смотрѣть за бѣдными покинутыми малютками. Съ конца прошлаго мѣсяца она жила въ Цуши, чтобы оправиться отъ перенесеннаго воспаленія легкаго. Ей совершенно случайно удалось спасти Нами, которую она тотчасъ же передала на попеченіе Ику.

Ику внесла чай и хотѣла уже уходить, какъ вдругъ воскликнула удивленнымъ тономъ:

— Развѣ вы уѣзжаете завтра? Какъ жаль. Мы вѣдь только что познакомились.

Старая дама взглянула на Нами своими кроткими глазами.

— Я хотѣла бы остаться еще немного и посидѣть и поболтать съ вами, потому что мнѣ не хочется уѣзжать, пока вы не поправитесь.— И доставъ небольшую книжку, она прибавила:—это библія. Вы, навѣрно, не читали ее, я думаю?

Нами не читала библіи. Мачиха ея была обращена въ христіанство, во время пребыванія своего въ Англіи, но по возвращеніи перемѣнила религію, а библію оставила въ Лондонѣ вмѣстѣ съ газетами и старыми башмаками.

— Нѣтъ, не читала,—отвѣтила Нами.

Ику не могла отойти и широко раскрытыми глазами смотрѣла на книгу. Она полагала, вѣроятно, что это книга волшебства.

— Если вы почитаете ее, когда почувствуете себя здоровѣе,—продолжала старая дама,—то я увѣрена, что она принесетъ вамъ пользу. Еслибъ у меня было время пробыть здѣсь еще немного, я поговорила бы съ вами о многомъ, что въ ней написано. Но такъ какъ сегодня я въ послѣдній разъ съ вами, то разскажу вамъ, какъ я сама стала читать ее. Вы не устали? Пожалуйста, лягте, если вамъ захочется.

— Благодарю васъ, я не устала,—сказала Нами.—Но разскажите же, пожалуйста.

Ику налила еще чаю и вышла. Старая дама съ минуту смотрѣла внизъ, потомъ положила руки на колѣни и взглянула на Нами.

— Жизнь коротка, но если подумать о томъ, сколько испытаній она иногда посылаетъ, то она покажется слишкомъ длинной. Отецъ мой былъ помѣщикомъ при послѣднемъ шогунѣ и былъ очень состоятеленъ. Вы, можетъ быть, помните маленькое мѣстечко, поросшее вязами, сейчасъ же за мостомъ Суй-до въ Копшикавѣ? Оно, конечно, давнымъ давно перешло въ другія руки, но я родилась въ одномъ домѣ тамъ. Мать моя умерла, когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ. Отецъ горько оплакивалъ ее и не захотѣлъ жениться вторично. Такимъ образомъ, мнѣ, несмотря на мою молодость, пришлось смотрѣть за хозяйствомъ. Братъ мой женился, а черезъ нѣсколько времени меня тоже выдали замужъ за нѣкоего Огаву, тоже генерала, но нѣсколько выше по рангу. Это случилось, когда мнѣ было двадцать одинъ годъ, и лѣтъ десять, вѣроятно, до того, какъ вы родились. Я была воспитана согласно морали, существовавшей для насъ, молодыхъ дѣвушекъ, и думала, что не уступлю никому въ способности къ самопожертвованію. Но когда дѣло коснулось дѣйствительныхъ отношеній, то они показались мнѣ положительно невыносимыми. Это было какъ разъ передъ революціей. Мужъ мой очень рѣдко могъ бывать дома, и такъ какъ у меня были свекоръ и свекровь и двѣ золовки, то мнѣ приходилось прислуживать пятерымъ старшимъ въ семьѣ. Не могу сказать, до чего я бывала измучена. Свекоръ былъ хорошій человѣкъ, но на свекровь было невѣроятно трудно угодить. Я узнала, что у мужа моего была

до меня жена, но они запугали ее, какъ только она появилась. Я не хочу сказать ничего дурного про покойницу, но свекровь моя, дѣйствительно, была злобная и жестокая женщина, и, несмотря на всѣ мои попытки подчиниться, я часто втихомолку плакала. И самое худшее было то, что они замѣтили это, и меня постоянно за это бранили. Но вскорѣ разразилась революція, и весь Іедо пришелъ въ возмущеніе. Мой мужъ, отецъ и братъ, всѣ пошли добровольцами въ число не-революціонеровъ въ Уэно. Свекоръ былъ опасно боленъ, а я съ минуты на минуту ожидала ребенка. Я прямо не знала, что дѣлать среди всѣхъ этихъ волненій. Въ концѣ концовъ Уэно взяли штурмомъ, мужъ мой спасся бѣгствомъ на сѣверъ, въ Хакодате, отецъ исчезъ, брата убили въ Уэно, и семью его тоже. Тѣмъ временемъ умеръ свекоръ, и родилось мое дитя. Все пришло сразу, и я почти помѣшалась отъ горя и заботъ. Тутъ прекратилось и наше содержаніе отъ шогуна, и имущество наше конфисковали. Свекровь, ребенокъ, я и старый слуга поѣхали въ Шицуоку, старинный городъ въ Токугавасѣ, за Хаконскими горами. Я чувствовала себя такъ, точно жила въ какомъ-то зломъ снѣ.

Въ эту минуту вошла сидѣлка, поклонилась и дала Нами лекарство, послѣ чего снова вышла. Старая дама на минуту закрыла глаза. Наконецъ, она взглянула на Нами и продолжала:

— Нужда, господствовавшая среди вассаловъ, во времена Токугава, въ Шицуокѣ, положительно не поддается описанію. Власть и доходы шогуна были до такой степени уменьшены, что даже графъ Катцу былъ принужденъ жить въ величайшей бѣдности. Три порціи въ день, приходившіяся на нашу долю, вмѣсто тысячи коробовъ рису въ годъ, которые мы имѣли раньше, считалось слишкомъ много. Мнѣ стыдно сказать, что у насъ едва хватало средствъ на то, чтобы купить половину бобоваго хлѣба заразъ. Свекровь моя привыкла къ избытку, и я сокрушалась за нее. Я дѣлала, что могла, чтобъ поддержать семью, шила, давала уроки маленькимъ дѣвочкамъ и шила платья. Я не боялась работы, потому что капризы свекрови и то, что мой мужъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, а отецъ все еще пропадалъ, приводило меня въ отчаяніе, и я бы пошла на смерть ради моего малютки. Я такъ была истощена всѣми этими невзгодами, что за одинъ годъ постарѣла на десять лѣтъ.

Но черезъ нѣкоторое время мужа моего выпустили, и онъ поступилъ въ армію. Тогда мы переѣхали обратно за Хаконскія горы въ Токіо. Названіе города, какъ вы знаете измѣнили уже въ то время. Это было весной 1871 года. На слѣдующій годъ мужа моего послали за границу. Намъ было бы довольно хорошо, еслибъ свекровь моя не была такъ зла. И кромѣ того, была еще одна вещь, которая все время меня безпокоила. Я все еще не знала, куда дѣвался мой отецъ.

Осенью мужъ мой уѣхалъ въ Европу. Въ одинъ дождливый день я была въ гостяхъ у знакомыхъ, жившихъ въ Койшикавѣ и уѣхала

домой въ курумѣ, которую они мнѣ позвали. Было уже темно и дулъ страшный вѣтеръ. Я сидѣла терпѣливо и неподвижно въ курумѣ, которую возница тащилъ медленнымъ шагомъ. Я видѣла его, въ круглой, сдвинутой назадъ шляпѣ и клеенчатомъ плащѣ, съ котораго капалъ дождь. Свѣтъ фонаря, который онъ держалъ въ рукѣ, мелькалъ по глинистой дорогѣ, и я слышала, какъ онъ стоналъ въ то время, какъ ноги его шлепали по глинѣ. Когда мы подъѣхали къ мосту Суп-до, фонарь погасъ. Возница остановился и попросилъ дозволенія достать коробку спичекъ, лежавшую подъ подушкой. Я не могла хорошенько разслушать за вѣтромъ, но голосъ показался мнѣ знакомымъ, а когда онъ зажегъ фонарь, я увидѣла, что это мой отецъ.

Старая дама непроизвольно закрыла лицо руками. Нами заплакала, и въ сосѣдней комнатѣ тоже послышались чьи-то всхлипыванья.

Но вотъ она вытерла слезы и продолжала:

— Я взяла его сейчасъ же въ харчевню, находившуюся поблизости, и тамъ онъ разсказалъ мнѣ о своихъ мытарствахъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что послѣ паденія Уэно, онъ бродилъ по странѣ и зарабатывалъ себѣ пропитаніе всѣми возможными способами. Иногда онъ болѣлъ и все время былъ совершенно нищимъ. Теперь онъ жилъ у бѣднаго садовника, раньше бывшаго нашимъ служащимъ, и зарабатывалъ свое дневное пропитаніе, возя куруму. Я испытывала изумленіе, радость, горе и безпокойство, одно чувство за другимъ, и не могла ничего выговорить. Но въ этотъ вечеръ мы разстались, потому что отецъ не хотѣлъ, чтобъ я опоздала домой.

Когда я вернулась домой, было уже довольно поздно. Свекровь сердилась, что ей пришлось ждать меня, и едва я вошла въ дверь, какъ она накинулась на меня. Она даже обвинила меня въ дурномъ дѣлѣ. Но я все-таки совладала съ собой и разсказала ей объ отцѣ. Но вмѣсто того чтобы выразить участіе, она продолжала браниться. Я почувствовала себя до такой степени оскорбленной, что рѣшила покинуть ея домъ и тотчасъ же уйти къ отцу. Какъ только она легла спать, я переодѣлась и сѣла у постели моего мальчика, чтобы написать ей письмо. Ему было тогда шесть лѣтъ. Вдругъ онъ вскрикнулъ, протянулъ ко мнѣ правую руку и сказалъ во снѣ: «Мама, не уходи». Должно быть, ему снилось то, что было днемъ, и что я оставляю его дома, а сама иду въ Кайшикаву. Я была поражена и нѣкоторое время сидѣла и смотрѣла на ребенка, и мнѣ казалось, что маленькое личико въ одну минуту измѣнилось въ совершенный портретъ моего мужа. Я отложила кисточку, которой писала и заплакала. Какъ это случилось, я не знаю, но мнѣ вдругъ пришла въ голову старая исторія, разсказанная мнѣ матерью, о молодой женѣ и ея свекрови, и она какъ разъ подходила ко мнѣ самой. Я подумала, что все, можетъ быть, измѣнится къ лучшему, если я только буду терпѣлива, и рѣшила остаться. Я васъ не утомляю?

Нами, слушавшая съ глубокимъ интересомъ, могла отвѣтить только взглядомъ, полнымъ слезъ. Старая дама стала разсказывать дальше:

— Въ моемъ тогдашнемъ положеніи я не могла помогать своему отцу такъ, какъ хотѣла бы. Но я тайкомъ продала тѣ изъ моихъ вещей, безъ которыхъ могла обойтись, и послала ему немножко денегъ. Но этого хватило, конечно, не надолго. По счастью, я познакомилась съ женой одного иностраннаго министра, желавшей учиться японской музыкѣ и стала давать ей уроки, такъ что могла доставлять отцу то, въ чемъ онъ нуждался. Женщина эта относилась ко мнѣ очень хорошо, и мы скоро подружились. Она любила сидѣть и болтать со мной на своемъ ломаномъ японскомъ языкѣ и однажды дала мнѣ книгу, которую попросила прочесть. Это было евангеліе отъ Матѳея — оно находится въ началѣ этой библіи, только что переведенной на нашъ языкъ. Я попробовала почитать его, но такъ какъ оно было полно множествомъ мудреныхъ разсказовъ, то я отложила книгу и перестала о ней думать.

На слѣдующій годъ, ранней весной, свекровь моя охромѣла, и это совершенно измѣнило ея характеръ. Насколько раньше она была жестокосерда, настолько теперь сдѣлалась кротка и такъ жаждала моего общества, что звала меня, какъ только я на короткое время оставляла ее. И сидя около нея и видя, какъ безпомощно она лежитъ и спитъ, я жалѣла, что нѣкогда могла питать къ ней враждебныя чувства, и дѣлала все, что было въ моей власти, чтобъ она выздоровѣла. Но ничто не помогало.

Вскорѣ послѣ того, какъ умерла свекровь, вернулся домой мой мужъ. Отецъ мой скоро долженъ былъ переѣхать къ намъ, но вдругъ заболѣлъ и черезъ нѣсколько дней тоже умеръ. Онъ сказалъ передъ смертью, что не было человѣка счастливѣе его, что ему было дано найти свою потерянную дочь и испытать столько любви. Но я печалилась о томъ, что не могла сдѣлать для него десятой доли того, что хотѣла.

Все пошло у насъ хорошо. Мужъ мой повышался въ чинахъ, а нашъ сынъ выросталъ здоровымъ и славнымъ мальчикомъ. Но я все же была не вполнѣ спокойна. Мой мужъ слишкомъ любилъ пить, что часто бываетъ съ офицерами. А въ то время нравы были свободны болѣе дозволеннаго. Хотя мужъ мой былъ лучше большинства, такъ какъ имѣлъ возможность научиться западнымъ нравамъ и обычаямъ, но во многихъ случаяхъ не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Я чувствовала себя униженной его образомъ жизни и часто старалась образумить его, но онъ только смѣялся надо мной.

Такъ мы дожили до 1876 года, когда разразилась междоусобная война, и мужа моего, служившаго маіоромъ въ императорской арміи, отправили на югъ. Во время его отсутствія мальчикъ мой схватилъ скарлатину, и мнѣ пришлось ухаживать за нимъ днемъ и ночью. Былъ

вечеръ восемнадцатаго апрѣля. Сыну было немного лучше, и онъ спалъ спокойно, такъ что я отпустила служанокъ и сидѣла у его постели съ какимъ-то рукодѣльемъ. Мнѣ захотѣлось спать, и я только что задремала, какъ вдругъ услышала, что кто-то вошелъ и сѣлъ у кровати. Я удивилась, кто это могъ быть, и взглянула. Это былъ мой мужъ, въ военной формѣ. Онъ былъ весь въ крови и мертвенно блѣденъ. Я закричала и, разбуженная собственнымъ голосомъ, оглянулась вокругъ. Никого не было видно. Бумажный фонарь слабо свѣтилъ, мальчикъ мой продолжалъ спать. Сердце у меня стучало, и холодный потъ выступилъ на лбу.

На слѣдующій день сыну моему стало гораздо хуже, и къ вечеру онъ умеръ. Я была внѣ себя отъ отчаянія, держала его на колѣняхъ и плакала. И вдругъ получается телеграмма изъ арміи. Мужъ мой погибъ.

Говорившая смолкла. Нами затаила духъ, и глубокая тишина царила въ комнатѣ. Немного погодя, старая дама продолжала свой разсказъ:

— Мнѣ казалось, что все вокругъ меня такъ мрачно, какъ будто солнце и луна исчезли. Если это награда за все мое терпѣніе, думала я, то я одинаково могла умереть, какъ и выздоровѣть. Я какъ разъ заболѣла отъ всего случившагося. Но, къ счастью или къ несчастью, я медленно выздоравливала.

Міръ былъ совершенно пустъ для меня, и я прозябала, а не жила. Черезъ нѣкоторое время меня уговорили продать мой домъ, переѣхать на родину и поселиться у однихъ знакомыхъ. Укладывая свои вещи, я случайно напала на книгу, лежавшую въ шкафу подъ платьями моего сына. Это была библія, подаренная мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ женой министра. Я раскрыла ее и заглянула, даже не собираясь читать, какъ вдругъ мнѣ попалось нѣсколько строкъ, которыя произвели на меня сильное впечатлѣніе. Я положила на это мѣсто замѣтку, и маленькое изреченіе сдѣлало то, что я изрѣдка стала заглядывать въ книгу. Вначалѣ я понимала немного, но скоро мнѣ начало казаться, что то тутъ, то тамъ я вижу искру. Моя иностранная пріятельница давно уже уѣхала, но мнѣ хотѣлось, чтобы кто-нибудь помогъ мнѣ понять эту книгу.

Вскорѣ послѣ того мнѣ предложили мѣсто начальницы въ женской школѣ. Это оказалось случайно христіанской школой, и я скоро подружилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ и его женой, преподававшими тамъ. Они были оба хорошіе христіане и все объяснили мнѣ. Вотъ уже шестнадцать лѣтъ, какъ я заинтересовалась новымъ ученіемъ, и едва ли прошелъ день, что бы я не читала этой книги. Это источникъ всей моей жизни. Міръ, который я считала кончающимся вмѣстѣ со смертью, расширился для меня въ безсмертіи, и я снова обрѣла своего земного отца въ небесномъ. Я снова соединюсь съ

моимъ сыномъ благодаря дѣлу любви Спасителя, и всѣ мои страданія превратились въ радость черезъ посредство вѣры.

— Да, такъ вотъ, какъ я стала читать эту книгу,—сказала она и съ минуту смотрѣла на Нами—Я мало знаю о васъ,—прибавила она,— и, встрѣчая васъ изрѣдка на берегу, желала, чтобъ случай представился познакомиться съ вами. А теперь, познакомившись, мнѣ жаль, что приходится уѣзжать такъ скоро. Но я никогда не буду думать о васъ, какъ о простой знакомой. Мнѣ кажется, что между нами есть нѣчто болѣе глубокое. Я хотѣла бы, чтобы вы хорошенько лечились и никогда не думали, что жить не стоитъ. И по возможности читайте эту книгу. Я уѣзжаю теперь въ Токіо, но буду думать о васъ днемъ и ночью.

Старая дама на слѣдующій день уѣхала въ Токіо. Книга, подаренная ею Нами, всегда лежала у ея изголовья.

Нами чувствовала себя легче при мысли о томъ, что на свѣтѣ есть человѣкъ, который, не будучи ея матерью или теткой, самъ испытавъ горечь жизни, былъ радъ оказать ей дружбу и состраданье. Она часто думала объ исторіи старой дамы и рѣшила изучить книгу, которую та до такой степени любила.

Глава VI.

Портъ-Артуръ.

Двадцать второго ноября второй корпусъ арміи занялъ Портъ-Артуръ.

— Мама! Мама!

Шицу, съ газетой въ рукѣ, взволнованнымъ голосомъ звала мать.

— Что тебѣ? Не слѣдуетъ кричать такимъ образомъ.

Шицу немного покраснѣла при замѣчаніи матери. Потомъ она улыбнулась, но сейчасъ же снова стала серьезной.

— Мама, онъ умеръ—Хиджива.

— Хиджива?—воскликнула графиня Като.—Хиджива умеръ? Онъ убитъ?

— Да. Его имя стоитъ въ числѣ убитыхъ. Такъ ему и надо.

— Не нужно такъ говорить. Хиджива погибъ на полѣ сраженія. Но какъ у него хватило на это храбрости?

— А все-таки хорошо, что онъ умеръ,—замѣтила Шицу.

Графиня Като сидѣла молча.

— Развѣ это не печально не имѣть ни одного человѣка, который горевалъ бы о твоей смерти, Шицу-санъ?

— О, вдова Кавашима навѣрно плачетъ,—отвѣтила насмѣшливо Шицу.—Кстати, кажется, О-Тойо-санъ, наконецъ, уѣхала отъ нея.

— Увѣрена ли ты въ этомъ?—съ удивленіемъ спросила мать.

— Да. Вчера у нея вышелъ страшный скандалъ со старухой. Она

не вытерпѣла, начала плакать и, говорятъ, уѣхала домой. По моему, это очень забавно.

— Я думаю, тамъ не можетъ оставаться ни одинъ человѣкъ.

Графиня вздохнула, а Шицу сидѣла молча.

Хиджива умеръ. Черезъ двадцать дней послѣ вышеприведеннаго разговора, вдова Кавашима получила кусокъ человѣческой кости и письмо. Кусокъ кости принадлежалъ Хидживѣ, а письмо было отъ Такео.

«Черезъ два дня послѣ штурма Портъ-Артура,—писалъ онъ,—всѣ суда и доки должны были перейти въ руки арміи, и для этого я высадился на берегъ вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами съ моего корабля. Кровавые слѣды дикаго боя не поддаются никакому описанію. Случайно мнѣ пришлось проходить мимо временнаго полевого лазарета, и я увидѣлъ, какъ нѣсколько мужчинъ несли на носилкахъ покойника. Онъ былъ покрытъ синимъ одѣяломъ, и бѣлый кусокъ матеріи закрывалъ его лицо. Я могъ различить подбородокъ и ротъ, и они показались мнѣ знакомыми, такъ что я спросилъ имя покойника. И можешь представить себѣ мое изумленіе, когда мнѣ сказали, что это Хиджива.

«Я снялъ съ него покрывало. Лицо его было бѣло, и зубы стиснуты. Онъ былъ тяжело раненъ пулями при нападеніи на укрѣпленіе Итцушанъ, и находился въ полномъ сознаніи до самаго утра, когда умеръ. Я поразспросилъ о немъ его товарищей. Они сказали, что онъ былъ не особенно любимъ своей командой, но храбро дрался въ бою, и что онъ и его солдаты первые ворвались въ сѣверныя ворота при атакѣ на Чин-шоу. Но онъ часто велъ себя не такъ, какъ подобаетъ солдату, и имѣлъ при себѣ большую сумму денегъ. Однажды въ Питцу-во онъ очень жестоко поступилъ съ нѣсколькими жителями и началъ ихъ грабить, вопреки данному приказу, за что былъ подвергнутъ наказанію. Во всякомъ случаѣ, его смерть на полѣ сраженія, повидимому, подняла его репутацію.

«Какъ ты знаешь, онъ причинилъ мнѣ много непріятностей, и я отказался отъ всякаго знакомства съ нимъ, но на могилѣ его я не могу сказать ничего дурного. А когда я подумаю о томъ времени, когда мы были почти братьями, я испытываю къ нему глубокое состраданіе. Поэтому я выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе сжечь его тѣло и посылаю тебѣ единовременно съ этимъ кусокъ его кости. И я надѣюсь, что ты, какъ и подобаетъ, велишь похоронить ее въ землѣ».

Но это было не все, что случилось съ Такео въ Портъ-Артурѣ. Было еще одно, о чемъ онъ умышленно не упомянулъ въ своемъ письмѣ.

Въ тотъ же день, въ который Такео нашелъ тѣло Хидживы, онъ довольно поздно пошелъ въ гавань. Солнце уже сѣло.

Онъ прошелъ мимо часовыхъ съ блестящими штыками, мимо гене-

раловъ верхомъ на лошадяхъ, унтеръ-офицеровъ, принимавшихъ приказанія отъ своихъ начальниковъ, зазѣвавшихся китайцевъ и солдатъ, спѣшившихъ по всѣмъ направленіямъ. И, наконецъ, подошелъ къ одному мѣсту, гдѣ нѣсколько кули развели большой костеръ.

— Холодно,—сказалъ одинъ изъ нихъ.—Будь мы дома, мы получили бы, по крайней мѣрѣ, по стаканчику и немножко горячаго штуфата изъ рыбы. Славный плащъ у тебя, Киши.

Киши былъ одѣтъ въ красивый стеганый плащъ изъ алаго атласа, который онъ, вѣроятно, откуда-нибудь стащилъ.

— Да посмотри-ка лучше на Гена,—отвѣтилъ Киши.—У него шуба, которая стоитъ добрыхъ четыреста іенъ.

— Гену хорошо, сказалъ первый.—Никому такъ не везетъ, какъ ему. Никогда онъ не проигрываетъ въ игрѣ, ни одна пуля не попадаетъ въ него, а награды онъ получаетъ за то, что ничего не дѣлаетъ. А посмотрите-ка на меня! На мнѣ только и есть, что эта тонкая дрянь. Пусть я буду проклятъ, если не лишился всего въ Таліенванѣ. Я принужденъ добыть себѣ что-нибудь.

— Будь осторожнѣе только,—замѣтилъ другой.—Я залѣзъ нынче въ одинъ домъ, но вдругъ изъ-за сундука выскочилъ солдатъ съ косой на затылкѣ и съ обнаженной саблей. Онъ думалъ, что я хочу убить его, но я вмѣсто того такъ испугался, что чуть не умеръ. По счастью тутъ пришли наши солдаты и расправились съ нимъ. А то онъ отправилъ бы меня прямо въ адъ.

— Этакіе скоты, остаются здѣсь и даютъ убивать себя!

Прошло всего нѣсколько дней со взятія Портъ-Артура, и не мало китайскихъ солдатъ, попрятавшихся по домамъ, были изрублены за то, что оказывали сопротивленіе.

Прислушиваясь къ разговорамъ солдатъ, Такео спустился къ гавани. Огни становились все дальше, люди встрѣчались только изрѣдка. По одной сторонѣ дороги длинная крѣпостная стѣна бросала густую тѣнь, а на другой—фонарь тусклымъ и мерцающимъ свѣтомъ освѣщалъ тощую собаку, шедшую, уткнувшись мордой въ землю.

Войдя въ тѣнь, Такео замѣтилъ двѣ человѣческихъ фигуры шагахъ въ пятидесяти впереди себя. Ему показалось, что это два офицера. Одинъ былъ широкоплечій, другой тонкаго сложенія. Они бесѣдовали, расхаживая взадъ и впередъ.

Вдругъ Такео замѣтилъ, что за ними кто-то крадется, и сердце его какъ-то странно забилось. Онъ не могъ ясно разсмотрѣть, но вдругъ человѣкъ сдѣлалъ шагъ, поколебался, потомъ сдѣлалъ еще шагъ и остановился, какъ бы ожидая удобнаго случая. Теперь онъ случайно очутился въ полосѣ свѣта между двумя зданіями, и Такео увидѣлъ, что это китаецъ. Въ то же время онъ замѣтилъ что-то блеснувшее въ его рукѣ. Такео взволнованный поспѣшилъ за нимъ.

Два лица дошли до конца улицы, когда черная фигура въ тѣни

смѣло выступила изъ мрака и бросилась на нихъ. Такео побѣжалъ тоже. Но когда китаецъ очутился въ пятнадцати шагахъ отъ обоихъ онъ поднялъ руку и выстрѣлилъ. Стройный офицеръ упалъ. Онъ прицѣлился уже во второго, который вдругъ повернулся, но въ эту секунду подбѣжалъ Такео и нанесъ ему сильный ударъ по правой рукѣ. Пистолетъ упалъ на землю. Китаецъ въ бѣшенствѣ обернулся, и они начали бороться. Широкоплечій офицеръ пришелъ на помощь Такео, и отрядъ японскихъ солдатъ прибѣжалъ на выстрѣлъ. Черезъ минуту убійца былъ связанъ. Запыхавшись отъ борьбы, Такео стоялъ и смотрѣлъ на подходившаго къ нему офицера.

Свѣтъ фонаря падалъ какъ разъ на лицо генералъ-лейтенанта Катаока.

— Вы?—воскликнулъ Такео.

— Ты?—сказалъ, въ свою очередь, удивленный генералъ.

Совершенно неожиданно Такео удалось спасти жизнь отцу Нами.

Когда извѣстіе о случившемся дошло до Нами, Ику была совершенно внѣ себя отъ радости.

— Видите, въ какомъ мы долгу передъ нимъ. Постарайтесь непремѣнно выздоровѣть.

Нами грустно улыбнулась.

Глава VII.

Опять дома.

Годъ начался и кончился войной. Въ первые два мѣсяца взяли Вей-хай-вей и была уничтожена пей-янгская эскадра. Въ мартѣ Пескадорскіе острова перешли въ руки японцевъ, а на сѣверѣ императорская армія вычистила все до того, что ни тѣни непріятеля нельзя было найти къ востоку отъ рѣки Ляо. Делегаты мира прибыли въ Японію, и въ серединѣ апрѣля ожидалось подписаніе мирнаго договора. Говорили о посредничествѣ трехъ иностранныхъ державъ, и полуостровъ Ляо-тунгъ въ концѣ концовъ былъ возвращенъ. Въ концѣ мая вернулся его императорское величество, главнокомандующій арміей и флотомъ съ тріумфомъ въ столицу, и миръ былъ заключенъ со всею серьезностью орла, расправляющаго крылья для полета.

Послѣ того, какъ Такео сжегъ тѣло Хидживы въ Портъ-Артурѣ и спасъ жизнь генералу Катаока, онъ принималъ участіе въ бомбардировкѣ Вей-хай-вея, а также въ занятіи Пескадорскихъ острововъ. Но въ началѣ іюня его судно тоже пришло въ Іокосуру, послѣ чего онъ поѣхалъ домой.

Прошло больше года послѣ того какъ онъ въ гнѣвѣ покинулъ свою мать. Столько удивительныхъ событій произошло за это время, что настроеніе его стало нѣсколько мягче, и въ дождливые дни, лежа

въ госпиталѣ въ Сасехо или въ прохладныя ночи у Вей-хай-вея, одинокое сердце его тосковало по старомъ домѣ въ Токіо.

Такео не замѣтилъ дома никакой перемѣны, кромѣ той, что въ дверяхъ его встрѣтила новая служанка. Мать его была такъ же толста, какъ и прежде, и лежала въ постели отъ ревматизма. Тазаки приходилъ каждый день и велъ хозяйство, какъ и обычно. Все, что Такео видѣлъ и слышалъ, казалось неизмѣнившимся. Но онъ не могъ найти ничего, что могло бы воскресить его. Хотя онъ увидѣлся послѣ долгаго отсутствія съ матерью и взялъ ванну въ своемъ старомъ, уютномъ домѣ, хотя онъ сидѣлъ на удобной подушкѣ, ѣлъ свои любимыя блюда, отдыхалъ на мягкомъ изголовьѣ и ложился въ удобную постель, онъ не могъ все же спать. Часы били часъ—два. Но глаза его были открыты, и на сердцѣ было тяжело.

Годъ времени заполнилъ пропасть между матерью и сыномъ, такъ, по крайней мѣрѣ, казалось. Мать, конечно, обрадовалась его возвращенію домой, и ему тоже было пріятно видѣть ее. Но оба съ перваго же взгляда поняли, что между ними ничего нѣтъ общаго. Такео ничего не спрашивалъ о Нами, а мать ни слова не говорила о невѣсткѣ—не отъ недостатка интереса съ его стороны и не отъ недостатка свѣдѣній съ ея, а потому, что оба они чувствовали, что этого пункта опасно касаться. И замѣтивъ взаимныя старанія избѣгать этого предмета, они оба чувствовали себя стѣсненными, какъ только возникалъ перерывъ въ разговорѣ.

Такео не нуждался въ напоминаніяхъ для того, чтобы не забывать Нами. Теперь, когда онъ вернулся въ свой старый домъ, ему казалось будто все вызываетъ въ его душѣ, какъ живой, ея образъ, и сердце его рвалось къ ней. Гдѣ она? Знаетъ ли она, что онъ вернулся домой? Любовь не вѣдаетъ разстояній, но теперь, когда союзъ былъ порванъ, Такео легче было попасть къ звѣздамъ, чѣмъ въ домъ семьи Катаока, хотя до него было всего двѣ мили. Онъ не могъ даже посѣтить тетку Нами, чтобы узнать объ ней что-нибудь. Онъ не предчувствовалъ, когда въ маѣ останавливался въ Цуши, чтобы проститься съ ней, что это будетъ ихъ разлукой на всю жизнь. Ея «возвращайся скорѣе!», которое она крикнула у рѣшетки, еще звучало въ его ушахъ, но кому онъ могъ сказать: «Я вернулся»?

Погруженный въ такія мысли, Такео однажды, по дорогѣ въ Іокосуру, вышелъ въ Цуши и направился къ виллѣ. Онъ нашелъ главный входъ запертымъ. Думая, что обитатели ея уѣхали въ Токіо, онъ обошелъ кругомъ къ заднему фасаду виллы, гдѣ старый слуга пололъ сорную траву въ саду.

Старикъ оглянулся при звукѣ шаговъ и, узнавъ посѣтителя, въ изумленіи снялъ шляпу и вѣжливо поклонился.

— Здравствуйте, господинъ Кавашима. Когда вы вернулись?

— Нѣсколько дней назадъ,—отвѣтилъ Такео.—А ты здоровъ, Могеи?

— Да, благодарствуйте,—отвѣтилъ старикъ.

— Ты одинъ на виллѣ?

— Да, молодая баронесса... барышня... моя больная госпожа жила здѣсь съ Ику до конца прошлаго мѣсяца. А съ того времени я здѣсь одинъ.

— Въ прошломъ мѣсяцѣ? Значитъ, она теперь въ Токіо,—пробормоталъ про себя Такео.

— Она поѣхала сначала въ Токіо,—продолжалъ старикъ,—передъ тѣмъ, какъ ея отецъ вернулся изъ Китая. Да, а потомъ она поѣхала вмѣстѣ съ нимъ въ Кіото, и я думаю, что она тамъ и осталась.

— Въ Кіото? Тогда ей, должно быть, лучше,—пробормоталъ Такео.—Когда она уѣхала?

— Съ недѣлю тому назадъ.

Старикъ вдругъ точно вспомнилъ, каковы были отношенія, и замолкъ, какъ бы испугавшись, что сказалъ слишкомъ много. Такео понялъ, что подумалъ старый слуга, и покраснѣлъ.

Съ минуту они постояли другъ противъ друга, не говоря ни слова. Старику, наконецъ, стало жалко Такео, и онъ сказалъ, справившись съ собой:

— Я отопру двери. Можетъ быть, вы войдете и выпьете чашку чая?

— Нѣтъ, не безпокойся,—отвѣтилъ Такео.—Я только на минутку заглянулъ по дорогѣ въ Іокосуру.

Такео обернулся посмотрѣть на хорошо знакомый садъ. Такъ какъ тутъ былъ садовникъ, то онъ не имѣлъ запущеннаго вида, но двери были заперты, и вода въ бассейнѣ высохла. Листва была густая, и мѣстами падали желтыя сливы и разбивались о землю. На газонѣ стояли розовые кусты съ полузавядшими розами, наполнявшими воздухъ слабымъ благоуханіемъ. Не видно было ни слѣда человѣка, и трескучій звукъ саранчи на пиніи одинъ нарушалъ тишину.

Такео скоро простился со старикомъ и задумчиво пошелъ обратно.

Черезъ нѣсколько дней онъ снова получилъ приказаніе отправиться на югъ. Онъ провелъ дома четырнадцать дней, но не съ радостнымъ чувствомъ одержанной побѣды. Домъ его казался ему прекраснѣйшимъ мѣстомъ на землѣ, пока онъ былъ далеко, но, несмотря на всѣ его старанія, онъ не могъ заполнить пустоты въ его сердцѣ.

Мать понимала, что онъ чувствуетъ, и ея неудовольствіе выражалось въ словахъ. Такео тоже замѣтилъ, что она читаетъ его мысли, и когда они сидѣли вмѣстѣ и разговаривали, ему всегда казалось, что между ними точно стоитъ стѣна.

Онъ долженъ былъ отплыть изъ Іокосуры, но опоздалъ на идущій туда поѣздъ. Тогда онъ рѣшилъ дождаться своего корабля въ Куре, и десятаго іюня одинъ сѣлъ на поѣздъ въ Токай-до.

Глава VIII.

На станціи.

Три лица вышли изъ храма Обакусанъ въ Удяси: полный господинъ за пятьдесятъ лѣтъ, дама около двадцати и пожилая служанка, несшая большой чемоданъ.

Какъ только они вышли, къ нимъ подскочили три возчика курумъ, ожидавшихъ у рѣшетки, со своими экипажами. Пожилой господинъ взглянулъ на молодую даму.

— Прекрасная погода. Что ты скажешь, если мы пройдемся немного?

— Отлично.

— А вы развѣ не устанете?—спросила служанка.

— Нѣтъ, я рада пройтись немножко,—отвѣтила спрошенная.

— Ну, такъ мы пойдемъ потихоньку, и возьмемъ куруму, когда устанемъ.

Они пошли потихоньку, сопровождаемыя тремя курумами. Компанія состояла, какъ читатель уже догадался, изъ генерала Катаока, Нами и Ику. Они наканунѣ пріѣхали изъ Нары и отправлялись на станцію Ямашима, чтобы ѣхать въ Отсу.

Генералъ вернулся домой изъ арміи тридцать перваго мая. Однажды онъ имѣлъ частный разговоръ съ врачомъ Нами, и дня черезъ два уѣхалъ вмѣстѣ съ дочерью и Ику въ Кіото. Тамъ онъ поселился въ тихомъ отелѣ и провелъ нѣсколько дней, показывая Нами окрестности и всячески стараясь развлекать ее. Онъ снялъ мундиръ и одѣлся въ штатское платье. Онъ избѣгалъ встрѣчъ съ товарищами и отклонилъ всѣ приглашенія на оффиціальныя празднества. Свѣтъ на время потерялъ генерала изъ виду, и Нами одна владѣла своимъ отцомъ.

— Мы идемъ изъ Обака *). Смотрите, японцы собираютъ свой чай.

Лучшее время для сбора чая уже прошло, но вѣтеръ изрѣдка приносилъ еще съ собою ароматъ сохнущаго чая, и нѣсколько крестьянскихъ дѣвушекъ собирали остатки. Тамъ и сямъ, среди чайныхъ плантацій, виднѣлись и желтѣющія поля пшеницы и слышался свистящій звукъ серпа. Отдаленныя горы Ямато стояли окутанныя легкой солнечной дымкой, тогда какъ рѣку Уджи можно было различить, благодаря бѣлымъ парусамъ, скользившимъ, казалось, надъ далекимъ пшеничнымъ полемъ. Вдали, въ маленькой деревушкѣ, кричалъ пѣтухъ, а на небѣ прямо надъ ними неподвижно лежало лиловато-сѣрое облако.

Нами вздохнула.

---

*) Названіе храма взято съ знаменитаго китайскаго храма того же названія. Уджи, гдѣ онъ находится, славится чаемъ.

По маленькой тропинкѣ слѣва шли, разговаривая, крестьянинъ съ женой. Они ходили домой обѣдать и возвращались теперь къ своей работѣ. Мужчина несъ въ узлѣ серпъ, а женщина привлекала къ себѣ взглядъ, благодаря своимъ вычерненнымъ зубамъ и бѣлому головному убору. Въ рукахъ у нея былъ большой чайникъ. Встрѣтивъ маленькую кампанію, она круто остановилась и смотрѣла на нее нѣкоторое время, затѣмъ догнала мужа и что-то шепнула ему. Оба обернулись, и женщина улыбнулась, показавъ свои красиво выкрашенные зубы. Затѣмъ они опять заговорили, пошли дальше и свернули на тропинку среди цвѣтущихъ дикихъ кустарниковъ.

Нами слѣдила за ними глазами. Большая круглая соломенная шляпа и бѣлый головной уборъ постепенно сливались на желтомъ фонѣ пшеничнаго поля, и, наконецъ, исчезли. Но оттуда же послышался голосъ, поющій:

„Ты такъ гордо несешь Мае муне,
А я несу лишь ржавый мечъ.
Ты вскроешь имъ когда-нибудь свою утробу,
Я жъ никогда!“

Нами шла, грустно смотря внизъ. Генералъ обернулся къ ней и взялъ ее за руку.

— Теперь ты, навѣрно, устала?

Идя дальше, онъ говорилъ съ ней. Время идетъ очень быстро. Нами, помнишь, когда ты была маленькой, и я сажалъ тебя къ себѣ на спину, какъ ты толкала меня въ бока? Въ то время тебѣ было всего пять, шесть лѣтъ.

— Да, это я тоже помню,—весело вмѣшалась Ику.—Когда генералъ бралъ васъ на спину, маленькая барышня тоже хотѣла, чтобы ее носили. И ей хотѣлось и теперь тоже быть съ нами.

Нами грустно улыбалась.

— Комѣ?—сказалъ генералъ.—Ну, мы ей за это привеземъ пропасть подарковъ. Но развѣ Шицу не больше хотѣлось ѣхать съ нами, чѣмъ Комѣ?

— Да, конечно,—сказала Ику.—И еслибъ она была съ нами, она бы всѣхъ насъ развеселила. Но я хочу спросить у васъ множество вещей. Это рѣка Уджи? Значитъ, это она славится своими свѣтящимися червяками. И здѣсь Комацава встрѣтился съ своей возлюбленной Міюки.

— Милая Ику, да ты настоящій ученый,—сказалъ генералъ, улыбаясь.—Да, времена мѣняются. Когда я былъ молодъ, изъ Осаки въ Кіото всегда ѣздили на джонкѣ, въ которую пассажиры набивались, какъ въ ящикъ. Когда мнѣ было двадцать лѣтъ, со мной случилось довольно забавное приключеніе. Въ то время Сайго и Кайеда взяли священника Гешшо въ Осаку, произошла ужасная суматоха, и я по-

спѣшилъ за ними. Но я собрался съ такой поспѣшностью, что забылъ всѣ свои деньги. И такъ какъ другого выхода не было, я бѣжалъ босикомъ всю дорогу до Осаки—это было ночью—по берегу рѣки.—Генералъ засмѣялся.—Тебѣ не жарко, Нами? Тебѣ нельзя ходить слишкомъ много. Давай опять сядемъ.

Ику подозвала курумы, слѣдовавшія сзади, и они тихонько поѣхали по чайнымъ и пшеничнымъ полямъ къ Ямашимѣ.

Нами сидѣла погруженная въ мысли и смотрѣла на сѣдую голову отца, которую видѣла впереди себя. Было ли это путешествіе съ отцомъ весело, или нѣтъ? Она была несчастна, потому что всякая надежда и радость въ жизни были у нея отняты, и она шла навстрѣчу скорой смерти, но все же отрадно было знать, до какой степени сердце отца полно нѣжности къ ней. Она думала о его безпредѣльной любви и печалилась тѣмъ, что не могла найти способа вполнѣ воздать за нее. Единственное, что она могла сдѣлать, это снова, въ воображеніи, сдѣлаться маленькимъ ребенкомъ и вмѣстѣ съ отцомъ переживать свои дѣтскія воспоминанія, здѣсь, далеко отъ дѣйствительности и ея печалей. И потому она съ дѣтскимъ рвеніемъ стремилась ко всему новому. Покупая шелковыя платки въ Кіото, она знала, что ей самой никогда не придется употреблять ихъ, но выбирала самые красивые, чтобы ея сестра могла сохранить ихъ, какъ воспоминаніе.

Хотя она очень глубоко любила отца, но ни на минуту не забывала Такео. Извѣстіе о томъ, что онъ въ Портъ-Артурѣ спасъ жизнь ея отцу было единственное, что она о немъ слышала. Мысли ея уносились далеко, и во снѣ она чувствовала его вблизи себя, но не знала, гдѣ онъ. Она желала увидѣть его, увидѣть его одинъ единственный только разъ передъ смертью, но ахъ! Трогательная пѣснь, которую она только что слышала, прозвучала снова въ ея ушахъ, и крестьянинъ, шедшій, весело разговаривая съ своей женой, мелькнулъ передъ ея глазами. О, они шли въ лохмотьяхъ, и несли съ собой благословеніе, а она, въ своемъ роскошномъ шелковомъ платьѣ...

Слезы выступили на ея глаза. Она такъ храбро старалась побѣдить свое волненіе, что въ результатѣ судорожно закашлялась.

Генералъ испуганно оглянулся.

— Теперь все прошло, — сказала Нами и улыбнулась, несмотря на боль.

Въ Ямашимѣ они сѣли на поѣздъ, идущій въ восточномъ направленіи. Они были одни въ купэ перваго класса, и Нами сидѣла у открытаго окна. Противъ нея сидѣлъ отецъ и читалъ газету.

Въ это время подошелъ встрѣчный поѣздъ и остановился рядомъ съ ихъ поѣздомъ. Какъ разъ въ ту минуту, какъ съ того поѣзда послышались хлопанье дверей и крикъ кондуктора. «Ямашима!», засвистѣлъ свистокъ ихъ паровоза, и поѣздъ тихо двинулся впередъ. Нами сидѣла и смотрѣла на встрѣчный поѣздъ. Проѣзжая мимо вагона вто-

*

рого класса, она увидѣла молодого человѣка. Онъ сидѣлъ, оперщись щекой на руку.

— О!—Нами ничего не могла выговорить.

— О, Нами-санъ!—воскликнулъ молодой человѣкъ.

Это былъ Такео.

Поѣздъ прошелъ мимо. Нами, обезумѣвъ отъ волненія, высунулась изъ окна и бросила ему свой лиловый носовой платокъ.

— Господи, Боже мой, Нами-санъ!—Ику испуганно схватила ее за рукавъ.

Генералъ тоже стоялъ и смотрѣлъ въ окно, не выпуская газеты.

Поѣзда медленно прошли другъ мимо друга. Нами высунулась еще больше изъ окна. Она видѣла, что Такео, какъ безумный, машетъ носовымъ платкомъ и что-то говоритъ. Вдругъ поѣздъ свернулъ на другой путь, идущій вокругъ холма. Въ обѣ стороны были видны только покрытые густой листвой склоны. За ними послышался рокочущій звукъ. Другой поѣздъ направился на западъ.

Нами закрыла лицо руками и припала головой къ колѣнамъ отца.

Глава IX.

Сайонара.

Седьмого іюля вечеромъ въ домѣ генерала Катаока собралось множество народа. Всѣ говорили вполголоса, потому что дочь его Нами лежала при смерти.

Когда генералъ и Нами совершенно неожиданно вернулись въ концѣ іюня, то встрѣтившіе ихъ у воротъ сейчасъ же замѣтили, что ей стало гораздо хуже. Докторъ, разумѣется, былъ очень удивленъ. Онъ нашелъ не только, что общее состояніе здоровья ея за такой короткій промежутокъ времени значительно ухудшилось, но что и въ сердцѣ ея произошли внушающія опасенія перемѣны. Съ того времени въ домѣ Катаока все время, даже въ полночь горѣлъ огонь, и доктора безпрестанно приходили и уходили. Генеральша должна была ѣхать на дачу, но отложила свой отъѣздъ.

Несмотря на искусство врачей и слезныя молитвы Ику днемъ и ночью, Нами становилось все хуже и хуже. У нея были частыя кровоизліянія и сердечные припадки. Послѣ сильнаго припадка она обыкновенно лежала въ полудремотѣ и говорила сама съ собой. Она дѣлалась все слабѣе и слабѣе. Когда генералъ, разбуженный ея кашлемъ, входилъ къ ней, она всегда улыбалась и говорила яснымъ голосомъ, хотя ей трудно было вздохнуть. Въ полусознательномъ состояніи она непрерывно шептала имя Такео.

День, котораго опасался врачъ, близился къ концу. Всѣ комнаты были освѣщены. Но такъ какъ никто не рѣшался говорить громко, то было тихо, какъ въ могилѣ. Двѣ дамы вышли изъ комнаты боль-

ной, чтобы не тревожить ее. Одна была графина Като, а другая—старушка, однажды спасшая Нами въ Цуши. Она не видѣла Нами съ прошлой осени, но за ней послали по настойчивому желанію умирающей.

Графиня едва могла говорить.

— Благодарю васъ отъ души за вашу доброту къ ней? Ей такъ хотѣлось видѣть васъ еще разъ, и я увѣрена, что она очень рада, что вы пріѣхали.

Старушка вздохнула, не зная, что отвѣтить. Наконецъ, спросила шопотомъ:

— А гдѣ онъ теперь?

— Я слышала, что на Формозѣ.

— На Формозѣ! Старушка опять вздохнула. Графиня съ трудомъ удерживала слезы.

— Она все время думаетъ о немъ, и если онъ не слишкомъ далеко отсюда, то мы хотимъ какъ-нибудь извѣстить его, чтобы она могла съ нимъ проститься. Но я боюсь, что онъ уже уѣхалъ, и кромѣ того, онъ на военномъ кораблѣ.

Въ эту минуту вошла генеральша, въ сопровожденіи Шицу, которая торопливо сказала что-то матери.

Большая комната тускло освѣщалась восковыми свѣчами, и Нами лежала на бѣлоснѣжной постели. Глаза ея были закрыты. Она болѣла уже два года и превратилась въ тѣнь. Блѣдное лицо было почти прозрачно, но черные волосы были попрежнему блестящи. У постели сидѣла сидѣлка и смачивала ея губы холоднымъ виномъ, а Ику, заплаканная и похудѣвшая, вмѣстѣ съ другой сидѣлкой растирала ее. Въ комнатѣ было тихо. Слышно было только дыханіе Нами.

Вдругъ она глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Тетя Като здѣсь?—спросила она слабымъ голосомъ.

— Да.

Графиня подошла къ постели.

— Ты поспала немножно? Спала? Ну, отлично. — Затѣмъ она посмотрѣла на остальныхъ.

— Пожалуйста, оставьте насъ однѣхъ на минутку.

Когда три женщины вышли, графиня Като сѣла у самой постели. Она отвела рукой волосы отъ лица Нами, печально смотря на нее. Нами тоже смотрѣла на тетку.

Наконецъ Нами вздохнула. Дрожащими руками она вынула изъ-подъ подушки письмо.

— Отдай ему это, когда меня не станетъ.

Графиня вытерла глаза. Она тщательно спрятала письмо у себя на груди.

— Да, Нами. Я отдамъ его самому Такео-санъ.

— И еще вотъ это кольцо.

Нами положила лѣвую руку на колѣни тетки. На среднемъ пальцѣ

блестѣло брилліантовое кольцо, подаренное ей Такео въ день свадьбы. Она отослала все, принадлежавшее семьѣ Кавашима, какъ только получила разводъ, но не могла разстаться съ кольцомъ.

— Его я возьму съ собой.

Графиня плакала. Она не могла говорить и только кивнула. Нами закрыла глаза. Черезъ нѣсколько минутъ она снова открыла ихъ.

— Я думаю о томъ, что онъ дѣлаетъ.

— Такео-санъ уже пріѣхалъ на Формозу. Онъ на службѣ, и думаетъ постоянно о томъ, что здѣсь дѣлается. Если будетъ какая-нибудь возможность, мы пошлемъ за нимъ. Это сказалъ твой отецъ. Но, Нами-санъ, я поговорю съ нимъ о тебѣ и передамъ и это письмо.

Губы Нами сложились въ усталую улыбку. Вдругъ щеки ея окрасились притокомъ крови, къ груди захрипѣло, и слезы выступили на ея глаза. Съ послѣднимъ усиліемъ она воскликнула:

— О, мое сердце! Какъ оно болитъ!

Сдвинувъ брови и приложивъ руку къ сердцу, Нами металась въ предсмертной борьбѣ. Она поднялась на постели и схватила тетку за руку. Вдругъ начался ужасный припадокъ кашля, а за нимъ кровоизліяніе, послѣ котораго она упала безъ движенія.

Докторъ и всѣ остальные вошли.

Съ помощью сидѣлки докторъ далъ ей болеутоляющее средство, и отворили окно. Холодный ночной воздухъ устремился въ комнату.

Наружи только что взошла луна, и свѣтъ ея струился между древесныхъ вѣтвей.

Генералъ, мачиха, графиня Като, Шицу, Кома и Ику сидѣли около постели. Тихій вѣтерокъ игралъ волосами Нами, и она лежала точно уже мертвая. Докторъ напряженно наблюдалъ ея лицо и считалъ пульсъ, а сидѣлка, стоявшая возлѣ, держала свѣчу, пламя которой колебалось вправо и влѣво.

Прошло десять минутъ, четверть часа. Слабый вздохъ пронесся по комнатѣ, и губы Нами пошевелились. Докторъ далъ ей ложку вина. Послышался долгій вздохъ, и она прошептала:

— Вернемся назадъ, милая мама. Милая мама, мы идемъ. О, я еще здѣсь?

Она открыла глаза.

Луна, поднявшаяся надъ садомъ, бросала таинственный свѣтъ на лицо умирающей. Докторъ взглянулъ на генерала и вышелъ изъ комнаты. Генералъ взялъ Нами за руку.

— Нами, это я, твой отецъ. Мы всѣ съ тобой.

Она взглянула съ выраженіемъ удивленія, сдѣлала движеніе и посмотрѣла въ глаза отца, полные слезъ.

— Папа, не огорчайся очень,—сказала она.

Потомъ тихо заплакала и положила свою правую руку на руку генерала, державшаго ея лѣвую.

— Гдѣ мама?

Генеральша подошла ближе.

— Мама, я ухожу.

Губы генеральши дрожали. Она закрыла лицо руками и вышла, не говоря ни слова.

Графиня Като подвела свою плачущую дочь и взяла руку Нами въ свою. Кома тоже подошла и стала на колѣни у постели сестры. Нами подняла свою дрожащую руку и положила ее на голову Камы.

— Кома-шанъ—Сайонара.

Она дышала съ трудомъ, и Кома, содрагаясь, дала ей ложку вина. Нами открыла глаза и посмотрѣла кругомъ.

— Ки-шанъ, Ми-шанъ?

Генеральша уже отослала обоихъ дѣтей въ деревню. Нами кивнула. Она, повидимому, едва сознавала, что происходитъ вокругъ нея.

Плакавшая Ику подошла и взяла ея обезсилѣвшую руку.

— Ику,—сказала Нами.

— Возьмите, возьмите меня съ собой.

Всѣ сидѣли молча, насильно выведя Ику въ сосѣднюю комнату. Нами сжала губы и задремала. Тѣни смерти распространились по ея лицу. Генералъ подошелъ къ ней снова.

— Нами, если у тебя есть еще какое-нибудь желаніе, скажи мнѣ его.

При звукѣ хорошо знакомаго голоса, Нами открыла глаза и посмотрѣла на графиню Като.

— Нами-санъ, я сдѣлаю все, что ты хочешь. Ты можешь спокойно идти къ твоей матери.

Слабая улыбка скользнула по лицу Нами. Вслѣдъ затѣмъ она закрыла глаза и глубоко вздохнула въ послѣдній разъ. Холодное лунное сіяніе, струясь, падало на ея бѣлое лицо. Она еще улыбалась, но спала, спала вѣчнымъ сномъ.

Черезъ три дня ее похоронили на кладбищѣ Аояма.

Такъ какъ генералъ Катаока занималъ видное общественное положеніе и имѣлъ много знакомыхъ, то похороны были очень многолюдны, и много подругъ Нами пришло сказать ей послѣднее «прости». Тѣ, кто знали ея исторію, съ печальнымъ участіемъ смотрѣли на генерала, безутѣшно стоявшаго у гроба, и даже незнакомые плакали при видѣ отчаянія Ику.

Такъ какъ умершая была молодая женщина, то было множество цвѣтовъ. Единственные, которые отправили обратно, были принесены мужчиной лѣтъ сорока. При нихъ была карточка съ надписью: «Отъ семейства Кавашима».

Встрѣча въ Аоямѣ.

Прошло больше четырехъ мѣсяцевъ. Было четыре часа дня, и тѣни бѣлыхъ отъ мороза сумаховыхъ деревьевъ падали надъ садомъ. Вдова Кавашима, тучная какъ всегда, отодвинула въ сторону перегородку и вышла на веранду, гдѣ стоялъ тазъ для воды. Разсерженная тѣмъ, что онъ былъ пустъ, она стала кричать:

— Матсу! Таке!

Взволнованныя крикомъ дѣвушки прибѣжали, одна изъ садовой калитки, другая съ веранды. Видъ у нихъ былъ совершенно растерянный.

— Это еще что такое? Сколько разъ я вамъ говорила—вотъ, смотрите!

Она подняла маленькій ковшикъ и бросила его въ тазъ. Дѣвушки боялись перевести духъ.

— Ну, что же, будетъ что-нибудь изъ этого?—спросила она.

Обѣ бросились прочь. Вдова пробормотала что-то про себя и хотѣла идти въ комнаты, умывшись водой, принесенной одной изъ дѣвушекъ, какъ появилась и другая и низко поклонилась.

— Что такое?—спросила вдова.

— Тамъ пришелъ господинъ Ямаки-санъ.

Саркастическая усмѣшка и затѣмъ выраженіе неудовольствія мелькнули по широкому лицу вдовы Кавашима. Сказать по правдѣ, Ямаки, послѣ возвращенія Тойо, рѣдко навѣщалъ ее. А когда она узнала, какое колоссальное состояніе Ямаки заработалъ во время войны, досада ея значительно увеличилась. Каждый разъ, какъ она читала прислугѣ лекціи о неблагодарности, Ямаки приводился въ качествѣ нагляднаго примѣра. Но досадѣ ея все же пришлось уступить передъ вѣжливостью.

— Попроси его войти.

Ямаки сѣлъ, и на лицѣ его выражалось нѣкоторое смущеніе.

— Ямаки-санъ, васъ ужасно давно не было видно.

— Да,—сказалъ Ямаки извиняющимся тономъ.—Можно подумать, что это по моей винѣ, но я не виноватъ. Я бы давно пришелъ, но у меня столько было хлопотъ по дѣламъ послѣ войны. Пріятно видѣть, что вы такъ здоровы и бодры.

— Ямаки-санъ, вы, кажется, заработали уйму денегъ во время войны, какъ я слышала?

— О, такія вещи легко говорятся. Я получилъ круглымъ счетомъ только за свои хлопоты.

Въ это время вошла одна изъ дѣвушекъ съ подносомъ, на которомъ лежало нѣсколько вещей, перевязанныхъ красными и бѣлыми шнурками. Она поставила подносъ передъ вдовой.

— Это отъ Ямаки-сана.

И она снова вышла.

Баронесса Кавашима посмотрѣла на подносъ и улыбнулась съ довольнымъ видомъ.

— Покорнѣйше благодарю.

— Не стоитъ. Это пустяки. Но я, вѣдь, еще не поздравилъ васъ съ производствомъ Такео-сана въ лейтенанты. Я видѣлъ на-дняхъ въ газетахъ, что онъ получилъ орденъ и крупную сумму денегъ. Но гдѣ же онъ теперь? Въ Сасехо?

— Такео? Нѣтъ, онъ вчера пріѣхалъ домой.

— И онъ здоровъ?

— Да, спасибо. Но такой же ребенокъ, по обыкновенію, разумѣется. Утромъ куда-то ушелъ и до сихъ поръ нѣтъ его.

— Я думаю, какъ вы рады, что онъ опять дома. У Катаока попрежнему всѣ въ отчаяніи, хотя прошло уже болѣе ста дней, насколько помню. Но противъ этой болѣзни нѣтъ средства. Крайне разумно, что вы предусмотрѣли, какъ пойдетъ дѣло.

Вдова Кавашима, услышавъ имя Катаока, приняла серьезный видъ. Затѣмъ сказала:

— Вы не представляете себѣ, сколько непріятностей она намъ причинила. Сначала пришлось потратить кучу денегъ, потомъ въ семьѣ произошла ссора, и въ заключеніе обо мнѣ пошла молва, какъ о настоящей фуріи. Подумайте только, Ямаки-санъ. И въ довершеніе всего, когда мы узнали о похоронахъ, мы послали Тазаки съ цвѣтами. И какъ бы вы думали? Они прислали ихъ обратно. Развѣ это было не дерзко, Ямаки-санъ?

Узнавъ, что Нами умерла, вдова, дѣйствительно, почувствовала себя нѣсколько растроганной, но когда цвѣты вернулись обратно, то всѣ ея болѣе мягкія чувства исчезли, и осталось одно раздраженіе.

— Это было нехорошо. И за это отплачивается. Да, О-Кеи-санъ,— онъ прихлебнулъ чай, поданный ему одной изъ дѣвушекъ,—я пришелъ собственно сообщить вамъ о бракѣ моей дочери Тойо.

— Ваша дочь выходитъ за мужъ? Поздравляю васъ! За кого же?

— За кандидата императорскаго университета, нынѣ столоначальника при департаментѣ торговли и земледѣлія. Я думаю, вы слышали его имя—онъ былъ очень любезенъ къ Хидживѣ. А кстати о Хидживѣ, я такъ огорченъ его безвременной смертью.

Легкая тѣнь скользнула по лицу вдовы.

— Да, война—дьявольская вещь. А когда же свадьба?

— Мы назначали ее,—отвѣтилъ Ямаки,—черезъ три дня. Я очень желалъ бы, чтобы вы оказали намъ честь. Я былъ бы крайне польщенъ, если бы вы пожаловали. Жена моя пришла бы сама пригласить васъ, но, къ крайнему ея сожалѣнію, это оказалось невозможнымъ. И молодой баронъ, можетъ быть, тоже доставитъ намъ великую радость, надѣемся.

Вдова кивнула и взглянула на часы, пробившіе пять.

— Удивляюсь, гдѣ это можетъ быть Такео.

Морской офицеръ, съ охапкой бѣлыхъ хризантемъ, подошелъ съ улицѣ Минамишо къ Аоямскому кладбищу.

Весенній воздухъ былъ ясенъ, и вечернее солнце изливало свой свѣтъ на кладбище. Тронутые морозомъ листья беззвучно падали съ вишневыхъ деревьевъ, поздніе цвѣты шпалерниковъ наполняли воздухъ ароматомъ, дымъ поднимался прямыми столбами, и одинокая птица слабо чирикала. Когда замеръ стукъ проѣхавшей по направленію къ Когаишо курумы, тишина почувствовалась еще больше. Только отдаленный рокотъ изъ города мечтательно пѣлъ жалобную пѣснь о человѣческой жизни.

Кто-то прошелъ позади шпалерника. Вдругъ показалась дама около сорока лѣтъ. Глаза ея были красны отъ слезъ, и она вела за руку мальчика лѣтъ семи, въ матросскомъ костюмѣ. Они прошли мимо морского офицера, и мальчикъ обратилъ на него вниманіе матери.

— Мама, это, вѣдь, тоже флотскій, правда?

Дама продолжала путь, спрятавъ лицо въ носовой платокъ.

Между тѣмъ, морской офицеръ шелъ дальше, не замѣчая ихъ, но часто останавливаясь, ища дорогу и читая надписи на свѣжихъ могилахъ. Наконецъ, онъ подошелъ къ могилѣ, окруженной изгородью изъ низкихъ кустовъ, подъ тѣнью пиній и вишневыхъ деревьевъ. Онъ кивнулъ головой и взялся за калитку, отворившуюся при его движеніи. Передъ нимъ была старая могильная плита. Онъ оглянулся и увидѣлъ новый памятникъ рядомъ со старымъ. Красивая пинія раскинула покровительственно свои вѣчно зеленыя вѣтви надъ могилой, и красные и желтые вишневые листья падали вокругъ. На камнѣ была черная надпись: «Памяти Нами Катаока». Офицеръ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на памятникъ.

Вдругъ что-то дрогнуло въ его лицѣ, и рыданія сорвались съ его трясущихся губъ.

Такео наканунѣ вернулся съ Формозы.

Пять мѣсяцевъ назадъ, отправляясь въ экспедицію на Формозу, онъ видѣлъ мелькомъ Нами, и потомъ, на этомъ отдаленномъ островѣ, узналъ отъ графини Като, что Нами не стало. Едва вернувшись, онъ отправился къ графинѣ и упросилъ ее разсказать ему о его любимой женѣ и о послѣднихъ часахъ ея жизни.

Такео стоялъ передъ могилой и плакалъ. Воспоминанія послѣднихъ трехъ лѣтъ носились передъ нимъ, какъ въ туманѣ: день свадьбы, солнце въ Икао, клятвы, которыми они обмѣнялись у водопада въ Фудо, послѣдній вечеръ въ Цуши и, наконецъ, неожиданная встрѣча въ Ямашимѣ. Голосъ, восклицавшій «возвращайся скорѣе!» еще звучалъ въ его ушахъ, но когда онъ вернулся домой, она уже не была

его женой. Теперь онъ во второй разъ возвращается домой, и ея уже нѣтъ на свѣтѣ.

— О, Нами-санъ, зачѣмъ ты умерла?—воскликнулъ онъ и горько заплакалъ.

Порывъ вѣтра пронесся по деревьямъ, и вишневые листья посыпались на могильную плиту. Какъ бы пробужденный этимъ, Такео вытеръ глаза и подошелъ къ могилѣ. Онъ снялъ завядшіе цвѣты и упавшіе листья и положилъ вмѣсто нихъ принесенныя хризантемы. Затѣмъ вынулъ что-то изъ кармана.

То было послѣднее письмо Нами. Онъ получилъ его отъ графини Като, и чувства, съ которыми онъ читалъ его, нахлынули на него съ новой силой. Онъ развернулъ письмо. Отъ ея красиваго почерка не осталось и слѣда, буквы были неровны, чернила перемѣшались съ ея горькими слезами и надѣлали пятенъ.

«Дни мои сочтены, но я хочу оставить тебѣ нѣсколько словъ. Я почти не смѣла надѣяться увидѣть тебя еще разъ въ этомъ мірѣ, но я была такъ счастлива, что мы встрѣтились въ тотъ день по милости Божьей. Я только не знала, какъ мнѣ употребить эту единственную минуту».

Такео ясно видѣлъ передъ собой Нами, какъ она высунулась изъ окна вагона и бросила ему лиловый носовой платокъ. Онъ поднялъ голову. Но передъ нимъ была лишь могильная плита.

«Все было противъ насъ, но я никого не осуждаю. Тѣло мое превратится въ прахъ, но душа моя будетъ слѣдовать за тобой, гдѣ бы ты ни былъ».

— Папа, тутъ кто-то есть,—послышался звонкій голосъ мальчика, и тотъ же голосъ снова крикнулъ:—папа, Такео-санъ.—И мальчикъ, съ полными руками цвѣтовъ, подбѣжалъ къ нему.

Такео, удивленный, стоялъ съ письмомъ Нами въ рукѣ и, оглянувшись, увидѣлъ у рѣшетки генерала Катаока.

Такео опустилъ голову.

Вдругъ онъ почувствовалъ чье-то горячее рукопожатіе и, взглянувъ, очутился лицомъ къ лицу съ генераломъ.

— Такео-санъ, я тоже разбитый человѣкъ.

Они держались за руки и оба плакали.

Черезъ минуту генералъ осушилъ свои слезы. Онъ положилъ руку на плечо Такео и прервалъ молчаніе, заговоривъ твердымъ голосомъ:

— Такео-санъ, хотя Нами умерла, я остаюсь попрежнему твоимъ отцомъ. Будь мужчиной, Такео-санъ, и взгляни будущему смѣло въ лицо. Всѣ наши несчастья только подготовили насъ для чего-то высшаго. Мы давно не видались. Пойдемъ со мной, Такео-санъ, и разскажи мнѣ, какъ тебѣ жилось на Формозѣ.

Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ.

О Чеховѣ можно писать очень много. Слѣдовало бы припоминать каждую его яркую мысль, останавливаться на каждомъ значительномъ выраженіи, чтобы облегчить этимъ работу его будущаго біографа при возстановленіи этой огромной фигуры въ нашей жизни и литературѣ. Настоящія замѣтки не претендуютъ на это. Въ нихъ мнѣ хотѣлось отмѣтить только нѣкоторыя и притомъ общія черты того цѣлостнаго впечатлѣнія, которое всегда производилъ на меня почившій художникъ.

Познакомился я съ А. П. Чеховымъ въ Петербургѣ, сколько припоминаю, въ самомъ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ ту пору собирался кружокъ молодыхъ начинающихъ писателей у А. Н. Плещеева, въ его небольшой квартиркѣ на Спасской площади. А. Н. Плещеевъ, тогда уже старикъ, бившійся съ матеріальной нуждой,—это было еще до полученія имъ наслѣдства,—оставался тѣмъ не менѣе идеалистомъ въ самомъ хорошемъ значеніи этого слова. Работалъ онъ тогда въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» вмѣстѣ съ покойнымъ Н. К. Михайловскимъ. По вечерамъ на его гостепріимный огонекъ собирались молодые писатели и особенно поэты, которымъ онъ покровительствовалъ и выводилъ ихъ въ литературный свѣтъ, и здѣсь до поздней ночи раздавались безконечные споры и лились горячія рѣчи. Чаще другихъ, кажется, кромѣ меня, бывали въ эту пору у Плещеева—Мережковскій, Баранцевичъ, проф. Фаусекъ, тогда еще готовившійся къ каѳедрѣ, и пріятель маститаго хозяина,—тоже маститый поэтъ,—П. И. Вейнбергъ. Посѣщали Плещеева и артисты, и въ юной компаніи начинающихъ поэтовъ часто можно было встрѣтить Стрепетову, Пасхалову, Свободина и Давыдова. Хорошее это было время, время молодыхъ горячихъ споровъ и надеждъ, имѣющихъ свойство окрылять только юность да хозяина, которому суждено было донести душевную молодость до гроба. Вотъ здѣсь-то въ одинъ изъ зимныхъ вечеровъ привелось мнѣ встрѣтиться и познакомиться съ А. П. Чеховымъ. Молодой и красивый, съ прекрасными задумчивыми глазами, онъ на меня съ

перваго же раза произвелъ неотразимое, чарующее впечатлѣніе. Онъ жилъ тогда въ Москвѣ и пріѣзжалъ не надолго въ Петербургъ по зимамъ, гдѣ на сценѣ шли его водевили, а въ «Новомъ Времени» печатались его разсказы. Это былъ періодъ его художественной дѣятельности, когда знакомое въ литературной средѣ имя Антоши Чехонте уступало уже въ широкой публикѣ первымъ лучамъ славы имени Антона Чехова: помню, изданные Суворинымъ «Хмурые люди» и «Пестрые разсказы» какъ разъ въ это время производили сенсацію. По обыкновенію мы и въ этотъ разъ засидѣлись до поздней ночи и говорили о литературѣ и общественной жизни. Чеховъ показался мнѣ мало разговорчивымъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Говорилъ онъ охотно, но больше отвѣчалъ, не произнося, такъ сказать, монологовъ. Въ его отвѣтахъ проскальзывала иногда иронія, къ которой я жадно прислушивался, и я подмѣтилъ при этомъ одну особенность, такъ хорошо памятную знавшимъ А. П. Чехова: передъ тѣмъ, какъ сказать что-нибудь значительно-остроумное—его глаза вспыхивали мгновенной веселостью, но только мгновенной. Эта веселость потухала такъ же внезапно, какъ и появлялась, и острое замѣчаніе произносилось серьезнымъ тономъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствовавшимъ на слушателя. Вышли мы вмѣстѣ на улицу уже послѣ ужина. Надъ Петербургомъ стояла тихая и мягкая зимняя ночь. Намъ было по дорогѣ, и мы шли, продолжая разговоръ этого вечера на общественныя и литературныя темы. Чеховъ говорилъ о необходимости настроенія въ стихотвореніяхъ. Говорилъ онъ, волнуясь, и повторялъ, что желалъ бы быть понятенъ. Смыслъ его рѣчи былъ тотъ, что вся жизнь цѣликомъ можетъ давать содержаніе для художественной работы, которая характеризуется правдивостью настроенія изображаемаго.

— Я же ничего сегодня и не отрицалъ въ нашемъ литературномъ спорѣ,—сказалъ онъ и, остановившись, прибавилъ: — только не надо нарочно сочинять стихи про дурного городового! Больше ничего.

Мы пошли дальше вдоль тихой и пустынной улицы...

Черезъ нѣсколько дней встрѣтились мы на Николаевскомъ вокзалѣ какъ старые знакомые, совсѣмъ попріятельски. Съ Чеховымъ легко было и знакомиться и дружиться: до такой степени влекла къ нему его простота, искренность и впечатлѣніе (я не умѣю иначе выразиться) чего-то свѣтлаго, что охватывало его собесѣдника. Мы ѣхали вмѣстѣ въ Москву, весело разговаривая, выходили на станціяхъ, и шутя, пытались по внѣшнему виду опредѣлять общественное положеніе и характеръ пассажировъ. Дорогой Чеховъ уговаривалъ меня поѣхать съ нимъ въ далекое путешествіе. Онъ собирался тогда на Сахалинъ, и съ какимъ увлеченіемъ говорилъ онъ о возможности видѣть чужія, малознакомыя фантастическія страны — Индію, Японію. Вернуться предполагалъ онъ черезъ всю Сибирь, представлявшую по тогдашнему

времени тоже невѣдомую землю. Особенно сильно интересовала его все-таки каторга.

— Ее надо видѣть, непремѣнно видѣть, изучить самому. Въ ней можетъ быть одна изъ самыхъ ужасныхъ нелѣпостей, до которыхъ могъ додуматься человѣкъ со своими условными понятіями о жизни и правдѣ,—говорилъ онъ.

И уже потомъ, много лѣтъ спустя, въ Мелиховѣ, интересуясь громкимъ и запутаннымъ уголовнымъ процессомъ Тальмы въ Пензѣ и разспрашивая меня о вѣроятности преступленія обвиненнаго, Чеховъ говорилъ грустно:

— И вотъ сидитъ онъ теперь на Сахалинѣ — скучный и унылый, и у него вѣчная изжога отъ сырого и дурно пропеченнаго хлѣба, — кому это нужно!

Мнѣ было жаль и досадно до боли, что я не могъ согласиться на предложеніе Чехова. Обаятельная личность товарища по путешествію, возможность смѣны впечатлѣній и настроеній, широкая задача путешествія, которую ставилъ себѣ Чеховъ,—все звало меня съ нимъ... Но для меня начиналась въ это время пора земской дѣятельности и иныя надежды и ожиданія призывали меня...

Разстались мы въ Москвѣ, гдѣ я пробылъ нѣсколько дней и познакомился съ милой и привѣтливой семьей Чехова. Мы вмѣстѣ посѣщали редакціи знакомыхъ журналовъ; при посредствѣ Чехова я пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ и милыхъ знакомствъ, чувствуя какъ съ каждымъ днемъ его обаяніе, какъ человѣка, захватываетъ меня все больше и больше. Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ глухую провинцію, унося въ душѣ искреннюю, дружескую привязанность къ одному изъ самыхъ милыхъ людей, которыхъ я когда либо встрѣчалъ и находясь подъ впечатлѣніемъ его огромнаго таланта. И когда на другой день полупустой и холодный вагонъ громыхалъ по пустой и холодной степи, я ни о чемъ другомъ не могъ думать, какъ объ этомъ человѣкѣ.

Прошло много времени. Мы встрѣтились опять въ Москвѣ, уже послѣ путешествія Чехова на Сахалинъ. Мѣсяца два провели мы, постоянно встрѣчаясь. Мы вмѣстѣ бывали въ театрахъ и у многочисленныхъ знакомыхъ, сошлись и подружились окончательно съ неизбѣжнымъ и традиціоннымъ брудершафтомъ. Попрежнему Чеховъ былъ молчаливымъ и необыкновенно скромнымъ человѣкомъ несмотря на свою извѣстность.

— Былъ со мной въ Петербургѣ смѣшной случай,—разсказывалъ онъ мнѣ.—Сказали мнѣ, что Полонскій очень хотѣлъ бы со мной познакомиться и повезли меня (кажется, Лейкинъ или Голике) на одинъ изъ его журфиксовъ. Ну, пріѣхали мы, знакомимся. При знакомствахъ всегда называютъ фамиліи такъ, что ничего не разберешь. Такъ и тутъ: послышалось не то Чижовъ, не то Чеховъ. Полонскій и осталь-

ные гости не обратили на меня никакого вниманія и просидѣлъ я молча цѣлый вечеръ въ уголкѣ, недоумѣвая, зачѣмъ я понадобился Полонскому, или зачѣмъ нужно было знакомымъ увѣрить меня, что я ему интересенъ. Наконецъ, стали прощаться. Полонскому стало неловко и захотѣлось сказать мнѣ что-нибудь любезное. «Вы,—говоритъ онъ мнѣ,—все-таки меня не забывайте, захаживайте когда-нибудь, вѣдь мы съ вами, кажется, и прежде встрѣчались, вѣдь ваша фамилія Чижиковъ?»—«Нѣтъ, Чеховъ», сказалъ я.—«Батюшки, что же вы намъ раньше-то этого не сказали!» закричалъ хозяинъ и даже руками всплеснулъ. Очень смѣшное приключеніе вышло, добродушно и конфузливо закончилъ свой разсказъ Чеховъ.

И здѣсь, во время этой московской жизни для меня особенно выяснилась основная черта чеховскаго характера—искренность, буквально не выносившая лжи, заставлявшей страдать душу художника. Лжи мелочной, подчасъ комичной, разумѣется, было не мало въ обществѣ, особенно въ отношеніи Чехова, тогда уже на всю Россію славнаго писателя и моднаго человѣка въ Москвѣ. Какъ тонко онъ отмѣчалъ неискреннія заискиванія людей сравнительно беззаботныхъ по части литературы, и какъ грустно говорилъ: «Что ему Гекуба!» Но еще больше раздражала его ложь, касавшаяся вопросовъ и убѣжденій общественной жизни.

— Они напились,—говорилъ онъ мнѣ разъ про одну компанію,—цѣловались и пили за конституцію! Ну, ты подумай, зачѣмъ ему (онъ назвалъ фамилію) конституція, когда онъ можетъ строить свое благополучіе только въ условіяхъ политическаго рабства. Чего они лгутъ?

Кстати объ общественныхъ убѣжденіяхъ. Въ журнальныхъ статьяхъ не разъ упрекали Чехова въ индеферентизмѣ. Послѣ народнической, иногда будировавшей литературы появленіе Чехова производило впечатлѣніе жреца искусства для искусства. Съ самаго начала въ этомъ было уже крупное недоразумѣніе: статьи проглядѣли въ разсказахъ молодого писателя ту художественную правду всей русской дѣйствительности, а не отдѣльныхъ образовъ, которая съ такой силой появлялась въ первый разъ послѣ Гоголя. А такая правда для имѣющихъ очи, чтобы видѣть, стоила, разумѣется, больше поучающаго тона либеральной беллетристики. «Не надо сочинять нарочно стиховъ о плохомъ городовомъ», говорилъ мнѣ когда-то Чеховъ, и теперь онъ повторялъ приблизительно то же самое о плохихъ беллетристическихъ вещахъ. Но зато какъ высоко ставилъ онъ покойнаго Гл. Ив. Успенскаго, котораго считалъ первокласснымъ художникомъ, какъ часто цитировалъ его. Впрочемъ, недоразумѣніе, о которомъ заговорилъ я, было временнымъ и какъ-то само собой растаяло по отношенію автора «Мужиковъ» и «Въ оврагѣ»...

Писалъ и работалъ Чеховъ много. По этому поводу у него сло-

жилось опредѣленное убѣжденіе, которое онъ мнѣ не разъ высказывалъ.

— Художникъ,—говорилъ онъ,—долженъ всегда работать, всегда обдумывать, потому что иначе онъ не можетъ жить. Куда же дѣнешься отъ мысли, отъ самого себя. Посмотри хоть на Некрасова: онъ написалъ огромную массу, если сосчитать позабытые теперь романы и журнальную работу, а у насъ еще упрекаютъ въ многописаніи.

Исходя изъ этого убѣжденія, Чеховъ нѣсколько разъ совѣтывалъ мнѣ, бросивъ общественную дѣятельность, отдаться исключительно литературной работѣ. Общественной дѣятельности въ земствѣ онъ очень сочувствовалъ, но считалъ ее маловозможной по «независящимъ обстоятельствамъ» и полагалъ, что для нея должны найтись люди, непричастные литературѣ. Дѣйствительно, то было въ этой области мрачное и тяжелое время, при одной мысли о которомъ я теперь содрагаюсь. И какой грустной, но прелестной и вѣрной русской дѣйствительности шуткой кажется одно мѣсто изъ письма Чехова ко мнѣ въ эту пору: «Vive monsieur le membre de l'hôtel de zemstvo! Vive la punition corporelle pour les moujiks! Служи безпорочно, помни присягу, не распускай мужика и, если нужно, то посѣки, всякаго нарушителя долга прощай какъ человѣкъ, но наказывай какъ дворянинъ». А при свиданіи Чеховъ говорилъ мнѣ:

— Все это хорошо, и дай тебѣ Богъ всякаго успѣха, но по настоящему нужны не школки съ полуголоднымъ учителемъ и не аптечки, а народные университеты.

И когда я прочиталъ почти тѣ же слова, сказанныя отъ имени художника въ прелестномъ разсказѣ «Домикъ съ мезониномъ», я не удивился, а только обрадовался.....

Въ слѣдующую зиму я опять часто видѣлся въ Москвѣ съ Чеховымъ. Его успѣхъ, какъ художника, все возрасталъ. Въ провинціи съ нетерпѣніемъ ждали каждой его новой повѣсти, каждой строчки.

Интересъ къ его вещамъ былъ настолько великъ, что разговоры о новой повѣсти Чехова буквально занимали всю Россію. И дѣйствительно, нельзя было читать безъ огромнаго подъема духа что-либо написанное имъ. Геніальный художникъ завоевалъ свою родину. Въ эту зиму Чеховъ часто бывалъ въ Москвѣ, а жилъ въ своемъ небольшомъ имѣніи Мелихово, Серпуховскаго уѣзда. Не помню теперь, въ эту ли именно зиму, или въ другую Чеховъ въ Москвѣ приглашалъ меня ѣхать съ собой въ Петербургъ на первое представленіе «Чайки» въ Александринскомъ театрѣ. Какъ сейчасъ помню, что это представленіе было назначено на 17-е октября, и Чеховъ говорилъ мнѣ:

— Поѣдемъ смотрѣть, какъ провалится моя пьеса, недаромъ ставится она въ день крушенія поѣзда.

Когда же я доказывалъ, что такая интересная и поэтическая вещь не должна провалиться, Чеховъ замѣтилъ:

— Напротивъ, должна, непремѣнно должна! Дѣло въ томъ, что большинство актеровъ играетъ по шаблону. Одинъ будетъ стараться представлять писателя, значитъ, можетъ быть, и загримируется кѣмъ-нибудь изъ извѣстныхъ литераторовъ и будетъ его передразнивать. У нихъ если на сценѣ военный, то непремѣнно поднимаетъ плечи и хлопаетъ каблуками, чего не дѣлаютъ въ жизни военные. Большой, вдохновенный талантъ—рѣдкость, а объ передачѣ настроенія моей пьесы не позаботятся.

Я не могъ поѣхать съ Чеховымъ. Пьеса провалилась на первомъ представленіи, принеся огромное и незаслуженное огорченіе автору. Мнѣ передавала потомъ сестра Чехова, Марія Павловна, что авторъ сбѣжалъ на другой день изъ Петербурга въ совершенномъ отчаяніи и проѣхалъ прямо въ Мелихово, не останавливаясь въ Москвѣ. Долгое время Чеховъ ничего не хотѣлъ слышать о постановкѣ пьесъ на сценѣ, а друзья и знакомые старались даже не заговаривать съ нимъ о приключеніи съ «Чайкой», щадя его нервы.

Всѣ знакомые покойнаго Чехова навсегда, конечно, сохранятъ воспоминанія о Мелиховѣ. Это былъ уютный уголокъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ съ небольшимъ помѣщичьимъ домомъ и маленькимъ садомъ. Хозяйствомъ въ имѣніи завѣдывала Марія Павловна. Тамъ встрѣчало посѣтителей радушіе Павла Егоровича и Евгеніи Яковлевны, родителей Чехова, предупредительная любезность Маріи Павловны и задушевная бесѣда самого хозяина. Чеховъ любилъ этотъ уголокъ средней Россіи, заботливо устраивалъ его обстановку, а это не легко было для него въ ту пору въ матеріальномъ отношеніи, и часто необходимый ремонтъ производился по частямъ въ ожиданіи гонорара за написанную повѣсть. А въ денежныхъ дѣлахъ Чеховъ былъ деликатенъ до щепетильности. Въ эту пору передавалъ онъ мнѣ, какъ одинъ издатель, буквально выпросившій его разсказъ и заранѣе его рекламировавшій, вручилъ ему, наконецъ, за него какую-то до смѣшного ничтожную плату, если не ошибаюсь—26 р.

— Вѣдь не могу же я торговаться,—говорилъ Чеховъ.—Съ большой помпой, послѣ всякихъ похвалъ, съ нѣкоторой даже таинственностью вручили мнѣ грошъ. А мнѣ надо лечиться, нужны деньги на Мелихово, а я и говорить объ этомъ не могу.

Хорошо было въ Мелиховѣ, и у гостей дѣлалось на душѣ весело уже съ того момента, когда васъ на порогѣ встрѣчалъ лай двухъ таксъ, которыхъ звали одну—«Бромъ Исаевичъ», а другую—«Хина Марковна»... Все было хорошо, умно и прекрасно въ жизни Чехова, кромѣ одного: художникъ былъ боленъ, боленъ чахоткой, и это было извѣстно и всѣмъ его знакомымъ, и ему самому. Это заставляло его лечиться, заботиться о гигіеническомъ образѣ жизни, отлучаться за

границу, на югъ, а ему не хотѣлось думать о самомъ себѣ, возиться съ самимъ собой, его интересовала окружавшая жизнь, а суть его собственной жизни составляло творчество, для котораго нужно было беречь здоровье... Случалось мнѣ посѣщать Мелихово и лѣтомъ, когда оно было еще лучше и еще уютнѣе, чѣмъ зимой. Маленькій, хорошо ухоженный садъ съ массой цвѣтовъ, небольшой рабочій домикъ, построенный въ саду, гдѣ подолгу разговаривалъ съ своими гостями и работалъ Чеховъ, разговоръ о томъ деревенскомъ хозяйствѣ, которымъ завѣдывала въ безконечныхъ хлопотахъ Марія Павловна,—все это заставляло гостя засиживаться лишній день въ Мелиховѣ и уѣзжать неохотно. Пріятно было бродить въ окрестностяхъ усадьбы, разговаривая съ хозяиномъ или сидѣть на берегу маленькаго пруда, про который Чеховъ говорилъ, что у него тамъ караси, но что онъ намѣренъ дать имъ конституцію... Однажды, въ августѣ или началѣ сентября Чеховъ сказалъ мнѣ, что я пріѣхалъ какъ разъ во-время, чтобы присутствовать при освященіи только что выстроенной школы, которой онъ былъ попечителемъ. Онъ познакомилъ меня съ учительницей, молодой дѣвушкой, если не ошибаюсь, кончившей курсъ въ Серпуховской гимназіи, много шутилъ, называя меня чужимъ инспекторомъ народныхъ училищъ и начальствомъ и былъ необыкновенно оживленъ и веселъ. Тутъ же обратилъ онъ мое вниманіе на мѣстнаго крестьянина, послужившаго прототипомъ для старосты въ «Мужикахъ» и указывалъ на своеобразную колоритность его рѣчи. Послѣ мы разговорились о тяжеломъ положеніи народныхъ учителей и учительницъ, и я увидѣлъ впослѣдствіи нѣкоторыя черты этого положенія въ художественной правдѣ небольшого разсказика «На подводѣ»... Чеховъ вообще необыкновенно хорошо и мягко относился къ окружавшимъ его людямъ, а крестьянамъ Мелихова помогалъ чѣмъ могъ и какъ могъ.

Очень грустилъ Чеховъ, что приходится разставаться съ Москвой и средней Россіей, которую онъ такъ любилъ и перебираться по обыкновенію на зиму въ Крымъ. «Ничего не подѣлаешь, ничего не подѣлаешь», грустно повторилъ онъ и звалъ меня навѣстить его этой зимой въ Крыму. Мнѣ, однако, не удалось его видѣть этой зимой, а весной, когда онъ пріѣхалъ въ Москву, онъ попалъ въ больницу съ обострившейся болѣзнью. Выписавшись оттуда, онъ извѣстилъ меня въ нѣсколькихъ строкахъ, что здоровье его совсѣмъ плохо и что онъ продаетъ свои сочиненія Марксу за 75 тысячъ, что это дѣло рѣшенное, и ихъ уже окончательно устроилъ С. Разумѣется, эта продажа была не особенно выгодной для Чехова, но въ ту пору, при необходимости устроить себѣ удобный пріютъ въ Крыму, можетъ быть, неизбѣжной. Дача въ Крыму, въ Ауткѣ, около Ялты, была дѣйствительно построена превосходная. И самъ Чеховъ, и Марія Павловна заботливо внесли въ нее много изящества и уюта. Попрежнему тамъ воцарилось радушіе и ласка Чехова и его семейства. Только не было уже отца Антона

Павловича: онъ скончался раньше и похороненъ въ Москвѣ. Но самъ Чеховъ не могъ помириться съ насильственной необходимостью жить вдали отъ Россіи. Привожу выдержку изъ письма Чехова въ то время, когда онъ устраивалъ свою дачу:

«Большое тебѣ спасибо, что вспомнилъ и прислалъ письмо... Я въ Ялтѣ, повидимому, поселюсь здѣсь и уже строю себѣ дачу для зимовокъ, и уже приглашаю къ себѣ пріятелей и друзей, и даю при этомъ клятву, что въ своей крымской дачѣ я не буду заниматься винодѣліемъ и поить своихъ друзей краснымъ мускатомъ... Зимою я буду жить въ Ялтѣ, лѣтомъ же, начиная съ апрѣля, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ Мелиховѣ. Итакъ, пріѣзжай въ Мелихово, тамъ, обѣдая, я приглашу тебя въ Крымъ. Караси мои здравствуютъ и уже настолько созрѣли, что хочу дать имъ конституцію. Здоровье мое довольно сносно; все еще не женатъ и все еще не богатъ, хотя Марксъ и купилъ мои произведенія за 75 тысячъ. Возникаетъ вопросъ: гдѣ деньги? Ихъ не шлютъ мнѣ, и, повидимому, мой повѣренный С. пожертвовалъ ихъ на какое-нибудь доброе дѣло или, по совѣту Л. Н. Толстого, бросилъ ихъ въ печь... Не забывай, пиши, пожалуйста, пиши, памятуя, что живу я въ чужой сторонѣ не по своей волѣ и сильно нуждаюсь въ общеніи съ людьми, хотя бы письменномъ».

Въ другомъ письмѣ, присланномъ мнѣ уже тогда, когда Чеховъ окончательно устроился въ Ялтѣ, звучитъ такая же грусть по Россіи:

«Я все въ той же Ялтѣ. Пріятели сюда не ѣздятъ, снѣгу нѣтъ, саней нѣтъ, нѣтъ и жизни. Cogito, ergo sum и кромѣ этого cogito нѣтъ другихъ признаковъ жизни... Вообще напиши подробнѣе, дабы я имѣлъ основаніе считать тебя добрымъ человѣкомъ».

А когда я навѣстилъ Чехова въ Крыму, онъ говорилъ мнѣ:

— Тебѣ нравится моя дача и садикъ, вѣдь нравится. А между тѣмъ это моя тюрьма, самая обыкновенная тюрьма, вродѣ Петропавловской крѣпости. Разница только въ томъ, что Петропавловская крѣпость сырая, а эта сухая.

Чеховъ долго не могъ примириться съ жизнью «не по своей волѣ» на югѣ, но въ концѣ концовъ полюбилъ свою дачу, о которой много заботился. Онъ цѣнилъ очевидно результаты своихъ трудовъ. И когда, незадолго передъ его кончиной, Марія Павловна призналась ему, что и она долго не могла примириться съ Ялтой и неизбѣжной потерей Мелихова, а теперь ей здѣсь все дорого, Чеховъ грустно замѣтилъ:

— Вотъ такъ не любя замужъ выходятъ. Сначала не нравится, а потомъ привыкаютъ!

И несмотря на болѣзнь, которая то усиливалась, то улучшалась настолько, что усыпляла опасенія окружавшихъ, — Чеховъ работалъ, работалъ, работалъ... Поистинѣ это былъ огромный художникъ, смыслъ существованія котораго состоялъ въ творчествѣ... Въ послѣдній разъ мы видѣлись въ Москвѣ, куда онъ всегда стремился при первой

возможности и здоровье его еще не говорило о такой близкой опасности...

Осенью прошлаго 1904 года я посѣтилъ Новодѣвичье кладбище. Былъ тихій и теплый солнечный день. У небольшого могильнаго холмика, подъ которымъ покоится прахъ Чехова, стояла толпа молодежи: студенты, курсистки. На холмикѣ лежали увядшіе цвѣты и вѣнки изъ живыхъ, тоже увядшихъ цвѣтовъ. Тутъ же лежалъ и совсѣмъ свѣжій, только что кѣмъ-то положенный буктетикъ. Я зналъ, что не только этотъ могильный холмикъ, отнынѣ дорогой для всей Россіи, остался отъ Чехова.

Остались сочиненія, которыя безконечно долго будутъ давать наслажденіе людямъ, по этимъ сочиненіямъ будутъ изучать современную Чехову жизнь. Осталась и та слава, которая по смерти писателя дѣлается славой его родной стороны.

Чеховъ умеръ рано, въ самый разгаръ своего творчества и могъ бы написать еще много. Но и того, что онъ сдѣлалъ, слишкомъ достаточно, чтобы оправдать и исчерпать смыслъ жизни огромнаго художника. Все это я зналъ, и въ этихъ мысляхъ искалъ утѣшенія. Вѣрныя сами по себѣ, онѣ однако не могли принести утѣшенія: передо мной вставалъ образъ умнаго, добраго, безконечно правдиваго человѣка, осѣненный тѣмъ могучимъ и невѣдомымъ, что принято называть талантомъ. Было мучительно, грустно и жаль, безконечно жаль человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова...

Вл. Ладыженскій.

«ОБЫКНОВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ».

I.

Надо сознаться, что мы очень мало знаемъ о томъ, какъ складываются у насъ самыя обыкновенныя, повседневныя жизненныя отношенія и только по внезапнымъ вспышкамъ, представляющимся какими-то грозными фантомами, начинаемъ догадываться, что пребывать въ такомъ невѣдѣніи дольше невозможно, что эти вспышки—показатели какихъ-то ненормальныхъ условій, освящать которыя—прямая обязанность печати, что если не отдавать себѣ въ нихъ отчета, хотя бы до нѣкоторой степени, далеко не полностью, положеніе дѣлъ можетъ лишь ухудшиться. Однако, невольно возникаетъ вопросъ—какъ разобраться въ этихъ отношеніяхъ, какимъ матеріаломъ для этого пользоваться, чтобы заключенія не страдали односторонностью, служили не обостренію именно урегулированію, и отвѣчали указаніямъ дѣйствительности?

Еще года два-три назадъ кое-гдѣ провинціальнымъ газетамъ разрѣшалось касаться «фактовъ изъ внутренней жизни фабрично-заводскихъ предпріятій». Правда, цензура разрѣшала говорить лишь о предпріятіяхъ мелкихъ. Такіе «тузы», какъ Брянскій заводъ въ Екатеринославлѣ или фабрика волокнистыхъ веществъ Тагіева въ Баку были безусловно изъяты «изъ вѣдѣнія печати». Правда и то, что дозволено было говорить лишь о правонарушеніяхъ мелкихъ, и притомъ со стороны людей не старше подмастерья. Но все-таки кое о чемъ писать дозволялось. И вотъ изъ тѣхъ минувшихъ временъ мнѣ припоминается любопытный эпизодъ.

Случилось это въ Баку. Есть тамъ на Биби-Эйбатѣ мастерскія т-ва «Электрическая сила». Работалъ въ этихъ мастерскихъ машинистъ Бухаловъ. Въ 1901 г. директоръ предпріятія г. Классонъ приказалъ Бухалову снять какой-то «электрическій приборъ». Машинистъ поспѣшилъ исполнить приказаніе. Оказалось, однако, что «приборъ находился подъ токомъ высокаго напряженія», чего г. Классонъ, повидимому, не замѣтилъ. Бухалова обожгло, и ему пришлось отрѣзать два пальца правой руки.

Возникъ «вопросъ о вознагражденіи за увѣчье». «Безпалому машинисту» предложили покончить дѣло миромъ, безъ суда, за 450 р., съ сохраненіемъ мѣста машиниста.

Обѣщаніе это, разумѣется, было дано на словахъ. А отъ Бухалова взяли нотаріальную расписку, что онъ никакихъ претензій къ «Электрической силѣ» не имѣетъ. Договоръ, словесный со стороны капитала, и нотаріальный со стороны труда, нѣкоторое время соблюдался въ точности. Бухалову, дѣйствительно, было дано мѣсто. Но вскорѣ онъ замѣтилъ, что находится въ какихъ-то исключительныхъ условіяхъ. Каждая мелочь, которая другимъ проходитъ безнаказанно, для него неизмѣнно заканчивается штрафомъ.

И еще странность, которую скоро замѣтили и Бухаловъ, и товарищи его. По закону, каждый штрафъ долженъ записываться не только въ разсчетную книжку оштрафованнаго, но и въ особую «шнуровую книгу» (ст. 150 уст. о пром.). Обозначенный въ «шнуровой книгѣ» «капиталъ» составляетъ какъ бы коллективную собственность рабочихъ и «можетъ быть употребляемъ только на удовлетвореніе ихъ нуждъ» (ст. 152). Но такъ какъ правильность записей въ «шнуровую книгу» контролируется, главнымъ образомъ, совѣстью фабрично-заводской администраціи, то на практикѣ установился упрощенный порядокъ. Въ разсчетную книжку штрафы записываются по возможности всѣ, а въ шнуровую книгу лишь нѣкоторые, по усмотрѣнію мастеровъ. Такимъ упрощеніемъ достигаются сразу двѣ цѣли. Во-первыхъ, «штрафной капиталъ» поступаетъ или въ собственность заводчика, или распредѣляется между мастерами, подмастерьями и иными «старшими лицами», какъ прибавочный заработокъ. А во-вторыхъ, чистая «шнуровая книга» свидѣтельствуетъ о человѣколюбіи. И въ случаѣ надобности, ее можно предъявить, какъ неоспоримый документъ: «Вотъ, молъ, смотрите, сколь мы добросердечно относимся къ рабочимъ: въ мѣсяцъ не болѣе 2—3 штрафовъ!..»

Сами «рабочіе», не имѣя ни представительства, ни разрѣшенной закономъ организаціи, видятъ въ штрафномъ капиталѣ не «коллективную собственность» но «просто пропащія деньги». Для нихъ «шнуровая», или, какъ ее называютъ, «штрафная» книга то же, что для школьника кондуитъ. Нѣкоторые даже довольны, что штрафъ никуда, кромѣ разсчетной книжки, не записывается,—точно такъ же, какъ доволенъ школьникъ, если его «поступокъ» записанъ только въ «дневникъ», а не въ «штрафной журналъ».

И вотъ Бухаловъ и товарищи его замѣтили, что штрафы другихъ по обыкновенію попадаютъ въ «штрафной журналъ» въ видѣ исключенія, штрафъ же «безпалаго» вносится туда неизмѣнно.

Тяжелая обязанность внушить увѣчному машинисту, чтобы онъ убрался по добру—по здорову, выпала на долю ближайшаго его начальника, инженера Векслера. Бухаловъ понималъ свое исключительное положеніе. Но по свойственному людямъ неразумію винить въ желѣзнодорожныхъ крушеніяхъ стрѣлочника, а въ произволѣ, который служитъ кое-гдѣ основой гражданственности, городового, онъ пола-

галъ, что во всемъ виноватъ только Векслеръ. Отношенія между Бухаловымъ и Векслеромъ обострились до крайности и 13 января 1903 г. разрѣшились безобразной дракой. Машинистъ и инженеръ «клубкомъ катались» по мастерской, тузя другъ друга. Послѣ этого Бухаловъ былъ уволенъ «на основаніи 105 ст. уст. о пром.», т.-е. безъ выдачи двухнедѣльнаго заработка. Два другихъ рабочихъ, видѣвшіе драку, но не помогшіе Цекслеру бить Бухалова, также были уволены. Всѣ трое обратились съ жалобой къ одному изъ сотрудниковъ газеты «Баку», который частенько изобличалъ «порядки» въ мастерскихъ «Электри ческой силы». Сотрудникъ написалъ замѣтку. Конечно, отъ цензора пришлось скрыть, что Векслеръ—инженеръ: ибо «нельзя же публиковать, что рабочіе бьютъ инженеровъ». Но сущность событія была всетаки передана и напечатана. А недѣлю спустя къ автору утромъ явился рабочій и сообщилъ:

— Берегитесь, противъ васъ нѣчто замышляется. Имѣйте въ виду, что Векслеръ уже получилъ годичный отпускъ, съ сохраненіемъ жалованья. Больше ничего сказать не могу. Сегодня, въ крайнемъ случаѣ завтра, сами все узнаете. Но не забудьте про годичный отпускъ.

Рабочій ушелъ. Часа черезъ два въ редакцію пожаловали два инженера и предъявили обличителю «открытое письмо» г. Векслера, который, опровергая факты, изложенные въ замѣткѣ, вызывалъ автора ея на «дуэль», въ слѣдующей своеобразной формѣ: «Пусть каждый изъ насъ,—писалъ г. Векслеръ,—выберетъ двухъ судей, и пусть эти судьи, избравъ по соглашенію пятаго, разберутъ дѣло. Если судъ найдетъ, что я первый напалъ на Бухалова и первый его ударилъ, то я обязуюсь немедленно и навсегда оставить службу въ Баку въ томъ обществѣ, гдѣ сейчасъ служу.

«Если судъ признаетъ, что этого не было, тогда вы должны также немедленно и навсегда оставить сотрудничество въ бакинскихъ газетахъ, избравъ иной городъ для приложенія своего обличительнаго таланта.

«Не отрицаю, что предлагаемыя мною условія достаточно суровы для насъ обоихъ. Но, милостивый государь, господъ, подобныхъ вамъ, къ сожалѣнію, нельзя обучить приличному обращенію съ печатнымъ словомъ иными, болѣе мягкими способами».

Никакой «суровости» въ этой «дуэли» не было ни для г. Векслера (особенно, если припомнить предупрежденіе рабочаго), ни для обличителя, относительно котораго еще раньше подлежащими сферами былъ поставленъ вопросъ: «пребывать или не пребывать ему въ предѣлахъ Кавказа», о чемъ, впрочемъ, администрація «Электрической силы» навѣрное не знала. Но «открытое письмо» знаменательно, какъ документъ, свидѣтельствующій, до какой крайности можетъ дойти заводоуправленіе, когда ему хочется зажать «корреспонденту» ротъ.

Возможно, что для «Электрической силы» не составило бы очень

большихъ хлопотъ опровергать потерпѣвшихъ рабочихъ «свидѣтельскими показаніями». На заводахъ, какъ извѣстно, почти всѣ несчастья происходятъ по собственной неосторожности, что всегда подтверждается самыми неоспоримыми свидѣтелями и очевидцами. Но, повторяю, только крайность заставила рисковать вызовомъ на «дуэль»: въ Баку тогда былъ цензоръ, который держался мнѣнія, что о заводахъ иногда писать можно, и до нѣкоторой степени не внималъ жалобамъ заводчиковъ. Обыкновенно же «рты зажимаются» гораздо проще: пріѣзжаетъ директоръ къ кому слѣдуетъ и говоритъ:—газета такая-то волнуетъ моихъ рабочихъ. Не могу ручаться за спокойствіе...

— А, волнуетъ... Не можете ручаться... Хорошо, мы примемъ мѣры...

Любопытно, что сама полиція увѣрена, будто если рабочіе и неспокойны, то единственно по той причинѣ, что о нихъ пишутъ въ газетахъ. По этимъ соображеніямъ, между прочимъ, два сотрудника «Баку» подверглись высылкѣ. Третій, раздражившій г. Векслера, случайн уѣхалъ по своей волѣ за недѣлю до распоряженія о немъ.

По причинѣ того же заблужденія вотъ уже нѣсколько лѣтъ систематически разоряются люди призывами ѣхать въ Баку и поступить на ткацкую фабрику г. З. А. Тагіева.

Мѣстная полиція, видимо, полагаетъ, будто рабочіе безпокоятся единственно по той причинѣ, что они безпокойные люди. И каждый годъ безпокойныхъ людей, недовольныхъ завѣдомо неправильными расцѣнками работъ на фабрикѣ выпроваживаютъ на родину, каждый годъ объявленіями черезъ губернаторовъ, исправниковъ, фабричныхъ инспекторовъ вызываются изъ центральной Россіи новые рабочіе. По пріѣздѣ въ Баку вызванные оказываются не менѣе безпокойны, чѣмъ и прежніе. Ихъ также выпроваживаютъ. Фабрика работаетъ. Желѣзныя дороги возятъ. Рабочій людъ, повѣрившій объявленіямъ, разоряется до тла. И такъ оно идетъ, несмотря на разоблаченія столичной прессы, не мало лѣтъ, съ точностью часового механизма...

То же въ сущности происходитъ и съ печатью. Трехъ журналистовъ, которые «касались рабочаго вопроса», такъ или иначе весною 1903 г. изъ Баку выжили. Газета, гдѣ они сотрудничали, была тѣмъ самымъ убита и умерла. Цензоръ, «распустившій прессу», былъ замѣненъ другимъ. «Волновать рабочихъ», казалось бы, некому больше. «Рабочій вопросъ» не только въ Баку, но и по всей Россіи былъ «снятъ съ очереди». Газеты примолкли, однако весьма скоро обнаружилось, до какой степени этотъ пріемъ искусственнаго замалчиванія дѣйствительныхъ отношеній оказался пагубнымъ: то, что своевременно принятыми мѣрами можно было бы предупредить, приняло необычайные размѣры стихійнаго явленія и теперь несравненно труднѣе наладить отношенія, настоящій характеръ которыхъ ускользалъ отъ анализа по невѣдѣнію обстоятельствъ. «Полицейская власть», казалось, сама готова была вѣрить въ созданную ея трудами сладкую иллюзію, что на фабрикахъ

и заводахъ все благополучно. А когда рабочему люду стало «невтерпежъ» и онъ заговорилъ безъ предварительной цензуры, да такъ громко, что скрыть было нельзя, россійскаго обывателя начали утѣшать:

— Это все подпольные агитаторы, жиды и японскіе шпіоны дѣлаютъ. Вотъ мы агитаторовъ передушимъ, шпіоновъ переловимъ, и смута сразу прекратится.

II.

Вѣрилъ ли кто-нибудь пущенной латинскимъ агентствомъ и нынѣ оффиціально опровергнутой легендѣ о 18 японскихъ милліонахъ, которыми якобы создано рабочее движеніе? По моимъ личнымъ наблюденіямъ, вѣрующихъ нашлось очень немного. Но они были. И винить ихъ за то, что они вѣрили, не вполнѣ справедливо. Въ сущности, что мы знаемъ о бытѣ рабочихъ? Почти ничего. Выше я упомянулъ, какъ пользуются «хозяева» своимъ правомъ налагать штрафы. Но сказанное мною—единичный случай, а въ дѣйствительности ихъ можетъ оказаться несравненно больше. Беру для примѣра хотя бы слѣдующую замѣтку о заводахъ екатеринославскаго района:

«У насъ заурядъ практикуется такой способъ: штрафы взыскиваются (въ пользу администраціи) подъ предлогомъ погашенія аванса». Такъ, «недавно... рабочаго-слесаря директоръ одного завода отправилъ въ свою квартиру исправить клозетъ, т.-е. на работу, не предусмотрѣнную договоромъ и потому не подлежащую договорнымъ условіямъ и опредѣленнымъ въ нихъ штрафамъ. Рабочій нечаянно отбилъ нижній край фарфоровой чаши и тутъ же склеилъ. Тѣмъ не менѣе, его, зарабатывающаго въ получку 15—20 руб., подвергли штрафу въ 12 р. (нарушеніе 148 ст., по которой взысканія въ общей сложности не должны превышать $^1/_3$ получки). Эти деньги съ него вычитаются по 2 руб. и заносятся, какъ погашеніе аванса!» («Вѣстн. Ю.», 26-го іюля 1903 года).

Взыскиваются штрафы и подъ другими «предлогами». Надо устроить проводы отъѣзжающему начальнику, ознаменовать пятилѣтнюю службу директора цѣннымъ подаркомъ, поднести вѣнокъ и колье заѣзжей актрисѣ: администрація, если она не стѣсняется (а кого ей стѣсняться?) щедрою рукою черпаетъ рессурссы при помощи штрафовъ. «Вѣстн. Юга» въ только что приведенной мною замѣткѣ добросовѣстно указываетъ:

«Директоръ завода нарушилъ уставъ о пром. вообще и 148 ст. въ частности».

Да, законъ, конечно, существуетъ. Но что такое законъ?

— Начальство можетъ поступать, какъ ему угодно—отвѣтилъ мнѣ однажды на этотъ вопросъ остроумный секретарь городской полиціи.— Этотъ законъ называется положеніемъ объ усиленной охранѣ, и мы

его обязаны исполнять. А тѣ законы, на которые вы ссылаетесь, написаны для успокоенія либераловъ и не соотвѣтствуютъ видамъ правительства.

Возьмите другую не менѣе важную сторону рабочей жизни—«физическое наказаніе». По закону, разумѣется, оно возбранено. Но возможно, что этотъ законъ, дѣйствительно, «написанъ лишь для успокоенія либераловъ», ибо, пока что, мастера частенько-таки бьютъ рабочихъ и рѣдко получаютъ сдачи.

То же надо сказать и объ увольненіи рабочихъ. За что порою выбрасываютъ ихъ на улицу, свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующая замѣтка «Баку»:

«Въ мастерскихъ «Восточнаго общества» работалъ нѣкто, извѣстный подъ кличкою «Буръ». На масленицу къ нему пришелъ въ гости «старшой» О. У Бура въ это время была, тоже въ качествѣ гостьи, родственница. На бѣду Бура, «старшому» родственница приглянулась. Отозвавъ подчиненнаго, О. сказалъ, указывая на понравившуюся ему женщину:

«— Ежели ты мнѣ *въ этомъ дѣлѣ* пособишь, я тебѣ съ лихвой отплачу.

«— Что вы? помилуйте!—отвѣтилъ оторопѣвшій Буръ.—Развѣ я на такія дѣла пойду...

«О. промолчалъ и вскорѣ ушелъ. Но когда Буръ явился на работу, О. сталъ преслѣдовать его, а черезъ три дня Буру былъ заявленъ разсчетъ».

Мнѣ лично извѣстенъ болѣе поразительный фактъ: рабочій былъ уволенъ за то, что его жена «нечистоплотна». То-есть онъ согласился послать свою жену «на ночку» къ «старшому», но у нея оказалась грязная рубашка... Но опять повторяю—это лишь штрихи, но не картина. И въ общемъ о бытѣ рабочихъ мы знаемъ слишкомъ мало.

Въ данное время мнѣ хотѣлось бы сказать хоть нѣсколько словъ о положеніи рабочихъ въ захолустьяхъ юго-западнаго края. Но здѣсь, сверхъ общеимперскаго, созданнаго цензурой невѣдѣнія, приходится терпѣть послѣдствія одного забытаго вверху, но основательно дѣйствующаго внизу «мѣропріятія». Объ этомъ мѣропріятіи передаютъ не лишенный интереса анекдотъ.

Высокопоставленная особа, путешествуя по Подольской губ., посѣтила, между прочимъ, богатаго помѣщика-поляка. Радушный хозяинъ угостилъ ее изо всѣхъ силъ. Очарованная его гостепріимствомъ особа предложила:

— Не имѣете ли какой-нибудь просьбы? Могу пособить...

— Большая просьба у меня,—отвѣтилъ хозяинъ.—Въ мое имѣніе врѣзывается клиномъ 5 десятинъ чужой земли. Помогите мнѣ ихъ купить...

Высокопоставленный гость былъ страшно возмущенъ.

— Какъ!—говорилъ онъ своимъ приближеннымъ.—У этого человѣка состояніе въ нѣсколько милліоновъ. И онъ проситъ взаймы на 5 десятинъ...

Особѣ, однако, разъяснили, что дѣло не въ займѣ, а въ тѣхъ мѣрахъ, какія приняты по случаю 1863 г. для искорененія польскихъ помѣстій въ юго-западномъ краѣ.

Первая мѣра—особая регламентація сервитутнаго выпаса крестьянскаго скота на помѣщичьихъ паровыхъ поляхъ. Благодаря этой регламентаціи, для землевладѣльцевъ поляковъ сдѣлалась обязательной трехпольная система хозяйства.

Вторая мѣра—отсутствіе для польскихъ помѣщиковъ кредита въ дворянскомъ банкѣ. Къ ихъ услугамъ лишь частный кредитъ. И, такимъ образомъ, они очутились въ явно невозможныхъ условіяхъ для конкуренціи съ землевладѣльцами не-поляками.

Третья мѣра—категорическій запретъ полякамъ покупать землю въ юго-западномъ краѣ.

Мѣры эти, казалось бы, должны способствовать переходу земель изъ дворянскихъ рукъ въ крестьянскія. Но на дѣлѣ произошло иначе. Представьте, какой-нибудь полякъ помѣщикъ не выдержалъ обязательнаго трехполья, запутался въ частныхъ закладныхъ и вынужденъ продать имѣніе. Этого момента ждетъ кто-либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, уроженцевъ центральныхъ губерній. Онъ беретъ разрѣшеніе на покупку и, если помѣстье продается съ торговъ, является на торги. Другихъ покупщиковъ чаще всего нѣтъ. Имѣніе идетъ за ту цѣну, въ которой оно заложено. Новый владѣлецъ немедленно закладываетъ его въ дворянскомъ банкѣ (по оцѣнкѣ, какая доступна лишь дворянину, состоящему на государственной службѣ). И въ результатѣ столь несложной операціи у предпріимчиваго чиновника оказывается собственная земля и нѣсколько тысячъ рублей наличными на первоначальное обзаведеніе.

При другой вѣроятности, если владѣлецъ-полякъ не окончательно запутался и съумѣетъ найти нѣсколькихъ покупателей, «операція» нѣсколько сложнѣе. За землю приходится платить дороже, такъ что закладныхъ листовъ дворянскаго банка не хватаетъ. Тогда желающій купить имѣніе чиновникъ прибѣгаетъ къ услугамъ особаго рода спеціалистовъ, которые, если не ошибаюсь, нигдѣ, кромѣ западнаго края, не встрѣчаются. Это—агенты по организаціи крестьянскихъ товариществъ. Крестьяне за землю платятъ «мужицкую», высокую цѣну—частью наличными, частью за счетъ ссуды крестьянскаго банка. Результатъ получается тотъ же: у чиновника въ рукахъ имѣніе, правда, не цѣликомъ, ибо нѣкоторая доля отошла къ «мужикамъ», но все же имѣніе, и плюсъ нѣсколько тысячъ рублей. Человѣкъ недогадливый, пожалуй, спроситъ:

— А почему же сами поляки не продаютъ земли крестьянамъ?

А потому, что содѣйствовать или не содѣйствовать ссудѣ изъ крестьянскаго банка зависитъ, прежде всего и главнымъ образомъ, отъ чиновниковъ. Отъ нихъ же зависитъ и то, чтобы товарищество получило разрѣшеніе на покупку земли.

По милости такого именно сцѣпленія обстоятельствъ, нѣкоторые бывшіе администраторы нынѣ состоятъ владѣльцами громадныхъ помѣстій, скупленныхъ прямо-таки за безцѣнокъ. Не говорю о крупныхъ людяхъ. Но даже такая мелкая сошка, какъ бывшій житомирскій полицеймейстеръ Насвѣтовъ, съумѣлъ сдѣлаться за короткое сравнительно время землевладѣльцемъ, состояніе котораго оцѣниваютъ до милліона рублей. Эта исторія,—какъ полицеймейстеры становятся помѣщиками, а поляки-помѣщики у нихъ арендаторами,—разумѣется, заслуживаетъ того, чтобъ о ней разсказать обстоятельнѣе. Но здѣсь я напоминаю ее вскользь, съ цѣлью объяснить, почему цензура, напр., въ Кіевѣ гораздо неукоснительнѣе искореняетъ изъ печати «рабочій вопросъ», нежели въ остальныхъ мѣстахъ. Здѣсь административныя власти волею судебъ втянуты въ земельную спекуляцію. Между ними и заводчиками существуютъ арендныя и другія коммерческія, дѣловыя отношенія. И если въ Баку надо защищать Тагіева отъ газетныхъ разоблаченій изъ видовъ полицейскихъ, то въ Кіевѣ Бродскихъ и Терещенковъ охраняютъ еще и денежныя связи.

Лишь изрѣдка, вопреки предосторожностямъ цензуры, въ руки наблюдателя можетъ попасть глухой намекъ на дѣйствительность,—намекъ, вродѣ закончившагося въ концѣ 1904 г. процесса о вооруженномъ нападеніи на директора Матусовскаго сахарнаго завода.

Дѣло это разсмотрѣно окружнымъ судомъ въ Умани. Въ печати оно прошло незамѣченнымъ, быть можетъ, по той причинѣ, что обстановка рабочей жизни въ немъ затронута очень слабо. Само по себѣ дѣло принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ загадочныхъ. Ночью 8-го августа 1903 г. директоръ завода Аѳанасьевъ ѣхалъ съ женою и гостьей, 16-ти-лѣтней дѣвушкой, изъ Матусова въ Лебединъ Неожиданно раздались выстрѣлы по экипажу. Г. Аѳанасьевъ и жена его уцѣлѣли. Дѣвушка была убита картечью наповалъ, и трупъ ея выпалъ на дорогу. Кучеръ получилъ серьезную рану. Отъ нападавшихъ удалось все-таки ускакать. Въ качествѣ обвиняемыхъ были привлечены трое рабочихъ. Но противъ нихъ судъ не могъ найти даже сколько-нибудь вѣскихъ косвенныхъ уликъ. Всѣ они оправданы. А кто совершилъ нападеніе. такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Самъ г. Аѳанасьевъ горячо доказывалъ, что сидѣвшіе на скамьѣ подсудимыхъ невиновны.

— Я,—говорилъ онъ, какъ свидѣтель,—служу въ разныхъ мѣстахъ 22 года. Имѣлъ дѣло съ десятками тысячъ рабочихъ. И на основаніи опыта своего утверждаю, что убійство совершили не рабочіе. «Даже мысли не допускаю, чтобы рабочій могъ быть разбойникомъ». А въ дан-

номъ случаѣ у рабочихъ не было и поводовъ рѣшаться на вооруженное нападеніе. Между ними и заводской администраціей «бывали, конечно, шероховатости,—гдѣ ихъ не бываетъ! Но вообще все время были отношенія обыкновенныя».

22 года—срокъ солидный. И когда человѣкъ говоритъ на основаніи почтеннаго опыта, ему можно вѣрить. Намъ остается лишь выслушать свидѣтелей и понять, какія отношенія г. Аѳанасьевъ называетъ «обыкновенными»... Начнемъ съ «шероховатостей», безъ которыхъ, по справедливому замѣчанію матусовскаго директора, въ жизни обойтись нельзя.

III.

Главною «шероховатостью» самъ г. Аѳанасьевъ и его подчиненные, свидѣтельствовавшіе на судѣ, считаютъ «вопросъ о ветеранахъ»... Но я боюсь, что русское значеніе слова «ветеранъ» далеко не всѣмъ понятно.

Въ своихъ «Очеркахъ современной Англіи» г. Діонео говоритъ о неграхъ-работникахъ въ англійскихъ колоніяхъ:

«Безъ мучительной боли мы не можемъ читать разсказы путешественниковъ объ этихъ *состарившихся въ 30 лѣтъ* инородцахъ, сонно и апатично сидящихъ рядами, покуда свистокъ надсмотрщика или свистъ бича не призоветъ къ работѣ».

Ужасно—не правда ли? Но вотъ письмо какого-то «добраго человѣка» о мастерицахъ швеяхъ м. Александровки, Кіевской губерніи.

«Работаютъ онѣ въ мастерскихъ готоваго платья Винокурова, Смѣлянскаго и т. д. Какая ихъ жизнь, можете судить по слѣдующему. Одна моя знакомая 12-ти-лѣтней дѣвочкой поступила въ мастерскую. Съ тѣхъ поръ прошло 8 лѣтъ. И теперь эта 20-ти-лѣтняя дѣвушка въ буквальномъ смыслѣ слова старуха. Она сгорблена. На лицѣ морщины. Глаза красны и слезятся. Голова трясется. И такихъ 20-ти-лѣтнихъ и даже 18-ти-лѣтнихъ старухъ не мало. *Дряхлость въ 20—22 года обычный удѣлъ швей* («Кіев. Газ.», 27-го янв. 1905 г.).

Между африканскими и александровскими рабочими есть и еще разница. Первые все-таки могутъ «сидѣть апатично». Вторыя и этого лишены, ибо «рабочій день швеи продолжается обыкновенно 20 часовъ. И лишь счастливицы работаютъ всего 18 часовъ въ сутки».

Правда, 20-ти-часовой день существуетъ не вездѣ. На сахарныхъ, напримѣръ, заводахъ рабочій день 12-ти-часовой (производство безпрерывное, 2 смѣны); зато рабочимъ здѣсь *совершенно не полагается время на ѣду*. Они должны всю смѣну, съ утра до вечера—дневные, и съ вечера до утра—ночные, работать не ѣвши. Плата же за такой трудъ колеблется отъ 10 до 15 руб. въ мѣсяцъ, а средняя—3 копейки рабочій часъ (за вычетомъ штрафовъ—меньше).

«Изнашиванiе рабочаго организма» не мало содѣйствуютъ и другія причины. Такъ, изданная въ 1905 г. въ Кіевѣ книга инженера М. К. Васильева: «Несчастные случаи на свеклосахарныхъ заводахъ», свидѣтельствуетъ о поразительномъ отсутствіи вентиляціи, которымъ страдаютъ всѣ отдѣлы заводовъ, и это приводитъ порою къ смертельному отравленію не только рабочихъ, но даже «лицъ директорскаго званія» (стр. 92—93 книги). При всей своей осторожности, онъ склоненъ «смотрѣть на современный заводъ или фабрику, какъ на большого уголовнаго преступника-рецидивиста». И если мы не можемъ доказать этотъ приговоръ, то лишь по милости весьма энергичныхъ мѣръ, не дающихъ возникнуть «фабричной и заводской статистикѣ заболѣваній и несчастныхъ случаевъ».

Каковъ «процентъ увѣчности» на сахарныхъ заводахъ? Черезъ сколько лѣтъ рабочее поколѣніе уничтожается? Каковъ средній предѣльный возрастъ рабочаго?.. Увы никто этого, кромѣ Господа Бога, не знаетъ, ибо даже тѣ скудные матеріалы, какіе поступаютъ въ наши канцеляріи, зорко оберегаются, дабы никто ихъ, помимо архивныхъ крысъ, не использовалъ. И, кажется, только въ Россіи возможно въ одно и то же время принимать мѣры противъ «статистики заболѣваній и несчастныхъ случаевъ» и обѣщать государственное страхованіе рабочихъ, которое можетъ быть основано лишь на статистическихъ данныхъ.

Быть можетъ, эти предварительныя замѣчанія помогутъ понять, кого на нашихъ заводахъ принято считать «ветераномъ». Рабочіе екатеринославскаго района увѣряли меня, что у нихъ инвалидность для человѣка средней силы наступаетъ въ 40 лѣтъ. По ихъ словамъ, рабочаго, которому «стукнуло 40», на заводы принимаютъ очень неохотно и лишь въ случаѣ особой необходимости. А если онъ доработался до 40-лѣтняго возраста, то его стараются «выжить».

«Заводская отставка въ одинъ годъ съ солдатской выходитъ».

Повидимому, свѣдѣнія г. Васильева совпадаютъ съ этимъ отзывомъ. Изъ 647 рабочихъ мужчинъ, опрошенныхъ имъ, оказалось:

1) въ возрастѣ		до 25 лѣтъ		. . . .	64%
2) »	»	отъ 25	» 40 »	. . . .	28%
3) »	»	» 40	» 50 »	. . . .	7%

Свыше 60 лѣтъ вовсе нѣтъ рабочихъ. Только на черкасскомъ заводѣ какимъ-то чудомъ сохранился 83-лѣтній старикъ. Но это не рабочій, а историческая достопримѣчательность завода.

Заводская администрація устраняетъ инвалидовъ не по злобѣ, конечно, но изъ простого коммерческаго разсчета. 40-лѣтній организмъ расшатанъ. Для него чувствительнѣе скверный воздухъ въ мастерскихъ. Тѣло теряетъ гибкость и способность увертываться отъ механизмовъ. Пораненія и ушибы переносятся труднѣе. Рискъ поплатиться за увѣ-

чье и потерю трудоспособности возрастаетъ. Увеличиваются расходы на леченіе. Возникаютъ щекотливые вопросы, вродѣ несомнѣнной обязанности призрѣть инвалида, отдавшаго заводу всѣ свои силы, и т. д., и т. д.

Словомъ, отъ «ветерановъ» всего выгоднѣе «отдѣлаться» заблаговременно. Судя по словамъ г. Аѳанасьева, такую именно инструкцію онъ и получилъ отъ хозяевъ при самомъ вступленіи своемъ на постъ директора Матусовскаго завода.

— Когда я пріѣхалъ,—говорилъ онъ присяжнымъ засѣдателямъ,—въ рабочихъ ощущалась порядочная нужда. Мы нанимали ихъ. И уже по одному этому безпорядочныхъ и безпричинныхъ увольненій быть не могло. Но согласно видамъ правленія (Александровскаго акціонернаго товарищества), мы отъ ветерановъ старались понемножку освободиться.

Въ числѣ свидѣтелей былъ, между прочимъ, полицейскій приставъ Бѣлоцкій. «По распоряженію губернатора и прокурора, онъ собиралъ негласныя свѣдѣнія; прибѣгалъ, по его словамъ, къ различнымъ пріемамъ, переодѣвался, ѣздилъ въ качествѣ ходатая по дѣламъ»... Въ такихъ трудахъ г. Бѣлоцкій провелъ 5 недѣль и замѣтилъ, что «къ ветеранамъ придирались», т.-е. заводская администрація старалась найти за ними вину—«предлогъ уволить отъ службы». Поэтому «Аѳанасьевымъ были недовольны, говорили, что за малѣйшую провинность онъ увольняетъ, гонитъ, лишаетъ куска хлѣба».

Любопытно показаніе самого г. Аѳанасьева,—будто рабочіе знали о намѣреніяхъ правленія избавиться отъ ветерановъ, и что онъ тѣмъ не менѣе ветеранамъ, выражавшимъ недовольство, рекомендовалъ:

— Жалуйтесь правленію.

IV.

«Кіевская Газета» въ концѣ 1904 г. приводила не лишенный интереса разсказъ бывшаго служащаго на одномъ изъ сахарныхъ заводовъ:

«Пріѣхалъ я на заводъ впервой отъ роду. Раньше съ сахарной промышленностью знакомства не имѣлъ. Нанялъ себѣ квартирку.

«Выложилъ изъ чемодановъ свою движимость. На завтра вдругъ получаю отъ квартирной хозяйки заявленіе:

«— Пожалуйста, извините насъ, Петръ Ивановичъ. Къ намъ пріѣзжаютъ родственники. Такъ что я васъ попрошу комнатку поскорѣе очистить.

«Нечего дѣлать—очистилъ. Переѣзжаю на другую квартиру. Опять раскладываю свои книжки и манишки.

«— Извините,—говоритъ хозяйка,—вы неудобный постоялецъ.

«— Позвольте,—спрашиваю,—откуда вы знаете, что я неудобный. Всего одну ночь у васъ человѣкъ переночевалъ...

«— Нѣтъ,—говоритъ,—споры мы лучше оставимъ, а квартиру васъ прошу поскорѣй очистить...

«Что за чертовщина?» думаю. Однако, нашелъ третью квартиру. Опять начинаю раскладываться... Входитъ хозяинъ:

«— А вы,—говоритъ,—господинъ, съ книжками!..

«— Вамъ-то,—спрашиваю,—какое дѣло?

«— А такое,—отвѣчаетъ,—дѣло, что вы ужъ лучше не трудитесь. Уложите свои чемоданчики, да и ѣзжайте отъ насъ.

«— Богъ съ вами? Почему?

— А потому,—говоритъ,—что директоръ завода терпѣть не можетъ такихъ, которые съ книжкамя. А я тожъ отъ завода пропитаніе имѣю. Такъ что намъ съ вами не рука вмѣстѣ быть.

«— Что-жъ мнѣ,—спрашиваю,—дѣлать?

«— А ужъ этого,—говоритъ,—не знаю. Если,—говоритъ,—книжечки ваши въ печку, то ничего, можно будетъ—тогда живите себѣ на здоровье.

«— То-есть какъ это въ печку? Вѣдь тутъ почти на 50 цѣлковыхъ добра!..

«— Ну, это,—отвѣчаетъ,—ваша забота. А только вы того, подальше отъ нашихъ воротъ...

«Коротко говоря, книжки я долженъ былъ отправить всѣ до единой въ Кіевъ, сестрѣ. И сталъ жить»...

Дальше выяснилось, что и театръ въ глазахъ директора представлялся столь же опаснымъ, и сцена на заводѣ была лишь «для благоустройства. Чтобъ было что знатнымъ посѣтителямъ показывать»...

Однако, на другихъ заводахъ театральныя подмостки стоятъ не только «для благоустройства», на нихъ ставятся любителями спектакли. Бываетъ, что самъ директоръ удѣляетъ театру для служащихъ и рабочихъ не мало времени и даже благосклонно соглашается выступать на сценѣ. О такомъ директорѣ заводская мелкота склонна говорить:

— Прекрасный, просвѣщенный человѣкъ!..

И наоборотъ, когда на заводѣ «что-либо случится», и система «просвѣщеннаго абсолютизма» покажется акціонерамъ источникомъ «превратныхъ толкованій», тотъ же директоръ къ театру вдругъ охладѣваетъ и изъ прекраснаго человѣка превращается въ «бездушнаго формалиста, не признающаго пользы наукъ и искусствъ».

«Хозяинъ» завода всегда былъ и есть «кормилецъ», который о рабочемъ печется и ничего для рабочаго не жалѣетъ. Но онъ часто ошибается, выбираетъ скверныхъ директоровъ, и оттого плохо живется... Система эта выдумана, разумѣется, не сахарозаводчиками, но на Матусовскомъ заводѣ, она, судя по всему, «имѣла мѣсто».

— Крупнѣйшій акціонеръ Бродскій,—говорилъ въ качествѣ свидѣтеля полицейскій приставъ,—считался покровителемъ рабочихъ. Онъ устроилъ для нихъ школу. Давалъ пособіе. Аѳанасьева же считали непомѣрно строгимъ и требовательнымъ.

Немудрено, что изгоняемые «ветераны» пытались жаловаться правленію. И по случаю этихъ жалобъ весьма цѣнное показаніе далъ на судѣ урядникъ Пантелеймонъ Мельникъ... Но сначала позволю себѣ подѣлиться нѣкоторыми личными наблюденіями.

Въ 1901 г. мнѣ захотѣлось имѣть для екатеринославской газеты постоянныхъ корреспондентовъ среди рабочихъ. Между прочимъ, я обратился съ просьбою «писать, по возможности, ежедневно» къ своему родственнику, работавшему на одномъ изъ заводовъ близъ ст. Нижнеднѣпровскъ.

— Ежедневно никакъ нельзя,—отвѣтилъ онъ.

— Почему?

— Потому что трудно оказію найти...

— Какую оказію?

— А чтобъ вѣрный человѣкъ ѣхалъ въ городъ или на другую станцію и тамъ опустилъ письмо въ почтовый ящикъ...

— А развѣ въ самомъ Нижнеднѣпровскѣ нельзя опускать?

— Отчего нельзя... Да только тогда мои письма сначала заводское начальство читать будетъ... Кстати—и ты мнѣ пиши, пожалуйста, не на редакціонныхъ бланкахъ. И ничего, кромѣ семейныхъ дѣлъ, не касайся.

Приблизительно такой же отвѣтъ я получилъ и отъ другихъ рабочихъ. Доходило до курьезовъ. Изъ Каменскаго, напр., завода редакція довольно исправно получала корреспонденціи, но онѣ были съ почтовымъ штемпелемъ города Верхнеднѣпровска и даже Кременчуга. Т.-е. корреспондентъ вручалъ свое письмо какому-нибудь «вѣрному человѣку», которому надо было ѣхать на пароходѣ. «Вѣрный человѣкъ», прибывъ, положимъ, въ Кременчугъ, опускалъ корреспонденцію въ почтовый ящикъ...

Показаніе урядника Мельника свидѣтельствуетъ, что опасенія рабочихъ явились не зря. По его словамъ, «приставъ 3-го стана говорилъ ему, а онъ передалъ Аѳанасьеву, что Збержковскій (?) перехватилъ письмо (ветерана) Корсака»... Читалъ ли г. Аѳанасьевъ это письмо, мы не знаемъ. Однако, онъ заявилъ на судѣ:

— Мнѣ извѣстно, что старикъ Корсакъ на меня жаловался.

На какомъ основаніи «перехватываются» письма рабочихъ? и почему чины полиціи считаютъ своимъ служебнымъ долгомъ сообщать директору завода содержаніе перехваченныхъ писемъ?—вопросы, далеко не такъ простые, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Конечно, «перехватываніе» переписки—одно изъ средствъ полицейскаго надзора: это до нѣкоторой степени помогаетъ проникать въ «тайные помыслы человѣка» и обнаруживать «зловредныя идеи». Несомнѣнно также, что съ точки зрѣнія нынѣшняго полицейскаго чиновника всякая жалоба на «начальство» есть преступленіе, ибо она выражаетъ недовольство «существующими порядками», а «недовольный»

и «бунтарь»—синонимы. Но все это соображенія общаго порядка. А есть еще соображенія частнаго и, такъ сказать, интимнаго свойства. И о нихъ не лишне сказать нѣсколько словъ.

Весною 1903 г., разъѣзжая въ качествѣ любопытствующаго журналиста по донецкому району, я попалъ, между прочимъ, и въ Юзовку. Собственно Юзовка состоитъ изъ двухъ частей. Одна—обывательская, торговая. Въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи—унылый рядъ избушекъ, удивительно похожихъ другъ на друга, выбѣленныхъ, закопченныхъ, безъ малѣйшаго признака надворныхъ построекъ и зелени. Это рабочая Юзовка. Издали она очень напоминаетъ солдатскій лагерь... Впрочемъ, меня въ нее не пустили. Пришлось довольствоваться лишь разговорами съ заводскими служащими. И одинъ изъ нихъ, занимающій довольно видное мѣсто, горько жалобился на полицію.

— Помилуйте,—говорилъ онъ,—мы, т.-е. новороссійское общество, содержимъ пристава и полный штатъ городовыхъ... Я говорю: «содержимъ», потому что казна не даетъ ни копейки, и юзовская полиція жалованье получаетъ исключительно отъ конторы завода. На нашемъ иждивеніи сотня казаковъ, которая здѣсь имѣетъ постоянную квартиру. Согласитесь, это весьма серьезный расходъ. И представьте, если что-либо случится, ни мы, ни нашъ приставъ не въ правѣ пустить въ ходъ вооруженную силу. Понимаете: мы же содержимъ казаковъ, и мы же лишены возможности ими пользоваться! Сначала извольте телефонировать или телеграфировать въ Бахмутъ исправнику... Бюрократія и формалистика. Въ этомъ все наше несчастье... Мы уже не разъ ходатайствовали, чтобы нашему приставу было, наконецъ, разрѣшено пускать въ дѣло казаковъ. Намъ отвѣчаютъ: «Нельзя, такъ какъ это право, по закону, предоставлено лишь исправникамъ и полицеймейстерамъ. Въ такомъ случаѣ, говоримъ, назовите нашего пристава исправникомъ, полицеймейстеромъ, вице-губернаторомъ, какъ вамъ угодно. Если по штату нужна прибавка жалованья, сдѣлайте одолженіе—дадимъ и прибавку. Новороссійское общество на вооруженную охрану тратитъ десятки тысячъ. И расходъ въ 2—3 тысячи рублей ничего не составляетъ... Оказывается, и переименовать пристава въ полицеймейстеры нельзя. Почему? А потому, изволите ли видѣть, что поселокъ Юзовка, по характеру своему, не принадлежитъ къ разряду мѣстностей, гдѣ можетъ быть учреждена должность полицеймейстера..

Коротко говоря, новороссійское общество домогалось, чтобы полиція, которую оно содержитъ, имѣла право, по первому требованію заводской администраціи, «выпускать» вооруженныхъ казаковъ на рабочихъ. Даже министръ В. К. фонъ-Плеве не счелъ возможнымъ такое домогательство удовлетворить. Но оно не лишено своеобразныхъ основаній.

Въ 1902 г. по Екатеринославской губерніи много шло разговоровъ о чрезвычайно любопытномъ дѣлѣ. Тогда велись споры, почему рус-

скіе заводы не могутъ выпускать дешевыхъ продуктовъ, «пригодныхъ для широкаго народнаго сбыта». Позже этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно. И тѣ же англичане, наученные примѣромъ Юза, находили болѣе выгоднымъ везти криворожскую 60%-ую руду въ Англію для обработки. Первыя извѣстія о закупкахъ этой руды англичанами, появились весною 1903 года. Въ началѣ же 1902 г. еще были нѣкоторые спорные пункты. И вотъ, чтобъ выяснить значеніе специфически-русскихъ накладныхъ расходовъ, какъ разъ именно въ Бахмутскомъ уѣздѣ произведенъ былъ подсчетъ, сколько заводамъ стоитъ въ общей сложности, ежегодно, и сверхъ положеннаго по штатамъ жалованья, «содержаніе полиціи». Сумма, оправданная росписками и казначейскими квитанціями, оказалась что-то около 300.000 рублей.

«Докладная записка» объ этомъ была, какъ гласитъ преданіе, представлена тогдашнему министру финансовъ и покровителю отечественной промышленности С. Ю. Витте. Министерство финансовъ сооббщило ее министру внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве. Министръ фонъ-Плеве «запросилъ» бывшаго екатеринославскаго губернатора графа Ѳ. Э. Келлера. Графъ Келлеръ «запросилъ» бахмутскаго исправника. «Стоустая молва» раздувала канцелярскую переписку до размѣровъ крупнаго историческаго событія. Говорили даже, что на этомъ дѣлѣ В. К. фонъ-Плеве можетъ «споткнуться» вмѣстѣ со своею «системой». Но бахмутскій исправникъ просто и убѣдительно доказалъ, что шумъ поднятъ изъ пустяковъ:

— Да,—объяснилъ онъ,—указанная сумма вся безъ остатка расходуется на организацію мѣръ усиленной охраны въ заводахъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда.

А такъ какъ «усиленная охрана» нужна заводчикамъ (иначе рабочіе «забунтуютъ», и работы прекратятся) то и оплачивать ее должны тоже заводчики. И такъ какъ расходы по «усиленной охранѣ» контролю не подлежатъ, то исправникъ и подчиненные его ни передъ кѣмъ «отчитываться» не обязаны.

Съ другой стороны, разъ заводчикъ оплачиваетъ не только жалованье, но и «усиленную охрану», онъ въ правѣ разсчитывать, по крайней мѣрѣ, на ту любезность, какую оказала матусовская полиція директору Аѳанасьеву, докладывая о «перехваченномъ» письмѣ «ветерана Корсака».

V.

Есть горбуновскій «анекдотъ» о генералѣ Дитятинѣ. Подъ Севастополемъ Дитятинъ, еще въ чинѣ полковника, былъ раненъ осколкомъ бомбы въ голову. Операцію производилъ «самъ Пироговъ». Онъ снялъ черепъ, вынулъ дитятинскіе мозги и поручилъ фельдшеру «промыть сулемой». Пока фельдшеръ «промывалъ», явился вѣстовой отъ

главнокомандующаго. Дитятинъ, услышавъ, что его требуетъ начальство, немедленно вскочилъ съ операціоннаго стола и бросился бѣжать. Доктора едва успѣли остановить его и «пришить черепъ». А мозги такъ и остались у фельдшера. Главнокомандующій объявилъ Дитятину что онъ произведенъ изъ полковниковъ въ генералы. И когда послѣ этого Пироговъ напомнилъ, что надо бы положить мозги на прежнее мѣсто, Дитятинъ съ твердостью заявилъ:

— Считаю ваши намеки мнѣ, генералу, относительно какихъ-то мозговъ неприличными, предосудительными и могущими вызвать превратныя толкованія.

Такъ и остался генералъ Дитятинъ безъ мозга. Жилъ долго. А можетъ быть, и теперь еще живетъ. По крайней мѣрѣ, въ наше время многіе дѣятели невольно возбуждаютъ сомнѣніе.

— Ужъ не подвергся ли и ты, милый, операціи, которую увѣковѣчилъ покойный Горбуновъ? Иначе откуда бы взялось столь дикое непониманіе самыхъ обыкновенныхъ вещей?

Можно согласиться, что «ветераны» заводчикамъ невыгодны; что директору завода интересно знать, о чемъ пишутъ рабочіе; что приставу Бѣлоцкому, на 5 недѣль принявшему зракъ «частнаго ходатая» ради успѣшныхъ занятій сыскомъ, нужны деньги на расходы; что деньги эти должны быть заплачены заводомъ; что расходы Бѣлоцкаго, какъ глубоко секретные, контролировать нельзя и т. д., и т. д.

Но вотъ что непонятно и съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться:

— Когда я,—показывалъ на судѣ г. Аѳанасьевъ,—принялъ заводъ отъ своего предшественника, то засталъ желѣзный щитъ, которымъ закрывалось окно конторы, чтобы какъ-нибудь не стрѣльнули въ него...

Контора блиндирована... Кажется, трудно пріобрѣсти болѣе яркое и болѣе убѣдительное доказательство, что отношенія обострены до крайности. Администраціей приняты мѣры предосторожности, умѣстныя лишь въ военномъ лагерѣ. Значитъ, если позволено сравненіе, подъ котелъ положено ужъ слишкомъ много дровъ, и, дабы избѣжать взрыва, нужно немедленно ослабить топку. Что-жъ дѣлаетъ г. Аѳанасьевъ?

Онъ находитъ, что «заводъ распущенъ», и поэтому его нужно «подтянуть». Попутно «освобождаясь отъ ветерановъ», «по заранѣе составленнымъ правленіемъ разсчетнымъ таблицамъ», г. Аѳанасьевъ устанавливаетъ «строгости», «прежде небывалыя», какъ засвидѣтельствовалъ самъ приставъ Бѣлоцкій. Топка усилилась. Котелъ заклокоталъ сильнѣе. Появились «подметныя угрожающія письма»...

Г. Аѳанасьева на судѣ спросили:

— Вы получали эти письма?

— Да, получалъ,—отвѣтилъ онъ,—но несущественныя. Я имъ значенія не придавалъ...

Послѣ бумажныхъ угрозъ возникли болѣе существенныя.

— Когда я проѣзжалъ съ женою, — показывалъ самъ г. Аѳанасьевъ,—мимо Сигнаевскихъ выселковъ, въ экипажъ кто-то бросалъ кирпичи. Я приписалъ это подросткамъ и не придалъ никакого значенія. Даже не вышелъ изъ экипажа (чтобъ узнать, кто бросалъ)...

— По моему распоряженію былъ уволенъ кузнецъ Чернышъ, при чемъ онъ успѣлъ избить табельщика Слуцкаго. Затѣмъ встрѣтилъ меня на заводскомъ дворѣ и сталъ требовать объясненій. Я отвѣтилъ ему, что съ пьяными объясняться не могу. Тогда Чернышъ схватилъ меня за шиворотъ. Я опрокинулъ его на землю. Въ это время подоспѣли ко мнѣ на помощь, и Черныша отправили въ холодную...

Повѣримъ г. Аѳанасьеву на слово: Чернышъ былъ пьянъ, первый и безъ всякаго повода «нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ»; поспѣшившіе на помощь къ директору служащіе завода имѣютъ право посадить человѣка въ холодную, и хотя драка была обоюдной, но рабочаго можно безъ суда и слѣдствія заключать подъ арестъ, а директора нельзя... И все-таки «придалъ» ли г. Аѳанасьевъ «значеніе» тому обстоятельству, что на него люди стали бросаться съ кулаками? Оказывается, нѣтъ, не «придалъ».

— Я,—говорилъ онъ суду,—не допускалъ озлобленія со стороны рабочихъ и окрестнаго населенія. Иначе... человѣкъ, вѣдь, не о двухъ головахъ! я принялъ бы мѣры. Учредилъ бы охрану. Ночью 8 августа не повезъ бы съ собою «цѣлую толпу» Поѣхалъ бы, если нужно, одинъ, да и то послалъ бы напередъ осмотрѣть дорогу.

Но вотъ въ экипажъ полетѣли ужъ не кирпичи, но картечные заряды. Гостья директора убита и выпала на дорогу. Кучеръ раненъ. Здѣсь, по словамъ самого Аѳанасьева, произошло слѣдующее. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ произошло нападеніе, ночевали рабочіе-обозные. Они категорически отказались помочь директору, говоря, что боятся, и поспѣшили «отъ грѣха» уѣхать въ Лебединъ. Тамъ же недалеко была сторожевая будка. Сторожъ заявилъ, что боится впустить директора и его жену къ себѣ. И даже сказалъ:

— Уходите, а то и мнѣ, и дѣтямъ моимъ плохо будетъ.

Позже г. Аѳанасьевъ «на мѣстѣ убійства поставилъ крестъ и прикрѣпилъ къ нему икону». Въ эту икону, по словамъ опять-таки самого Аѳанасьева, стрѣляли.

Факты очень краснорѣчивые и убѣдительные. Однако, директоръ остался при глубокомъ убѣжденіи, которое и высказалъ на судѣ:

— Не допускаю мысли, чтобы мой образъ дѣйствій могъ вызвать озлобленіе со стороны заводскихъ рабочихъ и окрестнаго населенія...

Будь передъ нами не директоръ сахарнаго завода, но величина болѣе крупнаго калибра, столь удивительное и какъ бы умышленное непониманіе фактовъ можно бы объяснить. Есть особая порода людей, которую очень мѣтко охарактеризовалъ еще Магометъ:

«Когда имъ говорятъ: «не вызывайте смятенія на землѣ», они отвѣчаютъ: «напротивъ, мы водворяемъ въ ней порядокъ» (Коранъ, II, 10).

Классическій примѣръ «смятенія ради порядка» данъ англійскими лордами въ концѣ XVIII в. Имъ казалось, что ирландскій парламентъ производитъ безпорядки, т.-е. мѣшаетъ водворить полную зависимость народа отъ лендъ-лордскаго произвола. Требовалось во что бы то ни стало парламентъ уничтожить. Но для этого нуженъ былъ предлогъ. И потому лорды рѣшили устроить въ Ирландіи народное возстаніе. Усилены были репрессіи, переходившія въ открыто организованный грабежъ. Католическихъ священниковъ травили, какъ волковъ. Но къ неудовольствію англійскихъ перовъ, народъ боролся легальными средствами, упорно не желая идти на мятежъ. Тогда лордъ Корнуэльскій придумалъ радикальное средство: расквартировать солдатъ по крестьянскимъ избамъ и отдать приказъ: «Насилуйте женщинъ, не разбирая возраста».

Средство оказалось дѣйствительнымъ. Возстаніе вспыхнуло. И начался страшный для Ирландіи 1798 годъ.

Случаи, когда провоцировалась народная смута съ цѣлью доказать всѣмъ необходимость реакціонныхъ мѣръ, бывали и въ жизни другихъ странъ. Но, повторяю, это игра крупная, и предпринять ее можно лишь ради очень крупной ставки. Порою она даетъ временный выигрышъ. Но чаще заканчивается неудачей, какъ это случилось съ предполагавшимся въ Тамбовѣ земскимъ погромомъ, или ведетъ совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, о которыхъ мечталось провокаторамъ. Какую, однако, ставку можетъ выиграть директоръ сахарнаго завода? Добиться отъ правленія чрезвычайныхъ полномочій? Доказать, что рабочіе—бунтовщики, и только его энергія сдерживаетъ ихъ? Не думаю, чтобъ для столь платоническихъ затѣй стоило огородъ городить, тѣмъ болѣе, что человѣкъ, дѣйствительно, не о двухъ головахъ.

Разумѣется, чужая душа—потемки. Но, кажется, г. Аѳанасьевъ просто впалъ въ ошибку, свойственную, впрочемъ, всегда многимъ людямъ. Свидѣтелемъ одной изъ такихъ ошибокъ мнѣ пришлось быть, между прочимъ, въ Екатеринославлѣ. Случилось это въ ноябрѣ 1901 г. Жили мы, «обыватели», тихо и мирно. И вдругъ ночью по улицамъ появились городовые, расклеивающіе на столбахъ и заборахъ какія-то объявленія. Губернаторъ гр. Ѳ. Э. Келлеръ доводилъ до нашего свѣдѣнія, что 15 сего ноября въ 4 часа пополудни злоумышленные люди намѣреваются на Іорданской улицѣ произвести преступную манифестацію. Затѣмъ шло предупрежденіе, что для подавленія преступныхъ замысловъ будутъ употреблены всѣ средства, до военной силы включительно.

Я тогда работалъ въ «Приднѣпровскомъ Краѣ». Какъ извѣстно,

редакціи тѣми или иными путями получаютъ кое-какія свѣдѣнія заранѣе. Но даже для насъ объявленіе гр. Келлера было полною неожиданностью. Можно представить, какимъ громомъ среди яснаго неба оно было для остальныхъ жителей. Съ утра до вечера 15 ноября по городу ходили отряды солдатъ. А когда смерклось... «Преступныя манифестаціи» въ ту пору были новинкой. О нихъ большинство знало лишь по наслышкѣ. Мудрено ли, что на указанномъ граф. Келлеромъ мѣстѣ собралось порядочно зѣвакъ, и особенно подростковъ? Къ счастью, шелъ дождь, и это помѣшало большему скопленію публики. Но всетаки безъ казаковъ дѣло не обошлось.

Можно полагать, что у губернатора были такія намѣренія (если, конечно, не подозрѣвать искусственнаго предлога для усиленной охраны):

«Мы пригрозимъ военною силою. Манифестанты испугаются и не придутъ. Непричастные къ «преступнымъ замысламъ» обыватели и подавно будутъ сидѣть дома. Такимъ образомъ, спокойствіе ничѣмъ не нарушится».

Намѣревались ли манифестанты собираться на Іорданской ул. и собирались ли они—я не знаю. Но «публику», какъ видите, угроза не испугала.

Нѣчто въ томъ же родѣ замѣчается и у г. Аѳанасьева. Такъ, онъ условился со своимъ кучеромъ, подъѣзжая ночью къ лѣсу, выстрѣлить изъ револьвера. Зачѣмъ? А затѣмъ, что если тамъ, въ лѣсу, спрятались «злоумышленники», то они услышатъ выстрѣлъ и убѣгутъ. Не выйдутъ изъ засады, не скажутъ: «ага, вотъ и директоръ, готовься ребята!» Но именно испугаются и убѣгутъ.

Также и на заводѣ: кто недоволенъ и волнуется, того немедленно подвергнуть штрафу, наказать, посадить въ «холодную», уволить. Внушить «имъ», что не шутки съ ними шутятъ, въ бараній рогъ согнуть, «холоду нагнать»... И когда почувствуютъ страхъ, когда у нихъ волосы на головѣ станутъ дыбомъ, тогда «они» будутъ почтительны и спокойны.

Эту теорію своеобразно иллюстрировалъ на судѣ приставъ Бѣлоцкій:

На заводѣ, говорилъ онъ, «была преступная шайка». 18 человѣкъ мѣрами полиціи «выслано въ Вологодскую и Олонецкую губерніи». Но этого мало. Волостной старшина говорилъ мнѣ, что извѣстно, кто стрѣлялъ въ директора, но рабочіе и крестьяне не скажутъ. Боятся мести по возвращеніи высланныхъ. Если бы ихъ выслали не на 3 года, а навсегда—тогда другое дѣло»...

Для удобства г. Аѳанасьева и ради установленныхъ имъ «обыкновенныхъ отношеній», дѣйствительно, 3 года мало. Ужъ если высылать, то на всю жизнь, и не 18 человѣкъ, а сколько понадобиться. Взглянулъ косо—ступай въ Вологодскую губернію; за шиворотъ схватилъ—на островъ Сахалинъ. Надо нагнать оторопь, вселить ужасъ...

Нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ понадобилось проѣхать въ лодкѣ по

Каспійскому морю съ острова Сары къ устью Куры. Насъ застигла ночь и буря. Кое-какъ мы стали на якорь. Я торопился и нервничалъ. Матросъ-татаринъ, какъ бы желая развлечь меня спросилъ:

— Знаешь, отчего волнуется море?

— Отчего?

Коверкая русскія слова и пересыпая ихъ татарскими, матросъ разсказалъ не лишенную поучительности сказку;

— Жилъ на свѣтѣ злой колдунъ. Много вреда дѣлалъ онъ людямъ. И Аллахъ отнялъ у него разумъ. Дико блуждалъ безумный колдунъ по пустынѣ, и однажды подошелъ къ морю. Оно тихо плескалось и, легкой волной вскатившись на берегъ, намочило колдуну ноги. Колдунъ разсердился. Онъ дунулъ на волну, чтобъ отбросить ее. Волна качнулась сильнѣе. Это еще больше разсердило безумца. Онъ снова дунулъ. Море отвѣтило новой волной. Тогда колдунъ пришелъ въ ярость. Онъ дулъ, не переставая, изо всѣхъ силъ. Волны закипѣли, покрылись пѣной. Набѣжавшій валъ сбилъ безумца съ ногъ, ударилъ о прибрежные камни, подхватилъ и вынесъ далеко въ море. Долго боролся колдунъ, стараясь выплыть. Между тѣмъ, море понемногу успокоилось. Волны улеглись. Колдунъ могъ, наконецъ, выбраться на берегъ. Задыхаясь отъ ярости, онъ вскочилъ и опять сталъ дуть. И дулъ до тѣхъ поръ, пока новая волна сбила его съ ногъ и выбросила въ море.

Ужъ много лѣтъ воюетъ безумецъ съ моремъ. Море стихаетъ когда колдунъ носится по волнамъ и плыветъ къ берегу. Море волнуется, когда колдунъ, чтобъ отомстить, стоитъ на берегу и дуетъ. И такъ идетъ безъ конца.

— Не дуй на воду, она тиха, закончилъ татаринъ. Но колдунъ этого не понимаетъ, потому что Аллахъ отнялъ у него разумъ.

Вернетъ ли Аллахъ господамъ Аѳанасьевымъ разумъ? И поймутъ ли они, что причина, почему море волнуется, заключается въ нихъ самихъ?

А. Петрищевъ.

ВЕСЕННІЙ ДЕНЬ.

I.

— Я думала, вы не придете.

— Ну, какъ можно, я обѣщалъ.

— Спасибо вамъ.

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ «вы»? Развѣ мы не близкіе другъ другу люди?

— Я еще не привыкла.

— Я буду брать за каждое «вы» штрафъ: поцѣлуй.

Она на него взглянула и, покраснѣвъ, сказала неловко и не сразу:

— Я не боюсь такихъ штрафовъ.

Артистъ разсмѣялся и, слегка пожавъ ея локоть, сказалъ съ сдержанной снисходительностью:

— Боже, какая ты еще дѣвчонка.

— Скажите, какой старикъ!

— Увы! На пятнадцать лѣтъ старше тебя. Вѣдь тебѣ девятнадцать?

— Девятнадцать.

— А у меня ужъ сѣдые волосы.

— Что-то не видно.

— Потому что я блондинъ. А ты даже и этого не замѣтила?

— Мнѣ все равно.

— Развѣ ты меня такъ любишь?

— Ахъ, да!

Она посмотрѣла на него глазами, полными покорной нѣжности, и казалось, даже птица на ея шляпѣ, дышала любовью къ нему. Онъ разсѣянно улыбнулся, потомъ задумался, но, замѣтивъ, что это сразу встревожило ее, сказалъ:

— Застегни кофточку. Экая ты какая.

— Въ самомъ дѣлѣ... Я впопыхахъ и забыла.

— Можешь простудиться.

— Я простуды никакой не боюсь, а неприлично. Вотъ до чего я обрадовалась!

Она стала торопливо застегивать свою бѣдную старенькую кофточку, которая едва сходилась на ея груди. Кофточка эта казалась еще бѣднѣе, также какъ и весь ея костюмъ и круглая шляпа съ птицей, отъ сосѣдства съ его щегольскимъ пальто и цилиндромъ. На тридцать рублей, которые она получала въ конторѣ за свой десятичасовой трудъ мудрено было одѣваться лучше.

Но его знакомые, раскланиваясь съ нимъ при встрѣчѣ, улыбаясь артисту, съ жаднымъ мужскимъ любопытствомъ окидывали ее на ходу одобрительными взглядами.

— Ахъ, какой день, какой славный день! Развѣ можно сегодня простудиться!—воскликнула она, улыбаясь и ему, и этому теплому солнечному дню и своей молодости и любви.—Совсѣмъ весна!

— Положимъ, до весны еще далеко, но во всемъ бродитъ ея предчувствіе. Въ эти дни мнѣ всегда хочется чего-то несбыточнаго! Воображаю, какъ противно тебѣ сидѣть цѣлый день въ твоей гнусной конторѣ!

— Да. При этомъ пришлось еще завѣсить наполовину окно: прохожіе останавливались и дѣлали по моему адресу разныя замѣчанія. Иногда прямо рожи!

— То-есть какъ—рожи?

— Да такъ...

Она разсмѣялась.

— Глядятъ вотъ такими глазами... усы крутятъ.

Онъ тоже улыбнулся, увидѣвъ, какъ она уморительно раскрыла глаза и сдѣлала какое-то мальчишеское движеніе, показывая, какъ крутятъ усы.

— А ты не будь такой прелестью.

— Ну, что тамъ!

— Ты сейчасъ обѣдать пойдешь?

Ее даже удивилъ этотъ вопросъ.

— Что? Обѣдать! Чтобы я ушла отъ васъ, да еще въ такой день! Нѣтъ, я всѣ два часа хочу провести съ вами.

— Но какъ же безъ обѣда! Ну пойдемъ въ какой-нибудь ресторанъ. Ко мнѣ, наконецъ!

— Нѣтъ, теперь лучше въ паркъ пойдемъ.

— Нельзя же ничего не ѣсть цѣлый день!

— Пустяки... Вечеромъ поѣмъ. Да теперь мнѣ и не хочется,—весело говорила она, слегка прижимаясь къ нему и снова заглядывая въ его гладко выбритое лицо, которое ей такъ нравилось, что она находила красивыми даже его недостатки: нѣкоторую помятость и припухлость на щекахъ и подъ глазами, отъ которыхъ гусиными лапками расходились морщины.

— Въ такомъ случаѣ поспѣшимъ въ паркъ,—согласился онъ.

Они прибавили шагу и пошли впередъ бокъ-о-бокъ, и эта близость, вмѣстѣ съ воздухомъ, напитаннымъ солнцемъ и ароматомъ теплой земли, возбуждала ихъ и поднимала ясно ощущаемую бодрость.

Навстрѣчу, вѣроятно, изъ какого-нибудь пріюта, попались дѣвочки въ бѣдныхъ платьицахъ, синѣвшихъ изъ-подъ неуклюжихъ черныхъ пальто домашней работы. Онѣ шли попарно: впереди маленькія, въ сопровожденіи надзирательницы; шли по солнечной сторонѣ и казались веселыми и милыми, и самыя тѣни ихъ легко и весело скользили по сухому сѣрому асфальту.

— Ахъ, хорошо! Хорошо!—повторяла она, чувствуя на своихъ порозовѣвшихъ щекахъ мягкій, весенній вѣтеръ, и ноздри ея слегка шевелились, раздражаемые этимъ щекочущимъ вѣтромъ.

— Точно праздникъ нынче, и народу на улицахъ гораздо больше, чѣмъ всегда. И всѣ какъ-то лѣниво и тихо движутся.

— Да, да, точно муравьи расползаются.

— Вонъ, посмотрите, старый генералъ,—понизивъ голосъ, указала она на ковылявшую впереди сухопарую, подтянувшуюся фигуру съ палкой въ гуттаперчивомъ наконечникѣ. — Онъ, видно, цѣлую зиму сидѣлъ и натиралъ себѣ ноги разными мазями, а нынче выползъ на солнце. Всегда въ такой день встрѣтишь стараго генерала. Вы замѣтили?

— Опять «вы»! Въ паркѣ я потребую штрафъ.

— Ну, «ты». Я ужъ много разъ проштрафилась.

— Тѣмъ лучше. Оптомъ.

— Только не въ паркѣ, а у васъ нынче...

— Что же ты, сама говоришь, а отворачиваешься отъ меня. А?

— Мнѣ не ловко.

— Чего?

— Что я... я такъ ужасно люблю васъ...—выговорила она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, и когда вдругъ подняла на него глаза, лицо ея все пылало и на рѣсницахъ были слезы. Порывисто выхвативъ изъ муфточки платокъ, она отвернулась.

Онъ не нашелся ничего отвѣтить, а только опустилъ свою руку въ ея муфту и, поймавъ вмѣстѣ съ кусочкомъ вылѣзшей ваты теплые, нѣжные пальчики, пожалъ ихъ и почему-то вздохнулъ. Лицо его стало задумчивымъ и даже опечаленнымъ. Онъ зналъ это и подумалъ про себя: «вѣрно, какъ у Гамлета передъ «быть или не быть».

Она продолжала съ покраснѣвшими отъ счастья глазами:

— Я вчера не видѣла васъ и такъ тосковала!

— У меня была репетиція... спектакль.

— Да, да... Я все закрывала глаза, когда не работала, пред-

ставляла васъ, и когда зашелъ въ контору какой-то господинъ, у котораго такое же, какъ у васъ, пальто, я его расцѣловать готова была за одно это пальто.

— Ты чудная, милая, очаровательная дѣвушка.

— Такъ вы меня вправду любите?

— Ну, конечно, люблю... насколько это доступно мнѣ,—произнесъ онъ съ тѣнью разочарованія.

— Ахъ, развѣ я не знаю, что вы не можете любить меня такъ, какъ я васъ. Никто такъ не можетъ любить! Я васъ люблю вся! Если бы у меня сердце вырвать, я все равно любила бы васъ. Оттого, не задумываясь, я и рѣшилась...

Она не договорила и вспыхнула въ смущеніи.

Онъ слегка тронулъ ее за локоть.

— И не раскаиваетесь?

— О, нѣтъ! Это мое счастье.

«Необыкновенная дѣвушка!—подумалъ съ благодарностью артистъ.—Другія въ этихъ случаяхъ ревутъ, упрекаютъ... цѣлыя драмы разыгрываютъ... А эта—прелесть!»

Онъ пожалъ ея локоть и, чтобы разрѣшить паузу, шепнулъ:

— Зина!

— А?

— Помните?..

Онъ повидимому, подражая ей, раскрылъ въ преувеличенномъ удивленіи глаза, поднялъ лѣвую бровь, какъ это дѣлала она въ минуты счастья и, какъ бы задыхаясь отъ страсти, выговорилъ только два слова, много напоминавшія ей:

— Ли... ли... тературные вечера!..

Она ахнула отъ смущенія, отвернулась, но не выдержала и вдругъ разразилась звонкимъ хохотомъ, повторяя:

— Я умоляю... умоляю васъ не напоминать объ этомъ. Какъ глупо... Какъ глупо!

Но онъ уже хохоталъ самъ, глядя въ ея глаза, гдѣ поблескивали не то искорки воспоминаній, не то слезы, выступившія отъ смѣха, смѣшаннаго со стыдомъ.

II.

Въ паркѣ около моря было еще прохладно и сыро. Аллеи только мѣстами нѣсколько просохли, но кое-гдѣ стояли лужи отъ недавняго снѣга и на грязи отпечаталось множество слѣдовъ большихъ и маленькихъ ногъ. Около деревьевъ земля, покрытая прошлогодней, безсильно топорщившейся, ржавой травой, была плотнѣе и слѣды отступали туда, образуя мѣстами временныя тропинки.

Здѣсь предчувствіе весны сказывалось еще замѣтнѣе. Пахло

землею, прѣлымъ навозомъ и еще чѣмъ-то грустнымъ и раздражающимъ: должно быть, почками. Подувалъ вѣтерокъ и особенно важно и многозначительно покачивалъ голыя, насторожившіяся вѣтки деревьевъ, которыя какъ-то таинственно и страстно тянулись другъ къ другу.

Старыя, побурѣвшія сосны нахохлились и безпорядочно топорщились вѣтвями. Странная птица, немного поменьше голубя, съ сѣрымъ, покрытымъ крапинками брюшкомъ, высвистывала что-то однообразное, но удивительно милое. А подъ деревомъ, на которомъ она пѣла, сидѣлъ студентъ въ разстегнутой шинели, въ сдвинутой на затылокъ фуражкѣ и читалъ книгу. Кое-гдѣ на аллеяхъ виднѣлись фигуры—одинокія и парочки. Садовникъ, съ огромными ножницами въ одной рукѣ и кривымъ ножомъ въ другой, шутливо замахивался на большого рыжеусаго городового и оба смѣялись.

Артисту вдругъ сдѣлалось грустно и захотѣлось счастья, несбывшагося и неоправданнаго. И ему показалось, что это счастье здѣсь, около него. Онъ торопливо взглянулъ на дѣвушку, какъ на что-то новое для него, внезапно просіявшее весеннимъ свѣтомъ. Она, слегка склонившись впередъ, внимательно глядя себѣ подъ ноги, шла черезъ грязь, поддерживая правой рукой юбку, изъ-подъ которой по щиколодку выступала довольно длинная, но тонкая и изящная нога.

Руки ея были безъ перчатокъ и правая слегка запачкана чернилами. Тонкая нога въ старенькой калошѣ и особенно эта бѣлая рука со слѣдами чернилъ на пальцѣ показались ему до того трогательны, что онъ даже остановился и у него невольно сорвалось тихое и удивленное восклицаніе:

— Да неужели!

Переступая черезъ грязь и не видя его рядомъ, она сразу обернулась на это восклицаніе всей своей фигурой и вѣрно поймала въ его лицѣ особенное выраженіе, потому что глаза ея засвѣтились восторгомъ и она тихо, наивно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ страстной нѣжностью сказала, любуясь имъ:

— Ты сейчасъ такой чудный!

— Ты меня любишь?

— Ахъ, да! Возьми мою руку.

Онъ взялъ ея руку, ту самую, на которой виднѣлись слѣды чернилъ, и быстро поцѣловалъ.

— Холодные пальцы... Правда?—спросила дѣвушка.

— Правда.

Я чувствую такъ всегда... холодѣю вся, когда ты касаешься меня. Вся кровь такъ и хлынетъ въ сердце. Ахъ, я, кажется, только теперь и узналъ, что у меня сердце есть...

Онъ слушалъ эти простыя, наивныя признанія, въ которыхъ не было ничего новаго, и съ удивленіемъ думалъ, что, несмотря на то, что всѣ слова любви для него затерты и опустошены, изъ ея губъ они вылетаютъ посвѣжѣвшими и въ нихъ есть что-то весеннее, какъ въ первомъ дождѣ.

— Куда-бы намъ забраться съ тобой, чтобы насъ не было видно?—обратился онъ къ дѣвушкѣ.—Я хочу получить штрафъ.

Она засмѣялась, и верхняя губка ея, поднимаясь, обнажала влажные бѣлые зубы. Онъ взялъ ее подъ руку и они пошли въ сторону, за заколоченное зданіе лѣтняго ресторана, на большой таррасѣ котораго были свалены скамейки и столы.

Но куда они ни поворачивали, всюду попадались имъ люди, а мѣстами было такъ грязно, что трудно было пройти. Грязь прилипала къ калошамъ и ихъ тяжело было тащить на ногахъ. Но они не замѣчали этого.

— У меня точно крыло съ правой стороны,— сказалъ онъ глядя на свою стутницу.

— Какой ты ласковый сегодня. Отчего?

— Ахъ если бы ты знала, какой огромный вопросъ рѣшалъ я сейчасъ про себя,—внушительно заговорилъ онъ и снова взялъ ея руку.—Здѣсь никого нѣтъ. Поцѣлуй меня.

Она быстро отвернула вуаль, наклонилась къ нему и коснулась своими губами его губъ. И въ этомъ прикосновеніи было что-то молодое и чистое. И когда она снова встрѣтила его взглядъ, въ ея глазахъ засвѣтилась надежда, которая взволновала ее. Она глубоко вобрала въ себя воздухъ, выпрямилась и взглянула въ небо.

Солнечные лучи ударили ей прямо въ лицо. Она ощурилась на минуту и вдругъ ея рѣсницы задрожали надъ глазами, влажныя и стрѣльчатыя, какъ звѣздные лучи.

— У тебя слезы?—спросилъ онъ.

— Да. Конторская темнота испортила мнѣ глаза,—оправдалась она, стыдясь признаться, что эти слезы отъ счастья.

Ея отвѣтъ нѣсколько разочаровалъ артиста; въ этотъ молодой весенній день ему хотѣлось чего-то особеннаго, нѣжнаго до слезъ.

— Та-акъ...—разочарованно протянулъ онъ какъ будто про себя и замолчалъ.

Она опустила вуаль и поправила ее движеніемъ губъ, отчего кончикъ ея носа чуть-чуть вздрогнулъ; безпокойно взглянула въ его лицо, вдругъ ставшее натянуто-холоднымъ, хотѣла что-то спросить, но запнулась, покраснѣла и все лицо ея выразило недоумѣніе и тревогу.

— Отчего ты вдругъ сталъ такой?—спросила она; но это былъ уже не тотъ вопросъ.

— Такъ... день такой нынче... И въ природѣ то же дѣлается. Вотъ уже солнце скрылось за сѣрыми облаками и стало холоднѣе.

— Хочешь я развеселю тебя?

— Развесели,—съ дѣланной небрежностью отвѣтилъ онъ.

Она сразу измѣнила тонъ и начала съ вопроса.

— Я говорила тебѣ, что старшій бухгалтеръ влюбился въ меня?

— О, да! говорила,—насмѣшливо отозвался онъ.

— Ну... Вотъ вчера онъ вызвался проводить меня.

— И что же?

— Дорогою онъ все говорилъ о своемъ одиночествѣ... Ахъ, какъ я смѣялась въ это время.

— Да—а?

— Да. Потомъ онъ сталъ говорить, что чувствуетъ склонность къ семейной жизни и желалъ бы соединиться «узами брака»... Такъ и сказалъ: «Узами брака съ достойной особой».

— Н-ну-съ?..

— Я все подавала ему реплики. Это такъ забавно,—услышать признаніе отъ такого сухаря, какъ онъ. И онъ продолжалъ все такъ монотонно, обстоятельно. Мнѣ это, наконецъ, надоѣло и я, чтобы ускорить его предложеніе, слегка прижала его руку къ себѣ, и вдругъ... онъ остановился и сталъ цѣловать то одну руку, то другую, то ладонями вверхъ, то ладонями внизъ. Мнѣ стало такъ смѣшно, что я не выдержала и бросилась въ калитку, вся дрожа отъ смѣха.

— Та-акъ...—снова протянулъ онъ и поднялся со скамейки, не говоря больше ни слова и даже не глядя на нее.

— Куда же вы?—озадаченная этой неожиданностью, спросила она.

— Вамъ, вѣроятно, пора въ контору.

Она растерянно взглянула на черные часики.

— Нѣтъ, у насъ еще цѣлый часъ. Да что съ вами?

Она схватила его за руку и хотѣла заставить сѣсть.

— Ничего... Тамъ идутъ.

Отпустила руку и смотрѣла на него во всѣ глаза, потомъ медленно поднялась вслѣдъ за нимъ.

— Что такое?—почти строго спросила она.

Артистъ вынулъ изъ серебрянаго портсигара, подарка публики, папиросу. Защелкнулъ его, постучалъ папиросой какъ разъ о то мѣсто, гдѣ вилась его золотая монограмма, затѣмъ, не спѣша, закурилъ и началъ говорить, растягивая слова и слѣдя за голубоватой струйкой дыма, расплывавшагося въ воздухѣ.

— Видите ли... Если бы вы подозрѣвали, о какомъ важномъ вопросѣ... обстоятельствѣ... я хотѣлъ говорить съ вами... вы бы не стали мнѣ разсказывать этой исторіи...

— Да что же я такое разсказала? Кажется, ничего особеннаго...

— Да, вѣроятно, для вашего старшаго бухгалтера тутъ нѣтъ ничего особоннаго, но для насъ, артистовъ, людей съ нервной чувствительной организаціей, это—особенное.

— Я ничего не понимаю!—съ отчаяніемъ выговорила она, разводя руками.

— Тѣмъ хуже для тебя... Видишь ли...—Онъ посмотрѣлъ на свои свѣжія свѣтло-коричневыя перчатки и, строже надвинувъ на лобъ цилиндръ, по которому съ правой стороны скользили серебристыя змѣйки свѣта, продолжалъ:—я нѣсколько обманулся въ своихъ ожиданіяхъ.

Онъ сосредоточенно поглядѣлъ на желтый измятый листикъ, который, какъ живой, бѣжалъ черезъ аллею, поддуваемый вѣтромъ, прямо къ его ногамъ.

— Можетъ быть, это тѣмъ лучше для меня. Мнѣ показалось...—наступая на листикъ и слегка вдавливая его въ землю, тянулъ онъ.—Мнѣ показалось, что ты любишь меня той любовью, которой мнѣ недоставало.

Она молча шла за нимъ, поблѣднѣвъ и не спуская съ него вопросительныхъ глазъ.

— Мнѣ показалось, что ты способна подарить мнѣ то лучезарное счастье, которое грезилось мнѣ когда-то въ юности... Видишь ли... мнѣ уже наскучили всѣ эти связи съ женщинами, отъ которыхъ въ концѣ концовъ оставался какой-то ядовитый осадокъ... Я мѣнялъ эти связи ты знаешь какъ...

— Да... да... Ты говорилъ уже мнѣ объ этомъ. Но къ чему все это?.. Развѣ я такая, какъ онѣ?

Она даже сама испугалась этого вопроса, заданнаго такъ просто. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же она отличалась отъ нихъ? Тѣмъ что съ такой беззавѣтностью принесла ему свою любовь? Можетъ быть и о ней онъ будетъ вспоминать съ такой же презрительной холодностью.

Онъ продолжалъ:

— Я хотѣлъ бы видѣть любовь Корделіи, Дездемоны... Ибсеновской женщины, чуткой, какъ Эолова арфа... А ты...

— Господи! А что же я такое сдѣлала?

— Ничего,—съ небрежнымъ равнодушіемъ отозвался онъ и на минуту остановился, снимая лѣвой ногой листокъ, прилипшій къ калошѣ на правой.

Тогда она безпомощно пожала плечами и взглянула на него внимательно и зорко.

Они прошли мимо студента, который все еще продолжалъ читать книгу, положенную на колѣни. Птицы надъ нимъ уже не было.

Оба молчали, пока не подошли къ забору надъ обрывомъ, падающимъ прямо въ портъ.

Внизу стояли красные каменные пакгаузы съ желѣзными крышами. Передъ ними стучали по мостовой биндюги. Дальше возвышалась эстокада съ тяжело и медленно подвигавшимся по ней поѣздомъ; локомотивъ отрывисто, точно пробуя голосъ, посвистывалъ и попыхивалъ бѣлымъ паромъ.

За эстокадой шло море, тусклое подъ сѣрымъ небомъ, теряющееся въ туманѣ и въ дыму отъ пароходныхъ трубъ, которыми пестрѣлъ портъ. Множество мачтъ рябили какимъ-то высокимъ частоколомъ. Кое-гдѣ на мачтахъ просушивались мокрые паруса. Отъ мола, оканчивающагося бѣлой башней маяка, шелъ пароходъ. Мѣстами въ порту бѣлѣлъ сгрудившійся, еще не успѣвшій стаять ледъ, около котораго вода была совсѣмъ зеленая. Бѣлыя чайки взмывали надъ портомъ и блестѣли такъ же, какъ бѣлыя льдины на водѣ.

Въ порту чувствовалась жизнь и оттуда доносился шумъ стукъ и лязгъ желѣза.

Такъ они молча простояли нѣсколько минутъ.

Искоса посмотрѣвъ на свою спутницу, артистъ замѣтилъ, что она плотно сжавъ губы и поблѣднѣвъ, въ оцѣпенѣніи, смотритъ куда-то въ пространство ушедшими въ себя глазами. Видимо она страдала и ему доставляло нѣкоторое удовольствіе чувствовать ея страданіе.

— Ну-съ, пора,—обратился онъ къ ней и сдѣлалъ движеніе идти.

Она повернулась и пошла также, не глядя на него.

Такъ они молча вышли изъ парка и направились обратно по улицамъ.

На улицахъ было уже меньше движенія.

— Я провожу васъ,—сказалъ артистъ.

Она ничего не отвѣтила.

Стало совсѣмъ прохладно, сыро, туманно и непривѣтливо. Даже солнечная сторона улицы, на которой за часъ передъ тѣмъ было сухо, теперь стала мокрой, и такъ же попарно шли дѣвочки въ свой сѣрый нездоровый пріютъ. Всѣ онѣ казались скучными, некрасивыми, блѣдными а сопровождающая ихъ надзирательница— старой и злой.

Въ одномъ изъ переулковъ на пути стоялъ катафалкъ, а около него—черные факельщики съ опухшими лицами и красными носами.

— Кого-то хоронятъ,—не выдержалъ онъ молчанія.—Погасла искорка жизни. И я сегодня похоронилъ въ своемъ сердцѣ маленькую свѣтлую искорку.

Онъ хотѣлъ этой элегіей вызвать у ней мольбы, быть можетъ,

слезы любви и покорности. Но она или не слышала, или не обратила вниманія на нихъ и продолжала путь съ тѣмъ же ушедшимъ въ себя взглядомъ. Лицо ея казалось теперь еще красивѣе и интереснѣе, чѣмъ раньше.

Артиста начинало ея молчаніе безпокоить и, когда они подходили къ дверямъ ея конторы, онъ опять обратился къ ней на «ты».

— Послушай, дитя мое.

Она подняла на него глаза, и въ глазахъ этихъ было что-то злое и непримиримое.

— Я боюсь, что ты не такъ поняла меня. Не такъ истолковала мои слова.

Онъ хотѣлъ взять ея руку, но она рѣзко отняла:

— Нѣтъ ужъ довольно.

— Что—довольно?

— Прощайте... Ничего.

— Но намъ надо объясниться.

— Нечего объясняться. Мнѣ все ясно. Вамъ мало было моей любви, такъ вы еще хотѣли моего униженія. Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте такого огорченнаго лица. Я васъ не стану упрекать и не стану каяться, что такъ поздно все поняла. Не знаю, какъ чувствуете вы, артисты, съ чувствительной нервной и какъ тамъ еще... организаціей, вы, не любя, принимающіе любовь глупыхъ дѣвчонокъ, какъ я, но я, маленькая конторщица, чувствую, что я обманулась. Мнѣ стыдно, мнѣ больно... Мнѣ тяжело. Видѣть васъ я больше не хочу. Не хочу!

И не успѣлъ онъ опомниться, какъ она скользнула въ дверь и захлопнула ее за собою.

А. Θедоровъ.

О САМОСОХРАНЕНІИ.

Нѣкоторыя общедоступныя гигіеническія мѣры борьбы съ острыми и хроническими заразными заболѣваніями.

Д-ра Л. Эйниса.

Во врачебной наукѣ нынѣ, какъ извѣстно, господствуетъ, такъ сказать, бактеріологическое направленіе. Существующія заразныя заболѣванія признаются происходящими вслѣдствіе проникновенія въ нашъ организмъ болѣзнетворныхъ бактерій или микробовъ.

Далѣе, большинство медиковъ того мнѣнія, что страданія, вызванныя соотвѣтствующими микробами, должны и будутъ со временемъ излечиваться при помощи тѣхъ же микробовъ, другими словами, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ самое надежное леченіе заразныхъ болѣзней будетъ специфическое микробное.

Что же касается сущности микробнаго леченія, то оно двухъ родовъ: 1) собственно микробное леченіе, состоящее въ томъ, что человѣку съ лечебной или предупредительной цѣлью впрыскиваются подъ кожу жидкости, содержащія самихъ микробовъ, до извѣстной степени ослабленныхъ лабораторнымъ путемъ, напр., туберкулинъ Коха, противобѣшенственная жидкость Пастера, противочумная прививка д-ра Хавкина и пр.; 2) сывороточное леченіе, заключающееся въ томъ, что для леченія или предупрежденія болѣзней примѣняются не микробы, а сыворотка крови животнаго, которое стало невоспріимчивымъ къ той или другой заразной болѣзни, благодаря привитію ему въ возрастающихъ дозахъ соотвѣтствующаго микробнаго яда (токсина). Сюда относятся: противодифтерійная сыворотка, противорожистая сыворотка д-ра Марморека, противотуберкулезная сыворотка Маральяно и пр.

Въ послѣдніе годы, руководствуясь успѣхами, достигаемыми при помощи противодифтерійной сыворотки, бактеріологи по преимуществу стараются отыскать спасительныя сыворотки.

Къ сожалѣнію, однако, со временъ возникновенія микробнаго метода леченія почти всѣ рекомендовавшіяся специфическія жидкости, исключая упомянутыхъ противодифтерійной и противобѣшенственной, оказались мало дѣйствительными (оба туберкулина Коха, противорожистая сыворотка д-ра Марморека и т. д.).

*

Само собою разумѣется, что недауча, постигшая специфическія жидкости, открытыя по настоящее время, нисколько не говоритъ противъ возможности открытія настоящихъ, цѣлебныхъ сыворотокъ на будущее время, и работа наша въ этомъ направленіи ничуть не должна ослабѣвать, принимая во вниманіе ту массу человѣческихъ жизней, которыя то и дѣло гибнутъ отъ заразныхъ заболѣваній, за отсутствіемъ вѣрныхъ способовъ леченія.

Но, прислушиваясь внимательно къ сообщеніямъ объ открытыхъ и открываемыхъ противозаразныхъ сывороткахъ. мы почему-то чрезвычайно мало вниманія обращаемъ на уже имѣющіяся у насъ весьма важныя гигіеническія мѣры, которыя въ состояніи предупреждать всевозможныя заразныя болѣзни и которыя, собственно говоря, должны для насъ быть самыми интересными.

Ниже мы увидимъ, что въ нашемъ распоряженіи имѣются способы, отличающіеся значительной простотой и весьма легкой выполнимостью и тѣмъ не менѣе обладающіе способностью сильно ограничивать распространеніе инфекціонныхъ страданій, въ томъ числѣ даже злого чахоточнаго недуга.

Мѣры, предупреждающія возможность заболѣванія той или другой болѣзнью, по своей сущности могутъ быть двухъ родовъ. Во-первыхъ, мѣры, такъ или иначе препятствующія переходу заразнаго начала съ больныхъ людей на здоровыхъ и которыя я назову дозаразными предохранительными мѣрами, во-вторыхъ, мѣры борьбы съ заразой послѣ проникновенія ея въ нашъ организмъ и которыя назову послѣ-заразными предохранительными мѣрами.

Дозаразныя предохранительныя мѣры по преимуществу относятся къ области такъ называемой общественной гигіены и отчасти лишь къ личному здравоохраненію. Онѣ заключаются въ оздровленіи почвы, удаленіи всевозможныхъ отбросовъ, снабженіи населенія хорошей питьевой водой, отдѣленіи больныхъ заразительными болѣзнями отъ здоровыхъ, обеззараживаніи помѣщеній, въ которыхъ находились заразительные больные, обеззараживаніи лицъ и предметовъ, приходившихъ съ ними въ соприкосновеніе и т. д.

Мѣры эти я считаю достаточно знакомыми читателямъ, почему о нихъ распространяться не буду. Болѣе подробно остановлюсь на послѣзаразныхъ предохранительныхъ мѣрахъ, именно потому, что, насколько намъ говорятъ повседневныя наблюденія, послѣдняго рода мѣры мало знакомы даже интеллигентной публикѣ.

Для лучшей иллюстраціи, я разсмотрю отношенія этихъ предохранительныхъ мѣръ къ самой гибельной заразной болѣзни—къ легочной чахоткѣ.

Чахотка или туберкулезъ, какъ намъ извѣстно, представляетъ собой болѣзнь весьма заразительную, т.-е. могущую легко переходить отъ одного человѣка къ другому. Кромѣ того, наукой установлена на-

слѣдственность этого страданія, т.-е. установленъ фактъ передачи чахотки по наслѣдству больными родителями или, вѣрнѣе, предками своему потомству.

Прежде въ ходу было мнѣніе, что наслѣдственнымъ путемъ чахотка передается, какъ таковая, т.-е., что дѣти туберкулезныхъ родителей приходятъ на свѣтъ уже зараженными этой болѣзнью, теперь же это мнѣніе оставлено.

Нынѣ господствуетъ гипотеза болѣе вѣроятная, именно, что чахоточными предками передается зачастую потомству не сама болѣзнь, а лишь такъ называемое предрасположеніе, выражающееся въ большей или меньшей немощи легочной ткани, благодаря чему послѣдняя становится болѣе воспріимчивой къ туберкулезной инфекціи, сравнительно съ дѣтьми здоровыхъ родителей. Другими словами, чахоточные микробы въ слабыхъ легкихъ лицъ, наслѣдственно расположенныхъ къ туберкулезу, встрѣчаютъ незначительную сопротивляемость тканевыхъ элементовъ или клѣточекъ микробоѣдовъ (фагоцитовъ Мечникова *), вслѣдствіе чего сильно размножаются, вызывая специфическое заболѣваніе...

То же происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, если легочная ткань пришла въ состояніе слабости подъ вліяніемъ предшествовавшихъ заболѣваній (пріобрѣтенное предрасположеніе), напр., крупозное воспаленіе легкихъ, инфлюэнца, корь, коклюшъ и пр.

Далѣе, весьма часто появленію болѣзни предшествуетъ въ видѣ ближайшей причины такъ называемая простуда, о которой дальше сказано подробно.

Изъ сказаннаго, очевидно, явствуетъ, что въ дѣлѣ развитія чахотки и, вѣроятно, прочихъ заразныхъ страданій вообще участвуютъ три элемента: 1) специфическія бактеріи или микробы, 3) предрасположеніе, наслѣдственное или пріобрѣтенное и, наконецъ, 3) простуда.

Соотвѣтственно этому задача профилактики должна бы состоять въ устраненіи отъ нашего организма всѣхъ трехъ моментовъ. Но, принимая во вниманіе, что предупрежденіе наслѣдственнаго предрасположенія не въ нашихъ рукахъ и что пріобрѣтенное предрасположеніе, какъ уже выяснено, получается благодаря воздѣйствію предшествующихъ заразныхъ болѣзней, возникновеніе которыхъ опять-таки обусловливается первымъ и третьимъ моментами, намъ, очевидно, слѣдуетъ считаться лишь съ первымъ и третьимъ моментами. И стало быть, тѣ послѣзаразныя предохранительныя мѣры должны быть признаны искомыми, которыя 1) въ состояніи обезвреживать или унич-

*) Проф. Мечниковъ доказалъ, что бѣлые шарики крови, равно и клѣточки, содержащіяся въ тканевой жидкости (лимфа) обладаютъ замѣчательнымъ свойствомъ поглощать и переваривать болѣзнетворные микробы, почему и названы микробоѣдами или фагоцитами.

тожать болѣзнетворные микроорганизмы и 2) ограждать насъ отъ вліянія простуды.

Настоящая работа заключается именно въ рекомендаціи послѣдняго рода мѣръ, къ разсмотрѣнію которыхъ теперь и перехожу.

Многіе изъ читателей, пожалуй, будутъ удивлены услышавъ, что средства не только ослабляющія, но порой въ конецъ убивающія вредные нашему здоровью микроорганизмы, ничуть не нуждаются въ нашемъ изобрѣтеніи, что они давнымъ давно придуманы самой человѣческой природой, что у каждаго изъ насъ съ момента рожденія на свѣтъ существуетъ, такъ сказать, противомикробная стража, которой присуща способность убивать или, по меньшей мѣрѣ, значительно ослаблять болѣзнетворныхъ бактерій и что, вслѣдствіе этого, для цѣли предупрежденія заразныхъ болѣзней съ насъ требуется лишь одно вниманіе, чтобы функціи этой спасительной стражи всегда оставались нормальной. Удивленіе читателей, вѣроятно, увеличится еще больше, узнавъ, что только что упомянутая благодѣтельная стража есть не что иное, какъ нашъ *носъ*, т.-е. тотъ органъ, съ которымъ, къ слову сказать, огромное множество людей обходится весьма непочтительно, чтобы не сказать грубо.

Согласно наблюденіямъ ученыхъ медиковъ (Hajek и др.), слизь, отдѣляемая слизистой оболочкой, выстилающей полость носа, обладаетъ свойствомъ убивать или, по меньшей мѣрѣ, обезвреживать тѣ микроорганизмы, которые снабжаютъ насъ всевозможными заразными заболѣваніями. Но для проявленія такого противомикробнаго дѣйствія обязательно требуется наличность одного условія именно, чтобы названная слизистая оболочка была совершенно нормальна. Въ противномъ случаѣ бактеріоубивающая способность носовой слизи убываетъ, а подчасъ и вовсе пропадаетъ.

Кромѣ сказаннаго, носовая слизь, благодаря своей липкости приноситъ пользу нашему здоровью тѣмъ, что механически задерживаетъ носящіяся во вдыхаемомъ нами атмосферномъ воздухѣ частицы органической и неорганической пыли, которыя, какъ извѣстно, значительно раздражаютъ наши дыхательные пути.

Далѣе, воздуху, вдыхаемому черезъ носъ, присущи еще слѣдующія, немаловажныя для нашего дыханія, физическія свойства, а именно: онъ болѣе влаженъ и имѣетъ соотвѣтствующую высоту температуры.

Въ противоположность сказанному, воздухъ, вдыхаемый ртомъ, холоднѣе, суше, содержитъ раздражающія дыхательный аппаратъ пылевыя частицы и, самое важное, ядовитыя болѣзнетворныя бак теріи.

Принимая теперь во вниманіе, что большинство извѣстныхъ намъ заразныхъ болѣзней мы получаемъ со вдыхаемымъ атмосфернымъ воздухомъ (исключеніе составляютъ: сифилисъ, гоноррея, бѣшенство, сапъ и сибирская язва), мы приходимъ къ заключенію, что намъ слѣдуетъ

зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы: 1) дыханіе наше всегда совершалось черезъ носъ и 2) чтобы слизистая оболочка носа была здорова.

Къ сожалѣнію, однако, способъ дыханія и состояніе здоровья нашего носа, какъ учатъ ежедневныя наблюденія, чрезвычайно мало заботитъ не только простой, но и болѣе или менѣе интеллигентный классъ населенія и не только обывателей мелкихъ городовъ и селъ, но даже крупныхъ центровъ, гдѣ имѣются соотвѣтствующіе врачи-спеціалисты.

Какъ уже упомянуто выше, изъ всѣхъ органовъ нашего тѣла органъ обоняніи почему-то находится въ значительномъ пренебреженіи. Не посчастливилось почему-то нашему носу, несмотря на то, что въ косметическомъ отношеніи онъ испоконъ вѣковъ играетъ весьма важную роль.

Причина этого явленія заключается въ томъ, что болѣзни слизистой оболочки носа, характеризуемыя вообще непосвященной въ медицинскія подробности публикой однимъ собирательнымъ названіемъ «насморка», во-первыхъ, считаются маловажными и не вліящими на общее состояніе организма и, во-вторыхъ, неподдающимися леченію. Мы на каждомъ шагу убѣждаемся въ томъ, что среди публики распространено мнѣніе, будто противъ насморка и научная медицина не знаетъ излечивающихъ средствъ.

Въ моей скорбной книгѣ имѣются записи случаевъ хроническаго насморка разнообразной формы у лицъ достаточныхъ и довольно интеллигентныхъ, случаевъ, дошедшихъ благодаря отсутствію своевременнаго леченія до образованія цѣлыхъ колоній полиповъ и, тѣмъ не менѣе, попавшихъ подъ мое наблюденіе совершенно случайно. Напр., нѣкоторые изъ больныхъ послѣдней категоріи обращались ко мнѣ по поводу болѣзней буквально самыхъ пустячныхъ, какъ-то: угрей на лицѣ, перхоти на головѣ и т. п. Я еще живо помню изумленіе, обнаруженное на ихъ лицахъ, когда имъ было заявлено, что страданія, ихъ тревожащія и заставившія искать нашей помощи—совершеннѣйшее ничто въ сравненіи со страданіемъ носа, ими вовсе неподозрѣваемаго.

Особенно часто я встрѣчаю халатное отношеніе къ разстройству акта дыханія въ дѣтской практикѣ. Мнѣ попадались дѣти, страдавшія чуть ли не съ первыхъ мѣсяцевъ жизни значительнымъ затрудненіемъ, а то и полнымъ отсутствіемъ носового дыханія, безъ того, чтобы родители ихъ, люди зажиточные и съ образованіемъ, обратили на это ненормальное явленіе сколько-нибудь серьезное вниманіе.

Вообще, особенно въ отношеніи дѣтей, больныхъ носовыми болѣзнями, исканіе совѣта врача вызывается не страданіемъ носа, а послѣдовательнымъ заболѣваніемъ сосѣднихъ съ послѣднимъ органовъ. Напр., къ намъ зачастую являются съ дѣтьми, страдающими гноетеченіемъ изъ ушей, тугостью слуха, слезотеченіемъ и пр., причемъ, однако, ока-

зывается, что страданія эти не суть самостоятельныя, а обусловливаются болѣзнью носовой полости, именно распространеніемъ катарральныхъ заболѣваній носа то чрезъ ушную трубу на среднее ухо, то на слезоточный каналъ.

Переходя теперь къ разбору причинъ, обусловливающихъ заболѣваніе столь важнаго для нашего здоровья обонятельнаго органа, я долженъ замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ хроническій насморкъ у взрослыхъ ведетъ свое начало отъ самаго ранняго возраста, причемъ главной виновницей этого страданія служитъ такъ называемая глоточная миндалина, а отчасти и небныя миндалины, съ которыми мы сейчасъ познакомимся.

Попросивъ кого-нибудь изъ знакомыхъ открыть ротъ и засматривая въ него, придавивъ предварительно языкъ, чтобы не мѣшалъ осмотру, врачебнымъ шпаделемъ или ручкой обыкновенной ложки, намъ тотчасъ бросится въ глаза помѣщаяся въ заднемъ отдѣлѣ ротовой полости мясистая арка, съ средины которой свисаетъ языкообразный придатокъ, носящій названіе небной занавѣски или язычка. Арку эту принято разсматривать, какъ 2 дужки, принимая за исходный пунктъ только что названный язычокъ. Такимъ образомъ получаются правая и лѣвая дужки, называемыя вообще небными дужками; всей же аркѣ присвоено названіе мягкаго неба.

Каждая небная дужка на всемъ своемъ протяженіи снабжена неглубокой бороздой, которая въ своей нижней части заключаетъ дольчатое тѣло, именуемое миндалевидной желѣзой, или просто миндалиной (Tonsilla).

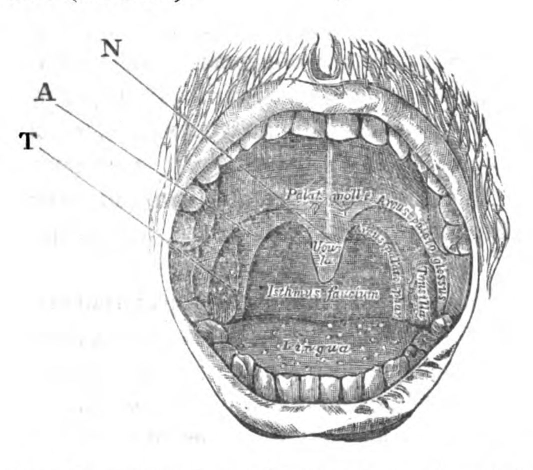


Рис. I (*по Гейцману*) Т.—миндалина. А—дужка. N—язычекъ.

Имѣются, стало быть, двѣ миндалины—правая и лѣвая, называемыя во врачебной наукѣ небными миндалинами (см. рис. I). По ту сторону мягкаго неба взглядъ нашъ встрѣчаетъ такъ называемую заднюю стѣнку глотки, продолженіе которой кверху есть верхняя глотка, называемая также носоглоткой или носоглоточнымъ пространствомъ.

Верхняя глотка совершенно скрыта отъ нашего взора и можетъбыть видима лишь при помощи соотвѣтствующихъ отражательныхъ зеркалъ.

Есть еще третья или глоточная миндалина, которая прикрѣплена ко своду верхней глотки.

Въ послѣднюю открываются заднія носовыя отверстія, именуемыя *хоанами*, и ушныя или эвстахіевыя трубы (ихъ двѣ—правая и лѣвая), изъ которыхъ каждая ведетъ въ барабанную полость или среднее ухо соотвѣтствующей стороны. Чрезъ хоаны атмосферный воздухъ направляется къ легкимъ.

Глоточная миндалина у новорожденныхъ имѣетъ незначительную величину и при нормальномъ ростѣ организма втеченіе первыхъ лѣтъ жизни оказывается атрофированной, т.-е. исчезнувшей.

Бываютъ, однако, случаи, и довольно частые, когда глоточная миндалина, наоборотъ, пріобрѣтаетъ наклонность къ дальнѣйшему развитію, къ увеличенію объема и тогда она можетъ разростись до значительныхъ размѣровъ.

Разросшаяся такимъ образомъ глоточная миндалина носитъ въ медицинѣ названіе аденоидныхъ разрощеній или просто *аденоидовъ* (см. рис. II).

Аденоидныя разрощенія обыкновенно наблюдаются у дѣтей послѣ перенесенія ими острыхъ заразныхъ болѣзней, которыя сопровождаются воспалительнымъ состояніемъ носовой и глоточной полостей, напр., скарлатины, кори, дифтерита и пр.

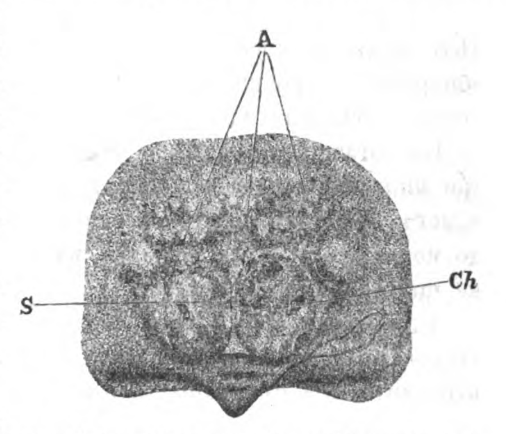


Рис. II (по *Бресгену*). A—умѣренныя аденоидныя разрощенія. S—носовая перегородка Ch—хоаны.

Предоставленные самимъ себѣ, аденоиды сильно разстраиваютъ здоровье молодого, растущаго организма.

Въ первой линіи нормальное увеличеніе глоточной миндалины обусловливаетъ затрудненіе носового дыханія, закрывая въ большой или меньшей степени заднія носовыя отверстія (хоаны).

При умѣренномъ развитіи аденоидныхъ разрощеній дѣти перестаютъ дышать ртомъ лишь во время сна, при болѣе же значительномъ ихъ ростѣ носовое дыханіе становится затруднительнымъ, а подчасъ даже невозможнымъ и во время бодрствованія. Дѣти, стало быть, обречены на продолжительное, а то и постоянное дыханіе ртомъ.

Послѣдствіемъ ротового дыханія, какъ уже выяснено выше, является потеря вдыхаемымъ воздухомъ тѣхъ важныхъ противозаразныхъ свойствъ, которыми послѣдній характеризуется при нормальномъ дыханіи черезъ носъ.

Отсюда вытекаетъ, что для дѣтей, страдающихъ опухолью глоточной миндалины, опасность заразиться туберкулезомъ и вообще заразными заболѣваніями должна быть значительно больше, сравнительно съ дѣтьми, свободныхъ отъ подобной опухоли.

Выше мной отмѣченъ фактъ, что вообще лица, страдающія разстройствомъ носового дыханія и, въ особенности, дѣти зачастую попадаютъ подъ наше наблюденіе совершенно случайно. Для наглядности позволю себѣ привести нѣсколько примѣровъ, взятыхъ наудачу изъ моей скорбной книги.

1. К., ученикъ гимназіи, 17-лѣтъ, сынъ довольно образованныхъ родителей явился ко мнѣ на амбулаторный пріемъ съ жалобой на то, что уже годъ времени, какъ у него неправильно, непеpіодически теряется слуховая способность на оба уха. Одинъ изъ такихъ припадковъ глухоты и привелъ его ко мнѣ.

Изслѣдованіе ушей обнаружило явленія, сопутствующія вообще закупоркѣ вышеописанныхъ эвстахіевыхъ трубъ (втянутость барабанной перепонки и пр.). Вдуваніе воздуха въ эти послѣднія по способу проф. Полицера *) значительно улучшило слухъ. Но тутъ же, замѣтивъ невозможность со стороны больного дышать носомъ, я подробно осмотрѣлъ полость носа, глотку и носоглоточное пространство, причемъ обнаружилъ хроническую опухоль небныхъ миндалинъ и рядомъ съ этимъ—обильныя аденоидныя разрощенія.

Съ согласія больного и сопровождавшаго его ко мнѣ отца, всѣ три миндалины удалены оперативнымъ путемъ, послѣ чего въ скорости я могъ отмѣтить возстановленіе носового дыханія и возвращеніе почти до нормы силы слуха, который, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, больше не притуплялся.

II. Больная З., 12 лѣтъ, жалуется на частые приступы колотья въ ушахъ, больше никакихъ жалобъ. Изъ разспросовъ, однако, выяснилось, что спитъ она съ открытымъ ртомъ, храпитъ во время сна, разсѣянна, плохо учится и пр.

Объективное изслѣдованіе показало, далѣе, значительную блѣдность наружныхъ покрововъ, такъ называемую паралитическую или куриную грудь, равно какъ замѣтное искривленіе спинного хребта. Осмотръ носа и носоглоточной полости показалъ солидную опухоль глоточной миндалины.

Послѣ операціи послѣдней и возстановленія носового дыханія колотье въ ушахъ не повторялось.

III. Дѣвочка Л., 9 лѣтъ. Около трехъ лѣтъ существуетъ гноетеченіе изъ обоихъ ушей, не поддающееся леченію. Обнаружены аденоидныя разрощенія, которыя были оперированы. Спустя непродолжительное время послѣ операціи гноетеченіе прекратилось подъ вліяніемъ

---

*) Способъ проф. Полицера состоитъ въ томъ, что больной беретъ въ ротъ глотокъ воды, послѣ чего врачъ вставляетъ въ ноздрю стороны больного уха наконечникъ такъ наз. воздушнаго душа, представляющаго нѣсколько видоизмѣненную каучуковую спринцовку, и во время проглатыванія больнымъ глотка воды шаръ сдавливается, вгоняя такимъ образомъ заключавшійся въ ней воздухъ черезъ ушную трубу въ среднее ухо.

обеззараживающаго промыванія и вдуванія въ наружное ухо порошка борной кислоты (обыкновенное ушное леченіе, которое до операціи больной примѣнялось довольно долго безъ всякаго успѣха), рядомъ съ леченіемъ хроническаго насморка, развившагося благодаря аденоидной опухоли.

IV. Дѣвочка П., 5 лѣтъ. Жалоба на глухоту. Осмотромъ установлено затрудненное носовое дыханіе въ зависимости отъ гипертрофіи глоточной миндалины. Произведена операція, послѣ чего слухъ возвращенъ до нормы.

Кромѣ того, у меня имѣются записи аденоидныхъ случаевъ, касающихся дѣтей разнаго возраста, которыя обращались ко мнѣ за совѣтомъ по поводу болѣзней, съ перваго взгляда не имѣющихъ никакой связи съ растройствомъ дыханія, какъ, напр., ночной испугъ, ночное недержаніе мочи, заиканіе, общая нервная раздражительность и пр.,— болѣзней, которыя тѣмъ не менѣе, на основаніи многочисленныхъ убѣдительныхъ наблюденій, подчасъ какъ волшебствомъ исчезаютъ послѣ удаленія аденоидной опухоли. Этого рода наблюденія имѣлись и въ моей практикѣ.

Итакъ, особенно въ отношеніи дѣтскаго возраста, при малѣйшемъ разстройствѣ со стороны акта дыханія слѣдуетъ всегда помнить возможность существованія аденоидныхъ разрощеній и, буде таковыя окажутся, не медленно удалять ихъ оперативнымъ путемъ.

Въ этомъ отношеніи не мѣшаетъ запомнить слѣдующіе признаки, въ большинствѣ случаевъ сопровождающіе увеличеніе глоточной миндалины, а именно: сонъ съ открытымъ ртомъ, храпѣніе во время сна, равно и выдѣленіе изо рта во время сна желтоватой или буроватой слюны, обнаруживаемое въ видѣ пятенъ на подушкахъ, на которыхъ спятъ аденоидные больные.

Что касается операціи аденоидной опухоли, то она мало болѣзненна, весьма кратковременна и, при умѣломъ ея производствѣ, не сопровождается никакой опасностью, такъ что легко можетъ быть сдѣлана и дѣтямъ первыхъ мѣсяцевъ жизни. Правильнѣе говоря, не только можно, но даже слѣдуетъ оперировать въ болѣе раннемъ возрастѣ.

Въ заключеніе разсужденія объ аденоидной опухоли считаю умѣстнымъ отвѣтить еще на одинъ вопросъ, который, пожалуй, задали бы мнѣ многіе изъ читателей настоящей замѣтки, а именно: нельзя ли добиться исчезновенія глоточной миндалины при помощи лекарствъ, не прибѣгая къ ножу. Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ въ настоящее время можно отвѣтить лишь отрицательно.

Кромѣ аденоидной опухоли, затрудненіе носового дыханія можетъ также произойти въ зависимости отъ нѣкоторыхъ общихъ разстройствъ нашего организма, сопровождающихся нерѣдко заболѣваніемъ слизистой оболочки носа, какъ-то сифилисъ, золотуха и пр.

Понятное дѣло, что въ подобныхъ случаяхъ на первый планъ должно быть поставлено общее леченіе, но при этомъ не слѣдуетъ никогда забывать и мѣстнаго леченія самого носа.

Далѣе, заболѣваніе носа можетъ случиться и у лицъ совершенно свободныхъ отъ всякихъ другихъ какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ страданій, подъ вліяніемъ такъ называемой *простуды*. Но послѣдняя, и помимо вліянія на актъ дыханія, насъ здѣсь интересуетъ, составляя одно изъ вышеохарактеризованныхъ моментовъ, вызывающихъ заразныя болѣзни.

Въ нижеслѣдующемъ мною указанъ легкій и болѣе надежный способъ предупрежденія простуднаго вліянія.

Съ перваго взгляда, признавая вредное дѣйствіе простуды въ дѣлѣ возникновеніи болѣзней, намъ слѣдовало бы такъ или иначе избѣгать возможности простудиться. Но послѣднее въ сущности отнюдь невозможно. Мы встрѣчали людей, у которыхъ боязнь простудиться доходила до крайнихъ предѣловъ,—людей, которые въ мало-мальски неблагопріятную погоду безвыходно сидѣли въ комнатѣ и, несмотря на это, получали всевозможныя простудныя, заразныя заболѣванія. Даже наоборотъ: оказалось, что подобные, такъ сказать, простудо-боязненные люди болѣли куда чаще людей, совершенно неосторожныхъ въ этомъ отношеніи. Подобные случаи хорошо знакомы каждому практикующему врачу.

Исходя изъ этого факта, современная медицина пришла къ выводу, что охранять себя отъ простудныхъ вліяній вовсе не значитъ отстранять отъ себя дѣйствіе холода въ буквальнотъ смыслѣ, т.-е. чтобы въ болѣе холодное время замыкать себя въ теплицу, или чтобы выходить на холодный воздухъ запакованными въ разныя фуфайки, теплые чулки и пр. Совершенно наоборотъ.

Какъ уже упомянуто выше, подобная изнѣженность нашего тѣла еще болѣе приманиваетъ къ себѣ простуду.

Надобно, стало быть, устроить такъ, чтобы мы не боялись холода и не нуждались бы въ особенной защитѣ отъ него, другими словами, надо обзавестись такими приспособленіями, съ помощью которыхъ, подвергшись вліянію холода, не получали бы болѣзней.

Но прежде всего нѣсколько словъ о сущности простуднаго процесса.

Согласно воззрѣнію современной медицины, явленіе простуды заключается въ томъ, что низкая температура, дѣйствуя внезапно на какую-нибудь часть нашего тѣла, производитъ раздраженіе окончаній чувствительныхъ нервовъ. Раздраженіе это рефлекторнымъ образомъ передается на такъ называемые сосудодвигательные нервы, т.-е. на нервы, которые, возбуждаясь, вызываютъ съуженіе мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ, питающихъ наши ткани. Таковое съуженіе сосудовъ можетъ имѣть мѣсто какъ въ той области, которая находилась подъ

непосредственнымъ вліяніемъ внезапнаго охлажденія, такъ равно и въ отдѣльной части тѣла, находящейся, благодаря той или другой причинѣ (наслѣдственное или пріобрѣтенное предрасположеніе), въ состояніи такъ называемой наименьшей сопротивляемости (locus minoris resistesntiae). Уменьшеніе же просвѣтовъ волосныхъ кровеносныхъ сосудовъ въ какомъ-нибудь участкѣ тѣла, какъ само собою понятно, обусловливаетъ недостаточность притока крови къ нему и, вслѣдствіе этого разстройство питанія.

Если послѣ такого спазма сосудовъ не воспослѣдуетъ скорое и надлежащее ихъ расширеніе, простуда готова. Обѣдненная кровью, т.-е. голодная область становится слабой, почему въ борьбѣ съ вызывающими болѣзнь микробами тканевые элементы претерпѣваютъ пораженіе.

Простуда же не случится, если, какъ выражается проф. Шмидтъ, существуетъ нормальная игра ссудовъ, т.-е., если вслѣдъ за съуженіемъ сосудовъ послѣдуетъ скорое ихъ расширеніе до нормы, другими словами, если, благодаря притупленности чувствительныхъ нервовъ охлажденнаго органа, раздраженіе ихъ будетъ не сильное, почему и рефлекторный спазмъ сосудовъ—непродолжителенъ.

Стало быть, наступитъ скорое и полное расширеніе съуженныхъ сосудовъ и состояніе нормальнаго питанія пострадавшаго было участка своевременно возстановится.

Возвращаясь теперь къ разсмотрѣнію мѣръ, долженствующихъ противодѣйствовать вредному вліянію простуды, намъ слѣдуетъ лишь припомнить тѣ условія, при которыхъ вообще возникаютъ простудныя явленія.

Припомнимъ, что простуда обыкновенно вызывается внезапнымъ охлажденіемъ тѣхъ частей или органовъ нашего тѣла, которые не привыкли къ холоду, къ перемѣнамъ температуры (ноги, туловище), что, напр., охлажденіе, и даже очень сильное, ручныхъ кистей или лица никогда не влечетъ за собою простудныхъ болѣзней.

Обстоятельство это нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ привычкой кожи лица или ручныхъ кистей къ различнытъ колебаніямъ температуры. Привычка эта достигнута путемъ частыхъ холодныхъ обмываній съ послѣдующимъ растираніемъ.

Соотвѣтственно этому, для того, чтобы и другія части тѣла сдѣлать нечувствительными къ дѣйствію низкихъ температуръ, надо ихъ также пріучить къ холоднымъ обмываніямъ съ послѣдующимъ растираніемъ, т.-е. подвергнуть такъ наз. закаливанію.

Можно достигнуть хорошихъ результатовъ, пользуясь нижеизложеннымъ способомъ постепеннаго закаливанія, который охотно рекомендую вниманію интересующихся читателей.

Приступающій къ самозакаливанію начинаетъ съ того, что въ теченіе 3-хъ дней каждое утро тотчасъ послѣ вставанія съ постели

производить, по возможности скоро, растираніе всего тѣла посредствомъ грубаго или мохнатаго полотенца въ слѣдующемъ порядкѣ: лицо, руки, переднюю и заднюю поверхности туловища и, наконецъ, нижнія конечности.

Впродолженіи слѣдующихъ 3-хъ дней производится, въ указанномъ выше порядкѣ, обмываніе всего тѣла какой-нибудь спиртъ содержащей жидкостью, напр., дешевымъ одеколономъ, водкой и т. п., а затѣмъ уже растираніе до суха жесткимъ полотенцемъ.

Наконецъ, съ 7-го дня обмываніе дѣлается уже обыкновенной водой, причемъ для перваго раза берется вода t⁰ 20⁰Р, а затѣмъ, чрезъ каждые 3 дня, t⁰ воды понижается на одинъ градусъ, доходя такимъ образомъ до 14—12⁰ Р., послѣ чего можно температуры не мѣрить, а пользоваться водой, какая попадется.

Далѣе, обмываніе должно производиться руками, а не посредствомъ губки или влажнаго полотенца, какъ вообще рекомендуется многими врачами. Во-первыхъ, прикосновеніе руки куда пріятнѣе мокраго посторонняго тѣла, и во-вторыхъ, пристающій къ рукѣ слой воды нѣсколько согрѣвается, чѣмъ уменьшается рѣзкая разница между температурой обмывной воды и тѣла.

Способъ обмыванія чрезвычайно простъ. Въ наполненную водой соотвѣтствующей температуры чашку погружаются повторно обѣ руки, которыми, придерживаясь вышеуказаннаго порядка, обмываются всѣ части тѣла. За обмываніемъ слѣдуетъ растираніе жесткимъ полотенцемъ или простыней. Хорошо, если послѣ обтиранія полотенцемъ дѣлать еще растираніе обсушенными руками. Послѣднее сообщаетъ весьма пріятное чувство теплоты.

Дѣти, начиная съ 8—9-лѣтняго возраста, прекрасно сами продѣлываютъ всѣ указанныя выше манипуляціи. Дѣти же помоложе подвергаются этому способу закаливанія со стороны матери или когонибудь изъ окружающихъ.

Въ отношеніи дѣтскаго возраста весьма также цѣлесообразенъ способъ закаливанія, рекомендуемый проф. М. Шмидтомъ, состоящій въ слѣдующемъ.

Мѣсячнаго ребенка послѣ купанія въ ваннѣ t⁰ 28⁰ Р. обливаютъ водой температуры 24⁰ Р., затѣмъ постепенно понижаютъ температуру обмывной воды. Когда ребенку 6 мѣсяцевъ, воду для обмыванія можно брать температуры 20⁰—16 Р. Когда ребенокъ можетъ стоять, его можно въ пустой ваннѣ обливать водой температуры въ 14⁰ Р.

Проф. М. Шмидтъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что дѣти весьма скоро привыкаютъ къ этимъ освѣжающимъ обмываніямъ и съ удовольствіемъ встрѣчаютъ ихъ.

Для взрослыхъ же, равно и для болѣе старшихъ дѣтей, не пріученныхъ къ холодной водѣ съ первыхъ мѣсяцевъ жизни, рекомендуемый мною въ этой замѣткѣ способъ постепеннаго закаливанія,

повторяю, есть самый подходящій и, какъ само собою понятно, самый легкій для выполненія при всевозможной обстановкѣ.

Этотъ способъ закаливанія имѣетъ благодѣтельное вліяніе на лицъ, съ различнымъ разстройствомъ внутреннихъ органовъ (болѣзни желудка, кишечника), равно и нервной системы.

Даже туберкулезные больные, если только процессъ въ легкихъ не далеко зашелъ, обнаруживаютъ подъ вліяніемъ постепеннаго закаливанія значительное улучшеніе общаго состоянія (улучшеніе аппетита, сна), на ряду съ ослабленіемъ тягостныхъ припадковъ (кашля, ночныхъ потовъ и пр.).

Итакъ, мы имѣемъ пока двѣ послѣзаразныя мѣры, предохраняющія насъ отъ злой чахотки и вообще заразныхъ заболѣваній: 1) нормальное носовое дыханіе и 2) постепенное закаливаніе.

Въ заключеніе еще два слова о механизмѣ самозакаливанія.

Подъ вліяніемъ холоднаго обмыванія, т.-е. низкой температуры воды, происходитъ съуженіе кожныхъ сосудовъ.

Для того, чтобы, согласно данному выше объясненію, не случилось разстройства питанія, могущее служить поводомъ къ разнымъ заболѣваніямъ, требуется, чтобы какъ можно скорѣе послѣдовало ихъ расширеніе. Послѣднее достигается растираніемъ наружныхъ покрововъ, дѣйствующимъ оживляющимъ образомъ на процессъ кровеобращенія.

При продолжительномъ практикованіи способа постепеннаго закаливанія кожные сосуды привыкаютъ къ скорому расширенію послѣ съуженія, чѣмъ и устраняется вліяніе простуды.

КАПИТАЛИЗМЪ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ.

I.

Среди вопросовъ переживаемаго нами момента, этихъ внутреннихъ «враговъ», подлежащихъ безконечной повторяемости, которыхъ у насъ такое множество, едва ли не однимъ изъ самыхъ запутанныхъ является вопросъ еврейскій. Что можетъ быть запутаннѣе преданія, ставшаго достояніемъ толпы! Помимо преданія, какія только наслоенія не воздвигались и не воздвигаются надъ еврейскимъ вопросомъ искусственно! Между тѣмъ, исторія, можетъ быть, никогда еще не начертала на своихъ страницахъ вопроса болѣе трагичнаго.

Кто поручится за то, что въ то время, когда мы пишемъ эти строки, какой-нибудь большой или малый городъ «черты осѣдлости» не находится въ тревожномъ ожиданіи погрома, и сотни людей не бросаютъ свое имущество, не бѣгутъ отъ неизвѣстности, не дающей возможности опредѣлить тотъ день и тотъ часъ, когда разразится туча ненависти; что гдѣ-либо въ это время не раздается уже свистъ и гиканье громилъ, вооруженныхъ молотами, топорами, долами, уничтожающихъ работу многихъ сотенъ и тысячъ человѣческихъ рукъ, не знающихъ пощады даже для дѣтей... И летятъ въ прахъ жалкія лачуги бѣдняковъ, и грошевый скарбъ ихъ, добытый годами лишеній, превращается въ кучи мусора. Вѣдь, и погромъ, какъ всякая бѣда обрушивается, прежде всего и главнымъ образомъ, на тѣхъ, кто менѣе всего обладаетъ средстами защиты...

Какъ извѣстно, уже погромы начала восьмидесятыхъ годовъ были вызваны причинами, имѣющими мало общаго съ «національной» враждой. Извѣстны также обстоятельства, при которыхъ имъ придавали политическое значеніе, ихъ, такъ сказать, симптоматическій характеръ. Въ какихъ бы формахъ ни проявлялись дѣйствія громилъ и человѣконенавистническія разсужденія ихъ пропагандистовъ, въ настоящее время о какой бы то ни было «высшей правдѣ» уже не можетъ быть и рѣчи, Тутъ можно говорить лишь объ истязаніи человѣка человѣкомъ во имя самыхъ «нехристіанскихъ» стремленій...

И такія событія развертываются то въ одномъ пунктѣ нашего отечества, то въ другомъ, то въ такомъ огромномъ числѣ пунктовъ сразу, что затрудняешься ихъ перечислить. Тутъ и такіе города, какъ Одесса, Кишиневъ, Гродно, Смоленскъ, и такіе, какъ Сосновицы, Александрія, Слонимъ и цѣлый рядъ мѣстечекъ «черты осѣдлости», гдѣ даже при желаніи трудно организовать защиту во время. Достаточно сказать, что изъ 119 уѣздовъ, въ которыхъ происходила мобилизація, въ девятнадцати уѣздахъ были погромъ и грабежъ.

Подводя итогъ этому звѣрству, которое приняло какой-то хроническій характеръ, мы не можемъ не считаться со странной увѣренностью громилъ въ своей безнаказанности, или даже въ томъ, что ихъ безчинства словно санкціонированы: отсюда веселое расположеніе духа, которое наряду съ буйствомъ отмѣчается корреспонденціями, описывающими безпорядки; отсюда то сознаніе безнаказанности, которое лежитъ въ основѣ общаго отношенія къ еврею. Что есть еврей? «Дѣлается онъ христіаниномъ—онъ выкрестъ; остается при іудействѣ—онъ песъ смердящій. Можно ли представить себѣ мучительство—спрашивалъ Щедринъ—болѣе безумное, болѣе безсовѣстное» *)?

Лишь одинъ разъ судьбы еврейства были поставлены, казалось, серьезно на очередь. Это было тогда, когда образованному для этой цѣли учрежденію было поручено «пересмотрѣть всѣ существующія о евреяхъ постановленія для соглашенія ихъ съ общими видами сліянія ихъ съ коренными жителями». Это было въ шестидесятые годы, и любопытны тѣ отвѣты, которые дали губернаторы министерству внутреннихъ дѣлъ. Новороссійскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ нашелъ, что существованіе какихъ бы то ни было ограниченій въ гражданскихъ правахъ евреевъ сравнительно съ христіанскимъ населеніемъ, несообразно ни съ духомъ времени. ни съ стремленіемъ правительства къ сліянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ имперіи, что имъ необходимо разрѣшить выбирать мѣсто жительства и родъ занятій по свободному выбору на одинаковыхъ со всѣми русскими подданными правахъ. Такъ же высказались черниговскій губернаторъ, генералъ-губернаторъ эстляндскій, лифляндскій и курляндскій, генералъ-губернаторъ кіевскій, подольскій и волынскій. Необходимость разселенія евреевъ доказывалъ даже министръ финансовъ. Даже министерство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ, собственно, и сосредоточивался вопросъ, высказалось за разселеніе и не только въ общихъ экономическихъ интересахъ, но и потому, что проживаніе евреевъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ они будутъ составлять незначительное меньшинство, прямо теряющееся въ массѣ русскаго населенія, будетъ содѣйствовать смягченію національныхъ особенностей. Такъ высказались люди, мнѣ-

---

*) М. Е. Салтыковъ. „Сочиненія“. Томъ седьмой. „Недоконченныя бесѣды“. Стр. 563.

нія которыхъ, казалось бы, не могли и не могутъ быть заподозрѣны въ потворствѣ человѣческимъ слабостямъ. Но... прошли годы увлеченій... Русская жизнь, поколебленная «великими реформами», вновь вошла въ «норму», а вмѣстѣ съ ней и... еврейскій вопросъ. По отношенію къ евреямъ реакція приняла характеръ особенно систематическій, особенно непреклонный. Она превратилась въ репрессію, которая не считалась съ элементарными интересами еврейскаго населенія.

Удивительно ли, если вся жизнь еврея стала сплошнымъ страхомъ? «Никому нѣтъ дѣла до причинъ, породившихъ «странности»—замѣчаетъ Щедринъ—ибо въ глазахъ черезчуръ уже живо мечется грубый фактъ, который заслоняетъ и проклятое прошлое, и презрѣнную обстановку настоящаго. Смѣшной лапсердакъ, нелѣпые пейсы, заячья торопливость, ни на минуту не дающая еврею усидѣть на мѣстѣ—чего еще нужно? Еврей и ходитъ не такъ, какъ люди, и говоритъ не такъ, какъ люди, и смотритъ не такъ, какъ люди. Отъ еврея—пахнетъ; еврей не смотритъ, а глаза у него бѣгаютъ; онъ не живетъ, а блудитъ. А какъ смѣшно и даже гнусно онъ шепелявитъ!» Это—со дня рожденія и по день смерти—источникъ потѣхъ и издѣвокъ, которыя проявляются тѣмъ свободнѣе, что не встрѣчаютъ и не могутъ встрѣчать отпора... Таковъ еврей, одѣтый въ лапсердакъ и длинный кафтанъ. Немногимъ лучше положеніе еврея образованнаго. И онъ тотъ же, котораго можно обижать безнаказанно, которому остается лишь посылать безсильныя проклятія судьбѣ, который—«съ мечемъ ли воина», «съ вѣсами ли правосудія въ рукахъ, во храмѣ ли науки заповѣдной, съ молитвой ли смиренной на устахъ»—всегда встрѣчалъ одно, по выраженію поэта-еврея:

Все тотъ же ядъ вражды и ненависти жгучей
Ты въ грудь мою рукой жестокой лилъ...
О, сколько силы свѣжей и могучей
Во мнѣ ты этимъ ядомъ задушилъ *)!

Грошъ—цѣна этому еврею. Это—отверженный... Ему можно плюнуть въ лицо, когда вздумается, отправить на тотъ свѣтъ ударомъ молота въ голову, можно разжигать эти чувства рядомъ гнусныхъ статей, и никто не долженъ быть въ отвѣтѣ... Должны ли иначе относиться къ еврею тѣ, изъ кого составляются ряды нашихъ громилъ и темныя личности ихъ явныхъ и тайныхъ вдохновителей? Грошъ—цѣна человѣку...

II.

Какъ и гдѣ сталкиваются евреи съ кореннымъ населеніемъ, пробуждая «противуобщественные инстинкты»?

*) Фругъ. „Сіониды и другія стихотворенія“. Спб. 1902 г.

Послѣ каждаго погрома, мы неизбѣжно слышимъ одно и то же: евреи сами подготовили для него почву, такъ какъ евреи являются «настоящими господами положенія», держатъ въ «экономической зависимости» всю массу населенія, всячески угнетаютъ ее ростовщичествомъ *). Это—«бактеріи», проникшія въ «сырой, неустойчивый и лимфатическій организмъ». Бактеріи быстро плодятся въ благопріятной средѣ, и организмъ не въ состояніи бороться съ «отравляющими его токсинами» **).—Посмотримъ, что это за организмъ, что это за «быстро плодящіяся бактеріи».

Ни для кого не тайна, что организмъ, представляемый нашимъ отечествомъ, давно уже вышелъ изъ состоянія «сырости», «неустойчивости». Въ то время, какъ русскій капиталъ забиралъ въ свои руки милліонную армію кустарей, сѣть желѣзныхъ дорогъ и элеваторовъ становилась тѣснѣй и плотнѣй, развивалось земельное утѣсненіе, населеніе селъ и деревень отливало за тысячу верстъ въ быстро-растущую промышленность, пыль молотильныхъ машинъ и дымъ фабричныхъ трубъ покрыли русскую землю. Теперь «добрые геніи» рубятъ, роютъ, пилятъ, все это уносятъ за тридевять земель. Съ каждымъ днемъ количество «добрыхъ геніевъ» растетъ, а стало быть съ каждымъ днемъ развивается вкусъ получать за все «чистыми деньгами». Властно вторгается капитализмъ на мѣсто стародавнихъ экономическихъ основъ, дифференцируя страну на рѣзко отличные и прямо противоположные по интересамъ классы имущихъ и неимущихъ... Намъ говорятъ, «добрые геніи» Россіи—ростовщики и эксплуататоры,—это евреи, коренное населеніе—тѣ элементы, на плечахъ которыхъ воздвигаютъ свои золотыя горы эти геніи. Такъ ли это? Обратимся къ непосредственнымъ фактамъ.

Прежде всего мы должны изъ поля нашего зрѣнія исключить сельскохозяйственныя предпріятія,—извѣстно отношеніе русскаго законодательства къ занятію евреевъ сельскимъ хозяйствомъ. Если въ первую половину минувшаго столѣтія правительство пыталось привлечь евреевъ въ эту область производства, то въ послѣдующія десятилѣтія оно не только не шло навстрѣчу евреямъ горожанамъ, но прилагало дѣлать всѣ усилія къ тому, чтобы разорвать ту связь, которая уже была установлена. Въ 1864 году послѣдовало запрещеніе покупать у помѣщиковъ и крестьянъ землю въ девяти губерніяхъ виленскаго и кіевскаго генералъ-губернаторства. Согласно «временнымъ» правиламъ 1882 года, распространявшимъ свое дѣйствіе на 15 губерній черты осѣдлости, запрещалось свидѣтельствованіе купчихъ и арендныхъ договоровъ евреевъ на недвижимыя имущества, расположенныя внѣ черты городовъ и мѣстечекъ. Эти правила лишали даже евреевъ права вновь

*) „Новое время" 3 мая 1903 года.

**) „С.-Петербургскія Вѣдомости" 29 апрѣля 1903 года.

селиться внѣ черты городовъ и мѣстечекъ. Даже поселившіеся до 1882 года евреи должны были выселиться въ города и мѣстечки. Правда, на Царство Польское того времени временныя правила не распространялись, но въ 1891 году и здѣсь было запрещено евреямъ покупать и арендовать землю у крестьянъ, равно какъ и вновь селиться на крестьянскихъ. Такъ называемыя же еврейскія земледѣльческія колоніи обслуживаютъ столь незначительный процентъ еврейскаго населенія, что ихъ едва ли можно принимать во вниманіе; у значительной части колонистовъ хлѣбопашество является даже не главнымъ источникомъ существованія... Безспорно, сельское хозяйство тѣхъ районовъ, которые составляютъ черту осѣдлости, опутано (подобно русской деревнѣ вообще) сѣтью кулачества-ростовщичества; мы видимъ, съ одной стороны, напряженную крестьянскую заботу, бѣгство, куда глаза глядятъ, съ другой—просто хищническую наживу. Но здѣсь «господами положенія» не могутъ являться евреи уже по тому одному, что, за небольшимъ исключеніемъ, составляющимъ нѣсколько сотъ тысячъ, остальные 4.200.000 евреевъ заключены въ стѣнахъ городовъ и мѣстечекъ безъ права перехода въ сельскія мѣстности. Посредничество же, являющееся привходящимъ моментомъ, въ основѣ происходящаго процесса лежать не можетъ. Одно простое сравненіе нашихъ внутреннихъ губерній, гдѣ, конечно, еврейскіе «посредники» отсутствуютъ, съ губерніями черты осѣдлости показываетъ, какъ безсмысленно видѣть причины народныхъ разореній въ «посредникахъ». Наоборотъ, именно губерніи черты осѣдлости меньше всего подвержены той болѣзни, которою хронически страдаетъ деревня внутренней полосы—голодовкамъ...

Перейдемъ же къ городамъ и мѣстечкамъ, гдѣ сосредоточены промышленные рессурсы черты и гдѣ, казалось бы, евреи должны являться «господами положенія». Что мы видимъ *)? Уже однѣ голыя цифры, показывающія, какъ распредѣляются фабрики и заводы между еврейскимъ и нееврейскимъ населеніемъ, не оправдываютъ подобныхъ ожиданій. Вотъ онѣ (цифры относятся къ 1897 г.): % евр. фабрикъ въ сѣв.-западномъ краѣ—50, юго-зап.—33,9, южномъ—23,9. «Добрыми геніями» оказываются не одни евреи даже тамъ, гдѣ,—если вѣрить ново-временскимъ молодцамъ—все находится во власти еврейскаго капитала. Судя по этимъ даннымъ, численно еврейскіе капиталисты значительно уступаютъ нееврейскимъ капиталистамъ. Можетъ быть, не въ количествѣ предпріятій дѣло?... Можетъ быть, еврейскія предпріятія такъ хорошо поставлены, достигли такой степени концентраціи, что побиваютъ всѣ остальныя предпріятія края, держатъ такимъ путемъ его въ своей власти?

*) Мы пользуемся цифрами „Сборника матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ". Спб. 1904 г.

Посмотримъ. Изъ тѣхъ же цифръ видно, что процентъ производства еврейскихъ фабрикъ составляетъ въ сѣверо-западномъ краѣ 47,6, въ юго-западномъ — 27, въ южномъ—10; процентъ числа рабочихъ въ сѣверо-западномъ—58, въ юго-западномъ--25,9, въ южномъ—7. Если сопоставить еврейскія фабрики съ двигателями съ еврейскими фабриками безъ двигателей, то въ сѣверо-западномъ краѣ въ числѣ 513 фабрикъ съ двигателями на долю еврейскихъ придется 377, т.-е. 73,5%, а на 1.137 фабрикъ безъ двигателей—еврейскихъ 1.024 или 90,06%; въ юго-западномъ краѣ еврейскія фабрики съ двигателями составляютъ 51% общаго числа фабрикъ съ двигателями, процентъ же еврейскихъ фабрикъ безъ двигателей возрастаетъ до 78,8% общаго числа безъ двигателей; то же мы видимъ въ южномъ краѣ: еврейскія фабрики съ двигателями составляли 51,9% общаго числа фабрикъ съ двигателями, еврейскія фабрики безъ двигателей—78,6% *). Такимъ образомъ, хотя въ юго-западномъ и южныхъ районахъ есть широко-поставленныя еврейскія предпріятія, но, въ общемъ, еврейскія предпріятія меньше нееврейскихъ, и въ нихъ меньше находятъ приложеніе техническія усовершенствованія. Такимъ образомъ и объясняется сравнительно большій процентъ рабочихъ на еврейскихъ фабрикахъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ той же особенностью, что и въ еврейской торговлѣ: несоразмѣрно большое отношеніе оборотнаго капитала къ основному... Утвержденіе, будто евреи захватили въ свои руки всѣ капиталы, всю промышленность черты осѣдлости, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Есть въ каждомъ городѣ кучка богатыхъ банкировъ, ростовщиковъ, капиталистовъ, но таковые имѣются и среди «коренного населенія». Но... допустимъ, что еврейское населеніе выдвигаетъ относительно большій процентъ такихъ «геніевъ» — развѣ эти «бактеріи» не тонутъ хотя бы въ массѣ тѣхъ рабочихъ-евреевъ, которые создаютъ ихъ «хозяйское положеніе»? Въ Витебской губерніи на еврейскихъ фабрикахъ съ двигателями дѣтскій и женскій трудъ составляетъ 61%, въ Минской 59%—развѣ и эти дѣти и женщины «бактеріи»? Наибольшій процентъ еврейскаго пролетаріата встрѣчается въ производствахъ перчаточномъ, щетинномъ, спичечномъ, табачномъ, мыловаренномъ, кожевенномъ и т. п., т.-е. именно въ тѣхъ производствахъ, которыя считаются самыми тяжелыми, самыми вредными для здоровья; на югѣ ряды носильщиковъ, грузчиковъ, извозчиковъ и пр. наполняются преимущественно пришлецами изъ западныхъ губерній, не нашедшихъ приложенія рабочей силѣ на родинѣ. Что же—и эти пролетаріи «господа положенія»? Что значитъ какая-нибудь кучка «бактерій» среди сотенъ тысячъ рабочаго люда?

---

*) Мы пользуемся цифрами „Сборника матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ“. Спб. 1904 г.

Конечно, размѣры еврейскихъ капиталовъ трудно учесть съ точностью. Они вращаются въ цѣломъ рядѣ акціонерныхъ предпріятій.

Глубоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что въ области капитала концентрируются всѣ значительныя группы еврейскаго населенія. Евреи, конечно, очень рано познакомились съ денежнымъ строемъ понятій; господство денежнаго хозяйства естественно должно выдвигать на болѣе или менѣе выгодное мѣсто тѣхъ изъ нихъ, которые скопили въ своихъ рукахъ большія денежныя средства. Въ водвореніи въ христіанской Европѣ денежнаго хозяйства торговые и денежные евреи играли, какъ извѣстно, большую роль... Но лишеніе права учиться, права проживанія въ различныхъ мѣстахъ, шаткость юридическихъ отношеній, шаткость завтрашняго дня, то и дѣло проявляющаяся въ цѣломъ рядѣ ужасовъ, все это не располагаетъ къ солидному долговременному предпріятію, заставляетъ лихорадочно держаться за отжившія формы производства.

Трудно указать профессію, которая бы насчитывала въ чертѣ осѣдлости столько представителей, какъ ремесло и мелкая торговля.

Въ Витебской губерніи, по свѣдѣніямъ ремесленныхъ управъ, въ девяностыхъ годахъ насчитывалось 2.890 мастерскихъ—и изъ нихъ 72% были еврейскія; въ Гродненской губ. на 16.726 неевреевъ приходилось 26.515 евреевъ-ремесленниковъ. По отношенію къ городскому населенію процентъ еще выше. Евреи на $^2/_3$ или на $^3/_4$ заполняютъ классъ мелкихъ производителей черты. Являясь главными поставщиками дешевыхъ ремесленныхъ издѣлій для всѣхъ слоевъ простонародья, евреи-ремесленники не только не уменьшаются въ числѣ, но растутъ съ годами и абсолютно, и относительно. Такъ, за девяностые годы число ремесленниковъ абсолютно увеличилось во всѣхъ губерніяхъ черты осѣдлости, исключая Виленской. Относительно это число ихъ возросло въ такихъ губерніяхъ, какъ Ковенская, Могилевская, Таврическая и т. д. Это неизбѣжный результатъ тѣхъ ограниченій, въ силу которыхъ еврей-ремесленникъ не можетъ проникнуть за черту своего города или своего мѣстечка. Важность ремесленной дѣятельности евреевъ, какъ для городского населенія, такъ и для крестьянскихъ массъ черты осѣдлости столь очевидна, что въ свое время, въ цѣляхъ открытія евреямъ-ремесленникамъ доступа во внутреннія губерніи, былъ изданъ законъ. Мы имѣемъ въ виду законъ 28 іюля 1865 года. Но юридическое положеніе евреевъ, даже согласно этому закону, было столь неопредѣленно, представляло столь широкій просторъ усмотрѣнію администраціи, что число ремесленниковъ, оставившихъ черту, не превышало и 2% всего числа евреевъ-ремесленниковъ. Когда же были опубликованы «временныя правила» 1882 года, выселившія евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей, то скученность ихъ въ городахъ и мѣстечкахъ такъ возросла, что ни эмиграціонный потокъ, въ который со стихійной силой были вовлечены десятки ты-

сячъ бѣдняковъ, въ которомъ скрылось столько ужасныхъ существованій, столько разбитыхъ жизней, ни конкуренція крупнаго капитала, съ которымъ спорить мелкое ремесло можетъ лишь путемъ сокращенія своихъ потребностей до послѣдней крайности, не въ состояніи остановить этого судорожнаго процесса... То же въ области мелкой торговли...

Надо ли говорить о какой бы то ни было самостоятельности этихъ тружениковъ? Чаще всего матеріалъ берется въ кредитъ за неимовѣрный процентъ. Такъ, на Волыни ремесленникъ, взявшій, напр., 5 руб., долженъ уплачивать ежемѣсячно 50 коп. процентовъ, т.-е. 10% въ мѣсяцъ или 120% въ годъ. И это настолько вошло въ обычай, что когда одинъ изъ мѣстныхъ ростовщиковъ захотѣлъ взять 150%, то должники-ремесленники устроили стачку, добиваясь лишь того, чтобы онъ бралъ не больше 120% *)... Работая надъ чужимъ матеріаломъ, труженики эти, сплошь и рядомъ, и вовсе теряютъ связь съ потребителемъ. Огромная масса ихъ совершенно не въ состояніи вести самостоятельныя сношенія съ рынкомъ. У нихъ нѣтъ для этого ни капитала, ни умѣнья организовать сбытъ, а въ такихъ условіяхъ посредникъ-скупщикъ или посредникъ-капиталистъ, берущій себѣ львиную долю, превращающій мало-по-малу трудъ ремесленника въ трудъ наемнаго пролетарія, является единственнымъ спасеніемъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, и собратьями по ремеслу, набившими всѣ мѣста и пункты работы, какъ песокъ морской, и развивающимся крупнымъ производствомъ, еврей-ремесленникъ вынужденъ искать «внѣшняго» рынка и чѣмъ интенсивнѣе его ищетъ, тѣмъ скорѣе попадаетъ въ руки скупщику.

Какой бы области экономической жизни черты осѣдлости мы ни коснулись, мы видимъ одно изъ двухъ—или евреи вовсе устранены отъ участія, или, если ихъ участіе выражается въ той или иной формѣ, въ тѣхъ или, иныхъ размѣрахъ, то не представляютъ собой никакой однородности. Дѣйствительно, «строителями жизни» является кучка капиталистовъ, ростовщиковъ и скупщиковъ, въ значительной части состоящая изъ евреевъ; но кучка эта численно ничтожна по сравненію съ тѣми голодными, забитыми, лишенными элементарныхъ правъ массами, на которыхъ она строитъ свое благополучіе. Если еврейскій фабричный пролетаріатъ въ состояніи хоть возвышать свой голосъ противъ антисоціальныхъ и антигигіеническихъ условій своего существованія, то этого ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать о ремесленномъ пролетаріатѣ. Разобщенные, выбитые изъ колеи, вынужденные удовлетворяться не минимальною заработною платою, а чѣмъ-то гораздо меньшимъ, граница чего заключается въ болѣе или менѣе хро-

---

*) „Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ", т. I. Изданіе еврейскаго колон. общества. 1904 г.

ническомъ умираніи, они нерѣдко теряютъ всякую энергію въ борьбѣ за существованіе, покорно подчиняются всѣмъ условіямъ, которыя диктуетъ имъ свой братъ Деруновъ, если только, вообще, здѣсь мыслимо говорить о какихъ-либо условіяхъ...

III.

Легенду о томъ, что каждый еврей непремѣнно хищникъ «по природѣ», по профессіи, непремѣнно занятъ мошенническими сдѣлками, «пускающими по міру цѣлыя губерніи», что «евреи сами во всемъ виноваты и лишь пожинаютъ то, что посѣяли», пора бросить. Но это еще не значитъ, что корни современнаго намъ антисемитизма не надо искать въ области соціально-экономическихъ отношеній. Я не хочу умалять ни роли исторической традиціи, ни того значенія, какое имѣетъ въ смыслѣ пропаганды антисемитизма невѣжество народныхъ массъ. Я напомню лишь, что традиція, когда она проявляется какъ традиція, а не имѣетъ корней въ общихъ условіяхъ современности, и проявляется въ традиціонныхъ формахъ; движеніе не въ состояніи ни захватить группы населенія, чуждыя традиціи, ни прибѣгнуть къ такимъ пріемамъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ ея существомъ. То ли мы видимъ у насъ!.. Что же касается невѣжества народныхъ массъ, на которое такъ любятъ ссылаться наши юдофобы то оно, конечно, имѣетъ свое значеніе. Невѣжество придаетъ враждѣ безобразную форму насилія и грабежей... Однако, причины антисемитизма приходится искать едва ли въ невѣжествѣ...

Если мы обратимся къ странамъ высокаго политическаго развитія, где эмансипація евреевъ въ теченіе прошлаго вѣка совершилась уже если не цѣликомъ, то въ значительной степени, мы увидимъ, что здѣсь антисемитизмъ есть чисто-экономическое явленіе: «не покупайте ничего у евреевъ!»

Антисемитизмъ, какъ чувство, какъ настроеніе, существовалъ всегда. Оформить это настроеніе, толкнуть противъ еврея, какъ противъ конкуррента въ той или иной области промышленности и торговли—таковъ девизъ антисемита запада. Къ борьбѣ сталкивающихся интересовъ легче всего свалить вину на еврея: противъ него можно пользоваться такимъ оружіемъ, которымъ совсѣмъ нельзя (или, если можно, то съ меньшимъ успѣхомъ) пользоваться противъ другихъ конкурентовъ.

Можно ли проводить аналогію между русскимъ и западно-европейскимъ антисемитизмомъ? Безъ сомнѣнія. Только аналогія дастъ намъ руководящую нить.

Конечно, не надо забывать разницы положенія, въ какомъ находятся русскій еврей и еврей Западной Европы, т.-е. разницы политическаго положенія. Репрессіи, которыя съ такой своеобразной правильностью обрушивались и обрушиваются на голову русскаго еврея, даютъ

довольно неожиданный съ извѣстной точки зрѣнія результатъ. Вслѣдствіе непрерывныхъ толчковъ, духъ безпокойства проникъ въ трудящіяся массы еврейства. Онъ вліяетъ на интеллектъ, придаетъ сужденіямъ рѣзкость и остроту, пробуждаетъ стремленіе искать выхода изъ этихъ бѣдствій. Отсюда—специфическая идейная атмосфера, которая такъ характерна для самыхъ разнообразныхъ слоевъ, самыхъ заброшенныхъ уголковъ черты осѣдлости. Кому доводилось наблюдать еврейскую улицу, тотъ, вѣроятно, видѣлъ не одного учителя за 20 коп. обучающаго нѣсколькихъ учениковъ и ученицъ въ теченіе мѣсяца: еврейскій пролетаріатъ, запруживающій эту улицу, вѣчно учится. Всѣ библіотеки и читальни, какъ показываетъ статистика, переполнены евреями, лучшіе газеты и журналы насчитываютъ сотни и тысячи подписчиковъ среди нихъ; люди прямо отъ азбуки переходятъ къ «Отечественнымъ Запискамъ», «Новому Слову», «Началу»... Въ какомъ-нибудь маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ обитаетъ всего нѣсколько десятковъ семействъ, вы можете застать бѣдняка-еврея за чтеніемъ Писарева, Чернышевскаго, Добролюбова. Неудивительно, конечно, если сознаніе пролетаріата растетъ не по днямъ, а по часамъ; но даже ремесленники не чужды этому подъему. Изъ нихъ отличаются своей интеллигентностью переплетчики, вѣчно возящіеся съ книгами, кожевники, щетинщики, столяры, заготовщики, портные, слесари, швейки, чулочницы, далѣе часовщики, золотыхъ дѣлъ мастера, граверы, обойщики, модистки и т. д. Уже самый выборъ книжекъ характеренъ. Книги по техникѣ совсѣмъ не читаются. «Предлагаешь иногда рабочему техническую книжку», пишетъ корреспондентъ изъ Могилева.

«— Нѣтъ охоты,—отвѣчаетъ онъ.

«— Но, вѣдь, очень интересно соединить теорію съ практикой; за границей, вѣдь, всѣ ремесленники интересуются теоріей своего ремесла.

«— За границей другое, а у насъ другое,—отвѣчаетъ онъ.—Когда поработаешь 12 или 15 часовъ подрядъ, тогда и вспоминать о своемъ ремеслѣ гадко, не то, что читать о немъ». Зато, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же корреспондентъ, очень хорошо читаются такія книги, какъ «Одинъ въ полѣ не воинъ» Шпильгагена, «Жерминаль» Золя, «Спартакъ», сочиненія Горькаго, Чехова, «Экономическія бесѣды» Карышева, «Этюды о русской читающей публикѣ» и пр. Не узко-практическія книжки привлекаютъ вниманіе читателя, а «нужныя книги», окруженныя ореоломъ, тѣ, что будятъ «много думъ въ головѣ, много въ сердцѣ огня», что учатъ сознавать человѣческое достоинство, бороться за него... Безъ сомнѣнія, эта воспріимчивость къ идейнымъ направленіямъ, эта готовность съ радостью пострадать за нихъ, отличающія значительную часть нашего еврейства, лежатъ въ основѣ совершенно особой разновидности русскаго антисемитизма, уже давно не существующаго на Западѣ. Съ понятіемъ еврея у насъ, прежде всего связывается понятіе элемента неспокойнаго, непокорнаго, винов-

наго во всѣхъ общественныхъ потрясеніяхъ. Какихъ-нибудь 35 лѣтъ тому назадъ, когда евреи были покорны, и ни о какихъ потрясеніяхъ не думали, скажетъ такой антисемитъ, ни о какихъ погромахъ не было и помину. Другое дѣло теперь. Конечно, между «потрясателями» есть и лица другихъ вѣроисповѣданій, но они являются «какъ подстрекаемые», «подстрекателями же являются евреи» *)... Очевидно, этотъ видъ антисемитизма уже не имѣетъ даже у насъ никакой будущности. Онъ свилъ себѣ гнѣздо въ исключительныхъ кругахъ, въ такихъ органахъ, напр., какъ «Гражданинъ» или «Московскія Вѣдомости», которые хотѣли бы надѣть намордникъ не столько на евреевъ, сколько на россійское населеніе вообще... Это антисемитизмъ людей, вчера еще торговавшихъ людьми. Это пережитокъ, не имѣющій уже никакихъ серьезныхъ корней въ русской современности. Всюду, гдѣ въ борьбѣ стараго съ новымъ, безправія съ правомъ послѣднее одерживаетъ верхъ, отъ этого рода антисемитизма не остается и слѣда.

Гораздо серьезнѣе западно-европейская форма антисемитизма, имѣющая чисто хозяйственную подкладку, которая, можетъ быть, въ настоящій моментъ еще не бросается въ глаза нашимъ изслѣдователямъ вопроса, но несомнѣнно имѣющая у насъ будущность. Это, можетъ быть, идеологія случайныхъ интересовъ, а не опредѣленная программа (вѣдь, то теченіе можетъ лишь претендовать на опредѣленность, которое является выразительницей опредѣленной общественной группы). Тѣмъ не менѣе классовое происхожденіе этого явленія, его непосредственная связь съ раздирающимъ русское общество духомъ конкуренціи не можетъ подлежать сомнѣнію.

На Западѣ болѣе или менѣе многочисленный контингентъ антисемитовъ даютъ земельные собственники, крупные, мелкіе, средніе, мечтающіе о возвращеніи добраго стараго времени. Въ основѣ настроенія, конечно, лежитъ торжество западно-европейскаго капитала, передъ которымъ аграріи съ каждымъ днемъ отступаютъ все больше и больше на задній планъ. А такъ какъ евреи на Западѣ являются видными представителями капитала, особенно денежнаго, то аргаріи издавна привыкли видѣть въ нихъ своихъ враговъ. Не то же ли видимъ мы въ Россіи? Продаетъ ли крестьянинъ свой хлѣбъ, свою скотину, онъ наталкивается на еврея. Ищетъ ли онъ денегъ занять подъ проценты, онъ опять наталкивается на еврея. Естественная вражда производителя къ торговцу выливается въ форму антисемитизма. Извѣстно, насколько значителенъ процентъ крестьянъ, принимающихъ участіе въ нашихъ погромахъ... О томъ, съ какимъ чувствомъ относится къ еврею наше барство, говорить не приходится; для этого достаточно раскрыть хоть разъ небезызвѣстный «органъ» Сергѣя Шарапова...

---

*) См., напр., мнѣнія Меньшикова о причинахъ русско-японской войны.

Русское законодательство, тщательно закупоривавшее еврейскія массы въ городахъ и мѣстечкахъ, всячески затруднявшее непосредственное общеніе ихъ съ сельскимъ населеніемъ, разумѣется, не могло не углубить розни. Въ области промышленныхъ сношеній этотъ факторъ отсутствовалъ. Вообще, въ этой области больше основаній для единенія евреевъ и неевреевъ, въ виду той роли, какую евреи играли и играютъ въ промышленной эволюціи странъ. Но буржуазная общественность, какъ извѣстно, тѣмъ и замѣчательна, что въ ней невозможно никакое единеніе. Пока фабриканты и банкиры, вовлеченные въ исторически-неизбѣжную борьбу съ земельной аристократіей, пользуются еще содѣйствіемъ еврейскихъ капиталовъ, проявленіе антисемитизма въ этой средѣ менѣе замѣтно. Наоборотъ, мы нерѣдко присутствуемъ при трогательныхъ сценахъ *дѣлового* юдофильства... Но стоитъ миновать этому фазису экономическаго развитія, чтобы подобныя идилліи отошли въ область преданія. Если можно подставить ножку болѣе сильному конкуренту указаніемъ на его происхожденіе, то чѣмъ это плохое средство? Типичные образчики буржуазныхъ антисемитовъ мы нерѣдко видимъ среди представителей нашихъ либеральныхъ профессій—адвокатовъ, врачей и т. п. Недопускаемые къ государственной и общественной службѣ, интеллигентные евреи стремятся туда, гдѣ еще есть доступъ,—въ результатѣ, естественно, заполненіе этихъ профессій евреями. А такъ какъ доля умственнаго труда въ массѣ еврейства превосходила и продолжаетъ превосходить ту же долю въ массѣ русскаго населенія — фактъ, признаваемый даже врагами еврейства, то еврей - интеллигентъ оказывается не только причиной того «перепроизводства» интеллигентныхъ силъ, на которое такъ любятъ указывать наши охранители, но и весьма опаснымъ соперникомъ. Отсюда тѣ специфическіе крики, которые поднимаютъ время отъ времени «корреспонденты» «Новаго Времени», когда еврей-инженеръ или еврей-адвокатъ завоевалъ гдѣ-либо какое-либо выгодное положеніе, какую-нибудь выгодную позицію...

Чревато послѣдствіями и обостреніе антисемитизма среди той промежуточной группы, которая состоитъ изъ ремесленниковъ. Очутившись въ капиталистическихъ условіяхъ развитія въ столь затруднительномъ положеніи, въ какомъ никогда еще не находилась, мелкая буржуазія, и раньше не отличавшаяся опредѣленностью своихъ воззрѣній, сейчасъ совершенно растерялась. Если одна часть ея имѣетъ тяготѣніе къ пролетаріату, то другая топчется на одномъ мѣстѣ, слѣпо отдаваясь первому призыву, который раздается въ воздухѣ. Крупное производство Россіи вообще до крайности ухудшило положеніе ремесленниковъ,—можно себѣ представить, что происходитъ въ чертѣ осѣдлости, гдѣ, какъ мы видѣли, ремесло поглощаетъ чуть не

---

*) См. „Бессарабецъ“ № 171 за 1903 г.

20% всего еврейскаго населенія. Подъ вліяніемъ этой давки, этой тѣсноты, мелкій мастерокъ-хозяинъ готовъ искать виновниковъ своего бѣдственнаго положенія гдѣ угодно, а прежде всего, конечно, въ конкуренціи евреевъ, вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ ведущихъ ремесленно-торговый образъ жизни, нерѣдко превосходящихъ своихъ соперниковъ христіанъ и выдержкой, и умѣньемъ приспособиться къ обстоятельствамъ. Какъ въ этомъ отношеніи характерно воззваніе, съ которымъ виднѣйшій вождь кишиневскихъ антисемитовъ тотчасъ послѣ погрома обратился къ кишиневскимъ лавочникамъ и ремесленникамъ *)!

Безъ сомнѣнія, если бы комбинацію гг. Прониныхъ и Степановыхъ можно было осуществить, кишиневскіе Пронины и Степановы вздохнули бы свободнѣе. Но надолго ли? Исчезли ли бы даже съ устраненіемъ евреевъ изъ черты осѣдлости причины, обусловливающія паденіе ремесла? Эти вопросы не приходятъ въ голову ни антисемитамъ-рядовымъ, ни ихъ заправиламъ.

Едва ли мы впадемъ въ односторонность, если скажемъ, что вовсе отсутствуетъ почва для антисемитическихъ инстинктовъ лишь на самыхъ низшихъ ступеняхъ капиталистической лѣстницы. Безспорно, цѣлый рядъ причинъ стремится поддержать раздѣленіе пролетаріата на группы, аналогичныя буржуазнымъ группамъ; слѣдовательно, проявленіе среди нихъ націоналистическихъ тенденцій, казалось бы, возможно не только въ Россіи, гдѣ сознательный пролетаріатъ едва только выступаетъ на историческую сцену, но и въ странахъ Западной Европы, гдѣ этотъ процессъ зашелъ уже далеко. Справедливость однако, требуетъ сказать, что причины, лежащія въ основѣ розни рабочаго класса, всегда оказывались и оказываются поверхностными. Принципъ солидарности нигдѣ, можетъ быть, еще не имѣлъ столь широкаго примѣненія, какъ въ средѣ пролетаріата. Именно отношеніе къ евреямъ является одной изъ самыхъ удачныхъ иллюстрацій такого положенія. Какъ извѣстно, антисемиты Запада, отвоевывая преимущественно округа отъ консервативной партіи, передаютъ ихъ потомъ крайней лѣвой,—въ этомъ какъ бы ихъ историческая миссія. Отсюда то негодованіе, тотъ ужасъ, которые вызываетъ, напр., торжество антисемитизма въ партіяхъ порядка Германіи... Лишь только рабочіе начинаютъ посѣщать антисемитскія собранія, принимать участіе въ происходящихъ тамъ дебатахъ, задумываться надъ своимъ положеніемъ, они начинаютъ приходить къ выводамъ, совершенно противоположнымъ, чѣмъ тѣ, которые имъ желаютъ навязать антисемиты. Рабочій, самымъ складомъ жизни приведенный къ тому, что для него борьба труда съ капиталомъ принимаетъ характеръ соціальный, а отнюдь не расовый и не религіозный, не можетъ не разсуждать такъ: «почему вреденъ еврей? Потому что онъ ростовщикъ? Но, вѣдь, ростов-

*) См. „Бессарабецъ“ № 171 за 1903 г.

щиками бываютъ и христіане; слѣдовательно, нужна борьба съ евреями не какъ съ евреями, а какъ со скупщиками, ростовщиками, капиталистами». Рабочій, вчера еще относившійся сочувственно къ антисемитизму, нерѣдко сегодня видитъ въ немъ своего заклятаго врага. Развѣ не подъ вліяніемъ пролетаріата нѣкоторые «соціалистическіе шефы» Запада должны были окончательно порвать съ такъ называемый «соціализмомъ дураковъ»? Такъ на Западѣ. Конечно, труднѣе поддается оцѣнкѣ то, что происходитъ на днѣ нашей народной жизни: слишкомъ часто мы наблюдаемъ ее не тѣми глазами, какими слѣдуетъ наблюдать. Но для того, кто имѣетъ очи, чтобы видѣть, для кого общественная жизнь не исчерпывается областью «факта», не можетъ быть сомнѣнія, что то, что происходитъ на Западѣ, происходитъ и у насъ, ибо и факторы, лежащіе въ основѣ общественнаго развитія тождественны здѣсь и тамъ... Если антисемитизмъ является коалиціей частныхъ интересовъ, около которой группируются то отдѣльные фабриканты, отдѣльные лавочники, то отдѣльные адвокаты, отдѣльные врачи, то отдѣльные землевладѣльцы (ни одинъ общественный классъ, какъ таковой, нельзя считать носителемъ антисемитизма), то это менѣе всего можно сказать объ отдѣльныхъ рабочихъ...

IV.

Въ западныхъ странахъ, какъ извѣстно, «еврейскій вопросъ» рѣшается просто. Тамъ просто перестаютъ отличать евреевъ отъ другихъ, просто перестаютъ спрашивать... Тѣмъ, конечно, острѣе стоитъ вопросъ и требуетъ настоятельно отвѣта въ нашемъ отечествѣ, гдѣ и во снѣ увидѣть себя евреямъ достаточно, чтобы самаго неунывающаго субъекта—по выраженію нашего сатирика—«заставить метаться въ ужасѣ и посылать безсильныя проклятія судьбѣ» *). Гдѣ же конецъ?

Говорятъ, «всякъ своего счастья кузнецъ»: дѣло каждаго общественнаго движенія въ его собственныхъ рукахъ. Посмотримъ же, чего хочетъ и добивается само еврейское населеніе. Какъ мы видѣли уже, русскіе евреи не представляютъ собой никакого единства, слѣдовательно, и ихъ мнѣнія и направленія не могутъ отличаться таковымъ. Однако, при всемъ разнообразіи теченій, часто неясныхъ, фантастическихъ, отводящихъ слишкомъ много мѣста чувству, всѣ они сводятся къ двумъ тенденціямъ—націоналистической и антинаціоналистической...

Безспорно, однимъ изъ самыхъ характерныхъ проявленій еврейской общественной мысли перваго типа является движеніе, привлекшее въ послѣднее время особое вниманіе всѣхъ, кто сколько-нибудь искренно

*) М. Е. Салтыковъ, т. VII. „Недоконченныя бесѣды“.

желаетъ помочь еврейскому горю,—сіонизмъ. Въ основѣ этого ученія, зовущаго евреевъ на Востокъ для созданія самостоятельнаго еврейскаго государства, лежатъ, конечно, вполнѣ реальные факты.

«Первый крикъ новорожденнаго національизма» относится къ эпохѣ первыхъ еврейскихъ погромовъ—къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда сотни тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ европейскихъ семействъ обезумѣли отъ страха, были выброшены на мостовую, должны были *бѣжать*, куда глаза глядятъ, въ Нью-Іоркъ, Кенигсбергъ, Бременъ, Константинополь, Яффу и пр., лишь бы не били, не грабили, лишь бы не насиловали женъ и дочерей. Конечно, не каждый годъ происходили погромы. Эмиграціонный же потокъ съ каждымъ годомъ росъ да росъ съ такой быстротой, что то и дѣло приходилось слышать объ особыхъ эдиктахъ, запрещавшихъ евреямъ селиться. Погромы были только выраженіемъ тѣхъ тенденцій, которыя сгустили населеніе до крайней степени, того жизненнаго кризиса, который являлся послѣдствіемъ этой перенаселенности. И тянулись люди, съ женами и дѣтьми, съ своими скудными пожитками, малорослые, сгорбленные, съ печатью униженія на лицахъ, потянулись на пароходы, увозившіе ихъ въ Америку или Англію... Это былъ и есть потокъ, не окруженный ореоломъ преній... Конечно, еврей, вынужденный подняться съ насиженнаго мѣста, направился туда, куда направился бы человѣкъ всякой иной національности—въ страны высокаго капиталистическаго развитія, гдѣ онъ можетъ скорѣе всего найти себѣ пропитаніе, одѣться, послать дешевую фотографію роднымъ. Массы, дѣйствуя подъ давленіемъ своихъ повседневныхъ потребностей, всегда двигаются по линіи наименьшаго сопротивленія. И еврейская эмиграція въ страны высокаго капиталистическаго развитія была такой линіей. Понятно, возлагать надежды на возможность рѣшенія вопроса, волнующаго милліонныя еврейскія массы, эмиграціей въ Лондонъ или Нью-Іоркъ никто не думалъ. Для того, чтобы получить истинное представленіе объ этихъ эмигрантахъ, достаточно заглянуть хотя бы въ лондонскій Истъ-Эндъ, гдѣ, главнымъ образомъ, ютятся лондонскіе евреи-переселенцы. Истъ-Эндъ это оборотная сторона капиталистической цивилизаціи, сосредоточіе тѣхъ формъ производства, которыя ни въ какомъ другомъ мѣстѣ города не выдержали бы капиталистической конкуренціи, прибѣжище тѣхъ, кто потерпѣлъ крушеніе въ жизненной борьбѣ, выбитыхъ изъ обычной колеи босяковъ, воровъ и проститутокъ, оборванныхъ, грязныхъ, съ циничными лицами, на которыя нужда и преступленіе наложили неизгладимое пятно... Это—дома, гдѣ питаются отбросами, гдѣ единственная роскошь—водка, куда ни одинъ полицейскій не рѣшится войти, какъ въ очаги страшныхъ заразныхъ болѣзней, не только во время общихъ эпидемій, но и въ обыкновенные дни... Вотъ въ этотъ то Истъ-Эндъ и попадаетъ переселенецъ-еврей, лишенный какихъ бы то ни было средствъ къ существованію, забитый, напуганный ужасами черты осѣд-

лости, попадаетъ въ руки капиталистическаго хищника, для котораго такое существо является, конечно, манной небесной *).

Но, повторяемъ, сколько бы разбитыхъ жизней ни влекъ за собой переселенческій потокъ—онъ имѣетъ свою жизненную логику: съ одной стороны, не всѣ евреи попадаютъ въ Истъ-Эндъ, съ другой—пусть попадаютъ хоть въ Истъ-Эндъ: дальше идти некуда; мы вполнѣ понимаемъ такіе органы, какъ «Восходъ» или «Русскій Еврей», которые въ свое время высказывались за организацію этого потока, совершенно не касаясь его направленія. Они видѣли въ ней палліативъ, но палліативъ неизбѣжный; они останавливались на Америкѣ, странѣ относительно молодой, въ которой трудъ всевозможныхъ категорій скорѣе можетъ еще найти себѣ приложеніе, чѣмъ во всякой другой странѣ высокой капиталистической культуры. Иначе мы были бы свидѣтелями еще болѣе суровыхъ бѣдствій, чѣмъ это было вопреки эмиграціи...

Тѣмъ наивнѣе въ нашихъ глазахъ утописты, которые, съ Максомъ Нордау и покойнымъ Герцлемъ во главѣ, рѣшили, что разъ эмиграціонное движеніе началось, то имъ слѣдуетъ воспользоваться для колонизаціи исторической родины евреевъ, единственнаго убѣжища, гдѣ они могутъ не чувствовать себя чужими, для созданія еврейскаго государства. Сотни брошюръ и сочиненій, страстная агитація, страстная полемика противъ всѣхъ «несогласно мыслящихъ», конгрессы, на которые собирается нѣсколько сотъ делегатовъ, нѣсколько тысячъ посторонней публики, подробные отчеты о которыхъ можно встрѣтить во всѣхъ большихъ европейскихъ и русскихъ газетахъ, все это сообщаетъ сіонизму ту популярность, какой онъ несомнѣнно пользуется среди евреевъ. Въ самомъ захудаломъ уголкѣ, гдѣ, казалось бы, уже совсѣмъ нечѣмъ дышать, вы встрѣтите литературу, услышите сіонистскую проповѣдь, увидите сборъ пожертвованій. Какъ ни примитивна эта проповѣдь, какъ ни комичны эти гроши, обыкновенно знаменующіе какое-нибудь «радостное» событіе, вы не можете не замѣтить того трогательнаго чувства, которое этими людьми движетъ. Точно несчастные колодники, мечтающіе о далекомъ очагѣ, о тѣхъ милыхъ сердцу отъ которыхъ оторвала ихъ тюрьма да участь горькая... «Любить Сіонъ, какъ любитъ грудь родную больное и голодное дитя,—вотъ лучъ, душѣ моей свѣтящій въ ночь глухую» **). Но что же? Тотъ самый еврей, который такъ сочувственно вздыхаетъ о Сіонѣ въ своихъ молитвахъ, *на дѣлѣ* отправляется не на Востокъ, куда его такъ неутомимо зоветъ Максъ Нордау, а на Западъ, въ Соединенные Штаты. Въ Соединенные Штаты и западно-европейскія государства выѣхало изъ Россіи болѣе милліона евреевъ. Даже... изъ тѣхъ нѣ-

*) См., напр., М. Рафаиловъ. „Еврейская эмиграція въ Лондонѣ". „Русское Богатство" за 1900 годъ, февраль.

**) Фругъ. „Сіониды и другія стихотворенія". Спб. 1902 г.

скольких тысячъ, которыя переѣхали въ Палестину, *огромное большинство* или вернулось въ Россію, или уѣхало оттуда въ Америку. Тѣ же которые остались въ Палестинѣ, влачатъ жалкое существованіе вопреки тѣмъ значительнымъ средствамъ, которыя были употреблены на это переселеніе... Странами, привлекающими толпы эмигрантовъ, все-таки остаются страны высокаго общественнаго развитія, тѣ самыя, въ которыхъ не можетъ быть мѣста «еврейскому государству».

Именно элементарность этого факта ставитъ діагнозъ всему движенію.

Въ самомъ дѣлѣ, еврейскій народъ приглашается оставить Россію, почва которой упитана кровью ихъ поколѣній и удобрена ихъ костьми, и уйти, чтобы начать *новую* жизнь на *новомъ* мѣстѣ, создать новорожденное государство. Народъ! Но не прошло ли безвозвратно время переселеніе народовъ? Можно ли, напр., говорить о переселеніи еврейскаго капитала? Такое переселеніе совершенно невозможно безъ глубочайшаго потрясенія, неизбѣжнаго для обѣихъ сторонъ, еврейской и нееврейской. Можетъ эмигрировать свободный капиталъ, какъ свободный приростъ населенія, но никогда еще не было примѣра, чтобы эмигрировалъ капиталъ, связанный всѣми нитями съ даннымъ соотношеніемъ экономическихъ силъ въ странѣ. Вѣдь, экономическая жизнь Россіи находится въ томъ фазисѣ развитія, когда въ ней не можетъ быть свободныхъ капиталовъ, когда, наоборотъ, притокъ иностранныхъ капиталовъ не знаетъ удержу. Если бы на помощь не явились иностранцы со своими капиталами и своей предпріимчивостью, развѣ югъ Россіи представлялъ бы собой то, что онъ сейчасъ представляетъ! Вотъ образчики нашихъ прибылей: изъ двухъ самыхъ громадныхъ русскихъ хлопчатобумажныхъ мануфактуръ морозовская никольская мануфактура за 1891—93 гг. давала, въ среднемъ, 52,79%, шейбреровская мануфактура въ Лодзи—32%; къ 1893 году мануфактура Саввы Морозова давала въ качествѣ прибыли 3 милл. руб.—и это при акціонерномъ капиталѣ въ 5 милл. и при запасномъ въ 4 милл.; сахарные заводы давали 17%, производство пищевыхъ продуктовъ и напитковъ — 18,17% и т. д. Неужели можно было бы говорить при такомъ положеніи дѣлъ о выселеніи еврейскаго капитала? Думать такъ, значитъ считать еврейскую буржуазію совершенно отличной отъ нееврейской, склонной руководиться не своей выгодой, какими бы условіями выгода ни покупалась, а какими-то отдаленными цѣлями, осуществленіе которыхъ важно не для нихъ, а «для блага народа»... Это невозможно и потому, что въ современныхъ экономическихъ организаціяхъ люди не господа самимъ себѣ. Они управляются сложными экономическими отношеніями, не зависящими отъ ихъ воли. Итакъ, кто же будетъ въ новомъ государствѣ превращать пустыни въ плодородныя нивы, строить фабрики, проводить желѣзныя дороги? Не лучше обстоитъ дѣло съ еврейской массой.

Сіонисты говорятъ о бѣдствіяхъ, переживаемыхъ евреями, о безработицѣ, нищетѣ, безправіи, но что же они даютъ имъ въ Палестинѣ? Массы, сказали мы, привыкшія *дѣйствовать* подъ давленіемъ нужды, для удовлетворенія своихъ ближайшихъ потребностей, менѣе всего склонны сообразовывать свою жизнь съ рецептомъ. Правда, схематизмъ и раціонализмъ—самыя примитивныя формы мышленія—очень характерны для нихъ; *мыслятъ* они часто упрощенно, особенно о вещахъ, которыя никому не мѣшаютъ жить, дѣлать свое обычное дѣло, но, повторяемъ, въ своихъ *дѣйствіяхъ* они рѣдко ошибаются, ибо ихъ дѣйствія всегда направлены въ сторону наименьшаго сопротивленія... Что же даютъ имъ въ Палестинѣ? Страна эта, въ которой, въ лучшемъ случаѣ, можно устроиться милліону жителей, уже болѣе 2.000 лѣтъ остается заброшенной, невоздѣланной. Почва, каменистая, песчаная, почти безводная, неблагопріятна ни для хлѣбопашества, ни для производства другихъ растеній *). О какомъ-либо наслѣдствѣ говорить не приходится—вѣдь народъ долженъ вновь начать счетъ исторіи... И эта-то благодать должна вывести еврейскую массу изъ старыхъ мѣстъ ихъ жительства, тѣхъ мѣстъ, съ которыми огромнѣйшее большинство ея связано живыми экономическими нитями, которыя созданы ихъ потомъ, ихъ кровью, изъ Россіи, гдѣ еврейскій пролетаріатъ экономически уже совершенно слился съ русскимъ, изъ странъ Запада и Сѣверной Америки, куда еврейская безработная армія отправляется за поисками *высшихъ экономическихъ и культурныхъ* отношеній... Ибо въ мечтахъ о Палестинѣ, какъ говорятъ сіонисты, масса еврейская находитъ утѣшеніе уже цѣлыхъ 2.000 лѣтъ, ибо мечтамъ о Палестинѣ посвящены лучшія еврейскія молитвы... Вопросъ о томъ, пойдутъ ли эти массы въ Палестину, *могутъ ли* онѣ туда пойти, повинуясь властному приказу своихъ нуждъ и потребностей, націоналисты, очевидно, считаютъ излишнимъ? И пока ихъ идей никто не трогаетъ, а сами они устраиваютъ пренія на разныя темы и собираютъ пожертвованія на будущее, объекты этихъ заботъ и попеченій отправляются въ Америку да на Западъ... И даже на Западъ и въ Соединенные Штаты эмигрируютъ немногіе. Такъ жизнь русскаго еврея—вопреки его юридическому положенію—сплетена тысячами экономическихъ нитей съ жизнью русскаго народа...

V.

Совсѣмъ иное мы видимъ на другомъ полюсѣ еврейской общественной мысли, гдѣ, правда, нѣтъ ни широкихъ національныхъ перспективъ, ни покровителей въ духѣ турецкаго султана, но гдѣ зато мы видимъ всѣ признаки серьезной массовой работы.

---

*) Кромѣ винограда.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что пробнымъ камнемъ обоихъ теченій является именно отношеніе къ антисемитизму. Подобно своимъ врагамъ-христіанамъ, для которыхъ «бѣлая кость, дорогой мой, имѣетъ естественно историческое оправданіе», а потому и рекомендующимъ дѣйствовать «прямо въ харю! въ харю! въ харю!» *), и еврейскіе націоналисты, къ какимъ бы оттѣнкамъ они ни принадлежали, оказываются «неисправимыми дарвинистами». Они добиваются собственной территоріи потому именно, что антисемитизмъ «находится въ тѣсной связи съ основными свойствами человѣческаго мышленія и чувствованія **), какъ психозъ, съ которымъ невозможно бороться, какъ болѣзнь, которая переходила и будетъ переходить по наслѣдству. Философъ сіонизма г. Гинцбергъ прямо думаетъ, что даже тогда, когда гуманность «будетъ простираться на всѣхъ людей: бѣлыхъ, черныхъ, мѣдно-красныхъ и т. д.», даже на «самыхъ тяжкихъ преступниковъ», и міръ преисполнится «правдой и справедливостью, жалостью и милосердіемъ по отношенію ко всему живому», даже тогда евреи будутъ все-таки исключеніемъ изъ этого живого ***)... Вотъ это-то огульное обвиненіе, падающее на все русское общество, изъ какихъ бы слоевъ оно ни состояло, и встрѣчаетъ самый рѣзкій протестъ со стороны тѣхъ еврейскихъ группъ, которыя стремятся не къ разъединенію, а къ сліянію на почвѣ общей работы. Указывая на тотъ взрывъ общественнаго негодованія, которое самыя крайнія и самыя мягкія проявленія антисемитизма встрѣчаютъ въ опредѣленныхъ кругахъ русскаго населенія, въ опредѣленныхъ органахъ русской печати, на тѣ явленія, съ которыми боролись и борются эта часть населенія и эти органы печати, евреи-антинаціоналисты со всей силой своей логики обрушиваются на охранительную тенденцію своихъ противниковъ, способную, по ихъ мнѣнію, не расчистить, а загородить путь къ рѣшенію вопроса. Они обращаютъ свои взоры на западную Европу, гдѣ измѣненіе въ правовомъ положеніи евреевъ явилось послѣдствіемъ тѣснаго участія евреевъ въ экономической жизни народовъ. Допускать попрежнему беззаконія по отношенію къ евреямъ значило бы вносить разстройство въ экономическія отношенія—и вотъ законодательная эмансипація западно-европейскаго еврейства совершилась. Правда, законодательная эмансипація не есть соціальная эмансипація—соціальная основа антисемитизма съ отмѣной ограничительныхъ тенденцій не исчезла, но, вѣдь, это съ одинаковымъ правомъ примѣнимо ко всѣмъ явленіямъ современной стадіи развитія...

Современнаго «ассимилятора» надо отличать отъ асимилятора шести-

---

*) См. очеркъ Чехова „Въ усадьбѣ". „Собраніе сочиненій", изд. Маркса, томъ III.

**) Максъ Нордау. „Рѣчи и статьи", 1898 г.

***) Сборникъ „На перепутьи", 1895 г. Ст. „Два міра".

десятыхъ-семидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ котораго несомнѣнно свѣтская мысль одержала побѣду надъ духовной въ довольно широкихъ кругахъ еврейства, но который съ своей *раціоналистической* точки зрѣнія не видѣлъ ни живыхъ потребностей еврейства, ни того конкретнаго соотношенія силъ, въ которое оно поставлено. «Чего собственно отъ насъ хотятъ, за что ненавидятъ?» спрашивалъ себя такой «ассимиляторъ». «Они говорятъ, что наша религія жестока, наша мораль вредна. Наши традиціи будто бы безнравственны. И почему говорятъ? Потому что насъ не знаютъ. Пусть узнаютъ, и мнѣніе о насъ сразу перемѣнится» *). Это были «просвѣтители» въ буквальномъ смыслѣ слова. Считая антисемитизмъ лишь пережиткомъ средневѣковья, обязаннымъ своимъ существованіемъ *недоразумѣнію*, они были убѣждены, что все дѣло въ просвѣщеніи, въ гуманитарныхъ идеяхъ, которыя въ одно прекрасное утро озарятъ своимъ свѣтомъ наше отечество, освободятъ насъ отъ власти традиціи, уничтожатъ трагическое недоразумѣніе... Исчезнетъ тотъ *мракъ*, который нависъ надъ еврейскимъ вопросомъ, и вопросъ будетъ рѣшенъ... Современный «ассимиляторъ» подходитъ къ дѣлу съ совсѣмъ другой стороны. О, онъ не склоненъ отрицать силу просвѣщенія, напр., ту облагораживающую роль, какую оно сыграло по отношенію къ антисемитизму на Западѣ; но онъ знаетъ, что не само собой является просвѣщеніе, что тѣ препятствія, которыя стоятъ на пути вопроса еврейскаго, стоятъ у насъ и на пути всякаго рода просвѣщенія... И то и другое лишь отдѣльныя звенья одной длинной цѣпи... Рѣшать еврейскій вопросъ просвѣщеніемъ, значитъ рѣшать его внѣ общей цѣпи, значитъ, ничего не рѣшать...

Безъ сомнѣнія, уже близокъ день, когда русскій еврей, подобно своимъ собратьямъ другихъ странъ, получитъ гарантію твердаго правового порядка. Но было бы наивно думать, что вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ у насъ антисемитизмъ. Нашъ антисемитизмъ, какъ и западно-европейскій, тѣсно связанъ съ основными противорѣчіями раздирающей русское общество конкуренціи и, слѣдовательно, исчезнетъ лишь тогда, когда исчезнутъ основныя противорѣчія, раздирающія русское и западно-европейское общество...

Уже отсюда видно, что еврейскій вопросъ не есть вопросъ національный, а соціальный, скажетъ «ассимиляторъ» нашего времени, и нельзя съ нимъ не согласиться. Что такое еврейство, какъ «національное цѣлое?» О немъ можно было говорить, когда еврейство, еще сплоченное, огороженное крѣпкой стѣной, жило чуждымъ окружающимъ народамъ. Но теперь, когда богатые евреи заняли видныя мѣста въ капиталистической аристократіи, когда самая принадлежность къ еврейству

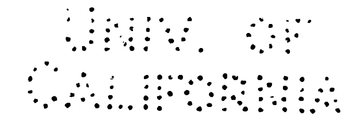
---

*) Д. Я. Айзманъ. „Черные дни". Изданіе „Русскаго Богатства", 1904 г. Слова героя разсказа „Немножечко въ сторону".

*

тяготитъ этихъ буржуа, о какомъ «цѣломъ» можетъ быть рѣчь? Какое отношеніе имѣетъ дѣятельность ростовщика-капиталиста къ массѣ еврейскаго пролетеріата, никого не эксплуатирующаго, никого не угнетающаго, но на котораго, главнымъ образомъ, и обрушивается вся тяжесть «еврейскаго» вопроса? Между еврейскимъ рабочимъ и русскимъ рабочимъ, который его сегодня избиваетъ, можетъ быть завтра уже несравненно болѣе общаго, чѣмъ между евреемъ - пролетаріемъ и евреемъ-буржуа... Прочтите разсказы г. Юшкевича, гдѣ фигурируетъ еврейская буржуазія и еврейскій пролетаріатъ,—вы, въ сущности, одни имена находите еврейскія... По своимъ же интересамъ, по своей психологіи еврей г. Юшкевича такъ же повторяетъ Разуваева, какъ пролетарій г. Юшкевича повторяетъ г. Вересаева. И это не случайность. «Національная идея» сіонизма отступаетъ куда-то въ даль передъ пламенемъ и дымомъ русско-еврейскаго капитализма, и мы видимъ просто, безъ различія національностей, отстаивающую свои интересы буржуазію и отстаивающій свои интересы пролетаріатъ... Если антисемитическія замашки тѣсно связаны съ основными противорѣчіями такого порядка, то для того, чтобы онѣ исчезли, нужно, очевидно, не создавать новое государство подъ покровительствомъ турецкаго султана, а уничтожить самыя противорѣчія... Рѣшеніе еврейскаго вопроса слѣдуетъ искать не въ Палестинѣ, а въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ возникъ, ибо только въ этихъ условіяхъ часть еврейства, на которую, главнымъ образомъ, и обрушивается весь гнетъ, и находитъ себѣ серьезнаго соціальнаго союзника, ибо только при измѣненіи этихъ условій, основанныхъ на конкурренціи и деньгахъ, можетъ разрѣшиться еврейскій вопросъ. Вотъ почему лучшіе умы, вышедшіе изъ еврейства, всегда относились враждебно къ націоналистическимъ тенденціямъ, лишь отвлекающимъ силы отъ соціальнаго строительства. Вотъ почему, если еврейство выдѣляетъ изъ своей среды достаточный процентъ геніевъ капиталистической конкурренціи, то въ то же время мы находимъ въ его рядахъ достаточный процентъ людей, не только участвующихъ въ передовыхъ движеніяхъ тѣхъ странъ, гдѣ они живутъ, но и наносящихъ ударъ за ударомъ всѣмъ теоріямъ всѣхъ идеологовъ капиталистической «гармоніи».

Л. Клейнбортъ.



КЪ ПОЛЬСКО-РУССКИМЪ ОТНОШЕНІЯМЪ.

(посвящается полякамъ-друзьямъ).

За послѣднее время снова выдвинулся въ печати вопросъ о польско-русскихъ отношеніяхъ и о нѣкоторыхъ новыхъ явленіяхъ въ средѣ польскаго интеллигентнаго общества. Такъ, въ «Нашихъ Дняхъ» (№ 27) г. Сѣрошевскій напечаталъ интересное письмо «Къ польскому вопросу» съ изложеніемъ програмы партіи, которая именуетъ себя «прогрессивно-демократической». Въ газетѣ «Русь» (№ 54) сообщено о пріѣздѣ въ Петербургъ польской депутаціи и напечатана записка, поданная 24 февраля г. предсѣдателю комитета министровъ. Наконецъ, въ той же газетѣ (№ 56) приведено открытое письмо Генриха Сенкевича по поводу школьнаго вопроса въ Польшѣ. Пріѣзжалъ въ Петербургъ впервые и маститый польскій писатель-публицистъ Александръ Свентоховскій, значеніе каторага для польскаго общества въ 80-хъ годахъ минувшаго вѣка приравнивали роли Н. К. Михайловскаго у нашей молодежи примѣрно въ ту же эпоху. Сближеніе съ русскимъ обществомъ устанавливается на новыхъ началахъ, ибо, прежде всего, нигдѣ не слышится намековъ на сепаратистическія тенденціи со стороны поляковъ: вопросъ поставленъ на почвѣ культурныхъ, гуманитарноправовыхъ и общественно-экономическихъ отношеній, съ преобладающимъ интересомъ лишь къ возстановленію польскаго языка и уравненію въ правахъ поляковъ съ русскими гражданами. Такого же уравненія просили и нѣсколько раньше пріѣхавшіе представители польскаго общества изъ сѣверо-и юго-западнаго края. Ихъ докладная записка была также своевременно напечатана въ газетахъ.

Благодаря всѣмъ этимъ встрѣчамъ, запискамъ, статьямъ и т. п., мы можемъ нѣсколько оріентироваться въ различныхъ теченіяхъ современнаго польскаго общества, которыя въ условномъ смыслѣ именуются «партіями»: настоящихъ политическихъ партій, очевидно, быть не можетъ безъ надлежащихъ формъ проявленія общественной жизни. Поэтому точнѣе обозначать ихъ различными направленіями въ средѣ сознательныхъ элементовъ общества. Такихъ «направленій» обозначается въ общемъ не менѣе четырехъ. Это, во-первыхъ, такъ-называемые «угодовцы» или примирители, которые раньше другихъ заговорили о сближеніи съ Россіей, но выступили, еще въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, съ крайне оппортунистической и двойственной программой, подвергнувшейся участи всѣхъ программъ

подобнаго рода, основанныхъ на компромиссѣ момента, безъ ясно-сознанной устойчивой цѣли, съ тенденціями угодить и нашимъ и вашимъ, безъ своей цѣльной и опредѣленной физіономіи. Далѣе выступаютъ направленія—народно-демократическое и прогрессивно-демократическое; намъ не приходится касаться другихъ направленій, которыя стоятъ внѣ вопроса о взаимоотношеніи національностей. «Народно-демократическое» направленіе имѣетъ наибольшую націоналистическую окраску, тогда какъ «прогрессивно-демократическая» программа, хотя-бы въ той редакціи, которую напечаталъ въ русскихъ газетахъ г. Сѣрошевскій, выдвигаетъ не столько націоналистическія, какъ обще-гражданскія требованія. Ихъ совокупность, по заключенію автора статьи «Къ польскому вопросу»—«не есть какое-нибудь схематичное построеніе, придуманное политикоманами, но фотографія, вѣрно снятая, съ души народа. Это не есть выраженіе стремленій нынѣшнихъ поколѣній, но совокупная воля многомилліоннаго племени, съ многовѣковой культурой, воля исторіи, воля которую не въ состояніи преодолѣть никакая сила въ мірѣ и не въ состояніи измѣнить никакія ухищренія. Удовлетворивъ поляковъ въ предѣлахъ этихъ требованій, государственная власть откроетъ имъ, какъ полагаютъ прогрессисты-демократы, путь къ мирному, культурному развитію... Съ такимъ положеніемъ вещей не можетъ не считаться никакое дальновидное правительство, особенно, когда оно, собирается вывести страну... на путь къ правовому порядку и культурному развитію». Жизненность и «прогрессивность» этой программы заключается въ томъ, что къ требованію, съ которымъ выступали и представители другихъ группъ, прибавлены и пожеланія тѣхъ «свободъ», о которыхъ сколько разъ говорилось и писалось за послѣднее время по всякому поводу въ различныхъ концахъ россійской имперіи. Характерно лишь въ польской программѣ удержаніе термина «Имперіи»: оно подчеркиваетъ нежеланіе политической обособленности, и другими польскими писателями выяснена и причина сознательнаго отказа поляковъ отъ прежнихъ стремленій къ сепаратизму. За послѣдніе сорокъ лѣтъ, польское общество какъ бы подвергло себя внутренней провѣркѣ, припомнила всю свою многовѣковую исторію, анализировало свои силы и свойства и пришло къ заключенію, что не обладаетъ государственными способностями. Польшѣ дорога ея культура, ея народная особь, ея традиціи и завѣты на почвѣ духовнаго развитія, но на поприще политической арены въ качествѣ независимой державы она не стремится уже выступить. Ея національное сознанье будетъ удовлетворено признаніемъ народности безъ государства. Между Германіей и Россіей выборъ поляковъ все же на сторонѣ Россіи, отъ которой она ожидаетъ лишь большаго признанія своей самобытности, предоставленія большихъ гарантій неприкосновенности своихъ правъ на индивидуально-независимую жизнь, свой языкъ и вѣроисповѣданіе. Все это несомнѣнно можетъ служить и къ выгодѣ Россіи, которая, при соблюденіи указанныхъ условій, пріобрѣтаетъ въ Польшѣ дружественную, политически съ ней объединенную, родственную народность, могущую ей служить оплотомъ при внѣшнихъ столкновеніяхъ съ примыкающими по ту сторону Польши западноевропейскими государствами. Мы не проводимъ границъ Польши на за-

падѣ: они могутъ измѣниться сравнительно съ теперешними, а въ полякахъ мы можемъ имѣть болѣе близкихъ намъ союзниковъ, чѣмъ хотя-бы въ французахъ, озабоченныхъ сохраненіемъ своего кредитора...

Существованіе различныхъ направленій въ польскомъ современномъ обществѣ естественно приводитъ къ выбору тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ усматривается наибольшій залогъ сближенія для совмѣстнаго, дружественнаго слѣдованія къ общей цѣли. Единеніе, конечно, желательно; единеніе, не исключающее сохраненія національныхъ свойствъ съ той и съ другой стороны, но санкціонированное болѣе общими и болѣе высокими идеалами, которые побуждаютъ смотрѣть впередъ, а не только назадъ—на происхожденіе тѣхъ «психическихъ навыковъ», которые образуютъ національность. Допустимъ, что идея національной культуры и сохраненія своей народной индивидуальности одинаково дорога всѣмъ польскимъ партіямъ: она представляется въ разныхъ комбинаціяхъ съ другими пунктами той или другой политической программы, опираясь на разные мотивы, и ставитъ разныя условія сближенія съ нами. Наиболѣе замкнутой въ себѣ представляется народно-демократическая партія. Въ точности программы ея мы не знаемъ и общія ея задачи нѣсколько заслонены перевѣсомъ «народныхъ» т.-е. въ сущности лишь національныхъ стремленій и задачъ. Яснѣе обозначается противоположность двухъ другихъ направленій «примирителей» и «прогрессистовъ» въ тѣхъ положеніяхъ, на которыхъ они стремятся обосновать союзъ съ Россіей, въ томъ—*къ какой Россіи* они обращаются и что имъ рисуется въ будущемъ?

«Угодовцы» выступили въ моментъ внѣшняго политическаго преобладанія Россіи въ международныхъ отношеніяхъ. Этотъ престижъ внѣшняго могущества создался, какъ извѣстно, въ результатѣ правленія императора Александра III-го; его какъ бы санкціонировалъ союзъ, заключенный съ Франціей, которая передъ лицомъ Европы провозгласила выгоды сближенія съ сильной, военной державой, долженствовавшей въ частности послужить ей поддержкой и охраной, послѣ столь неудачной для нея войны съ Пруссіей. Франція долго медлила, но, наконецъ, союзъ былъ заключенъ; къ намъ притекли французскіе капиталы, а у французовъ расчетъ былъ на нашу военную силу. Вѣря нашей непобѣдимости въ этомъ отношеніи, Франція мало интересовалась нашими внутренними порядками, полагаясь на несокрушимость бюрократическаго строя, удобнаго для военной дисциплины. Однако, Франція слишкомъ «цивилизованная» страна, чтобы не заинтересоваться и духовной физіономіей народа, съ которымъ она вступила въ дружественный союзъ. Изъ «вѣжливости» она заглянула и въ «русскую душу»; ей открылась богатая русская литература второй половины XIX вѣка и въ сущности Франція первая, въ 1880-хъ годахъ прошлаго столѣтія, пустила ее въ оборотъ на международномъ книжномъ рынкѣ въ Западной Европѣ, создала на нее «моду». Едва ли не черезъ Францію и поляки впервые стали знакомиться съ нашими классическими писателями, между которыми, конечно, на первомъ планѣ стояли три имени—Тургеневъ, Достоевскій, Толстой,—открывшими побѣдоносное шествіе русской литературы въ западно-европейскомъ обществѣ. Полякъ (г. Валишевскій) написалъ и первую исто-

*

рію русской литературы на французскомъ языкѣ. Военная сила и оригинальная художественная литература:— вотъ пока все, что въ концѣ XIX вѣка узнали о Россіи иностранцы и что прежде всего оцѣнили. Изученіе правовыхъ отношеній, исторіи, быта, внутренняго распорядка и т. д.—все это потомъ стало тоже заботой иностранцевъ, но, за немногими исключеніями первыхъ піонеровъ въ въ этой области изъ западно-европейскихъ ученыхъ, какъ французскіе историки Леруа-Болье и Рамбо, англичанинъРолльстонъ, и нѣкоторые другіе, большинство относилось безъ всякой критики къ тому, что у насъ происходитъ. Съ нашей культурой слишкомъ долго совсѣмъ не считались, поэтому удобнѣе было пока не возбуждать вопросовъ что и какъ у насъ творится, чѣмъ держится русская народность, куда она идетъ, какіе ея внутренніе изъяны и подспудныя силы: о народѣ русскомъ судили лишь по его стародавней поэзіи, которой склонны были приписывать современное значеніе; о государствѣ по внѣшнему могуществу; объ обществѣ по произведеніямъ нѣсколькихъ избранныхъ корифеевъ русской литературы.

Поляки тоже повѣрили въ то, что мы, по выраженію нѣмцевъ, составляемъ eine militärmonarchie, т.-е. исключительно военную державу. Польша помнила печальныя послѣдствія былыхъ возстаній, и спустя около тридцати лѣтъ послѣ послѣдняго изъ нихъ выступили «примирители», старавшіеся доказать, что съ будущностью Россіи связано собственное благосостояніе поляковъ, вошедшихъ «волею судебъ» въ составъ русскаго государства. Манифестаціи въ этомъ духѣ приняли болѣе грандіозные размѣры (въ 1897 г.) вслѣдъ за опьянѣніемъ франко-русскихъ встрѣчъ. Мы не станемъ напоминать аргументацію «примирителей», которая въ общемъ клонила къ тому лишь, чтобы поляки, отказавшись отъ самостоятельныхъ государственныхъ задачъ, довольствовались національными, въ расчетѣ на нѣкоторыя милости отъ великодержавной Россіи. Оправданіе прошлымъ ея дѣйствіямъ находили даже въ своеобразномъ примѣненіи нѣсколько переиначеннаго знаменитаго парадокса Гегеля: «alles was *war, war* vetnünftig»... И это писали сами поляки (см. очеркъ Л. Э. «Новыя теченія въ польскомъ обществѣ», Спб., 1898, съ подробномъ изложеніемъ брошюры въ формѣ діалога Петра Варты «O chwili abecnij»—«О настоящемъ моментѣ». Авторъ ея—типичный «угодовецъ»)! Выдвигается на сцену и франко-русскій союзъ, «какъ антитеза и противоядіе союза съ нѣмцами, который давилъ какъ кошмаръ прямо грудь всего славянства». Авторъ упомянутой брошюры указываетъ, что этотъ союзъ долженъ быть пріятенъ каждому поляку—«изъ того соображенія, что Франція, ради своихъ собственныхъ выгодъ, ради увеличенія могущества союзника, должна желать, чтобы между славянскими народами царствовало полное согласіе и чтобы прекратился «старинный споръ» между русскими и поляками». Наконецъ, какъ бы рѣшающимъ мотивомъ для партіи, желавшей опереться на внѣшнюю силу Россіи, является приписываемый ей въ нѣкоторомъ родѣ тоже «мессіонизмъ» по отношенію къ Дальнему Востоку. «Взоры Россіи въ настоящее время,—писалъ г. Л. Э.,—обращены на крайній востокъ—не тотъ сантиментальный байроновскій и ламартиновскій Востокъ или опошленный нынѣшними Expressorient'ами, а великій, грозный, таинствен-

ный, настоящій азіатскій Востокъ—востокъ китайскій и японскій. Линія желѣзнаго пути, прорѣзывающаго Сибирь, указываетъ направленіе будущихъ великихъ задачъ и будущей политики русской державы. Какъ нѣкогда Петръ Великій прорубилъ окно въ Европу, такъ настоящему времени предстоитъ удѣлъ: всемірная задача открыть ворота на востокъ». Авторъ съ умиленіемъ цитуетъ слова одного освѣдомленнаго въ высшей политикѣ русскаго сановника: «Въ виду такой задачи—какими мелкими представляются всѣ эти національные и вѣроисповѣдные вопросы, возбуждаемые нашею журналистикою на западныхъ окраинахъ!.. На востокѣ передъ нами цивилизаторская миссія, гдѣ каждое пріобрѣтеніе составляетъ шагъ культуры»... Мы не знаемъ, что сказалъ бы теперь авторъ-полякъ тому государственному русскому человѣку, который развивалъ передъ нимъ идеи «цивилизаторской миссіи» Россіи на Дальномъ Востокѣ, съ вѣрой въ «великія предопредѣленія своей родины», но и тогда же можно было отвѣтить, что въ «окно», прорубленное Петромъ Великимъ въ Европу, къ намъ обильной струей ворвался свѣтъ цивилизаціи: мы *воспринимали* этотъ свѣтъ, а черезъ «ворота на востокъ» мы стремились что то дать. Оказалось, что насъ упредѣли: не у насъ обучилась Японія «культурѣ» и, что другое, а отъ «цивилизаторской миссіи» приходится отказаться по той простой причинѣ, ставшей нынѣ, увы, вполнѣ очевидной, что мы встрѣтились съ болѣе сильнымъ, лучше подготовленнымъ, и во многихъ отношеніяхъ болѣе просвѣщеннымъ противникомъ. И выходитъ, что «разсудительные» поляки, думавшіе иначе, строили весь свой планъ «примирительства» въ расчетѣ лишь на нашу «физическую» силу и сопряженныя съ нею мечтанія о міровомъ господствѣ государства, раскинувшагося—«на гигантскомъ просторѣ отъ Финскаго залива до Сахалина и Портъ-Артура», «государства, о которомъ съ большимъ правомъ, чѣмъ о монархіи Карла V, можно сказать, что солнце въ его предѣлахъ никогда не скрывается»...

Пророчества всегда рискованы; рискованы и мечты о предопредѣленіяхъ и объ «избранничествѣ»; поляки это знаютъ изъ прошлаго своей же исторіи. Внѣшнее могущество ослѣпляетъ, но не въ немъ истинныя силы народа, не въ немъ тѣ завѣты, исполненіе которыхъ обезпечиваютъ ему прочное мѣсто въ духовной жизни человѣчества.

Въ противоположность «угодовцамъ», подпавшимъ престижу силы, другая партія выдвигаетъ идею права. Она проходитъ красной нитью по всѣмъ параграфамъ программы, напечатанной г. Сѣрошевскимъ. Эта партія обращается къ новой, или обновляемой Россіи. Она смотритъ глазами будущаго на ожидаемыя реформы. Она стремится стать нашей соучастницей въ поставленныхъ нынѣ на очередь великихъ преобразованіяхъ. Отдѣлившись отъ старошляхетскихъ традицій, она сама помолодѣла и можетъ идти въ униссонъ съ «молодой» Россіей на пути великаго движенія къ освободительнымъ реформамъ Грядущее еще полно неизвѣстности: мы не можемъ учесть впередъ, какъ будутъ произведены эти реформы, въ какую окончательную форму они отольются; какъ и во что возродится духовная мощь великаго народа, но для всякаго должна быть ощутительна разница двухъ принциповъ, понятія матеріальной

силы, основанной исключительно на повиновеніи, и идеи права и справедливости, которыя должны лечь въ основу болѣе совершеннаго устроенія. Опытъ поляковъ искать гарантій лишь въ матеріальной силѣ государства, въ томъ, что вниманіе правителей отвлечено иными интересами на далекихъ окраинахъ, что «всѣ эти національные и вѣроисповѣдные вопросы» представляются мелкими при стремленіяхъ къ міровому господству и т. д., доказалъ лишь еще разъ шаткость пріемовъ опортунизма. «Угодовцы» хотѣли уловить «моментъ» и семь лѣтъ назадъ этотъ «настоящій моментъ» представлялся въ иномъ видѣ, чѣмъ теперь. Мы не видимъ у нихъ даже искренняго отношенія къ Россіи, такъ какъ развѣ залогомъ сближенія можетъ служить аргументъ—истощайте ваши силы на созданіе огромной въ территоріальномъ отношеніи имперіи, а мы, подъ охраной вашихъ войскъ и пользуясь престижемъ вашей военной силы, будемъ развивать свою культуру, идти своимъ путемъ, ограждать свою духовную жизнь, къ которой лишь не прикасайтесь. Кромѣ того, совершенной иллюзіей было думать, что такія комбинаціи возможны, ибо идея государственности противна допущенію «государствъ въ государствѣ» и какъ бы ни было отвлечено вниманіе въ опредѣленный моментъ отъ однихъ окраинъ государства къ другимъ, именно съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ стремящагося къ абсолютному могуществу имперіализма, могли быть предоставлены лишь чисто эфемерныя льготы внутренне разобщеннымъ побѣжденнымъ народностямъ со стороны покорителей, желающихъ удержать свою власть. Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется дѣло, когда намѣчаются однородныя цѣли, когда предстоитъ совмѣстная работа, когда возбужденъ вопросъ объ регулированіи правъ на началахъ справедливости. Польскіе прогрессисты становятся именно на эту точку зрѣнія и общность стремленій опредѣляетъ дѣйствительно дружескій характеръ отношеній.

За первымъ шагомъ къ сближенію можно ожидать и другихъ: что представляетъ изъ себя польская многовѣковая культура, которую сами поляки склонны обозначать какъ почти исключительно шляхетскую? Она, какъ извѣстно, въ значительной мѣрѣ обусловлена западно-европейской цивилизаціей и создалась въ верхнихъ слояхъ общества. 80% населенія въ Польшѣ понынѣ безграмотно. Что такое, въ противоположность ей, русская культура? Когда говорятъ о русской «самобытности», объ особенностяхъ русскаго типа, русскаго уклада жизни, «русской души», то по преимущества имѣется въ виду русскій крестьянинъ, мужикъ, и близкіе къ мужицкому типу возсозданія старорусской жизни до пресловутаго «разрыва» между интеллигенціей и народомъ. Такимъ образомъ въ основу русскаго міропониманія кладется «мужицкая культура», со всѣми ея положительными и отрицательными свойствами. Намъ пора отстать отъ недавняго еще преклоненія передъ мужикомъ (да отчасти мы уже отошли отъ этого вида «народничества»), но, конечно, никогда не настанетъ времени, чтобы мы отвернулись отъ нашего народного эпоса, отъ нашихъ народныхъ сказокъ, преданій, пѣсенъ и основныхъ свойствъ нашей психики, претворенныхъ въ высшихъ проявленіяхъ сознательнаго творчества. Эта связь—органическая. Новыя прі-

обрѣтенія культуры неизбѣжно укладываются въ формы, имѣющія связь съ прошлымъ. Народность не есть нѣчто искони данное, не есть таинственнее, мистическое начало, которое вызываетъ лишь преклоненіе себѣ. Она создается историческимъ путемъ, развиваясь и расширяясь въ неуклонномъ движеніи къ болѣе общимъ, именно общечеловѣческимъ идеямъ и понятіямъ, подобно тому какъ всѣ яблоки, сорванныя съ яблонь, представляются обладающими одинаковыми родовыми признаками, но каждое изъ нихъ можетъ образоваться и налиться лишь на своей яблонѣ, такъ и плоды культуры органически связаны съ ростомъ и развитіемъ каждой отдѣльной народности. Прививки и взаимодѣйствіе одной культуры на другую въ большинствѣ случаевъ благотворны. Поляки, считающіеся лишь со своей шляхетской культурой, могутъ вспомнить, что у нихъ не было своего народнаго эпоса, что у нихъ нѣтъ, грубо выражаясь, нашей «мужицкой» культуры и что образованность у нихъ сразу приняла почти исключительно аристократическій характеръ. Понятіе «аристократизма» хотя бы духовнаго, а не въ сословномъ смыслѣ, слишкомъ легко расширяется и демократизаціи польскаго общества, отчасти уже начавшейся, можетъ несомнѣнно помочь сближеніе съ русскимъ народомъ и съ русской интеллигенцій, хотя и разставшейся съ преклоненіемъ передъ мужикомъ, но сохранившей великія начала любви къ меньшей братіи и выработавшей требованія справедливости для всѣхъ. Для насъ же Польша—преддверіе къ европейской цивилизаціи. Мы можемъ идти рука объ руку въ усвоеніи результатовъ общечеловѣческихъ сторонъ западной культуры и смотрѣть вмѣстѣ съ поляками впередъ и нѣсколько больше вверхъ, чѣмъ мы до сихъ поръ (въ массѣ) склонны были это дѣлать.

Непосредственныя отношенія, при ясно сознанной общей цѣли впереди, обусловятъ и лучшее знакомство другъ съ другомъ. Теперь польскими писателями у насъ стали больше интересоваться и если изъ прошлой польской литературы общеизвѣстнымъ въ Россіи представляется только Мицкевичъ, да можетъ быть по именамъ извѣстны Мальчевскій, какъ байронистъ, отчасти Красинскій и Словацкій, то въ настоящее время цѣлая плеяда молодыхъ и уже не молодыхъ писателей — Оржешко, Свентоховскій, Сенкевичъ, Пруссъ, Жеромскій и т. д.—до Пшебышевскаго включительно, пестритъ страницы русскихъ журналовъ въ переводахъ, появляясь и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Мы читаемъ ихъ въ переводахъ: языкъ польскій у насъ, это надо признать, не популяренъ. Но мы имѣемъ исключительный примѣръ польскаго писателя—и именно г. Сѣрошевскаго, который балуетъ насъ и собственными переводами по русски и оригинальными русскими разсказами, въ которыхъ мы почти не чувствуемъ писателя-поляка, владѣя въ совершенствѣ обоими языками. Обратные случаи не невозможны. Мы отмѣтили бы пока другой болѣе интересный примѣръ—внесенія нѣкоторыхъ особенностей польской художественной концепціи въ пріемахъ творчества русскаго писателя. Это давно указывалось въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ одного изъ первокласныхъ нашихъ писателей - беллетристовъ В. Г. Короленко, и данная комбинація сообщаетъ новую и оригинальную черту его, въ другихъ отношеніяхъ, вполнѣ русской индивидуаль-

ности, какъ литератора. Не беремся здѣсь учесть вліяніе русскаго романа на новѣйшихъ польскихъ писателей, но думаемъ что это вліяніе, признанное новѣйшей европейской литературѣ, не могло ихъ миновать.

Преградой для свободнаго и сознательнаго отношенія къ произведеніямъ русскихъ писателей у поляковъ теперь является система насильственнаго ихъ обученія русскому языку въ школѣ и запретъ пользоваться свободно роднымъ языкомъ. Намъ не приходится много говорить на эту тему, идо даже въ «Новомъ Времени» (№ 10421) г. Кучинскій отмѣтилъ несостоятельность пріема «впитыванія чужихъ національностей» (чему, однако, онъ выражаетъ полное сочувствіе съ точки зрѣнія государственной системы—«денацьонализаціи иноплеменныхъ народностей..:»), при посредствѣ вытравленія языка, такъ какъ это приводитъ къ обратнымъ результатомъ. Доказывается это на примѣрѣ отношенія прусаковъ къ полякомъ въ Германіи: оказывается, что раньше вліяніе нѣмецкой культуры на поляковъ было гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь, и послѣ 20 лѣтъ усиленной германизаціи города въ Познани наполовину разнѣмечивались... Итакъ, этотъ пріемъ невыгоденъ и съ политической точки зрѣнія. Культура, вообще, оказывается чрезвычайно неудобнымъ и стѣсняющимъ вопросомъ для государственныхъ соображеній. Она дѣйствуетъ помимо нихъ. Если намъ напоминаютъ распространеніе латинской рѣчи въ завоеванныхъ Римлянами странахъ, какъ доказательство ранняго примѣненія системы введенія государственнаго языка для «впитыванія чужихъ національностей», то можно на это возразить, что римская имперія не достигла этимъ единства, ибо создались на почвѣ латинизаціи лишь новыя романскія народности; не политикѣ римскихъ императоровъ, а латинской культурѣ приходится приписывать и то, что осталось отъ римскихъ завоевателей у покоренныхъ народовъ. Мы знаемъ съ другой стороны историческіе примѣры, когда завоеватели, несмотря на политическія преимущества, перенимали языкъ и культуру у завоеванныхъ народовъ: такъ «облатинились» остъ-готы покорители и исчезли съ лица земли; такъ франки, побѣдивъ галло-римское населеніе, усвоили латынь, изъ которой возникъ французскій языкъ; норманны-французы, покоривъ Англію, черезъ какіе-нибудь полъ-вѣка утратили свой языкъ и внесли лишь нѣкоторый элементъ въ составъ англійскаго языка и т. д. Вообще, въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ своего рода борьба между государственностью и культурой, побѣждаетъ послѣдняя. И объ этомъ, конечно, нечего жалѣть: положительнымъ, творческимъ началомъ является только культура, включая въ это понятіе совокупность нравственныхъ силъ и духовной производительности народа, а понятіе государственности не можетъ быть принято an und für sich: оно для народа, а не народъ для государства. Роль послѣдняго чисто формальная, ограждающая, но ничего не созидающая. Это условіе, а не цѣль въ себѣ, какою представляется сознательная, духовно-развитая, культурная жизнь. И дорожащіе такою жизнью народности—всѣ могутъ сойтись въ братскомъ объединеніи: ихъ сближаетъ общность однихъ и тѣхъ же стремленій, въ какую бы форму послѣднія ни облекались.

Вопросъ о языкѣ есть въ значительной степени вопросъ формы. Въ одной

области—художественной—форма почти неотдѣлима отъ содержанія и во многомъ съ нимъ равноцѣнна. Въ другихъ отношеніяхъ форма менѣе существенна; важнѣе содержаніе, важнѣе имѣть возможность его выработать, чѣмъ довольствоваться формой, не думая о содержаніи, и выдвигая ее, какъ конечную цѣль. У поляковъ—вопросъ о языкѣ наболѣвшій вопросъ; отсюда его острота и исключительное значеніе, которое ему придаютъ сами поляки. Нельзя не сочувствовать его рѣшенію въ положительномъ смыслѣ, именно въ интересахъ ботѣе тѣснаго сближенія поляковъ съ нами на почвѣ духовнаго общенія. Онъ рѣзче бросается теперь въ глаза именно въ силу своей обостренности. Мнѣ припоминаются два случая, когда я съ нимъ впервые столкнулся въ жизни. Это было уже давно, лѣтъ 18—20 тому назадъ. Случилось мнѣ ѣхать черезъ Волочискъ на Вѣну—моя первая заграничная поѣздка. Когда уже я отъѣхалъ нѣсколько станцій по Галиціи, въ купэ вошелъ, въ своеобразномъ костюмѣ, въ плащѣ съ капюшономъ, плотный, среднихъ лѣтъ господинъ, съ характерными «славянскими» чертами лица—круглые, ласковые глаза, мясистый носъ, окладистая, пушистая, русая борода. Онъ сѣлъ около меня и вскорѣ мы разговорились по-нѣмецки, но мой спутникъ поспѣшилъ заявить, что онъ полякъ и первыя фразы его отзывались сдержанной холодностью тона обращенія человѣка, который заговорилъ невольно, только потому, что приходится ему сидѣть вплотную рядомъ съ другимъ человѣкомъ, къ которому нельзя повернуться спиной или сдѣлать видъ, что не замѣчаешь вовсе. Я сказалъ, что я русскій, ѣду въ Германію впервые, пояснилъ цѣль своей поѣздки (лейпцигскій университетъ). Мой сосѣдъ сталъ сразу гораздо экспансивнѣе, хотя поморщился на мой отказъ говорить по-польски, по недостаточному знанію языка. Онъ самъ довольно хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ и разговоръ велся безъ затрудненій, но неоднократно онъ возвращался къ сѣтованіямъ, что мы, представители родственныхъ по крови народностей, прибѣгаемъ къ нѣмецкому, какъ къ какому-то «между-славянскому» языку для обмѣна мыслей. Правда, этотъ «между-славянскій» языкъ отнюдь не помѣшалъ дружественному характеру бесѣды, но по временамъ собесѣдникъ все же вздыхалъ и морщился, тяготясь нѣмецкой рѣчью. Когда мы подъѣхали къ Кракову, гдѣ я разсчитывалъ остановиться на нѣсколько часовъ, мой спутникъ, извинившись, что самъ не можетъ показать мнѣ городъ, такъ какъ ѣдетъ прямо въ деревню, все же настоялъ повести къ своимъ знакомымъ, которые помогутъ мнѣ осмотрѣть «достопримѣчательности» въ короткій срокъ. «Я прошу васъ только говорить съ ними по-французски», прибавилъ онъ. И вотъ, принявъ это условіе, я очутился въ обществѣ двухъ дамъ и одного пожилого господина, причемъ вводя меня въ домъ, мой неожиданно столь любезный спутникъ, сразу сказалъ по-польски хозяевамъ: «говорите съ нимъ по-французски!.. Я не умѣю. Но онъ можетъ. Это русскій, но обѣщалъ говорить съ вами по-французски»... Все это вышло довольно забавно и мнѣ «простили» мое незнаніе польскаго языка, который я все же нѣсколько понималъ, прочтя кое-какіе польскіе тексты еще въ университетѣ, на словесномъ отдѣленіи историко-филологическаго факультета,—простили, благодаря международному французскому языку: путь сближенія

устанавливался на почвѣ «цивилизаціонной» роли Франціи, которую поляки считаютъ какъ бы своей второй родиной.

Годъ спустя я возвращался тѣмъ же путемъ черезъ Вѣну на родину. Произошелъ слѣдующій небольшой инцидентъ: я заказалъ впередъ обѣдъ, который, какъ это принято на вѣнскомъ поѣздѣ, приносятъ вамъ въ вагонъ, такъ какъ всѣ остановки очень коротки. Въ купэ со мной ѣхалъ только одинъ господинъ, сидѣвшій въ отдѣленіи рядомъ. Онъ тоже заказалъ обѣдъ. Ѣхали мы всю дорогу молча, каждый въ своемъ отдѣленіи, пока на одной станціи не стали разносить обѣдовъ. Подали сперва сидѣвшему въ слѣдующемъ отдѣленіи, затѣмъ на мой вопросъ кельнеру: «а что же мой обѣдъ?» онъ отвѣтилъ: «сейчасъ» и исчезъ. Черезъ минуту или двѣ кельнеръ вернулся, смущенно поясняя мнѣ, что мой обѣдъ по ошибкѣ снесенъ въ другой вагонъ, что оберъ-кондукторъ долженъ распорядиться принести его мнѣ, а затѣмъ онъ быстро выскочилъ изъ купэ, такъ какъ поѣздъ тронулся. Является минутъ черезъ пять оберъ-кондукторъ съ извиненіями: мой обѣдъ дѣйствительно попалъ къ другому лицу, который овладѣлъ имъ незаконно и, пока разыскивали, воспользовался... Оберъ-кондукторъ сознаетъ, что допущена большая неправильность, но онъ не можетъ мнѣ предложить уже отвѣданныхъ порцій... поэтому ему остается только вернуть мнѣ съ извиненіями уплоченные мною впередъ три гульдена... «Однако, согласитесь, что не могу я съѣсть эти гульдены вмѣсто обѣда,—полушутя, полусердито возразилъ я.—Зачѣмъ же вы записываете впередъ желающихъ обѣдать, если не можете услѣдить за раздачей обѣдовъ». Дѣлать нечего, разумѣется, и я, вмѣсто обѣда, закурилъ папиросу и принялся за чтеніе какого-то романа. Оберъ-кондукторъ ушелъ, разсыпаясь въ извиненіяхъ и обѣщая изобрѣсти способъ удовлетворить меня на одной изъ слѣдующихъ станцій, если не полнымъ обѣдомъ, то пивомъ съ бутербродами... Какъ только онъ скрылся, господинъ изъ сосѣдняго отдѣленія вдругъ подошелъ и спросилъ меня по-польски, разумѣю ли я польскій языкъ? Я отвѣтилъ по-русски: «Нѣтъ, я русскій. Понять васъ могу, но не говорю по-польски».—«Такъ панъ русскій!—протянулъ сосѣдъ и сдѣлалъ было два шага назадъ, но тотчасъ вернулся и, какъ-то вспыхнувъ, сказалъ мнѣ, медленно произнося каждое слово, все же по-польски: «Я слышалъ вашъ разговоръ съ кельнеромъ и съ оберъ-кондукторомъ. Я не хочу говорить по-нѣмецки, но если вы меня понимаете по-польски,—вотъ въ чемъ дѣло: я еще не прикасался къ обѣду, который мнѣ принесли. Я ждалъ, чтобы подали и вамъ. Вышло недоразумѣніе. Порціи очень большія. Позвольте просить васъ раздѣлить обѣдъ со мной». Я, понятно, протестовалъ, сославшись на то, что позавтракалъ въ Вѣнѣ и дорогой спалъ. «Благодарю, но съ какой стати вы будете платиться за ошибку кельнера? Съ голоду не умру, а вечеромъ поужинаю, вотъ и все».—«Вамъ не придется ѣсть раньше 3—4 часовъ ночи,—возразилъ мой спутникъ,—посмотрите расписаніе. Оберъ-кондукторъ не можетъ достать вамъ ужина. Я знаю этотъ поѣздъ». Я продолжалъ возражать, сославшись на отсутствіе аппетита. Тогда пассажиръ, немного промолчавъ, вдругъ какъ-то потупился и, несмотря на меня, сказалъ уже по-русски: «Можетъ быть вамъ непріятно, что это полякъ предлагаетъ раздѣлить

съ нимъ пищу?» Я вскочилъ: «Какъ вы могли это подумать? Вы теперь обязываете меня, хотя бы я совсѣмъ не хотѣлъ ѣсть, уступить вашей любезной просьбѣ». Лицо поляка сразу просіяло. Добрая улыбка разлилась по лицу. Мы пожали другъ другу руку и онъ затѣмъ быстро юркнулъ въ свое отдѣленіе, перенесъ оттуда подносъ съ нетронутымъ обѣдомъ, сталъ распредѣлять порціи, доказывая, что тутъ за глаза на двоихъ; подѣлились приборами, раздѣлили хлѣбъ-соль и, продолжая разговоръ, онъ—по-польски, я по-русски, весело и дружно пообѣдали однимъ обѣдомъ на двоихъ... Онъ зналъ немного по-русски, заинтересовавшись русской литературой и пожелавъ прочесть хоть кое-что въ подлинникѣ изъ нашихъ авторовъ. Мои познанія въ польскомъ были немногимъ больше но мы понимали другъ друга, а главное сближало его желаніе выказать наибольшее радушіе, а съ моей стороны—желаніе показать, что я ничуть не тягочусь его любезностью, доведенной до сокращенія своего обѣда, вовсе не столь уже обильнаго, какъ онъ хотѣлъ это представить... Когда вернулся оберъ-кондукторъ, умудрившійся все-таки достать откуда-то обѣщанное пиво и бутерброды, то мнѣ оставалось лишь угостить ими его самого, при чемъ кондукторъ, улыбнувшись находчивости моего сосѣда, сказалъ по-нѣмецки: «Должно бы господа оба поляки».—«Нѣтъ, я русскій», возразилъ я. «Ah so-o!» протянулъ оберъ-кондукторъ и посмотрѣвъ вопросительно на моего vis-a-vis вышелъ изъ купэ. Полякъ помолчалъ. Легкая тѣнь пробѣжала по его лицу. «Но, вѣдь, вы обошлись со мной вполнѣ по-братски», сказалъ я, угадывая его мысли. «Да, по-братски... Какъ было бы хорошо, если бы всегда такъ было возможно», выговорилъ онъ полѣ небольшой паузы. «Почему же нѣтъ? отвѣтилъ я. Теперь я вашъ должникъ, и поневолѣ неоплатный: вѣдь, вы сейчасъ выходите, я ѣду дальше, можетъ быть, мы никогда не встрѣтимся. Я не стыжусь, что остаюсь у васъ въ долгу: дружескія отношенія поддерживаются взаимными одолженіями, не считаясь». Онъ молча пожалъ мнѣ руку. Вскорѣ мы дѣйствительно разстались, чтобы больше уже не встрѣчаться. Разстались, какъ чужіе и въ то же время близкіе. Я не запомнилъ даже его имени, брошеннаго вскользъ, какъ вѣроятно, онъ столь же быстро забылъ и имя того, съ кѣмъ такъ радушно, хоть и не безъ предварительныхъ колебаній, подѣлился своимъ обѣдомъ...

Теперь, послѣ многихъ лѣтъ, мнѣ вспоминаются эти два случая изъ путевыхъ, «желѣзнодорожныхъ» встрѣчъ съ поляками. Личныхъ знакомствъ, конечно, у меня было и есть не мало и въ средѣ поляковъ, но они складываются особо, а такія неожиданныя, вполнѣ случайныя встрѣчи пріобрѣтаютъ порой особое значеніе: при нихъ рельефнѣе выступаютъ общія, международныя отношенія; ощутительнѣе внѣшняя позиція двухъ націй одна къ другой и даже внутреннія коренныя свойства, которыя внезапно раскрываются. Быть можетъ такъ же, какъ поступилъ второй мой спутникъ, поступилъ бы и французъ на его мѣстѣ (нѣмецъ или англичанинъ сомнительно), но при этомъ неизбѣжно была бы приплетена пресловутая alliance franco-russe; а здѣсь въ обоихъ случаяхъ—сперва сдержанно-предубѣжденное отношеніе къ представителю «враждебной» націи, за тѣмъ быстрый переходъ къ сближенію на почвѣ культурныхъ и просто человѣческихъ отношеній: перваго поляка расположило то, что я ѣду заниматься

въ заграничный университетъ, что я говорилъ объ европейской наукѣ, что я не обнаружилъ никакого національнаго шовинизма, и онъ меня, чужого и совершенно незнакомаго ему русскаго, приводитъ вь кругъ знакомыхъ, въ Краковѣ, заботится о томъ, чтобы я наилучшимъ образомъ осмотрѣлъ городъ, использовавъ остановку между двухъ поѣздовъ, такъ какъ я не хотѣлъ и не могъ дольше останавливаться,—и все только подъ однимъ условіемъ—разговаривать на «дипломатическомъ» языкѣ французовъ. Второй полякъ даже этого условія не поставилъ мнѣ, чтобы накормить обѣдомъ: онъ только самъ не хотѣлъ говорить по-нѣмецки. Во всякомъ случаѣ никакой коренной вражды двухъ націй не обнаружилось. Ея единственный возможной источникъ въ идеѣ государственности, стремящейся нивеллировать или поглощать какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя иноплеменныя народности. Но эта идея не создаетъ все же *внутренней* вражды. Сближаетъ культура; окончательно упрочить сближеніе можетъ одинаковое, дружное стремленіе народностей, при сохраненіи національной особи, къ установленію нормальныхъ правовыхъ отношеній, основанныхъ на правдѣ и правотѣ рисующейся впереди общечеловѣческой цѣли.

Ѳ. Батюшковъ.

ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА.

(На художественныхъ выставкахъ въ Петербургѣ).

Мѣсяцъ тому назадъ, уѣзжая съ юга, я спросилъ одного молодого талантливаго художника, что онъ нынче посылаетъ на выставку въ Петербургъ.

— Да ничего!

— Какъ ничего! Но вѣдь вы только что написали очень хорошую вещь. Я ее видѣлъ. Да и одну-ли эту.

Я назвалъ еще нѣсколько его удачныхъ на мой взглядъ картинъ. Онъ только головой покачалъ.

— Ничего не пошлю. Не подойдетъ.

— Какъ не подойдетъ! Вы думаете передвижникамъ не подойдетъ? Но вѣдь кромѣ передвижниковъ въ Петербургѣ еще три выставки открываются. Наконецъ не, забудьте о преміи А. И. Куинджи.

— Нѣтъ, я не о томъ,—возразилъ онъ.—По времени не подойдетъ. Не до картинъ теперь! А насчетъ преміи скажу вамъ и повѣрьте мнѣ,—пророчески зловѣще прибавилъ онъ,—что ежели картина моя дѣйствительно чего нибудь стоитъ,—преміи она не получитъ. Знаю я этихъ судей, которые будутъ оцѣнивать картины!

Касательно премій онъ оказался пророкомъ, да по правдѣ говоря, это и не трудно было предвидѣть. Но объ этомъ рѣчь впереди. А вотъ относительно времени, мнѣ кажется, онъ былъ не совсѣмъ правъ.

Россія переживаетъ мучительные дни, дни полные кровавыхъ ужасовъ внутри и внѣ страны, напряженныхъ ожиданій и борьбы, надеждъ и разочарованій. Въ то время, какъ на востокѣ, среди чуждыхъ намъ равнинъ и степей Манчжуріи льется кровь и воздвигаются страшныя гекатомбы изъ труповъ

во имя того, что носитъ названіе престижъ Россіи, здѣсь внутри Россіи идетъ также упорная борьба съ тѣми, кто является носителями этого престижа, его представителями и авторами.

Все это такъ. Но именно потому-то, что жизнь идетъ въ такомъ мучительномъ напряженіи, пріятно было бы иногда, выражаясь высокимъ слогомъ, «забыться въ чарованьи сладкихъ вымысловъ», освѣжить надорванныя и изнемогающія силы красотами природы и отраженіями жизни, звучащими въ краскахъ. Да, наконецъ, небезынтересно бы также взглянуть, не отзываются ли какъ-нибудь сложныя вибраціи этой жизни въ искусствѣ. Можетъ быть, они взглянутъ на насъ съ полотна, освѣщенныя творческимъ проникновеніемъ художника? Я вовсе имѣю въ виду не тенденціозную живопись. Въ сущности, живопись, давно перестала быть иллюстраціей исторіи и литературы. Свѣтъ, воздухъ, движенія жизни,—вотъ ея законная область, но и въ этой области кисть чуткаго художника можетъ въ избранныхъ имъ формахъ передать трепетъ и силу переживаемыхъ обществомъ настроеній. И не о символахъ только рѣчь. Есть неуловимыя, смутно еще постигаемыя соотношенія между предметами и мотивами, повидимому далекими другъ отъ друга, не имѣющими между собою явной связи, но угадываемыми непосредственнымъ чувствомъ, и ихъ, главнымъ образомъ, я имѣю въ виду.

Признаться, меньше всего ожидалъ я встрѣтить это на передвижной выставкѣ. Передвижники сыграли въ искусствѣ историческую роль. Но нынѣ у этихъ передвижниковъ отлетѣла душа, и они держутся за истлѣвшія формы прошлаго. Съ каждымъ годомъ передвижныя выставки все болѣе и болѣе утрачиваютъ свой интересъ. Каждый разъ, какъ я вхожу въ залы передвижниковъ, я испытываю одно тяжелое ощущеніе, похожее на то, какое переживаешь, когда входишь въ домъ, гдѣ есть покойникъ. Еще можетъ быть даже близкіе не замѣчаютъ этого: онъ какъ сидѣлъ въ креслѣ, такъ и почилъ безболѣзненно и мирно. Глаза его открыты, голова величественно откинута на спинку кресла, даже нога на ногу заложена. Но всякому свѣжему человѣку ясно, что это уже мертвецъ. Остеклянѣли зрачки, безжизненныя губы отвисли и отъ неподвижнаго тѣла идетъ заставляющій содрогаться холодокъ трупа. Улыбки и движенія жизни, настоящей жизни и природы рядомъ съ этимъ мертвецомъ кажутся чѣмъ-то неумѣстнымъ. Хочется сказать ихъ авторамъ: идите отсюда, здѣсь вамъ не мѣсто, здѣсь надо пѣть «со святыми упокой», а не улыбаться не двигаться, не шумѣть, не звать куда-то впередъ, къ вѣчной свободѣ и молодости, которыя одни цѣнны для искусства. Идите, какъ ушли ваши талантливые товарищи: Сѣровъ, Коровинъ, Пастернакъ, Нестеровъ, А. Васнецовъ, и покойный теперь—Левитанъ.

Однако, по привычкѣ и по уваженію къ старшинству я все же раньше попалъ на передвижную выставку. Ну, конечно, прежде всего ищу Рѣпина, Тутъ! Справа и слѣва отъ входа въ главный залъ по полотну. Точно два ангела, сторожащіе входъ въ царскія врата: портретъ Зиновьева и другой, записанный въ каталогѣ—этюдомъ. При взглядѣ на то и другое полотно сразу охватываетъ разочарованіе. Конечно, мастеръ, большой мастеръ, все вѣрно; все

гармонично, но краски внутренне сухи, какъ звуки въ механическомъ фортепіано. Отъ обѣихъ работъ вѣетъ безразличіемъ и усталостью. Какъ онѣ далеки отъ его этюдовъ, выставленныхъ въ прошломъ году! Сколько тамъ было силы, пониманія характеровъ и искусства, одухотвореннаго смѣлымъ порывомъ! Правда, на той же выставкѣ красовался и его «Сатана», вещь крайне путанная, вымученная, обнаруживающая даже недостатокъ вкуса, но и въ ней были клочки,—напримѣръ, пейзажъ,—превосходные.

Среди портретной живописи выдѣляются мастерствомъ и даже виртуозностью работы Н. Д. Кузнецова, особенно портретъ N. N., сдѣланный красками Рафаэлли. Въ «Солнечномъ Эффектѣ» чувствуется вліяніе картины Рѣпина, которую я видѣлъ на выставкѣ въ позапрошломъ году. Понравился мнѣ портретъ А. П. Чехова, написанный Нилусомъ. Деликатно и пріятно по тону. Въ пейзажѣ, его же работы, интересно и по своему написано море.

Въ этомъ художникѣ въ послѣднее время замѣчается странный переломъ. Изъ жанриста онъ становится пейзажистомъ. Въ прежнихъ вещахъ его всегда былъ «Разсказъ», проникнутый подчасъ грустнымъ юморомъ. И теперь есть на выставкѣ его жанръ «Вѣсти съ войны», написанный немного по французски, съ обычной для г. Нилуса тщательностью, но впечатлѣнія онъ не производитъ, несмотря на телеграммы и кровавыя отраженія неба въ лужахъ. Это полотно съ большимъ успѣхомъ можно бы назвать прямо «Прогулка», «Толпа» или вродѣ того. Легкость движенія и настроенія совсѣмъ не носитъ на себѣ дуновенія кровавыхъ ужасовъ и скорби.

Насколько г. Нилусъ деликатенъ и «тщателенъ», настолько дерзновененъ г. Никифоровъ въ своемъ «Прасолѣ». Я внимательно приглядывался къ этому художнику, возбудившему много толковъ, но не нашелъ въ его кисти оригинальности. Малявинъ такъ и глядитъ изъ каждаго мазка въ «Прасолѣ». Нельзя брать на прокатъ манеру художника, особенно, когда есть свой собственный талантъ. И, говоря по правдѣ, онъ гораздо яснѣе опредѣляется двумя другими его этюдами и портретомъ.

Огромное полотно Бакшеева «Среди природы» на время останавливаетъ вниманіе: высокое покрытое тяжеловатыми слегка завечерѣвшими облаками небо... печальная, пустынная земля... Да, это русскій пейзажъ, недурно понятый и прочувствованный. Даже эта непривычная для глаза громадность неба сравнительно съ клочкомъ унылой земли,—хорошо надумано. Тона сдержанные, и спокойные и, если сопоставить эту картину съ произведеніемъ г. Дубовскаго, занимающимъ не меньше мѣста на противоположной стѣнѣ, («Родина») и трактующимъ почти тотъ же мотивъ,—работа Бакшеева выгодно выдѣляется печатью нѣкорой индивидуальности, дающей краскамъ жизненность и смыслъ, чего вовсе нельзя найти у Дубовскаго.

Еще меньше это дорогое качество замѣчается у гг. Киселева, Волкова, А. В. Маковскаго, Мясоѣдова и другихъ. Нельзя безъ чувства искренней жалости глядѣть на ихъ лакированныя картинки, такъ напоминающія клеенки и подносы добраго стараго времени. Тутъ и завитыя деревца и слащавая водица, отражающая ихъ и мостики и скалы и прочіе вяземскіе пряники для

разбогатѣвшихъ мѣщанъ. Въ pendant имъ—упражненія г. Бодаревскаго, которыя могли бы служить отличными украшеніями для табачныхъ коробочекъ и дешеваго шоколада.

Тенденціозная живопись и жанръ въ большинствѣ представлены гг. Богдановымъ-Бѣльскимъ, В. Е. Маковскимъ, Л. В. Поповымъ, Н. Пимоненко, Лемохомъ и проч. Названные художники такъ пріѣлись своими шаблонами, что если у кого нибудь изъ нихъ и встрѣтишь достоинство въ техникѣ, или наблюдательность, становится досадно, что эти достоинства нашли такое плохое примѣненіе, какъ скажемъ, въ «Вѣстяхъ съ войны» Богданова-Бѣльскаго, или въ картинѣ Козакова «Тяжелые дни», гдѣ пейзажъ переданъ размашисто и воздушно. Мертвящій штампъ способенъ внушить отвращеніе къ этого рода живописи. Клеймомъ для нея могла бы служить картина г. Орлова «Недавнее прошлое», гдѣ представлено, какъ мужика разложили на землѣ, стянули съ него что полагается для порки и приготовились всыпать ему «горячихъ». Чувствительно, что и говорить, но и противно въ достаточной степени, такъ какъ при всемъ вышеизложенномъ, нарисовано и скомпаковано изъ рукъ вонъ плохо. Еще у насъ говорятъ о декадентахъ! Вотъ онъ, истинный декадансъ!

Присутствіе на выставкѣ этой картины а также картинъ г. Бодаревскаго и т. п. только и можно объяснить тѣмъ, что это художники члены общества. Своя рука владыка, что хочетъ, то и поставитъ. Непонятно, однако, какъ эти художники попали въ члены общества, въ то время, какъ такіе несомнѣнно даровитые художники, какъ Дворниковъ, Головковъ, Петровичевъ, Туржанскій, Никифоровъ и др., все еще являются среди передвижниковъ Экспонентами. Пейзажъ Дворникова «Зимой», въ которомъ такъ мало работы, какъ и большинство его картинъ, трогаетъ спокойствіемъ и тихою грустью мотива, чутьемъ и мягкостью красокъ и своеобразностью манеры. У г. Головкова замѣчается подраажаніе Таулоу въ передачѣ движенія воды и отраженій, но все же пейзажи его обнаруживаютъ силу колорита и презрѣніе къ рутинѣ въ техникѣ.

То же о презрѣніи къ рутинѣ можно сказать и о Бялыницкомъ-Бирулѣ, Калмыковѣ, Моравовѣ, Минченковѣ, Петровичевѣ. Всѣ они хотятъ работать по своему. Петровичевъ, пожалуй интереснѣе другихъ среди названныхъ пейзажистовъ, хотя онъ нѣсколько монотоненъ и потому прискучаетъ этимъ дребезжащимъ однообразіемъ красокъ.

Благородны непритязательные пейзажи Полѣнова и маленькія дощечки Похитонова, этого русскаго Мейсонье, живущаго къ сожалѣнію за границей и рѣдкаго гостя у насъ въ Россіи. Я люблю тонкое изящество его рисунка, прелестную простоту композиціи и трезвую ясность, его мотивовъ, хотя не скажу, чтобы выставленныя имъ теперь работы были его лучшими произведеніями.

Изъ молодыхъ пейзажистовъ остается Жуковскій. Я умышленно оставилъ его подъ конецъ, такъ какъ онъ въ моихъ глазахъ выдѣляется свѣжестью и сочностью красокъ, которая хорошо видитъ и чувствуетъ, а также молодой, бодрой поэзіей, которая плещетъ въ его картинахъ, какъ вырвавшійся изъ-подъ земли ручей, еще не вполнѣ освободившійся отъ мути, но нашедшій, однако, свое русло. Я съ искреннимъ удовольствіемъ глядѣлъ на его этюды и картины.

Особенно понравилась мнѣ «Терасса». Сколько солнца! Какъ художественно-правдивы рефлексы сильной зелени, буйно рвущейся въ стекла терассы! Это настоящая весенняя улыбка, въ которой, свѣтится искренній и жизнеспособный талантъ.

Но настоящимъ украшеніемъ выставки является скульптура Андреева. Какая своеобразная лѣпка! Сколько художественной энергіи и ума! Это не внѣшняя только наблюдательность, ограничивающаяся передачей поверхностнаго сходства. Помимо чувства формы, въ его глинѣ виденъ тонкій психологъ, и когда я смотрѣлъ на портретъ г. Боборыкина, съ этими удивительно мастерски переданными глазами — сквозь очки,— душа почтеннаго беллетриста витала около этихъ глазъ и чертъ и, казалось, сами собою любовались.

Но, увы! Какими устарѣлыми послѣ этихъ работъ кажутся «сочиненія» г. Гинцбурга на «Весенней» выставкѣ! Шаляпинъ, Горькій... и проч. Лучше другихъ вылѣпленъ Ленька. Гораздо удачнѣе скульптура Вернера «Павлины» (бронза и лабрадоръ).

Зато на весенней выставкѣ есть что посмотрѣть среди картинъ.

Прежде всего Богаевскій.

Ничье имя въ средѣ художниковъ въ послѣдніе дни не возбуждаетъ столько противурѣчивыхъ толковъ, какъ названное имя. Одни съ восторгомъ кричатъ о немъ, размахивая руками, другіе съ недоумѣніемъ пожимаютъ плечами и покачиваютъ неодобритель10 головами въ старыхъ академическихъ чепчикахъ. Да, этимъ послѣднимъ головамъ г. Богаевскій не можетъ нравиться. Онъ слишкомъ своеобразенъ, чтобы быть по душѣ имъ, прикованнымъ заржавѣвшей цѣпью рутины къ своимъ будкамъ. Гордо и смѣло взглянулъ онъ на природу своими собственными глазами и далъ намъ намеки на сѣдыя тайны величавой вѣчности и мистическое очарованіе древней красоты.

Иногда въ картинахъ его много случайнаго, безсвязнаго, но и въ этой путаницѣ чувствуется исканіе одинокой души, исканіе формъ и отношеній внѣ банальной натуры, внѣ слишкомъ ясныхъ внѣшнихъ воспріятій. Его «Млечный путь» это скорѣе красочный образъ, чѣмъ дѣйствительность, но онъ приковываетъ взглядъ и волнуетъ душу, какъ яркая безмолвная легенда о союзѣ неба и земли. Эта симфонія фосфорящихся звѣздъ, эти библейскія деревья, все это не дѣйствительность, а сонъ, но сонъ въ которомъ угадана какая то красивая забытая человѣчествомъ правда. Намеки на нее хаотично разбросаны и въ «Сумеркахъ» и въ «Древней Землѣ» и въ этюдахъ, иногда слишкомъ мозаично-пестрыхъ, черезчуръ красочныхъ, но всегда своеобразныхъ и новыхъ. Что изъ того, что другіе художники вѣрно передаютъ дѣйствительность. Гете хорошо сказалъ: «Если искусный художникъ нарисуетъ съ неподражаемой точностью мопса своей возлюбленной, у нея будетъ два мопса и ни одного художественнаго произведенія».

Искусство должно тайное дѣлать явнымъ. Въ душѣ современнаго человѣка столько невыраженныхъ броженій, столько сокровенныхъ порывовъ, требующихъ созвучныхъ откликовъ въ искусствѣ, столько глубочайшихъ соотношеній съ природой, что одна искорка настоящаго творческаго свѣта, озаряющаго эти

сумерки духа, стоитъ цѣлаго базара бенгальскихъ огней, отъ которыхъ не остается ничего, кромѣ угара, чада и грязной золы.

Вслѣдъ за Богаевскимъ можно поставить Латри. Въ то время, какъ г. Богаевскій часто показываетъ зрителю всю свою лабораторію, гдѣ онъ добываетъ кусочки истиннаго золота,—Латри болѣе скрытенъ, но зато и не такъ интересенъ, какъ Богаевскій, хотя, конечно, далеко выше всѣхъ этихъ «счастливчиковъ», награжденныхъ преміями А. И. Куинджи, не исключая и даровитаго Колесникова, получившаго вторую премію за «Весну». Въ картинѣ этой есть много симпатичнаго, но ничего нѣтъ оригинальнаго, между тѣмъ какъ даже въ не совсѣмъ удачныхъ вещахъ Латри сказывается и художественная индивидуальность, и лиризмъ чувство красокъ.

Его «Полдень» дышетъ настоящимъ зноемъ, а между тѣмъ художникъ не прибѣгалъ здѣсь ни къ какимъ эффектамъ. Въ «Весеннемъ дождѣ» чувствуется влага и дыханіе. При настоящемъ пониманіи красоты г. Латри избѣгаетъ погони за красивостью: это придаетъ его работамъ серьезность и цѣнность. Въ талантѣ Латри открываются несомнѣнныя переспективы и отъ него можно ждать хорошихъ и строгихъ вещей. Удостоивъ первой премій огромную картину Шмарова «Ждутъ», вульгарно и грубо написанную (при томъ же безъ всякаго проникновенія въ психологію толпы), «жюри» почтило послѣдней преміей картину Рылова «Въ лѣсу». Какъ они еще не отвернулись отъ этихъ яркихъ и горячихъ солнечныхъ пятенъ, играющихъ на стволахъ деревьевъ и на листвѣ! Въ свѣжей и веселой картинѣ Рылова мнѣ показалась немного ядовитой зелень, но за исключеніемъ этого недостатка все въ ней живо, и свѣжо, правдиво. Правда, слишкомъ ужъ непритязательно и, можетъ быть, жюри поэтому и простило художнику молодую свѣжесть его живописи, но и то сказать,—не осуждать-жо жаворонка за то, что онъ поетъ простой гимнъ весеннему солнцу, а не вагнеровскую арію.

Съ страннымъ чувствомъ останавливался я передъ полотнами Борисова. Этотъ художникъ, замкнувшій свой талантъ въ строгую, но небогатую гамму сѣверныхъ мотивовъ, какъ-бы оторвался отъ безконечныхъ богатствъ и призывовъ природы иной, чѣмъ природа молчаливаго, холоднаго и скупого далекаго сѣвера. Холодомъ и глушью пустыни дышатъ его пейзажи, въ угрюмыхъ льдахъ и водахъ океана спитъ движеніе жизни, и самая эта сущность излюбленной имъ натуры, налагаетъ на вѣрную и послушную кисть художника естественные оковы сдержанности, которая доходитъ до границы безжизненности и сухости.

Моментъ полнаго солнечнаго затменія, вѣроятно, переданъ и у г. Борисова очень точно, но какъ-то трудно проникнуть въ его художественную суть. Если передъ вами—портретъ незнакомаго человѣка, котораго вы никогда даже не видѣли, который и живетъ-то даже гдѣ-то на другомъ полюсѣ,—все равно вы скажете, что онъ похожъ, если этотъ портретъ написанъ съ живого лица и съ истиннымъ талантомъ. А будь портретъ написанъ съ мертвеца, вы этого никогда не рѣшитесь сказать, потому что о сходствѣ говоритъ нестолько вѣрность чертъ, сколько одухотворенность ихъ. А вотъ, что вы хотите, все я не

могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что Борисовъ пишетъ мертвеца, и не могу я никакъ преодолѣть этого впечатлѣнія. Даже вода въ этомъ океанѣ далекаго сѣвера мнѣ кажется безжизненной и мертвой, какъ стекло и потому изображеніе ея какъ то не возбуждаетъ художественныхъ эмоцій, несмотря на очевидное дарованіе и мастерство художника.

Вотъ г. Берингеръ, можетъ быть, и менѣе мастеръ, чѣмъ Борисовъ, а его «Море» симпатично мнѣ, не смотря на всѣ недочеты въ рисункѣ: чувствуется движеніе, жизнь, красота стихіи.

Но Боже мой! Сколько базарнаго хлама на этой выставкѣ! Сколько бездарности! Чудовищные лубки прямо иногда мучаютъ глазъ и диву даешься, какъ они могли попасть на художественную выставку.

Да не подумаетъ читатель, что я сваливаю въ одинъ амбаръ всѣхъ остальныхъ художниковъ! Никто не посягнетъ такимъ образомъ на Зарубина. Одна его картина «Тѣни облаковъ» выводитъ его далеко за предѣлы посредственности, хотя и вредитъ ей нѣсколько упругая красочность. Бродскій, Химона, Столица, (увы, на этотъ разъ неудачно представленный), Свѣтлицкій, Кайгородовъ, Врублевскій, Ѳедоровичъ, Судковскій... Да развѣ мало еще способныхъ художниковъ! Но рѣдко кто изъ нихъ (кромѣ Зарубина) далъ что нибудь новое... Вещи ихъ теряются среди изобилія пошлостей.

Гораздо разборчивѣе новые художники, выставившіе свои работы въ зданіи академіи наукъ. Выставка ихъ разъ въ десять меньше академической, но въ ней яснѣе чувствуется тонъ и направленіе. Здѣсь вы встрѣтите того-же Богаевскаго и Латри и Рылова, но здѣсь они болѣе chez soi, чѣмъ на академической выставкѣ. Большинство даже слабыхъ вещей все же свидѣтельствуютъ объ исканіи художниковъ, о ихъ неудовлетворенности, которая не позволяетъ имъ самодовольно замыкаться въ рутину и плавать въ мутной, заплеснѣвѣлой условности. Иной художникъ слабо рисуетъ, но въ его замыслахъ сквозитъ своеобразная впечатлительность и это уже вызываетъ у зрителя надежды. Взять хотя бы г-жу Луговскую. Въ ея «Институткахъ» досадно неправильный рисунокъ, но все же это не банально, есть движеніе, отношеніе пятенъ— пріятно. Тѣ-же достоинства сквозятъ и въ другихъ работахъ этой художницы.

Симпатичны картины Кардовскаго. Въ нихъ есть и вдумчивость и наблюдательность и любовь къ природѣ. Онъ не боится, смѣлыхъ отношеній свѣта и тѣни.

Въ скромныхъ этюдахъ Штумана свой стиль. Интересны этюды Кустодіева къ картинѣ «Засѣданіе Государственнаго Совѣта», но, нѣкоторымъ портретамъ его вредитъ видимая спѣшность работы.

Бушъ, Явленскій, Петровъ, Пироговъ и др. сливаются въ этомъ небольшомъ, но согласномъ хорѣ, гдѣ ни одинъ даже самый слабый голосъ не пропадаетъ, и все въ общемъ создаетъ впечатлѣніе интимности и искренности. И скульптура Л. Шервуда на этой выставкѣ несравненно выше «академической» скульптуры. Въ памятникѣ Шувалову есть движеніе и порывъ, и во всѣхъ другихъ работахъ мастерская лѣпка и чувство мѣры.

А. Ѳ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1) Акты 18-го февраля, ихъ связь и значеніе.—Мнѣніе объ этомъ члена Государственнаго совѣта С. Ѳ. Платонова. Два проекта организаціи народнаго представительства.—Агитація „Московскихъ Вѣдомостей“ и „черныя сотни“. — Закрытіе коммиссіи г. Шидловскаго и условія рѣшенія рабочаго вопроса.—Крестьянскія волненія. — Дезорганизація учебнаго дѣла. — Къ характеристикѣ нашего финансоваго положенія. Война или миръ?—2) Хроника.

I.

«Акты 18-го февраля»—Высочайшій Манифестъ, именной указъ сенату, и рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, — открываютъ собою періодъ коренныхъ государственныхъ преобразованій, необходимость которыхъ признается «назрѣвшей» и рескриптомъ, и общественнымъ мнѣніемъ.

Центральнымъ пунктомъ означенныхъ актовъ является возвѣщенное Государемъ Императоромъ намѣреніе «отнынѣ съ Божьей помощью привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народнымъ облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній». Рескриптъ выражаетъ желаніе «совмѣстною работою правительства и зрѣлыхъ общественныхъ силъ достигнуть осуществленія предначертаній, ко благу народа направленныхъ».

Привлеченіе народныхъ представителей къ законодательной дѣятельности— это такой крупный и многозначительный шагъ по пути развитія нашихъ государственныхъ формъ, что онъ не могъ быть совершенъ безъ вѣскихъ, глубоко-настоятельныхъ причинъ и безъ увѣренности въ его цѣлесообразности.

Причины должно видѣть въ глубокомъ, выходящемъ изъ предѣловъ нормальнаго, нестроеніи и внутренней смутѣ, охватившей Россію, усиленныхъ неудачной войной; ликвидировать какъ эту смуту, такъ и тяжелыя послѣдствія войны можно, только призвавъ къ самодѣятельности всѣ общественныя силы, только устранивъ причины, приведшія Россію къ ея современному положенію. Членъ государственнаго совѣта, предсѣдатель особаго по городскимъ дѣламъ присутствія, С. Ѳ. Платоновъ, съ мнѣніями котораго по означенному вопросу знакомитъ насъ «Новое Время» (№ 10413). полагаетъ, что «мы наканунѣ такого устройства, при которомъ самодержавіе останется незыблемымъ, но будетъ освобождено отъ элементовъ, которые не только не содѣйствуютъ его вліянію и упроченію, но, напротивъ, постепенно умаляютъ его престижъ». Такимъ элементомъ является бюрократія. «Очевидно, что такъ называемая бюрократія, если не вполнѣ должна быть замѣнена, то въ значительной мѣрѣ исправлена элементами, ближе стоящими къ жизни».

Почему роняла бюрократія престижъ самодержавія и создавала такимъ образомъ почву для внутренней смуты? С. Ѳ. Платоновъ видитъ причину этого только отчасти въ несовершенствѣ существующаго законодательнаго механизма, исправляемаго призывомъ народныхъ представителей. Гораздо больше значенія придаетъ онъ склонности бюрократіи обходить законъ, замѣняя его указами, циркулярами и иными административными распоряженіями; но «горе Россіи»

*

онъ видитъ «во власти исполнительной»... «По справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ общественныхъ представителей эта отрасль совершенно атрофирована: въ обществѣ нѣтъ увѣренности, что исполнительная власть оградитъ его законные интересы», такъ какъ вся дѣятельность ея за послѣдніе 25 лѣтъ приняла ложное направленіе и была посвящена, главнымъ образомъ, подавленію общественныхъ силъ, борьбѣ съ ними.

Призваніе народныхъ представителей *«на первый случай...»* коснется той части власти, которая называется законодательной; судебная и исполнительная, подъ вліяніемъ вновь призванныхъ элементовъ, могутъ подвергнуться измѣненію и улучшенію только косвенно, ознакомленія путемъ «высшей исполнительной власти какъ съ недостатками ея органовъ, такъ и съ тѣми средствами, которыя могутъ устранить эти недостатки, *чтобы можно было существовать въ Россіи, какъ въ государствѣ благоустроенномъ и культурномъ»*.

Задача поставлена ясно и правильно. Надо достигнуть того, чтобы въ Россіи можно было *существовать*, какъ въ благоустроенномъ и культурномъ государствѣ. Теперь этого нѣтъ. И вся надежда на народное представительство и его совмѣстную съ правительствомъ работу. Но для того, чтобы это участіе представительства въ государственной дѣятельности «имѣло дѣйствительное и серьезное значеніе нужно, чтобъ рескриптъ Государя Императора 18-го февраля былъ исполненъ прямодушно и широко, чтобы идея его объ участіи представителей въ законодательствѣ не подверглась окарнанію при исполненіи». Въ этихъ словахъ звучитъ опасеніе такой возможности. Основательно ли такое опасеніе или нѣтъ, могутъ рѣшить только факты. Но прежде чѣмъ перейти къ нимъ укажемъ, что, по мнѣнію члена госуд. сов. С. Ѳ. Платонова, прямодушное и широкое исполненіе рескрипта должно, во первыхъ, привести къ созданію «самостоятельнаго и независимаго собранія представителей» и, во вторыхъ, должно допустить свободную предвыборную агитацію, на почвѣ программъ, выработанныхъ партіями. «Я не ожидаю благопріятныхъ послѣдствій отъ предстоящей реформы въ законодательной власти въ томъ случаѣ, если въ этомъ дѣлѣ не примутъ самаго горячаго и дѣятельнаго участія тѣ элементы общества, которые можно назвать элементами порядка, если выборы произойдутъ безъ предварительной организаціи этихъ лицъ, безъ установленія точной программы, хотя бы въ общихъ чертахъ для тѣхъ, которые будутъ претендовать на избраніе въ представители».

И несомнѣнно, что свобода предвыборной организаціи, выработки и обсужденія программъ есть необходимое условіе преобладанія партій порядка. Свобода слова, печати, собраній, организаціи и всѣхъ иныхъ формъ предвыборной выработки программъ, все это составные элементы такого политическаго строя, который дѣлаетъ подавляюще значительную часть общества — сторонницей партій порядка. Порядокъ, т.-е. строго законный гражданскій и политическій строй, обезпечивающій населенію удовлетвореніе всѣхъ его важнѣйшихъ потребностей—нуженъ, необходимъ обществу, — именно ему онъ необходимъ больше всего. Партіи такъ называемаго «безпорядка» теряютъ всякую почву подъ ногами при предоставленіи народу возможности свободно обсуждать, вы-

яснить и удовлетворять свои нужды. Это подтверждается и опытомъ выбора гласныхъ въ петербургскую думу въ 1903 году; онъ убѣдилъ предсѣдателя особаго по городскимъ дѣламъ присутствія, что благодаря невмѣшательству полиціи въ выборы и предвыборную агитацію «составъ думы образовался въ огромномъ большинствѣ изъ представителей порядка и законности».

Должно однако сознаться, что невмѣшательство администраціи въ политическую жизнь общества—въ русскихъ условіяхъ вполнѣ необычны и трудно достижимы безъ особыхъ, экстренныхъ мѣръ. Нынѣ, когда новый принципъ государственной жизни уже провозглашенъ, и когда въ ближайшемъ будущемъ русскимъ гражданамъ предстоитъ высказаться по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ государственной жизни, казалось бы естественнымъ предоставить обществу всѣ средства для выясненія своихъ нуждъ, положенія и нуждъ отечества, и средствъ, могущихъ упорядочить положеніе. Безъ такого предварительнаго обсужденія не можетъ быть реализовано и право петицій, подтвержденное именнымъ указомъ сенату, которымъ это право дается и учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Между тѣмъ право обсужденія общихъ вопросовъ, въ цѣляхъ подачи соотвѣтственныхъ заявленій и ходатайствъ, встрѣчаетъ постоянно препятствіе со стороны администраціи. Такъ въ Казани губернаторъ не разрѣшилъ юридическому обществу обсужденія общихъ вопросовъ на основаніи указа 18 февр., такъ петербургскій градоначальникъ не разрѣшилъ предполагавшагося собранія петербургскихъ литераторовъ для обсужденія нуждъ русской печати согласно Высочайшему указу 18 февр. на томъ основаніи, что указъ разрѣшаетъ подавать заявленія частнымъ лицамъ въ «одиночку», но отнюдь не создаетъ права собраній и совмѣстнаго обсужденія. Въ Ярославлѣ губернаторъ воспретилъ ярославскому обществу врачей обсужденіе предложеній пироговскаго общества о лучшемъ устройствѣ охраненія здоровья населенія въ городахъ и уѣздахъ.

Въ настоящее время объемъ «правъ», которымъ фактически пользуются граждане, всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія начальства, часто даже ближайшаго... Такое положеніе дѣлаетъ невозможнымъ правильное функціонированіе общественныхъ силъ, призванныхъ нынѣ рескриптомъ къ обновленіи законодательнаго механизма. Здѣсь кроется противорѣчіе, безъ предварительнаго устраненія котораго вопросъ о представительствѣ не можетъ быть цѣлесообразно рѣшенъ. Казалось бы, что должно было быть созданіе условій, обезпечивающихъ свободу предвыборной общественной работы. Сдѣлать это можно было бы отмѣной тѣхъ ограниченій и воспрещеній, которыя лежатъ нынѣ на печати и общественной мысли, разрѣшеніемъ предвыборныхъ собраній и организацій, отмѣной исключительныхъ положеній, расширяющихъ предѣлы административныхъ усмотрѣній. Слѣдуя этимъ путемъ, совѣщаніе слѣдовало бы примѣру, указанному уже комитетомъ министромъ, который, передавъ выработку новыхъ законоположеній о раскольникахъ особымъ коммиссіямъ, самъ *предварительно* отмѣнилъ рядъ ограниченій свободы совѣсти, созданныхъ административнымъ усмотрѣніемъ. Выработка же основного избирательнаго закона и формы участія общественныхъ силъ въ законодательствѣ едва ли можетъ обойтись безъ дѣятельнаго участія

общественныхъ силъ. Странно было бы, если бы народные представители, участіе которыхъ признано необходимымъ въ законодательствѣ, были бы устранены отъ рѣшенія основного закона, опредѣляющаго ихъ нормальный составъ и функціи.

Громадный общественный интересъ представляетъ вопросъ объ организаціи этого предварительнаго собранія представителей, и повременная печать посвящается ему много вниманія. Несомнѣнно, его не обойдутъ и земскія собранія, возобновляющія прерванныя и неоконченныя сессіи. Въ настоящую минуту передъ нами два документа: постановленіе московскаго губернскаго земскаго собранія и докладъ административному отдѣленію петербургскаго юридическаго общества профессора Кузьмина-Караваева. Московское земство постановило ходатайствовать о включеніи въ число членовъ совѣщанія гофмейстера Булыгина представителей отъ земствъ, выбранныхъ даже не земствами непосредственно, а земскими и городскими уполномоченными, избранными для участія въ коммисіи по пересмотру земскаго и городского самоуправленія. Рекомендуется такимъ образомъ—по всей вѣроятности въ первый разъ въ исторіи человѣчества—система четырехстепенныхъ выборовъ. Выборщики выбираютъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія; тѣ—членовъ губернскаго собранія; эти выбираютъ депутатовъ въ коммиссію; и, наконецъ, депутаты изъ своей среды и изъ среды извѣстныхъ ученыхъ и неземскихъ дѣятелей выбираютъ членовъ совѣщанія. Цѣлая вавилонская башня; и все оттого, что по мнѣнію московскаго земства совѣщаніе не должно состоять больше чѣмъ изъ 50 лицъ, изъ которыхъ не меньше половины должны быть представителями общества, т.-е. человѣкъ 25. Когда дѣло начинается произвольными вычисленіями,—тогда неудивительно, если оно кончается тѣмъ, чѣмъ кончилась вавилонская башня.

Профессоръ Кузьминъ-Караваевъ исходитъ изъ факта, что у насъ отсутствуютъ политическія партіи. Поэтому общественное мнѣніе, или, вѣрнѣе, народное мнѣніе вполнѣ неорганизовано, на почвѣ прямого общаго избирательнаго права въ настоящую минуту и при современныхъ условіяхъ нельзя расчитывать на выборъ достойныхъ представителей. Голоса выборщиковъ будутъ разбиваться между кандидатами неизвѣстнаго и часто сомнительнаго достоинства, сильно скажется вліяніе начальства, а часто и совсѣмъ нельзя будетъ достигнуть абсолютнаго большинства. Поэтому въ земскихъ губерніяхъ онъ предлагаетъ двустепенные выборы. Избирательной коллегіей явятся земства и думы, пополненныя—первыя—представителями отъ крестьянъ и лицъ постоянно живущихъ въ уѣздахъ; а думы крупныхъ городовъ — представителями отъ квартиронанимателей. Рабочіе, въ силу того, что они часто организованы, должны составить особыя избирательныя единицы. Въ неземскихъ же губерніяхъ представительство должно быть организовано по національнымъ группамъ. Казачьи войска могутъ выбирать по станицамъ. Профессоръ Кузьминъ-Караваевъ предлагаетъ такимъ образомъ вмѣсто московской вертикальной вавилонской башни, свою горизонтальную, вмѣсто единой, общей, простой и всѣмъ понятной системы выборовъ, системы, обезпечивающей всему населенію на пространствѣ всей Россіи одинаковое избирательное право, онъ рекомендуетъ

нѣсколько системъ, дѣйствующихъ одновременно въ разныхъ частяхъ территоріи. Плодомъ одновременнаго дѣйствія трехъ принциповъ группировки въ избирательныя коллегіи, территоріальнаго, національнаго и профессіональнаго, можетъ явиться такая путанница, которая только затянетъ и испортитъ выборы. Какъ напр.. рѣшить такой случай. Въ неземской Могилевской губерніи есть мѣстечко Дубровна, и въ немъ около 200 организованныхъ въ союзъ рабочихъ евреевъ. Какой принципъ долженъ быть къ нимъ примѣненъ? Національный? Но они живутъ среди бѣлорусскаго населенія и приписка къ національной группѣ затруднительна вслѣдствіе отдаленности большого города съ большимъ числомъ евреевъ; кромѣ того они рабочіе и организованы. Профессіональный? Но ихъ слишкомъ мало и мѣстность эта вообще не фабричная. Территоріальный? Но это неземская губернія.

Вторымъ крупнымъ неудобствомъ системы, предлагаемой г. Кузьминымъ-Караваевымъ, является то обстоятельство, что всѣ коллегіи, на которыя онъ предлагаетъ опереться, подлежатъ предварительной передѣлкѣ. Необходимо ранѣе чѣмъ приступать къ выборамъ измѣнить организацію земствъ и органовъ самоуправленія. Но вѣдь это законодательная работа. И именно для этой законодательной работы и привлекаются народные представители. Значеніе актовъ 18-го февраля въ томъ между прочимъ и состоитъ, что они отодвинули на задній планъ, пожалуй пріостановили работу всѣхъ коммиссій и всѣхъ тѣхъ бюрократическихъ органовъ, которые были заняты законодательнымъ творчествомъ. Вопросъ о созданіи государственнаго представительства не только важнѣе всѣхъ другихъ вопросовъ, но необходимо долженъ быть по времени рѣшенъ раньше всѣхъ остальныхъ. И проектъ г. Кузьмина-Караваева нарушаетъ этотъ необходимый порядокъ.

Люди, которые будутъ для того въ свое время избраны или назначены, выработаютъ проектъ, организуютъ такъ или иначе представительство. Задачу литературы и науки мы видимъ не въ составленіи проектовъ, а въ выясненіи общественнаго значенія принциповъ, которые могутъ быть положены въ основу правительства. Мы высказываемся за прямое, равное и всеобщее право на томъ основаніи, что предстоящее участіе въ законодательной дѣятельности общественныхъ силъ возложитъ на нихъ и разрѣшеніе тѣхъ сложныхъ и трудныхъ соціальныхъ вопросовъ, которые съ такой силой выдвинулись именно въ настоящее время. Величайшей опасностью народному благу можетъ грозить преобладаніе въ законодательномъ учрежденіи представителей интересовъ и силъ, занимающихъ въ дѣйствительности подчиненное мѣсто, и отсутствіе достаточнаго представительства классовъ, реальное значеніе которыхъ велико и всеобъемлюще. Никакимъ искуственнымъ подборомъ, никакими техническими фокусами нельзя исправить общаго недостатка всѣхъ избирательныхъ системъ, не покоящихся на всеобщемъ равномъ участіи населенія въ выборахъ,—несоотвѣтствія нуждъ, интересовъ и стремленій населенія съ нуждами, интересами и стремленіями представителей.

Защищая этотъ избирательный принципъ, мы кромѣ того стоимъ на почвѣ, не подлежащей спору еще и на томъ основаніи, что онъ установленъ самимъ

рескриптомъ, и потому едва ли можетъ быть обойденъ или измѣненъ. Рескриптъ говоритъ о привлеченіи «довѣріемъ народнымъ облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей». Избранныхъ не частью населенія, а всѣмъ населеніемъ; являющихся довѣренными народа, а не какой-либо условной группы: сословной избирательной куріи, или земства, какъ особой, на особомъ основаніи построенной организаціи. Терминъ «народный представитель» имѣетъ столь опредѣленный и ясный смыслъ, что смѣшеніе его съ терминами близкими, но иного происхожденія невозможно.

Принципіально установленное участіе народа, въ лицѣ своихъ избранниковъ, въ законодательной дѣятельности еще не реализовано; условія, благопріятствующія правильной и свободной политической жизни, еще не созданы. Все это дѣло ближайшаго будущаго. Понятно и естественно, что реакціонные элементы стремятся использовать промежутокъ времени между провозглашеніемъ и осуществленіемъ возвѣщенныхъ началъ на то, чтобы повернуть колесо исторіи назадъ, чтобы побудить правительство свернуть съ плодотворнаго пути реформъ, несущихъ странѣ успокоеніе и внутренній міръ, на старый путь репрессій; чтобы, наконецъ, провоцируя внутренніе безпорядки, создать необходимость репрессивныхъ мѣръ и похоронить подъ ними ростки общественныхъ реформъ. Во главѣ этого опаснаго реакціоннаго теченія изъ органовъ печати стоятъ несомнѣнно «Московскія Вѣдомости». Въ цѣломъ рядѣ статей онѣ пытаются истолковать актъ 18-го февраля, какъ призывъ благомыслящей и вѣрноподданной части населенія къ искороненію крамолы, причемъ понятію «крамолы» даютъ столь распространенное толкованіе, что подводятъ подъ него всю либеральную часть общества и, огуломъ, всю интеллигенцію, земства, городское самоуправленіе, всѣхъ инородцевъ и, что всего парадоксальнѣе, правительственныя учрежденія и властей. «Подумайте, до чего мы дошли! Правительственныя учрежденія и власти забыли свою присягу!»— вопіютъ онѣ въ № 50. «Городскія думы и земскія собранія,—предсказываетъ газета,—конечно, вотируютъ благодарственные адресы, но при этомъ самовольно присвоютъ себѣ то право, которымъ Государь Императоръ облекъ исключительно министра внутреннихъ дѣлъ... Сложное и трудное дѣло законодательной реформы будутъ обсуждать съ легкомысленнымъ пыломъ наши городскіе и земскіе болтуны и шарлатаны, а затѣмъ они съ обычной имъ наглой назойливостью потребуютъ, чтобъ именно ихъ рѣшенія... были приняты..., грозя въ противномъ случаѣ грандіозными безпорядками. Такія же революціонныя рѣшенія будутъ приниматься и во всѣхъ другихъ общественныхъ собраніяхъ и сходкахъ, въ школахъ, на банкетахъ, и въ печати» (№ 53). «Развѣ земцы и думцы народъ?—спрашиваетъ реакціонной органъ, и отвѣчаетъ:—это всего на всего безтолковая, бездѣльная, обособленная партія, даже не партія—находящаяся съ инородцами, добивающимися расчлененія Россіи, въ несравненно болѣе тѣсныхъ и дружескихъ отношеніяхъ, чѣмъ съ народомъ» (№ 56). Такую квалификацію нашихъ органовъ самоуправленія газета подкрѣпляетъ рядомъ крестьянскихъ писемъ такого, напр., рода: крестьянинъ Андроновъ,

который, кстати сказать, какъ крестьянинъ, никакихъ гласныхъ не выбираетъ, вопіетъ: «Да, мы виноваты, что среди насъ, русскихъ, плодится и готовится рой крамольниковъ. Вѣдь никто какъ мы избираемъ такихъ гласныхъ земцевъ, какъ тамбовцы, пьющіе за здоровье убійцы (?), какъ наши саратовцы, вообразившіе себя государственными людьми и законодателями! Но вина наша въ томъ, что не знаемъ мы ихъ, негодяевъ, измѣнниковъ, а если и видимъ которыхъ, увѣряю, что народъ терпитъ до поры, и горе имъ, если у народа не хватитъ терпѣнія дождаться, пока не укажутъ имъ законнаго мѣста по заслугамъ» (№ 55). «Московскія Вѣдомости» ставятъ требованіе прежде всего «указать законное мѣсто» всѣмъ этимъ «царскимъ измѣнникамъ», «обманщикамъ», «негодяямъ», «просвѣщеннымъ бездѣльникамъ»; прежде всего надо ихъ искоренить, реформы же подождутъ. Правительство, по мнѣнію газеты, измѣняя долгу присяги, бездѣйствуетъ; терпѣніе народа истощается и онъ начинаетъ расправляться самъ... Газета беретъ поэтому подъ защиту тѣ «черныя сотни», которыя занимаются избіеніемъ интеллигенціи и либеральныхъ земцевъ въ разныхъ городахъ, и устами своего корреспондента говоритъ: «извѣстная часть печати поднимаетъ гвалтъ на появленіе какой-то черной сотни... Кучка интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ хулигановъ всюду начали подбивать къ забастовкамъ и молодежь, и рабочій людъ... Понятно, что этой шайкѣ стали давать отпоръ, и если г.г. хулиганы не присмирѣютъ, данъ будетъ болѣе суровый отпоръ... Выступила не черная сотня, а сторонники государственнаго порядка» (№ 58). Уже отъ своего имени газета взываетъ: «Продажные холопы лѣзутъ отовсюду, изъ всѣхъ щелей, карабкаются кверху и за сходную цѣну продаютъ честь Россіи... Не хотите-ли, г.г. японцы, англичане, евреи, поляки, армяне...: Россія продается съ аукціоннаго торга! На каѳедру влѣзъ «интеллигентъ» съ молоткомъ и зычно выкрикиваетъ цѣну (№ 55)» Вся эта фантасмагорія заставляетъ «Московскія Вѣдомости» обратиться къ сторонникамъ порядка съ приглашеніемъ: «Теперь пришло время: поднимайтесь!»

Что это такое? Это приглашеніе къ новой Варѳоломѣевской ночи, къ избіенію, къ гражданской войнѣ. Все это дѣлается во имя установленія порядка и укрѣпленія «исконныхъ основъ» и прикрывается авторитетомъ актовъ 18-го февраля.

Особое положеніе «Московскихъ Вѣдомостей», какъ полуоффиціоза, придаетъ ихъ словамъ, въ извѣстныхъ кругахъ, особое значеніе, и довольно значительная и вліятельная аудиторія газеты переноситъ проповѣди гражданской войны со страницъ газеты—въ жизнь. Со всѣхъ концовъ Россіи, чуть не въ каждомъ, номерѣ каждой газеты можно встрѣтить сообщенія о готовящихся или совершенныхъ нападеніяхъ и избіеніяхъ гимназистовъ, студентовъ, интеллигентовъ и всякихъ «плохихъ патріотовъ». Днемъ на улицѣ Харькова въ теченіе цѣлаго часа свирѣпствовала кучка вооруженныхъ людей, изрубившихъ нѣсколько человѣкъ. Только черезъ часъ полиція остановила это безчинство.

Въ Казани банды лабазниковъ занялись ловлей студентовъ и избіеніемъ ихъ. Былъ случай, что угрожаемый толпой закричалъ, что будетъ обороняться оружіемъ. Помощникъ пристава, три городовыхъ и жандармъ, бывшіе тутъ,

обезоружили его, а затѣмъ предоставили лавочникамъ избить студента. Общественное мнѣніе Казани увѣрено, что избіеніе производится шайкой, спеціально для этого организованной. Изъ Москвы сообщаютъ въ газеты, что многіе московскіе либеральные дѣятели получили угрожающія подметныя письма за «непатріотическій» образъ мыслей. Многочисленныя заявленія, сдѣланныя бакинскими корпораціями и учрежденіями, свидѣтельствутъ, что и бакинскія событія возникли не на почвѣ религіозной розни, а обусловлены иными причинами, которыя несомнѣнно выяснятся предстоящей сенаторской ревизіей, если она произойдетъ при участіи широкихъ общественныхъ круговъ и полной свободѣ и гласности. Въ Өеодосіи, Таганрогѣ, Псковѣ, Ярославлѣ, Пензѣ, Харьковѣ Курскѣ, Борисоглѣбскѣ, Саратовѣ и множествѣ другихъ мѣстъ интеллигенція и лица либеральнаго образа мыслей подвергались насиліямъ со стороны частныхъ же лицъ, преимущественно изъ низшихъ слоевъ населенія. Констатировано нѣсколько случаевъ предварительнаго подговора; извѣстны случаи организаціи особыхъ «дружинъ» для борьбы съ «крамолой». Такъ, напр., въ селѣ Лопатинѣ, Петровскаго уѣзда, священникомъ о. Смирновымъ сорганизована такая дружина («Сарат. Лист.»). Въ селѣ Елани Балашовскаго уѣзда, толпа крестьянъ участниковъ волостного схода, выпивъ много водки и наслушавшись рѣчей, отправились убивать учителя и доктора. Дѣло по счастью ограничилось разгромомъ школы. «Крамола» учителя состояла въ томъ, что онъ говорилъ, что земля вертится на своей оси, и что на солнцѣ имѣются пятна. Трудно сказать, откуда идетъ агитація въ пользу самочинной расправы съ «инакомыслящими и инаковѣрующими»; «Московскія Вѣдомости» сочли, однако, нужнымъ посвятить цѣлую статью защитѣ духовенства отъ проскользнувшаго обвиненія, что политическій характеръ, который приняла церковная проповѣдь, заключаетъ въ себѣ много опаснаго. Такія указанія дѣйствительно дѣлались на основаніи фактовъ. Печать отмѣтила, напр., что въ Уральскѣ въ соборѣ была произнесена прововѣдь, въ которой рабочее движеніе въ Петербургѣ, а также и другія событія послѣдняго времени объясняются происками нѣмцевъ, жидовъ и поляковъ. «Братскій Листокъ», издаваемый въ Саратовѣ, усиленно распространялъ свѣдѣнія латинскаго агентства объ англійскихъ и японскихъ милліонахъ, съ помощью которыхъ будто бы организовано стачечное движеніе.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» было помѣщено письмо, въ которомъ указывалось на агитаціонный характеръ публичныхъ чтеній, происходящихъ въ московскомъ епархіальномъ домѣ; въ этихъ чтеніяхъ русская интеллигенція и студенчество обвинялось въ измѣнѣ и крамолѣ. На опасный характеръ этихъ чтеній было указано и думской коммиссіи по выработкѣ мѣропріятій для предотвращенія возможныхъ безпорядковъ въ Москвѣ. «Московскія Вѣдомости», защищая лекторовъ епархіальнаго дома, утверждаютъ, что дѣятельность ихъ полезна для государства и народа; а что если интеллигенція и дума считаютъ ихъ для себя вредными, то тѣмъ самымъ причисляютъ себя къ «крамолѣ», противъ которой чтенія и направлены. Эта защита, думается намъ, лучше всякихъ разсужденій иллюстрируетъ опасность, заключающуюся въ противокрамольной агитаціи: епархіальныя публичныя чтенія частью общества при-

знаются дѣйствующими возбуждающимъ образомъ; такъ какъ они направлены противъ крамолы, то порицающіе ихъ—крамольники... Эта чрезвычайная легкость жонглированія опасными словами, чрезвычайное легкомысліе, съ которымъ тягчайшее обвиненіе бросается въ лицо политическимъ противникамъ, бросается на глазахъ у темной и политически невоспитанной массы, безспорно можетъ имѣть самыя грозныя послѣдствія; особенно если рядомъ съ этимъ идетъ организація этихъ массъ для активной борьбы съ «крамолой», такъ легкомысленно и злонамѣренно опредѣляемой.

Въ культурномъ государствѣ такая полная свобода слова и дѣйствія реакціонныхъ группъ не представляла бы опасности, такъ какъ она могла бы быть уравновѣшена словомъ и дѣйствіями прогрессивныхъ элементовъ, которые внесли бы въ вопросъ свѣтъ и правильное пониманіе. Но въ культурномъ государствѣ мысль, какого бы оттѣнка она ни была, несклонна и облекаться въ проповѣдь насилія и частной, внѣзаконной расправы съ политическими противниками: она ищетъ законныхъ, нормальныхъ способовъ борьбы и побѣды. У насъ же, при значительныхъ стѣсненіяхъ свободы слова и организаціи, односторонняя свобода агитаціи и организаціи, данная элементамъ, склоннымъ прибѣгать къ «либеральному» обращенію съ понятіями и къ насильственному воздѣйствію на противниковъ—ни государству, ни народу пользы не принесетъ.

Намъ казалось бы, что было бы чрезвычайно важно и полезно, если бы власть соотвѣтственнымъ разъясненіемъ лишила бы ультра-реакціонные элементы возможности дѣйствовать ея именемъ и прикрываться желаніями и одобреніемъ власти въ дѣятельности, возстановляющей одну часть населенія противъ другой. Саратовскій губернаторъ уже увидѣлъ себя вынужденнымъ противопоставить агитаціи, направленной противъ интеллигенціи, оффиціальное разъясненіе, въ формѣ циркуляра земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ, объясняющаго, что «всякое огульное обвиненіе опредѣленнаго разряда людей, безсмысленно и преступно, и что обнаруженіе отдѣльныхъ злоумышленныхъ лицъ, сѣющихъ смуту, влечетъ за собою ихъ личную отвѣтственность, но не можетъ набросить тѣни на цѣлое учрежденіе или корпорацію».

Опубликованію циркуляра предшествовало собраніе членовъ саратовскаго общества попеченія о дѣтяхъ, привлекшее чрезвычайно большое число публики и постановившее, по выслушаніи ряда рѣчей, доказавшихъ наличность агитаціи среди темнаго люда, побуждающей къ избіенію молодежи и интеллигенціи: 1) Довести до свѣдѣнія саратовскаго губернатора объ означенной агитаціи и о случаяхъ избіенія молодежи на улицахъ Саратова. 2) Въ силу того, что агитаторы пользуются для своей цѣли «Братскими Листками», издаваемыми духовенствомъ и распространяющими завѣдомую ложь о подкупахъ японскими деньгами, просить губернатора расклеить по городу объявленія съ опроверженіемъ «латинской сплетни». 3) Въ виду отсутствія гарантій, что нападенія на учащихся не повторятся и въ болѣе рѣзкой формѣ, предложить саратовской городской думѣ принять на себя нравственную отвѣтственность въ этомъ отношеніи и ходатайствовать о подчиненіи (хотя бы временномъ) городскому управленію чиновъ полиціи на случай проявленія темной силы.

Было бы весьма желательно, чтобы и остальные губернаторы послѣдовали примѣру саратовскаго. Но вполнѣ необходимо, чтобы иниціатива исходила отъ высшей правительственной власти и чтобы одновременно съ разъясненіемъ приняты были дѣйствительныя мѣры, гарантирующія безопасность и неприкосновенность личности.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что, въ виду полной неспособности полиціи защитить частныхъ лицъ отъ насилій, все большимъ распространеніемъ пользуется мысль о необходимости организаціи милиціи и о подчиненіи полиціи органамъ общественнаго управленія.

Коммиссія члена государственнаго совѣта Шидловскаго прекратила 20 февраля по Высочайшему повелѣнію свое существованіе, не приступивъ даже къ предмету своихъ занятій,—выясненію причинъ недовольства петербургскихъ рабочихъ и изысканію мѣръ къ устраненію его въ будущемъ. Причиной закрытія коммиссіи послужилъ отказъ рабочихъ выборщиковъ избрать представителей для участія въ ней. Исторія отказа такова. Выборщики, избранные рабочими, испросили разрѣшеніе собираться вмѣстѣ для предварительнаго обмѣна мнѣній, выясненія общихъ своихъ нуждъ, и избранія затѣмъ депутатовъ. На собраніи они выяснили и сформулировали требованія, удовлетвореніе которыхъ они считаютъ необходимымъ условіемъ участія своего въ коммиссіи. Требованія эти таковы: 1) Освобожденіе всѣхъ рабочихъ, арестованныхъ за участіе въ событіяхъ начала января. 2) Открытіе всѣхъ 11 отдѣловъ общества рабочихъ, закрытаго послѣ означенныхъ событій. 3) Неприкосновенность жилищъ рабочихъ. 4) Гласность занятій коммиссіи и разрѣшеніе печати свободно обсуждать все въ ней происходящее. 5) Неотвѣтственность представителей рабочихъ за все сказанное въ коммиссіи. 6) Участіе въ ней въ качествѣ членовъ, а не свидѣтелей, дающихъ лишь показанія. 7) Привлеченіе представителей отъ рабочихъ мелкихъ мастерскихъ. Послѣдніе три пункта были сенаторомъ Шидловскимъ удовлетворены. Первые четыре, какъ выходящіе изъ предѣловъ компетенціи ея,—отклонены. Это обстоятельство и вызвало отказъ рабочихъ прислать своихъ представителей.

Отклоненіе требованій рабочихъ дало поводъ князю Мещерскому, редактору «Гражданина», къ горячо выраженнымъ упрекамъ по адресу сенатора Шидловскаго, за то, что онъ, предсѣдатель, назначенный Высочайшей волей, при исключительныхъ обстоятельствахъ для дѣла исключительной важности, не захотѣлъ или не съумѣлъ стать выше обычныхъ вѣдомственныхъ перегородокъ и по формальнымъ основаніямъ не довелъ до конца дѣла, ему Высочайше ввѣреннаго. Упрекать, конечно, легко, и тѣмъ легче, чѣмъ правильнѣе точка зрѣнія упрекающаго. И должно признать, что на этотъ разъ кн. Мещерскій во многомъ правъ. Правъ онъ, считая, что требованія рабочихъ должны бы подлежать удовлетворенію; правъ и въ томъ, что живое дѣло требуетъ уничтоженія вѣдомственныхъ перегородокъ. Не правъ онъ только, обращая упрекъ къ сенатору Шидловскому. Вѣдь, онъ ни въ коемъ случаѣ не властенъ измѣнить и отмѣнить порядокъ управленія у насъ дѣйствующій, тѣмъ менѣе имѣетъ

онъ возможность отмѣнить дѣйствующіе у насъ законы объ усиленной охранѣ, о печати etc. Закона же о личной неприкосновенности у насъ и не бывало. Его надо было бы сначала создать. Шидловскій поэтому и не могъ сдѣлать ничего иного, кромѣ того, что сдѣлалъ...

Что рабочій вопросъ не поддается леченію съ помощью полумѣръ и собесѣдованій, понимаютъ хорошо рабочіе, понимаютъ и фабриканты. Докладная записка группы фабрикантовъ и заводчиковъ центральнаго района, поданная въ комитетъ министровъ видитъ въ рабочемъ движеніи, охватившемъ всю Россію отчасти выраженіе недовольства рабочихъ своимъ экономическимъ положеніемъ, отчасти плодъ накопившагося въ странѣ недовольства общими правовыми условіями жизни, которыя тяготятъ какъ культурные классы, такъ и народъ, въ тривіальномъ значеніи этого слова. Указавъ затѣмъ, что администрація своими, такъ называемыми «зубатовскими» организаціями провоцировала рабочихъ и создала ложную и шаткую почву для взаимоотношеній фабрикантовъ и рабочихъ, записка слѣдующимъ образомъ формулируетъ свои пожеланія. Для рабочихъ спеціально должно быть дано: 1) право собраній, союзовъ, обществъ самопомощи, фабрикантамъ—право трестовъ и синдикатовъ; 2) право стачекъ; 3) но желающіе работать рабочіе должны быть ограждены закономъ отъ насильственнаго воздѣйствія на нихъ стачечниковъ. Въ интересахъ же развитія русской промышленности, процвѣтаніе которой важно и для улучшенія положенія рабочихъ, необходимы: 1) равноправность всѣхъ передъ прочнымъ закономъ; 2) неприкосновенность личности и жилища; 3) свобода слова и печати; 4) всеобщее образованіе и 5) участіе народныхъ представителей въ выработкѣ законодательства и въ обсужденіи бюджета.

Фабриканты варшавскаго района высказались въ томъ же смыслѣ, подчеркнувъ, что такіе вопросы, какъ продолжительность рабочаго дня, государственное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, старости и смерти, могутъ быть удовлетворены лишь законодательнымъ порядкомъ и одновременно для всего государства. Идентичная записка петербургскихъ заводчиковъ выдвигаетъ на первый планъ зависимость процвѣтанія промышленности, а въ связи съ нимъ и улучшенія положенія рабочихъ, отъ общаго благосостоянія страны и упорядоченія народнаго хозяйства.

Вопросъ о коренномъ улучшеніи матеріальнаго положенія крестьянства, косвенно поставленный дезорганизаціей промышленности, поставленъ прямо крестьянскими волненіями, вспыхнувшими почти одновременно въ разныхъ концахъ Россіи. Имѣются свѣдѣнія объ аграрныхъ безпорядкахъ въ Горійскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, въ Балашовскомъ, Саратовской, на границѣ Курской, Орловской и Черниговской губ. (уѣзды Дмитровскій, Сѣвскій и Глуховскій), въ Харьковской губ., Витебской, Люблинской, Сѣдлецкой, Кіевской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской. Всюду движеніе вызвано крайней нищетой крестьянъ, крайнимъ малоземеліемъ. Направлено оно противъ имущества помѣщиковъ, а не противъ личности. Всюду выставляется требованіе о переходѣ земли въ руки земледѣльцевъ.

Обычныя объясненія рептильной прессы о злоумышленникахъ и подстрекателяхъ должны быть вполнѣ оставлены, въ виду одновременности движенія, вспыхнувшаго въ самыхъ отдаленныхъ концахъ государства, преимущественно экономическаго его характера, и, наконецъ, того обстоятельства, что перечисленныя выше мѣстности отличаются дѣйствительно крайне низкимъ уровнемъ крестьянскаго благосостоянія. Такъ въ Сѣвскомъ и Дмитровскомъ уѣздахъ надѣлъ не превышаетъ 1—1¼ десят. на душу; рабочая плата лѣтомъ, какъ и во всѣмъ центральномъ черноземѣ, достигаетъ нисшаго въ Россіи предѣла. Западная часть Витебской губ. и Прибалтійскій край — это царство латифундій и безземельныхъ арендаторовъ; то же надо сказать и о сѣверѣ Польши.

Частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ Москвѣ и минское сельскохозяйственное общество успѣли уже высказаться по поводу аграрныхъ безпорядковъ. И то и другое видитъ въ нихъ послѣдствіе общихъ условій русской жизни и обнищанія деревни. Оба указываютъ на настойчивую необходимость быстрыхъ и коренныхъ общественно-политическихъ реформъ.

Дезорганизація дѣла народнаго образованія достигла предѣловъ небывалыхъ не только у насъ, но и когда-либо въ какой-либо другой странѣ. Высшія учебныя заведенія закрыты всѣ. Частное совѣщаніе министровъ, въ вѣдѣніи которыхъ имѣются учебныя заведенія, имѣвшее цѣлью намѣтить способы возстановленія правильныхъ занятій, обратилось къ совѣтамъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, съ предложеніемъ высказаться по вопросу о возможности начать занятія раньше 1-го сентября текущаго года. Въ виду единодушно отрицательнаго отвѣта совѣтовъ, частное совѣщаніе министровъ дало свое заключеніе за закрытіе академическихъ занятій до 1-го сентября. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно высказалось за возвратъ къ университетскому уставу 1863 года, т.-е. къ уставу, предоставляющему профессорскимъ корпораціямъ самостоятельность во внутреннемъ распорядкѣ академической жизни.

Въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ забастовка высшихъ учебныхъ заведеній, о непригодности всей нашей школьной системы свидѣтельствуютъ безпорядки въ среднихъ школахъ. Антипедагогическій характеръ установленнаго бюрократіей школьнаго режима никогда не былъ тайной для общества, тяжело страдавшаго отъ экспериментовъ, производимыхъ надъ его дѣтьми реакціоннѣйшимъ изъ министерствъ. Общество страдало, но молчало; и дождалось того, что, наконецъ, заговорили дѣти. Курскія событія, гдѣ избіенію подверглись дѣти за якобы демонстрацію,—формально включили и ихъ въ кругъ лицъ политически-правоспособныхъ, такъ какъ только правоспособные люди—отвѣтственны. Такая вопіющая нелѣпость не способна, конечно, успокоить умы юношей, испытавшихъ всю ужасающую тягость гимназическаго режима. Не можетъ успокоить и родителей. Напротивъ, именно курское избіеніе перекинуло мостъ между обывателемъ-притѣсняемымъ и полиціей, приводящей въ исполненіе всѣ коррективныя мѣропріятія бюрократіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ напечатанный въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» слѣдующій приказъ екатеринославскаго губернатора по полиціи:

«До свѣдѣнія моего дошло, что гг. пристава екатеринославской городской полиціи, узнавъ изъ газетныхъ сообщеній о дѣйствіяхъ полиціи по отношенію къ воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній во время уличныхъ безпорядковъ въ гор. Курскѣ, выразили въ письмѣ чинамъ курской городской полиціи свое по этому поводу несочувствіе. Хотя гг. пристава поступили поспѣшно, не дождавшись офиціальнаго разъясненія инцидента, и подобнымъ заявленіемъ вышли изъ круга своего служебнаго права, тѣмъ не менѣе я не сомнѣваюсь, что ими руководили гуманныя чувства, которыя они не преминутъ внушить и подвѣдомственнымъ имъ низшимъ чинамъ полиціи. Во всякомъ случаѣ считаю необходимымъ подтвердить, что всякіе уличные безпорядки строго воспрещаются и никакія исключенія для учащейся молодежи отнюдь недопустимы. Къ прекращенію поэтому какого бы то ни было проявленія учащимися безпорядка внѣ стѣнъ учебнаго заведенія полиція должна непремѣнно принимать мѣры. Напоминаю при этомъ городской полиціи, что, при всей настойчивости въ предъявленіи своихъ законныхъ требованій, они не должны забывать ст. 731 наказ. (т. II св. зак. изд. 1892 г.), которая возлагаетъ на нихъ обязанность оказывать всѣмъ и каждому защиту противъ личныхъ обидъ и насилій».

Событія нашей школьной жизни, какъ они ни исключительны, не должны, однако, никого удивлять и не могутъ считаться неожиданными. «Пожинаются плоды стараго», пишетъ «Новое Время» (№ 10421) въ замѣчательной статьѣ «Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія». «Положеніе нашихъ учебныхъ дѣлъ таково... что положеніе цѣлаго министерства похоже на что-то полуупраздненное, ликвидирующееся». Газета видитъ въ этомъ возмездіе за то полное самовластіе, которое именно въ этомъ министерствѣ достигло геркулесовыхъ столбовъ. Отъ учениковъ хотѣли закрыть ладонью солнце, хотѣли сохранить ученика въ невѣдѣніи о томъ, къ чему и какъ идетъ русская жизнь и мысль. Ввели въ гимназію политику и политиканство, устранивъ малѣйшее вмѣшательство общества. Хотѣли остановить исторію, и остановились сами, и при первомъ движеніи общества впередъ—выронили вожжи и растерялись. «Россія не знаетъ — смѣяться или плакать», заканчиваетъ газета свое изображеніе положенія учебныхъ дѣлъ. Ни плакать, конечно, ни смѣяться. А взять дѣло въ свои руки и вести его въ духѣ времени и въ согласіи съ народными потребностями. Это, конечно, и будетъ однимъ изъ первыхъ дѣлъ представителей народа.

Показателемъ того глубокаго внутренняго разстройства, до котораго дошла наша родина,—служитъ неудачная попытка заключить третій внѣшній заемъ. Намъ неизвѣстны подробности переговоровъ; по газетнымъ свѣдѣніямъ предполагалось занять въ «дружественной и союзной» Франціи сначала 1.300.000.000 франковъ, потомъ 800 милл. и наконецъ лишь 500 мил. фр. Не смотря на это постепенное уменьшеніе просимой суммы, не удалось добиться пріемлемыхъ условій и заемъ не состоялся. Этотъ отказъ въ ссудѣ, хотя онъ послѣдовалъ послѣ Мукденскаго пораженія, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть припи-

санъ однимъ только военнымъ неудачамъ, такъ-какъ даже окончательно проигранная кампанія, сама по себѣ, не поставитъ великій сто-сорока-милліонный русскій народъ въ положеніе некредитоспособнаго банкрота. Биржа учитываетъ не одни только внѣшніе успѣхи и неуспѣхи, а весь строй внутренней жизни народа. Отсутствіе внутренней гармоніи и порядка, обезпечивающихъ правильную трудовую дѣятельность народа и увѣренность въ завтрашнемъ днѣ,—вотъ новая причина, заставившая западно-европейскія биржи отказать намъ въ кредитѣ, и вынудившая насъ прибѣгнуть къ объявленному уже внутреннему займу, условія и размѣръ котораго таковы: 200 милл. руб. изъ 5% по курсу 96 за 100, съ погашеніемъ въ 49 лѣтъ. Каковы будутъ послѣдствія займа покажетъ будущее; но можно опасаться, что при отсутствіи у насъ свободныхъ капиталовъ, онъ потребуетъ отъ банковъ и держателей процентныхъ бумагъ усиленной продажи ихъ, что неминуемо вызоветъ ихъ паденіе. Послѣдствіемъ же паденія нашихъ государственныхъ цѣнностей можетъ быть только усиленный сбытъ ихъ изъ-за границы въ Россію, т.-е. отливъ нашего золота. Въ какой мѣрѣ нарушится этимъ наше денежное обращеніе, и насколько тяжело отзовется оно на народномъ хозяйствѣ высчитать теперь, конечно, нельзя; но можно опасаться тяжелыхъ послѣдствій, такъ-какъ въ странѣ бѣдной и истощенной нарушеніе правильнаго хода дѣлъ особенно опасно.

Еслибы платежныя средства народа не были въ такой чрезмѣрной степени напряжены; еслибы наша податная система, покоящаяся на косвенныхъ налогахъ, не была такъ архаична,—наше финансовое будущее не рисовалось бы въ такихъ мрачныхъ краскахъ. Въ настоящее же время существуютъ всѣ основанія опасаться тяжелыхъ дефицитовъ въ нашемъ государственномъ бюджетѣ, который встрѣтится, во первыхъ, съ уменьшеніемъ платежныхъ способностей населенія, истощеннаго войной, и, во вторыхъ, съ необходимостью платить до 40 милліоновъ процентовъ и погашеній по уже совершеннымъ новымъ займамъ.

Предвидя необходимость изыскать источники для покрытія новыхъ расходовъ, министерство финансовъ представило государственному совѣту проектъ предположенныхъ имъ повышеній налоговъ. Повышенія эти касаются пошлинъ съ имуществъ, переходящихъ безвозмезднымъ образомъ (прибл. 3 мил. руб.); акциза съ пивоваренія (на 3.300.000 р.); акциза со спичекъ (8 милл. р.); акциза съ дрожжей (2.800.000 р.); ациза съ нефтяныхъ пасвъ (2.650.000 р.); вычетовъ въ пенсіонный капиталъ (2 мил. руб.). Общая сумма, предположенная такимъ образомъ отъ повышенія налоговъ, равняется 21.750.000 руб., изъ которыхъ, въ виду возможнаго недобора, министерство финансовъ разсчитываетъ лишь на 18 милл.

Отзывъ государственнаго контролера на означенный проектъ министра финансовъ мало благопріятенъ ему. Указавъ на то, что обложеніе спичекъ, какъ предмета первой необходимости, вовсе нежелательно, что вмѣсто увеличенія пенсіонныхъ сборовъ правильнѣе было-бы установить прогрессивное обложеніе содержаній, получаемыхъ служащими какъ въ правительственныхъ

такъ и въ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ; что въ обложеніи имуществъ, переходящихъ безвозмезднымъ образомъ, онъ хотѣлъ бы видѣть не одно только повышеніе % съ суммы наслѣдства, а болѣе коренную реформу, уничтожающую льготы въ пользу частнаго землевладѣнія, и имуществъ, поступающихъ въ пользу церквей, монастырей, духовенства, благотворительныхъ, ученыхъ и учебныхъ учрежденій; указавъ на все это, государственный контролеръ полагаетъ что современное положеніе требуетъ не простого увеличенія налоговъ, притомъ безсистемнаго и произвольнаго, а творческой работы крупнаго экономическаго значенія, касающейся самыхъ основъ податной системы... Онъ склоняется въ пользу умѣренно-прогрессивнаго подоходнаго обложенія, переносящаго тяжесть налоговъ на налогоспособные классы общества. Въ нашей же системѣ прямые налоги занимаютъ вполнѣ второстепенное мѣсто (7% бюджета), а косвенные касаются предметовъ первой необходимости. При этихъ условіяхъ простое нажиманіе податного пресса не можетъ дать тѣхъ средствъ, которыя необходимы для покрытія расходовъ, возросшихъ вслѣдствіе войны.

Критика государственнаго контролера Н. А. Лобко финансовыхъ проектовъ министра финансовъ исчерпываетъ вопросъ и въ то же время объясняетъ отчасти причины недовѣрія къ нашему экономическому положенію, высказанному западно-европейскими биржами... Отсталое по своимъ принципамъ государственное хозяйство, умѣющее только «нажимать податной прессъ», оперирующій надъ скуднымъ и тощимъ карманомъ потребителя, мало благопріятствуетъ быстрому и сильному росту національныхъ производительныхъ силъ, что только и можетъ вывести насъ изъ современнаго тяжелаго экономическаго положенія, и создать кредитоспособность страны.

Глубокое разстройство, охватившее всѣ главнѣйшія отправленія нашего государственнаго организма и являющееся выраженіемъ его несовершенства, дѣлаетъ понятнымъ и наши военныя неудачи. Ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя объяснить однимъ численнымъ недостаткомъ нашихъ войскъ, такъ какъ количественно—русская армія на Дальнемъ Востокѣ представляетъ грозную силу. По даннымъ, обнародованнымъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», съ начала войны до 27-го февраля 1905 г., доставлено въ Харбинъ: войскъ 774.545 человѣкъ; лошадей—146.408; орудій—1.521; грузовъ—19.524.977 пуд. Такъ какъ во время объявленія войны число войскъ, сосредоточенныхъ въ разныхъ пунктахъ Дальнаго Востока, равнялось, приблизительно, 130.000, то общее количество войскъ, введенныхъ въ дѣло, равняется 900.000. И при этомъ за цѣлый годъ ни одной даже ничтожной побѣды! Такой долгій и тяжелый опытъ дѣлаетъ мало, чтобы не сказать—вполнѣ, невѣроятной возможность въ будущемъ такой крупной побѣды, которая могла бы измѣнить наше положеніе. Между тѣмъ, ожиданіе этой побѣды, какъ условія, при которомъ можно начать мирные переговоры, до сихъ поръ является главнымъ побудителемъ для продолженія войны. Такъ можно думать на основаніи статей консервативныхъ газетъ, отражающихъ отчасти мнѣнія высшихъ и молчаливыхъ сферъ.

И военные неуспѣхи, и проявленія общественнаго недовольства—все это

послѣдствія одной и той же коренной и общей причины—устарѣлаго и несовершеннаго режима, тормозящаго духовное и матеріальное развитіе народа, плодящаго злоупотребленія и обусловливающаго неудачи.

II.

— Высочайшимъ приказомъ отъ 27 февр. кавказскимъ намѣстникомъ назначенъ членъ госуд. совѣта, генералъ-адъютантъ гр. Воронцовъ-Дашковъ.

— Варшавскимъ генералъ-губернаторъ назначенъ наз. атам. войска донск. ген.-адъют. Максимовскій.

— Высочайшими приказами отъ 3 марта генералъ-адъютантъ Куропаткинъ увольняется отъ должности главнокомандующаго; генералъ-отъ-инфантеріи Линевичъ назначается главнокомандующимъ всѣми сухопутными и морскими силами на Дальнемъ Востокѣ; отъ 8 марта—генералъ-адъютантъ Куропаткинъ назначается командующимъ 1-ой арміи.

— 21-го февр. г. Баку и Бакинская губ. объявлены на военномъ положеніи.

— Озургетскій уѣздъ и прилегающія къ нему части Кутаискаго и Селакскаго уѣздовъ, а также Китришскаго участка Батумской области, охваченные крамольнымъ движеніемъ, поручаются временно, до полнаго въ этихъ мѣстахъ успокоенія, состоящему при кавказскихъ войскахъ генералъ-маіору Алиханову, на правахъ губернатора съ особыми полномочіями. Въ его распоряженіе командированъ особый военный отрядъ.

— Всѣ желѣзныя дороги въ Европейской Россіи объявлены на военномъ положеніи.

— Губерніи Лифляндская и Курляндская — на положеніи объ усиленной охранѣ.

Печатью отмѣчено вообще много случаевъ неправильныхъ дѣйствій полиціи. Такъ, по сообщенію «Новаго Времени», въ Ростовѣ-на-Дону городовые, исполняющіе роль полиціи нравовъ, задержали кассиршу одного магазина и стали тащить ее въ участокъ, и только благодаря заступничеству нѣсколькихъ лицъ изъ публики дѣвушка была освобождена.

— Въ селѣ Рыбаловкѣ, Мелитопольскаго уѣзда, двое лицъ—торговецъ Темкинъ и крестьянинъ Ханинъ, вслѣдствіе оговора о кражѣ ими 800 руб., были арестованы полиціей и въ теченіе 3-хъ дней подвергались истязаніямъ и пыткѣ. Освобождены они были урядникомъ только по уплатѣ уряднику 25 руб. съ человѣка («Пр. Кр.»).

— Въ г. Опочкѣ, по подозрѣнію въ распространеніи прокламаціи, была арестована семья Берновскихъ. Три городовыхъ и полицейскій надзиратель истязали арестованныхъ. Прокуроръ, прибывшій для разслѣдованія, отпустилъ арестованныхъ за отсутствіемъ всякихъ уликъ, выразивъ сожалѣніе по поводу ареста тяжко больной женщины.

— Въ Могилевѣ уѣздномъ противъ пристава 1 части г. Житоміра и четырехъ городовыхъ возбуждено уголовное преслѣдованіе за избіеніе разныхъ лицъ во время уличныхъ безпорядковъ 26-го января сего года.

— Въ Харьковѣ, на Мѣщанскй улицѣ, толпа извозчиковъ, по совѣту одного лица, напала на студентовъ университета. Полиція отсутствовала.

— Въ Моршанскѣ 25-го февраля трое реалистовъ, возвращаясь съ репетиціи ученическаго спектакля, подверглись ругани со стороны городового и ночныхъ сторожей. Они отправились въ участокъ, чтобы принести жалобу на городового; но тамъ ихъ арестовали и заключили въ общую камеру съ пьяными и т. д. При этомъ ихъ избили («Р. В.»).

— Въ Самарѣ ученика фельдшерской школы Персидскаго продержали 3 дня въ участкѣ и били. Поводомъ послужило то, что Персидскій пожаловался въ участкѣ на городового, не оказавшаго ему помощи, когда его грабили хулиганы.

— Въ Острогожскѣ, Воронежской губ., было много случаевъ ничѣмъ не вызванныхъ уличныхъ арестовъ. Студентъ Ткачевъ былъ арестованъ, обысканъ и выпущенъ.

— Въ Петербургѣ, 14-го февраля, на Невскомъ, противъ дома № 67, два здоровенныхъ мужика подъ командою городового, грубо влекли молоденькую дѣвушку. На вопросъ о причинѣ отвѣчали, что дѣвушка дала 5 коп. солдатунищему, когда его арестовали, и выразила жалость, что его берутъ, когда онъ больной («Слово»).

— Число вооруженныхъ нападеній на чиновъ полиціи усилилось въ чрезвычайной степени особенно на окраинахъ.

Въ Двинскѣ 7-го февр. произведено покушеніе на помощника пристава. Стрѣлявшій скрылся. Въ Могилевѣ Губернскомъ и Минскѣ произведено покушеніе на полицеймейстеровъ.—Убиты приставъ и одинъ изъ стражниковъ Чохатурскаго участка (Кавказъ).—25-го февраля въ м. Чіатуры тысячная толпа разгромила полицейское управленіе. Убиты письмоводитель пристава и три стражника.—Полицейскій же стражникъ убитъ въ Сухумѣ. 22-го февр. убитъ на базарѣ въ Самтредѣ только что назначенный приставъ. Въ Сухумѣ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ въ начальника округа, не причинившихъ ему вреда.—Въ Варшавѣ 11-го февр. ранены 2 городовыхъ тяжело; 13-го февр. 2 городовыхъ убиты и околоточный раненъ; 8-го марта брошенной бомбой тяжело ранено нѣсколько солдатъ, жандармовъ и городовыхъ, обходившихъ городъ патрулемъ; 14-го марта брошенной въ полицейскую казарму бомбой ранено нѣсколько городовыхъ и въ тотъ же день раненъ бомбой варшавскій полицеймейстеръ баронъ Нолькенъ.—Въ Двинскѣ раненъ помощникъ пристава.—Въ Лодзи убитъ городовой и раненъ 7-го марта околоточный.—Въ Бѣлостокѣ убитъ исправникъ, раненъ городовой, подвергался покушенію помощникъ исправника. Въ Либавѣ раненъ городовой.—Въ Выборгѣ раненъ губернаторъ Мясоѣдовъ.

— Въ Вильнѣ, по окончаніи разбора дѣла, въ которомъ обвиняемый былъ оправданъ, предсѣдатель объявилъ его отъ стражи свободнымъ. Тогда изъ публики всталъ офицеръ, назвавшій себя начальникомъ конвойной команды, капитаномъ Ляцкимъ, и заявилъ, что онъ распоряженія предсѣдателя не исполнитъ и отведетъ подсудимаго въ тюрьму. Когда, въ отвѣтъ на это, предсѣдатель огласилъ ст. 819 уст. уг. судопр., обязывающую немедленно осво-

*

бождать оправданныхъ подсудимыхъ,—Ляцкій вновь заявилъ, что для него обязательны только инструкціи его начальника.

— Въ Новгородѣ въ окружномъ судѣ совѣтникъ губернскаго правленія Н. Бахтинъ, бывшій въ составѣ присяжныхъ засѣдателей и не соглашавшійся съ постановленіемъ предполагавшагося вердикта, вынудилъ старшину присяжныхъ Афисова обратиться къ предсѣдателю суда за разъясненіями о порядкѣ совѣщанія. Будучи недоволенъ даннымъ ему объясненіемъ, Бахтинъ громко произнесъ: «это не судъ, а глумленіе надъ судомъ». Судъ постановилъ подвергнуть Бахтина штрафу въ 50 руб. и привлечь по 282 ст.

Оба случая не свидѣтельствуютъ объ уваженіи къ закону и законности чиновъ администраціи.

— Приговоромъ военнаго суда около 40 человѣкъ Чеченской сотни, отказавшихся отправиться на Дальній Востокъ, присуждены къ 18-ти годамъ каторжныхъ работъ каждый. Двое присуждены къ разстрѣлянію. Одинъ изъ нихъ помилованъ.

— 6 нижнихъ чиновъ, за вооруженный грабежъ лавки въ Новониколаевскѣ и нанесеніе ранъ владѣльцу, присуждены омскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Для четырехъ приговоренныхъ смертная казнь замѣнена двадцатилѣтней каторгой.

28-го февраля приведенъ въ исполненіе приговоръ военно-окружного суда, которымъ 5 нижнихъ чиновъ 16-го летучаго артиллерійскаго парка, призванныхъ изъ запаса, приговорены къ разстрѣлянію.

— Императорское московское общество сельскаго хозяйства въ собраніи своемъ 14-го января текущаго года, войдя въ обсужденіе послѣднихъ событій общественной жизни, постановило выразить протестъ правительству по поводу мѣръ, принятыхъ при прекращеніи бывшихъ въ С.-Петербургѣ 9 января безпорядковъ, съ требованіемъ немедленнаго введенія въ Россіи представительнаго образа правленія, причемъ въ томъ же собраніи рѣшило сообщить это постановленіе всѣмъ губернскимъ, уѣзднымъ земскимъ управамъ, всѣмъ городскимъ думамъ, волостнымъ правленіемъ и всѣмъ сельскохозяйственнымъ обществамъ, что и стало приводить въ исполненіе.

По всеподданнѣйшему докладу министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ объ означенномъ постановленіи Государю Императору 28-го февраля 1905 года, благоугодно было Высочайше повелѣть лишить московское общество сельскаго хозяйства права именоваться «Императорскимъ».

— Московскому обществу сельскаго хозяйства и спб. союзу инженеровъ воспрещены собранія.

— «Редактору Правительственнаго Вѣстника» Кулаковскому министромъ внутреннихъ дѣлъ объявленъ выговоръ за допущенную при напечатаніи Высочайшаго манифеста 18-го февраля неправильность. Неправильность эта заключается въ слѣдующемъ: Высочайшіе манифесты направляются для опубликованія въ сенатъ, который и дѣлаетъ о томъ распоряженіе. Въ настоящемъ же случаѣ манифестъ былъ доставленъ, минуя Сенатъ, непосредственно редактору Правительственнаго Вѣстника вмѣстѣ съ повелѣніемъ напечатать его. Г. Кулаковскій подчинился личному приказу, за что и получилъ выговоръ.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Старина" — февраль; „Историческій Вѣстникъ" — мартъ; „Вѣстникъ Европы"—мартъ).

Мало-по-малу начинаютъ всплывать на свѣтъ Божій матеріалы о такихъ предметахъ, которые долгое время считались самымъ запретнымъ плодомъ. Мало-по-малу вскрывается завѣса, плотно закрывавшая отъ,—употребляя выраженіе, кажется, фонъ-Роха, — «ограниченнаго ума подданныхъ» вещи, знать которыя, если имъ и полагалось, то не иначе, какъ изъ оффиціальныхъ источниковъ. Къ такимъ дѣламъ временъ уже, конечно, давно минувшихъ, но тѣмъ не менѣе, оберегавшихся отъ нескромныхъ взоровъ съ энергіей, достойной лучшей участи, относится дѣло М. В. Буташевича-Петрашевскаго и его друзей. Подлинникъ его хранится и до сихъ поръ въ бюрократическихъ тайникахъ, а тѣ немногіе лучи свѣта, которые пали на него изъ воспоминаній «петрашевцевъ»,—сколь не цѣнны они сами по себѣ,—далеко не достаточны для того, чтобы составить себѣ сколько нибудь полное представленіе о той, отмѣченой ужасающимъ произволомъ однихъ и безправіемъ, другихъ эпохѣ, къ которой относится дѣло Петрашевскаго. Въ высшей степени цѣннымъ кладомъ въ познаніе этого замѣчательнаго дѣла являются поэтому относящіеся къ нему новые матеріалы, напечатанные въ февральской книжкѣ «Русской Старины». Матеріалы эти называются «По дѣлу Петрашевскаго» и представляютъ собою тѣ извлеченія изъ дѣла, которыя, по мѣрѣ работъ слѣдственной комиссіи, еженедѣльно составлялись для доклада государю.

Въ общемъ дѣло Петрашевскаго, конечно, извѣстно, но оно пріобрѣтаетъ особенную выпуклость именно тогда, когда предъ читателемъ является возможность заглянуть въ его подробности.

Мы заговорили о тѣхъ матеріалахъ, которые, можно сказать, только что увидѣли свѣтъ на страницахъ «Русской Старины», но читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы, прежде чѣмъ излагать содержаніе этихъ интересныхъ матеріаловъ, приведемъ ему, относящіяся къ тому же дѣлу, выписки изъ... древняго источника... изъ № 276 «Русскаго Инвалида» за 1849 годъ.

Въ газетѣ этой были напечатаны такія строки:

«Пагубныя ученія, породившія смуты и мятежи во всей Западной Европѣ и угрожающія испроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ, отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ отечествѣ.

«Но въ Россіи, гдѣ Святая Вѣра, любовь къ Монарху и преданность къ Престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа и доселѣ хранятся непоколебимо въ сердцѣ каждаго,—только горсть людей, совершенно ничтожныхъ, мечтала о возможности попирать священнѣйшія права религіи, закона и собственности. Дѣйствія злоумышленниковъ могли бы только тогда получить опасное развитіе, если бы бдительность правительства не открыла зла въ самомъ началѣ.

«По приведенному изслѣдованію обнаружено, что служившій въ министер-

ствѣ иностранныхъ дѣлъ титулярный совѣтникъ Буташевичъ-Петрашевскій первый возымѣлъ замыселъ на испровержeніе нашего государственнаго устройства съ тѣмъ, чтобы основать оное на безначаліи. Для распространенія своихъ преступныхъ намѣреній онъ собиралъ у себя въ назначенные дни молодыхъ людей разныхъ сословій. Богохуленіе, дерзкія слова противъ Священной Особы Государя Императора, представленіе дѣйствій правительства въ искаженномъ видѣ и порицаніе государственныхъ лицъ,—вотъ тѣ орудія, которыя употреблялъ Петрашевскій для возбужденія своихъ посѣтителей. Въ концѣ 1848 года онъ приступилъ къ образованію, независимо отъ своихъ собраній, тайнаго общества, дѣйствуя заодно съ поручикомъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка Момбелли, штабсъ-капитаномъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Львовымъ 2-мъ и неслужащимъ дворяниномъ Спѣшневымъ. Изъ нихъ Момбелли предложилъ утвержденіе тайнаго общества подъ названіемъ «тайнаго товарищества» или «Братства взаимной помощи людей превратныхъ мнѣній», Львовъ—опредѣлилъ составъ общества, а Спѣшневъ написалъ планъ для произведенія общаго возстанія въ государствѣ.

«У двухъ изъ сообщниковъ Петрашевскаго: титулярнаго совѣтника Кашкина и коллежскаго ассессора Дурова были также назначены въ извѣстные дни собранія въ томъ же преступномъ духѣ».

За всѣ эти преступленія 21 человѣкъ, а именно Петрашевскій, Спѣшневъ, Момбелли, Григорьевъ, Львовъ, Филипповъ, Ахшарумовъ, Ханыковъ Дуровъ, Достоевскій, Дебу 1-й, Дебу 2-й, Толль, Ястржембскій, Плещеевъ, Кошкинъ, Головинскій, Пальмъ, Тимковскій, Европеусъ и Шапошниковъ, были приговорены генералъ-аудиторіатомъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Приговоръ былъ замѣненъ, какъ извѣстно, разными другими наказаніями лишь на эшафотѣ послѣ того, какъ надъ осужденными была произведена вся процедура приготовленій къ смертной казни.

Вышецитированный документъ кончается такими словами:

«Итакъ, виновные заслужившіе по закону смертную казнь и только неизреченнымъ милосердіемъ Государя Императора помилованные, понесутъ достойное наказаніе. Да послужитъ настоящее дѣло предостереженіемъ и спасительнымъ примѣромъ юношамъ, можетъ быть также заблуждающимся, но еще не преступнымъ. Да обратятъ, въ особенности, родители вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей и да потщатся внушать имъ съ младенческихъ лѣтъ, что только Святая Вѣра, любовь къ Монарху и преданность къ Отечеству, повиновеніе законамъ и установленнымъ властямъ—могутъ служить незыблемымъ основаніемъ спокойствію государствъ и благоденствію всѣхъ и каждаго!»

Въ чемъ, въ дѣйствительности, состоялъ «заговоръ» Петрашевскаго и его друзей, вызвавшій столь ужасныя репрессіи и грозное правительственное memento mori по адресу всего русскаго общества, повторяемъ, въ общемъ извѣстно, но напечатанныя нынѣ въ «Русской Старинѣ» подробности «заговора» столь характерны для знаменитаго «добраго стараго времени», что мы считаемъ необходимымъ изложить ихъ передъ нашими читателями. Цитируемый документъ

носилъ названіе «Записка о дѣйствіяхъ секретной слѣдственной комиссіи высочайше учрежденной надъ чиновникомъ Буташевичемъ-Петрашевскимъ и его сообщниками» и начинается такими словами:

«Комиссія открыла свои засѣданія 26-го апрѣля и занималась до настоящаго времени (16 мая) предварительными разспросами всѣхъ лицъ, переданныхъ ей въ числѣ 40 для произведенія надъ ними слѣдствія. Кромѣ сихъ лицъ, основываясь на ихъ показаніяхъ, комиссія сочла необходимымъ сдѣлать распоряженіе объ арестованіи студента спб. университета Ханыкова и коллежскаго секретаря Европеуса, а также объ опечатаніи бумагъ у нѣкоторыхъ другихъ лицъ, находившихся съ ними въ близкомъ знакомствѣ. Разспросы вполнѣ подтвердили правильность розысканій, сдѣланныхъ полиціею, и вѣрность, съ которою они изложены въ свѣдѣніяхъ, по Высочайшему повелѣнію переданныхъ комиссіи. Объясненія же Ханыкова и Европеуса послужили доказательствомъ, что они не могли оставаться на свободѣ».

Далѣе слѣдуютъ тѣ основанія, въ силу которыхъ эти два лица «не могли оставаться на свободѣ», а впослѣдствіи были приговорены къ разстрѣлянію. Основанія эти заключаются въ слѣдующемъ:

«Европеусъ давалъ 7-го апрѣля обѣдъ въ честь Фурье, такъ какъ это былъ день рожденія сего послѣдняго. На обѣдѣ находились: Ханыковъ, Ахшарумовъ, Петрашевскій, Спѣшневъ, два брата Дебу, Есаковъ и Ващенко. Изъ нихъ первые три говорили рѣчи... Засимъ Европеусъ самъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно изучалъ Фурье, но понимаетъ его за человѣка, который желаетъ всему міру такого счастья, какое только можетъ быть ему дано и что черезъ нѣсколько дней послѣ обѣда всѣ участвовавшіе въономъ согласились перевести Фурье на русскій языкъ».

Не менѣе ужасно преступленіе Ханыкова, который показалъ самъ, что «у него была мысль примѣнить ученіе Фурье къ Россіи».

Тутъ же слѣдуетъ характеристика Петрашевскаго, который *«съ дерзостью просилъ коммиссію сообщить ему, въ чемъ онъ обвиняется* ибо, если онъ желалъ лучшаго въ нашемъ управленіи, то это желаніе преступленіемъ считать нельзя. По мнѣнію его, законы наши хороши, но исполненіе ихъ порочно; ученіе же Фурье едва-ли утопія, и лѣтъ черезъ пять или шесть можетъ осуществиться. Вообще отвѣты его были смѣлы и неудовлетворительны. Рѣчь его у Европеуса начиналась слѣдующими словами: «явясь среди васъ, господа, и получивъ право рѣчи, какъ одинъ изъ старѣйшихъ, сколько мнѣ извѣстно, пропогаторовъ соціализма, я осмѣлюсь предложить вамъ тостъ, который выразитъ содержаніе моей рѣчи, именно—тостъ за знаніе дѣйствительности».

Человѣкъ хотѣлъ «знать дѣйствительность» и даже провозглашалъ въ честь столь преступнаго желанія своего тостъ! Это ли еще не злодѣйство, за которое, пожалуй, мало и эшафота!...

Показаніями Кошкина, братьевъ Дебу, Кайданова, Плещеева, Ястржембскаго, Момбелли, Достоевскаго, Ламанскаго и Модерскаго установлены просто ужасающія вещи. Оказалось, что «на вечерахъ у Петрашевскаго разные государственные вопросы разсматривались въ духѣ соціализма, что тамъ разсуж-

дали о пользѣ вооружить подчиненныхъ противъ начальства, дабы потомъ ввести улучшенія въ административной части, что *иногда разговоры касались и до устройства въ Россіи конституціоннаго образа правленія*, что три главные предмета, обращавшіе на себя вниманіе собраній, были: *свобода книгопечатенія, перемѣна судопроизводства* и *освобожденіе крестьянъ*. Съ особенною рѣзкостью говорили о двухъ послѣднихъ Петрашевскій и Головинскій, но Головинскій увѣрялъ коммиссію, что сужденія о сихъ предметахъ онъ не полагалъ противозаконными, такъ какъ само правительство ими занималось»...

«Всѣ прописанныя сознанія рождаютъ прискорбное убѣжденіе, что соціальныя идеи развиваются въ разныхъ сословіяхъ и въ Россіи, что собранія Петрашевскаго, въ которыя принимались люди всякаго разбора, другія—фурьеристовъ т.-е. Кошкина и Европеуса, коихъ составъ былъ нѣсколько приличнѣе, и третьи, повидимому, довольно малочисленныя мѣщанина Григорьева,—отличались вообше духомъ, противнымъ правительству, что, наконецъ, они клонились къ измѣненію существующаго порядка вещей».

У Спѣшнева нашли «обязательную подписку для вступленія въ Русское Тайное Общество», и рукопись подъ заглавіемъ «Солдатская Бесѣда». Спѣшневъ «клянется, что это («обязательная подписка») былъ только проэктъ, написанный имъ тому нѣсколько лѣтъ, давно имъ забытый и никому никогда не показанный, и что подобнаго общества никогда не существовало». Что касается «Солдатской Бесѣды», не почеркомъ Спѣшнева написанно, то онъ, Спѣшневъ, объяснилъ, что она «была получена имъ въ числѣ разныхъ писемъ, присланныхъ ему въ одно время отъ разныхъ лицъ». На этомъ основаніи, «коммиссія, убѣждаясь изъ таковыхъ девизовъ въ зловредномъ направленіи мыслей Спѣшнева, усугубитъ старанія, дабы побудить его къ откровеннымъ сознаніямъ, но если бы въ немъ замѣчено было упорство, то полагаетъ прибѣгнуть къ заключенію его въ оковы, на каковую мѣру она испрашиваетъ уже предварительное разрѣшеніе по начальству».

Въ бумагахъ Дурова оказалось письмо къ нему изъ Москвы литератора Плещеева, въ которомъ шла рѣчь объ извѣстныхъ профессорахъ московскаго университета Грановскомъ и Кудрявцевѣ. Привезли и посадили въ крѣпость (а потомъ приговорили къ разстрѣлянію) Плещеева, который объяснилъ, что «разговоры его съ профессорами Кудрявцевымъ и Грановскимъ имѣли предметомъ искусства, въ чемъ онъ и сочувствуетъ имъ, а вліяніе ихъ на студентовъ состояло въ возбужденіи въ нихъ любви къ наукѣ. Тѣмъ не менѣе, коммиссія сочла необходимымъ просить г. военнаго министра о сношеніи съ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, чтобы онъ не оставилъ принять подлежащія мѣры къ обнаруженію дѣйствій помянутыхъ профессоровъ и и увѣдомить о послѣдующемъ. Здѣсь (въ Петербургѣ), кромѣ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Ващенко и воспитывавшаго въ лицеѣ Есакова, которые взяты уже въ крѣпость, постановлено по близкому знакомству съ Петрашевскимъ и Головинскимъ арестовать также чиновника Париновскаго, предназначавшагося губернскимъ прокуроромъ въ Петрозаводскъ». Отсюда за-

ключеніе коммиссіи, что «новыя открытія, выше сего изложенныя, болѣе и болѣе удостовѣряють въ преступности арестованныхъ лицъ»...

Въ запискѣ, датированной 23—30 мая, сообщается о новомъ допросѣ Петрашевскаго и обнаруженныхъ имъ при этомъ продерзостяхъ:

Онъ показалъ, что «убѣжденіе его въ истинѣ и пользѣ системы Фурье несомнѣнно, но что онъ никакихъ переворотовъ насильственными средствами въ виду не имѣлъ. Въ письменномъ же объясненіи изложилъ, что для изслѣдованія возникшихъ противъ него обвиненій слѣдовало бы назначить не слѣдственную, а ученую комиссію, которая могла бы разобрать всѣ предметы сихъ обвиненій въ видахъ науки». Тутъ же слѣдуетъ любопытное примѣчаніе, которое гласитъ:

«Во время заточенія своего въ крѣпости Петрашевскій нашелъ способъ отломаннымъ отъ вентилятора кусочкомъ жести писать на обломкахъ верхняго клеевато слоя стѣнной штукатурки. Обломки эти у него отобраны, и посредствомъ увеличительнаго стекла открыто, что на нихъ написаны разныя подозрительныя слова и фразы, какъ то: «courage», «patience», «требовать очныхъ ставокъ», «не вѣрить письменнымъ показаніямъ» и т. д. Петрашевскій объявилъ, что слова эти имѣли цѣлью предостереженіе другихъ содержащихся въ крѣпости въ описаніи ихъ и его личности».

Въ запискѣ, помѣченной 6—13 іюня, содержатся результаты подробнаго изслѣдованія дѣятельности «Товарищества для взаимнаго поддержанія другъ друга». Это дѣяніе, составляющее одно изъ наиболѣе тяжелыхъ преступленій кружка Петрашевскаго, записка излагаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Комиссія, имѣя въ виду показаніе Спѣшнева о предложеніи, сдѣланномъ въ декабрѣ 1848 г. поручикомъ Момбелли насчетъ составленія товарищества для взаимнаго поддержанія другъ друга, производила самые подробные допросы по этому предмету лицамъ, которыя кромѣ Спѣшнева должны были участвовать въ означенномъ товариществѣ, именно: Момбелли, Львову, Петрашевскому и Дебу I-му.

«Изъ этихъ допросовъ оказывается: что мысль объ образованіи товарищества была дѣйствительно предложена поручикомъ Момбелли, но, по его словамъ, она первоначально имѣла основаніемъ только взаимное вспомоществованіе другъ другу въ разныхъ случаяхъ жизни, обращеніе же этого товарищества въ политическое общество внушено уже послѣ Спѣшневымъ съ тою цѣлью, чтобы воспользоваться переворотомъ, который долженъ будто бы *самъ собою произойти въ Россіи черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ* подобно тому, какъ это случилось въ западныхъ государствахъ Европы.

«Что помянутое общество полагалось составить изъ «прогрессистовъ», которые могли бы двинуть гражданскій бытъ впередъ на новыхъ началахъ; что для управленія общества предназначался комитетъ изъ учредителей онаго т.-е. изъ Момбелли, Спѣшнева, Петрашевскаго, Львова и Дебу I-го; что всякій членъ общества долженъ былъ сдѣлать денежный вкладъ, дабы изъ капитала, который такимъ образомъ составится, помогать тому изъ членовъ, который бы по какому-либо случаю попался; что, кромѣ плана Спѣшнева, формы общества изла-

гались и Львовымъ. Онѣ состояли между прочимъ и въ томъ, что сначала было принято въ оное не менѣе 9 или 11 человѣкъ, и когда послѣ составятся афильяціи, то чтобы въ каждой изъ нихъ было по два главныхъ члена; и что Петрашевскій читалъ на собраніяхъ у Спѣшнева о необходимости образованія по системѣ Фурье, которая объясняетъ множество предметовъ и даетъ средства приготовить людей къ тому времени, когда они будутъ нужны.

«Дебу и согласно съ нимъ Петрашевскій присовокупили, что по предложенію Момбелли надлежало также порицать мѣры, предпринимаемыя правительствомъ и превозносить какъ литераторовъ, такъ и другихъ лицъ, которыя будутъ принадлежать къ обществу.

«Всѣ эти совѣщанія продолжались до февраля мѣсяца текущаго года, но такъ какъ участвовавшіе въ оныхъ не могли совершенно согласиться ни въ основныхъ правилахъ, ни въ способахъ дѣйствій общества, то оно, по утвержденію ихъ всѣхъ, *не состоялось и сужденія о немъ прекратились*».

Характерна также ссылка на показаніе Ястржембскаго, который призналъ себя виновнымъ, во-1) въ томъ, что, «говоря на вечерахъ у Петрашевскаго о статистикѣ, онъ придерживаясь мнѣнія Нимана, называлъ ее теоріей государства или общества, присовокупивъ однажды, что «другіе называютъ такую науку политическою экономіею и что такъ она называется у насъ съ утвержденія великаго князя»; 2) что онъ вообще смѣялся надъ чиноманіей; 3) что о человѣчествѣ онъ разсуждалъ по системѣ Фурье, и 4) что когда на одномъ вечерѣ заговорили о томъ, что теперь въ Европѣ поляки возмущеніями своими препятствуютъ развиваться системѣ Фурье, которая можетъ водвориться только при совершенномъ спокойствіи и твердости правительства, то онъ, Ястржембскій, сказалъ, что «онъ въ душѣ полякъ, готовь жизнь отдать за возстановленіе польской народности, но готовъ пожертвовать даже этой народностью, если того потребуетъ счастье человѣчества».

Въ запискѣ отъ 20—27-го іюля говорится, что въ теченіе послѣдней недѣли были допрошены братья Достоевскіе и Дебуты. «Относительно сущности дѣла, по коему производится слѣдствіе, — гласитъ записка,—показанія вышеименованныхъ лицъ, не открыли ничего новаго и подтверждаютъ съ нѣкоторыми только маловажными различіями, то, что извѣстно уже изъ прежнихъ разспросовъ. Главными предметами, ихъ занимавшими, были, какъ объяснено въ первыхъ запискахъ: распространеніе соціальныхъ системъ, дабы приготовить лучшее устройство гражданскаго общества, перемѣна судопроизводства, освобожденіе крестьянъ и свобода книгопечатанія. Но исполненія всего этого, если имъ вѣрить, они большею частью ожидали отъ времени, безъ насильственныхъ переворотовъ и однимъ изъ дѣйствительныхъ къ тому средствъ полагали между прочимъ, чтобы министры и другія правительственныя лица были окружены людьми, изучившими соціализмъ. Система Фурье имѣла, какъ видно, самое значительное число приверженцевъ, потому что, по ихъ словамъ, она нисколько не требуетъ разрушенія существующаго порядка и можетъ согласоваться со всякою формою правленія. Здѣсь необходимымъ почитается присовокупить, что въ отвѣтахъ на снятые допросы названы по разнымъ случаямъ

имена лицъ, которыя бывали на вечерахъ Петрашевскаго, у Дурова и другихъ, но не арестованы. Свѣдѣнія о нихъ собираются, но какъ *въ дѣлѣ нѣтъ прямыхъ доказательствъ, чтобы они принимали участіе въ преступныхъ рѣчахъ или мнѣніяхъ, которыми тѣ собранія отличались*, то коммиссія, имѣя въ виду, что арестованіе ихъ теперь могло бы безъ причины подать поводъ къ тревожнымъ толкамъ въ городѣ, положила не приступать къ этой мѣрѣ, если она не будетъ вынуждена дальнѣйшими раскрытіями, а просить въ свое время, чтобы за ними установлено было надлежащее наблюденіе».

Записка отъ 27-го іюня—4-го іюля отличается въ этомъ отношеніи еще большимъ великодушіемъ. Въ ней находятся, между прочими, такія строки: «Коммиссія, основываясь на всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи ходатайствовать объ освобожденіи лицъ по слѣдствію, ею производимому, оказывающихся невинными или мало виновными, занималась подробнымъ разборомъ ихъ дѣйствій и постановила войти съ представленіемъ о дарованіи свободы 12-ти изъ нихъ, а именно: 1) Людерскому, 2) Дѣеву, 3) Берестову, 4) Бернадскому, 5) Михайлову, 6) Чирикову, 7) отст. кап.-лейт. Тимковскому, 8) Кайданову, 9) Серебрякову, 10) Кропотову, 11) Щелкову и 12) Ламанскому съ тѣмъ, однако, чтобы они обязались подпискою содержать въ строгой тайнѣ сдѣланные имъ въ коммиссіи разспросы, никогда не принадлежать ни къ какому тайному обществу и не распространять подъ какимъ-то видомъ не было соціальныхъ идей, а также чтобы за ними на всякій случай установленъ былъ секретный надзоръ».

Такъ поступлено съ «невинными» и «маловиновными» въ разговорахъ о о системѣ Фурье, освобожденіи крестьянъ, реформѣ судопроизводства и свободѣ книгопечатанія. Болѣе же виновные въ этихъ тяжкихъ преступленіяхъ были преданы суду, который и приговорилъ ихъ всѣхъ къ разстрѣлянію. Это ли еще не золотой вѣкъ бюрократическаго режима? Какъ же о немъ не вздыхать?..

Къ той же области относятся и напечатанныя въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» «Воспоминанія нѣмецкаго музыканта о М. А. Бакунинѣ». Воспоминанія эти доставлены журналу г. Батуринскимъ, который, поясняя въ примѣчаніи что, «нѣмецкій музыкантъ»,—это извѣстный директоръ Бернской консерваторіи Адольфъ Рейхель, напоминаетъ читателю про близкія отношенія, существовавшія между Рейхелемъ и семьей Герцена: Рейхель былъ женатъ на часто упоминаемой въ перепискѣ Герцена М. К. Эрнъ, уѣхавшей вмѣстѣ съ семьей Герцена за границу. Этотъ-то Рейхель былъ близко знакомъ съ Бакунинымъ еще задолго до своего знакомства съ Герценомъ. Особенно новаго въ біографію знаменитаго агитатора воспоминанія Рейхеля не вносятъ, но подъ талантливымъ перомъ автора встаетъ очень ярко личность Бакунина,—человѣка необыкновеннаго и игравшаго столь крупную роль въ исторіи европейскаго революціоннаго движенія. Имѣя это въ виду, мы и остановимся немного на воспоминаніяхъ о немъ «нѣмецкаго музыканта». «Бакунинъ нашелъ при своемъ прибытіи въ Швейцарію (въ 1848 году),—пишетъ Рейхель,—заро-

дыши коммунистическаго движенія, и его подстрекало присоединиться къ нему лично и направлять, какъ можно скорѣе, революціонныя начинанія. Послѣ недолгой разлуки мы встрѣтились осенью 1843 г. въ Женевѣ и, быстро объѣхавъ Швейцарію черезъ Шамуни, Сенъ-Бернаръ, Гримзель, Фурну и т. д., проживши нѣкоторое время надъ Женевскимъ озеромъ, было собрались прожить болѣе продолжительное время въ Бернѣ, но русскій посланникъ въ Бернѣ потребовалъ, чтобы Бакунинъ возвратился въ Россію. Имѣя нѣкоторыя основанія предполагать, что его поѣздка на родину можетъ окончиться не вполнѣ благополучно, Бакунинъ предпочелъ поискать другого мѣстожительства и послѣ нѣкотораго размышленія остановился въ Бельгіи. Такъ какъ наша дружеская связь стала еще крѣпче, вслѣдствіе нашего общаго путешествія, Бакунинъ и я направились вмѣстѣ въ половинѣ марта 1844 года въ Брюссель, гдѣ мы нашли обильную пищу: онъ для своихъ революціонныхъ интересовъ, я—для музыкальныхъ. Такъ какъ Брюссель находился почти на дорогѣ изъ Москвы въ Парижъ, то Бакунину случалось время отъ времени видѣться съ кѣмъ-нибуеь изъ своихъ друзей, которые, хотя и рѣдко раздѣляли его крайніе взгляды, но очень хорошо понимали, что его положеніе изгнанника—не изъ пріятныхъ. Бакунинъ дѣятельно поддерживалъ отношенія съ польскими эмигрантами въ Брюсселѣ (изъ всѣхъ ихъ наиболѣе интересовалъ его профессоръ Лелевель).

«По приглашенію одного московскаго друга, весной 1844 года онъ ѣздилъ ненадолго въ Парижъ и возвратился оттуда такимъ возбужденнымъ отъ впечатлѣній, которыя произвело на него могучее оживленіе парижскаго населенія, что онъ легко опровергъ мои сужденія по этому вопросу и я, наконецъ, хотя съ отвращеніемъ, далъ себя убѣдить поселиться тамъ, по крайней мѣрѣ, на время празднествъ въ честь іюльскихъ дней. Но возможный разрывъ нашей тѣсной дружбы былъ предупрежденъ какъ стеченіемъ обстоятельствъ, такъ и уступчивостью моего характера, и вскорѣ я нашелъ въ Парижѣ занятіе, подходящее и производительное для моей музыкальной дѣятельности, такъ что пятнадцать дней, которые я обѣщалъ провести въ этомъ городѣ, обратились почти въ пятнадцать лѣтъ.

«До этихъ поръ Банунинъ занимался страстно ожидаемой имъ революціей скорѣе теоретическимъ и спекулятивнымъ образомъ, но въ Парижѣ онъ не только нашелъ подходящій случай присоединиться дѣятельно къ мѣстнымъ революціоннымъ элементамъ (въ чемъ ему помогало блестящее знаніе французскаго языка и личное близкое знакомство съ редакторомъ «National» Марастомъ), но и былъ поощренъ къ дальнѣйшему развитію своихъ нравственныхъ силъ для того, чтобы принять участіе въ имѣвшихъ наступить событіяхъ. Онъ все съ большимъ увлеченіемъ занимался изученіемъ французскихъ революціонныхъ движеній, увлекался словами и дѣйствіями государственныхъ людей, которые направляли эти движенія или погибли въ нихъ; это давало мнѣ часто поводъ подшучивать надъ его «вѣчной» книгой о революціи, которую онъ писалъ каждый день, чтобы никогда не кончить. При нашихъ все болѣе и болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ у насъ было много пунктовъ разно-

гласій: взрывъ, къ которому фатально должны были привести разрушительныя идеи, былъ слишкомъ далекъ отъ моего мирнаго образа мыслей, и я не могъ, подобно Бакунину, говорить съ восхищеніемъ объ этихъ вопросахъ. Однако, я не хотѣлъ да и не могъ противорѣчить его симпатіямъ. Эти симпатіи направлялись къ измѣненію не только политическаго, но и общественнаго строя. Самъ Прудонъ, бросившій въ своей книгѣ о собственности перчатку буржуазіи, не пренебрегалъ совѣтами и мнѣніями русскаго гегельянца. (Тутъ г. Батуринскій дѣлаетъ очень кстати примѣчаніе, гласящее: «Къ этому періоду жизни Бакунина относяться слѣдующія строки изъ воспоминаній Герцена («Сочиненія», IX, 52):» Я встрѣчалъ Прудона раза два у Бакунина, съ которымъ онъ быль очень близокъ. Бакунинъ жилъ тогда съ А. Рейхелемъ въ чрезвычайно скромной квартирѣ за Сеной въ rue de Bourgogne. Прудонъ часто приходилъ туда слушать Рейхелева Бетховена и Бакунинскаго Гегеля; философскіе споры длились дольше симфоній. Они напоминали знаменитыя восточныя бдѣнія Бакунина съ Хомяковымъ у Чаадаева, у Елагиной, о томъ же Гегелѣ. Въ 1847 году Карлъ Фохтъ, жившій тоже въ rue de Bourgogne и тоже часто посѣщавшій Рейхеля и Бакунина, наскучивъ както вечеромъ слушать безконечные споры о феноменологіи, отправился спать. На другой день утромъ онъ зашелъ за Рейхелемъ; имъ обоимъ надо было идти въ Jardin des Plantes: его удивилъ, несмотря на ранній часъ, разговоръ въ кабинетѣ Бакунина; онъ пріотворилъ дверь,—Прудонъ и Банунинъ сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ передъ потухшимъ каминомъ и оканчивали въ краткихъ словахъ начатый вчера споръ»). Послѣ рѣчи, открыто произнесенной въ одномъ собраніи польскихъ эмигрантовъ, Бакунину было запрещено дальнѣйшее пребываніе во Франціи, и Гизо тѣмъ съ большею готовностью передалъ это приказаніе Банунину, что и мѣстная оппозиція причиняла ему достаточно непріятностей, и онъ съ трудомъ переносилъ присутствіе безпокойныхъ иностранцевъ.

«Бакунинъ возвратился въ Брюссель, куда къ нему легко могли доходить слухи и новости о всѣхъ парижскихъ событіяхъ, и когда въ февралѣ слѣдующаго года произошла въ Парижѣ революція, я встрѣтилъ его на другой же день утромъ среди самыхъ возбужденныхъ монтаньяровъ, въ одномъ погребкѣ въ Сетъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Восторженный характеръ русскаго эмигранта совсѣмъ былъ не по душѣ сверженному французскому правительству, но и новое временное правительство французской республики настолько не было склонно предпринимать что-либо съ нимъ вмѣстѣ, что сочло за лучшій способъ избавиться отъ него, пославъ его неоффиціально въ Берлинъ, думая, что его пламенныя рѣчи помогутъ пропагандѣ революціи среди тамошнихъ революціонныхъ кружковъ. Дѣйствительно, онъ завелъ тамъ, насколько мнѣ извѣстно, дѣятельныя сношенія съ Вальденомъ и его товарищами; я не знаю, принималъ ли онъ дѣятельное участіе въ берлинскомъ возстаніи, но его участіе въ революціи, вскорѣ происшедшей въ Дрезденѣ, внѣ сомнѣнія: и долго еще передавались разсказы объ этомъ и самые веселые и самые ужасные. Когда при помощи Пруссіи дрезденское возстаніе было усмирено и городъ взятъ, то

предводители должны были сдаться, и нѣкоторые изъ нихъ, а въ томъ числѣ и Бакунинъ, были заключены въ Кенигштейнъ, гдѣ имъ и предстояла смертная казнь. Но судъ приговорилъ Бакунина *только* къ пожизненному заключенію въ крѣпости. Черезъ годъ этотъ приговоръ былъ замѣненъ выдачей Бакунина на австрійскую территорію по требованію тамошняго правительства, такъ какъ Бакунинъ обвинялся также въ пражскихъ волненіяхъ».

Дальнѣйшая судьба Бакунина извѣстна: перемѣнивъ прусскіе казематы на австрійскіе, гдѣ одно время знаменитый узникъ сидѣлъ прикованнымъ къ стѣнѣ на цѣпь, онъ былъ выданъ Россіи и заключенъ въ Шлиссельбургъ. Лишь послѣ семилѣтняго одиночнаго заключенія Бакунинъ былъ сосланъ, наконецъ, въ Сибирь, откуда бѣжалъ черезъ Америку снова въ Европу и снова кинулся съ головою въ волны революціоннаго движенія...

Біографіи Бакунина у насъ нѣтъ, а тема эта такова, что ею слѣдовало бы заняться. Для лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ, укажемъ, что нѣкто Нейтлау издалъ не болѣе какъ въ 10—15 экземплярахъ и притомъ самымъ несовершеннымъ въ техническомъ отношеніи способомъ обширное сочиненіе о Бакунинѣ и разослалъ его въ нѣсколько наиболѣе крупныхъ европейскихъ книгохранилищъ. Въ числѣ прочихъ одинъ экземпляръ этого сочиненія присланъ Нейтлау и въ петербургскую императорскую публичную библіотеку. Сочиненіе Нейтлау обладаетъ богатѣйшими матеріалами, собранными съ необыкновенной тщательностью, переводъ этого сочиненія составилъ бы не менѣе 3—4 томовъ убористой печати, но слѣдовало бы сдѣлать изъ него, по крайней мѣрѣ, извлеченi.е Объ этомъ стоитъ подумать.

Не все же исторія, надо немножко и современности. Надо, очень надо, да не все то возможно, что надо. Весна--весною, а заморозки сильно даютъ себя еще чувствовать. Беремъ, поэтому, вопросъ, не принадлежащій къ числу, по терминологіи покойнаго Н. К. Михайловскаго, наиболѣе «колючихъ». Мы имѣемъ въ виду вопросъ еврейскій. Ему посвящена въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» интересная статья г. Крюкова, называющаяся «Еврейскія колоніи». Извѣстно, какими клеветами осыпаютъ еврейскую націю публицисты нововременскаго, шараповскаго и иныхъ толковъ. Важную роль въ числѣ такихъ клеветъ играетъ утвержденіе подобныхъ публицистовъ о какой-то органической неспособности евреевъ къ земледѣлію. Этотъ де народъ исключительно созданъ для того, чтобы жить на счетъ ближнихъ и производительнымъ трудомъ заниматься совершенно неспособенъ. Ненавистью къ евреямъ полны и теперь столбцы «Новаго Времени» и братій его, и то обстоятельство, что идея гражданскаго и политическаго равноправія всѣхъ гражданъ россійской имперіи провозглашена, какъ одинъ изъ самыхъ основныхъ принциповъ обновленія Россіи, во всѣхъ уголкахъ нашей родины, вездѣ, гдѣ только есть мыслящіе и неиндифферентные къ дальнѣйшимъ судьбамъ нашего отечества люди,—это обстоятельство, говоримъ мы, только еще болѣе разожгло антиобщественныя и антигражданскія страсти нововременцевъ и К°. Нечего и говорить, что среди

русской печати публицисты подобнаго толка остаются, къ счастью, въ подавляющемъ меньшинствѣ.

Сдѣлавъ это небольшое вступленіе, обратимся топерь къ статьѣ г. Крюкова «Еврейскія колоніи». Рѣчь идетъ въ ней о еврейскихъ колоніяхъ въ Аргентинѣ, гдѣ вынужденное къ эмиграціи изъ Россіи еврейское населеніе находитъ свободное приложеніе своему свободному труду. Г. Крюковъ приводитъ въ своей статьѣ много любопытныхъ данныхъ, касающихся этого вопроса, но мы ограничимся изъ его статьи только одною выпиской.

«Всѣ факты, касающіеся еврейскихъ колоній въ Аргентинѣ,—пишетъ г. Крюковъ,—изложены нами на основаніи личнаго ихъ посѣщенія. Поѣздка по колоніямъ оставила самое благопріятное впечатлѣніе; встрѣчали меня вездѣ радушно, съ охотой бесѣдовали, даже останавливали по дорогѣ, разспрашивая, кто я, откуда и т. д. Узнавъ, что я возвращаюсь въ Россію, многіе посылали поклоны своимъ роднымъ, прибавляя, что «можетъ быть вы ихъ встрѣтите, они живутъ тамъ-то»... Когда евреи прибываютъ въ Буэносъ-Айресъ, то всѣ поражаются ихъ страннымъ, изношеннымъ видомъ: длиннополые сюртуки, грязные, въ заплатахъ, странныя какія-то шапки, пейсы; на худыхъ лицахъ—уныніе и гнетъ. Но въ Аргентинѣ они скоро преображаются: одежда какъ у всѣхъ аргентинцевъ, пейсовъ болѣе не носятъ, лица открытыя, видъ смѣлый. Въ особенности молодое поколѣніе, успѣвшее уже пройти школу и говорящее по-испански, становится настоящими аргентинцами; оно усвоило ихъ образъ жизни, манеры, обычаи и интересы. Вновь прибывшіе переселенцы, въ особенности женщины, поражаются дороговизной въ Аргентинѣ; они, конечно, невольно все сравниваютъ съ мѣстами, гдѣ жили, но при этомъ забываютъ, что и заработки въ Аргентинѣ сравнительно громадные. Одна женщина говорила: «У насъ въ Минской губерніи башмаки стоятъ два рубля; а нужно починить, такъ гривенникъ или пятіалтынный; а здѣсь башмаки—8 пезо (6 р. 50 к.), да и чинить негдѣ». Однако, обжившись, сами же потомъ видятъ, что хотя башмаки и стоятъ 8 пезо, но люди могутъ добыть столько, что легко имъ купить три-четыре пары такихъ башмаковъ въ годъ. У трудоспособныхъ колонистовъ скоро заводятся и деньги; при этомъ достойно удивленія то обстоятельство, что здѣсь всѣ какъ-то скоро усваиваютъ небрежное отношеніе къ деньгамъ. Въ Аргентинѣ деньги въ обращеніи бумажныя (пезо); ихъ обыкновенно носятъ не въ кошелькахъ или бумажникахъ, а прямо комкаютъ и пихаютъ въ карманъ, не давая себѣ труда хорошенько сложить. Когда нужно за что-нибудь платить, аргентинецъ вынимаетъ изъ кармана бумажекъ, сколько попадется въ руку: здѣсь и въ 1 пезо, и въ 2, и въ 5, и въ 10, и болѣе цѣнныя бумажки; отсчитавъ сколько нужно, остальныя тѣмъ же порядкомъ препровождаются въ карманъ. Мелкія деньги (никелевыя) совсѣмъ въ пренебреженіи. Разъѣзжая по колоніямъ, я у многихъ евреевъ замѣчалъ карманы, наполненные деньгами, и обращались они съ ними также, какъ аргентинцы. И это у людей, которые такъ недавно еще дрожали надъ каждымъ гривенникомъ, достававшимся имъ съ великимъ трудомъ. Но самое главное, что особенно поразило меня, это картина хозяйственной жизни. Въ Россіи, несмотря

на многочисленныя поѣздки, мнѣ не пришлось встрѣчать евреевъ-фермеровъ, здѣсь же, въ Аргентинѣ, я видѣлъ, какъ бывшіе переплетчики, мелкіе торгаши, портные и проч. пашутъ, сидя на великолѣпныхъ американскихъ плугахъ, жнутъ на первоклассныхъ машинахъ, вообще работаютъ на землѣ, всецѣло поглощенные хозяйственными заботами. Въ лицахъ свѣтятся энергія и увѣренность, что труды ихъ не пропадутъ даромъ, а вернутся въ видѣ увеличенія благосостоянія. И возрастаніе матеріальнаго благосостоянія замѣчается въ большей или меньшей степени во всѣхъ колоніяхъ. Когда вспомнишь, сколько обширныхъ мѣстностей имѣется въ Россіи, какіе колоссальные районы представляютъ еще полный просторъ для сельскохозяйственныхъ начинаній,— невольно напрашивается примѣръ еврейскихъ колоній въ Аргентинѣ. Что прежде казалось невозможнымъ, то осуществилось; что считалось утопіей, то становится фактомъ».

Значитъ, дѣло вовсе не въ какихъ-нибудь «національныхъ особенностяхъ», а во внѣшнихъ условіяхъ жизни, среди которыхъ живутъ и развиваются націи.

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

Четыре дня въ Баку.—Событія въ Курскѣ и др. городахъ.—Обывательское самочувствіе.—Теорія „моментальнаго помѣшательства", какъ оправданіе насилій.—Разныя „мирныя" воззванія.—Обывательская отповѣдь.

6—9 февраля богатый благоустроенный городъ Баку сдѣлался ареной неслыханной звѣриной борьбы татаръ и армянъ. Четыре дня въ Баку были настолько потрясающимъ событіемъ въ мѣстной жизни, что вызвали назначеніе сенаторской ревизіи, мѣры чрезвычайной, не примѣнявшейся уже двадцать два года. Тѣ отрывочныя и не полныя свѣдѣнія, которыя появились преимущественно въ провинціальныхъ подцензурныхъ газетахъ, все же даютъ общій контуръ кровавой картины и, расходясь, можетъ быть, въ деталяхъ, онѣ согласны въ главномъ. Здѣсь мы воспользуемся только этими фактическими данными и свидѣтельствами корреспондентовъ, поскольку они не противорѣчатъ другъ другу. Корреспондентъ «Приволжскаго Края» (№ отъ 15-го февр.), какъ очевидецъ, такъ рисуетъ начало бакинскихъ ужасовъ.

«Въ воскресенье, 6 февраля, въ армянскомъ соборѣ шло богослуженіе. Во дворѣ церкви раздается выстрѣлъ, и всѣ приходятъ въ смятеніе. Толпа хлынула по направленію къ Парапету. Раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ изъ револьверовъ, а потомъ полицейскіе выдѣлили изъ толпы какого-то богато одѣтаго мусульманина съ большимъ золотымъ поясомъ и съ большой золотой цѣпью на груди. Это, какъ впослѣдствіи оказалось, былъ извѣстный богачъ Бабаевъ. Онъ утромъ пріѣхалъ въ городъ съ намѣреніемъ повстрѣчаться и убить одного армянина, къ которому онъ питалъ вражду. Увидѣвъ армянина, онъ моментально выстрѣлилъ въ него, но промахнулся. Бабаевъ, боясь армянъ, побѣжалъ но оказался въ рукахъ полицейскихъ, которые его посадили на фа-

этонъ и въ сопровожденіи пристава, отправили по направленію къ участку. Но не успѣлъ отъѣхать фаэтонъ, какъ приставъ, повидимому, завидя какихъ-то субъектовъ, соскочилъ съ фаэтона и убѣжалъ. Бабаевъ тоже сбѣжалъ, соскочивъ съ фаэтона. Въ это время къ Бабаеву подбѣжало нѣсколько человѣкъ, и нѣсколькими выстрѣлами въ лицо и спину уложили его на мѣстѣ. Послѣ убійства откуда-то появилось нѣсколько человѣкъ городовыхъ два-три околоточныхъ-надзирателя; появились дроги, на которыя уложили бездыханное тѣло Бабаева и провезли по «самой населенной татарами части города».

Наступила паника. Всѣ магазины были закрыты. Но «въ два часа дня еще можно было проходить по главнымъ улицамъ города. Только къ вечеру началась канонада». Въ этотъ вечеръ и послѣдующіе дни произошли событія, слабое понятіе о которыхъ могутъ дать отдѣльные эпизоды, какъ ихъ передаютъ очевидцы.

Приведемъ яркую сцену по разсказу очевидца-мусульманина.

«Въ часъ дня послышались выстрѣлы изъ ружей, я выбѣжалъ изъ дому, спустился на Базарную улицу и увидѣлъ, что домъ Бабаджанова на Церковной улицѣ № 93 окруженъ татарами и происходитъ перестрѣлка. Осажденные тоже стрѣляли изъ 3-го этажа, при чемъ выстрѣлы ихъ не могли причинить никому никакого вреда, ибо, для того, чтобы стрѣлять въ осаждавшихъ, нужно было высовывать головы изъ оконъ, чтобы имѣть возможность цѣлиться, а этого осажденные не могли сдѣлать, безъ риска быть убитыми. Наконецъ, одинъ изъ осажденныхъ выскочилъ на балконъ и выстрѣломъ ранилъ одного изъ татаръ, но и самъ будучи пронзенъ пулей, полетѣлъ на улицу. Осаждавшіе и осажденные перестрѣливались безрезультатно. Кто-то изъ толпы предложилъ поджечь домъ: немедленно доставили бочку керосину и, обливъ подъѣздъ осажденнаго дома, подожгли. Уже къ шести часамъ вечера домъ былъ объятъ пламенемъ. Въ 9 часовъ все сгорѣло за исключеніемъ подвальнаго этажа. Татары рѣшили войти и обыскать подвалъ. Въ послѣднемъ оказались большіе ящики: одинъ лезгинъ пырнулъ кинжаломъ и... открылъ присутствіе несчастныхъ людей, спрятавшихся въ ящикахъ, которые были перевернуты. Разъяренная толпа бросилась и открыла присутстіе 9 лицъ. Я не могу выразить тотъ ужасъ, который былъ видѣнъ на лицахъ найденныхъ жертвъ... Ихъ по одиночкѣ выводили и на глазахъ всѣхъ рубили...

«Тутъ же толпа обнаружила присутствіе 10 женщинъ. Ихъ взяли и куда-то повели. Одна изъ нихъ, женщина лѣтъ подъ 50, умоляла спасти ея сына, который одинъ остался въ живыхъ въ обгорѣвшемъ домѣ. Въ этотъ моментъ присутствующіе замѣтили приближающуюся темную фигуру, которая, поднявъ полы пальто и закрывъ ими голову, шла со двора горѣвшаго дома. Старуха—мать, увидѣвъ его, вскрикнула и упала... Она узнала въ фигурѣ своего сына. Несчастный дольше не могъ остаться въ тайномъ мѣстѣ горящаго дома и, чтобы заживо не сгорѣть, рѣшилъ выйти, надѣясь на милосердіе осаждавшихъ... Но, не тутъ-то было, толпа, обрадовавшись новой жертвѣ, бросилась и въ мигъ изрубила его на куски. Несчастная мать, на которую никто не обращалъ вниманія, упала недалеко отъ дымившихся бревенъ и лишилась чувствъ; огонь

медленно приблизился къ ней, платье загорѣлось, и несчастная, не придя въ себя, сгорѣла на глазахъ присутствующей дикой озвѣрѣвшей толпы.

Когда постройка вся сгорѣла вмѣстѣ съ бывшими внутри людьми, нѣсколько человѣкъ изъ осаждавшихъ, преимущественно лезгины, вошли во дворъ, причемъ одинъ изъ нихъ, почуявъ нахожденіе въ клозетѣ людей, сообщилъ объ этомъ товарищамъ. Послѣ чего одинъ изъ нихъ подошелъ къ дверямъ клозета и произвелъ выстрѣлъ въ двери. Затѣмъ, прислонившись къ стѣнѣ, лезгинъ тихонько пріотворилъ незапертыя двери клозета и, замѣтивъ въ темнотѣ фигуру человѣка, стоявшаго лицомъ къ стѣнѣ, выстрѣлилъ изъ револьвера несчастному въ спину. Какъ видно, пуля серьезно ранила незнакомца,—ибо послѣдній тутъ же упалъ. Замѣтивъ паденіе, толпа бросилась и, вытащивъ во дворъ, вмигъ изрубила несчастнаго.

«Прикончивъ его, толпа бросилась обыскивать трупъ: нашли золотую цѣпь, которую подѣлили на нѣсколько частей. По предложенію одного изъ убійцъ, откуда-то достали маленькую восковую свѣчку и, зажегши послѣднюю, толпа вновь отправилась обыскивать клозетъ... Впослѣдствіи лишь мы узнали, что въ углу клозета было что-то въ родѣ трубы, выходящей наружу.

«При тщательномъ осмотрѣ толпа обнаружила присутствіе двухъ лицъ, которыя, вцѣпившись за что-то, влѣзли въ трубу, а ноги висѣли и открыли ихъ мѣстонахожденіе. Схвативъ за ноги, несчастныхъ стащили внизъ, причемъ одинъ изъ нихъ оказался мальчикомъ-армяниномъ лѣтъ 11—12, а другой взрослый, онѣмѣвъ отъ ужаса, заявилъ, что онъ мусульманинъ. Мальчика немедленно изрубили, и я даже видѣлъ въ день перемирія изуродованный трупъ бѣдняги на улицѣ предъ домомъ, гдѣ его нашли еще неубраннымъ. Заявленіе же взрослаго провѣрили, предварительно раздѣвъ его... а затѣмъ, узнавъ, что онъ дворникъ сгорѣвшаго дома и искалъ спасенія въ клозетѣ отъ боязни быть убитымъ по ошибкѣ своими единовѣрцами, отпустили, не тронувъ» *). Къ этому разсказу о разгромѣ дома Бабаджанова (и рядомъ съ нимъ дома Лазаревой) необходимо присоединить еще и слѣдующія свѣдѣнія. Въ «Бак. Изв.» г. Н. Сорумовъ помѣстилъ слѣдующее письмо:

«На пожарѣ въ домѣ Бабаджанова (по Церковной улицѣ), 8 февраля, сожжены въ числѣ другихъ зять мой, присяжный повѣренный Татосовъ, жена его, а моя дочь Марія, другая моя дочь Евгенія, внуки—Эвелина около 2-хъ лѣтъ и Сережа 8-ми мѣсяцевъ и племянникъ Ситосова—Александръ только потому, что пожарную команду не допустили до мѣста пожара и никакой помощи не было оказано со стороны властей для тушенія огня и спасенія погибшихъ, несмотря на то, что Татосовъ до послѣдней возможности лично призывалъ по телефону къ помощи и власть имѣющихъ и неимѣющихъ.

«По поводу этого несчастнаго событія я получаю многочисленныя телеграммы и письма отъ родныхъ, знакомыхъ и друзей съ выраженіемъ соболѣзнованія. Не имѣя возможности лично или письменно отблагодарить всѣхъ соболѣзнующихъ лицъ (горе и слезы не позволяютъ этого), настоящимъ письмомъ выра-

*) „Бак. извѣстія“ отъ 13-го и 14-го февраля.

жаю имъ и лично сочувствующимъ лицамъ мою и семьи моей глубочайшую благодарность. О томъ, какъ окруженъ былъ мой домъ, въ которомъ живу съ семействомъ, 6—9 февраля, какъ отказывали мнѣ въ охранѣ, какъ спаслись мы и домъ отъ поджога, какъ бомбардировали насъ со всѣхъ сторонъ и стрѣляли въ окна, на какую сумму разграблено или сожжено имущество Татосовыхъ и что пережили въ теченіе тѣхъ трехъ сутокъ—послѣ, въ слѣдующій разъ».

Далѣе, присяжный повѣренный М. С. разсказываетъ, что, находясь у себя дома и видя, какъ толпа неподалеку старается поджечь домъ Бабаджанова, позвонилъ по телефону въ 3-ій полицейскій участокъ. «Оттуда отвѣчаютъ: «Неужели? гдѣ эти дома?» Между тѣмъ, участокъ находился въ двухъ шагахъ отъ мѣста погрома» *). Наконецъ, приведемъ еще слова армянина П., котораго ужасъ и страхъ загнали изъ Баку въ Самаркандъ. Онъ дополняетъ эту кровавую сцену еще слѣдующей подробностью. «Когда мимо нихъ (Адамовыхъ) проѣзжалъ случайно какой-то господинъ въ формѣ, котораго они тотчасъ признали за начальника, они криками пытались остановить его, моля о помощи, но экипажъ мчался, не останавливаясь. Обезумѣвшіе люди бросили къ ногамъ лошадей съ верхняго этажа грудного младенца. Ужасъ ли, отчаяніе, съумашествіе ли это было, или быть можетъ желаніе страшной цѣной получить надежду на спасеніе всѣхъ.

«Экипажъ остановился, и человѣкъ ѣхавшій въ немъ сказалъ, что ждетъ распоряженія свыше» **).

Орестъ Семинъ такъ описываетъ ту картину, какую представляли послѣ пожарища два смежныхъ дома—Бабаджанова и Лазаревой. «Стѣны зданія испещрены тысячами ямокъ отъ пуль. Внутри зданія картина еще ужаснѣе. До семнадцати труповъ грудой лежали въ подвалѣ одинъ на другомъ, обгорѣлые, обезображенные. Среди нихъ пять дѣтскихъ. То семьи Адамова, Бабаджанова, Татосова и др. Есть русскіе и грузины. По словамъ полиціи, въ домахъ Бабаджанова погибло отъ огня и пуль 24 чел., но эта цифра меньше дѣйствительной, такъ какъ сверхъ 17 обгорѣлыхъ труповъ раньше, утромъ, отсюда съ улицы было отвезено 12 труповъ, да 4 валялись на мостовой. Итого 33 жертвы» ***).

Не желая смущать читателя разсказами объ особенно дикихъ проявленіяхъ разнузданныхъ страстей, объ изувѣрствахъ надъ дѣвушками и беременными женщинами, приведемъ еще нѣсколько «обычныхъ» въ эти февральскіе дни эпизодовъ.

«Сегодня (7-го февраля) въ 12 часовъ дня на Николаевской улицѣ, въ самой оживленной части города, башибузуки на глазахъ у проѣзжающаго тамъ вице-губернатора Лилѣева произвели нападеніе на прохожихъ людей, которыхъ приняли за армянъ; г. вице-губернаторъ промчался дальше со своимъ вооруженнымъ тѣлохранителемъ на козлахъ» ****).

---

*) „Новое Обозрѣніе", № 32.

**) „Самаркандъ" отъ 16-го февраля.

***) „Новое Обозрѣніе" отъ 13-го февраля.

****) „Приволжскій Край" отъ 15-го февраля.

«Я смотрю на расположившійся въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ казачій разъѣздъ; мнѣ кажется, что гостиница, изъ которой стрѣляютъ татары изъ револьверовъ, будетъ оцѣплена войсками... Вонъ съ Ольгинской прошелъ цѣлый взводъ пѣхоты, но нѣтъ, онъ повернулъ въ крѣпость... Казаки тоже остались на посту...

Что это дальше мелькаетъ?.. Бѣгутъ? Да, бѣжитъ возлѣ казачьяго пикета толпа татаръ, потрясая въ воздухѣ берданками и револьверами... Они бѣгутъ черезъ Николаевскую и скрылись на Базарной... Еще мгновенье... Залпъ... и нестройный крикъ «ура»...

Возлѣ меня кто-то сказалъ:

— Это они, какъ убьютъ армянина, кричатъ «ура»...

Господи, что-же это такое?

Вотъ еще отдѣлилась отъ лѣвой стороны вооруженная толпа, поровнялась съ казачьимъ разъѣздомъ... Я вижу, какъ они остановились на минуту возлѣ казаковъ, видимо разговаривая, и опять понеслись черезъ улицу вслѣдъ первой толпѣ... И тутъ и тамъ снова грохотъ залповъ»... *).

«Идя по Николаевской, я видѣлъ, какъ на глазахъ четырехъ полицейскихъ приставовъ и въ виду казаковъ сзади меня былъ убитъ армянинъ,—пуля угодила въ голову... Кровь широкимъ потокомъ залила тротуаръ... Убійца-татаринъ, ободряемый толпой, скрылся въ крѣпость... Звоню по телефону въ квартиру губернатора, чтобы попросить взводъ казаковъ—разогнать кучку ребятишекъ-татарчатъ (всѣ вооружены револьверами), безобразничающихъ на Кладбищенской улицѣ: бьютъ стекла, угрожаютъ оружіемъ прохожимъ, играютъ на гармоникѣ съ дикими криками и пр.). Не отвѣчаютъ... На Введенской ул. въ канавѣ лежитъ трупъ убитаго армянскаго мальчика... Въ Молоканскомъ саду другой день лежитъ трупъ д-ра Теръ-Карапетова. Сегодня узналъ, что убитъ гимназистъ Лебедевъ. Въ общемъ пока всѣхъ жертвъ насчитываютъ 250. Что дальше будетъ—не знаю. Боятся погромовъ и голода. Сейчасъ пойду къ прокурору Воронову жаловаться на безучастное отношеніе администраціи къ совершающемуся. На упреки—почему они не обезоруживаютъ и не арестуютъ громилъ—солдаты отвѣчаютъ: «Намъ не приказано вмѣшиваться»... **).

Приведемъ, наконецъ, интересное письмо капитана сальянскаго полка Бахталова, опровергающее «ложное донесеніе пристава 2-го участка г. Баку».

«7-го февраля, утромъ, 2-я рота сальянскаго полка подъ моей командой была вызвана въ городъ по случаю безпорядковъ; около полудня рота моя, по приказу администраціи, разбилась на отдѣльные дозоры для обслуживанія параллельныхъ улицъ, начиная отъ Армянской, кончая Персидской.

Около двухъ часовъ дня, проходя по Базарной улицѣ съ дозоромъ, я засталъ толпу татаръ, грабившихъ мануфактурный магазинъ на углу Азіятской ул. и тутъ же видѣлъ пристава 2-го участка съ нѣсколькими городовыми у ограбляемаго магазина. На мой упрекъ, почему онъ не принимаетъ мѣръ про-

---

*) „Бакинскія Извѣстія“ отъ 13-го февраля.

**) „Новое Обозрѣніе“ отъ 11-го февраля.

тивъ грабителей, приставъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ достаточно силъ; на мою же просьбу разрѣшить мнѣ въ такомъ случаѣ открыть огонь, я получилъ отъ пристава отказъ. Считая принужденное бездѣятельное присутствіе не совмѣстимымъ съ достоинствомъ офицера, я съ дозоромъ свернулъ на Циціановскую ул. соединить дозоры, чтобы, имѣя въ рукахъ большее число вооруженныхъ солдатъ, повліять и разсѣять толпы грабителей. Признаюсь, что этимъ достигъ я замѣтныхъ результатовъ: до вечера мнѣ не разъ удавалось прекращать безчинства одними увѣщеваніями, а когда слово не дѣйствовало, разгонялъ толпы прикладами. На слѣдующій день, едва я вышелъ съ ротой на тѣ же улицы, какъ былъ отозванъ отъ роты по ходатайству гражданской администраціи, опиравшейся на донесеніе полиціи, утверждавшей о возбужденіи, которое я вызвалъ въ мусульманахъ якобы стрѣльбой ввѣренной мнѣ роты въ толпу. Между тѣмъ ни въ этотъ день, ни 7-го числа я и рота не произвели ни одного выстрѣла.

8-го и 9-го числа я былъ у себя на квартирѣ, находящейся на углу Базарной и Церковной улицъ не вдалекѣ отъ 2-го участка. Въ эти дни у меня нашли пріютъ много женщинъ и дѣтей изъ окрестныхъ армянъ, естественно желавшихъ укрыться у офицера. Шла непрерывная пальба, провозили мимо насъ много ограбленнаго товара, и я, несмотря на опасность, часто выходилъ на балконъ, полагая офицерскимъ мундиромъ своимъ смутить немного грабителей. Но мои свидѣтельскіе глаза видимо кому-то были неудобны, и ко мнѣ явился приставъ 2-го участка съ предложеніемъ, чтобы я не выходилъ на балконъ, ибо вооруженные мусульмане возбуждены противъ меня. Позже получаю я записку отъ домохозяина - татарина, въ которой онъ сообщаетъ о томъ, что татары собираются изъ-за меня поджечь домъ. Если бы къ этому времени не состоялось перемиріе, то по всей вѣроятности, я, семья моя и укрывшіеся у меня армяне и всѣ квартиранты сдѣлались бы жертвой огня лишь потому, что полицейскій приставъ, вмѣсто того, чтобы обезоружить убійцъ и поджигателей, или же хотя успокоить ихъ, является ко мнѣ съ угрожающимъ предупрежденіемъ; не довольствуясь этимъ, подаетъ по начальству донсеніе о томъ, что онъ былъ якобы очевидцемъ, какъ я стрѣлялъ въ мусульманъ, забывая, что подобнымъ поступкомъ еще болѣе возбуждаетъ толпу противъ меня. Какъ видно изъ его опубликованныхъ донесеній, онъ только меня одного замѣтилъ изъ стрѣлявшихъ. Такъ ли?

«Итакъ, въ эти кровавые дни ни я, ни по моему приказу никто не стрѣлялъ; мало того, я даже заслужилъ упрекъ отъ г. командира полка, что я не стрѣлялъ. Я только не позволялъ грабить и ходилъ по своему балкону. До этихъ дней я не зналъ пристава 2-го участка и никакихъ столкновеній съ полиціей не имѣлъ никогда. Такимъ образомъ за свои невинные, даже предосудительные — съ военной точки зрѣнія поступки, я два раза былъ оболганъ полиціей и приставомъ 2-го участка и могъ бы сдѣлаться жертвой разъяренной толпы» *).

---

*) „Бак. Изв." отъ 20-го февраля.

Подобныхъ фактовъ было такъ много, и ихъ типичность настолько бросалась въ глаза, что у всѣхъ, описывающихъ событія въ Баку, составилось убѣжденіе въ организованности погрома. Очевидецъ Г. Е. разсказываетъ между прочимъ: «Общая увѣренность, что вся эта ужасная бойня была кѣмъ-то организова. Всѣ татары до послѣдняго уличнаго амбала вооружены кинжалами, бебутами, револьверами. У многихъ видѣли револьверы казеннаго образца. Откуда они у татаръ—неизвѣстно... Всѣ татары вооружены берданками и унихъ масса патроновъ» *). Такъ же категорически гласитъ телеграмма, адресованная изъ Баку католикосу и посланная имъ главночальствующему:

«Третій день въ городѣ идетъ организованная рѣзня армянъ татарами; убитыхъ уже нѣсколько сотъ, раненыхъ очень много. Губернаторъ уже съ перваго дня заявилъ о своемъ безсиліи противодѣйствовать. Войска расхаживали простыми зрителями. У многихъ армянъ отобрали револьверы; татары свободно же убивали кругомъ. Ночью въ городъ прибыли татары окрестныхъ селеній. Съ разсвѣта начался погромъ магазиновъ и убійства. Сейчасъ на перекресткѣ улицъ ставятъ патруль по одному солдату» **).

Тифлисская газета «Телефонъ» задаетъ рядъ вопросовъ, на которые, по ея мнѣнію, необходимо отвѣтить для выясненія истины бакинскаго погрома: «1) Кто далъ тысячной толпѣ оружія нашего военнаго образца, вѣдь каждый татаринъ имѣлъ въ рукахъ ружье Бердана и револьверы Смитта, Вессона. 2) Когда горѣлъ домъ Адамова отъ поджога татаръ, почему не явилась пожарная команда. 3) Почему войска не могли предотвратить разбоя въ то время, когда армяне и татары рѣзались, разбивали и грабили лавки и поджигали дома. 4) Откуда татары взяли такъ много патроновъ, что часто зря производили сотни выстрѣловъ. Почему каждое утро предъ участкомъ собирались татары и потомъ расходились по городу?» ***).

Слѣды организаціи замѣчаются, кромѣ того, въ слѣдующихъ фактахъ. Еще задолго до 6-го февраля въ городѣ говорили о томъ, что ожидается рѣзня армянъ. Корреспондентъ «Новостей», напр., сообщаетъ: «Говорили вездѣ, что кто-то ведетъ тайную агитацію за избіеніе армянъ; что въ этой агитаціи особенное усердіе проявляетъ одинъ изъ полицейскихъ служителей-татаринъ и пр.». Нѣкій Манвеловъ письмомъ въ редакцію «Бак. Изв.» извѣщаетъ о разговорѣ, который онъ велъ 4-го февраля въ поѣздѣ съ «извѣстнымъ мусульманиномъ» М—овымъ. Послѣдній говорилъ: «Въ скоромъ времени нагрянетъ на Баку большая бѣда», на вопросъ, какая именно, онъ намъ объяснилъ слѣдующее: «Среди мусульманъ носится слухъ, будто готовится избіеніе армянъ, и что слухъ этотъ даже распространился въ Дагестанѣ между лезгинами; оттуда даже пріѣхала группа вооруженныхъ лезгинъ (здѣсь редакція дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Изъ дошедшихъ до редакціи свѣдѣній въ числѣ грабителей довольно видный процентъ занимали лезгины») и находится въ Баку въ ожи-

---

*) „Тиф. Лист.“ отъ 11-го февраля.
**) „Русь“ отъ 2-го марта.
***) „Вечерняя Почта“ отъ 20-го февраля.

даніи рѣзни, дабы воспользоваться разграбленнымъ имуществомъ, и что часть этихъ лезгинъ слоняется около ихъ казармы. При прощаніи, повидимому, съ цѣлью оказать на меня полное впечатлѣніе и увѣреніе въ истинности своихъ сообщеній, онъ настоятельно просилъ: «Ради Бога, примите безотлательно всѣ мѣры, а то грозитъ неминуемая большая бѣда» *).

«Поѣзда изъ Сабунчей привозили вооруженныхъ татаръ сотнями. Пришлось прекратить движеніе поѣздовъ по этой вѣткѣ» **). Корресподентъ оффиціальнаго «Кавказа», осматривая тѣ части города, гдѣ главнымъ образомъ, происходили событія, увидѣлъ какія-то непонятныя ему «надписи мѣломъ и углемъ на стѣнахъ многихъ изъ домовъ, магазиновъ и лавокъ на Шемахинской, Кубинской и прилегающихъ улицахъ». Какъ оказалось, надписи «сдѣланы на татарскомъ языкѣ и означаютъ, что домъ, магазинъ и лавка принадлежатъ мусульманину, армянину, русскому, грузину и т. д.». Помѣтки были сдѣланы мусульманами «частью еще 6-го февраля» и для того, чтобы «мусульмане, рѣшившіе устроить погромъ, въ особенности пріѣзжіе изъ деревни, знали, какіе дома и магазины принадлежатъ армянамъ, чтобы громить и поджигать ихъ».

«Оружіе персамъ раздавалось ихъ соплеменниками открыто. Въ трехъ мѣстахъ были склады. У Багировскаго сквера, вблизи «Дворцовыхъ номеровъ» раздавалъ оружіе богачъ Тагіевъ (однофамилецъ съ владѣльцемъ театра).

«Такіе же склады были на Шемахинской улицѣ и на Кубинскомъ майданѣ. Фамиліи этихъ персовъ разсказчикъ не запомнилъ.

«Главнымъ образомъ раздавались огромные, многозарядные револьверы, бившіе на пролетъ на значительное разстояніе.

«У вокзала, по указанію армянъ, были остановлены 4 водовозныя бочки съ оружіемъ.

«Но приставленный къ нимъ полицейскій нарядъ не въ силахъ былъ охранить ихъ и оружіе было растаскано персами тутъ же на глазахъ въ нѣсколько минутъ» ***).

Очень значительно и слѣдующее наблюденіе очевидца:

«Въ другомъ мѣстѣ собралась другая толпа, болѣе многочисленная; видны и лица русскихъ рабочихъ. Здѣсь рѣчь держитъ пожилой русскій, съ сѣдой окладистой бородой, съ краснымъ носомъ, въ формѣ желѣзнодорожнаго служащаго по службѣ движенія. Онъ свою рѣчь больше обращаетъ къ присутствующимъ русскимъ. «Надо поднять и русское населеніе. Надо возбудить и русскихъ рабочихъ. Шутка сказать, сколько горя армяне причиняютъ намъ. Отъ нихъ нѣтъ прохода. Просто завладѣли городомъ—да баста. Они хотятъ устроить свое армянское царство. Надо соединиться съ мусульманами, надо дѣйствовать съ ними заодно и вырѣзать армянъ»... «Знаете, что, ребята, — окончилъ ораторъ, нѣсколько таинственно понизивъ голосъ,—надо убивать купцовъ, грабить магазины, говорятъ, что полиція намъ не будетъ мѣшать» ****).

*) „Бак. Изв.“ отъ 2-го марта.
**) „Русское Слово“ отъ 22-го февраля.
***) „Самаркандъ“, отъ 16-го февр.
****) „Прив. Край“, отъ 15-го февр.

Кому и для чего нужна была эта организація, нельзя установить по тѣмъ даннымъ, какими располагаетъ подцензурная пресса. Одно только можно считать почти рѣшеннымъ. Многочисленныя свидѣтельства говорятъ противъ существованія національной и экономической вражды между татарами и армянами. Резолюціи собранія бакинскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, послѣдняго засѣданія XX-го съѣзда бакинскихъ нефтепромышленниковъ, банкетовъ армянъ и мусульманъ (участвовало до трехъ тысячъ человѣкъ),—всѣ рѣзко отвергаютъ мысль о племенной розни. Это же подтверждаетъ масса писемъ въ редакцію «Бак. Изв.» и «Каспія», въ которыхъ армяне выражаютъ благодарность своимъ спасителямъ и защитникамъ—татарамъ.

«Только 10-го февраля, около 11 ч. утра, пишутъ «Бак. Изв.» (№ отъ 13-го февр.), послѣ настойчивыхъ попытокъ со стороны частныхъ лицъ, удалось добиться провожатыхъ, которые конвоировали депутатовъ-примирителей на квартиру губернатора».

Послѣ этого наступило торжество примиренія.

«По улицамъ расхаживала армянская и персидская музыка, подъ звуки которой одинъ солдатъ армянинъ и персіянинъ танцевали лезгинку, кричали ура! пожимали другъ другу руки, одинъ персіянинъ танцевалъ и надъ головой держалъ пятирублевую бумажку, потомъ бросилъ ее на землю и растопталъ. Все это происходило въ то время, когда много труповъ было еще не убрано съ улицы» *).

По словамъ корреспондента «Кавказа»:

«Прокурорскимъ надзоромъ по 18-е февраля включительно зарегистровано 202 убитыхъ, въ томъ числѣ 155 армянъ, 25 мусульманъ, 7 русскихъ (въ томъ числѣ 2 женщины), а остальные другихъ національностей. Въ больницѣ и амбулаторіяхъ и практикующими врачами оказана помощь 159 раненымъ, въ томъ числѣ было 75 армянъ, 41 мусульманинъ, 24 русскихъ и остальные другихъ національностей. О числѣ сгорѣвшихъ людей въ подожженныхъ домахъ точныхъ свѣдѣній еще не имѣется».

Какъ это могло случиться?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ, можетъ быть, не слѣдуетъ упускать изъ виду исторической справки, приведенной въ «Приволж. Краѣ». Еще въ прошломъ году, послѣ таинственной бомбы на Парапетѣ, въ народѣ стали обращаться безграмотныя, написанныя ломанымъ (поддѣлка подъ татарскій говоръ) русскимъ языкомъ «прокламаціи», въ которыхъ «группа мусульманъ» приглашала вырѣзать всѣхъ армянъ и евреевъ.

«Послѣ этихъ листковъ нѣсколько разъ, по народной молвѣ, назначались сроки «избіенія армянъ» и однажды, когда слухи особенно настойчиво указывали ближайшій праздничный день рѣзни—появилось отъ мѣстной организаціи успокоительное оповѣщеніе. Въ немъ говорилось, что въ этотъ день изъ среды сознательныхъ и организованныхъ рабочихъ образуются отряды защиты армянъ. Далѣе мусульманамъ разъяснялась вся лживость слуховъ о бомбахъ,

*) „Самаркандъ" („Изъ частнаго письма"), отъ 16-го февр.

разъяснялось, что дѣло совсѣмъ не въ армянахъ и евреяхъ. Наконецъ, даже организація указывала на одно довольно радикальное средство, къ которому, въ случаѣ избіенія, она будетъ вынуждена прибѣгнуть... Всякій изъ имѣющихъ возможность предупредить это дикое и варварское преступленіе при началѣ погрома будетъ считаться «внѣ закона», какъ попуститель и сообщникъ преступленія... Но ихъ покараютъ уже не громилы, а комиссары организаціи.

«Прошлый годъ почему-то погрома не было, да въ него серьезно никто и не вѣрилъ ..

«И теперь приходится читать о «безсиліи полиціи и войскъ».

«Какъ могло это случиться?» *).

* * *

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было напечатано слѣдующее сообщеніе:

«12-го февраля въ Курскѣ толпа учениковъ мѣстной классической гимназіи, числомъ до 150 человѣкъ, оставивъ около полудня гимназію, пыталась насильственно прекратить занятія въ реальномъ училищѣ и учительской семинаріи и школѣ учительницъ фонъ-Рутценъ, причемъ выбила въ нижнемъ этажѣ реальнаго училища окна, чрезъ которыя изъ толпы переданы были реалистамъ бутылки съ зловонною жидкостью. Поддержанные затѣмъ нѣкоторыми учениками учительской семинаріи и землемѣрного училища, гимназисты подошли съ тѣми же требованіями къ зданію женской гимнизіи. Послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній мѣстной полиціи, вызывавшихъ лишь крики и свистки, полиція приняла мѣры къ очищенію мѣста предъ зданіемъ женской гимназіи».

Какъ происходило очищеніе мѣста, мы сообщаемъ по болѣе подробнымъ свѣдѣніямъ очевидцевъ. Одни изъ гимназистовъ, участвовавшихъ въ шествіи, указываетъ (какъ, впрочемъ, и всѣ прочіе свидѣтели), что они «шли самымъ тихимъ образомъ». Толпу воспитанниковъ все время сопровождала полиція и ученики школы сельскихъ стражниковъ, учрежденной при мѣстномъ полицейскомъ управленіи, «толпа разныхъ мужиковъ въ полушубкахъ, человѣкъ въ 50—70», по опредѣленію автора письма въ «Рус. Вѣдомости». «Остановившись около 1 женской гимназіи,—повѣствуетъ дальше тотъ же гимназистъ, разсказъ котораго мы заимствуемъ изъ фельетона г. Шебуева въ «Руси»,—мы, какъ около всѣхъ учебныхъ заведеній, стояли молча. Вдругъ раздалась команда пристава г. Пузанова къ черной сотнѣ:

«— Резервъ бей»!

А далѣе нашъ полицеймейстеръ Заринъ скомандовалъ казакамъ:

«Лупи ихъ, мерзавцевъ!» (дальше слѣдуетъ непечатная брань) и разъяренная черная масса и сдерживаемыя лошади казаковъ бросились съ гикомъ на толпу учащихся; казаки били плетьми, даже шашками направо и налѣво. Я былъ въ той толпѣ, которая бросилась въ двери библіотеки, но двери, къ великому сожалѣнію, были заперты. Толпа все прибывала и прибывала; казаки въѣзжали прямо въ сѣни библіотеки и тутъ продолжали избіеніе.

---

*) „Письмо изъ Баку“ „Приволж. Край“ отъ 16-го февр.

Наконецъ, двери отъ напора поддались и мы почти всѣ влетѣли въ библіотеку».

Другой гимназистъ, котораго били на мѣстѣ, а затѣмъ повезли въ участокъ, разсказываетъ, что «по дорогѣ въ участокъ меня били безостановочно ѣхавшіе со мною полицейскіе кулаками между животомъ и грудью. При всякомъ такомъ ударѣ полицейскаго у меня захватывало дыханіе». («Русь»).

С. А. Кауфманъ нарисовалъ г. Шебуеву слѣдующую картину:

«Я была очевидцемъ слѣдующаго варварскаго поступка со стороны полиціи. Одинъ изъ полицейскихъ схватилъ небольшого гимназиста, приблизительно класса 4-го, повалилъ его въ канавку и тутъ пошла дикая расправа, произведшая на всѣхъ ужасное впечатлѣніе. Человѣкъ 5 стражниковъ начали бить его ногами по груди и лицу и т. д. Онъ былъ такъ страшно избитъ, что былъ не въ состояніи подняться и его искалѣченнымъ повезли въ участокъ».

«Бьютъ учениковъ по лицу и куда попало. Тѣ подъ ударами падаютъ на землю, ихъ поднимаютъ за волосы и ударами опять сшибаютъ съ ногъ, топчутъ ногами (пудовыми мужицкими сапожищами). Одного гимназиста, 11-ти лѣтъ, уже сбитаго съ ногъ, стражникъ схватываетъ за волосы и бьетъ головой о мостовую. Происходитъ невѣроятная сцена. Многіе избиты до полусмерти. Спасаться некуда. Пробовали спасаться въ подъѣздъ Семеновской библіотеки, но здѣсь стоялъ приставъ и отшвыривалъ всѣхъ мальчугановъ, искавшихъ тамъ убѣжища, причемъ одинъ изъ брошенныхъ имъ мальчиковъ попалъ подъ лошадь коннаго городоваго и получилъ сильныя поврежденія головы. Убѣгающихъ били нагайками. Одинъ околоточный надзиратель обнаженной шашкой разрубилъ одному гимназисту лицо, другому—пальто. Всего описать невозможно. Когда возмущенная публика обратилась къ жандармскому полковнику Вельку, стоявшему въ числѣ зрителей, съ просьбой прекратить побоище своимъ авторитетнымъ словомъ, тотъ хладнокровно отвѣчалъ: «Господа, вы знаете,—я человѣкъ мирный и ничѣмъ помочь не могу». («Рус. Вѣд.»).

«Безпорядки по словамъ «Правительственнаго Вѣстника», вызвали среди мѣстныхъ обывателей простого класса серьезное озлобленіе какъ противъ учащейся молодежи, такъ и противъ лицъ, подстрекавшихъ ее и критиковавшихъ дѣйствія полиціи по водворенію порядка. Чинамъ полиціи приходилось самимъ принимать мѣры къ предупрежденію возможныхъ насилій со стороны обывателей и только благодаря вмѣшательству полицейскихъ чиновъ были спасены отъ такой самовольной расправы два лица военнаго сословія и одинъ служащій въ мѣстной казенной палатѣ, отчасти все-таки пострадавшіе. Тѣмъ не менѣе близъ базара обывателями были нанесены побои нѣсколькимъ ученикамъ землемѣрнаго училища, разбившимъ окно въ магазинѣ».

Авторъ письма, напечатаннаго въ «Рус. Вѣд.», разсказываетъ то, что онъ самъ видѣлъ на Красной площади, гдѣ находятся красные и рыбные ряды, мясныя лавки и къ которой примыкаетъ бааръ и толкучій рынокъ. «Здѣсь, пишетъ онъ, на помощь полиціи высыпали очевидно заранѣе организованные

ею мясники, краснорядцы, мелкіе лавочники и всякій базарный сбродъ. Этимъ сбродомъ избивались уже не толпы и группы воспитанниковъ, а каждый проходившій мимо ученикъ. Здѣсь смертельно были избиты одинъ землемѣръ и одинъ студентъ. Послѣдняго въ безчувственномъ состояніи унесли на носилкахъ. Говорятъ, онъ уже умеръ. Заступаться за избиваемыхъ не было возможности. Когда прапорщикъ запаса, бывшій преподаватель реальнаго училища, вступился за избиваемаго ученика, въ толпѣ поднялся угрожающій крикъ и бросились-было и на него. Онъ спасся только тѣмъ, что началъ разстегивать кобуру револьвера, котораго впрочемъ тамъ не было, и толпа отхлынула. Секретарь казенной палаты обратился къ Приставу I-й части Пузанову, чтобы тотъ прекратилъ безобразія. Пузановъ отвѣчалъ: «Вы видите, что избиваетъ не полиція, а простой народъ, защищая Царя, а вотъ ты стоишь за Гапона!» И на секретаря посыпались удары. Вся площадь была запружена народомъ. То здѣсь, то тамъ вдругъ толпами перекатывался крикъ: «Бей ихъ! Бей! Ура!»,—и то здѣсь, то тамъ кого-нибудь избивали. Полиція все время не препятствовала этимъ избіеніямъ. Но за-то, когда кучка интеллигенціи пыталась протестовать противъ этихъ избіеній, сейчасъ же раздались предупреждающіе крики приставовъ: «Господа, расходитесь! Прошу разойтись»,—и публику оттѣсняли конные стражники. Что черная сотня была организована полиціей, нѣтъ никакого сомнѣнія. Когда вечеромъ избиватели расходились съ мѣста побоища, они громко похвалялись: «Вотъ бы и завтра такъ славно поработать: и водкой угостили, и по рублю заплатили!». Группа очевидцевъ слышала, какъ одинъ приставъ или помощникъ пристава Алексѣевъ благодарилъ толпу: «Спасибо, братцы: толчокъ (толкучка) выручилъ».

Городская управа представила въ засѣданіи думы 14-го февраля докладъ объ этомъ событіи, но дойдя въ своемъ изложеніи до момента, послѣдовавшаго за возгласомъ «Резервъ, бей!»—ограничилась только словами: «тутъ произошло нѣчто такое безобразное и отвратительное, что управа отказывается передавать о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ». Несмотря на всѣ старанія выяснить себѣ причины, вызвавшія дикую расправу съ дѣтьми, городская управа «не знаетъ ни одного дѣйствія со стороны учащихся, которое давало бы поводъ полиціи съ такой ничѣмъ не оправдываемой жестокостью напасть на беззащитныхъ дѣтей»... Письмо, напечатанное въ «Рус. Вѣд.» вызвало опроверженіе со стороны губернатора, въ которомъ между прочимъ говорится: «Въ цѣляхъ установленія истины и прекращенія усиленно распространившихся преувеличенныхъ толковъ, мной 12-го же февраля было поручено вице-губернатору дознаніе по этому дѣлу при участіи курскаго прокурора, по назначенію прокурора харьковской судебной палаты, который 18-го февраля лично наблюдалъ за дознаніемъ. По вызову заявлено потерпѣвшихъ 17 лицъ; у трехъ освидѣтельствованныхъ не оказалось никакихъ поврежденій; у двухъ незначительныя царапины; остальные 12 выѣхали изъ города вслѣдствіе временнаго прекращенія занятій».

Между тѣмъ какъ по словамъ г-жи фонъ-Рутценъ, сдѣлавшей въ Москвѣ, въ засѣданіи педагогическаго общества 23-го февраля, докладъ о курскомъ

событіи, «пострадавшихъ много, но они неохотно о томъ заявляютъ, потому что боятся наказанія, за исключеніемъ только получившихъ какія-либо наружныя увѣчья. По той же причинѣ и въ коммиссію присяжныхъ повѣренныхъ, взявшихъ на себя разслѣдованіе этого дѣла, заявленій отъ пострадавшихъ не поступало» (Рус. Вѣд.»).

Г-жа фонъ-Рутценъ разсказывала, что многихъ дѣтей спасло отъ искалѣченія энергичное вмѣшательство публики, особенно бывшихъ среди нея прапорщиковъ запаса. И она утверждаетъ, что «въ уличныхъ побоищахъ принимали участіе еще краснорядскіе мясники, которые, согласно твердому убѣжденію мѣстнаго населенія, были настроены полиціей, обѣщавшей имъ даже плату по одному рублю на человѣка (но потомъ заплатившей только по 50 коп.)». Курская полиція, по ея словамъ, давно уже готовила избіеніе учащихся и, вообще, демонстрантовъ.

«Такъ, въ началѣ декабря прошлаго года, когда долженъ былъ состояться отмѣненный впрочемъ полиціей банкетъ, изъ сосѣдней казачьей слободы были вызваны крестьяне, вооруженные дубинами. На одной изъ окрайныхъ улицъ такихъ людей съ дубинами было насчитано до 80 человѣкъ. По словамъ лицъ, имѣвшихъ съ ними разговоръ, этимъ людямъ было внушено бить демонстрантовъ почему попало... Въ виду упомянутаго выше отношенія къ уличнымъ избіеніямъ прапорщиковъ запаса и вообще военныхъ полиція признала мѣстныя войска ненадежными себѣ помощниками, и потому полкъ былъ вызванъ изъ Харькова. Сообщеніе «Правительственнаго Вѣстника» о томъ, что гимназисты были вооружены, не соотвѣтствуетъ истинѣ, такъ какъ молодежь была совершенно безоружна, и только въ одномъ случаѣ гимназистъ ударилъ хлыстомъ лошадь одного изъ конныхъ полицейскихъ» («Рус. Вѣд.»).

Вечеромъ 12-го февраля состоялись экстренныя собранія въ думѣ и общественномъ клубѣ. Здѣсь выслушивались показанія очевидцевъ, и резолюціей собранія постановлено было послать по телеграфу министру внутреннихъ дѣлъ жалобу на дѣйствія полиціи, передать прокурору протестъ родителей и послать его по телеграфу министру юстиціи и копію министру внутреннихъ дѣлъ. «Члены общественнаго клуба постановили передать на общее собраніе членовъ предложеніе объ исключеніе членовъ клуба: жандармскаго полковника Велька, полицеймейстера Зарина, помощника его Макаревича и приставовъ Байкова и Пузанова. Всѣ резолюціи были покрыты массой подписей. Послѣ этого собраніе мирно разошлось. Во 2-мъ часу ночи въ клубъ явился членъ его жандармскій полковникъ Велькъ. Одинъ знакомый встрѣтилъ его въ залѣ привѣтствіемъ: «Поздравляю васъ, полковникъ!»—«Съ чѣмъ?»—«Съ исключеніемъ изъ членовъ клуба». Тотъ измѣнился въ лицѣ, молча повернулся и удалился изъ клуба» («Рус. Вѣд.»).

Мирный инцидентъ съ «мирнымъ человѣкомъ» послѣ «мирно» разошедшагося собранія закончилъ день 12-го февраля въ Курскѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что дѣйствія курскаго «резерва» произвели впечатлѣніе даже на екатеринославскую полицію. Въ «Придн. Краѣ» напечатанъ протестъ приставовъ полицейскихъ частей г. Екатеринослава, посланный приставу 1-ой части г. Курска:

«Прочитавъ въ газетѣ «Вѣстникъ Юга», въ № 860, отъ 21-го февраля, о дѣйствіяхъ курской городской полиціи по прекращенію уличной демонстраціи 12-го февраля, гдѣ преобладала учащаяся молодежь, мы находимъ, что курская полиція забыла Бога, законъ и права, отнесясь вполнѣ нечеловѣчно къ дѣтямъ, которыя не въ состояніи еще анализировать свои чувства и подчинить свои поступки контролю разума и совѣсти. Относя все это къ печальнымъ результатамъ дѣятельности частныхъ начальниковъ—приставовъ, мы, екатеринославскіе городскіе пристава, выражаемъ курскимъ городскимъ приставамъ, съ сожалѣніемъ, полное наше порицаніе. Вмѣстѣ съ симъ, не вполнѣ довѣряя газетному сообщенію, не теряемъ надежды, что курскіе пристава реабилитируютъ себя путемъ печати».

На этотъ протестъ послѣдовалъ приказъ екатеринославскаго губернатора, который приведенъ выше (см. стр. 31).

Мы укажемъ здѣсь на тѣ немногочисленные лестные случаи, когда создается видимость борьбы мнѣній...

* * *

Въ этого рода фактахъ, прежде всего, заслуживаетъ вниманія чрезвычайно длинное «Обращеніе главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ Чернаго моря къ мастеровымъ Севастопольскаго адмиралтейства, сказанное 12 и 15 января 1905 года». За недостаткомъ мѣста мы можемъ привести только небольшія извлеченія изъ текста, напечатаннаго въ «Севастопольскомъ Вѣстникѣ».

Ораторъ начинаетъ съ харастеристики «учителей» производящихъ смуту: «Они думаютъ, что стоитъ только прочесть нѣсколько книжекъ и потомъ взятыя изъ нихъ какія-нибудь фразы на прокатъ пустить въ обращеніе и дѣло сдѣлано,—міръ переродится, условія жизни перемѣнятся—и все, по щучьему велѣнію, приметъ другой видъ: вмѣсто хатъ у всѣхъ будутъ дворцы, а вмѣсто тяжелаго труда люди будутъ только наслаждаться по трактирамъ». Итакъ, суть учительской проповѣди сводится, по мнѣнію оратора, къ требованію—«дворцовъ и трактировъ». А то, что мы теперь переживаемъ, есть «нравственная и умственная, страшно заразительная болѣзнь. Вамъ можетъ быть не извѣстно, что такія болѣзни существуютъ и что они безусловно заразительны, иногда даже принимаютъ форму моментальнаго помѣшательства цѣлой толпы людей».

Обращаясь затѣмъ къ детальному разбору пунктовъ «моментальго помѣшательства», ораторъ начинаетъ съ «правового порядка». «На западѣ,—говоритъ онъ, существуетъ такъ называемый правовой порядокъ, т.-е. на все есть свое право и всякое право ограждено закономъ. Но знаютъ ли ваши учителя, какъ ограждается и поддерживается этотъ правовый порядокъ? Онъ ограждается такой полицейской властью, о которой у насъ не имѣютъ и понятія. О нарушеніи закона тамъ и думать нельзя и разгильдяйствовать по нашему тоже нельзя; тамъ на улицѣ не заорешь и съ полицейскимъ въ драку не вступишь».

Переходя къ экономическимъ пунктамъ «помѣшательства», ораторъ въ центрѣ своего критическаго анализа ставитъ слѣдующее положеніе:

«Деньги—это квитанція, что такой то человѣкъ работалъ и произвелъ извѣстное количество труда, которое условно замѣняется денежными знаками, чтобъ была бы возможность однимъ людямъ обмѣниваться произведеніями своихъ трудовъ съ другими.

«Ясно, ежели вы будете работать менѣе, а за свой уменьшенный трудъ требовать прежнее количество труда другихъ людей, то тѣмъ это будетъ невыгодно и даже невозможно выполнить».

Далѣе авторъ «Обращенія» не преминулъ разъяснить значеніе внѣшнихъ враговъ и, посвятилъ конецъ своей рѣчи извѣстнымъ петербургскимъ событіямъ. Всѣ пункты помѣшательства при освѣщеніи разума, конечно, разрушены. Но какъ же быть не помѣшанными?

«Въ такихъ случаяхъ волей-неволей, противъ всякаго желанія, часто, съ душевной скорбью, власть прибѣгаетъ къ ужасу, чтобъ ужасъ смерти образумилъ толпу, возвратилъ ее съ пути помѣшательства и потери разума къ обыденной жизни. Эта страшная сила, сила оружія, приведена была въ дѣйствіе какъ неизбѣжное зло, безъ котораго зло, причиняемое потерявшей разумъ толпой, можетъ дойти до такихъ размѣровъ, который приведетъ въ ужасъ всякаго человѣка; когда погибнутъ тысячи людей и погибнетъ на многіе милліоны имущество. Разумъ требуетъ употреблять въ такихъ случаяхъ оружіе; оно употребляется во всякихъ странахъ свѣта. Результатъ употребленія оружія, слава Богу, былъ сравнительно съ возможнымъ зломъ незначительный, но все-таки четыреста человѣкъ поплатились жизнью или ранами»...

* * *

Менѣе стройную цѣпь аргументовъ, но все же рѣчь направленную сперва къ уму, а не къ кулаку, находимъ мы въ нижеслѣдующихъ воззваніяхъ.

Въ «Воронежскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» напечатано «Воззваніе къ товарищамъ» (цитируемъ по «Сыну Отеч.»). Начинается оно такъ:

«Товарищи! Наши истинные настоящіе товарищи только именно рабочіе, мастеровые и ремесленники, но отнюдь не студенты, называющіе себя демократами; поймите, братцы, что можетъ быть общаго между нами, рабочими, и разнузданными студентами; мы—люди труда; они—люди вольнодумства и разгула, мы хлѣбъ зарабатываемъ своимъ трудомъ и ремесломъ по Божьему изволенію, перекрестясь, а эти, называющіе себя демократами, отбиваются отъ родныхъ семей и являются только тяготой для Россіи и народа; за то только что они согласятся надѣть тужурку, ихъ учатъ почти даромъ, даютъ имъ даровыя квартиры, общежитія и кормежка даромъ, живутъ на волѣ, такъ чего же имъ еще нужно?»

«Долой внутреннихъ враговъ», заканчивается воззваніе, составленное «русскими фабрично-заводскими рабочими, помнящими святой долгъ предъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ».

Въ одномъ изъ воззваній, доставленныхъ «Праву» изъ Могилева (отпечатанныхъ въ губернской типографіи), подъ названіемъ «Бесѣда съ народомъ» рѣчь течетъ тихой, журчащей струей. «Не бунтовать, не слушаться дурныхъ

людей, которые васъ подстрекаютъ на вашу же собственную погибель. Дурного человѣка всегда можно отличить отъ хорошаго; хотя и бываютъ волки въ овечьей шкурѣ, но отличить все-таки можно... Не дѣлайте правительству затрудненій, не причиняйте лишнихъ хлопотъ: у него ихъ и такъ много. Не заставляйте вызывать вооруженную силу, солдатъ для усмиренія. Солдатскіе штыки нужны противъ врага, а не противъ своихъ». Такъ тихо, смирно и благородно течетъ «бесѣда съ народомъ»...

Совсѣмъ иначе звучитъ, бодрыми интонаціями дипломатическая нота, полученная саратовскимъ прис. пов. Токарскимъ. Въ письмѣ въ редакцію «Приволжскаго Края» онъ заявляетъ:

«Въ мое отсутствіе изъ Саратова на мое имя съ адресомъ не на квартиру, а на окружный судъ, получено постановленіе, отбитое на ремингтонѣ, слѣдующаго содержанія: «Комитетъ саратовскихъ монархистовъ постановилъ: что если вами еще на какомъ либо изъ банкетовъ будутъ произнесены анти-правительственныя рѣчи, то противъ васъ немедленно будутъ приняты тѣ же мѣры, которыя вами въ послѣднее время примѣняются къ правительственнымъ лицамъ».

И, наконецъ, трубный звукъ мы слышимъ въ проповѣди священника Орлова, произнесшаго, по словамъ «Недѣли», своимъ прихожанамъ въ Борисоглѣбскѣ такое «Слово»:

«Православные христіане! Мы сдѣлаемъ подвигъ, если будемъ предавать этихъ лжеучителей. За это вы получите отъ святѣйшаго синода полное отпущеніе грѣховъ. Вы знаете, что святѣйшій синодъ состоитъ изъ собранія епископовъ, и что властью данной ему св. апостоломъ Петромъ, онъ можетъ отпускать грѣхи.

«Братіе! Дайте мнѣ слово, что вы будете выдавать вашихъ подстрекателей начальству. Подымите руку и поклянитесь передъ крестомъ Господа нашего Іисуса Христа въ томъ, что вы будете выдавать подстрекателей вашихъ начальству. Въ противномъ случаѣ я не допущу васъ къ кресту».

Было ли по слову священника Орлова, см. хронику побоищъ.

* *
*

Въ заключеніе укажемъ на тѣ шаги, какіе предприняли обыватели въ виду происходившихъ событій въ разныхъ городахъ. Вѣрнѣе, это еще не шаги, но только еще ясно сознанная необходимость въ опредѣленномъ отвѣтѣ на проповѣдь насилій и дѣйствія «черной сотни».

Въ новороссійскую городскую думу за подписью 30-ти жителей города подано заявленіе, вызванное недавними побоищами въ Баку, Курскѣ и т. д. и «носящимися упорно по городу слухами, что въ Новороссійскѣ какими-то лицами организуется черная сотня».

«Заявители полагаютъ, что защита согражданъ составляетъ нравственную обязанность представителей города, которые «обязаны употребить всѣ средства для того, чтобы оградить жителей и ихъ дѣтей отъ варѳоломеевскихъ вакханалій и полиціи, и черной сотни». Въ виду того, что «надѣяться можно только на самозащиту», авторы заявленія просятъ думу вызвать охотниковъ

для охраны беззащитныхъ обывателей въ городѣ, образовать изъ нихъ вольную дружину, ассигновать 3 — 5 тысячъ руб. на покупку оружія для дружины или устроить подписку для этой цѣли. Въ заключеніе же заявители предлагаютъ «пока остановить выдачу денегъ на содержаніе полиціи, которая, какъ теперь выяснилось изъ газетъ, больше не служитъ защитой мѣстныхъ жителей» («Рус. Вѣд.»).

Въ «Коммерческой Россіи» напечатано письмо «Къ вопросу о сохраненіи порядка въ г. Одессѣ»:

«Пусть разъ навсегда потеряютъ надежду разжигатели національныхъ и религіозныхъ страстей въ томъ, что рабочіе станутъ слѣпымъ орудіемъ ихъ низкихъ безчеловѣчныхъ плановъ! Тарасенко горячо протестуетъ отъ имени всего одесскаго рабочаго сословія, среди котораго ему приходится жить и дѣйствовать, противъ приписываемаго рабочимъ влеченія къ насиліямъ, погромамъ, оскорбленіямъ вѣры, обычаевъ, религій народовъ, съ которыми живутъ! Рабочіе станутъ суровыми стражами порядка и спокойствія, будутъ добиваться мирнымъ путемъ разрѣшенія сложнаго вопроса — окончательнаго освобожденія труда отъ капиталистическаго вліянія».

Наконецъ, сильная отповѣдь организаторамъ избіенія интеллигенціи дана въ письмѣ харьковскихъ рабочихъ, напечатанномъ въ «Харьковскомъ Листкѣ».

«По городу Харькову распространяются воззванія съ призывомъ избивать интеллигентныхъ людей, посылаются угрожающія письма къ наиболѣе уважаемымъ лицамъ изъ интеллигенціи, какъ-то: присяжному повѣренному Е. И. Раппъ, профессору Гиршману... Мы, рабочіе, этимъ письмомъ заявляемъ, что гдѣ угодно, но только не въ нашей средѣ этотъ дикій призывъ встрѣтитъ сочувственный пріемъ. Если и можно говорить о розни между рабочими и интеллигенціей, то она получилась благодаря условіямъ общественной жизни. Но эта рознь отнюдь не глубока. Мы всѣ желаемъ блага родинѣ. Но нашъ голосъ о пониманіи этого блага, благодаря общей безгласности, не былъ слышенъ и мы не имѣли возможности какъ слѣдуетъ столковаться. Но заслуги лучшей части интеллигенціи мы не можемъ отрицать и тѣмъ болѣе не цѣнить, что уже и выразилъ на страницахъ вашей газеты товарищъ Куликовъ. Кромѣ того, рабочіе выросли настолько, что уже не считаютъ кулачную расправу способной кого-либо убѣдить и тѣмъ болѣе примѣнять ее къ своимъ доброжелателямъ. Напротивъ, мы готовы своими руками защитить ихъ отъ злобныхъ выходокъ нашихъ общихъ недоброжелателей и заявляемъ, что если будетъ допущено какое-либо покушеніе на безопасность уважаемыхъ нами людей, мы сами установимъ охрану ихъ. Надѣемся, что наше мнѣніе раздѣляется и всѣми рабочими города Харькова».

Письмо это покрыто 70-ю подписями.

І. Ларскій.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ МЕЧТАНІЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Когда къ началу текущаго столѣтія студенческія волненія въ Россіи стали хроническими, то министерство народнаго просвѣщенія въ своихъ изысканіяхъ о причинахъ столь непонятнаго для него явленія наткнулось, между прочимъ, и на мрачный и дотолѣ запретный вопросъ о средней школѣ.

Главный виновникъ студенческихъ волненій все какъ-то ускользалъ изъ рукъ бдительнаго начальства. Въ качествѣ обвиняемыхъ фигурировали раньше и «посторонніе» революціонеры-подстрекатели и агенты иностранныхъ державъ и профессора, но всѣ они въ концѣ концовъ были по суду оправданы, хотя и остались подъ сильнымъ подозрѣніемъ въ укрывательствѣ.

Положеніе изыскателей было поистинѣ трагическое: начальствомъ приказано изловить преступника и прекратить студенческія волненія, а преступникъ не только не изловленъ, но даже и личность его не установлена, безпорядки же въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ каждымъ годомъ все усиливаются.

«Смотри въ корень», сказалъ Козьма Прутковъ. Въ корнѣ министерство узрѣло давно уже, казалось, покончениую имъ среднюю школу. А не здѣсь ли укрывается преступникъ? На этотъ разъ начальство оказалось болѣе счастливымъ: въ системѣ графа Толстого былъ найденъ если не самый главный злодѣй, то все же одинъ изъ наиболѣе важныхъ его пособниковъ...

Настала кратковременная эпоха «сердечнаго попеченія». Русская литература и общество воспользовались этой эпохой и дали волю накопившемуся въ нихъ негодованію. Средняя школа, давно уже потерявшая всякій престижъ и уваженіе среди нашего общества, давно ставшая ненавистной не только подросткамъ, но и взрослымъ, была предана гласному суду.

Въ теченіе цѣлаго года на страницахъ журналовъ и газетъ разбирались грѣхи и преступленія толстовской школы, калѣчившей русское юношество въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ. «Міръ Божій» велъ кампанію въ первыхъ рядахъ.

За четыре года смѣнилось три министра народнаго просвѣщснія. Эпоха «сердечнаго попеченія» какъ-то растаяла подъ вліяніемъ нѣсколькихъ министерскихъ циркуляровъ. Затѣмъ всѣ отдѣльные «проклятые» вопросы потонули въ потокахъ крови японской войны и въ волненіяхъ внутренней «смуты».

Но чѣмъ бы ни разрѣшилась эта война и смута, все же толстовская средняя школа разрушена навсегда. Однимъ изъ симптомовъ ея гибели является, между прочимъ, и то, что самыя основы ея начинають подвергаться критикѣ и со стороны оффиціальныхъ педагоговъ. Русскій педагогъ замечталъ и «во снѣ вольнаго педагога увидѣлъ». Это—фактъ знаменательный.

Передъ нами нѣсколько образцовъ такихъ педагогическихъ критикъ и мечтаній. Начнемъ съ самой умѣренной и потому по справедливости остановимся на брошюрѣ г. *Дорофеева.* «Къ вопросу о реформѣ средней школы».

Этотъ, видимо, немолодой и опытный педагогъ,—не только не «карбонарій», но даже по отношенію къ начальству настроенный настолько почтительно,

что предлагаетъ труды педагогическихъ обществъ и съѣздовъ, «по одобреніи окружнымъ начальствомъ» посылать еще «на утвержденіе ученаго комитета»,— все же рѣшается утверждать, что «бѣдность содержанія умственной жизни учащихся, скудость благотворныхъ впечатлѣній, которыя они получали въ школѣ для своего нравственнаго и эстетическаго развитія и всѣ печальныя послѣдствія всего этого—были въ большой степени результатомъ самаго строя школы, чѣмъ тѣхъ или другихъ качествъ педагоговъ, на которыхъ въ печати посыпались, какъ изъ рога изобилія, всякіе упреки и нареканія, когда пошатнулась самая система».

Напрасно жалуется г. Дорофеевъ на несправедливость журналистовъ; видимо, онъ не досмотрѣлъ: въ эпоху «сердечнаго попеченія» досталось въ печати педагогамъ, это точно, но «системѣ» все же несравненно больше. Мы вполнѣ согласны съ г. Дорофеевымъ и не разъ указывали, что «педагоги— люди и чиновники» и «какъ всѣ чиновники, они обязаны безпрекословно исполнять требованія закона и начальства и имѣютъ склонность стремиться преуспѣвать по службѣ», мы только прибавляли, что въ этомъ, выражаясь мягко, и есть одинъ изъ главныхъ грѣховъ системы графа Толстого и что наши педагоги поэтому то и должны называться не педагогами, а самыми ужасными чиновниками, калѣчившими и тѣло и душу цѣлаго ряда поколѣній.

Г. Дорофеевъ скажетъ, что и педагоги сами были искалѣчены. Это правда, но нельзя же говорить, что они невиновны, такъ какъ тогда пришлось бы самое слово «вина» вычеркнуть изъ нашего словаря за ненадобностью. Они виноваты тѣмъ, что шли въ педагоги и оставались ими «имѣя склонность стремиться преуспѣвать по службѣ». Съ подобной «склонностью» можно было бы найти все же менѣе вредную дѣятельность въ другихъ министерствахъ россійской имперіи. Не та же ли склонность заставляетъ г. Дорофеева утверждать, что «существованіе ученическихъ библіотекъ, уроки рисованія и чистописанія» являются свидѣтельствомъ того, что «министерство народнаго просвѣщенія и гг. попечители учебныхъ округовъ признавали важность и необходимость нравственнаго и эстетическаго развитія учащихся». Если это не «склонность», то ужъ слишкомъ тонкая иронія.

Какъ видитъ читатель, почтенный педагогъ—далеко не рѣзкій обличитель и все же онъ не считаетъ цѣлесообразнымъ полное исключеніе изъ школы циркуляромъ министерства народнаго просвѣщенія произведеній Л. Толстого и Ѳ. Достоевскаго, какъ «твореній неумолимо строгихъ и мучительно зоркихъ судей нашей совѣсти». Видимо, излишняя «зоркость судей нашей совѣсти» не нравится чиновникамъ министерства, составлявшимъ этотъ отнынѣ знаменитый, циркуляръ. «Людямъ злонамѣреннымъ,—мотивируетъ, между прочимъ, свое заступничество г. Дорофеевъ,—это исключеніе послужитъ благодарнымъ средствомъ для подрыва довѣрія общества и учащихся къ школѣ и ея цѣлямъ».

Ахъ, какой неловкій выпадъ г. педагогъ! Вѣдь утверждаете же вы, что «проявленія нерадѣнія, лѣни, разсѣянности, крайняго утомленія, въ такой мѣрѣ распространенныя въ нашихъ школахъ, зависятъ отъ непонятности курсовъ преподаванія, отъ несоотвѣтствія ихъ запросамъ и потребностямъ дѣтей»... Совер-

шенно правильно, но все же я не обвиню васъ, г. Дорофеевъ, въ политической неблагонадежности...

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ первыхъ двухъ выпускахъ сборника «Педагогическая мысль» *).

Здѣсь насъ прежде всего заинтересовала еще неоконченная статья г. Яреша «О воспитаніи молодежи и его недостаткахъ»,—заинтересовала своими контрастами. Съ одной стороны г. Ярешъ сторонникъ дисциплины и хвалитъ толстовскую классическую школу за то, что она «была дисциплинирована» и «за то, что требовала дѣйствительнаго знанія проходимаго курса», «пыталась хоть немного парализовать вредное вліяніе улицы на учащуюся молодежь и старалась карательными мѣрами заставить учащихся сидѣть въ свободное, особенно въ вечернее и ночное, время дома за книгами...», съ другой—на педагогическихъ мечтаніяхъ автора безспорно отразилось вліяніе Льва Толстого и Руссо. Онъ краснорѣчиво и пространно нападаетъ на безтолковую, расточительную, вредную для здоровья и развращенную жизнь нашей городской интеллигенціи, на соотвѣтствующую ей литературу, театръ и живопись и на ужасное вліяніе этой обстановки на дѣтей.

«Теперь уже никто не покраснѣетъ,—съ паѳосомъ восклицаетъ авторъ,—видя передъ картиной, представляющей какую-нибудь голую безстыдницу въ недопустимой позѣ, кучу 13—14-ти-лѣтнихъ гимназистовъ, громко разсуждающихъ о достоинствахъ отдѣльныхъ статей изображеннаго голаго тѣла съ крайнѣй непринужденностью». Ворчливый пуризмъ г. Яреша невольно заставляетъ его сгущать краски: намъ, по крайней мѣрѣ, не приходилось ни на какихъ художественныхъ выставкахъ наблюдать «кучъ» столь молодыхъ эстетокъ....

Въ школахъ нашихъ,—совершенно справедливо замѣчаетъ г. Ярешъ,—мы «набиваемъ головы дѣтишекъ всякой всячиной, только не тѣмъ, что имъ непремѣнно нужно знать для жизни»; дѣтишки эти «тѣснятся въ одной учебной комнатѣ по 60—70 человѣкъ, дышатъ испорченнымъ воздухомъ и мало учатся»... Дѣти, часто послѣ 8-ми-часового пребыванія въ школѣ, приходятъ домой совершенно разбитыя и тотчасъ послѣ обѣда снова принимаются за зубрежъ.

Реформировать нашу школу г. Ярешъ предлагаетъ слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, средняя школа должна находиться отнюдь не въ большихъ городахъ, «а непремѣнно въ вольной природѣ, въ селахъ или маленькихъ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ, и при нихъ необходимо разбивать обширные парки, ботаническіе сады, опытные поля и фруктовые сады, гдѣ ученики могли бы заниматься физическимъ трудомъ, полезнымъ и цѣлесообразнымъ, подъ открытымъ небомъ во всякое время года, подъ руководствомъ умѣлыхъ, свѣдущихъ и гуманныхъ педагоговъ». Само ученіе происходитъ поскольку возможно подъ открытымъ небомъ, среди живой природы; урокъ длится не болѣе 30—40 минутъ, ученье начинается въ 8 час. утра и кончается въ 12 час. дня, послѣ

*) „Педагогическая мысль", изд. коллегіи Павла Галагана подъ ред. проф. И. А. Сикорскаго и приватъ-доцента И. И. Гливенко. 1904 г. Вып. I и II.

12-ти ученики проводятъ время на вольномъ воздухѣ за тѣми занятіями, которыя каждому по душѣ.

Образъ жизни учениковъ и учителей въ этомъ закрытомъ заведеніи долженъ быть самый простой: никакой прислуги, никакихъ надзирателей, ученики сами убираютъ и содержатъ въ порядкѣ свои помѣщенія.

Пищевой и хозяйственный режимъ опредѣленъ авторомъ детально до... комизма: указывается, напримѣръ, что одѣваются ученики въ платье народнаго покроя изъ матеріи, сработанной въ селѣ, руками крестьянъ» (sic!); потребленіе мяса сокращено; пища главнымъ образомъ, молочная; хлѣбный квасъ домашняго приготовленія; холостыхъ преподавателей не допускается; уборка кухни и доставка съѣстныхъ припасовъ поручается одной изъ женъ преподавателей, веденіе хозяйства—другой, «конечно, за приличное вознагражденіе». Изъ такого рая преподавательская жена уже не убѣжитъ на «представленія Шаляпиныхъ, Собиновыхъ, заморскихъ виртуозовъ, заѣзжихъ фокусниковъ и эквилибристовъ»...

Ученье начинается въ общей всенародной школѣ, прохожденіе которой обязательно для всѣхъ въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ. Затѣмъ ребенокъ переходитъ въ описанную выше среднюю школу. Эта школа должна быть также всенародной, въ ней также не должны изучаться иностранные языки, ни живые, ни мертвые; курсъ долженъ быть шестилѣтній. Принципы, на которыхъ нужно построить эту школу слѣдующіе. Нужно учить только тому, что служитъ на пользу всѣмъ и что можетъ найти примѣненіе къ жизни; нужно чтобы школа не только учила, но и воспитывала, чтобы она находилась въ рукахъ самаго общества, была бы общедоступна и дешева, чтобы она была поставлена въ такія условія, которыя исключали бы всякую возможность вреднаго вліянія окружающей среды и, наконецъ, чтобы учителями желали и могли быть люди, вполнѣ пригодные для занятія воспитаніемъ и обученіемъ нашихъ дѣтей. Учителя «должны знать не только науки, ими преподаваемые, но и умѣть работать кузнечныя, слесарные, столярныя, земледѣльческія, и садовническія работы, чтобы быть живымъ примѣромъ для своихъ питомцевъ и проводить съ ними столько времени, сколько нужно для надлежащаго ознакомленія учениковъ со всѣми этими полезными работами»; однимъ словомъ не учителя, а добрые геніи!

Въ курсѣ такой средней школы г. Ярешъ отводитъ прежде всего большое и почетное мѣсто Закону Божія, но при полной и одинаковой для всѣхъ свободѣ проповѣди и исповѣданія, причемъ «Законъ Божій долженъ преподаваться духовнымъ лицамъ своего исповѣданія такимъ образомъ, чтобы дѣти, знакомясь съ догматами и обрядами даннаго исповѣданія, сохраняли и полное уваженіе къ другимъ исповѣданіямъ, не теряя въ тоже время уваженія и къ своему, вслѣдствіе черезъчуръ усерднаго, не въ мѣру продолжительнаго богослуженія и того предразсудка духовныхъ особъ различныхъ исповѣданій, будто изученіе догматовъ и книгъ религіознаго содержанія является не дѣломъ собственной совѣсти, а суровой обязанности, неисполненіе которой влечетъ за собою всякаго рода взысканія до неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по «предмету» своего вѣроученія включительно» (стр. 106).

Послѣ Закона Божія главнымъ предметомъ для русскихъ долженъ быть родной языкъ и литература въ самомъ широкомъ объемѣ, а также и литература міровая. Затѣмъ, математика, исторія и географія. Естественнымъ наукамъ г. Ярешъ отводитъ очень важное мѣсто въ курсѣ средней школы; также должна преподаваться въ ней и гигіена и этнографія, послѣдняя, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ искорененія «расовой заносчивости и воображаемаго превосходства собственнаго племени». Такъ какъ по мнѣнію г. Яреша главная цѣль школы, «воспитать человѣка уравновѣшеннаго, сознательно относящагося къ своему бытію, полезнаго гражданина своего отечества» то «уже въ средней школѣ надо знакомить дѣтей съ ихъ будущими гражданскими и семейными обязанностями»... Близкія этимъ соображенія требуютъ и преподаванія этики.

«Мнѣ думается,—говоритъ г. Ярешъ,—что, если бы наши дѣти рано знакомились съ условіями жизни вообще, а жизни массы народа въ особенности если бы мы имъ разъяснили, что они живутъ въ столь благопріятныхъ условіяхъ только на счетъ чужихъ трудовъ, то, съ полученіемъ диплома, они не превращались бы въ самыхъ заурядныхъ буржуа; погрязая и исчезая въ невзрачной средѣ».

Какъ видитъ читатель, г. Ярешъ предлагаетъ коренное преобразованіе не только спеціально русской средней школы, но и вообще всего характера европейскаго преподаванія и воспитанія.

Многія мысли, высказываемыя авторомъ, встрѣтятъ, конечно, самое горячее сочувствіе въ обществѣ, таковы, напр., физическое и нравственное оздоровленіе школы, упрощеніе ея курсовъ, широкое введеніе естественныхъ наукъ и физическаго труда. Но всѣ ли согласятся съ совершеннымъ изгнаніемъ новыхъ языковъ, съ поставленіемъ во главу угла Закона Божія, хотя бы даже и «ламаитскаго», а главное, съ такимъ спартански общественно-утилитарнымъ характеромъ всей школы, благодаря которому, во имя огражденія дѣтей и юношей отъ тлетворнаго вліянія городской среды, придется даже разлучить многихъ родителей съ ихъ дѣтьми. Вѣдь не послушаютъ же большіе города декрета г. Яреша и не исчезнутъ съ лица земли, а, наоборотъ, будутъ, какъ то учитъ статистика, расти и множиться.

Здѣсь у мѣста будетъ сопоставить смѣлыя педагогическія мечтанія г. Яреша съ болѣе скромными проектами заслуженнаго профессора новороссійскаго университета *А. Клоссовскаго*, изложенные имъ въ отдѣльной брошюрѣ «Матеріалы къ вопросу о постановкѣ средняго образованія въ Россіи».

Предпославъ своему изложенію знаменитый циркуляръ бывшаго министра народнаго просвѣщенія г. Зенгера (отъ 28-го іюня 1903 г.), въ которомъ говорится о паденіи дисциплины въ средней школѣ и о мѣрахъ поднятія ея, почтенный профессоръ, какъ на оснонаніи этого циркуляра, такъ и своей педагогической дѣятельности и въ университетѣ, и въ средней школѣ, приходитъ къ выводу, что русская средняя школа истекшаго тридцатилѣтія не давала своимъ питомцамъ ни основательнаго знанія, ни достаточнаго развитія, не вырабатывала въ нихъ самостоятельности и не только не пользовалась въ

обществѣ уваженіемъ и довѣріемъ, но даже между школой и обществомъ установились отношенія двухъ враждующихъ сторонъ.

На двадцати слишкомъ страницахъ заслуженный профессоръ новороссійскаго университета, а ранѣе преподаватель многихъ казенныхъ гимназій, выясняетъ намъ причины такого печальнаго явленія. Мы попытаемся вкратцѣ, но по возможности собственными словами автора, передать наиболѣе существенное въ его историческомъ анализѣ.

Расцвѣтомъ русской средней школы, по мнѣнію проф. Клоссовскаго, былъ періодъ отъ 1858 по 1864 г.

«Гимназическая молодежь этого времени научалась любить науку, уважать своихъ наставниковъ, неукротимо рвалась къ высшему образованію, насквозь пропитывалась стремленіемъ къ труду на пользу общества. Довѣріе къ гимназіямъ возросло. Въ этомъ именно періодѣ получили свое гимназическое образованіе дѣятели, вынесшіе на своихъ плечахъ великія реформы 60-хъ годовъ».

Непродолжителенъ же былъ расцвѣтъ русской школы—всего 6 лѣтъ! Да и такъ ли ужъ свѣтелъ? Вѣдь, въ этотъ «свѣтлый» періодъ гимназистовъ, хотя и рѣдко, но все же сѣкли и не подъ сурдинку, что, говорятъ злые языки, и теперь бываетъ, а по закону, гласно.

Въ 1863—1864 годахъ «почувствовались первые признаки грядущей реакціи, которая неминуемо должна была коснуться и русской школы. Въ концѣ 1864 г. началась постепенная реформа гимназій, вполнѣ закончившаяся въ 1871 г. Классическая школа, или, вѣрнѣе, система графа Толстого смѣнила прежнія гимназіи».

Что же дала эта система? Проф. Клоссовскій останавливается прежде всего на ея убійственномъ вліяніи на общественную жизнь.

Съ начала 60-хъ годовъ наступилъ у насъ періодъ усиленной работы во всѣхъ сторонахъ нашей внутренней жизни. Начались постройки желѣзныхъ дорогъ, сооруженіе заводовъ и вообще болѣе широкое развитіе промышленности; пробудилось стремленіе къ введенію у насъ раціональнаго сельскаго хозяйства. Во всѣхъ сферахъ и на всѣхъ ступеняхъ государственной и общественной дѣятельности понадобились люди практическаго дѣла, а въ нихъ то и чувствовался крупный недостатокъ. Обществу нужны были образованные дѣятели, работники, а гимназіи давали намъ истощенныхъ непосильнымъ трудомъ классиковъ. Введенная система не соотвѣтствовала ни насущнымъ потребностямъ времени, ни настроенію общества, но вопреки всему, правительство рѣшило сдѣлать колоссальный экспериментъ надъ нѣсколькими поколѣніями русскихъ людей...

Педагогическое вліяніе этой системы было столь же тлетворно.

«Занявъ первенствующее положеніе въ школѣ, древніе языки отодвинули на задній планъ всѣ остальные предметы. Общее развитіе питомцевъ гимназій понизилось; знаніе литературы, исторіи и даже простой грамотности упало до крайняго минимума».

Но еще вредоноснѣе была тенденція сдѣлать школу орудіемъ политики, отвлечь вниманіе подрастающаго поколѣнія отъ вопросовъ дня, затруднить доступъ въ среднія и, тѣмъ самымъ, въ высшія учебныя заведенія. Зоркій глазъ педагога ни на минуту не упускалъ изъ вида питомца; его старались оградить даже отъ вліянія семьи, путемъ внѣшкольнаго надзора. Рядомъ циркуляровъ окончательно сковано было всякое проявленіе индивидуальности, какъ въ учащихся, такъ и въ учащихъ. Въ то же время запрещена была всякая критика школьной системы. Очевидно, что подобное положеніе не могло установить добрыхъ отношеній между обществомъ и школой. Они стали въ положеніе двухъ враждебныхъ, вѣчно воюющихъ, сторонъ. Между школой и обществомъ наступилъ полный разладъ. Трудности гимназической науки сдѣлали то, что средняя школа стала терять на своемъ пути массу учениковъ, которые исключались и выбрасывались за бортъ заведенія. Число исключаемыхъ изъ гимназій одно время было такъ велико, что шефу жандармовъ поручено было детально изучить этотъ вопросъ. Неизвѣстно, къ чему привело это изслѣдованіе. Усиленіе трудностей гимназическаго курса вызывало со стороны учащихся своего рода оборонительныя мѣры, которыя крайне деморализовали школу и окончательно подорвали довѣріе въ ней. Здѣсь проф. Клоссовскій указываетъ на приглашеніе гимназическихъ учителей для частныхъ уроковъ, на цѣлую систему обмановъ, столь хорошо извѣстную всѣмъ, учившимся въ это время въ гимназіяхъ: «шпаргалки», подсказываніе, списываніе и, наконецъ, покупка экзаменаціонныхъ темъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ, какъ извѣстно, образовалась цѣлая, правильно функціонировавшая, организація, которая, за извѣстное вознагражденіе, доставала темы. Обманъ, лицемѣріе въ средѣ питомцевъ средней школы считались чуть-ли не доблестью. На пути деморализаціи, казалось, итти было некуда. Неудивительно, поэтому, что ученики проникались презрѣніемъ къ гимназіи; они съ нетерпѣніемъ ожидали дня окончанія курса, или вѣрнѣе, дня полученія диплома...

«Итакъ, реформы 1871 и 1884 годовъ, а главное способъ ихъ проведенія въ жизнь, подорвали довѣріе къ школѣ и вызвали всеобщій ропотъ: эта была «прискорбная страница» въ исторіи русскаго просвѣщенія. Теперешнія колебанія, которыя начались въ 1901 году и продолжаются и до нынѣ, могутъ,—по мнѣнію проф. Клоссовскаго, еще болѣе дискредитировать школу...

«Министерство генералъ-адъютанта Ванновскаго открыло обществу нѣкоторыя перспективы: возможность полной реформы нашей средней школы. Съ уходомъ П. С. Ванновскаго, дѣло реформы остановилось, и мы являемся свидѣтелями небывалаго, вѣроятно, факта въ лѣтописяхъ школы: планы распредѣленія уроковъ утверждаются на одинъ годъ, что можно разсматривать какъ признакъ неустойчивости во взглядахъ на задачи и цѣли средней школы даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, вѣдающихъ просвѣщеніемъ Россіи»...

Что же дѣлать? Какъ поправить зло? Проф. Клоссовскій предлагаетъ слѣдующій планъ реформы средней школы въ Россіи.

Всякая средняя и низшая школа,—говоритъ онъ,—прежде всего, должна давать общее развитіе и извѣстный запасъ знаній, не предрѣшая преждевременно вопроса о будущей спеціальности своихъ питомцевъ; кромѣ того, она должна пріучить учениковъ къ самостоятельной работѣ и честному исполненію долга. Матеріальныя средства и интеллектуальныя способности позволяютъ далеко не всѣмъ воспитанникамъ гимназіи пройти всѣ ступени школьной лѣстницы до университета включительно; въ виду этого, школа должна быть такъ устроена, чтобы она могла постепенно и концентрически раздвигать кругозоръ учащихся и дать своимъ питомцамъ, задержаннымъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, на извѣстной ступени, опредѣленное и цѣльное образованіе и міросозерцаніе. Этому условію можетъ удовлетворить только единая для всѣхъ школа, въ которой образованіе распредѣляется по замкнутымъ и вполнѣ законченнымъ цикламъ. Предварительную ступень составляютъ школы простой грамотности, курсъ ученія въ которыхъ ограничивается толковымъ изученіемъ молитвъ, чтеніемъ, письмомъ и счетомъ. Далѣе слѣдуетъ первый двухлѣтній циклъ, соотвѣтствующій народнымъ училищамъ. Весьма полезно, по мнѣнію проф. Клоссовскаго, въ школахъ этого цикла отвести особые часы для занятій разными ручными ремеслами, садоводствомъ, пчеловодствомъ, шелководствомъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Дѣти, окончившія первый циклъ, поступаютъ во второй циклъ, въ составъ котораго входитъ опять вполнѣ законченный кругъ знаній: Законъ Божій, русскій языкъ, языки французскій и нѣмецкій, географія съ естествознаніемъ, математика (ариѳметика, пропедевтическая алгебра и геометрія), чистописаніе, черченіе и рисованіе. Курсъ ученія на этой ступени продолжается три года и соотвѣтствуетъ тремъ или четыремъ низшимъ классамъ гимназіи. Ученики, окончившіе этотъ циклъ, получаютъ соотвѣтствующій аттестатъ, которому присвоены извѣстныя права.

На первыхъ двухъ ступеняхъ, всѣ дѣти, безъ исключенія, получаютъ одинаковую подготовку. Только къ концу второго цикла могутъ, хотя нѣсколько, выясниться способности и склонности отроковъ. А поэтому, лишь въ третьемъ циклѣ возможно допустить нѣкоторую дифференцировку учащихся. Лица, подготовляющіяся къ университету или въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, продолжаютъ свое ученіе въ общеобразовательномъ отдѣленіи третьяго (3-годичный курсъ) цикла. Остальные, направляются въ профессіональныя отдѣленія того же третьяго цикла: ремесленное, желѣзнодорожное, электротехническое, лѣсное, сельскохозяйственное и т. п. Въ общеобразовательномъ отдѣленіи преподаются предметы общаго гимназическаго курса съ обязательнымъ латинскимъ языкомъ. Греческій языкъ обязателенъ лишь для будущихъ слушателей историко-филологическихъ факультетовъ.

Характеръ занятій въ отдѣльныхъ циклахъ располагается тоже концентрически. На низшихъ ступеняхъ преобладаетъ классное обученіе; но, по мѣрѣ поднятія вверхъ, постепенно присоединяется домашняя работа, домашнее приготовленіе уроковъ, дабы пріучить молодыхъ людей къ самостоя-

тельной работѣ. Въ старшемъ классѣ третьяго цикла, по мнѣнію проф. Клоссовскаго, огромное значеніе могли бы имѣть необязательныя внѣклассныя занятія, какъ переходная ступень къ самостоятельной работѣ студента.

Во всѣхъ трехъ циклахъ особое вниманіе должно быть обращено на физическое развитіе учащихся (гимнастика, игры, ремесла, музыка).

. Каждый циклъ является совершенно сомостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ; въ этомъ проф. Клоссовскій видитъ залогъ «раціональной дисциплины въ школѣ», такъ какъ воспитанники различныхъ цикловъ не смѣшиваются и тѣмъ «устраняется возможное вредное вліяніе старшихъ на младшихъ; при цикловомъ же раздѣленіи можно будетъ установить «градацію и постепенное ослабленіе дисциплинарныхъ требованій отъ I-го класса къ VIII-му».

Бѣдные первокласники, несущіе на себѣ всю тяжесть «дисциплинарныхъ требованій»!

Нашъ почтенный ученый такъ детально разработалъ свой планъ, что прилагаетъ даже примѣрное распредѣленіе часовъ по предметамъ и классамъ. Новаго въ этомъ распредѣленіи, впрочемъ, мало, если не считать введенія естествознанія и нѣкотораго сокращенія учебныхъ часовъ (для I-го цикла—17, для II-го—19 и для III-го—28).

Педагогическія мечтанія проф. Клоссовскаго требуютъ менѣе радикальныхъ перемѣнъ, они болѣе связаны съ теперешней системой, чѣмъ реформа, проводимая г. Ярешемъ, но въ концѣ концовъ и тѣ и другія—мечтанія, такъ какъ министерство народнаго просвѣщенія не осуществитъ, конечно, и цикловъ проф. Клосовскаго, какъ не осуществитъ и своеобразнаго педагогическаго фаланстера г. Яреша. Но опять-таки повторяемъ, характерно и симптоматично уже одно то, что педагоги начали критиковать и мечтать. Въ нашу задачу не входитъ детальная критика этихъ педагогическихъ мечтаній. Здѣсь мы скажемъ только, что напрасно проф. Клоссовскій свою въ основѣ симпатическую идею о циклахъ испортилъ канцелярской разработкой программъ, своей «раціональной дисциплиной», утѣшительными требованіями какихъ-то правъ и аттестатовъ для окончившихъ 2-й циклъ и странной слабостью къ латинскому языку.

Придавая огромное значеніе школьной дисциплинѣ, проф. Клоссовскій думаетъ, что она возможна только при авторитетности въ глазахъ учениковъ педагогическаго персонала: только тогда педагоги могутъ убѣдить учениковъ, что «получаемая ими въ школѣ духовная пища питательнѣе той, какою предлагаютъ насытить ихъ любознательность враги школы» (циркуляръ бывшаго министра Зенгера 28-го іюня 1903 г.). Однимъ изъ условій поднятія этой авторитетности авторъ считаетъ улучшеніе матеріальнаго положенія учителя и уменьшеніе числа учениковъ въ классѣ.

Никто не будетъ, конечно, спорить, что извѣстная система и порядокъ въ школѣ необходимы, но время ли теперь, когда отъ всей русской школы остались только одни антигигіеническія зданія и груды циркуляровъ, внѣдряющихъ дисциплину, время ли въ «педагогическихъ мечтаніяхъ» заботиться хотя

и не о прежней, но все же о дисциплинѣ. Предоставимъ это будущему, а теперь помечтаемъ ужъ совсѣмъ по свободному.

Здѣсь небезинтересно будетъ остановиться на нѣкоторыхъ соображеніяхъ по поводу дисциплины другого педагога *К. Лебединцева*, который помѣстилъ въ сборникѣ «Педагогическая мысль» (вып. I) большую статью подъ заглавіемъ: «Какъ поддержать дисциплину въ нашей средней школѣ».

Онъ приходитъ къ выводу, что дисциплина въ школѣ можетъ быть осуществлена только тогда, если ея требованія станутъ цѣлесообразными въ глазахъ самихъ учащихся; внѣклассное же воздѣйствіе на жизнь молодежи можетъ быть осуществлено лишь при условіи правильнаго раздѣленія труда между семьей, школой и спеціальныхъ общественныхъ организацій (напр., педагогическихъ обществъ). Русская средняя школа за послѣдніе 30 лѣтъ была, по мнѣнію г. Лебединцева, инороднымъ тѣломъ въ общественномъ организмѣ, она только препятствовала раціональной постановкѣ воспитанія и тормозила общественную иниціативу. Вмѣсто заботы о развитіи среди юношества общественнаго чувства, наша средняя школа старалась всѣми способами его искоренять. Считались, напр., предосудительными и вредными даже такія проявленія общественности, какъ складчина между воспитанниками для уплаты за право ученія одного изъ нихъ, не говоря уже о совмѣстномъ чтеніи книгъ...

Интересно, говоритъ авторъ, что, не признавая педагогическаго значенія принципа общественности, начальство средне-учебныхъ заведеній для полицейско-карательныхъ воздѣйствій на учащихся пользовалось принципомъ круговой поруки и карало весь классъ, если виновникъ «преступленія» не былъ розысканъ.

Надъ прежней толстовской системой съ ея карательной системой надо поставить крестъ, нельзя ставить на нее заплатки, а нужно измѣнить ее въ корнѣ. «Школа должна построить свою жизнь,—говоритъ г. Лебединцевъ,—на принципѣ довѣрія ко всякому, кто не изобличенъ въ предосудительномъ проступкѣ. Школьная дисциплина должна утратить самодовлѣющій характеръ и имѣть своей цѣлью выработку привычки къ систематическому труду, развитіе самодѣятельности и общественныхъ чувствъ; требованія ея должны быть цѣлесообразны въ глазахъ учащихся, и на долю воспитательнаго персонала школы выпадаетъ, между прочимъ, обязанность разъяснять учащимся эту цѣлесообразность въ подходящихъ случаяхъ. Внѣшнее школьное воздѣйствіе должно утратить характеръ возмездія и пріобрѣсти телеологическую окраску, имѣя въ виду всякій разъ не воздаяніе за совершенный проступокъ, а исправленіе дурныхъ послѣдствій проступка для совершившаго его и для окружающихъ и предупрежденіе его повторенія въ дальнѣйшемъ». Реформа нашей школы должна быть, какъ совершенно правильно утверждаетъ г. Лебединскій, коренней и немедленной, иначе намъ грозитъ нравственное вырожденіе...

Итакъ, педагогическая мысль начинаетъ работать и какъ первые симптомы настоящей, а не бюрократической работы, появляются—критика и меч-

танія. Значитъ есть уже новое вино, только мѣхи остались старые. А насколько старые, видно хотя бы изъ слѣдующаго.

Въ томъ же сборникѣ «Педагогическая мысль» (вып. II-й) помѣщена интересная статья г. *Зѣньковскаго* «Къ вопросу о совѣщаніяхъ между родителями и педагогическими совѣтами». Авторъ совершенно справедливо указываетъ, что этотъ вопросъ менѣе всего разрѣшимъ бюрократическимъ путемъ. Но «къ сожалѣнію, современная постановка совѣщаній, какъ это ясно изъ отчстовъ, напечатанныхъ въ № 8 циркуляровъ кавказскаго учебнаго округа, носитъ именно бюрократическій характеръ. Родители, получая приглашеніе отъ начальства школы, являются на засѣданіе, совершенно не зная, зачѣмъ ихъ туда зовутъ, не зная, какое будетъ имѣть значеніе то, что они будутъ говорить. Если они думаютъ, что ихъ пригласили для того, чтобы они высказали, какія измѣненія школьнаго дѣла желательны имъ, то они жестоко ошибаются. Вотъ фактъ, краснорѣчиво говорящій объ этомъ. На совѣщаніи, происходившемъ въ кубанскомъ александровскомъ реальномъ училищѣ, г-жа Б. подняла вопросъ о томъ, чтобы въ случаѣ, если родители не внесутъ своевременно платы за право ученія, наказывали бы не ученика, ни въ чемъ неповиннаго, а родителей,—не выгоняли бы учениковъ, а штрафовали бы родителей. Обсужденіе этого вопроса было прекращено, такъ какъ «мѣра, практикуемая при сборѣ платы за ученье, установлена закономъ». Но въ такомъ случаѣ какіе же вопросы можетъ обсуждать совѣщаніе?—спрашиваетъ авторъ. Если «бояться обсужденія «законовъ», отливающихъ школу въ шаблонную форму, то не значитъ ли это признать школу неспособной къ обновленію?»

Въ кутаисскомъ женскомъ учебномъ заведеніи родители заявили, что провѣрка ихъ сообщеній о неявкѣ ученицъ, путемъ посѣщенія неявившихся классными наставницами, для нихъ—родителей оскорбительна. На это г. инспекторъ заявилъ, что такая мѣра существуетъ давно и, какъ необходимый контроль со стороны школы, въ виду недостатковъ домашняго присмотра, не можетъ считаться оскорбительной.

Подобные факты приводятъ автора къ неопровержимому выводу, что родителей приглашаютъ въ эти совѣщанія только для того, чтобы «принять во вниманіе» ихъ заявленія и больше ничего. Никакихъ рѣшеній совѣщанія выносить не могутъ, и самыя совѣщанія сводятся къ упражненіямъ въ ораторскомъ искусствѣ.

«Становится до болѣзненности ясно,—говоритъ г. Зѣньковскій,—что школа не можетъ успѣшно функціонировать, не можетъ способствовать разрѣшенію самыхъ серьезныхъ общественно-педагогическихъ вопросовъ, пока не исчезнетъ бюрократическая организація школьнаго дѣла», и что «родительскія совѣщанія только тогда смогутъ обновить школу, когда имъ будутъ предоставлены широкія права и они станутъ сами самостоятельными педагогическими органами».

Но, Боже мой, когда же это будетъ?!

Какъ мы видимъ, мечтанія педаговъ начинаютъ охватывать самые коренные вопросы жизни средней школы; пусть это только первыя весеннія птицы, но

все же онѣ прорѣзываютъ нѣсколькими свѣтлыми лучами душную атмосферу того дантова ада, который зовется у насъ гимназіями; появляется надежда, что грядущая реформа школы найдетъ, вѣроятно, немногочисленныхъ, но зато энергичныхъ сторонниковъ среди самихъ педагоговъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній. Дѣйствительность такъ ужасна, что даже слѣпые должны прозрѣть. Несмотря на толстыя стѣны, воздвигнутыя попечительнымъ начальствомъ вокругъ средней школы, разложеніе ея такъ сильно, что поражаетъ обоняніе даже нашего неприхотливаго, обыкновенно мимоидущаго обывателя.

Предстоящій процессъ между газетой «Русь» и начальствомъ петербургской гимназіи «человѣколюбиваго о-ва», долженствующій рѣшить, наконецъ, вопросъ, сѣкутъ въ этомъ человѣколюбовомъ учрежденіи учениковъ или нѣтъ, и самоубійство гимназиста 2-ой петербургской гимназіи Колышкина—только уголовныя иллюстраціи общаго разложенія...

Немудрено, что ученики средней школы сами начинаютъ заботиться о своей судьбѣ.

Какъ сообщаютъ «Русскія Вѣдомости» (№ 25) ученики средне-учебныхъ заведеній г. Саратова выставили слѣдующія свои «desiderata»: «свободный доступъ во всѣ просвѣтительныя и общественныя учрежденія—библіотеки собранія; свободный выборъ квартиръ родителями и ихъ замѣстителями; уничтоженіе обысковъ; участіе родителей въ педагогическихъ совѣтахъ съ правомъ голоса; обязанность надзора за внѣшкольной жизнью ученика возлагается на родителей».

По поводу этихъ «desiderata» одинъ изъ педагоговъ средней школы, г. *Обуховъ*, пишетъ слѣдующее («Сынъ От.», № 18) *):

«Первое требованіе вполнѣ понятно и цѣлесообразно.

«Наши юноши, видимо, сознаютъ, что они должны готовиться быть гражданами своей родины и для этого имъ слѣдуетъ знать, въ чемъ проявляется умственная и практическая дѣятельность страны; они должны пріобщаться къ общественной работѣ и ея интересамъ. Странно было бы думать, что юноша 16—20 лѣтъ не имѣетъ общественныхъ запросовъ, не думаетъ и не ищетъ уже въ эти годы путей своей будущей дѣятельности.

«На всевозможныхъ собраніяхъ общественныхъ и научныхъ учрежденій онъ можетъ присматриваться къ тому, что и какъ дѣлаютъ, къ чему стремятся, и такимъ образомъ учиться не только изъ книгъ, но у самой жизни; онъ можетъ провидѣть свою будущую дорогу, вырабатывать альтруистическія чувства и сознаніе общественнаго долга.

«Между тѣмъ и практика, и циркуляры министерства нар. просв. и попечителей округовъ сдѣлали (или еще пытаются сдѣлать) совершенно недоступными для учащихся засѣданія различныхъ просвѣтительныхъ и ученыхъ обществъ, земскихъ собраній и т. п. Исключеніе дѣлается для «Русскаго собранія». Посѣщеніе засѣданій этого общества не только не возбраняется, но даже

---

*) Приводимъ съ нѣкоторыми пропусками. *В. Аг.*

поощряется (по крайней мѣрѣ, въ Харьковѣ), несмотря на то, что тамъ затрогиваются почти всегда общегосударственные и политическіе вопросы (главный мотивъ для воспрещенія посѣщать другія общества).

«Еще болѣе законно желаніе имѣть право пользоваться библіотеками, такъ какъ гимназическія библіотеки, благодаря скудости средствъ, а главное—просвѣщенной дѣятельности «ученаго» комитета мин. нар. просв., не допускающаго въ ученическія библіотеки болѣе 80% всѣхъ издаваемыхъ книгъ, не могутъ долго удовлетворять юношей съ серьезными запросами.

«Учащимся приходится отвоевывать *) у просвѣтителей право на просвѣщеніе!

Второе требованіе (о квартирахъ) показываетъ, что ученики болѣе довѣряютъ своимъ родителямъ, нежели педагогамъ, которымъ надо предписывать «сердечное попеченіе» и которые являются ученикамъ чужими и чуждыми людьми. Благодаря квартирнымъ циркулярамъ, часто разыгрываются весьма некрасивыя исторіи крайней эксплоатаціи учениковъ вслѣдствіе поддержки начальствомъ квартиродержателей или по знакомству, или по ихъ особой благонадежности (по циркуляру, совѣтъ гимназіи можетъ даже потребовать, чтобы учащійся жилъ не у родителей, а на благонадежной квартирѣ!)

Третье требованіе (объ отмѣнѣ обысковъ) раздѣляетъ съ юношами, я думаю, и все русское общество. Положеніе учащихся въ этомъ отношеніи еще хуже, чѣмъ всякаго русскаго обывателя: кромѣ общихъ властей, у нихъ есть своя власть, которая въ лицѣ классныхъ наставниковъ, ихъ помощниковъ, директоровъ не гнушается заниматься сыскомъ: приказано (впрочемъ, къ чести классныхъ наставниковъ, долженъ замѣтить, что большинство изъ нихъ далеко не оправдываетъ надеждъ, возлагаемыхъ на нихъ министерствомъ).

Требуя права участія родителей въ педагогическихъ совѣтахъ ученики, очевидно, желаютъ имѣть защитниковъ своихъ интересовъ. Никто, кромѣ родителей, не можетъ лучше знать, что дѣтямъ по силамъ, за что ихъ можно наказывать, никто лучше не сможетъ объяснить педагогамъ причины неуспѣшности, привести мотивы поступковъ и проч. Всякій родитель и мыслящій воспитатель будетъ солидаренъ съ этимъ пожеланіемъ учащихся.

«Еще болѣе можно привѣтствовать, особенно намъ, учителямъ, послѣднее требованіе — о снятіи со школы обязанности надзора за внѣшкольной жизнью ея питомцевъ. Этотъ надзоръ физически совершенно невыполнимъ, а между тѣмъ онъ роняетъ нравственный авторитетъ учащихъ и воспитателей, навязывая имъ полицейскія обязанности и приводя ихъ постоянно въ конфликтъ съ родителями (напр., запрещая то, что разрѣшено отцомъ, или даже наказывая за поступокъ, сдѣланный съ согласія родителей).

«Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ всѣ требованія саратовскихъ гимназистовъ и реалистовъ, можно только сказать, что они скромны, умѣренны, цѣле-

*) Недавно попечитель одесскаго учебнаго округа подтвердилъ запрещеніе посѣщать библіотеки.

сообразны и легко выполнимы. И учащіе, и родители могутъ ихъ только привѣтствовать...»

Да, весеннія птицы залетаютъ теперь даже и въ нашу школу, ихъ пѣсни дѣлаютъ дѣйствительность, пожалуй, еще болѣе нестерпимой, такъ какъ темною ночью они поютъ о радостномъ днѣ, но все же мы ихъ привѣтствуемъ: намъ «въ душу повѣяло жизней и волей».

В. Агафоновъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Пренія въ германскомъ рейхстагѣ.—Прусское правительство и академическая свобода.—Русско-германскія отношенія на трибунѣ рейхстага.—Патріотизмъ Бебеля и Жореса.—Настроеніе общества и печати во Франціи и Англіи.—Клерикалы и французская политика.—Права президента французской республики.

Горячіе дебаты, вызванныя въ германскомъ рейхстагѣ торговыми договорами, завершились побѣдою правительства: всѣ семь торговыхъ трактатовъ были вотированы. Конечно, либеральная оппозиція и сторонники свободы торговли протестовали, но все же, если сравнить только что закончившіяся пренія съ тѣми, которыя вызвалъ въ 1902 году таможенный законопроектъ, послужившій основою теперешнимъ торговымъ договорамъ, то окажется, что сопротивленіе партій очень ослабѣло съ тѣхъ поръ. Тогда пренія были очень продолжительны и отличались большою страстностью. Результатомъ ихъ явился даже парламентскій кризисъ, и обструкціонистская тактика оппозиціи привела къ насильственному измѣненію парламентскаго регламента. На этотъ же разъ оказалось достаточно нѣсколькихъ дней, чтобы довести до конца столь значительное дѣло, какъ вотированіе *семи* торговыхъ договоровъ, и это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что оппозиція, испытавъ уже пораженіе въ этомъ вопросѣ, продолжала бороться уже только изъ чувства чести, заранѣе убѣжденная въ невозможности одержать побѣду.

Самымъ выдающимся фактомъ въ этихъ преніяхъ, по поводу торговыхъ договоровъ, безъ сомнѣнія, была рѣчь графа Позадовскаго, ясно указавшая тѣсную связь между экономическою и политическою реакціей. Уже раньше было извѣстно, что германское правительство стало на точку зрѣнія аграрнаго протекціонизма только для того, чтобы примирить съ собою дворянскій классъ землевладѣльцевъ, но до сихъ поръ существовало мнѣніе, что правительство было вынуждено такъ поступить, что оно противъ воли подчинилось требованіямъ этого класса, дѣйствуя лишь подъ вліяніемъ соображеній чисто тактическаго свойства. На дѣлѣ, однако, выходитъ иначе, какъ это явствуетъ изъ рѣчи Позадовскаго, разъяснившаго рейхстагу, что новая экономическая политика правительства зиждется на гораздо болѣе глубокихъ соображеніяхъ политическаго характера. Правительство, оказывая покровительство сельскому хозяйству противъ индустріи и торговли, имѣло въ виду противопоставить консерватизмъ сельскаго населенія демократическому духу городовъ. «Герман-

ское сельское хозяйство,—сказалъ Позадовскій,—это прочный и крѣпкій якорь, на которомъ держится корабль государства. Общественная и политическая жизнь Германіи характеризуется въ настоящее время особенною нервностью и торопливостью, которыя являются результатомъ чрезмѣрнаго развитія честолюбивыхъ коммерческихъ и соціальныхъ стремленій въ значительной части германскаго населенія, что, по мнѣнію Позадовскаго, влечетъ за собой серьезныя политическія опасности для государства. Вѣдь, можетъ случиться, что политическая машина начнетъ двигаться слишкомъ скоро, такъ что даже самые передовые политики не въ состояніи будутъ идти вмѣстѣ съ политическимъ движеніемъ и будутъ отставать отъ него. Поэтому и нужна такая сила, которая могла бы контролировать и регулировать движеніе политической машины и эту силу Позадовскій видитъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Германія обладаетъ самымъ широкимъ избирательнымъ правомъ и вотъ поэтому-то, «чтобъ поддержать равновѣсіе, необходимо оказывать покровительство стойкому деревенскому населенію, привязанному къ землѣ, которое и должно явиться противовѣсомъ подвижнаго и волнующагося городского населенія». Позадовскій, конечно, при этомъ распространился объ огромныхъ услугахъ, оказанныхъ правительству аграріями. Во всякомъ случаѣ, въ его рѣчи несомнѣнно заключается программа правительства, притомъ не только экономическая, но и политическая, и указаніе на то, что правительственная политика будетъ носить еще болѣе консервативный характеръ. Само собою разумѣется, что это только сдѣлаетъ новый таможенный режимъ еще менѣе популярнымъ въ тѣхъ кругахъ, на интересы которыхъ онъ посягаетъ.

Дѣло генерала Каприви, трудившагося въ пользу свободы торговли и достигшаго уже большихъ результатовъ въ 1892 г., теперь окончательно разрушено. А между тѣмъ, самъ императоръ назвалъ когда-то торговые договоры Каприви «спасительнымъ актомъ, составляющимъ эпоху въ исторіи имперіи». Ну, а теперь этотъ же самый монархъ осыпаетъ своею благодарностью и знаками отличія министровъ, содѣйствовавшихъ проведенію въ рейхстагѣ таможеннаго тарифа и новыхъ торговыхъ договоровъ. Графъ Бюловъ получилъ отъ Вильгельма II не только благодарственное письмо за выказанное имъ дипломатическое искусство, но императоръ обѣщалъ подарить ему, кромѣ того, свой мраморный бюстъ. Извѣстно, что, послѣ того какъ Бюлову удалось такъ ловко провести въ рейхстагѣ предложеніе Кардорфа, измѣняющее регламентъ, и облегчить такимъ образомъ вотированіе тарифнаго законопроекта, Вильгельмъ II пришелъ въ такой восторгъ, что немедленно написалъ Бюлову записку, приглашающую его обѣдать въ Потсдамъ, и адресовалъ ее не графу, а «свѣтлѣйшему князю Бюлову», давая ему этимъ понять, что онъ возводится теперь въ княжеское достоинство. Однако, Бюловъ отказался тогда отъ такой награды, скромно заявивъ, что «это было бы не по заслугамъ», и теперь повторилась та же исторія: онъ не принялъ княжескаго титула. Нѣкоторыя изъ газетъ высказываютъ предположеніе, что канцлеръ отказывается отъ титула, главнымъ образомъ, потому, что опасается неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое могло бы произвести на массы такое отличіе, дарованное за

успѣшное проведеніе мѣры, не только не пользующейся популярностью, но и побудившей правительство заключить сдѣлку съ самою реакціонною и самою непопулярною партіей въ Германіи—аграріями и вступить въ компромиссъ съ клерикалами. Все это вызываетъ, конечно, сильное неудовольствіе, отражающееся въ печати и выражающееся усиленіемъ нападокъ на Бюлова и его реакціонную политику какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ газетахъ оппозиціи.

Вопросъ объ академической свободѣ снова внесъ нѣкоторое возбужденіе въ германскую университетскую среду и обострилъ оппозицію студентовъ въ отношеніи прусскаго правительства. Профессора и студенты университетовъ и другихъ высшихъ школъ всегда очень ревниво оберегали эту свободу, которая, какъ это всѣ признаютъ въ Германіи, много способствовала процвѣтанію и репутаціи этихъ учрежденій. Само собою разумѣется, что правительства хотя и не оспаривали у университетовъ ихъ свободу, тѣмъ не менѣе всячески старались ограничить ее, объясняя ея сущность въ болѣе узкомъ смыслѣ, нежели профессора и студенты, придававшіе ей гораздо болѣе широкій смыслъ. Правительства находили, что подъ академическою свободой надо понимать только ту, которая предоставляетъ профессорамъ полное право руководствоваться въ дѣлѣ преподаванія только наукой и соображеніями своей совѣсти. Но университеты иначе толкуютъ ее. Какъ преподаватели, такъ и студенты, находятъ, что они имѣютъ право вмѣшиваться во всѣ вопросы, интересующіе жизнь націи, такъ какъ представляютъ сами одинъ изъ главныхъ элементовъ общества. Но даже и съ строго научной точки зрѣнія правительства не всегда понимали академическую свободу такъ, какъ ее понимали университеты, что выразилось въ мѣропріятіяхъ прусскаго правительства по отношенію къ приватъ-доцентамъ, принадлежащимъ къ соціалистской партіи. Конечно, въ такихъ вопросахъ, которые не имѣютъ отношенія къ наукѣ, разногласіе между профессорами и студентами должно выражаться еще сильнѣе. Такъ и случилось теперь, и борьба за академическую свободу, вызвавшая волненіе среди учащейся молодежи высшихъ учебныхъ заведеній въ различныхъ городахъ Германіи, поглощаетъ въ настоящее время всеобщее вниманіе. Толчокъ къ движенію исходилъ отъ технической высшей школы въ Ганноверѣ, гдѣ студенты на своемъ собраніи постановили резолюцію, касающуюся борьбы національностей въ инспрукскомъ университетѣ и выражающую сочувствіе нѣмецкимъ студентамъ. Этотъ пунктъ резолюціи былъ переданъ по телеграфу въ Инспрукъ. Второй пунктъ резолюціи былъ направленъ уже противъ конфессіональныхъ союзовъ и требовалъ ихъ отмѣны въ техническихъ высшихъ школахъ. Такъ какъ въ германскихъ университетахъ и высшихъ школахъ число католическихъ студенческихъ ассоціацій постоянно возрастаетъ, то студенты ганноверской школы обратились съ воззваніемъ ко всѣмъ остальнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, требуя «во имя академической свободы» уничтоженія конфессіональныхъ перегородокъ, союзовъ и т. д. Это и подало поводъ къ конфликту между властями и университетами. Прусское правительство было очень недовольно поступкомъ ганноверскихъ студентовъ уже въ силу дипломатиче-

скихъ соображеній, такъ какъ опасалось, что подобныя демонстраціи могутъ повредить отношеніямъ между членами трейственнаго союза; Италія могла обидѣться, что германское студенчество принимаетъ сторону Австріи и правительство не препятствуетъ этому и т. д., и т. д. Такого рода соображенія высказывались, по крайней мѣрѣ, государственными дѣятелями и министрами. На основаніи этихъ-то соображеній власти и запретили студентамъ Ганновера вступать въ сношенія съ другими корпораціями высшихъ учебныхъ заведеній, что вызвало естественно энергичный протестъ со стороны студентовъ и еще разъ подтвердило солидарность университетовъ, такъ какъ къ различныхъ университетскихъ городахъ были организованы по этому случаю митинги и демонстраціи, въ которыхъ участвовали тысячи студентовъ. Германскіе профессора также, въ большинствѣ случаевъ, приняли сторону студентовъ; словомъ, борьба разгорѣлась не на шутку и перенесена была, наконецъ, въ прусскій ландтагъ, гдѣ всѣ партіи, за исключеніемъ центра и консерваторовъ, склонившихся передъ этимъ послѣднимъ, осудили поведеніе прусскаго правительства въ вопросѣ объ академической свободѣ. Министръ просвѣщенія вынужденъ былъ поэтому разсыпаться въ увѣреніяхъ, что онъ никогда и не думалъ стѣснять академической свободы, хотя ему и поставили на видъ дѣйствія правительства, навязывающаго факультетамъ нѣкоторыхъ профессоровъ, для того спеціально, чтобы они служили противовѣсомъ доцентамъ, взгляды которыхъ непріятны правительству. Затѣмъ не обошлось также и безъ напоминанія о стараніяхъ правительства навязать университетскимъ властямъ полицейскія обязанности по отношенію къ иностраннымъ студентамъ и т. д., и т. д. Безъ сомнѣнія, министръ просвѣщенія долженъ былъ чувствовать себя не совсѣмъ ловко, когда сыпались на него всѣ эти обвиненія, что уже можно было замѣтить по его оправданіямъ и увёрткамъ. Какъ бы то ни было, но вопросъ объ академической свободѣ поставленъ уже на очередь и всѣ органы печати со страстностью обсуждаютъ его. Профессора и нѣмецкіе ученые также приняли участіе въ этомъ спорѣ. Одинъ изъ нихъ, спеціалистъ по государственному праву, изъясняетъ съ научной точки зрѣнія понятіе объ академической свободѣ и кромѣ того, говоритъ, что каждый студентъ долженъ принципіально пользоваться также «всеобщей свободой (allgemeine Freiheit), составляющей неотъемлемое священное право каждаго подданнаго Германіи, на основаніи законовъ и конституціи, не допускающихъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія. Параграфъ 27-й прусской конституціи гласитъ: «Каждый пруссакъ имѣетъ право словесно, письменно, печатно и путемъ изображеній высказывать свободно свои взгляды» и это право распространяется также и на студентовъ, разумѣется, съ тѣми ограниченіями, которыя налагаютъ на всѣхъ гражданъ уголовные законы государства. Если другимъ дозволяется высказывать свое мнѣніе въ петиціяхъ и адресахъ, вступать для этого въ сношенія съ разными лицами въ другихъ мѣстахъ, устраивать общія собранія, то это право должно принадлежать и студентамъ, какъ гражданамъ государства. Въ такомъ же духѣ высказываются и многіе другіе профессора. «Не лучше ли, чтобы студенты занимались политическими вопросами, чѣмъ проводили бы время въ комершахъ,

въ пивныхъ и тратили бы свои молодыя силы въ безсмысленномъ пьянствѣ, дуэляхъ и т. п. вещахъ!—восклицаетъ фонъ-Баръ.—Боязнь студенческихъ политическихъ демонстрацій просто смѣшна. Если даже молодое воодушевленіе возникаетъ не по настоящему поводу и болѣе зрѣлый умъ пришелъ бы къ другимъ выводамъ, то все же это лучше, чѣмъ тупое равнодушіе или мысли только о собственной выгодѣ, о собственныхъ успѣхахъ! Академическая свобода заключается еще и въ томъ, что именно въ періодъ ученія для многихъ еще не образовались тѣ рамки, которыя впослѣдствіи такъ часто мѣшаютъ свободѣ мышленія. Но свобода мышленія не можетъ существовать безъ свободы выраженія своихъ мыслей внѣшнимъ образомъ, вотъ почему мы и должны такъ дорожить академическою свободой, тѣсно связанною со свободою мышленія и свободою слова. Кто хочетъ ограничить ее, тотъ принимаетъ на себя тяжкую отвѣтственность передъ своимъ отечествомъ. Вѣдь въ этой свободѣ заключается и возможность проявленія того благороднаго патріотизма, который въ минуту опасности выражается въ дѣйствіяхъ и самопожертвованіи!»

Безчисленные факты, приводимые газетами, и негодующія статьи разныхъ авторитетныхъ лицъ, выступившихъ въ защиту академической свободы, указываютъ, что свобода эта дѣйствительно постоянно надвергается опасности въ Пруссіи, гдѣ царитъ полицейская точка зрѣнія на нее, и еслибъ не парламенты, рѣшительно высказывающіеся противъ произвольнаго толкованія этой свободы прусскими властями, то, пожалуй, отъ нея давно бы ничего не осталось въ Пруссіи. Но народные представители не позволяютъ посягать на нее, и германскому правительству постоянно приходилось отступать передъ рѣшительною оппозиціей парламентовъ, лишь только оно желало провести какія-либо ограничительныя правила и законы. Да и вообще германскому правительству въ послѣднее время не везетъ въ его столкновеніяхъ съ рейхстагомъ и ландтагомъ. То одному, то другому изъ прусскихъ министерствъ приходится переживать «непріятныхъ четверть часа», отражая уколы оппозиціи, не упускающей ни одного случая, чтобы указать германскому обществу на реакціонное направленіе правительства и его противозаконный образъ дѣйствія во многихъ случаяхъ. Такъ, недавно снова произошла словесная дуэль между Бюловымъ, Фольмаромъ и Бебелемъ въ рейхстагѣ. Глава баварскихъ соціалистовъ Фольмаръ выдвинулъ на сцену вопросъ объ отношеніяхъ Германіи и Россіи по случаю преній о бюджетѣ имперскаго канцлера, причемъ онъ говорилъ объ урегулированіи правъ иностранцевъ, проживающихъ въ Германіи. «Графъ Бюловъ,—сказавъ онъ,—опирается всегда, въ такихъ случаяхъ, на авторитетъ Бисмарка, заявлявшаго о необходимости поддерживать дружескія сосѣдскія отношенія съ Россіей. Между тѣмъ, какъ это видно изъ воспоминаній бывшаго вюртенбергскаго министра-президента барона Митнахта и другихъ, Бисмаркъ и самъ не разъ бывалъ возмущенъ національнымъ униженіемъ, которое испытывала Германія, заискивая слишкомъ у своей восточной сосѣдки, чтобы помѣшать ея дружбѣ съ Франціей... Было бы нелѣпо говорить о томъ, что соціалъ-демократы желаютъ навлечь на Германію гнѣвъ Россіи и ускорить войну съ ней».

Само собою разумѣется, что графъ Бюловъ не пожалѣлъ цвѣтовъ красно-

рѣчія, чтобы отразить эти нападки на дѣйствія правительства и доказать справедливость своей точки зрѣнія и безусловную необходимость такого образа дѣйствій, который обезпечивалъ бы Германія дружескія сосѣдскія отношенія съ Россіей. Какъ проницательный и предусмотрительный политикъ, графа Бюловъ говорилъ: «Подождите, увидите! Россія сладитъ со всѣми своими затрудненіями, внѣшними и внутренними и сохранитъ за собою свое положеніе великой державы». Нѣмцы, по его словамъ, вообще отличаются склонностью поднимать негодующіе крики по поводу того, что происходитъ въ другихъ странахъ. Лѣтъ 70 или 80 тому назадъ они волновались по поводу грековъ, затѣмъ по поводу поляковъ и, наконецъ, по поводу болгаръ. Они также затѣяли шумъ и по поводу буровъ (Burenrummel), ну а теперь намѣреваются вызвать агитацію по поводу русскихъ событій. Но во всякомъ случаѣ Германія не можетъ помышлять о вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Россіи или рисковать жизнью своихъ подданныхъ и ихъ собственностью безъ всякихъ основаній. Личное же мнѣніе нѣмцевъ о русской правительственной системѣ не имѣетъ, конечно, никакого отношенія къ внѣшней политикѣ Германіи.

Бебель также не оставилъ безъ отвѣта рѣчь Бюлова и иронически замѣтилъ, что канцлеръ вообще очень любитъ говорить о тѣхъ опасностяхъ, которыя угрожаютъ Германіи со стороны соціалъдемократовъ, желающихъ, будто бы, вовлечь ее въ войну съ Россіей, въ интересахъ русской революціонной партіи. Но вѣдь хорошо извѣстно, что соціалисты не имѣютъ никакого вліянія на германскую внѣшнюю политику. Однако канцлеру желательно заставить русскихъ государственныхъ дѣятелей и русское правительство повѣрить, будто германскому правительству приходится бороться съ серьезною оппозиціей въ государствѣ всякій разъ, когда оно желаетъ быть угоднымъ Россіи. Бебель выдвинулъ весь свой арсеналъ противъ Бюлова, который, впрочемъ, какъ всегда оставался неуязвимъ и хладнокровенъ подъ градомъ стрѣлъ, сыпавшихся на него. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ обвиненіяхъ не заключалось ничего новаго, и Бюловъ давно къ нимъ привыкъ. Въ особенности теперь, никакія нападки въ рейхстагѣ не могли смущать его. Послѣ заключенія торговыхъ договоровъ онъ снова чувствовалъ твердую почву подъ своими ногами и увѣреннымъ тономъ могъ, съ своей стороны, бросать обвиненія Бебелю въ недостаткѣ германскаго патріотизма.

Но курьезнѣе всего, что въ то время какъ Бюловъ упрекалъ Бебеля въ недостаткѣ патріотизма, французская офиціозная пресса, въ лицѣ «Temps» выставляла его образцомъ патріота, въ противоположность Жоресу, который совершенно лишенъ всякихъ патріотическихъ чувствъ. Впрочемъ не одна газета «Temps» расточала хвалы патріотизму Бебеля; въ этомъ отношеніи къ ней присоединяется и Gaulois. Эта газета также восхваляетъ германскаго вождя соціалъдемократовъ за патріотическія чувства, «такъ какъ онъ въ вопросахъ, касающихся военнаго величія своей родины, всегда оказывался «истиннымъ патріотомъ» и т. д. и т. д. Наконецъ, Бебелю, очевидно надоѣло, что консервативная французская печать постоянно ставитъ его въ примѣръ Жоресу и поэтому онъ прислалъ «своему дорогому товарищу» письмо, которое и напе-

*

чатано въ «Humanité». Бебель говоритъ, что статьи «Temps» и «Gaulois», выставляющія его, въ противоположность французскому вождю соціалистовъ, «образцовымъ патріотомъ», доставили ему веселыя минуты. «Эти статьи доставили удовольствіе не только мнѣ, прибавляетъ онъ, но вѣроятно и нашимъ министрамъ, такъ какъ они должны были увидѣть изъ этихъ статей, что меня считаютъ опорой ихъ государственной системы. Право, наши противники комичны! Въ Германіи намъ постоянно указываютъ на васъ и вашихъ друзей, какъ на примѣръ, достойный подражанія, а во Франціи, наоборотъ, насъ выставляютъ образцовыми патріотами. Но пусть успокоятся французскія газеты; съ тѣхъ поръ какъ германскія соціалъдемократы имѣютъ своихъ представителей въ германскомъ рейхстагѣ, они никогда не подавали своихъ голосовъ за военный или морской бюджетъ. Бебель подробно излагаетъ причины, заставляющія германскихъ соціалистовъ такъ поступать и въ заключеніе, напоминаетъ, что германскій императоръ много разъ говорилъ, обращаясь къ солдатамъ, что они должны быть готовы стрѣлять по приказанію въ своего отца и въ свою мать, если это будетъ нужно. «Мы были бы негодяями, если-бъ стали поддерживать своимъ одобреніемъ подобную систему!» восклицаетъ Бебель.

Послѣ этого письма французская консервативная печать, вѣроятно, перестанетъ восхвалять патріотизмъ Бебеля, но за то съ тѣмъ большею яростью она будетъ нападать на Жореса, которому въ особенности министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе не можетъ простить его восклицанія въ палатѣ депутатовъ, что «французскій министръ не имѣетъ права становиться защитникомъ системы задушенія какого-нибудь народа!» Но въ настоящее время французскимъ консервативнымъ и націоналистскимъ органамъ все труднѣе становится поддерживать престижъ франко-русскаго союза. Клемансо говоритъ въ «Autorité», что военное значеніе этого союза измѣнилось не въ пользу Франціи, сколько бы не увѣрялъ Делькассе, заявляющій, что теперь союзъ этотъ необходимѣе, чѣмъ когда либо. Но что же можетъ сдѣлать Россія для Франціи, если вдругъ наступитъ такой моментъ, когда понадобится привести въ исполненіе условія союзнаго договора? Конечно двойственный союзъ будетъ еще долго существовать на бумагѣ, но въ дѣйствительности онъ будетъ только воспоминаніемъ и притомъ не очень пріятнымъ для одной изъ сторонъ. Эти и другія соображенія вѣроятно и побуждаютъ теперь французскую печать всѣхъ оттѣнковъ говорить о необходимости скорѣйшаго заключенія мира. Рошфоръ, въ «Intransigeant», съ горячностью восклицаетъ: «чтобы ни говорила, чтобы ни дѣлала Россія—она потерпѣла пораженіе! Довольно свирѣпствовала смерть; теперь и она должна отдохнуть, также какъ Японія и Россія!»

Руссофильская газета «Temps» говоритъ въ передовой статьѣ, что совершенно неправильно сравниваютъ положеніе Россіи съ положеніемъ Франціи, когда она шагъ за шагомъ боролась, безъ всякихъ шансовъ на успѣхъ, безъ всякой надежды! Положеніе далеко не одинаково. «Мы сражались за свое національное единство, за свою землю, за ту землю, клочокъ которой отъ насъ хотѣли отнять,—говоритъ «Temps».—Мы съ отчаяніемъ боролись за ту нравственную величину, именуемую родиной, въ которой объединяются всѣ наши

радости и горести. Мы старались, напрягая послѣднія усилія, задержать часъ расчлененія, но русскіе не находятся въ такомъ положеніи и поэтому на нихъ не лежитъ ни такихъ тяжелыхъ обязательствъ, ни такого властнаго долга. Они не могутъ ссылаться на нашъ примѣръ, которымъ они не воспользовались, такъ какъ повторили всѣ наши ошибки: непредусмотрительность, пассивность, непослѣдовательность, сгубившія насъ и губящія ихъ, въ свою очередь. Они не могутъ на него ссылаться, доказывая необходимость и долгъ продолжать войну во чтобы то ни стало: поле битвы, на которомъ они уже болѣе года сражаются,—китайская провинція. Война же, только вслѣдствіе своего распространенія, приняла характеръ національной войны; въ сущности же она была и остается колоніальною войной. Политика, результатомъ которой явилась эта война, была уклоненіемъ отъ первоначальныхъ, вполнѣ мирныхъ и коммерческихъ плановъ, которые имѣла въ виду Россія, начиная свою дѣятельность на Дальнемъ Востокѣ. И теперь она борется на чужой территоріи, изъ-за чужой территоріи, которая ей не принадлежитъ и относительно которой она всегда заявляла, что не имѣетъ намѣренія присваивать ее себѣ. Неужели же тутъ есть основанія продолжать эту борьбу до послѣдней крайности и говорить, что этого требуетъ національная честь?»

Характернымъ симптомомъ, указывающимъ настроеніе французскаго общества въ данную минуту, служитъ статья, напечатанная въ журналѣ «Revue» и озаглавленная: «Какъ намъ спасти наши девять милліардовъ?» Статья подписана: «Un ami de l'Alliance» (другъ союза), но авторъ ея самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ новыхъ русскихъ займовъ во Франціи. По его словамъ, Франція не только ссудила Россіи баснословную сумму въ девять милліардовъ, но въ своемъ энтузіазмѣ поддержала и русскій кредитъ и поэтому-то русская рента, которая въ моментъ русско-турецкой войны упала на $73^3/_8$, теперь, несмотря на всѣ пораженія, все-таки держится на 90! Принеся такъ много тяжелыхъ жертвъ своей союзницѣ, Франція, наконецъ, имѣетъ право высказаться и на ней лежитъ долгъ дѣйствовать. Продолженіе войны сопряжено съ величайшими опасностями для Россіи. Пусть она вспомнитъ перемѣну политики Италіи въ абиссинскую войну. Вѣдь король Гумбертъ вынужденъ былъ уступить сопротивленію народа, и хотя Италія и потерпѣла пораженіе въ Африкѣ, но она выиграла въ Европѣ. Русскій же народъ знаетъ теперь, какъ безумно воевать съ Японіей, если только война будетъ все-таки продолжаться; притомъ, стремясь къ реваншу, Россія должна будетъ потратить еще нѣсколько милліардовъ, но кто же дастъ ихъ ей? Впрочемъ, честь снабжать ее деньгами на разныя безумства принадлежитъ только Франціи. Между тѣмъ, каждый новый заемъ подвергаетъ опасности прежніе, раньше его заключенные, такъ какъ продолженіе войны означаетъ въ то же время и продолженіе тѣхъ крайностей, которыя подрываютъ русскій организмъ. Россіи понадобится по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ, чтобы пополнить ущербъ, нанесенный ея общественному благосостоянію, даже если будетъ заключенъ миръ. Ну, а если она будетъ продолжать воевать, то для этого понадобится 50 лѣтъ. Русская промышленность и сельское хозяйство теперь совершенно парализованы.

Что же касается Японіи, то Россія очень ошибается, полагая, что японскіе финансовые рессурсы скоро истощатся. Торговля Японіи очень увеличилась, а хорошій урожай риса увеличилъ государственный доходъ на сто милліоновъ франковъ, да и кредитъ Японіи, во время войны, увеличился, и въ финансовыхъ кружкахъ отлично знаютъ, что болѣе половины послѣдняго японскаго займа было тайкомъ подписано во Франціи».

Далѣе авторъ обсуждаетъ экономическое и внутреннее политическое положеніе Россіи. Россія не должна и не можетъ продолжать войны, и Франція должна все сдѣлать, чтобы удержать ее отъ этого. Притомъ Франціи необходимо помнить, что хотя въ данный моментъ прежніе займы и не подвергаются опасности, но зато съ каждымъ новымъ займомъ опасность эта возрастаетъ и угрожаетъ цѣлости девяти милліардовъ, отданныхъ Россіи.

Такимъ образомъ, во французской печати все громче и громче раздаются голоса о скорѣйшемъ заключеніи мира. Объ этомъ говоритъ и англійская печать, однако преимущественно интересующаяся теперь внутреннимъ положеніемъ Россіи. Русскіе отлично видятъ, что они были обмануты, замѣчаютъ англійскія газеты, и что эти самые японцы, которыхъ описывалъ сорокъ лѣтъ тому назадъ Гончаровъ, какъ самыхъ худшихъ представителей азіатскаго варварства, ушли дальше Россіи по пути цивилизаціи и прогресса и въ области нравственной и военной силы. Въ настоящее время русская нація вступила въ періодъ пробужденія. И англійская печать съ напряженнымъ интересомъ слѣдитъ за этимъ пробужденіемъ великой націи и ждетъ результатовъ.

Въ клерикальныхъ кругахъ Франціи, по мѣрѣ того, какъ приближается окончательное рѣшеніе вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства, обнаруживается новая тактика. До этого времени французскіе клерикалы дѣлали видъ, что ихъ нисколько не пугаетъ эта перспектива и что новыя условія, которыя будутъ созданы отдѣленіемъ церкви отъ государства, должны оказаться для нихъ даже выгоднѣе, чѣмъ при конкордатѣ. Но теперь они угрожаютъ, что если отдѣленіе совершится, то они не подчинятся ему и въ результатѣ получится такая путаница, что волей-неволей придется прибѣгнуть къ новому конкордату. Такъ какъ эта угроза раздается съ разныхъ сторонъ, то надо полагать, что это не спроста и тутъ существуетъ система, путемъ которой вожди клерикализма намѣрены помѣшать введенію новаго закона. Говорятъ, будто папа даже воскликнулъ: «Я бы предпочелъ имѣть дѣло съ Комбомъ», когда ему передали подробности о засѣданіи палаты, въ которомъ былъ поставленъ на очередь этотъ жгучій вопросъ. Вообще въ Ватиканѣ, повидимому, были очень непріятно изумлены, увидѣвъ, что кабинетъ Рувье, на который возлагалось столько надежды, не только слѣдуетъ по пути Комба, но намѣренъ идти еще дальше въ этомъ направленіи. Дѣйствительно, законопроектъ Рувье гораздо радикальнѣе, чѣмъ тотъ, который былъ представленъ Комбомъ и нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться, что какъ правительство, такъ и большинство палаты постараются какъ можно скорѣе привести въ дѣйствіе новый законъ. Очень понятно поэтому, что папа сожалѣетъ теперь о Комбѣ.

А между тѣмъ, какъ вѣдь, радовались въ Ватиканѣ избранію Думера въ президенты палаты, справедливо предусматривая тутъ скорое паденіе Комба и забывая пословицу, что можно попасть «изъ огня да въ полымя».

Что касается непосредственнаго вліянія, которое можетъ имѣть отдѣленіе церкви отъ государства на націю, то на этотъ счетъ взгляды расходятся и во всѣхъ лагеряхъ царитъ полная неизвѣстность. Это же можно сказать и относительно клерикаловъ, гдѣ существуютъ два противоположныхъ взгляда: одни радуются, что церковь, наконецъ, освобождается отъ необходимости принимать въ соображеніе мірскія власти и можетъ преслѣдовать только свои цѣли и опираться только на свои собственныя силы. На этомъ основаніи они и надѣются, что отдѣленіе церкви вызоветъ новый подъемъ религіознаго духа во Франціи и усиленіе могущества и вліянія спеціально французской церкви. Другіе же думаютъ иначе: французская церковь, говорятъ они, такъ привыкла полагаться на поддержку государства, что безъ нея ей трудно будетъ обходиться. Религія за послѣднее столѣтіе сохранила только внѣшнія формы и лишилась внутренней силы и способности воодушевленія. Къ тому же и щедрость французовъ очень сомнительна въ религіозныхъ дѣлахъ, и это обстоятельство заставляетъ опасаться за судьбу французской церкви. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что французскій крестьянинъ не станетъ раскошеливаться въ пользу церкви и скорѣе готовъ будетъ даже совсѣмъ отказаться отъ нея, чѣмъ развязывать свой кошелекъ. Затѣмъ въ клерикальныхъ кругахъ опасаются схизмы, которая, вѣроятно, не замедлитъ возникнуть, какъ только ослабѣетъ давленіе конкордата. Эта двойственность настроенія клерикальныхъ круговъ отражается и въ Ватиканѣ и отчеты, получаемые оттуда, отличаются большою противорѣчивостью. То говорятъ, что папа не теряетъ мужества и твердой увѣренности, что теперешній кризисъ во Франціи скоро будетъ улаженъ и завершится полнымъ торжествомъ церкви. То сообщаютъ, что папа пришелъ въ уныніе и что онъ желалъ бы отложить рѣшеніе этого вопроса до будущихъ выборовъ, для того, чтобы воздѣйствовать на выборщиковъ и повліять на нихъ въ извѣстномъ направленіи. Конечно, всѣ эти толки указываютъ на нѣкоторое смятеніе умовъ, господствующее въ той партіи, которая до сихъ поръ дѣйствовала такъ увѣренно.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Толки иностранной печати о мирѣ и войнѣ.—Доктрина Монроё на Дальнемъ Востокѣ.—Демократизація театра.—Лордъ Кёрцонъ и правдивость европейца.

Англійскіе и американскіе журналы попрежнему посвящаютъ все свое вниманіе войнѣ и обсуждаютъ шансы мира. Большинство впрочемъ склоняется въ пользу мнѣнія, что послѣднія событія не увеличили шансовъ на заключеніе мира. «Война будетъ продолжаться, пока Россія не приметъ условій Японіи, говоритъ «Fortnightly Review», но пока у нея есть хоть малѣйшая возможность, она будетъ продолжать борьбу съ усердіемъ, достойнымъ лучшей

участи».—«Contemporary Review», однако полагаетъ, что близокъ моментъ, когда даже тѣ русскіе, которые еще продолжаютъ лелѣять надежду на возможность побѣды Россіи, откроютъ наконецъ глаза и убѣдятся въ полной несбыточности этой надежды, но тогда передъ ними возстанетъ проблема сфинкса, т. е. вопросъ о средствахъ и способахъ заключенія мира и всѣ увидятъ ясно, что война была начата бюрократіей вопреки жизненнымъ интересамъ русскаго народа и могла только завершиться полнымъ пораженіе бюрократіи, взамѣнъ пораженія Японіи. Всѣ въ Россіи чувствуютъ это и всѣ съ напряженіемъ ждутъ того момента, когда можно будетъ перейти Рубиконъ и создадутся условія, которыя сдѣлаютъ возможнымъ рѣшеніе вопроса о мирѣ или войнѣ и внесутъ порядокъ въ экономическій и финасовый хаосъ, господствующій въ имперіи.

Соединенные штаты, также какъ и другія державы, очень безпокоитъ поведеніе Китая, такъ какъ если Китай нарушитъ нейтралитетъ, то это послужитъ во многихъ отношеніяхъ аргументомъ въ пользу идеи «Желтой опасности», которая тревожитъ европейскіе народы и на которую указывалъ германскій императоръ задолго до русско-японской войны. Но одинъ изъ главныхъ органовъ восточнаго міра «Buddhism» заявляетъ, что «Желтая опасность»—это просто призракъ, созданный нелѣпымъ страхомъ. Однако этотъ журналъ считаетъ не только вѣроятнымъ, но и очень желательнымъ такой оборонительный союзъ азіатскихъ народовъ, который обезпечитъ безопасность Азіи и Дальнаго Востока. «Западъ»—говоритъ «Buddhism»—опирается въ своей политикѣ распространенія на переживаніе наиболѣе способной расы и устраненіе слабой расы другою, болѣе сильной. Но при этомъ онъ теряетъ изъ вида, что міръ достаточно великъ и въ немъ хватитъ мѣста для двухъ большихъ вѣтвей человѣческой семьи, арійцевъ и монголовъ, которые и могутъ развиваться въ своихъ соотвѣтственныхъ сферахъ.

«Ничего не будетъ удивительнаго въ томъ, замѣчаетъ далѣе журналъ, если спустя нѣсколько лѣтъ послѣ подписанія русско-японскаго мира, между Китаемъ и Японіей будетъ заключенъ оборонительный союзъ, къ которому, можетъ быть, примкнетъ и Сіамъ. Союзъ этотъ явится подтвержденіемъ новой доктрины Манроё для Дальняго Востока, гарантирующій государствамъ, существующимъ въ этой части свѣта, ихъ безопасность, и защищающей ихъ отъ возможныхъ въ будущемъ посягательствъ запада. Если принять во вниманіе, въ какое короткое время сорокъ милліоновъ японцевъ могли осуществить реформы въ духѣ западной цивилизаціи и достигнуть того, чего они достигли, то нѣтъ сомнѣнія, что и четыреста милліоновъ китайцевъ, какъ только у нихъ возьметъ верхъ партія реформъ, быстро пойдутъ по стопамъ японцевъ, и тогда то можетъ образоваться двойственный или тройственный буддистскій союзъ, и передъ глазами политиковъ западныхъ націй, въ ихъ спорахъ и сферахъ вліянія, предстанетъ новая констеляція, вмѣсто тѣхъ гинтерляндовъ, которые составляютъ предметъ ихъ вожделѣній и мечтаній, и эта констеляція будетъ достаточна сильна, чтобы заставить ихъ прибѣгнуть къ политикѣ третейскаго

суда и частичному разоруженію, облегчивъ такимъ образомъ колоссальное бремя, тяготѣющее на плечахъ всѣхъ западныхъ націй».

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій ясно, что востокъ мечтаетъ о буддистскомъ союзѣ и что Японія будетъ облечена въ этомъ союзѣ восточною гегемоніей. Журналъ «New India», издающійся въ Калькуттѣ, говоритъ, что Японія уже доказала свое нравственное превосходство надъ цивилизаціями западнаго міра и этимъ оказала громадныя услуги человѣчеству. Чтобы обнаружить съ достаточною силой качества азіатскаго характера, необходимо было одной изъ азіатскихъ націй доказать свои военныя способности и свою энергію. Нравственная побѣда Японіи надъ Россіей будетъ имѣть громадное вліяніе надъ всѣмъ міромъ. Азіатскіе народы, въ своихъ столкновеніяхъ съ Европой, до сихъ поръ оказывались неспособными противостоять нашествію западныхъ націй и по этому то въ Америкѣ и Европѣ сложилось и укрѣпилось убѣжденіе, что азіаты представляютъ въ нравственномъ отношеніи низшую націю. Европа еще не отказалась отъ своихъ притязаній на превосходство своей цивилизаціи, чѣмъ она и оправдывала, съ помощью своего оружія, свои походы въ Китаѣ на востокѣ. Пока Азія не доказала, что она можетъ помѣряться силами Европой, до тѣхъ поръ эта теорія о превосходствѣ запада должна была держаться даже въ умахъ востока. «И вотъ, такъ-какъ Японія доказала уже теперь свою нравственную силу, то восточный идеалъ и отношеніе Европы къ этому идеалу, должны претерпѣть большія измѣненія, благодаря которымъ современное человѣчество вступитъ въ новую фазу эволюціи».

«North American Review» помѣщаетъ статью бывшаго японскаго перваго министра, графа Окума, который доказываетъ, что Японія, благодаря своимъ атавистическимъ качествамъ, также какъ и своей современной организаціи, въ состояніи дать такое разрѣшеніе азіатскихъ проблемъ, какого желаетъ и ожидаетъ востокъ. Какъ цивилизованная нація Японіи существуетъ уже 15 вѣковъ и поэтому, когда она открыла двери западнымъ идеямъ, то они нашли давно уже подготовленную культурную почву. Конечно Японія, подобно всѣмъ изолированнымъ націямъ, сначала всѣми силами противостояла нашествію западныхъ идей, но признавъ, что такое сопротивленіе можетъ только повредить ея интересамъ, Японія пожелала подняться до высоты западной цивилизаціи и со свойственнымъ ей горячимъ патріотизмомъ принялась за дѣло. Такимъ образомъ Японія вовсе не представляетъ новаго явленія въ исторіи цивилизаціи. Это очень древняя цивилизація, которая, благодаря современнымъ методамъ, можетъ теперь показать западу свои скрытыя силы, свободно развивающіяся послѣ уничтоженія всѣхъ, сковывавшихъ ихъ раньше преградъ.

Стэдъ печатаетъ въ «Review of Review» статью, въ которой, говоря о театральныхъ впечатлѣніяхъ, доказываетъ необходимость «демократизаціи драмы». «Когда я думаю о томъ, что могъ бы сдѣлать театръ,—говоритъ онъ,—и какія услуги онъ могъ бы оказать, какъ агентъ культуры и цивилизаціи, то сердце у меня сжимается отъ боли при видѣ, во что обратилось это учрежденіе въ современную эпоху, и я готовъ заплакать надъ тѣмъ отвратитель-

нымъ кощунствомъ, которому подвергается сцена, гдѣ могли бы найти убѣжище религія и нравственность и гдѣ все направлено лишь къ тому, чтобы позабавить публику, думающую только объ удовольствіяхъ.

Стэдъ находитъ, что театръ долженъ быть открытъ для всѣхъ и чтобы не только тѣ могли получить туда доступъ, кто въ состояніи уплатить болѣе или менѣе высокую цѣну за свое мѣсто. Демократизаціи театра можно было бы достигнуть, еслибъ менѣе тратили на декораціи, на постановку пьесъ, костюмы и т. п. Въ настоящее время театръ—это выставка нарядовъ и актрисъ, а между тѣмъ его настоящее назначеніе служить религіозною, политическою и соціальною школою для народа. Такой настоящій народный театръ, демократическій въ истинномъ смыслѣ этого слова, долженъ быть непремѣнно даровымъ, по крайней мѣрѣ по извѣстнымъ днямъ недѣли, для того чтобы народъ получилъ въ него доступъ и тогда онъ станетъ національнымъ театромъ.

Идею «національнаго театра» проповѣдуетъ также «North American Review». Въ Нью-Іоркѣ, впрочемъ, она уже близка къ осуществленію. Тамъ предполагается выстроить такой театръ, который соединялъ бы въ себѣ всѣ условія архитектурной красоты, требованій современнаго сценическаго искусства и техники, благодаря которымъ возможна была бы постановка всевозможныхъ произведеній. На этомъ театрѣ будутъ ставиться пьесы какъ классическаго, такъ и современнаго репертуара съ лучшими артистами исполнителями. Организаторы этого театра желаютъ поощрять американскую драматическую литературу, стремленіе къ усовершенствованію языка и надѣятся, именно посредствомъ театра, образовать умы и содѣйствовать повышенію интеллектуальнаго и нравственнаго уровня американскаго народа. Само собою разумѣется, что устройство національнаго театра потребуетъ и устройства при немъ консерваторіи и библіотеки. Что касается средствъ, нужныхъ для этихъ учрежденій, то они, конечно, найдутся въ Америкѣ, гдѣ никогда не бываетъ недостатка въ пожертвованіяхъ на общественное дѣло и между американскими милліардами, вѣроятно, возникнетъ состязаніе въ дѣлѣ оказанія помощи организаціи національнаго театра. Но только, въ противоположность идеѣ Стэда, американскій національный театръ не будетъ даровымъ и даже наоборотъ, пропагандисты идеи этого театра, какъ истые практическіе янки, особенно выставляютъ на видъ дѣловыя выгоды такого предпріятія.

Вице-король Индіи, лордъ Кёрцонъ, недавно, на университетскомъ праздникѣ въ Калькуттѣ, обратился съ рѣчью къ тамошнимъ студентамъ, въ которой онъ весьма неодобрительно отзывался о преобладающихъ свойствахъ восточнаго характера и совѣтовалъ студентамъ-туземцамъ стараться искоренить эти національные недостатки въ своемъ характерѣ. Онъ въ особенности предостерегалъ ихъ отъ лжи, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность характера каждаго восточнаго народа: всѣ эти народы культивируютъ ложь въ своихъ поступкахъ, рѣчахъ, во всемъ своемъ поведеніи и всегда стараются вызвать совершенно ложныя представленія, какъ у своихъ единоплеменниковъ, такъ и у другихъ народовъ, относительно событій, фактовъ и т. п. Высшій идеалъ правды присущъ только западу, сказалъ Кёрцонъ, и лишь

позднѣе, постепенно, онъ началъ проникать на востокъ, но далеко еще тамъ не укрѣпился. Надо избѣгать лести, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась, а лесть очень распространена среди восточныхъ народовъ, но она всегда бываетъ или унизительна или несправедлива, и поэтому, на западѣ она такъ преслѣдуется, тогда какъ на востокѣ она возводится въ систему и тамъ, гдѣ житель востока непремѣнно разсыпется въ льстивыхъ увѣреніяхъ, европеецъ будетъ гордо молчать...»

Разумѣется эта рѣчь очень не понравилась студенцамъ-туземцамъ, которые сочли себя обиженными такимъ опредѣленіемъ восточнаго характера, и въ отвѣтъ на эти слова вице-короля появилось въ мѣстномъ туземномъ органѣ краткое, но краснорѣчтвое извлеченіе изъ книги лорда Кёрцона «Проблемы Дальнаго Востока», въ которой онъ описываетъ свое пребываніе въ Кореѣ:

«Прежде чѣмъ отправиться на аудіенцію къ корейскому императору, разсказываетъ лордъ Кёрцонъ, я имѣлъ разговоръ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Меня предупредили, что я не долженъ говорить своихъ настоящихъ лѣтъ (мнѣ тогда было 33 года), такъ какъ въ Кореѣ молодость не внушаетъ уваженія и къ ней относятся пренебрежительно. Поэтому, когда онъ спросилъ, сколько мнѣ лѣтъ—я отвѣчалъ не колеблясь: «сорокъ».

— Какъ, только сорокъ! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.—Впрочемъ, вы не выглядите и на эти годы. Вы кажетесь ужасно молодымъ. Чѣмъ вы объясняете свою моложавость?

— А тѣмъ, возразилъ я, что я уже цѣлый мѣсяцъ живу въ странѣ, обладающей такимъ чуднымъ климатомъ, какимъ природа надѣлила царство его величества корейскаго императора.

Въ заключеніе нашего разговора министръ спросилъ меня: «Я полагаю, что вы близкій родственникъ англійской королевы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, но увидѣвъ на его лицѣ выраженіе непріятнаго разочарованія, спохватился и прибавилъ: «по крайней мѣрѣ въ данный моментъ я еще не состою въ родствѣ съ нею, потому что я еще не женатъ»!

Этими словами я снова вернулъ себѣ расположеніе стараго министра, который простился со мною очень любезно».

«Такова идеальная западная любовь къ истинѣ и горделивое молчаніе европейца, не желающаго унизиться до лжи!» прибавляетъ отъ себя калькутскій журналъ. Эта остроумная выходка автора индуса возбуждаетъ насмѣшливыя замѣчанія по адресу лорда Кёрцона во всей индійской туземной печати и вѣроятно почтенный лордъ, высокомѣрно говорившій о лживости туземцевъ, долго не забудетъ этого урока, даннаго ему туземцами.

ВОСПИТАНІЕ ИЗБИРАТЕЛЯ ВЪ АНГЛІИ.

(Письмо изъ Лондона).

I.

Школа подготовляетъ человѣка, гражданина, общественнаго или промышленнаго дѣятеля, но она не можетъ подготовить избирателя. Она можетъ дать знанія, общую основу для моральныхъ и политическихъ настроеній и убѣжденій, сноровку и умѣнье въ разныхъ областяхъ искусства, но отвѣчать на вопросъ, какъ голосовать на парламентскихъ и муниципальныхъ выборахъ, она не въ силахъ. Никакой учебникъ, никакая университетская лекція васъ не научатъ, правъ ли Иванъ, желающій, напримѣръ, пользоваться дешевымъ трудомъ китайцевъ въ трансваальскихъ рудникахъ, или Сидоръ, считающій наемъ китайцевъ нарушеніемъ всѣхъ человѣческихъ и божескихъ законовъ. Правъ ли Петръ, требующій введенія восьмичасового рабочаго дня законодательнымъ порядкомъ, или Степанъ, протестующій противъ такого законодательнаго вмѣшательства? Какая школа, какой университетъ можетъ рѣшить вопросъ объ ирландскомъ гомрулѣ, объ упроченіи связей между колоніями и метрополіей, о томъ, кто долженъ содержать школы разныхъ исповѣданій, и и многіе другіе вопросы, волнующіе политическія партіи въ то или другое время?

Между тѣмъ, на всѣ эти вопросы призванъ отвѣчать именно избиратель, и призванъ отвѣчать сейчасъ же, въ такой-то срокъ, потому что иные предлагаемые на его рѣшеніе вопросы не терпятъ отлагательства. Очевидно, что если избиратель былъ бы предоставленъ самому себѣ, то онъ оказался бы въ крайне незавидномъ положеніи сказочнаго героя, очутившагося на перекресткѣ передъ двумя одинаково темными и загадочными надписями: «куда пойти,— направо или налѣво?» Тѣмъ болѣе, что, миновавъ блогополучно одинъ перекрестокъ, онъ сейчасъ же очутился бы на другомъ, который, не менѣе перваго, расходится въ разныхъ направленіяхъ. Жизнь то и дѣло ставитъ все новые и новые вопросы и, какъ ѳиванскій сфинксъ, пожираетъ тѣхъ, которые не умѣютъ разрѣшить ихъ. И поэтому во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, гдѣ рѣшеніе государственныхъ вопросовъ зависитъ отъ избирателя, дѣлается всевозможное, чтобы придти ему на помощь и облегчить ему задачу, возлагаемую на него политической и общественной жизнью его родины. Воспитаніе избирателя, выработка въ немъ, такъ сказать, партійнаго инстинкта, политическаго чутья и опредѣленныхъ парламентскихъ симпатій и антипатій, просвѣщеніе его въ дѣлахъ государственнаго управленія и подготовленіе его къ роли политическаго дѣятеля является серьезной и главной заботой народныхъ вождей и искреннихъ радѣтелей объ общественныхъ интересахъ. Это воспитаніе дѣлается тѣмъ необходимѣе, чѣмъ шире кругъ избирателей и чѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе дѣлается жизнь. Тамъ, гдѣ избирательное право сильно ограничено и число лицъ, пользующихся правомъ голоса, не велико, обученіе избирателя не представляетъ особыхъ затрудненій. Въ странахъ съ ограниченнымъ избирательнымъ

правомъ избиратели обыкновенно принадлежатъ къ опредѣленнымъ группамъ, имѣющимъ вполнѣ очерченный и обособленный кругъ интересовъ. Для такихъ избирателей все болѣе или менѣе ясно, и политическая жизнь никакихъ загадокъ имъ не задаетъ. Если они, напримѣръ, принадлежатъ къ «группѣ» купеческой, какъ часть избирателей австрійскаго Abgeordnetenhaus, то ясно, что они должны обо всемъ судить съ точки зрѣнія коммерческой, съ точки зрѣнія торговыхъ палатъ. Судить съ другой точки зрѣнія имъ не полагается. Никто этого отъ нихъ не ожидаетъ, какъ никто не ждетъ отъ «группы» сельскихъ избирателей того же австрійскаго парламента, чтобы они разсуждали съ точки зрѣнія «группы» городской. Датчанину, которому нужно подать голосъ за кандидата въ верхнюю палату риксдага, въ Landstihng, стоитъ только принять во вниманіе, къ какому разряду налогоплательщиковъ онъ, избиратель, принадлежитъ, чтобы рѣшить вопросъ, за кого голосовать: конечно, за человѣка, «представляющаго интересы» именно его группы избирателей, платящихъ столько-то налоговъ.

Но даже тамъ, гдѣ выборы происходятъ не по сословнымъ или имущественнымъ группамъ, а на основахъ общаго избирательнаго права, часто вовсе не требуется особой подготовки для избирателя, разъ вопросы, которые онъ призванъ рѣшить, слишкомъ элементарны и ясны. Еще, конечно, меньше заботъ представляютъ избиратели въ тѣхъ счастливыхъ Аркадіяхъ, въ которыхъ жизнь течетъ такъ тихо и ровно, что никакихъ волненій она не знаетъ и никакихъ «вопросовъ» не создаетъ, какъ, напримѣръ, въ Швейцаріи. Другое дѣло страны, въ которыхъ широкая основа избирательнаго права соединяется съ кипучей умственной и экономической дѣятельностью, съ борьбой и столкновеніями разныхъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ, съ ежечаснымъ всплываніемъ на поверхность жизни все новыхъ и новыхъ стремленій, задачъ, требованій. Тутъ избиратель, даже изъ сферъ интеллигентныхъ, невольно остановится въ недоумѣніи, смутится и запутается и радостно ухватится за малѣйшую нить, которая способна вывести его изъ лабиринта общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Тѣмъ больше въ ней нуждается тотъ, кто ни по роду занятій, ни по образованію не привыкъ разбираться въ вопросахъ болѣе или менѣе характера отвлеченнаго и непосредственно его не касающихся. А вѣдь къ такого рода избирателямъ и принадлежитъ почти вся масса лицъ, призванныхъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ въ Германіи, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, Франціи, Англіи и другихъ передовыхъ странахъ.

Само собою разумѣется, что Англія, ранѣе другихъ усвоившая парламентскій образъ правленія, раньше другихъ и въ то же время совершеннѣе и лучше другихъ обставила дѣло воспитанія и подготовки избирателя. Особенно это оказалось необходимымъ послѣ принятія избирательной реформы 1867 года, предоставившей право голоса на парламентскихъ выборахъ почти всему взрослому мужскому населенію англійскихъ городовъ. Благодаря именно этой избирательной реформѣ, государство увидѣло себя вынужденнымъ взять на себя заботы о народномъ образованіи, до тѣхъ поръ бывшемъ частнымъ дѣломъ, и черезъ три года послѣ расширенія круга избирателей былъ принятъ въ Ан-

гліи билль о всеобщемъ и обязательномъ элементарномъ образованіи. Фраза Роберта Лоди (послѣ лордъ Шербрукъ): «мы, по крайней мѣрѣ, должны воспитывать нашихъ господъ», сказанная имъ при обсужденіи билля о расширеніи избирательныхъ правъ въ 1867 г., сдѣлалась въ Англіи ходячей поговоркой. Рабочее городское населеніе, составляя большинство, теоретически дѣйствительно какъ будто сдѣлалось хозяиномъ положенія и главнымъ вершителемъ политическихъ судебъ Англіи, и для интеллигенціи, составляющей вездѣ очень незначительное меньшинство, было вполнѣ естественно всполошиться передъ угрозой очутиться подъ управленіемъ огромнаго большинства полуневѣжественныхъ избирателей. Такъ изъ 7.194.974 избирателей, внесенныхъ въ списки текущаго года, лицъ съ высшимъ образованіемъ, т.-е. имѣющихъ право голоса при выборахъ представителей отъ университетовъ (всего такихъ представителей въ англійскомъ парламентѣ 9), считается всего 44.344, что составляетъ приблизительно одного на 163 обыкновенныхъ избирателей. Не только высшіе интересы государствнннаго управленія, не только высоко развитое чувство гражданственности, но и простое чувство самосохраненія должно было внушить такъ называемымъ сливкамъ общества мысль о возможно полномъ и широкомъ политическомъ воспитаніи массъ. Съ конца 60-хъ годовъ XIX вѣка начинается поэтому въ Англіи возникновеніе и усиленный ростъ разнообразнѣйшихъ организацій, дѣятельность которыхъ, въ общемъ, сводится къ одной задачѣ, къ одной цѣли: къ воспитанію избирателя.

Ознакомленіе читателя съ этими организаціями и составляетъ предметъ настоящаго очерка.

II.

Всѣ организаціи, существующія нынѣ въ Англіи на почвѣ воспитанія избирательныхъ массъ, можно раздѣлить на двѣ категоріи: на партійныя и внѣпартійныя. Первыя являются исключительно дѣломъ послѣдней трети XIX вѣка и начала нынѣшняго, а вторыя были извѣстны еще задолго до билля избирательной реформы 1832 года. Первыя служатъ партіи, вторыя—принципу. И такъ какъ политика партіи измѣнчива, завися не только отъ личности вождя, но и отъ обстоятельствъ времени и мѣста, то и характеръ партійныхъ организацій далеко менѣе выдержанъ и исторія ихъ болѣе запутана и сложна, чѣмъ характеръ и исторія внѣпартійныхъ организацій. Послѣднія создаются съ цѣлью вліять на избирателя въ совершенно опредѣленномъ направленіи, для достиженія одной какой-нибудь реформы. Путь дѣятельности для этихъ организацій вполнѣ ясенъ и простъ. Имъ нужно только бить въ одну точку, вдалбливать въ голову одну лишь идею и будить совѣсть однимъ лишь крикомъ. Такова была задача, напримѣръ, «католической ассоціаціи», основанной въ 1823 г. съ цѣлью добиться полной эмансипаціи католиковъ и добившейся этой цѣли въ 1829 году, когда парламентъ принялъ законъ объ эмансипаціи. Такой же организаціей, хотя и съ совершенно противоположной цѣлью, была раньше федерація протестантскихъ «оранжевыхъ ложъ», добивавшихся ограниченія правъ католиковъ.

Изъ прежнихъ, «до-реформеннаго» періода внѣпартійныхъ организацій можно еще указать, какъ на наиболѣе извѣстныя, на лигу, добивавшуюся уничтоженія торговли рабами, и на «Reform Association», требовавшую расширенія избирательнаго права. Но самая извѣстная внѣпартійная организація, вліяніе которой на избирателя было очень глубоко и дѣятельность которой оставила самый замѣтный слѣдъ въ новѣйшей исторіи Англіи, это, конечно, лига противъ хлѣбныхъ законовъ («Anti-Corn Law League»), основанная Кобденомъ. Трудно указать на другую организацію въ самой Англіи или за границей, которая оказалась бы такимъ сильнымъ воспитательнымъ факторомъ, какимъ была для избирателя эта лига. Конечно, успѣхъ агитаціи Кобдена не зависѣлъ отъ одного лишь просвѣщенія избирателя и выясненія его истинныхъ потребностей. Побѣда идеи свободы торговли, проповѣдовавшейся Кобденомъ и его соратниками, какъ и побѣда всякой другой идеи, имѣла своими причинами извѣстныя соціальныя и экономическія условія, безъ которыхъ никакія рѣчи и брошюры, никакія газеты, книги и манифестаціи ничего не помогли бы. Но, съ другой стороны, однихъ внѣшнихъ условій безъ полнаго и надлежащаго выясненія ихъ смысла для широкой массы народа было бы тоже недостаточно для такого полнаго и коренного переворота въ экономической системѣ, какой произошелъ въ срединѣ сороковыхъ годовъ въ Англіи. Лига побѣдила исключительно силой убѣжденія. Никакихъ другихъ средствъ она не употребляла: ни партійнаго давленія, ни парламентскихъ интригъ, ни политическихъ угрозъ или ложныхъ обѣщаній. Она подготовляла избирателя, состоявшаго въ то время почти изъ одного «третьяго класса», какъ подготовляютъ и всякаго школьника: фактами, объясненіемъ фактовъ и логической аргументаціей. Лига покрыла Англію сѣтью мѣстныхъ ассоціацій, каждая изъ которыхъ устраивала собранія, лекціи и публичные митинги. Цѣлая армія ораторовъ и лекторовъ объѣзжала страну, вездѣ объясняя принципы свободы торговли. Самъ Ричардъ Кобденъ, какъ и его товарищи, Брайтъ и другіе, безпрестанно путешествовали съ мѣста на мѣсто, проповѣдуя, гдѣ только возможно было, принципы своей лиги. Въ 1843 году одно распредѣленіе брошюръ среди населенія Англіи занимало до 500 агентовъ, посѣтившихъ 187 городовъ. Какъ выражается одинъ изъ историковъ лиги, она «предприняла походъ противъ каждаго избирателя въ королевствѣ», хотя правильнѣе было бы сказать, что лига предприняла походъ не противъ каждаго избирателя, а противъ невѣжества его. Лига, основанная въ 1836 году, была закрыта въ 1846 г., достигнувъ своей цѣли.

Лига противъ хлѣбныхъ законовъ была послѣдней организаціей, которая съ полнымъ правомъ могла называться внѣпартійной. Съ первыхъ дней своего существованія и до закрытія своего лига не переставала указывать на свой внѣпартійный характеръ, на то, что она «выше партій». Кобденъ то и дѣло заявлялъ, что онъ съ одинаковой радостью приметъ свободу торговли изъ рукъ сэра Роберта Пиля, тогдашняго вождя торіевъ, какъ и лорда Джона Ресселя, вождя виговъ. И, какъ извѣстно, свободу торговли дала ни та партія, ни другая, а часть обѣихъ партій, ставшая подъ руководствомъ Пиля.

Послѣ этой лиги возникли и многія другія внѣпартійныя организаціи, каждая изъ которыхъ преслѣдовала какую-нибудь одну цѣль, добивалась какого-нибудь одного принципа, одной реформы, но внѣпартійность ихъ оказывалась лишь номинальной, а на самомъ дѣлѣ онѣ быстро втягивались въ орбиту той или другой партіи, съ которой онѣ и начали совершать свой политическій путь. Къ этимъ номинально внѣпартійнымъ организаціямъ принадлежатъ, напримѣръ, «Общество освобожденія «религіи» (Liberation society), основанное въ концѣ 50-хъ годовъ, и противоположный ему «Институтъ защиты церкви», основанный въ 1860 г. Первое стремится къ отдѣленію церкви отъ государства, а второй къ поддержанію существующей между ними связи. Обѣ организаціи какъ будто имѣютъ дѣло лишь съ опредѣленнымъ принципомъ, который одна защищаетъ, а другая отвергаетъ, независимо отъ того, какая партія стоитъ во главѣ правительства страны. Въ дѣйствительности же религіозный принципъ, раздѣляющій ихъ, является лишь основой для ихъ партійныхъ симпатій и антипатій, и «Общество освобожденія» во всѣхъ случаяхъ и всегда работаетъ въ пользу либеральной партіи, а «Институтъ защиты»— въ пользу консервативной.

Столь же номинальной является внѣпартійность тѣхъ организацій, которыя принципіально заинтересованы въ одномъ лишь вопросѣ трезвости. Таковы, напримѣръ, «Союзъ соединеннаго королевства» («The United Kingdom Alliance») и его противница «Ассоціація содержателей кабаковъ» («Licensed Victuallers Association»). Первая добивается ограниченія торговли крѣпкими напитками, а вторая отстаиваетъ интересъ питейной торговли. Но имѣя всегда передъ собою, главнымъ образомъ, единственный принципъ, какъ цѣль своего существованія, каждая изъ этихъ организацій въ то же время какъ бы слилась съ опредѣленной партіей и старается содѣйствовать ей по всѣмъ вопросамъ партійной программы, хотя бы эти вопросы ничего общаго не имѣли съ вопросомъ питейнымъ. «Союзъ», такимъ образомъ, составляетъ какъ бы организацію либераловъ, а «Ассоціація»—консерваторовъ, несмотря на то, что сторонниковъ трезвости имѣется среди послѣднихъ не меньше, чѣмъ среди первыхъ, и наоборотъ, не мало лицъ либеральной партіи содержитъ кабаки и вообще связано. съ питейнымъ дѣломъ.

Это неумѣніе такъ называемыхъ внѣпартійныхъ организацій сохранить свой независимый характеръ и держаться вдали отъ партійнаго водоворота находитъ, мнѣ кажется, свое объясненіе въ расширенномъ въ 1867 и 1884 гг. избирательномъ правѣ. Именно послѣ 1867 года замѣчается полнѣйшая невозможность агитировать въ пользу той или другой реформы на нейтральной политической почвѣ. Не успѣли вы толково объяснить избирателю, чего вы хотите, какъ къ вашему знамени уже прилѣпили ярлычокъ: либералъ, консерваторъ или соціалистъ, и борьба начинается на чисто партійныхъ началахъ. До 1867 г., а тѣмъ больше еще до реформы 1832 года это случалось рѣдко. Число избирателей было тогда очень не велико и всѣ они принадлежали почти къ одному кругу людей. До 1832 г. это были землевладѣльцы и весь зависѣвшій отъ нихъ классъ фермеровъ, приспѣшниковъ и прихлѣбателей. Съ 1832 г.

къ нимъ отчасти присоединился, отчасти замѣстилъ ихъ новый классъ городскихъ избирателей изъ болѣе или менѣе обезпеченной буржуазіи. Ихъ интересы никогда почти не расходились и когда возникалъ какой-либо спорный вопросъ, то онъ ихъ раздѣлялъ не потому, что интересы одной группы избирателей были коренным образомъ противоположны другой, а потому, что вообще невозможно, чтобы всѣ люди думали по одному. Разномысліе есть источникъ истины, и настоящая гармонія является всегда результатомъ рѣзкихъ противоположностей. Было поэтому естественно встрѣчать почти и въ однородномъ парламентѣ двѣ партіи; но эти партіи вовсе не представляли собою враждебные другъ другу интересы. Виги и торіи XVIII вѣка рѣшительно ничѣмъ не отличались другъ отъ друга по своему соціальному и экономическому положенію. Очень мало отличались въ этомъ отношеніи и народные представители въ палатѣ общинъ до 1867 года, болѣе извѣстные подъ кличками либераловъ и консерваторовъ. Не представляя собою рѣзко разграниченныхъ соціальныхъ и экономическихъ интересовъ, прежнія партіи и не могли отожествлять собою противоположныя стороны иного даже очень значительного вопроса. Парламентская партійность въ своихъ прежнихъ формахъ была слишкомъ узкимъ русломъ для разнообразнѣйшихъ теченій политической и общественной жизни. Послѣдняя текла какъ будто мимо парламентскихъ партій. Вотъ почему даже такой огромной важности вопросъ, какъ перемѣна фискальной системы, удалось Кобдену удержать внѣ партій.

Но какъ только избирательныя ограниченія были прорваны и новые милліоны избирателей хлынули на политическую арену, положеніе дѣла сразу измѣнилось. Парламентскія партіи начали составляться изъ представителей всевозможныхъ соціально-экономическихъ группъ, обнимающихъ собою разнородные интересы. Прежній индефферентизмъ партій замѣнился поэтому крайней отзывчивостью на всѣ злобы дня; всякій вопросъ начинаетъ находить свой откликъ въ партіи, въ той группѣ ея, которая ближе всѣхъ заинтересована имъ. Партійному равнодушію уже почти не осталось мѣста въ общественной и политической жизни Англіи, и внѣпартійная организація, имѣющая цѣлью воспитаніе избирателя, неминуемо обращается въ партійную.

Очень яркой иллюстраціей къ сказанному можетъ служить затѣянная Чэмберленомъ финансовая агитація. Онъ тоже, какъ и Кобденъ, вначалѣ хотѣлъ сдѣлать свою агитацію внѣпартійной. Въ рѣчи, которою онъ открылъ походъ противъ свободы торговли, онъ прямо заявилъ, что вопросъ этотъ ничего общаго съ политикой существующихъ партій не имѣетъ, и что онъ бы не хотѣлъ, чтобы къ нему относились съ точки зрѣнія либеральной или юніонистской. Онъ назвалъ вопросъ «національнымъ», и положительно отвергъ мысль о томъ, чтобы фискальный споръ былъ поднятъ правительствомъ. Послѣднее, какъ партійное, должно было стоять въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока страна окончательно не выскажется, и лишь тогда правительство, будь то либеральное или юніонистское, должно было выступить въ качествѣ исполнителя воли народной. Самъ Чэмберленъ, благодаря этому, подалъ въ отставку и выступилъ изъ правительства, чтобы не связать послѣдняго. Однако, то, что уда-

лось Кобдену, совершенно не удалось Чемберлену, и именно потому, что со временъ Кобдена народился огромный классъ избирателей, раньше вовсе не существовавшій и глубоко заинтересованный въ дешевизнѣ предметовъ потребленія. Этотъ классъ избирателей—рабочее населеніе городовъ и деревень, получившихъ право голоса на основаніи биллей 1867 и 1884 гг. Во времена Кобдена избиратели состояли изъ такихъ лицъ, которые лично были очень мало заинтересованы въ вопросѣ о свободѣ торговли. Это все были болѣе или менѣе состоятельные люди, для которыхъ вопросъ о дороговизнѣ хлѣба, спичекъ, мяса и пр. долженъ былъ играть очень неважную роль. Будетъ-ли имъ стоить пища и одежда десятью или двадцатью фунтами больше или меньше въ годъ, для нихъ разница не Богъ вѣсть какая. Правда, для многихъ изъ нихъ протекціонизмъ или свобода торговли могли быть выгодны или убыточны съ точки зрѣнія коммерческой, но какъ для экономическаго класса, вопросъ для нихъ не существовалъ. Однимъ изъ нихъ свобода торговли могла быть выгодной, а другимъ даже очень вредной. Если напримѣръ, фабриканту сапогъ выгоденъ свободный ввозъ кожъ, то кожевенному заводчику они напротивъ, вредны. Между тѣмъ какъ для рабочаго населенія, т.-е. для всего разряда людей, живущихъ платой за трудъ, вопросъ о свободномъ ввозѣ предметовъ потребленія является черезвычайно близкимъ и непосредственно касающимся каждаго изъ нихъ. И такъ какъ этотъ разрядъ избирателей почти всецѣло принадлежитъ къ либеральной и рабочей партіямъ, то естественно вопросъ, поднятый Чемберленомъ, сейчасъ же сталъ вопросомъ партійнымъ, и организаціи, основанныя въ связи съ этимъ вопросомъ съ цѣлью пропаганды, съ самаго же начала явились лишь подголосками главныхъ политическихъ партій. Консерваторы имѣютъ свою лигу тарифной реформы, либералы свой союзъ свободной торговли, а юніонисты свою «лигу свободной пищи». Такимъ образомъ фискальную агитацію Чемберлена, вопреки кобденской, даже номинально нельзя считать внѣпартійной.

Однако, каковъ бы ни былъ истинный характеръ внѣпартійной организаціи, она всегда уступаетъ по своему значенію и вліянію на избирателя организаціи чисто партійной. Только послѣдняя является настоящимъ руководителемъ и менторомъ избирателя, только при ней одной онъ знаетъ или ему кажется, что онъ знаетъ, за что и за кого слѣдуетъ ему подать свой голосъ.

III.

Г. М. Острогорскій, въ своемъ обширномъ сочиненіи «Демократія и организація политическихъ партій», изданномъ одновременно на французскомъ и англійскомъ языкахъ, приходитъ къ очень пессимистическому выводу насчетъ роли партійныхъ организацій. Послѣднія, по его мнѣнію, разрушаютъ тотъ самый принципъ, который они ставили своей цѣлью охранять, и вмѣсто того, чтобы утверждать демократію, т. е.—свободное участіе избирателей въ дѣлахъ своей страны, онѣ, по словамъ г. Острогорскаго, только заглушаютъ истинный голосъ страны, создаютъ ложное общественное мнѣніе, насилуютъ волю на-

родныхъ избранниковъ и, въ концѣ-концовъ, дѣлаютъ изъ партійнаго вождя какого-то парламентскаго самодержца и деспота. Придя къ такому нелестному для партійныхъ организацій Англіи и Соед. Штатовъ С. Америки выводу, г. Острогорскій считаетъ своимъ долгомъ набросить проектъ новой конституціи для обѣихъ этихъ странъ, и тѣмъ спасти англо-саксонскую демократію отъ грозящихъ ей бѣдствій.

Ничуть не желая уронить значеніе этой во многихъ отношеніяхъ замѣчательной книги, богатой фактическими матеріалами, освѣщенной одной центральной идеей и изложенной превосходнымъ, увлекательнымъ языкомъ, я долженъ все-таки сказать, что г. Острогорскій проглядѣлъ самую важную сторону этихъ политическихъ организацій въ Англіи, а именно ихъ глубокое воспитательное значеніе, которое безъ всякихъ проектируемыхъ имъ новыхъ конституцій является самымъ лучшимъ противоядіемъ для всѣхъ отмѣченныхъ имъ недостатковъ, дѣйствительныхъ или воображаемыхъ. Увлекшись подробнымъ изложеніемъ исторіи каждой отдѣльной организаціи, онъ упустилъ также почти совершенно изъ виду взаимодѣйстіе между враждебными организаціями. Разсматривать же какую-нибудь партійную организацію лишь самое по себѣ, значитъ изучать ножницы, имѣя въ рукахъ лишь одну половинку ихъ.

Мы сочли нужнымъ нарочно остановиться здѣсь на книгѣ г. Острогорскаго, хотя разборъ ея вовсе и не входитъ въ нашу задачу. Но говоря о внѣпарламентскихъ политическихъ организаціяхъ, нельзя умолчать о единственномъ серьезномъ трудѣ въ этой области, о трудѣ, который, несмотря на всѣ свои достоинства, можетъ, однако, ввести въ заблужденіе своими малообоснованными выводами.

Число организацій, имѣющихъ цѣлью подготовку избирателя въ духѣ той или иной партій, довольно значительно и представляетъ собою большое разнообразіе устройства и вліянія. Главныя изъ нихъ однако основаны на одномъ и томъ же принципѣ мѣстной самостоятельности, т.-е. каждая отдѣльная мѣстность имѣетъ свое самостоятельное отдѣленіе или вѣтвь, а уже эти отдѣльныя и самостоятельныя мѣстныя организаціи составляютъ въ совокупности одну цѣлую для всей страны. У либераловъ главная такая организація съ мѣстными либеральными «ассоціаціями» называется «національно-либеральной федераціей», у консерваторовъ она носитъ названіе «національнаго союза», у ирландцевъ «лиги», у соціалистовъ просто «рабочей партіи». Наиболѣе совершенно поставленной въ смыслѣ вліянія на избирателя слѣдуетъ считать національно либеральную федерацію, которая вмѣстѣ съ «центральной либеральной ассоціаціей», съ этимъ главнымъ штабомъ партіи, содержитъ спеціальное издательство, наводняющее страну разными листками, брошюрами, картинами и книгами политическаго содержанія. Издательство, носящее названіе «Liberal Publication Department» является главнымъ поставщикомъ политической литературы для мѣстныхъ ассоціацій, клубовъ и кружковъ, какъ и для членовъ парламента, ораторовъ, парламентскихъ кандидатовъ и другихъ лицъ, для которыхъ необходимо знакомство съ тѣмъ или другимъ текущимъ политическимъ вопро-

*

сомъ. Каждая фаза политической борьбы, каждый новый вопросъ, каждая партійная злоба дня сейчасъ же находитъ свое освѣщеніе въ изданіяхъ либеральной партіи, которыя продаются очень дешево. Желающіе подписаться на годъ вносятъ гинею и получаютъ въ теченіе года все, что выходитъ изъ-подъ печатныхъ машинъ издательства, считая и издаваемый имъ ежемѣсячный журналъ «Liberal Magazine».

Работы ассоціацій на мѣстахъ очень разнообразны и состоятъ не только въ выборѣ парламентскихъ кандидатовъ, въ провѣркѣ избирательныхъ списковъ и въ принятіи разныхъ резолюцій для поддержанія или порицанія правительства и своихъ парламентскихъ представителей, но и въ устройствѣ лекцій, въ личныхъ увѣщаніяхъ и бесѣдахъ съ избирателями, особенно передъ выборами, и вообще въ распространеніи «правильныхъ» взглядовъ, соотвѣтствующихъ, конечно, программѣ партіи. Правда, взгляды эти часто страдаютъ большой односторонностью, узостью или преувеличеніями. Но если имѣть въ виду, что бокъ-о-бокъ дѣйствуетъ и противоположная партія и дѣйствуетъ почти тѣми же средствами на того же избирателя, то рискъ затемненія истины сводится почти къ нулю, и если избиратель все-же ошибается и подаетъ въ концѣ концовъ голосъ не такъ, какъ ему бы слѣдовало, то винить онъ долженъ самого себя, свою тупость или жадность, а никакъ не сваливать вину на односторонность партійной агитаціи, какъ это, напримѣръ, за него дѣлаетъ авторъ вышеназванной книги.

Кромѣ главныхъ организацій, вѣдающихъ не только воспитаніе избирателя, но и его политику, каждая партія имѣетъ еще много подсобныхъ организацій, спеціально посвящающихъ свою дѣятельность именно удержанію избирателя въ лонѣ партіи, разъясняя ея принципы, выдвигая ея заслуги и указывая на прорѣхи и недостатки противной партіи. Таковы «клубъ восьмидесяти» и Союзъ національной реформы у либеральной партіи, и «буковичная лига» (Primrose League) у консерваторовъ.

«Клубъ 80», носящій свое странное названіе по 1880 году, въ которомъ былъ основанъ, составляетъ ядро ораторовъ и лекторовъ для нуждъ либеральной партіи. Всякій клубъ, ассоціація, общество дебатовъ и т. под., желающіе ознакомить своихъ членовъ съ какимъ-нибудь текущимъ политическимъ вопросомъ, могутъ обратиться въ этотъ клубъ съ просьбой о присылкѣ лектора или оратора. Услугами «клуба 80» могутъ пользоваться и консервативныя организиціи, но, конечно, они должны знать, что освѣщеніе вопроса будетъ дано съ точки зрѣнія либеральной партіи.

Союзъ національной реформы отличается въ отношеніи воспитанія избирателя отъ національно-либеральной федераціи тѣмъ, что онъ агитируетъ не въ пользу «партіи», а отдѣльнаго «принципа», но не внѣ—партійнаго принципа, составлявшаго напримѣръ предметъ кобденской агитаціи, а такого, который принятъ вождемъ либеральной партіи и слѣдовательно вошелъ въ ея програму. Одно время этотъ союзъ, основанный еще въ 1864 г., оказывалъ огромное вліяніе, и его лекторы и литература играли очень большую роль въ просвѣщеніи и воодушевленіи избирателя. Въ послѣдніе годы, однако, по при-

чинамъ, о которыхъ было бы долго распространяться, дѣятельность союза ослабѣла и вліяніе его стало очень незначительнымъ.

Изъ подобныхъ партійныхъ организацій наиболѣе своеобразнымъ характеромъ обладаетъ «Буковичная лига», которая занимается такъ сказать нагляднымъ обученіемъ избирателя. Строго говоря, лига ставитъ своей цѣлью не обученіе, а уловленіе избирателя. Она стремится дѣйствовать не столько на умъ, сколько на воображеніе и чувства. Самое названіе ея, полусентиментальное, полу-романтическое, затѣмъ и всѣ принятые въ ней термины, заимствованные изъ масонскихъ обществъ, ея регаліи, которыми чины лиги увѣшиваютъ свою грудь—все это разчитано на внѣшній эфектъ, на мало-развитые умы, на слабости человѣческія. Лига была основана въ 1883 году лордомъ Рандольфомъ Черчилемъ, изобрѣтателемъ «торійской демократіи», старавшимся доказывать, что настоящіе демократы это именно англійскіе торіи. Для укрѣпленія, распространенія и доказательства мысли, что торіи-демократы не миѳъ, не игра пылкаго воображенія слишкомъ увлекавшагося лорда, самого по себѣ дѣйствительно проникнутаго демократическимъ духомъ, а есть дѣйствительно фактъ, лига должна была связать въ одно цѣлое представителей самыхъ низшихъ слоевъ населенія съ представителями самой высшей аристократіи; при чемъ богатые члены лиги должны были устраивать разныя угощенія, танцы, концерты, балы и пріемы, въ которыхъ одинаково, на равной ногѣ, могли бы участвовать и бѣдные члены лиги. Само собою разумѣется, что низшіе, въ отплату за щедрость и гостепріимство высшихъ, должны были на этихъ самыхъ празднествахъ и угощеніяхъ внимательно выслушивать рѣчи въ похвалу консервативной партіи, а во время выборовъ подавать за нее и свои голоса. Такимъ образомъ демократизмъ торіевъ, провозглашенный Черчилемъ, находилъ свое прямое доказательство въ празднествахъ, которыя аристократическіе члены лиги устраивали для простыхъ членовъ. Это свое «наглядное обученіе» лига продолжаетъ до сихъ поръ, но съ перемѣннымъ успѣхомъ. Главными дѣятельницами лиги являются женщины изъ аристократіи, къ которымъ, какъ мухи къ меду, льнутъ дамы мелкаго общества; женщины не только переполняютъ всѣ «ложи», «обители», комитеты и совѣты лиги, но основали въ нѣдрахъ ея еще особую женскую половину съ своими особыми «великими» и «малыми» совѣтами.

Примѣръ дѣятельницъ лиги не остался безъ подражанія въ средѣ женщинъ, принадлежащихъ къ противоположному лагерю. И вскорѣ послѣ учрежденія консервативной «Буковичной лиги» была основана и женская либеральная федерація. Послѣдняя организація, однако, значительно отличается отъ первой. Женщины либеральной партіи занимаются дѣйствительнымъ воспитаніемъ избирателя, а не уловленіемъ его. Онѣ тоже устраиваютъ угощенія, но послѣднія занимаютъ у нихъ второстепенное мѣсто и по своему характеру имѣютъ мало общаго съ празднествами «буковичной лиги». Женская либеральная федерація устраиваетъ множество лекцій, митинговъ, домашнихъ бесѣдъ, а во время выборовъ, также какъ и консервативныя дамы, члены федераціи принимаютъ очень большое участіе въ личныхъ посѣщеніяхъ и бесѣдахъ съ избирателями.

Въ началѣ 90-хъ годовъ, вслѣдствіе раскола, возникшаго въ федераціи по вопросу объ отношеніи ея къ женской политической равноправности, часть членовъ ея выступила и образовала новую организацію подъ именемъ «Національной либеральной ассоціаціи женщинъ», которая, однако, придерживается того же образа пропаганды, какъ и первоначальная федерація.

Совершенно въ сторонѣ отъ партійныхъ и внѣпартійныхъ организацій, занятыхъ политическимъ развитіемъ избирателя, стоитъ «Фабіанское общество» («The Fabian Society»).

Объ этомъ обществѣ за границей имѣютъ очень смутное представленіе. Будучи чисто-англійскимъ по устройству, цѣлямъ и образу дѣйствій, оно очень трудно поддается истинному пониманію его со стороны иностранцевъ. Вотъ почему одни считаютъ его обществомъ политическимъ, которое даже будто выставляетъ собственныхъ кандидатовъ на муниципальныхъ и парламентскихъ выборахъ. Другіе, наоборотъ, считаютъ его лишь какимъ-то клубомъ для дебатовъ по вопросамъ экономическимъ и, давъ описаніе двухъ-трехъ собраній его, наивно полагаютъ, что вполнѣ ознакомили читателя съ фабіанскимъ обществомъ. Есть и такіе иностранцы, которые принимаютъ это общество за какое-то собраніе ученыхъ, имѣющихъ своей задачей академическое обсужденіе разныхъ политико-экономическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія соціализма. На самомъ же дѣлѣ общество это столь же далеко отъ политической партійности, сколько и отъ научной академичности, и столь же мало составляетъ клубъ для дебатовъ, какъ и боевую организацію. Главнѣйшая дѣятельность и почти единственная цѣль общества чисто-образовательная. И никакая другая организація не сдѣлала въ Англіи столько для просвѣщонія избирателя, сколько фабіанская. По своему принципу она соціалистическая; но она вовсе не принадлежитъ къ одной какой-либо партіи, и на выборахъ она оказываетъ содѣйствіе одинаково либераламъ или соціалистамъ и даже юніонистамъ, если только кандидатъ выставляетъ въ своей программѣ любезныя ей требованія тѣхъ или другихъ реформъ. Фабіанское общество вѣритъ только въ мѣры, въ практическіе шаги, и разъ только эти мѣры отвѣчаютъ основному принципу, то ему нѣтъ дѣла, кто собирается проводить ихъ въ жизнь и съ какими затаенными намѣреніями это дѣлается. Сдѣлавъ своимъ знаменемъ не партіи, не отвлеченные принципы, а практическія предложенія, откуда послѣднія ни исходили бы, фабіанское общество въ соотвѣтствіи съ этимъ и направило всю свою дѣятельность. Оно старается объяснить избирателямъ каждый отдѣльный законопроектъ, предлагаемый тою или иною партіей, и въ то же время часто и само беретъ иниціативу рекомендаціи той или иной назрѣвшей реформы. Какъ на примѣръ его чисто-практическаго направленія, болѣе или менѣе постепеновскаго и внѣпартійнаго характера, можно указать на его поддержку школьнаго билля консервативной партіи, противъ котораго столь энергично выступала либеральная партія. Вліяетъ же фабіанское общество на избирателей тремя способами: изданіемъ и распространеніемъ книгъ и брошюръ, устройствомъ лекцій и дебатовъ и, наконецъ, личнымъ воздѣйствіемъ членовъ общества на отдѣльныхъ избирателей.

Особенно важна книжная дѣятельность фабіанскаго общества, издавшаго до 118 отдѣльныхъ брошюръ и книгъ по разнообразнѣйшимъ вопросамъ, составлявшимъ въ то или другое время злобу дня. Всѣ изданія его носятъ характеръ чисто-практическій: даются цифры, приводятся факты, объясняются законы и проектируются новыя мѣропріятія. Никакихъ отвлеченныхъ разсужденій, лирическихъ изліяній, полемическихъ красотъ и партійныхъ распрей въ ней не найдете. Въ послѣдніе годы общество это занялось разсылкой разнымъ подписавшимся обществамъ и учрежденіямъ подвижныхъ библіотечекъ, состоящихъ изъ комплектовъ книгъ по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ. Можно, напримѣръ, получить комплектъ книгъ, составленный умѣло и полно по школьному, поземельному, фискальному и всякимъ инымъ экономическимъ и политическимъ вопросамъ. Въ прошломъ году такихъ книжныхъ комплектовъ было въ обращеніи 144, на которые подписалось 40 кооперативныхъ обществъ, 18 трэдъ-юніоновъ, 18 отдѣленій независимой рабочей партіи и многія другія кружки и общества.

Настоящій обзоръ организацій, занимающихся политическимъ развитіемъ избирателя, далеко не полонъ. Имѣя въ виду лишь воспитаніе избирателя, а не народа, мы остановились и то лишь вкратцѣ на такихъ обществахъ, которыя стараются подготовить гражданъ для спеціальнаго дѣла, для присоединенія его къ опредѣленной партіи, къ опредѣленнымъ политическимъ мѣропріятіямъ. Но къ этому же дѣлу и лишь на болѣе общемъ фонѣ политическаго развитія готовятъ англичанъ и множество другихъ обществъ и учрежденій, большинство которыхъ носитъ имена разныхъ литературныхъ и соціальныхъ дѣятелей, какъ Рёскина, Карлейля, Эмерсона, или же извѣстно подъ именемъ клубовъ. Однако, останавливаться на всѣхъ ихъ значило бы стараться объять необъятное, и поэтому ограничиваемся сказаннымъ здѣсь.

С. И. Рапопортъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Апрѣль. 1905 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Философія и психологія.—Соціологія, статистика и финансы.—Исторія всеобщая и русская.—Естествознаніе и медицина.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Н. Островскій. „Полное собраніе сочиненій".—„Нижегородскій Сборникъ".—*А. Саксаганская*. „Разсказы".—*Карменъ*. „На днѣ—*Адамъ Эленшлэгеръ* „Ярлъ Гаконъ".

Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. Критически-провѣренный текстъ, біографія, приложенія, примѣчанія, портреты автора, его fac-simlie и пр., подъ редакціей М. И. Писарева. Тома I—V. Спб. Изд. книгоиздат. товарищества «Просвѣщеніе». Новое изданіе сочиненій Островскаго является *одиннадцатымъ* по общему счету; имѣющійся матеріалъ распредѣленъ къ хронологическомъ порядкѣ въ 10-ти томахъ, изъ которыхъ пока вышло въ свѣтъ пять. Какъ видно изъ предисловія редактора, по плану изданія, въ собраніе входятъ только оригинальныя произведенія автора, и притомъ написанныя имъ однимъ, безъ участія другихъ лицъ. Отмѣтимъ, что въ первый томъ, между прочимъ, вошла пьеса—«Неожиданный случай», впервые появившаяся въ печати въ 1851 году въ альманахѣ «Комета», но до сихъ поръ не входившая ни въ одно изъ прежнихъ изданій сочиненій автора; въ приложеніи къ первому тому данъ и юмористическій разсказъ «Записки замоскворѣцкаго жителя», единственное произведеніе Островскаго въ повѣствовательномъ родѣ. Кромѣ настоящаго изданія оно было перепечатано еще въ журналѣ «Театръ и Искусство» за 1903 г. Остальные пьесы слѣдуютъ въ изданіи въ хронологическомъ порядкѣ («Козьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ» сообщенъ *въ двухъ редакціяхъ* (т. IV) и тоже *въ двухъ редакціяхъ* (IV и V тт.) напечатанъ «Воевода или Сонъ на Волгѣ»), причемъ редакторъ заявляетъ въ предисловіи къ первому тому, что онъ «тщательно сличилъ и исправилъ текстъ по рукописямъ и журнальнымъ оттискамъ, въ свое время корректированнымъ самимъ авторомъ». Дѣйствительно, при сличеніи настоящаго изданія съ прежними мы усматриваемъ не мало поправокъ и разночтеній, но, къ сожалѣнію, не указано, на какомъ основаніи принято то или другое чтеніе, отличное отъ прежняго. Мы нигдѣ не встрѣтили ссылокъ на опредѣленную рукопись или авторскую поправку, а безъ такихъ указаній установленіе новаго чтенія представляется безъ надлежащаго мотивированія, и мы должны на слово вѣрить редактору, что изданіе текста «критически-провѣренное». Есть незначительныя отступленія въ формахъ (напр., «упускать» вм. «опускать»; «или» вм. «али»; «оконфужусь» вм. прежняго—«сконфужусь» *) и т. д.), но мѣстами вставлены цѣлыя фразы (напр.,

*) Мы сравнивали текстъ изданія г. Писарева съ прежнимъ изданіемъ Думнова, девятымъ по общему счету.

въ пьесѣ: «Свои люди сочтемся» въ новомъ изданіи, послѣ словъ Ризположенскаго: «Да такія ли я дѣла дѣлалъ»... прибавлено: «да съ рукъ сходило. Другого-то за такія штуки ужъ заслали бы давно, куда Макаръ телятъ не гонялъ» (т. I, стр. 45). Такое восполненіе текста, конечно, очень цѣнно, но тѣмъ важнѣе знать, откуда взяты эти и подобныя имъ вставки: изъ рукописей драматурга или изъ сценической практики? Дѣло въ томъ, что по преданію, Островскій отнюдь не стѣснялъ свободы исполнителей-артистовъ въ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ *буквальной* педачи роли. Когда къ нему, какъ къ автору, обращались за дозволеніемъ измѣнить что-нибудь въ роли, онъ отвѣчалъ: «вамъ нужно, васъ стѣсняетъ, и выкидывайте, что хотите, я писалъ, а принимать на себя приходится вамъ, — значитъ, вамъ оно и чувствительнѣе» *)... «Въ пьесѣ его «Тяжелые дни», по свидѣтельству г. Писарева **), покойный В. И. Живокини игралъ роль стряпчаго Мудрова. Въ сценѣ второго дѣйствія, когда молодой Брусковъ объявляетъ матери: «Тятенька барина прибили!» Мудровъ, почуя добычу, которая несомнѣнно перепадетъ ему, какъ адвокату, въ такомъ интересномъ для него дѣлѣ, обращается къ Брускову съ просьбою изложить подробно обстоятельства дѣла. При этомъ Живокини надѣвалъ очки и оставался въ нихъ во все продолженіе разсказа, какъ бы заранѣе уже приготовляясь «строчить свои кляузы». Такой ремарки въ пьесѣ не было; но тѣмъ не менѣе нюансы талантливаго актера настолько понравились Островскому, что онъ впослѣдствіи внесъ это въ пьесу, какъ необходимую деталь. Другой, подобный же случай произошелъ съ актеромъ Андреевымъ-Бурлакомъ, какъ извѣстно, въ совершенствѣ изображавшимъ въ комедіи «Лѣсъ» роль Аркадія Счастливцева. Во многихъ мѣстахъ своей роли Бурлакъ сдѣлалъ очень характерныя прибавки отдѣльныхъ словъ и даже цѣлыхъ короткихъ фразъ къ тексту автора. Такъ, въ сценѣ 2-го дѣйствія, когда напоминаютъ Аркашкѣ одинъ крайне непріятный эпизодъ—объ изгнаніи его изъ города, по приказанію губернатора, съ казаками, провожавшими его четыре версты нагайками, Счастливцевъ возражаетъ: «И совсѣмъ не четыре». Артистъ, говоря эту реплику, прибавлялъ: «*а только до рощи*». Или, напр., въ пятомъ дѣйствіи на замѣчаніе Несчастливцева: «Аркадій, насъ гонятъ!» Бурлакъ гордо произносилъ свое знаменитое: «*Пренебреги!*» (вовсе не существующее въ пьесѣ). Островскій, по замѣчанію г. Писарева, «не только не протестовалъ противъ этихъ дополненій, а напротивъ, самъ собственнымъ одобреніемъ санкціонировалъ ихъ умѣстность»... Однако, несомнѣнно, что не всѣ прибавки подобнаго рода и сокращенія, дѣлаемыя актерами въ текстѣ своихъ ролей, были и бываютъ одинаково удачными и могутъ служить къ украшенію собственнаго текста автора, особенно въ отношеніи литературномъ. Во всякомъ случаѣ, редакціи надлежало мотивировать поправки и указывать всякій разъ ихъ источники.

По отношенію комедіи «Свои люди—сочтемся», напечатанной, конечно, въ первой редакціи, указаны въ примѣчаніяхъ параллельно различія, сдѣланныя авторомъ, по требованію цензуры, во второй, въ которой она была напечатана въ первомъ изданіи сочиненій Островскаго—гр. Кушелева-Безбородко; такимъ же образомъ въ примѣчаніяхъ (въ V т.) указаны различныя сокращенія, вставки, варіанты и другія измѣненія, сдѣланныя драматургомъ въ текстѣ и раздѣленіи его на *дѣйствія* и *картины* въ хроникѣ «Дмитрій

---

*) П Р. „Записки стараго актера". „Русская Старина", 1904 г., мартъ, стр. 369.

**) Р. Ретшеръ, Э. Форстеръ и А. Герберъ. „Принципы сценическаго искусства", примѣчаніе М. П. къ статьѣ: „Можно ли говорить роль своими словами?" (стр. 18).

Самозванецъ и Василій Шуйскій» при постановкѣ этой пьесы на сцену; двѣ другія пьесы, имѣющіяся въ двухъ редакціяхъ: «Воевода» и «Козьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ», напечатаны въ полномъ видѣ въ обѣихъ; вторая редакція текста «Минина», сдѣланная авторомъ спеціально для сцены, какъ и указанныя выше измѣненія для театра въ «Дмитріи Самозванцѣ и Василіи Шуйскомъ», воспроизводятся въ печати впервые въ настоящемъ изданіи по рукописи и экземпляру центральной библіотеки Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ. Въ историко-литературномъ отношеніи, можетъ быть, лучше было бы, вмѣсто перепечатокъ даннаго текста параллельно съ варіантами въ примѣчаніяхъ и воспроизведенія рядомъ двухъ редакцій одного и того же текста, какъ бы двухъ самостоятельныхъ произведеній, напечатать по одному основному, выбравъ изъ двухъ наиболѣе полный, съ обозначеніемъ болѣе или менѣе значительныхъ пропусковъ или вставокъ, имѣющихся въ другой редакціи, какими-либо условными знаками въ текстѣ и на поляхъ (скобками, звѣздочками), какъ въ ирвинговомъ изданіи Шекспира или изданіи «Недоросля» Д. М. Мусиной подъ редакціей г. Озаровскаго, и съ указаніемъ въ примѣчаніяхъ только перестановокъ и варіантовъ въ отдѣльныхъ словахъ или оборотахъ, появляющихся, напримѣръ, иногда при соединеніи двухъ или нѣсколькихъ репликъ одного и того же лица въ одну, съ пропускомъ промежуточнаго діалога; въ полномъ видѣ необходимо было бы напечатать рядомъ, изъ всѣхъ названныхъ пьесъ, только два-три дѣйствія, переработанныхъ авторомъ совершенно заново, какъ послѣднія дѣйствія въ двухъ редакціяхъ «Воеводы» и эпилогъ въ первой, и вторая и третья сцены пятаго дѣйствія во второй редакціи «Минина». Преимущество въ данномъ случаѣ заключалось бы въ наглядности при сужденіи какъ о содержаніи, такъ и ходѣ литературно-художественной работы автора и изученіи, въ частности, процесса творчества его, какъ драматурга.

Въ концѣ каждаго тома помѣщены примѣчанія редактора по заключающимся въ нихъ пьесамъ. Въ историко—литературномъ отношеніи, впрочемъ, примѣчанія эти за исключеніемъ упомянутыхъ версій и варіантовъ комедіи «Свои люди сочтемся» и драматической хроники «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» изъ другихъ редакцій этихъ пьесъ, особенною значительностью и богатствомъ содержанія не отличаются: сообщаются преимущественно свѣдѣнія, когда появились впервые въ печати, та или другая пьеса въ какомъ періодическомъ изданіи была при этомъ напечатана, если не вышло прямо, какъ «Бѣдность не порокъ», отдѣльною книгою, и когда была въ первый разъ поставлена на императорскихъ сценахъ съ указаніемъ исполнителей, участвовавшихъ въ этихъ первыхъ представленіяхъ... Никакихъ свѣдѣній о рукописяхъ, какъ сказано, нѣтъ; такимъ образомъ не указано, напримѣръ, что первоначальные названіе комедіи «Не въ свои сани не садись» было «Отъ добра добра не ищутъ», что комедія «Бѣдность не порокъ» первоначально была названа авторомъ «Гордымъ Богъ противится», драма «Не такъ живи, какъ хочется» въ первой черновой редакціи носила заглавіе: «Божіе крѣпко, а вражье лѣпко»; остается неизвѣстнымъ также, были-ли приняты во вниманіе при изданіи и въ чемъ именно состояли поправки Островскаго, которыя были имъ сдѣланы въ вырѣзкѣ изъ «Современника», заключающей въ себѣ текстъ «Воеводы» въ первой редакціи и находящейся среди рукописей драматурга въ отдѣленіи рукописей московскаго публичнаго, и румянцевскаго музея. Желательно было бы имѣть въ примѣчаніяхъ хотя наиболѣе важныя библіографическія указанія относительно главнѣйшихъ критическихъ статей и рецензій о печатаемыхъ произведеніяхъ автора и выдающихся представленіяхъ ихъ на сценѣ; въ разсматриваемомъ изданіи сдѣлано въ этомъ направленіи нѣкоторое исключеніе только въ отношеніи «Грозы» въ видѣ небольшихъ выдержекъ

изъ отзывовъ объ этой драмѣ Гончарова (въ письмѣ непременному секретарю академіи наукъ), Добролюбова («Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ») и Скабичевскаго, но въ слишкомъ общихъ выраженіямъ и безъ точныхъ цитатъ... Имѣющіяся въ примѣчаніяхъ замѣтки о цензурныхъ условіяхъ постановки нѣкоторыхъ пьесъ Островскаго на сценѣ кромѣ «Своихъ людей» (введена была какъ извѣстно, особая роль квартальнаго) и «Бѣдной невѣсты» (исключена была роль Дуни), не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ текстамъ произведеній, которыхъ касаются, и потому не лишенныя интереса сами по себѣ и отчасти для культурной исторіи русскаго театра, въ изданіи сочиненій автора не могутъ, въ сущности, имѣть большого значенія. Весьма цѣнною является помѣщенная въ примѣчаніи въ комедіи «Шутникъ» выписка изъ ненапечатаннаго письма автора къ Бурдину о постановкѣ на сценѣ второго акта этой пьесы. Что касается афишъ, то простая перепечатка ихъ едва ли можетъ имѣть какой смыслъ.

Было бы, на нашъ взглядъ, гораздо полезнѣе и значительнѣе, еслибы въ дополненіе къ афишамъ сообщены были указанія на сохранившіяся воспоминанія современныхъ знатоковъ и любителей театра объ игрѣ того или другого артиста въ пьесахъ Островскаго или даже приведены извлеченія изъ этихъ отзывовъ. Передъ нами тогда оживали бы не одни имена, а творческія созданія артистовъ въ томъ видѣ, какъ они запечатлѣлись въ душахъ зрителей. Такихъ воспоминаній, разсѣянныхъ въ разныхъ журналахъ, имѣется довольно много. Назовемъ наугадъ—Родиславскаго (объ игрѣ Садовскаго), Баженова (о Шумскомъ), Коропчевскаго, Стаховича, Эдельсона и мн. др. Наше пожеланіе отнюдь не праздное любопытство: теперь играютъ Островскаго иначе, чѣмъ играли прежніе исполнители его пьесъ. Быть можетъ, въ силу этого мы воспринимаемъ иныя впечатлѣнія отъ его театра, который теперь уже не пользуется столь безусловнымъ престижемъ. Раздавались уже голоса критиковъ (напр., пр. Овсянико-Куликовскаго и др.), которые склонны усматривать нѣкоторые недостатки въ самой композиціи пьесъ Островскаго. Не вдаваясь здѣсь въ полемику по вопросамъ драматическихъ формъ, ограничимся замѣчаніемъ, что, на нашъ взглядъ, въ современномъ исполненіи театра Островскаго многое не соотвѣтствуетъ тѣмъ разсказамъ, которые дошли до насъ отъ очевидцевъ-современниковъ его первой славы. Но, независимо отъ вопроса объ исполненіи, въ драмахъ Островскаго, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія ихъ вполнѣ несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ,—удивительныя ясность и прозрачность композиціи, яркость и выпуклость образовъ, художественная типичность представленія бытовыхъ условій жизни и прекрасное знаніе изображаемой среды, замѣчательный, по своей оригинальности, чистотѣ и выразительности, языкъ и рѣдкая выдержанность драматическаго стиля безусловно составляютъ и будутъ всегда составлять притягательную силу для истиннаго цѣнителя художественнаго слова, установивъ давно и по праву за писателемъ значеніе классическаго въ области русской драматической литературы. Въ то же время преобладающіе основные мотивы разрабатываемыхъ имъ драматическихъ коллизій, опредѣляющіеся столкновеніемъ угнетенныхъ и слабыхъ съ властными и сильными, жаждою счастья, любви и участія среди мертвящаго холода, мелочнаго эгоизма и злобы, порывами или сознательными стремленіями къ свѣту среди окружающей тьмы, на свѣтломъ фонѣ гуманнаго сочувствія къ людскому страданію и вѣры въ конечное торжество правды, не могутъ не представлять и, конечно, будутъ всегда представлять живой интересъ для вдумчиваго читателя.

Вотъ почему мы не можемъ не привѣтствовать появленіе новаго выхода въ свѣтъ сочиненій Островскаго, подъ редакціей маститаго артиста, столько разъ выступавшаго съ неизмѣннымъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ въ

пьесахъ автора, котораго онъ теперь заботливо воспроизводитъ въ изящномъ съ внѣшней стороны (съ нѣсколькими портретами), весьма доступномъ по цѣнѣ и любовно выполняемомъ изданіи. Выраженныя нами выше пожеланія могли бы быть осуществлены и въ дополнительномъ томѣ, когда все изданіе будетъ закончено. *Г. К.*

Нижегородскій сборникъ. Ц. 1 руб. Спб. 1905 г. Изданный извѣстнымъ товариществомъ «Знаніе» нижегородскій сборникъ въ значительной мѣрѣ отличается однако отъ другихъ сборниковъ, выпущенныхъ этой же фирмой. Вопреки установившемуся въ «Знаніи» обычаю, къ участію въ сборникѣ привлечены на этотъ разъ не одни только беллетристы, но и представители другихъ отраслей литературной дѣятельности. Сборникъ приближается такимъ образомъ къ типу книжки «толстаго журнала», съ тѣмъ впрочемъ, существеннымъ различіемъ, что содержаніе его не объединяется какимъ либо общимъ планомъ, и въ тѣсномъ содружествѣ, рядомъ, выступаютъ здѣсь лица, одновременное сотрудничество которыхъ въ «толстомъ журналѣ» едва-ли возможно. В. Короленко и М. Горькій не представляются, намъ по крайней мѣрѣ, возможными сотрудниками идейнаго органа рядомъ, скажемъ, хотя бы съ проф. С. Платоновымъ, потому что для этого необходимо было бы допустить извѣстную степень идейнаго родства между этими писателями, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. А между тѣмъ въ сборникѣ эти имена мирно уживаются другъ съ другомъ. Наконецъ, въ отличіе отъ журнала, обязаннаго предъявлять читателю новости литературы, значительная часть нижегородскаго сборника составлена изъ произведеній, которыя раньше были уже напечатаны въ газетахъ, журналахъ и даже другихъ сборникахъ. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ редакція сборника освѣдомляетъ читателя почему-то лишь въ примѣчаніи къ тремъ разсказамъ М. Горькаго, совершенно умалчивая о всѣхъ остальныхъ перепечаткахъ. Оставляя въ сторонѣ соображенія, какія побудили редакцію къ откровенности въ одномъ случаѣ и къ замалчиванію однородныхъ фактовъ въ другихъ, мы лично сочли необходимымъ сдѣлать всѣ вышеприведенныя замѣчанія только для характеристики сборника, но отнюдь не для умаленія его цѣнности. Напротивъ, во многихъ случаяхъ то, что въ журналѣ заслуживало бы упрека, можетъ содѣйствовать лишь вящему успѣху сборника, разсчитанному на широкое распространеніе въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ читательской публики. А «Нижегородскій сборникъ», изданный съ благотворительной цѣлью (весь доходъ съ изданія поступитъ на устройство общежитія для учительскихъ дѣтей нижегородской губерніи), какъ разъ именно и разсчитанъ на возможно широкое распространеніе. И думаемъ, что редакція сборника сдѣлала все, чтобы осуществить эту цѣль. Успѣхъ сборника можно считать обезпеченнымъ даже однимъ подборомъ именъ, изъ которыхъ многія имѣютъ свои собственныя, ими созданныя аудиторіи. Можно предвидѣть, такимъ образомъ, что аудиторія Л. Андреева, слившись съ аудиторіями г-жи Щепкиной-Куперникъ, проф. Платонова, П. Боборыкина, и др., создастъ такой огромный кругъ читателей, на который никогда не могли бы разсчитывать болѣе скромно и болѣе однородно составленные сборники.

Богатство и разнообразіе сборника, въ смыслѣ обилія участвующихъ въ немъ авторовъ, не помѣшало двумъ изъ нихъ представить себя нѣсколькими статьями. Такъ М. Горькій, внесъ въ сборникъ два новыхъ нигдѣ раньше не напечатанныхъ произведенія («Отрывки изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ» и «Дѣвочка») и три разсказа, уже бывшихъ въ печати; Л. Андрееву принадлежатъ три разсказа. Самымъ значительнымъ вкладомъ, внесеннымъ въ сборникъ М. Горькимъ, слѣдуетъ признать, конечно, воспоминанія о Чеховѣ. Воспоминанія читаются съ большимъ интересомъ, но кое-что есть въ нихъ и лишнее. Такъ, напримѣръ, по всей вѣроятности шутливая, оброненная Чехо-

вымъ въ дружеской бесѣдѣ фраза о г. Скабичевскомъ («онъ написалъ—разсказывалъ Чеховъ,—что я умру въ пьяномъ видѣ подъ заборомъ»...) пріобрѣтаетъ въ печати характеръ серьезнаго обвиненія. Лишнимъ въ данномъ случаѣ представляется намъ и попутно данная характеристика «издателя популярнаго журнала»... Не совсѣмъ удачно переданы авторомъ и бесѣды Чехова съ случайными посѣтителями. Всегда корректный въ своихъ отношеніяхъ, Чеховъ едва-ли могъ въ такой рѣзкой формѣ обрывать своихъ собесѣдниковъ, какъ объ этомъ передаетъ М. Горькій въ эпизодахъ съ мармеладомъ и граммофономъ. Что эти эпизоды воспроизведены не совсѣмъ точно, что мармеладъ замѣнилъ политику, а граммофонъ юриспруденцію въ болѣе мягкомъ и менѣе замѣтномъ переходѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ авторъ воспоминаній, указывающій что собесѣдники не только не обижались на подобные пріемы Чехова, но даже и не замѣчали ихъ... Изъ разсказовъ Л. Андреева заслуживаютъ быть отмѣченными «Бенъ-Товитъ» и «Марсельеза», трактующіе двѣ противоположныя темы. Въ первомъ разсказѣ данъ случай, показывающій, до какой степени индивидуальныя страданія (въ данномъ случаѣ—зубная боль) могутъ заслонять передъ человѣкомъ событія огромнаго, даже мірового значенія, какимъ было совершившееся почти на глазахъ Бенъ-Товита распятіе Христа. Второй разсказъ рисуетъ ничтожную личность, «съ душою зайца и безстыдной терпѣливостью рабочаго скота», въ рѣшительную минуту выросшую до размѣровъ героя.

Разумѣется, въ небольшой рецензіи невозможно охватить всего разнообразнаго содержанія сборника. Мы на это и не претендовали, а желали только обратить на него вниманіе читателя.

Въ заключеніе не можетъ не отмѣтить одной досадной ошибки метранпажа, который, очевидно, превратно истолковалъ небольшую фантазію г-жи Щепкиной-Куперникъ: «Кто побѣдитъ?» Мы убѣждены, что авторъ имѣлъ въ виду воспѣть гимнъ знанію, понимая послѣднее какъ работу ищущей мысли; тогда какъ метранпажъ увидѣлъ въ этомъ апофеозъ фирмы и въ концѣ разсказа, «на тріумфальныхъ воротахъ новаго вѣка», огромными буквами начерталъ:

ЗНАНІЕ.

Полагаемъ, что при повторномъ изданіи сборника слѣдуетъ возвратиться къ обычному начертанію этого слова. *Вл. Кр—дъ.*

Анна Саксаганская. Разсказы. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. Разсказы г-жи Саксаганской очень малы, и авторъ снабжаетъ ихъ большей частью подзаголовкомъ—«миніатюра». Но такому обозначенію совсѣмъ не соотвѣтствуетъ форма разсказовъ г-жи Саксаганской. Миніатюра, какъ ее обыкновенно понимаютъ, требуетъ не только небольшой величины, но, главнымъ образомъ, и тщательной ювелирной отдѣлки. Отразить солнце въ малой каплѣ водъ,—въ этомъ задача миніатюры. Но такой способностью и не обладаетъ г-жа Саксаганская. Ея разсказы просто малы, а содержаніе ихъ слабо разработано. Вслѣдствіе этого автору иногда приходится нагромождать мелодраматическіе ужасы, какъ, напр., въ «картинкѣ» «Свой судъ» (на 7 страничкахъ два убійства и одно самоубійство), которые рѣшительно не производятъ впечатлѣнія. Но въ большинствѣ своихъ разсказовъ г-жа Саксаганская благоразумно ограничиваетъ свою тему. Она беретъ одну минуту въ жизни человѣка и набрасываетъ картину его переживаній въ этотъ моментъ. Если «минута» попадается интересной, то авторъ недурно справляется съ задачей («Вздохъ»), но, къ сожалѣнію, г-жа Саксаганская часто не отличается разборчивостью, и тогда ничтожность момента не искупается рвеніемъ автора. Дѣло въ томъ, что г-жа Саксаганская относится съ неслабѣвающимъ интересомъ къ избранному сюжету. Чувствуется, что она увлечена своей самой незначительной темой, и искренность этого увлеченія сообщаетъ особенный наивный отпечатокъ даже грубѣйшимъ худо-

жественнымъ промахамъ автора. А послѣднихъ достаточно. Укажемъ на самый крупный,—неизмѣнное ученическое резонерство всѣхъ героевъ г-жи Саксаганской на заданную авторомъ тему. Отъ этого ясность намѣреній автора выигрываетъ, но самъ герой весьма проигрываетъ, занимаясь не тѣмъ, что ему по положенію дѣлать полагается. А иногда, какъ въ «Полутонахъ», самъ авторъ по-дѣтски резонерствуетъ, точь въ точь будто школьное сочиненіе пишетъ: «Полутоны» состоятъ изъ описаній разныхъ цвѣтовъ,—незабудки, розы, ландыша и проч.

Отмѣтимъ лучшій разсказъ въ сборникѣ «Незамѣтная драма», въ которомъ меньше всего обычныхъ для г-жи Саксаганской недостатковъ. Драма мальчика еврея, не попавшаго въ гимназію изъ-за еврейскаго «процента», производитъ наиболѣе цѣльное впечатлѣніе, несмотря на шаблонность темы и пріемовъ ея разработки. *Л. Б.*

Карменъ. На днѣ Одессы. Изд. Е. Е. Свистуновой. Одесса. 1904 г. Ц. 1 руб. Книга г. Кармена состоитъ изъ ряда очерковъ, которые мы встрѣчали въ свое время въ одной изъ одесскихъ газетъ. Всѣ эти очерки, составившіе вмѣстѣ книгу «На днѣ Одессы», объединяетъ судьба героини, Нади. Ея исторія послужила автору канвой, на которой онъ вышилъ много разныхъ эпизодовъ изъ жизни одесскихъ «скакуновъ» (воровъ), проститутокъ и прочихъ обитателей одесскаго дна. Своей книгой г. Карменъ хочетъ, во-первыхъ, возбудить симпатію и жалость въ обществѣ къ несчастнымъ обитательницамъ «дна», а во-вторыхъ, «познакомить публику съ растлѣвающимъ вліяніемъ большого города на «пришлый» элементъ». Примѣромъ такого вліянія и является «Надя съ Днѣстра». «Надя—дикая утка!—говоритъ авторъ въ предисловіи. Благодаря печальному стеченію обстоятельствъ она залетѣла въ городъ. И что онъ сдѣлалъ съ нею?! Обломалъ ей крылья и выщипалъ у нея всѣ перья».

Г. Карменъ, очевидно, очень хорошо изучилъ жизнь одесскаго «дна». Это видно хотя бы изъ богатаго лексикона воровского жаргона, которымъ онъ не въ мѣру пользуется. Но это знаніе и губитъ автора. Онъ желаетъ разсказать читателю все, что онъ знаетъ, и поэтому онъ уснащаетъ свою книгу очерками, совершенно ненужными для поставленной имъ себѣ цѣли. Такія главы, какъ, напр., «Катковъ», «Сашка-музыкантъ», «Король Лиръ» и неинтересны и вредятъ цѣльности впечатлѣнія. Но, не довольствуясь этимъ балластомъ, авторъ пользуется еще устарѣлой литературной манерой, чтобы втиснуть новый матеріалъ въ свои очерки, и въ исторіи о «дикой уткѣ» вы читаете еще другія и довольно длинныя исторіи, разсказываемыя разными лицами. Еще губительнѣе дѣйствуетъ самъ г. Карменъ. Онъ, вѣроятно, недавно познакомился со своими героями и ихъ злоключеніями, находится подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своихъ знаній и вслѣдствіе этого не можетъ спокойно писать. Онъ такъ сильно возмущается, что мѣшаетъ читать.

И это очень жаль. При чтеніи нѣкоторыхъ сценъ изъ очерковъ г. Кармена, васъ иногда начинаетъ охватывать и жалость и ужасъ предъ безпомощностью жалкаго населенія «дна», но тутъ вмѣшивается слишкомъ сентиментальный авторъ и портитъ настроеніе *своей* жалостью и *своимъ* негодованіемъ, отвлекая подобной диверсіей вниманіе читателя отъ своихъ героевъ. И это тѣмъ болѣе жаль, что очерки г. Кармена не лишены художественнаго значенія. Въ нихъ много подкупающей искренности, есть мягкій юморъ, краски, г. Карменъ можетъ набросать живую картинку, но все это зачастую пропадаетъ отъ неумѣренныхъ авторскихъ знаній, съ которыми г. Карменъ не можетъ справиться, и отъ неумѣреннаго авторскаго темперамента. Эти же качества мѣшаютъ г. Кармену взглянуть въ глубь своей темы. Личность его героини въ сущности остается весьма блѣдной, и названа она г. Карменомъ «дикой уткой» только изъ жалости. Сама «Надя съ Днѣстра» не обнаруживаетъ активнаго свободо-

любиваго характера. Г. Карменъ ограничился исключительно тѣмъ, что разсказалъ, какъ съ ней поступали, но что она сама дѣлала, какъ она боролась и, наконецъ, погибла,—это остается неизвѣстнымъ, и ея драма на днѣ Одессы изображена авторомъ поверхностно. *Л. Б.*

Адамъ Эленшлегеръ. «Ярлъ Гаконъ». Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ датскаго. Анны Ганзенъ. Москва. 1904. Знаменитый датскій поэтъ Эленшлегеръ прославился, какъ глава сѣверной романтической школы. Индивидуальныя и національныя особенности поэтическаго творчества Эленшлегера породили своеобразную окраску его романтизма, придали его произведеніямъ черты, рѣзко отличающія ихъ отъ характерныхъ созданій современныхъ ему нѣмецкихъ романтиковъ. Въ то время какъ послѣдніе, вдохновляясь настроеніями католическаго средневѣковья съ его мрачными суевѣріями и мистической скорбью по недоступной небесной отчизнѣ, уходили все дальше въ темную глубь болѣзненныхъ и тревожныхъ мечтаній --Эленшлегеръ искалъ жизни и правды. Романтикъ по страстности чувства и стремленію къ полной поэтической свободѣ, онъ обращаетъ то и другое къ изображенію жизненныхъ и сильныхъ образовъ,—не полубезплотныхъ видѣній средневѣковаго мечтателя. По натурѣ бодрый и жизнерадостный, сѣверный поэтъ почерпалъ свое вдохновеніе изъ родного ему источника, гдѣ могъ найти начала бодраго и свѣтлаго творчества: его духъ воспитывался на древнемъ языческомъ эпосѣ германскаго сѣвера. Шумъ вѣковыхъ сосенъ надъ сѣдыми скандинавскими утесами, свѣжій вольный вѣтеръ сѣверныхъ морей, пѣнящихъ свои волны подъ гордыми кораблями варяжскихъ викинговъ; величавыя битвы, гдѣ тяжелый каменный молотъ ударялся о бронзовый клинокъ, гдѣ съ высоты незримое копье могучей валькиріи, закованной въ серебряную броню, поражало въ грудь избранника Одина, къ которому потомъ воздушный конь несъ счастливца, оживавшаго въ свѣтлыхъ чертогахъ Валгаллы; ȧзы—живые, человѣчные боги съ нечеловѣческою мощью и красотой; ихъ борьба со стихійными исполинами, ихъ забота о жизни и судьбахъ людей, первобытныхъ представителей германскаго міра—суровыхъ и простодушныхъ, смѣлыхъ и наивныхъ; вотъ образы, издавна овладѣвшіе фантазіей поэта. Эленшлегеръ сжился съ этимъ міромъ и посвятилъ ему рядъ произведеній драматическихъ и эпическихъ, создавшихъ впослѣдствіи школу продолжателей среди его соотечественниковъ. Наиболѣе извѣстныя изъ этихъ произведеній очень рано стали переводиться на другіе европейскіе языки: «Боги сѣвера», «Гельге», «Бальдуръ Добрый», «Гагбартъ и Сигне», «Сага о Роарѣ», «Кьяртанъ и Гудрунъ», «Сага объ Эрварэдѣ», «Рагнаръ Лодброкъ» и др. скоро достигли блестящаго успѣха. Не всѣ творенія Эленшлегера относятся непосредственно къ чудному древнему міру скандинавскихъ сагъ (нѣкоторыя изъ лучшихъ написаны на не-германскіе сюжеты—драматическая поэма «Алладинъ», трагедія «Сократъ», драма «Корреджіо» и др.), но во всѣхъ живетъ мощный здоровый духъ этого міра, свѣжее, смѣлое вдохновеніе скандинавскаго скальда.

Трагедія «Ярлъ Гаконъ» (переводъ которой на русскій языкъ г-жою Ганзенъ впервые появился въ журн. «Вѣстникъ Европы» въ 1887 г.) считается лучшею историческою трагедіей Эленшлегера. Содержаніе ея составляетъ завоеваніе Норвегіи ирландскимъ королемъ Олафомъ Трюгвессёномъ и гибель прежняго властителя страны, ярла Гакона. Послѣдній—герой пьесы—представляетъ собой въ высшей степени интересную фигуру.

Въ началѣ трагедіи, передъ нами человѣкъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, мужественный, даровитый, истый властелинъ по натурѣ, умѣющій повелѣвать и защищать тѣхъ, кому повелѣваетъ, дерзкій и необузданный въ своихъ стремленіяхъ къ наслажденію и господству. Эта необузданность становится впослѣдствіи причиной его гибели. Тиранническій произволъ, который онъ не задумывается проявлять по отношенію къ норвежцамъ, вызываетъ глухое недо-

вольство, постепенно растущее и обращающееся въ бурный взрывъ возмущенія, когда Гаконъ, собирающійся уже провозгласить себя королемъ и увѣренный въ согласіи норвежцевъ, въ это самое время открыто пытается отнять невѣсту у свободнаго бонда. Происходитъ возстаніе. Одновременно съ этимъ оканчивается неудачею попытка Гакона погубить короля Олафа, въ чьемъ лицѣ онъ опасается претендента на престолъ (Олафъ потомокъ исконныхъ норвежскихъ властителей). Вначалѣ вовсе не помышлявшій о норвежской коронѣ, но вызванный на самозащиту поведеніемъ ярла, ирландскій король невольно идетъ къ осуществленію приписанной ему цѣли, и сразу счастье оказывается на его сторонѣ. Внезапная непокорность преданнаго до сихъ поръ населенія и неожиданное торжество внѣшняго противника потрясающе дѣйствуютъ на Гакона. Видя роковую неодолимость происходящаго и упорно не желая сознаться себѣ въ томъ, насколько онъ самъ виновенъ въ ходѣ событій, ярлъ, однако, утрачиваетъ увѣренность въ себѣ, и новыя неосторожности ведутъ его къ новымъ неудачамъ. Послѣднія, въ свою очередь, разрушительно дѣйствуютъ на его нравственный обликъ. Прежній энергичный и разумный властитель, теряя почву подъ ногами, обращается, въ борьбѣ за существованіе, въ настоящаго тирана, подозрительнаго и опрометчиваго. Окончательная побѣда Олафа повергаетъ сильнаго когда-то человѣка въ отчаяніе, граничащее съ безуміемъ, и приводитъ его къ добровольной смерти отъ руки раба. Дѣло осложняется тѣмъ, что Олафъ—христіанинъ, собирающійся, разумѣется, просвѣщать новою вѣрою свою языческую родину. Гаконъ борется не только за свою власть, но и за власть старыхъ боговъ въ Норвегіи. Подъ вліяніемъ загадочнаго предзнаменованія и увѣренности, что старые боги ожидаютъ отъ него подвига—онъ рѣшается заколоть собственнаго любимаго сына въ жертву Одину, ради избавленія страны. Это злодѣйство, оказавшись напраснымъ, обостряетъ внутреннюю катастрофу. Неожиданный проблескъ утѣшенія—вѣрность и самопожертвованіе обманутой и отвергнутой ярломъ возлюбленной, Торы, укрывающей его отъ поисковъ побѣдителя Олафа—уже не могутъ вернуть ему силъ и желанія жить. Онъ говоритъ Торѣ (дѣйств. V):

Передъ собой ты видишь тѣнь героя
И властелина бывшаго страны.
Ловили каждый взглядъ его норвежцы...
Онъ палъ въ бою, подъ Ладэ, ужъ давно,
И позабытъ уже! Теперь лишь бродитъ
Ночной порой героя призракъ блѣдный.
При жизни звали Гакономъ его.

Несмотря на крайнее душевное потрясеніе и полубезумное поведеніе въ послѣднихъ сценахъ, Гаконъ сохранилъ достаточную ясность мысли, чтобы вполнѣ сознавать положеніе. Норвегія во власти врага, старая вѣра погибнетъ, а онъ, Гаконъ, не съумѣлъ защитить ни своихъ боговъ, ни своей власти. Онъ ненавидитъ себя и осуждаетъ себя на смерть. Не въ припадкѣ безумія, какъ думаетъ рабъ, а въ полномъ сознаніи своей вины и отвѣтственности Гаконъ приказываетъ ему вонзить въ себя кинжалъ.

Ярлъ Гаконъ—могучій образъ, вызывающій дань невольнаго уваженія несмотря на свои злодѣйства. Онъ не чуждъ благородства и великодушія. Когда онъ гордо отказываетъ въ повиновеніи осилившему его Олафу, когда онъ даритъ свой лукъ дерзкому юношѣ-стрѣлку, только что заподозрѣнному въ намѣреніи убить его,—этому человѣку нельзя отказать въ истинномъ внутреннемъ достоинствѣ властителя и борца. Рядомъ съ нимъ безукоризненный Олафъ — законный монархъ, добродѣтельный христіанинъ и непобѣдимый воинъ—блѣднѣетъ и оставляетъ читателя безучастнымъ, подобно тому, какъ въ шекспировской драмѣ идеальный до безжизненности Ричмондъ (тоже представитель династической законности) не на одно мгновеніе не увлекаетъ вни-

манія и не оттѣсняетъ съ перваго плана своего сильнаго и страстнаго противника, «злодѣя» Ричарда III. Эленшлегеръ самъ долженъ былъ чувствовать несостоятельность фигуры Олафа и, кажется, самъ подчеркнулъ ее въ одной сценѣ трагедіи. Когда передъ безупречнымъ побѣдителемъ является могучій загадочный старецъ, называющій себя прозрачнымъ именемъ *Аудснъ* и, со своимъ темнымъ плащомъ и надвинутой на недостающій глазъ широкой шляпой, напоминающій весь обликъ Одина-Странника,—Олафъ смущается и не находитъ отвѣта на слова спокойной, величавой мудрости, раздающіяся изъ устъ незнакомца:

...что такое вѣра, какъ не склонность,
Стремленье душъ познать источникъ жизни?
И измѣняется влеченье это
По людямъ, мѣсту, времени и нравамъ.

Изображеніе личности Олафа (къ слову сказать, не соотвѣтствующее исторіи) слѣдуетъ признать наименѣе удавшимся автору трагедіи. Но послѣдняя съ избыткомъ вознаграждаетъ за этотъ недостатокъ обиліемъ яркихъ, законченныхъ типовъ (кузнецъ Бергторъ, Эйнаръ, рабъ Каркеръ) и высокихъ художественныхъ красотъ. Сцена Гакона съ малолѣтнимъ сыномъ, котораго онъ собирается принести въ жертву, полна сильнаго поэтическаго подъема и захватывающаго драматизма.

Переводъ г-жи Ганзенъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, соединяя точность передачи съ непринужденной гладкостью стихотворной формы. Въ высшей степени удачна мысль переводчицы снабдить книгу замѣтками, разъясняющими русскому читателю малознакомыя миѳологическія и бытовыя названія. Можно только пожалѣть объ излишней мѣстами сжатости этихъ замѣтокъ, которыя ничего бы не потеряли, напр., отъ упоминанія объ активной роли валькирій въ битвахъ и о томъ, что Локе (Loki, Logi) является божествомъ огня. Говоря объ Игдразилѣ и Норнахъ, не мѣшало бы упомянуть о первоначальномъ миѳологическомъ образѣ Урдъ, единой вселенской Судьбы, и о позднѣйшемъ отношеніи Норнъ къ этому образу. Въ замѣткѣ къ стр. 30 напрасно не указано, что самоубійцы, вообще говоря, попадали по смерти въ Настрандъ. Болѣе серьезнаго упрека заслуживаетъ (въ замѣткѣ къ стр. 57) произвольно выраженное въ категорической формѣ евгемеристическое толкованіе миѳа объ азахъ, по меньшей мѣрѣ не общепризнанное среди изслѣдователей сѣверной древности.

Переводу предпослана статья П. Ганзена, въ сжатой и занимательной формѣ знакомящая читателя съ творчествомъ и біографіей датскаго поэта. *С.*

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Вильгельмъ Виндельбандъ. „О свободѣ воли".—*Робертъ Гейеръ.* „Герои Ибсена съ психіатрической точки зрѣнія".

Вильгельмъ Виндельбандъ. «О свободѣ воли». Двѣнадцать лекцій. Авторизованный переводъ съ нѣмецкаго М. М. Рубенштейна подъ редакціей В. М. Невѣжиной. Изданіе И. И. Фондаминскаго. Москва, 1905 г. Цѣна 1. 25 к. Вопросъ о свободѣ воли принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, которые рано или поздно встаютъ передъ сознаніемъ каждаго мыслящаго человѣка. Несмотря на это, онъ представляетъ одну изъ самыхъ запутаннѣйшихъ проблемъ, надъ которыми когда-либо работалъ умъ человѣческій. И понятно почему. При разрѣшеніи его на ряду съ чисто теоретическою потребностью, энергично заявляютъ свои права и практическіе мотивы мышленія—постулаты правового, нравственнаго и религіознаго сознанія, словомъ, постулаты

отвѣтственности. Но какъ бы властно ни звучалъ голосъ этихъ постулатовъ, все же, думаетъ авторъ вышепоименованной книги, въ началѣ изслѣдованія нужно откинуть всѣ чуждые для теоритическаго знанія мотивы и разсматривать проблему о свободѣ воли чисто-теоретически. Лишь выполнивъ эту задачу, можно перейти къ изслѣдованію того, какимъ образомъ постулаты отвѣтственности уживаются съ добытыми на такомъ пути результатами. Приступая къ теоретическому разсмотрѣнію вопроса о свободѣ воли—къ чисто психологическому изслѣдованію его—авторъ находитъ, что на него нельзя дать однозначнаго отвѣта: да или нѣтъ, потому что слово «воля» употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Въ волевой жизни человѣка можно различить три фазиса: возникновеніе хотѣній, борьбу, выборъ между ними и, наконецъ, переходъ хотѣнія въ дѣйствіе. Свобода въ примѣненіи къ этимъ различнымъ стадіямъ имѣетъ совершенно различное значеніе, и, такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ воли распадается на три вопроса: о свободѣ хотѣній, выбора и дѣйствій. Если же свобода дѣйствій, или психофизическая, и свобода выбора, или психологическая свобода, представляютъ непосредственный фактъ нашего сознанія, то, думаетъ авторъ, иначе дѣло обстоитъ съ свободою хотѣній, т. е. метафизической свободою. Свободу, т. е. безпричинность хотѣній, по его мнѣнію, нельзя защищать ни по отношенію къ отдѣльному хотѣнію, ни по отношенію къ нашей личности, какъ послѣдней причинѣ всѣхъ нашихъ отдѣльныхъ хотѣній. Первую—потому, что это противорѣчило бы общеприложимости принципа причинности ко всему міру явленій. Вторую—потому, что допущеніе свободы личности, признаніе индивидуальнаго интеллигибельнаго характера, лежащаго въ основѣ эмпирическаго характера человѣка, неизбѣжно привело бы къ неустранимымъ противорѣчіямъ въ нашемъ міросозерцаніи. Такимъ образомъ, теоретическое изслѣдованіе приводитъ автора, въ сущности говоря, къ полному отрицанію свободы воли; ибо свобода дѣйствій—безпрепятственный переходъ нашихъ хотѣній въ дѣйствія, и свобода выбора—господство нашихъ постоянныхъ хотѣній надъ мимолетными, погружаются до простой иллюзіи, разъ сами хотѣнія возникаютъ независимо отъ насъ. Однако, такой результатъ, по мнѣнію автора, отнюдь не противорѣчитъ требованіямъ правового, нравственнаvо и религіознаго сознанія, словомъ, отвѣтственности человѣка. Вѣдь, для того, чтобы объяснить фактъ наложенія отвѣтственности и установить границы ея, мы не нуждаемся ни въ какой другой предпосылкѣ, кромѣ предположенія психофизической и психологической свободы. Для обоснованія же права возложенія отвѣтственности требуется лишь правильное пониманіе границъ теоретическаго познанія. Теоретическое познаніе представляетъ собою лишь одинъ изъ способовъ разсмотрѣнія дѣйствительности, и на ряду съ нимъ вполнѣ допустимъ другой—разсмотрѣніе дѣйствительности съ точки зрѣнія нормъ. Это послѣднее совершенно игнорируетъ причинность своихъ объектовъ, поступаетъ съ ними такъ, какъ будто они вообще не подчинены причинности, т. е. какъ будто они—свободные объекты, и оцѣниваетъ ихъ съ точки зрѣнія общеобязательныхъ нормъ. Въ случаѣ же констатированія несогласія отдѣльнаго хотѣнія человѣка и, слѣдовательно, его воли съ нормою для обезпеченія господства послѣдней и пускается въ ходъ механизмъ отвѣтственности. Поэтому право отвѣтственности покоится на цѣнности нормъ, которыя должны быть осуществлены и могутъ осуществиться толоько при ея помощи.

Итакъ, допуская на ряду съ теоретическою точкою зрѣнія, какъ равноправную ей этическую, можно вполнѣ удовлетворить, думаетъ авторъ, какъ запросы теоретическаго познанія, такъ и требованія нашего нравственнаго сознанія и окончательно разрѣшить вопросъ о свободѣ воли. Съ этимъ, однако нельзя согласиться. Если всмотрѣться поглубже въ предложенное авторомъ разрѣшеніе вопроса, то отъ насъ не укроется заключающееся въ немъ противо-

рѣчіе. Именно, одни и тѣ же хотѣнія человѣка, съ одной точки зрѣнія теоретической—признаются несвободными, съ другой—этической,—свободными. Если же авторъ пытается избѣгнуть такого противорѣчія путемъ утвержденія, что свобода хотѣній въ этическомъ смыслѣ обозначаетъ лишь игнорированіе ихъ причинности при этическомъ обсужденіи, то это въ корнѣ не правильно. Для этическаго сужденія не достаточно такого игнорированія, наоборотъ, для него необходимо разсматривать эти хотѣнія какъ безпричинныя, свободныя: ибо долженствованіе не имѣетъ смысла безъ свободы. «Ты долженъ, потому что ты можешь» и «ты можешь, потому что ты долженъ»—въ этихъ классическихъ выраженіяхъ вылилось сознаніе необходимости связи между этическимъ обсужденіемъ и свободою воли. На это же хотѣлъ указать Кантъ, утверждая, что свобода есть ratio essendi моральнаго закона, а моральный законъ—ratio cognoscendi свободы. Такимъ образомъ, мы опять-таки стоимъ передъ антиноміею: съ одной стороны, свободы воли нѣтъ, съ другой – ее необходимо признать; и изслѣдованіе автора, несмотря на многочисленныя достоинства въ другихъ отношеніяхъ, нисколько не подвинуло насъ впередъ въ разрѣшеніи той основной проблемы, обсужденію которой оно посвящено.

Переводъ книжки можно назвать удовлетворительнымъ, хотя въ немъ и встрѣчаются промахи. Стремясь дословно передать оригиналъ, переводчикъ, не говоря уже, о стилистическихъ погрѣшностяхъ, нерѣдко допускаетъ такія выраженія, смыслъ которыхъ едва ли пойметъ обычный смертный, вродѣ, напримѣръ: «предметныя усмотрѣнія наукъ» (147 стр.); «воздающій актъ порожденія чувствъ» (166 стр.); «Если она пытается это сдѣлать, какъ это происходитъ въ отрицательныхъ слѣдствіяхъ причинныхъ теорій...» (171 стр.) и т. д. Попадаются также искаженія смысла оригинала, напр.: стр. 2. «Сомнѣніе относительно того, «можемъ ли» мы, развивается въ самое крупное недоумѣніе...» Надо же: «...можемъ ли» мы, особенно обостряется...» На стр. 170 стоитъ: «наконецъ наука объ обществѣ... и его законосообразной опредѣленности, въ... ученіемъ о «средѣ», «milieu, которая...» Надо «наконецъ... и на его законосообразную опредѣленность, ...ученіемъ о «средѣ» «milieu, которое...», ибо въ текстѣ «seiner gesetzmässigen Bestimmtheit» слѣдуетъ поставить въ зависимость или отъ von, тогда «seiner» означаетъ его, т. е. индивидуума и перевести слѣдуетъ, какъ указано у насъ, или же отъ «Gemeinschaft», тогда seiner относится къ «Lebens» и означаетъ *ея*, въ этомъ случаѣ трудно понять смыслъ,—во всякомъ случаѣ нельзя передать такъ, какъ переводчикъ; 2) welche—женс. рода и надо отнести къ «Lehre», а не къ «milieu». На стр. 157 «...auf die Persönlichkeit als ein wesenhaftes Gesamtwollen» передано... «...къ личности, въ качествѣ существеннаго общаго хотѣнія», надо «къ личности, какъ совокупности существенныхъ хотѣній». Тамъ же стоитъ «Она обосновываетъ не научное и не метафизическое...» вмѣсто: «И обосновываетъ не научное...», какъ ясно по смыслу. Стр. 160: надо «его синтетическимъ единствомъ», а не «ихъ...», а то смыслъ не понятенъ совсѣмъ. И такъ далѣе. Также встрѣчаются терминологическія неправильности: «begrifflich» переводится логическій (стр. 2, 6, 144 и т. д.), что особенно для Виндельбанда совершенно не правильно; «Anschauung»—«интуиція» и т. д. *N. N.*

Робертъ Гейеръ. Герои Ибсена съ психіатрической точки зрѣнія. Пер. съ фр. Г. Р. М. Стр. 70. Ц. 75 к. Книжка представляетъ диссертацію на степень доктора медицины. Выбравъ у Ибсена одиннадцать драмъ, имѣющихъ психіатрическій интересъ, авторъ съ этой стороны разсматриваетъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ и классифицируетъ ихъ по различнымъ видамъ душевныхъ болѣзней. Вообще говоря пользованіе художественными произведеніями для научныхъ цѣлей можетъ быть—и бываетъ дѣйствительно—плодотворно; упомянемъ хотя бы о работахъ Шарко на темы шекспировскихъ драмъ или о

*

рядѣ работъ, вызванныхъ «Преступленіемъ и наказаніемъ». Но для того, чтобы подобныя работы были цѣнны, необходимо свободное изслѣдованіе, не пріуроченное къ заранѣе принятымъ выводамъ, а не задача «à thèse» съ неизбѣжными въ этомъ случаѣ натяжками, искусственными сближеніями и преувеличеніями. Между тѣмъ работа Р. Гейера отъ этихъ-то послѣднихъ недостатковъ и несвободна, и это обстоятельство, не лишая книжку извѣстной занимательности, лишаетъ ее почти всякой научной цѣнности. Изъ многочисленныхъ сюда относящихся примѣровъ укажемъ нѣсколько. Развѣ не ad hoc притянуты за волосы такія характеристики: Агнеса и Эйнаръ (изъ «Гранда») душевно больные: у первой психическое вырожденіе и умственная отсталость, второй-дегенерантъ въ маніакальномъ возбужденіи. Пришлось бы, при такомъ критеріѣ, засчитать въ число душевно-больныхъ милліоны несамостоятельныхъ, слабыхъ, беззавѣтно любящихъ женщинъ! «Вырожденность» Эйнара видна изъ того, что онъ сначала предается эпикурейскому образу жизни, потомъ ударяется въ крайній мистицизмъ, но обѣ фазы эволюціи Эйнара отнюдь не выходятъ изъ предѣловъ нормы! У Норы—психическое вырожденіе и истерія и ея внезапное нравственное перерожденіе «не должно удивлять насъ»: она—«дочь афериста безъ твердыхъ нравственныхъ принциповъ», снабженнаго только запасомъ громкихъ словъ. Тесманъ (Изъ «Гедды Габлеръ») объявляется «психически дебильнымъ субъектомъ», тогда какъ это просто недалекій, тугой интеллектуально, но нормальный человѣкъ. Сольнесъ страдаетъ неврастеніей, но судя по его частымъ головокруженіямъ, возрасту и другимъ признакамъ, эта неврастенія—симптомическая, какъ предвѣстникъ прогрессивнаго паралича. Если это опредѣленіе страдаетъ только недоказанностью, то квалификація простенькой г-жи Сольнесъ какъ «слабоумной»—произвольна и совершенно невѣрна. Но этого мало: слабость ума г-жи Сольнесъ «иногда сильно приближающагося къ дѣтскости», заставляетъ автора предполагать у нея—мозговую опухоль! «Продолжительное пребываніе на морозѣ» Д. Г. Боркмана въ крайне разгоряченномъ состояніи приводитъ къ тому, что Боркманъ, вообще страдающій «хроническимъ бредомъ въ 3-мъ періодѣ», «падаетъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ». Это послѣднее свѣдѣніе авторъ, надо думать, получилъ отъ наслѣдниковъ покойнаго Боркмана... Въ послѣдней главѣ авторъ даетъ «общіе выводы». «Приговоривъ» къ сумасшествію 29 дѣйствующихъ въ разобранныхъ драмахъ лицъ, авторъ говоритъ: «все это чудаки, оригиналы, которыхъ не принято (?) лишать свободы». Но они этого заслуживаютъ, и общественное значеніе подобныхъ (ибсеновскихъ *Л. В.*) драматическихъ произведеній и состоитъ въ популяризаціи психіатрическихъ знаній, и «когда распространятся болѣе правильныя представленія о душевныхъ болѣзняхъ, тогда общество лучше научится и оберегаться отъ нихъ». И тогда будетъ «принято» лишать свободы Агнесу, г-жу Сольнесъ, Нору или старика Экдаля, не правда-ли? Хороша и научность этихъ «приговоровъ», хорошъ и предлагаемый рецептъ!

Врачъ Л. В—ій.

СОЦІОЛОГІЯ, СТАТИСТИКА И ФИНАНСЫ.

П. Г. Мижуевъ. „Соціологическіе этюды".—*В. Норовъ.* „Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики".—*Франческо Нитти.* „Основныя начала финансовой науки".

П. Г. Мижуевъ. Соціологическіе этюды. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. Г. Мижуевъ стяжалъ себѣ уже почетную извѣстность въ широкихъ массахъ читающей публики, какъ авторъ въ высшей степени интересныхъ книгъ («Передовая демократія современнаго міра», «Крестьянское царство» и др.) и статей. Симпатіи автора принадлежатъ англо-саксонскому міру, который, къ сожалѣнію, такъ

мало извѣстенъ намъ, русскимъ; тѣмъ больше значенія имѣютъ работы г. Мижуева. Правда, онѣ не свободны отъ нѣкоторыхъ увлеченій; но если не со всѣми выводами трудовъ г. Мижуева соглашаешься, то все, выходящее изъ-подъ его пера, читаешь съ удовольствіемъ и многому поучаешься.

Книга, о которой мы говоримъ въ настоящій моментъ, представляетъ собою сборникъ статей, помѣщавшихся въ различное время въ разныхъ журналахъ (преимущественно—«Міръ Божій», «Образованіе», «Русское Богатство») и посвященныхъ «важнѣйшимъ соціальнымъ проблемамъ нашего времени». Особенно интересны, на нашъ взглядъ, статьи: «Образованіе Соед. Штатовъ Австраліи», «Развитіе и паденіе рабства негровъ въ Америкѣ» и «Ближайшія причины и слѣдствія бѣдности». Извѣстно, что въ 1900 г. австралійскія колоніи Англіи образовали съ утвержденія англійскаго парламента «Австралійскую республику» («Australian Commonwealth»). Эта «федерація, несмотря на формально подчиненное отношеніе къ британскому парламенту, во всемъ своемъ строѣ представляетъ болѣе систематическое воплощеніе демократическихъ принциповъ, чѣмъ многія республики древняго и новаго міра» (стр. 3). Г. Мижуевъ знакомитъ читателя съ ходомъ этого замѣчательнаго государственнаго «устроенія», и насъ, русскихъ, особенно должно поражать и поучать слѣдующее явленіе: «въ работѣ участвовала... и вся народная масса жителей колоній Австраліи не только пассивно—путемъ выбора представителей на разнаго рода собранія и конвенты, обсуждавшіе вопросъ о федераціи, но и активно—путемъ организаціи разныхъ обществъ, ассоціацій, митинговъ и т. п., слова и дѣйствія которыхъ оказали, конечно, существенное вліяніе на работы тѣхъ лицъ, которымъ формально была поручена народомъ задача составленія законопроекта о федераціи» (стр. 4). Такой способъ выработки новыхъ политическихъ устоевъ жизни является залогомъ ихъ успѣшнаго осуществленія; «англосаксонскій міръ» слишкомъ демократиченъ для того, чтобы сосредоточивать судьбы милліоновъ народа въ немногихъ рукахъ.

Интересны приводимыя авторомъ параллели колоніальной политики Англіи и другихъ странъ (Франціи, Испаніи): британцы превосходно воспользовались урокомъ, преподаннымъ имъ въ концѣ XVIII-го ст. нынѣшними Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, и никогда уже не смотрѣли на колоніи съ чисто-эксплуататорской и деспотической точки зрѣнія; «съ другой стороны, отпаденіе значительной части колоніи отъ Испаніи въ первой половинѣ XIX в. не научило ничему испанцевъ, потерявшихъ въ послѣдующіе 50 лѣтъ послѣдніе остатки своихъ, когда-то огромныхъ, колоніальныхъ владѣній во всѣхъ частяхъ свѣта» (стр. 12).

Въ статьѣ «Ближайшія причины и слѣдствія бѣдности» г. Мижуевъ знакомитъ насъ съ солиднымъ трудомъ Сибома Раунтри, всесторонне изслѣдовавшаго условія жизни рабочихъ классовъ англійскаго города Іорка, по примѣру лондонскаго изслѣдованія Ч. Буса. Такія работы представляютъ громадный интересъ для экономиста, такъ какъ позволяютъ детально ознакомиться съ извѣстными *типами* явленій и обличаютъ теоретическіе выводы. Принимая извѣстныя нормы необходимаго питанія и жизненныхъ удобствъ, Раунтри нашелъ, что 28% городского населенія вообще и около половины (43%) рабочихъ классовъ живетъ въ бѣдности. Правда, понятіе бѣдности у него нѣсколько иное, чѣмъ у насъ: онъ, напр., ужасается тѣмъ фактомъ, что «двѣ трети домовъ въ Іоркѣ имѣютъ не болѣе двухъ спаленъ», и, такимъ образомъ, въ многолюдной семьѣ не могутъ быть соблюдены «элементарныя приличія»; что же тогда сказать о нашихъ рабочихъ казармахъ, гдѣ спятъ вповалку лица разнаго пола и возраста! Вѣрно замѣчаетъ г. Мижуевъ: «мы, русскіе, не избалованы на этотъ счетъ, и для насъ представляются часто отдаленнымъ идеаломъ такія условія, которыя въ глазахъ англичанъ кажутся несогласимыми съ основными требованіями сколько-нибудь сноснаго или приличнаго существованія» (стр. 207).

Соціальный вопросъ, мощно выдвинутый исторіей XIX-го ст., обратилъ на себя вниманіе всѣхъ общественныхъ силъ, въ томъ числѣ—и церкви. Мы знаемъ, что наряду съ «настоящимъ соціализмомъ» выплывали на поверхность житейскаго моря разные другіе виды соціализма: аграрный, государственный, христіанскій католическій, христіанскій протестантскій и т. п. И власти, и оффиціальнымъ представителямъ церкви лестно было заполучить въ свои руки рабочее движеніе, использовать его въ своихъ цѣляхъ и такимъ образомъ парализовать дѣйствіе новой исторической силы. Мы не хотимъ этимъ замѣчаніемъ отрицать во всѣхъ разновидностяхъ «консервативнаго соціализма» моментовъ искренняго сочувствія рабочей массѣ, но—логика фактовъ сильнѣе субъективныхъ настроеній тѣхъ или другихъ руководителей. Политика папы Льва XIII у всѣхъ еще на памяти—и каждый можетъ оцѣнить ея историческое значеніе, ея мотивы и цѣли. Какъ-бы то ни было, на соціальный вопросъ должна была реагировать и американская церковь—и, къ чести ея, надо сказать, что она—наиболѣе чиста отъ упрековъ въ побужденіяхъ своекорыстнаго характера. Духовныя лица въ Америкѣ желаютъ изучать соціальный вопросъ ради него самого и стараются принести посильную помощь рабочему классу дѣломъ, а не словами; съ характеромъ ихъ дѣятельности читатель можетъ ознакомиться изъ послѣдней статьи сборника г. Мижуеве, озаглавленной: «Церковь и соціальный вопросъ въ Америкѣ». Весьма характерно для Новаго Свѣта тотъ фактъ, что духовенства различныхъ исповѣданій вовсе не враждуютъ другъ съ другомъ, какъ это замѣчается въ Европѣ; оно и вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что дѣло идетъ не объ «уловленіи» душъ. Вотъ какимъ языкомъ говоритъ американскій пасторъ: «Обыкновенныя школы важнѣе, чѣмъ школы воскресныя», такъ какъ прихожане должно больше заботиться объ общемъ образованіи своихъ дѣтей, чѣмъ о религіозномъ. Послѣднее—дѣло совѣсти. Такія замѣчанія должны приходиться особенно не по вкусу нашимъ ревнителямъ «религіозно-нравственнаго просвѣщенія».

Нельзя не пожелать возможно болѣе широкаго распространенія интересной книгѣ г. Мижуева. *М. Бернацкій.*

В. Норовъ. Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Ч. I. Потребленіе вина. Участіе общества въ борьбѣ съ пьянствомъ и въ организаціи виноторговли. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. Работа г. Норова производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе: авторъ умѣетъ ясно опредѣлять свою цѣль и способы ея достиженія, обнаруживаетъ полное умѣніе справляться съ громоздкимъ статистическимъ матеріаламъ, знаетъ предѣлы эмпирическаго изслѣдованія, а потому воздерживается отъ поверхностныхъ обобщеній, отъ чего, какъ извѣстно, нерѣдко несвободны и записные статистики.

Указывая во веденіи на крайнюю недостаточность литературы по столь важному экономическому и финансовому вопросу, г. Норовъ ограничиваетъ свою роль, главнымъ образомъ, внимательнымъ изученіемъ «Отчетовъ Главнаго Управленія Неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей». Существующія до сихъ поръ «изслѣдованія» вполнѣ основательно его не удовлетворяютъ. «На первыхъ порахъ многіе, особенно въ оффиціальныхъ сферахъ, искренно увлекались винной монополіей и, преувеличивая ея значеніе, возлагали на нее громадныя надежды въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ, думали, что она произведетъ чуть-ли не полный переворотъ въ народной жизни, сейчасъ-же обнаружитъ свои результаты, замѣтные для каждаго даже поверхностного наблюдателя» (с. 1). На почвѣ такого настроенія, возникаютъ «случайныя статистическія экскурсіи, которыя являются результатомъ плохо скрываемаго желанія попасть въ униссонъ взглядамъ Министерства Финансовъ и подыскать для нихъ какое-либо подтвержденіе» (ст. 3). Оказывалось, что и благостояніе населенія росло отъ введенія винной монополіи, и преступность

уменьшалась (отзывы Виленской, Кѣлецкой губ.), и смертность понижалась. Не говоря о томъ, что болѣе солидное отношеніе къ дѣлу опровергало такія скороспѣлыя заключенія, въ нихъ заключалась апріорная ошибка: если бы гдѣ-либо послѣ введенія монополіи и были бы замѣтны благопріятныя измѣненія въ жизни населенія, то надо еще доказать, что отсутствовали другія причины, могущія подѣйствовать такимъ образомъ. «Тенденціозный изслѣдователь», конечно, не считается съ методологическими пріемами и стремится только къ «сюрпризу».

«Потребленіе вина въ первые годы по введеніи монополіи (1896—1899 г.) обнаружило очень незначительныя колебанія (отъ 0,54 до 0,57 ведра на душу)—и по своему размѣру было очень близко къ годамъ, предшествовавшимъ введенію питейной реформы» (с. 22). Мало того, съ 1886 г. обнаруживается неуклонное паденіе душевого потребленія вина, между тѣмъ какъ съ проведеніемъ реформы замѣчаются повышеніе—и даже немаловажное въ нѣкоторыхъ районахъ. «Объ этомъ слѣдовало бы не забывать не въ мѣру усерднымъ защитникамъ монополіи, которые привыкли рисовать слишкомъ мрачными красками условія дореформенной виноторговли, представляя типъ прежняго кабатчика, спаивавшаго народъ, въ образѣ человѣка какой-то демонической силы обаянія, въ противовѣсъ трогательной порядочности современныхъ торговцевъ виномъ» (ст. 23).

Какъ извѣстно, вся бѣда русскаго пьянства заключается въ томъ, что вино потребляется неравномѣрно: абсолютная цифра душевого потребленія—невелика, но сконцентрированіе послѣдняго на немногіе дни и недѣли вызываетъ основательныя опасенія; и вотъ въ этомъ отношеніи авторъ отмѣчаетъ благопріятное дѣйствіе монополіи: во всѣхъ монопольныхъ губ., кромѣ привислянскаго района, замѣчается «тяготѣніе потребленія въ сторону болѣе равномѣрнаго распредѣленія по мѣсяцамъ» (с. 73). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство какъ будто само идетъ навстрѣчу уличному пьянству, увеличивая продажу вина въ мелкой посудѣ. Авторъ неоднократно отмѣчаетъ внутреннія противорѣчія, безсистемность въ мѣропріятіяхъ винномонопольнаго характера: то, повидимому, стремятся къ развитію народной трезвости, то пекутся о расширеніи сбыта вина. Дѣло становится вполнѣ яснымъ, если вспомнить, какую роль въ нашемъ бюджетѣ играетъ обложеніе спиртныхъ напитковъ.

Нельзя не пожалѣть, что интересная работа г. Норова, продолженіе которой весьма желательно, оцѣнена слишкомъ высоко: это можетъ затормозить ея распространеніе. *М. Бернацкій.*

Франческо Нитти. Основныя начала финансовой науки. Переводъ съ итальянской рукописи И. Шрейдера, подъ редакціей и съ дополненіями А. Свирщевскаго, съ предисловіемъ А. Чупрова. М. 1904 г. Стр. XXXII+623. Ц. 3 р. Книга Нитти обладаетъ всѣми достоинствами серьезнаго научнаго курса, предназначеннаго для широкаго круга читателей: продуманностью теорій, обиліемъ и свѣжестью фактическаго матеріала, полнотой и равномѣрностью обработки, простотой и живостью изложенія. А такъ какъ русская финансовая литература никакъ не можетъ быть названа богатой, то мысль о русскомъ изданіи труда Нитти нужно признать очень удачной. Сжатая, но чрезвычайно содержательная характеристика этого труда дается въ предисловіи проф. А. Чупрова, къ которому мы и отсылаемъ читателей. Считаемъ, однако, не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ общемъ направленіи, въ которомъ написана книга. По направленію, автора можно назвать эклектикомъ. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ эклектизмомъ серьезнымъ, вдумчивымъ. Какъ ни желательно было бы видѣть у каждаго автора совершенно опредѣленную систему взглядовъ, согласованную во всѣхъ частяхъ, но, при современномъ состояніи научныхъ знаній и образованности, приходится не только мириться съ эклектизмомъ, но и признавать въ немъ нѣкоторыя выгодныя

стороны. Такъ, прежде всего, клектизмъ предохраняетъ ученыхъ отъ рутины, дѣлаетъ ихъ болѣе воспріимчивыми къ новымъ явленіямъ въ жизни и въ наукѣ. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о началѣ прогрессивности, такъ тонко разобранный у Нитти. Яркій демократъ, защищая прогрессивность, не очень нуждается въ жизненныхъ фактахъ для подтвержденія своего основного взгляда на налоги, какъ на средство нивеллированья имуществъ. Точно также и консерваторъ, при отрицаніи прогрессивности, можетъ довольствоваться общими соображеніями, давно уже высказанными. Нитти же говоритъ, что «въ этой области именно факты имѣютъ наибольшую важность». (стр. 291). Факты убѣждаютъ его, что прогрессивные налоги *могутъ* «прекрасно исправлять неравенства или, лучше сказать, наиболѣе рѣзкія несправедливости» (стр. 290). Но съ другой стороны, «началомъ прогрессивности часто пользовались очень дурно, иногда просто какъ орудіемъ политической мести» (стр. 284). Эта готовность считаться съ разнообразіемъ фактовъ въ значительной степени объясняется именно тѣмъ, что Нитти не занимаетъ вполнѣ опредѣленнаго положенія по отношенію къ соціальной реформѣ. Съ одной стороны, онъ считаетъ опаснымъ и даже вреднымъ стремленіе пользоваться налогами, какъ средствомъ соціальной реформы. «Чтобы налогъ могъ вліять на ходъ распредѣленія, оклады его должны быть очень высоки и въ то же время являться тормазомъ для роста капитала. А это вещь крайне опасная, (стр. 291, см. также стр. 317). Съ другой стороны Нитти на протяженіи всей книги выставляетъ справедливость руководящимъ началомъ финансовой политики, а при разсмотрѣніи вопроса о прогрессивности очень остроумно высмѣиваетъ страхъ капиталистовъ передъ невыгодными для нихъ реформами. «Всякій разъ, когда устанавливалось что-либо такое, чего не хотѣли, указывали на то, что уйдетъ капиталъ. Послѣдній уйдетъ, если посредствомъ хорошаго фабричнаго законодательства помѣшаютъ эксплуатаціи рабочихъ классовъ; уйдетъ, если изъ биржевыхъ спекуляцій будетъ изгнано все, что есть въ нихъ наиболѣе безнравственнаго; уйдетъ, если на промышленность будетъ возложено тяжкое бремя обязательнаго страхованія рабочихъ... Капиталъ, какъ хористы въ театрѣ, очень часто только возвѣщаетъ свой отъѣздъ, и даже, когда уходитъ, то всѣмъ прекрасно извѣстно, что онъ остается на недалекомъ разстояніи» (стр. 287—288).

Полезная сторона эклектизма заключается, далѣе, еще въ томъ, что авторъ-электикъ пріучаетъ читателей критически относиться къ фактамъ и принципамъ политической жизни. Не связанный какой-нибудь опредѣленной тенденціей, Нитти заставляетъ читателей быть осторожными даже и по отношенію къ наиболѣе симпатичнымъ для даннаго читателя фактамъ и теоріямъ. Симпатіи самого Нитти,—какъ справедливо отмѣчаетъ проф. Чупровъ «лежатъ на сторонѣ самыхъ прогрессивныхъ идей въ области, имъ изучаемой», но это не мѣшаетъ ему рѣшительно возставать противъ чрезмѣрнаго увлеченія нѣкоторыми «новыми словами». Такъ, онъ обращаетъ вниманіе читателей на серьезныя опасности, связанныя иногда съ муниципализаціей промышленныхъ предпріятій (стр. 589) и признаетъ преувеличенными надежды реформаторовъ на «меліоративные сборы» (обложеніе «незаслуженнаго прироста цѣнности»).

Но, разумѣется, эклетизмъ Нитти, также какъ и его осторожность, имѣетъ и свои невыгодныя стороны. Эклетикъ слишкомъ легко мирится съ отрицательными явленіями жизни и часто рискуетъ впасть въ оппортунизмъ. Одной осторожности мало; намъ нужно, чтобы авторъ, научающій насъ придавать истинную цѣну финансовымъ бѣдствіямъ и финансовому благополучію, указывалъ также и рѣшительныя средства къ ускоренію прогресса. Нитти же слишкомъ часто умываетъ руки, укрываясь холодными разсужденіями, въ духѣ матеріализма, о томъ, что хорошіе финансы придутъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ богатства, и что корень зла—въ недостаточномъ развитіи производительныхъ силъ. «Безъ сомнѣнія», говоритъ Нитти, «даже и въ самыхъ благоденствую-

щихъ обществахъ Европы богатства еще мало, и величайшее зло человѣчества, даже культурный его части, это бѣдность» (130). Такая точка зрѣнія можетъ привести къ слишкомъ быстрому оправданію финансовой практики бѣдныхъ странъ. «Современная тенденція податной системы — по словамъ Нитти—заключается въ томъ, чтобы удержать въ своемъ основаніи косвенные налоги на предметы второстепенной важности, оставляя свободными отъ обложенія предметы первой необходимости, и какъ коррективъ и полезное дополненіе, установить крупные личные налоги и налогъ съ наслѣдства. Но подобный финансовый строй можетъ имѣть мѣсто лишь въ такихъ странахъ, которыя достигли высокаго уровня хозяйственнаго развитія и въ которыхъ, слѣдовательно, широко потребленіе предметовъ роскоши или удобства. Характернымъ же отличіемъ бѣдныхъ странъ является, наоборотъ, обложеніе предметовъ первой необходимости, не изъ пренебреженія къ справедливости, а вслѣдствіе бѣдности». (266) Противъ этого можно возразить, что какъ въ бѣдныхъ, такъ и въ богатыхъ странахъ играютъ большую роль политическій, этическій и другіе факторы, кромѣ матеріальнаго. Мы хорошо знаемъ, что бѣдность страны служитъ часто лишь предлогомъ для «пренебреженія къ справедливости» и что народъ гораздо легче могъ бы справиться съ тяжелымъ бременемъ государственнаго хозяйства, если бы существовали дѣйствительныя гарантіи, что это хозяйство ведется въ интересахъ народныхъ массъ, а не въ частныхъ интересахъ привилегированныхъ лицъ. Русскому читателю трудно примириться съ мыслью, что Россіи нужно предварительно разбогатѣть какъ Англія, чтобы обезпечить справедливое распредѣленіе налоговаго бремени. Нѣтъ, кромѣ богатства, у Англіи есть другія преимущества, которымъ мы болѣе завидуемъ и въ которыхъ надѣемся скорѣе ее догнать Государственное хозяйство, какъ и всякое хозяйство основано на стремленіи къ порядку; порядокъ же можетъ и долженъ быть обезпеченъ какъ для богатаго хозяйства, такъ и для скромнаго, какъ въ богатыхъ странахъ, такъ и въ бѣдныхъ.

Передъ нѣмецкими эклектиками, которыми изобилуетъ наша переводная научная литература, Нитти имѣетъ преимущество большей жизненности—большей свѣжести мысли и большей живости изложенія. Пріятное впечатлѣніе производитъ отсутствіе въ его книгѣ скучныхъ экскурсовъ въ область терминологіи и въ область исторіи.

Редакторъ русскаго изданія снабдилъ книгу обширными примѣчаніями, въ которыхъ сообщаются фактическія свѣдѣнія о финансахъ Россіи, а также указателемъ литературы на русскомъ языкѣ. Въ предисловіи говорится: «г. Сворщевскій сообщаетъ все существенное, что требуется знать для общаго ознакомленія съ современнымъ финансовымъ хозяйствомъ Россіи». Этотъ отзывъ намъ кажется нѣсколько преувеличеннымъ: трудно сообщить «все существенное», если напр., русскимъ желѣзнымъ дорогамъ удѣлено 3 страницы, русской таможенной политикѣ—2 страницы, земскимъ финансамъ—3 страницы, городскому хозяйству—13 строкъ и т. д.; объ организаціи контроля въ Россіи авторъ примѣчаній совершенно умаливаетъ, ограничиваясь небольшой литературной ссылкой.

Но въ общемъ редакцію русскаго изданія можно признать вполнѣ удовлетворительной. Изъ замѣченныхъ небольшихъ оплошностей укажемъ на ошибку въ цифрахъ доходовъ отъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ на стр. 189 (61 милл. дохода относится не къ казеннымъ заводамъ, а къ лѣсамъ) и на пропускъ необходимыхъ обозначеній въ таблицѣ на стр. 264 (приводятся цифры средняго потребленія разныхъ продуктовъ въ разныхъ странахъ, но не сказано, въ какихъ мѣрахъ).

Внѣшность изданія тоже производитъ пріятное впечатлѣніе; но примѣчанія напечатаны слишкомъ мелкимъ шрифтомъ. *А. Рыкачевъ.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Баронъ *М. А. Таубе.* „Христіанство и международный миръ“.—*А. И. Маркевичъ.* „Таврическая губернія во время крымской войны“.

Баронъ М. А. Туабе, проф. С.-Петербургскаго университета. Христіанство и международный миръ. Изд. «Посредника». Москва. 1905 г. Брошюра проф. Таубе даетъ весьма живой и содержательный очеркъ отношеній первоначальнаго христіанства—и христіанства позднѣйшаго къ вопросу о войнѣ. Впрочемъ, по мысли барона Таубе тутъ и «вопроса» въ точномъ смыслѣ слова нѣтъ (и для первыхъ христіанъ и не являлось), ибо ученіе Христа совершенно непримиримо и несовмѣстимо ни съ какими лукавыми разглагольствіями современныхъ елейныхъ Тартюфовъ о войнѣ. «Новый Завѣтъ ни въ какомъ случаѣ войнъ не запрещаетъ», говоритъ нѣмецкій профессоръ Штенгель, по мѣрѣ силъ и усердія, «приспособляющій» христіанское ученіе къ апологіи Вильгельма, милитаризма и проч., и проч. На эти слова баронъ Таубе возражаетъ сильно и искренно! «Жалкіе аргументы и жалкіе выводы! *Не убій*,—говорятъ намъ,—дѣйствительно, обязательная для людей заповѣдь, и она торжественно подтверждена Христомъ. Но въ Евангеліи ничего не сказано спеціально о войнѣ. Слѣдовательно, война—массовое убійство—разрѣшается. Но отчего же не продолжить далѣе эту аргументацію? Юристъ скажетъ: «не укради»—тоже обязательная для всѣхъ заповѣдь. Но въ Евангеліи ничего не сказано спеціально о кражѣ со взломомъ. Слѣдовательно, кража со взломомъ дозволена». Такова основная точка зрѣнія автора на занимающую его тему. Опредѣленность этой точки зрѣнія уже сама по себѣ можетъ подкупить читателя привыкшаго (и, къ сожалѣнію, имѣющаго полное право) видѣть въ очень и очень многихъ спеціалистахъ по международному праву не столько ученыхъ, сколько дипломатовъ, не столько людей, задающихся вопросомъ, «что есть истина?», сколько чиновниковъ, ломающихъ себѣ голову надъ проблемой: «что, бишь, именно нынче *удобнѣе* всего вспомнить изъ науки?» Это хорошее чувство довѣрія къ автору растетъ болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ читатель знакомится съ предлагаемымъ ему матеріаломъ. Обширная и разносторонняя освѣдомленность автора въ древней и средневѣковой литературѣ вопроса не подлежитъ сомнѣнію, и расположенъ этотъ матеріалъ умѣлою рукою. Есть, правда, и нѣкоторыя утвержденія, которыя могутъ показаться не вполнѣ точными. Автора, напримѣръ, увлекаетъ проведеніе аналогіи между античнымъ міромъ и нашимъ, нынѣшнимъ: «На почвѣ той же эллинской цивилизаціи появляются именно три сильныхъ «великихъ державы»—Македонія, Сирія, Египетъ, тогда какъ въ западной части Средиземнаго моря политическое равновѣсіе поддерживается двумя одинаковыми по силѣ соперниками—Римомъ и Карѳагеномъ. А вокругъ этой античной пентархіи, дополняя собою внѣшнее сходство международнаго строя того времени съ нашимъ, группируется рядъ болѣе мелкихъ государствъ—царства Понтійское, Парѳяне, Пергамъ, Нумидія и пр.». Существованіемъ этой системы государствъ авторъ склоненъ объяснить также политическіе взгляды Полибія, его попытку намѣтить нѣчто вродѣ принциповъ международнаго права. Но, во-первыхъ, Македонія и Карѳагенъ были окончательно сокрушены и завоеваны Римомъ именно въ эпоху Полибія; во-вторыхъ, никакихъ опредѣленныхъ дипломатическихъ сношеній между Пергамомъ, Сиріей и Египтомъ съ одной стороны и Римомъ съ другой стороны—въ эту эпоху не существовало; въ-третьихъ, именно Полибій вполнѣ ясно и категорично говоритъ въ первой же книгѣ своей исторіи, что «раньше» (до римлянъ) событія на землѣ происходили «разрозненно», а римляне задумали завоевать все и исторія пріобрѣтаетъ поэтому характеръ цѣльности. Значитъ, Полибій очень хорошо понималъ реальное положеніе вещей въ переживаемый имъ политическій моментъ, и его международно-правовыя идеи едва ли могли быть разсчи-

таны для роли руководящихъ принциповъ, имѣющихъ быть непосредственно проведенными въ жизнь; такъ что не только эти идеи «пришли слишкомъ поздно», но и происхожденіемъ своимъ они не могли быть обязаны никакой пентархіи.

Показалось намъ также не вполнѣ яснымъ слѣдующее мѣсто: «Мы готовы сказать, что античный міръ, какъ и современная намъ цивилизація былъ основанъ на реальныхъ, осязаемыхъ матеріальныхъ благахъ, тогда какъ колоссальное значеніе христіанства заключается именно въ томъ, что оно не только провозгласило, но до извѣстной степени и провело въ жизнь ученіе, основанное какъ бы на полномъ отрицаніи этой дѣйствительности, ученіе поэтому «безумное» въ глазахъ древняго міра, но зато настолько великое, что сама эта дѣйствительность рядомъ съ нимъ казалась ничего не стоющей». Уже тутъ заключена совершенно неисторическая мысль, ибо исторія и въ древнее, и въ средневѣковое, и въ новое время одинаково базировалась на соотношеніяхъ общественныхъ классовъ, на ихъ борьбѣ за «реальныя, осязаемыя, матеріальныя блага. Но примѣчаніе, которымъ снабжена эта тирада еще болѣе подчеркиваетъ и углубляетъ ошибку: «Античныя воззрѣнія, какъ извѣстно, снова окончательно берутъ верхъ только въ эпоху, которая отрицала *основанную на христіанствѣ средневѣковую цивилизацію* (и въ значительной степени самое христіанство), т.-е. въ эпоху, мѣтко называемую временемъ возрожденія». Здѣсь слово «цивилизація» возбуждаетъ вопросы. Понимать ли его въ смыслѣ культуры духовной? Или матеріальной? Въ обоихъ случаяхъ мысль, выраженная здѣсь, невѣрна. Христіанство и церковь, какъ она существовала и вліяла на жизнь въ средніе вѣка, суть понятія далеко неравнозначущія; что же касается до основанности на «христіанствѣ» такихъ явленій матеріальной жизни, какъ, напр., феодализмъ, дававшій тонъ всей исторіи среднихъ вѣковъ, то объ этомъ нечего и распространяться. Юристъ-философъ здѣсь нѣсколько подавилъ историка.

Съ большимъ интересомъ читается конецъ книжки, гдѣ прослѣжено постепенное потемнѣніе первоначальныхъ, не шедшихъ ни на какой компромиссъ отрицательныхъ взглядовъ христіанъ на войну. Христосъ рѣшительно отрицалъ всякое насиліе и, тѣмъ самымъ, войну,—и первые христіане безстрашно шли по указанному имъ пути, готовы были на мученичество изъ-за отказа отъ военной службы, — но «вокругъ этого яснаго вопроса съ теченіемъ времени, постепенно образовалась цѣлая сложная аргументація, стремившаяся и стремящаяся доказать, то лицемѣрно, то съ полнымъ сознаніемъ допускаемой лжи, то безсознательно и bona fide, что *не убій* можетъ иногда значить *убивай*»... Но поворотъ въ христіанской мысли, наставшій въ IV вѣкѣ вмѣстѣ съ торжествомъ церкви въ римской имперіи, создалъ теченіе въ сторону тѣхъ софизмовъ, которые съ тѣхъ поръ очень разнообразились по формѣ, а въ существѣ дѣла являлись лишь болѣе или менѣе искусными (или аляповатыми) попытками приспособить христіанскую доктрину къ житейскому обиходу. И католицизмъ, и протестантизмъ, и другія исповѣданія не уставали трудиться въ указанномъ направленіи. На стр. 52—53 профессоръ Таубе пишетъ: «Не менѣе странно и то, что мы находимъ въ православной литературѣ. И странно это тѣмъ болѣе, что здѣсь передъ нею во весь ростъ стоитъ гигантъ русской мысли, «великій писатель земли русской». Воззрѣнія Л. Н. Толстого на войну достаточно всѣмъ извѣстны, и повторять ихъ здѣсь нѣтъ надобности. И вотъ, въ отвѣтъ на слова, которыя, какъ тараномъ, бьютъ застарѣлые предразсудки, — или полное молчаніе, или робкій лепетъ наивныхъ возраженій». Любопытно тутъ еще вотъ что: изъ двухъ авторитетовъ — св. Василій Великій говоритъ, что «убивающихъ на брани три года нельзя допускать до св. причащенія, ибо руки ихъ не чисты», а св. Аѳанасій Великій утверждаетъ, что «убивать враговъ на брани и законно, и похвалы достойно» и что убивающимъ на войнѣ слѣдуетъ воздвигать памятники. Какъ же тутъ

быть, когда оба автора столь категорически другъ другу противорѣчатъ? «Гдѣ же выходъ? Выхода, конечно, нѣтъ для ортодоксальной точки зрѣнія, и профессоръ-спеціалистъ подтверждаетъ намъ это». Авторъ приводитъ здѣсь любопытную выдержку изъ профессора московской духовной академіи г. Заозерскаго: «оба противорѣчивыхъ правила (св. Василія и св. Аѳанасія) перемѣшаны такъ, что и понять трудно», говоритъ про нашу «Кормчую» проф. Заозерскій и совѣтуетъ поступать *«по обоимъ»*. Это читаемъ мы въ статьѣ, спеціально посвященной нашему вопросу и направленной противъ Л. Н. Толстого... «Кого удовлетворятъ такіе совѣты?» справедливо недоумѣваетъ профессоръ Таубе.

На многія нерадостныя мысли наводитъ этотъ живой и талантливый очеркъ торжествующаго тартюфства. Оптимистическимъ аккордомъ все же кончается онъ: «А правда всетаки, рано или поздно, вырвется на Божій день. И когда съ глазъ людей спадутъ, наконецъ, одна за другою старыя повязки, которыя наложило на нихъ тысячелѣтнее варварство, они увидятъ ясно со стыдомъ, страхомъ и радостью, что изъ заповѣди *«не убій»* никакъ не вывести разрѣшенія убійства». Рекомендуемъ эту хорошую книжку вниманію нашихъ читателей. *Е. Т.*

А. И. Маркевичъ. Таврическая губернія во время крымской войны. По архивнымъ матеріаламъ. Симферополь. 1905 г. in 8-vo. Стр. 4 нен. + 260 + VI. Ц. не озн. Современный читатель, который не боится книгъ со множествомъ цифръ и перечисленій, не безъ любопытства заглянетъ въ работу г. Маркевича. Она касается темы, которой исполнилось пятьдесятъ лѣтъ и при необычно юбилейной обстановкѣ; севастопольская эпопея больше описывалась въ громкихъ выраженіяхъ и съ трескомъ сильныхъ эпитетовъ, но она мало или вовсе не изучалась; скромный анализъ происходившаго не могъ улыбаться патріотамъ задняго двора, а критика передовой литературы временами отличалась обиліемъ общихъ мѣстъ. Г. Маркевичъ, пустивъ въ началѣ и концѣ книжки по нѣсколько спасительныхъ фразъ, двинулъ въ оборотъ тяжелую артиллерію, т.-е. сухой архивный матеріалъ, свидѣтеля не всегда веселаго, но зато гораздо болѣе цѣннаго, чѣмъ сотни кричащихъ разглагольствованій. Въ этомъ отношеніи цѣнность труда г. Маркевича внѣ всякихъ сомнѣній; попрекнуть его приходится развѣ за излишнюю скупость въ выдержкахъ изъ документовъ; настойчиво пожелать надо, чтобы авторъ продолжилъ свои поиски въ мѣстныхъ архивахъ по части крымской войны, ибо нельзя же остановиться на половинѣ дороги и опять броситься въ омутъ случайныхъ замѣтокъ, какъ то нерѣдко случается съ нашими провинціальными работниками въ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ. Историческія работы не юбилейныя только справки, какъ часто думаютъ въ архивныхъ коммиссіяхъ, а фундаментъ научнаго возсозданія нашего прошлаго. Безъ стройной системы и опредѣленной программы ничего не сдѣлаешь прочнаго, и пишущій настоящія строки уже имѣлъ случай обращаться къ архивнымъ коммиссіямъ съ «увѣщаніемъ» не разбрасываться, а сосредоточиться на очередныхъ темахъ. Такъ и въ данномъ случаѣ: если таврическая коммиссія въ лицѣ г. Маркевича взялась за крымскую войну, такъ и разработай въ указанномъ направленіи мѣстные архивы до конца. Г. Маркевичъ для начала разработалъ въ архивѣ канцеляріи таврическаго губернатора дѣла «временной канцеляріи военнаго губернатора г. Симферополя и таврическаго гражданскаго губернатора» за 1854—1856 гг., дѣла, которыя, по словамъ автора, «достаточно ясно рисуютъ положеніе Тавриды въ эпоху крымской войны». Въ сущности книжка посвящена дѣятельности гражданской и военной администраціи среди тогдашняго населенія Крыма: какія жертвы несло населеніе на нужды войны, какъ этими жертвами съумѣло воспользоваться начальство и что изъ всего этого выходило—вотъ содержаніе книжки. Перечитывая сухой матеріалъ, здѣсь изложенный, читатель все-таки выноситъ рядъ опредѣленныхъ и яркихъ впечат-

лѣній, получаетъ способность развить поучительныя параллели съ современною военной эпопеей, можетъ быть, несравненно болѣе грандіозной и чреватой горшими результатами. Населеніе, лишенное всякой самодѣятельности, подвергается всевозможнымъ запросамъ со стороны администраціи; чиновничество, потерявшееся отъ кучи противорѣчивыхъ распоряженій, не знаетъ, что дѣлать, и лишь въ извѣстной своей части держитъ высоко свое знамя сытно кормиться за счетъ происходящаго; администрація—въ состояніи хаоса, неподготовленности, но во всеоружіи престижа. Фактовъ въ этомъ родѣ разсыпано въ книжкѣ сколько угодно, и читатель не знаетъ, за какой ему ухватиться: одинъ лучше другого, третій чудовищнѣе перваго. Раскройте, напр., 256 страницу, на которой имѣется матеріалъ изъ «дѣла объ учрежденіи комиссіи для открытія безпорядковъ по продовольствію войскъ», и передъ вами встаютъ ужасы коммиссаріатской коммиссіи въ Крыму: «искусственное возвышеніе цѣнъ, недоплаты, преступная нерадивость въ надзорѣ за провіантомъ и т. п. злоупотребленія были,—говоритъ авторъ,—*обычными* явленіями», а «вслѣдствіе этихъ злоупотребленій интенданства потрачена была напрасно масса народнаго труда и народныхъ жертвъ» (срв. стр. 120, 245, 211, 208 и 175). Вещи исчезали не только вслѣдствіе хищеній, но и вообще отъ безпорядка и небрежности. Съ этой цѣлью авторъ спѣшитъ преподнести читателю интереснѣйшіе факты, вродѣ тѣхъ, которые описаны на 201 — 202 стр. и на 97 — 98 стр. книжки. Указанные примѣры могутъ быть признаны классическими. Хотѣлъ г. Маркевичъ подробнѣе остановиться на дѣятельности симферопольскаго госпиталя, но, пишетъ онъ (стр. 91), «въ 1855 г. была похищена книга на записку прихода и расхода всѣхъ пожертвованій въ симферопольскомъ госпиталѣ въ пользу больныхъ и раненыхъ; похищены были статейные списки, вынесены разныя дѣла и найдены за госпиталемъ въ солдатской слободкѣ; затѣмъ оказалась утерянной конторой симферопольскаго военнаго госпиталя шнуровая тетрадь съ документами на сумму 192.593 руб.». На стр. 80, 67, 60, 58, 54 изображены картины продовольствія и эвакуаціи раненыхъ: еслибъ мы привели здѣсь соотвѣтственныя цитаты, то многіе обратились бы для самостоятельной провѣрки непосредственно къ книгѣ г. Маркевича, которая цѣликомъ основана на оффиціальныхъ документахъ архива таврическаго губернатора и, слѣдовательно, о многомъ еще можетъ не знать. Но достаточно и того, что попало въ оффиціальные документы; утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что автора не упрекнешь въ тенденціозности, напротивъ, онъ скупъ на выписки и не гнался за хроникой чрезвычайныхъ злоупотребленій, онъ выступаетъ исключительно въ роли архивнаго обозрѣвателя. Описывая Симферополь и его окрестности во время войны, г. Маркевичъ мало щадитъ нервы читателя; особенно характерными представляются стр. 192—193 и 205—206. Рядъ статистическихъ подсчетовъ дополняютъ матеріалъ бытового характера. Въ цѣломъ авторъ описываетъ суматоху передъ появленіемъ непріятеля, общее состояніе края и настроенія татаръ и другихъ общественныхъ слоевъ въ эту эпоху, организацію призрѣнія и леченія больныхъ и раненыхъ, чрезвычайныя повинности населенія, снабженіе арміи фуражомъ, хлѣбомъ, топливомъ, состояніе дорогъ, разрушеніе нормальнаго порядка жизни въ Крыму и т. д. Все это заканчивается маленькой главой, въ которой помѣщенъ текстъ грамоты Тавридѣ отъ 26 августа 1856 г. Заканчивая книгу словами, что «благословенная Таврида съ честью вынесла постигшее ее испытаніе», авторъ, среди разсужденій въ угоду поклонникамъ сервилизма, все-таки настаиваетъ на такомъ основномъ положеніи: «Край въ общемъ не былъ подготовленъ къ военнымъ событіямъ; дороги были въ плохомъ состояніи, почтовое дѣло въ крайнемъ разстройствѣ; не было подготовлено ни фуража и провіанта для войскъ, ни госпиталей и всего необходимаго для нуждъ больныхъ и раненыхъ; губернская администрація, не вполнѣ выяснившая настроеніе края и

положеніе дѣлъ, захвачена врасплохъ и въ началѣ растерялась». Г. Маркевичъ не отвѣчаетъ, конечно, въ своей книжкѣ на вопросъ, почему же получилась столь непривлекательная картина; отвѣтъ на такой вопросъ и не входилъ въ его задачу. На него намекаетъ г. Раковъ въ своей статьѣ «Мои воспоминанія о Евпаторіи въ эпоху крымской войны», напечатанной въ № 36 «Извѣстій Таврической архивной комиссіи». «У насъ,—говоритъ авторъ воспоминаній,—не было того могущественнаго орудія, которое лучше всего освѣщаетъ намъ положеніе дѣлъ и наше собственное положеніе среди другихъ, которое лучше всего помогаетъ намъ разобраться въ своихъ интересахъ,—у насъ не было политической печати». Почему?—спрашиваетъ современный читатель также относительно юбилейной обстановки севастопольской войны. Но... теперь, переживъ 1854—1904 гг., никто уже не сомнѣвается въ содержаніи отвѣта; отвѣтъ можно дать ясно, точно, опредѣленно. Читатель ждетъ этого отвѣта отъ критика, ибо безъ него какъ-то неловко заключить отзывъ о книгѣ г. Маркевича, интересной и богатой фактами, но все-таки требующей для большой публики небольшой дозы публицистическаго освѣщенія. Увы! мы должны обождать съ этимъ отвѣтомъ и этимъ освѣщеніемъ, подождать, покуда въ нашемъ отечествѣ появится политическая печать, какъ говоритъ г. Раковъ. Но и безъ нея отвѣтъ ясенъ, его знаютъ и наши читатели, и даже наши дѣти. *В. Сторожевъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И МЕДИЦИНА.

S. A. Arrhenius. „Физика неба".—*С. Растовцевъ.* „Опредѣлитель растеній".—*Г. Якобсонъ и В. Біанки.* „Прямокрылыя и ложно сѣтчатокрылыя Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ странъ". — *А. Буткевичъ.* — „Какъ избавиться отъ застарѣлой боли подъ ложечкой". *Новомбергскій.* Черты врачебной практики въ московской Руси.

S. A. Arrhenius. Физика неба. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціи А. Р. Орбинскаго. Одесса 1905 годъ. Цѣна 2 рубля. Врядъ ли можно назвать другую область человѣческаго знанія, которая бы, какъ астрономія и въ частности астрофизика, такъ неизмѣнно привлекала къ себѣ всѣхъ тѣхъ, у кого пробуждаются научные интересы, особенно въ юношескомъ возрастѣ. Вопросы о происхожденіи вселенной, о строеніи безконечно удаленныхъ отъ насъ міровъ, о возможности проникнуть умственнымъ взоромъ въ безконечную таинственную даль естественно захватываютъ пробуждающую мысль раньше, чѣмъ она фиксируется на жгучихъ вопросахъ современности. И нужно признать, что именно этимъ запросамъ наша оффиціальная наука удовлетворяетъ очень мало. Особенно не повезло острофизикѣ: въ С.-Петербургскомъ Университетѣ напримѣръ, она, можно сказать отсутствуетъ. Поэтому съ особою радостью должно привѣтствовать появленіе въ русскомъ переводѣ 1-ой части «Lehrbuch der kosmischen Physik» такого выдающаго ученаго, какъ Арреніусъ. Являясь весьма полезнымъ пособіемъ для студентовъ физико-математическаго факультета, эта книга должна немедленно занять свое мѣсто въ спискахъ книгъ, рекомендуемыхъ для самообразованія. Она вполнѣ доступна для лицъ съ подготовкою приблизительно средней школы. Правда авторъ всегда останавливается на основныхъ фактахъ и понятіяхъ физики и космографіи, но его указанія носятъ характеръ скорѣе напоминанія уже извѣстнаго, и потому не всегда будутъ достаточны для неподготовленнаго читателя. Высшей математикою авторъ не пользуется и вообще не предполагаетъ въ читателѣ никакихъ спеціальныхъ знаній. Съ другой стороны эта книга не есть обычный учебникъ, ограничивающійся кругомъ установленныхъ и общепринятыхъ положеній: автору принадлежитъ нѣсколько смѣлыхъ мыслей, которыя дѣлаютъ книгу особенно интересной, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ попыткою привлечь

на службу астрофизики новѣйшіе факты и теоріи изъ области физическихъ ученій. Какъ бы ни измѣнились построенія Аррениуса въ дальнѣйшемъ развитіи науки, во всякомъ случаѣ уже тѣ результаты, которыхъ онъ достигъ, показываютъ плодотворность и законность такихъ попытокъ.

Сообщая очень много данныхъ, добытыхъ научными изслѣдованіями, авторъ не упускаетъ изъ виду, что самый методъ изслѣдованія часто бываетъ не менѣе важенъ и интересенъ, чѣмъ результаты изслѣдованія. Поэтому онъ никогда не забываетъ указать, хотя бы въ общихъ чертахъ, путь, по которому шла наука къ тому или къ другому положенію, въ области астрономіи это особенно важно, такъ какъ для непосвященнаго во многихъ случаяхъ изслѣдованій представляется совершенно невозможнымъ. Такъ, знакомя насъ въ 1-ой главѣ «Неподвижныя звѣзды» съ устройствомъ вселенной, авторъ весьма доступной и легкой формѣ раскрываетъ, какъ въ сущности просты тѣ пріемы которыми мы можемъ измѣрять непостижимо громадныя разстоянія между звѣздами, судить объ ихъ движеніи, о движеніи нашей солнечной системы и о строеніи далекихъ міровъ. Во 2-ой главѣ, посвященной солнечной системѣ, автору удается, совершенно не пользуясь высшей математикой, показать принципіальную возможность опредѣленія элементовъ въ орбитъ планетъ и ихъ массъ. Очень подробное изложеніе современныхъ свѣдѣній о строеніи солнца мы находимъ въ 3-ей главѣ. Много вниманія авторъ удѣляетъ таинственной связи между солнечными пятнами и цѣлымъ рядомъ явленій на землѣ.

Въ основаніе теоріи этихъ явленій положенъ фактъ существованія свѣтового давленія, предсказанный Максвеллемъ и установленный Лебедевымъ. Оказывается, что на поверхности солнца это давленіе въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ превышать притяженіе солнца въ нѣсколько разъ. Если допустить притомъ существованіе отрицательнаго заряда, который уносится въ пространство частицами, отталкиваемыми отъ солнца вслѣдствіе свѣтового давленія, то придется признать солнце центромъ, излучающимъ въ пространство нѣчто подобное катодному потоку. Указанныя допущенія даютъ автору возможность развить и пополнить теорію сѣверныхъ сіяній, дать оригинальную теорію зодіакальнаго свѣта и, кромѣ того, построить новую теорію солнечной короны. Наконецъ, въ IV главѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ физическихъ свойствъ планетъ, а въ заключительной даетъ понятіе о современной космогоніи.

Переводъ выполненъ очень хорошо; два-три неудачныхъ термина (лучевая скорость, экспоненціальная функція) не портятъ общаго впечатлѣнія. Жаль, что подписи на трехъ чертежахъ остались непереведенными; изготовленіе новыхъ клише врядъ ли могло отразиться на стоимости изданія. Нѣсколько разъ намъ пришлось замѣтить, что ссылки на предыдущія страницы и указанія нумеровъ чертежей и рисунковъ сдѣланы неправильно. Издана книга очень хорошо, настолько хорошо, что цѣну—2 рубля за книку въ 250 стр. нужно признать невысокой.

Мы надѣемся, что книга встрѣтитъ самый сочувственный пріемъ. *А. Т.*

С. Ростовцевъ. Опредѣлитель растеній для школъ и самообразованія. Часть I-я. Таблицы для опредѣленія сосудистыхъ растеній (весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ). Съ рисунками въ текстѣ. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Москва. 1904. Цѣна 1 рубль. Года полтора тому назадъ появилось, подъ такимъ же заглавіемъ, первое изданіе книжки г. Ростовцева. Благодаря крайне неудачному способу составленія этой книжки и еще менѣе удачному способу печатанія ея, первое изданіе было совершенно непригодно для тѣхъ цѣлей, которыя ставилъ себѣ авторъ—для легкаго опредѣленія растеній. Поэтому мы и умолчали совершенно объ этой книжкѣ. Теперь передъ нами второе изданіе ея, значитъ, надо полагать, первое уже разошлось; второе изданіе не только дополнено, но и исправлено—«всѣ замѣченные промахи и погрѣшности по возможности исправлены», заявляетъ авторъ въ предисловіи,

и тутъ же говоритъ, что «въ настоящемъ изданіи Опредѣлитель касается флоры *почти всей Европейской Россіи»*.

Опредѣлитель растеній, «касающійся» флоры всей Европейской Россіи настолько необходимо для всѣхъ интересующихся, занимающихся флорой России или изучающихъ ее, что ужъ теперь не приходится молчать о книжкѣ, которая появляется въ свѣтъ подъ подобнымъ флагомъ. Разсмотримъ же вкратцѣ ея содержаніе.

Послѣ краткаго «Предисловія» слѣдуетъ обширное «Введеніе». Здѣсь прежде всего, выясняется, что такое «опредѣленіе» растеній и какъ оно производится Разсказывается все это весьма подробно, языкомъ, который мнѣ напомнилъ тотъ, какимъ деревенскіе урядники пишутъ свои протоколы. Но, и кромѣ языка, здѣсь не обходится безъ грубой ошибки: «Сорвемъ,—говоритъ авторъ,—самыя обыкновенныя растенія, растущія на лугу... напр... *плаунъ»*. Желалъ бы я знать, гдѣ встрѣчается плаунъ на лугу! Всякій знаетъ, что это характерное лѣсное растаніе. Но это не такъ еще важно. Гораздо непріятнѣе дѣйствуетъ слѣдующее обстоятельство.

Говоря о причинахъ, «побудившихъ автора взяться за свой нелегкій трудъ», онъ нзываетъ цѣлый рядъ опредѣлителей и флоръ, русскихъ и иностранныхъ, дѣлая характеристику нѣкоторыхъ изъ нихъ. Иностранныхъ авторъ называетъ семь фамилій, при трехъ дѣлаетъ поясненія. Здѣсь мы узнаемъ впервые о существованіи флоры Австро-Венгріи, составленной якобы г, Beck von Managetta; флоры Европы и Германіи, составленной якобы г. Wagner'омъ. Смѣемъ увѣрить автора, что подобныхъ флоръ не существуетъ. А это ужъ наводитъ на большія подозрѣнія, дѣйствительно ли авторъ пользовался трудами упомянутыхъ имъ иностранныхъ ученыхъ? Не ограничился ли онъ русскими источниками?

Грумъ-Гржимайло.

Г. Якобсонъ и В. Біанки. Прямокрылыя и ложносѣтчатокрылыя Россійской имперіи и сопредѣльныхъ странъ (по Tümpel'ю, Die Geradflügler Mittel-Europas). Съ 22 раскрашенными и 3 черными таблицами и съ 112 политипажами въ текстѣ. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1905 г. Ц. 15 руб. Прошло уже около трехъ лѣтъ, какъ появились первые выпуски задуманнаго зоологами зоологическаго музея Императорской академіи наукъ, Г. Якобсономъ и В. Біанки изданія, представляющаго не только переработку хорошей нѣмецкой книги Тюмпеля, но и полный сводъ всѣхъ имѣющихся въ литературѣ свѣдѣній относительно прямокрылыхъ и ложносѣтчатокрылыхъ насѣкомыхъ полеарктической фауны. Въ свое время мы отмѣтили въ нашемъ журналѣ появленіе перваго выпуска, теперь же считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о всемъ изданіи въ оконченномъ видѣ. Окончаніе печатанія сильно затянулось противъ предполагавшагося, но это объясняется тѣмъ, что программа изданія и размѣры сочиненія увеличились во времи печатанія слишкомъ вдвое противъ предполагавшагося.

Книга Тюмпеля «Die Geradflügler Mittel-Europas» представляетъ таблицы для опредѣленія и описанія только среднеевропейскихъ видовъ насѣкомыхъ изъ отрядовъ прямокрылыхъ и ложносѣтчатокрылыхъ. Между тѣмъ, у насъ въ Россіи встрѣчается цѣлый рядъ видовъ, въ Западной Европѣ не встрѣчающихся. Задавшись цѣлью дать русской публикѣ такое пособіе, которое давало бы возможность опредѣлять и знакомиться съ представителями отрядовъ этихъ, встрѣчающимися во всей Россіи, составители разсматриваемой книги не остановились передъ колоссальнымъ трудомъ переработки всей имѣющейся литературы. При такихъ задачахъ и при чрезвычайной тщательности выполненія получилось дѣйствительно фундаментальное, можно сказать, классическое произведеніе.

Первая часть книги занята описаніемъ двухъ отдѣловъ прямокрылыхъ: во-первыхъ, уховертокъ, во-вторыхъ, настоящихъ прямокрылыхъ. Къ числу

этихъ послѣднихъ относятся, какъ извѣстно, и разнообразныя саранчи, кобылки, прусы и пр., столь вредныя для нашего сельскаго хозяйства.

Вторая половина книги занята описаніемъ ложносѣтчатокрылыхъ. Начиная съ термитовъ, авторы переходятъ къ сѣноѣдамъ и эмбіямъ, затѣмъ описываютъ веснянокъ, потомъ стрекозъ. Для поденокъ авторы даютъ лишь подробные списки видовъ, но для пузыреноговъ (трипсовъ), вредныхъ для сельскаго хозяйства, опять-таки даютъ таблицы для опредѣленія.

Превосходно исполненныя крашеныя таблицы, на которыхъ изображены всѣ главнѣйшіе виды, чрезвычайно облегчаютъ даже начинающему ознакомленіе съ представителями описываемыхъ порядковъ насѣкомыхъ.

Въ общемъ, разсматриваемая книга является безусловно необходимымъ пособіемъ для всякаго, ученаго или любителя, сколько-нибудь интересующагося насѣкомыми, принадлежащими къ разсматриваемымъ отдѣламъ; несомнѣнно, выходъ въ свѣтъ этой книги вызоветъ появленіе цѣлаго ряда работъ по географическому распространенію, въ предѣлахъ Россіи, прямокрылыхъ и ложносѣтчатокрылыхъ.

Горячо привѣтствуя выходъ въ свѣтъ разсматриваемой книги въ оконченномъ видѣ, желаемъ ей самаго широкаго распространенія. *Б. Федченко.*

Н. Новомбергскій. Черты врачебной практики въ московской Руси. Стр. 103. Спб. 1904 г. Ц. 40 к. Новый трудъ г. Новомбергскаго—любопытная страничка изъ исторіи медицины на Руси. Это сводка архивныхъ матеріаловъ и литературныхъ данныхъ по исторіи перваго въ Россіи центральнаго медицинскаго управленія. Аптекарскій, или, по тогдашней транскрипціи, «обтекарскій» приказъ, окончательно сложившійся къ концу XVI вѣка, былъ учрежденъ собственно «ради остерегательства великихъ государей здоровья», но съ теченіемъ времени его компетенціи стало подлежать здоровье и бояръ также, а затѣмъ и вся врачебно-аптекарская часть въ провинціи. Авторъ начинаетъ книгу обзоромъ возникновенія русской медицины. Первоначально медицина на Руси почти сливалась съ колдовствомъ, а «лечцы» съ «вѣдунами», представителями таинственной мистической силы. Такой взглядъ держался вѣками и вызывалъ то, еще не исчезнувшее и теперь, крайне скептическое и вмѣстѣ несообразно-требовательное отношеніе къ врачу, которое отмѣчаетъ авторъ. Въ самомъ дѣлѣ: демоническія силы, помогающія врачу, всемогущи и неудачный исходъ леченія можно объяснить, слѣдовательно, только нежеланіемъ врача примѣнить всѣ имѣющіяся средства; отсюда суровыя кары врачей за неудачное леченіе, до смертной казни включительно. «Зарѣзаша ножомъ яко овцу», «ссѣкаша голову» врачу—такой результатъ неудачнаго врачебнаго вмѣшательства упоминается въ лѣтописяхъ нерѣдко. Любопытно въ бытовомъ отношеніи обязательное «надкушиваніе» врачемъ лекарства, назначеннаго для члена великокняжеской семьи. «Надкушивали» вмѣстѣ съ врачемъ и придворныя дамы, и приближенные бояре; послѣднимъ приходилось даже иногда пускать себѣ кровь вмѣстѣ съ больнымъ государемъ. «Однажды Алексѣю Михайловичу дѣлали кровопусканіе. Послѣ операціи государь пригласилъ и окружающихъ бояръ послѣдовать его примѣру. Всѣ изъ страха повинуются, одинъ только окольничій Стрѣшневъ отговаривается отъ кровопусканія подъ предлогомъ своей дряхлой старости. «Ахъ ты, неключимый врагъ!—сказалъ Алексѣй въ раздраженіи.—Неужели въ твоихъ жилахъ льется кровь дороже моей? Да и съ чего ты такъ превозносишь себя надъ равными, даже и высшими тебя, что похвальный примѣръ ихъ поспѣшнаго усердія позволяешь себѣ осуждать совсѣмъ противуположнымъ поступкомъ?» Онъ бросается на Стрѣшнева, наноситъ ему много ударовъ кулакомъ руки, свободной отъ кровопусканія, и даетъ ему пинка ногами». Врачъ *Л. В—ій.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го февраля по 15-е марта 1906 г.).

Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Спб. 1905. Собств. изд. Ц. 1 р. 50 к.

О. Рунова. Утренники и др. разсказы. Москва. 1905. Изд. «Посредника». Ц. 1 р. 50 к.

Марія Башкирцева. Неизданный дневникъ. Переписка съ Гюи-де-Мопассаномъ. Одесса. 1904. Изданіе «Джалита». Ц. 1 р.

Нижегородскій сборникъ. Спб. 1905. Изд. т-ва «Знаніе». Ц. 1 р.

Андрей Нѣмоевскій. Листопадъ и др. разск. Пермь. 1905. Изд. В. Кувшинскаго. Ц. 75 к.

А. Крандіевская. Ничтожные и др. разск. Москва. 1905. Изд. С. Скирмунта. Ц. 1 р.

Алексѣй Худековъ. На пашнѣ. Очерки и разск. Спб. 1905. Изд.—Ц. 80 к.

Александръ Лавинъ. До жизни. Разсказы. Москва. 1905. Ц. 35 к.

Ив. Наживинъ. Среди могилъ. Путев. наброски. Спб. 1905. Изд. «Библ. для всѣхъ». Ц. 25 к.

Вл. Беренштамъ. За право и др. разсказы. Спб. 1905. Изд. «Библ. для всѣхъ». Ц. 75 к.

Ярославъ Квапилъ. Сказка про принцессу Одуванчикъ. Пьеса въ 5-ти дѣйствіяхъ. Пер. съ чешскаго Н. Новичъ. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Словинскіе поэты. Изд. подъ редакц. Н. Новича. Спб. 1904. Ц. 45 к.

Е. Арбатская. Дачи и дачники. Москва. 1905. Ц. 20 к.

На сибирскія темы. Подъ редакціей М. Соболева. Сборникъ въ пользу Томск воскр. школъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Седьмая заповѣдь. Бытовая комедія въ 4 д. Г. Хейерманса. Одесса. 1905. Изд. «Джалита». Ц. 75 к.

А. Е. Заринъ. Семья. Сборникъ разсказовъ. Спб. 1905. Изд. П. Сойкина. Ц. 1 р.

Его же. Даръ сатаны. Сборникъ разсказовъ. Спб. 1905. Изд. тоже Ц. 1 р.

Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1905. Жизнь моря. Проф. Келлера. Вып. 3-й, 4-й и 5-й. Изд. 2-е. Ц. каждаго вып. 1 р. 60 к. Жуки Россіи и Западной Европы. Г. Якобсона. Вып. 1-й. Всего 10 вып.—18 р. Царство минераловъ. Д-ра Р. Брауноа. Вып. 5-й. Всего 10 вып.—25 р.

Исторія Императорскаго Казанскаго Университета за первыя сто лѣтъ его существованія. 1804—1904. Проф. Н. П. Загоскина. Т. I, II, III. Казань. 1902.

За сто лѣтъ. Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Каз. Университета въ 2-хъ частяхъ. Подъ ред. проф. Н. П. Загоскина. Казань. 1904.

Генри Джорджъ. Избранныя рѣчи и статьи. Перев. съ англійск. С. Николаева. Москва. 1905. Изд. 2-е «Посредника». Ц. 1. р. 50 к.

А. В. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. «Библ. для самообразованія XXVI». Изд. т-ва Сытина. Москва. 1905. Ц. 2 р.

Правящая Россія. Ч. I, II и III. Спб. 1905. Изд. Н. Игнатова. Необходимое справочное изданіе. Ц. съ дост. и перес. 5 р.

Изд. т-ва «Знаніе». Внѣ-школьное образованіе. Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Спб. 1905. Ц. 2 р. Настольная книга по народному образованію. Редакція тѣхъ же. Т. III. Спб. 1905. Ц. 4 р. Публичныя лекціи, народныя чтенія. Редакція тѣхъ же. Ц. 25 к. Инструкціи директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. Редакція тѣхъ же. Ц. 40 к. Программы начальныхъ училищъ. Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Ц. 30 к. Библіотеки и книжная торговля. Редакція тѣхъ же.

Изд. «Посредника». Николай Николаевичъ Ге. Сост. В. Стасовъ. Москва. 1904. Ц. 2 р. Назарены въ Венгріи и Сербіи. Сост. В. Ольховскій. Москва. 1905. Ц. 30 к. Христіанство и международный миръ. Сост. баронъ М. Таубе. Москва. 1905. Ц. 25 к. Князь Георгій Александровичъ Дадіани. По личн. воспом. В. Р—ва. Ц. 10 к.

Изд. Горбунова-Посадова. Москва. 1905. Дождевая волшебница и др. сказки. Рождественская звѣзда. Сборникъ разсказовъ и сказаній изъ иностр. авторовъ.

Кольбъ. Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ. Перев. съ нѣм. Кожевникова и Кержнера. Спб. 1905. Изд. О. Поповой. Ц. 50 к.

Людвигъ Вольтманъ. Политическая антропологія. Перев. съ нѣм. Г. Оршанскаго. Спб. 1905. Изд. О. Поповой Ц. 1 р. 50 к.

Зернышко. Книга для чтенія въ народн. училищахъ. Сост. Т. Лубенецъ и П. Кош-

лаковъ. Изд. Луковникова. Спб. 1905. Ц. 70 к.

Современное воспитаніе и новые пути. По Эльсландеру сост. М. Клечковскій. Москва. 1905. Изд. библ. «Новаго воспитанія». Ц. 40 к.

Изд. В. Раппъ и В. Потапова. Харьковъ. 1905. Марфутка. Разсказъ В. Дмитріевой. Ц. 10 к. Ванька. Разсказъ ея же. Ц. 7 к. Бурмистерша. Др. въ 4-хъ д. ея же. Ц. 20 к. Ребенокъ. Октавъ Мирбо. Пер. Гендриковой. Ц. 2 к. Международное фабричное законодательство. попул. очеркъ Н. Райхсберга. Ц. 25 к.

Выдавныцтво «Викъ». У Кыиви. 1904. У Наймы. На Вовчому хутори, № 42. Сост. Дмитро Марковичъ. Ц. 7 к. Про Херсоньски заробитки. Сост. Т. Рыльськый. № 44. Ц. 10 к. Творы. Леонидъ Глибовъ. Ц. 75 к. Везъ праця. Казка Ивана Франко. Ц.—Байкы. Леонида Глибова. Ц. 20 к. Выборець. Н. Кодрынська. Ц. 7 к.

А. Т. Грабина. Пѣсни Беранже. Кіевъ. 1905. Ціна 25 к.

Избранныя русскія сказки. Книжки 1, 2 и 3. Москва. 1904. Изд. 6-ое И. Ф. Жиркова. Ц. каждой книжки 20 к.

«Библ. для семьи и школы». Москва. 1905. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ». Юльянка. Э. Ожешкова. Перев. съ польск. В. Лаврова. Ц. 15 к. Сударь Пантелей-Свѣтъ Ивановичъ. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Ц. 7 к. Гнѣздо Орловъ. П. Россіевъ. Ц. 25 к. Разсказы о животныхъ. А. Алтаева. Ц. 30 к. Тито. Ист. луговой волчицы. А. Рождественская. Ц. 25 к. Княжой отрокъ. Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Ц. 50 к.

Библ. народныхъ книгъ. Какъ живутъ и работаютъ корейцы. Изд. Тихомирова. Москва. 1904. Ц. 15 к. Разсказы о великихъ и хорошихъ людяхъ. Искра Божія. А. Валуева (Мунтъ). Изд. то же. Ц. 25 к.

Общедоступные разсказы изъ русской исторіи для школъ и самообразованія. 2-ое изд. Книжный складъ «Школьное и Библіотечное Дѣло». Спб. 1905. Ц. 30 к.

Что краситъ жизнь. Разсказы. В. Гомулицкаго и Яна Лады. Москва. 1905. Изд. ред. «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ». Перев. В. Лаврова Ц. 30 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Былинки. Изд. то же. Москва. 1905. Ц. 40 к.

Жоржъ Сандъ. Бабушкины сказки. Замокъ Пиктордю. Харьковъ. 1905. Изд. Н. Кранихфельдъ. Ц. 60 к.

Избранныя латинскія цитаты и афоризмы. В. Алексѣевъ. Спб. 1905. Изд. А. Суворина. Ц. 80 к.

Князь В. Максутовъ. Исторія древняго Востока. Египетъ и Финикія. Т. I. Книги I—IV. Спб. 1905. Изд. А. Суворина. Ц. 6 р.

Дм. Кайгородовъ. Тринадцатый стѣнной календарь петербургской весны. Спб. 1905. Изд. А. Суворина. Ц.

А. Ермоловъ. Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. II. Всенародн. агрономія. Спб. 1905. Изд. А. Суворина. Ц. 3 р.

Его же. Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. III. Животный міръ въ воззрѣніяхъ народа. Спб. 1905. Изд. А. Суворина.

Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Подъ ред. и съ предисл. В. В. Сиповскаго Спб. 1905. Изд. А. Суворина. Ц. 2 р. 50 к.

К. А. Калитинъ. Третій Римъ. Спб. 1905. Изд. А. Суворина. Ц. 1 р.

Эрнестъ Краулей. Мистическая Роза. Изслѣдованіе о первобытномъ бракѣ. Перев. съ англ. М. Чепинской. Спб. 1905. Изд. А. Суворина.

П. Авилова. Дѣтскій мірокъ. Книга для чтенія послѣ азбуки въ школѣ и дома. Спб. 1904. Изд. Ц. 20 к.

Х. Г. Инсаровъ. Князь Меттернихъ, его жизнь и политическая дѣятельность. Спб. 1905. Изд. Павленкова. Ц. 25 к.

Проф. С. Булгаковъ. Чеховъ, какъ мыслитель. Кіевъ. 1905. Изд. кн. маг. С. Иванова и К° Ц. 20 к.

В. Лункевичъ. Чудеса общежитія. Жизнь первобытнаго человѣка и современныхъ дикарей. Вып. I. Спб. 1905. Изд. Павленкова. Ц. 35 к.

Карлъ Марксъ. Рѣчь о свободѣ торговли. Перев. съ франц. С. Алексѣева. Одесса. 1905. Изд. Е. Алексѣевой. Ц. 15 к.

Ал. Кольцевъ. Приказчики и ихъ нужды. Ярославль. 1905. Книгоизд. «Сѣверное Эхо». Ц. 20 к.

А. Гольденвейзеръ. Гербертъ Спенсеръ. Идеи свободы и права въ его философской системѣ. Спб. 1904. Ц.

П. Мельгуновъ. Что такое исторія? Москва. 1905. Изд. маг. «Сотрудникъ школъ». Ц. 10 к.

А. Ниппъ. Руководство къ учету доходности сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Курскъ. 1905. Ц. 1 р.

В. Литвиненко. Сборникъ систематическихъ диктантовъ. Орѳографія согласована съ «Русскимъ Правописаніемъ» академика Грота. Москва. 1904. Изд. К. Тихомирова. Ц. 80 к.

Календарь садовода на 1905. Сост. Б. Домбровскій. Ростовъ н/Д. 1905. Изд. Рост. н/Д. Общества садоводства.

М. М. Бородкинъ. Памяти финляндскаго генералъ-губернатора Николая Ивановича Бобрикова. Харьковъ. 1905.

Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Л. Н. Толстой, какъ художникъ. Спб. 1905. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 30 к.

Сборникъ донесеній мѣстныхъ, по сельскохозяйственной части, органовъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Вып. I. Спб. 1904.

В. Чернышевъ. Упрощеніе русскаго правописанія. Спб. 1905. Ц. 40 к.

*

Главнѣйшія предварительныя данныя переписи г. Москвы 31-го января 1905. Вып. V. Грамотность населенія города Москвы. Сост. Ст. Отд. М. Гор. Управы. Москва. 1905

А. В. Македоновъ. Хозяйственное положеніе и промыслы населенія нагорн. станицъ Кубанской области. Вып. II. Спб. 1904.

Д-ръ О. Франке. Умственныя теченія въ современномъ Китаѣ. Перев. съ нѣм. Н. Кранихфельдъ. Харьковъ. 1904.

Прекрасное, какъ предметъ подражанія и двигатель культуры. Новое объясненіе вопросовъ эстетики. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Политическія и экономическія задачи Японіи. Д-ра Франке и Л. Качеръ. Пер. съ нѣм. Харьковъ. 1905. Изд. Н. Кранихфельдъ. Ц. 25 к.

Труды подкоммиссіи по вопросу о введеніи преподаванія статистики въ курсъ средн. учебн. заведеній. Спб. 1904. Ц. 30 к.

«Народные досуги». Литературный сборникъ. Москва. 1905. Изд. Моск. Товарищескаго Кружка писателей изъ народа. Ц. 60 к.

Н. П. Дружининъ. Волостной сходъ. Разсказъ о томъ, какъ устроены и дѣйствуютъ, по закону, волостныя крест. установленія. Москва. 1905. Изд. «Учительской библіотеки». Ц. 25 к.

Вл. Лабунскій. Промыслы и торговля въ древней Руси. (Образованіе Русск. Государства) Москва. 1905. Изданіе Т-ва Сытина. Ц. 15 к.

С. Николаевъ. Современная бурса. (Изъ воспоминаній объ учительскомъ институтѣ.). Москва. 1905. Изд. В. Кирьякова. Ц. 30 к.

Григорій Вольтке. Основныя черты желательной организаціи уѣзднаго управленія въ связи съ устройствомъ мелкой земской единицы. Спб. 1905 г. Ц. 30 к.

Зин. Венгерова. Литературныя характеристики. Кн. 2-ая. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Зеленый сборникъ. Стихи и проза. Спб. 1905. Кн-во «Щелканово». Ц. 1 р. 50 к.

Краткій отчетъ десятилѣтней дѣятельности Сарапульскаго Общества трезвости. Сост. Г. Н. Алехинымъ. Сарапулъ. 1904.

В. Мейснеръ. Руководство къ практич. занятіямъ по зоологіи позвоночныхъ. Вып. I. Лягушка. Казань. 1905. Ц. 50 к.

Л. Грандо. О питаніи животныхъ. Перев. съ франц. Москва. 1905. Ц. 25 к.

Отчетъ по естественно-историч. музею Таврич. губерн. земства за 1904 г. Годъ V-й Симферополь. 1904 г.

С. А. Мокржецкій. Зона и головня на хлѣбахъ и мѣры борьбы съ этими болѣзнями. Симферополь. 1904.

Н. Н. Яковлевъ. Горообразованіе, вулканы, землетрясенія. Спб. 1905 г. Ц. 8 к.

С. А. Мокржецкій. Внутренняя терапія и внѣкорневое питаніе растеній. Вредныя насѣкомыя. Консультативная дѣятельность. Симферополь. 1905 г.

Историческое описаніе С.-Петербурга и его достопримѣчательностей. Спб. 1904 г.

І. Долгихъ. Мнимый единорогъ, риму и реэмъ Востока, уръ и туръ Европы, bos primigenius палеонтологіи. Рига. 1905. Изд. Ф. Трескиной.

Отчетъ Одесской городск. публичной библіотеки за 1904 г. Одесса. 1905.

С. Меликъ-Саркисянъ. Культура риса въ Ферганской области и вліяніе ея на заболѣваемость маляріей. Ташкентъ. 1904 г.

Доклады управы по народному образованію Тверскому губерн. земскому собранію 1903 г. Тверь. 1904.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. III. Спб. 1904 г.

А. А. Арутиновъ. Удины (матеріалы для антропологіи Кавказа). Москва. 1905.

Ольга Шапиръ. Не повѣрили. Повѣсть. Спб. 1905. Ц. 1 р.

«Душа Японіи». Японскіе романы, повѣсти, баллады и танки. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. П. Азбелева. Изд. К-ва «Оріонъ». Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«The Burden of the Balkans», by M. Edith Durham. With a Map and Illustrations from Sketches of the Author. (*Edward Arnold*). *14 s.* (*Бремя Балканъ*). Интересное описаніе путешествія, въ которомъ авторъ изъясняетъ истинный характеръ проблемъ, волнующихъ державы, заинтересованныя въ балканскихъ дѣлахъ. Эти проблемы тѣсно связаны съ существованіемъ Турціи и безъ ихъ разрѣшенія невозможно упорядоченіе положенія Балканъ. Авторъ подтверждаетъ свои тезисы личными наблюденіями и, кромѣ того, очень живо и занимательно описываетъ свои приключенія во время своихъ странствованій по Балканамъ.

(Saturday Review).

«La Grève Générale et le Socialisme». (*Enquête internationale recueillie par Hubert Lagardelle, Cornéey et C° éditeurs*). (*Всеобщая стачка и соціализмъ*). Въ книгѣ собраны мнѣнія такихъ авторитетовъ, какъ Каутскій, Гайдманъ, Вандервельде, Енрико Ферро, Плехановъ, Ванъ Коля, Жоресъ, Бріана, Лафарга и многихъ другихъ, принадлежащихъ къ различнымъ фракціямъ партіи. Въ своемъ предисловіи и заключеніи Лагарделль подводитъ результаты анкеты и указываетъ на двоякое теченіе въ этомъ вопросѣ: парламентское, мирное и эволюціонное, и противоположное ему, революціонное направленіе, синдикальное и радикальное и хотя первое преобладаетъ, но все-таки существуетъ расколъ. Во всякомъ случаѣ, Легарделль правъ, говоря о глубинѣ существующаго кризиса въ соціалистской партіи. Главные аргументы парламентскаго соціализма превосходно резюмированы въ блестящей рѣчи Жореса.

(La Revue).

«Misère et Assistance, notes historiques», par Louis Singer (*Frédéric Hébert*). (*Бѣдность и помощь, историческія замѣтки*). Авторъ удачно справился со своею задачей и въ сжатой и конкретной формѣ представилъ историческій обзоръ бѣдности и средствъ борьбы съ нею. Такимъ образомъ, читатель получаетъ возможность познакомиться съ тѣмъ, что предпринималось для борьбы съ нищетой въ античномъ мірѣ, древними евреями, въ древней Галліи и, наконецъ, въ современной Франціи.

(La Revue).

«Amour de philosophe». Bernardin de Saint-Pierre et Félicité Didot, par Leon Ruinat de Gournier (*Librairie Hachette*). (*Любовь философа*). Уже давно различные писатели стараются выяснить истинный характеръ Бернардена де Сенъ-Пьера и его отношенія къ женщинамъ, въ особенности къ Фелиситэ Дидо, на которой онъ былъ женатъ. Всѣ эти изслѣдованія лишили Бернардена де Сенъ-Пьера того ореола, которымъ онъ былъ окруженъ, и письма, которыя собраны и напечатаны въ упомянутой книгѣ, содѣйствуютъ пролитію еще болѣе яркаго свѣта на характеръ философа, женившагося 56-ти лѣтъ отъ роду на двадцатилѣтней Фелиситэ Дидо, дочери его издателя, которому онъ былъ долженъ много денегъ. Но зато образъ Филиситэ представляется въ очень симпатичномъ свѣтѣ въ этой перепискѣ. Фелиситэ идеализировала философа и питала къ нему самую восторженную любовь, но въ бракѣ съ нимъ она не была счастлива. Она умерла 26 лѣтъ. Очень скоро послѣ ея смерти Бернарденъ снова началъ говорить о любви и писать о ней и женился черезъ годъ во второй разъ.

(Journal des Débats).

«Le Prolétariat d'Amour», par Henri Turot et Paul Louis Garnier (*Felix Luxen*). (*Пролетаріатъ любви*). Тщательное и научное изслѣдованіе вопроса о проституціи, регламентаціи, полиціи нравовъ и т. п. Анри Тюро высказываетъ самыя радикальныя воззрѣнія и, доказывая полную несостоятельность регламентаціи въ томъ видѣ, въ какомъ она принята теперь, требуетъ введенія закона, карающаго за распространеніе заразы.

(Mercure de France).

«Fragments d'histoire future», par G. Tarde (*Storek*). (*Отрывки исторіи будущаго*). Это философская фантазія, въ которой извѣстный французскій соціологъ изложилъ свои идеи о будущемъ обществѣ. Онъ рисуетъ торжество науки и, за-

ставивъ послѣднихъ людей удалиться въ нѣдра земли, чтобы спастись отъ холода, разсказываетъ о томъ, какіе громадные рессурсы доставила имъ наука, благодаря которой они могли превратить свое новое царство—въ царство свѣта и тепла и жить беззаботно, наслаждаясь искусствомъ, весельемъ и любовью.

(Mercure de France).

«Scientific Aspects of Mormonism» or Religion in Termo of Life, by Nels Z. Nelson. (Putnam's Sons). New-York. (Научныя стороны мормонизма). Авторъ стремится къ научной постановкѣ вопроса, преимущественно съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи, чтобы оправдать мормонизмъ и излагаетъ ученіе мормоновъ какъ эволюцію религіозныхъ воззрѣній. Въ этой книгѣ онъ не касается, однако, вопроса о полигаміи, которому предполагаетъ посвятить слѣдующій томъ.

(Bookseller).

«Out of Work», by Frances A. Keller. New-York. (Putnam's Sons). (Безъ работы). Книга представляетъ животрепещущій интересъ, хотя въ ней описываются только условія, существующія въ Америкѣ въ такъ называемыхъ бюро для пріисканія работы, гдѣ происходитъ самая беззастѣнчивая эксплуатація въ особенности пріѣзжихъ молодыхъ дѣвушекъ, ищущихъ работы. Чтобы лучше познакомиться съ этими условіями, г-жа Фрэнсисъ Келлеръ являлась въ эти учрежденія въ разныхъ городахъ, то въ качествѣ наемщицы, то въ качествѣ прислуги, ищущей мѣста, и благодаря этому ей удалось узнать то, что рѣдко выплываетъ наружу и что, конечно, не составляетъ присущаго одной только Америкѣ спеціальнаго зла.

(Bookseller).

«Les Bizarreries des races humaines», par Henri Coupen, Paris. (Vuibert et Nony). 4 fr. (Странности человѣческихъ расъ). Чрезвычайно интересное антропологическое и этнографическое изслѣдованіе, авторъ котораго выбираетъ наиболѣе странные и наиболѣе любопытные факты изъ жизни дикихъ и полуцивилизованныхъ расъ, самымъ радикальнымъ образомъ отличающихся отъ нашихъ нравовъ, и систематически группируетъ эти факты. Авторъ описываетъ племена, отличающіяся прожорливостью, землеѣдовъ, насѣкомоядныхъ, антропофаговъ и т. п., а также разные странные обряды, музыку, татуировку, брачныя церемоніи, способы телефонированія, счета, выдѣлки тканей, оружія и т. д. Книга написана популярно и снабжена массою рисунковъ.

(Polybiblion).

«A History of Education in the United States», by Edwin Grant Dexter. (Macmillan). (Исторія воспитанія въ Соединенныхъ Штатахъ). Вмѣсто болѣе или менѣе спорныхъ теорій авторъ сообщаетъ только факты и наблюденія, тщательно провѣренные и приведенные въ систематическій порядокъ. Книга даетъ чрезвычайно ясное и полное понятіе о развитіи и современномъ состояніи воспитанія въ Америкѣ.

(Times).

«Der Soziale Optimismus», von Prof. Ludwig Stein. Jena. (Costenoble). (Соціальный оптимизмъ). Подъ соціальнымъ оптимизмомъ авторъ понимаетъ такое направленіе въ наукѣ, которое ставитъ на своемъ знамени способность человѣческой природы къ совершенствованію. Это ученіе разсматриваетъ картину міра съ точки зрѣнія вѣчнаго бытія, безконечнаго прогресса, непрерывнаго развитія энергіи и сообщаетъ каждому бодрящее сознаніе своего участія въ этой великой общей работѣ, въ стремленіи къ идеалу и къ самосовершенствованію. Авторъ развиваетъ великія перспективы общей работы, которая должна создать такое положеніе, которое дастъ возможность осуществленія великихъ принциповъ правды и справедливости и всеобщей солидарности вмѣстѣ съ развитіемъ и проявленіемъ индивидуальности и всѣхъ ея атрибутовъ.

(Berliner Tag.).

«The Principles of Heredity», by G. Archdall Reid, Author of «Alcoholism; its Cause ana Cure». (Chapman and Holl). 12 v. 6 d. (Принципы наслѣдственности). Это въ высшей степени полезный и основательный трудъ, проливающій новый свѣтъ на проблемы наслѣдственности, которыя изучаетъ авторъ весьма всесторонниимъ образомъ.

(Academy).

«Le Problème de l'heure présente. Antagonisme de deux civilisation, 2 vol., par Henri Delassus. (Société Sainte-Augustin). 12 fr. (Проблема настоящей минуты). Въ первой части авторъ излагаетъ христіанское ученіе объ индивидуальной и соціальной жизни и въ противоположность ему революціонное ученіе, которое началось съ эпохи возрожденія и, развиваясь, продолжается вплоть до настоящаго времени, причемъ главнымъ таинственнымъ агентомъ котораго считается франкмассонство. Во второй части авторъ знакомитъ читателя со способами борьбы двухъ ученій и стремленіемъ наладить въ политикѣ идею всеобщей республики, а въ области философіи—гуманитарную религію.

(Polybiblion).

«Weather Influences», *by Edwin Grand Dexter*. (*Macmillan*). (*Вліянія погоды*). Авторъ этого интереснаго соціологическаго изслѣдованія, американскій профессоръ, стремится выяснить, при помощи таблицъ и кривыхъ, степень вліянія измѣнчивости барометрическихъ давленій на ребенка, на взрослаго, на преступника и на сумасшедшаго, на которыхъ дѣйствіе атмосферическихъ колебаній выражается всего рѣзче и опредѣленнѣе. Въ другихъ главахъ авторъ указываетъ на связь, существующую между барометрическимъ давленіемъ и преступленіями, самоубійствами и вообще всякаго рода дурнымъ поведеніемъ людей, а также ихъ физическимъ и умственнымъ здоровьемъ. Авторъ приложилъ къ своему чисто научному изслѣдованію вліяній погоды еще четыре главы о томъ, какъ выразились барометрическія давленія въ народныхъ поговоркахъ и въ различныхъ поэтическихъ произведеніяхъ.

(Journal des Débats).

«Imperialism: Its Prices; its Vocation», *by Emil Reich*. (*Hutchinson*). *3 s. 6 d.* (*Имперіализмъ*). Авторъ разсматриваетъ вопросъ объ имперіализмѣ не съ точки зрѣнія внутренней англійской политики, но съ точки зрѣнія общей исторіи. Свое изслѣдованіе онъ раздѣляетъ на двѣ части. Въ первой онъ разсматриваетъ имперіализмъ съ общей исторической точки зрѣнія и изслѣдуетъ различные типы имперіализма: римскій, русскій, британскій, американскій и японскій типы, дурное вліяніе, которое оказываетъ имперіализмъ на женщинъ, его отношеніе къ религіи и несовмѣстимость имперіализма съ римско-католическою религіей и его притупляющее дѣйствіе на интеллектуальныя способности. Вторая часть посвящена исключительно британскому имперіализму, который, по словамъ автора, былъ бы лучшимъ среди другихъ историческихъ типовъ имперіализма, если бы не былъ подверженъ преувеличеніямъ. Вслѣдствіе этихъ то преувеличеній имперіализмъ угрожаетъ опасностью индивидуализму, главной спасительной и созидательной силѣ въ британской исторіи.

(Times).

«Slavery: Pictures from the Depths», *by Bart Kennedy*. (*Treherne*). *6 s.* (*Рабство; картинки дна*). Это очерки жизни рабочихъ классовъ, очень живо написанные и проникнутые глубокимъ чувствомъ. Авторъ доказываетъ, что рабство, но только въ другой формѣ, существуетъ и теперь и также ждетъ своего освободителя.

(Times).

«The Child-slaves of Britain», *by R. Harborough Sherard*. (*Hurst and Blackett*). *6 v.* (*Дѣти-рабы въ Великобританіи*). Въ книгѣ излагаются результаты изслѣдованія условій жизни дѣтей бѣднѣйшихъ классовъ въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ Англіи и Шотландіи, предпринятаго авторомъ по порученію одного англійскаго журнала. Авторъ обращаетъ главное вниманіе на условія дѣтскаго труда.

(Times).

«Les Maladies de la Peur», *par D-r Ménard*. (*Болѣзни страха*). Страхъ, какъ говоритъ авторъ, представляетъ вполнѣ нормальное чувство, элементъ, свойственный уму и такой же универсальный инстинктъ, какъ голодъ, жажда и сонъ, но онъ также подверженъ болѣзненнымъ уклоненіямъ, и вотъ эти-то уклоненія, выражающіяся въ формѣ различныхъ фобій, авторъ и разсматриваетъ въ своей книгѣ, указывая ихъ характерныя особенности и условія, содѣйствующія развитію такихъ состояній.

(Mercure de France).

«The Balkan Question». *A Series of Studies of the present Condition of the Balkans and of European Responsibilities. By Varians Writers. Edited by Luigi Villari. With a Map.* (*Tohn Murray*). (*Балканскій вопросъ*). Это очень подробное и интересное изслѣдованіе балканскаго вопроса и отношеній къ нему европейскихъ государствъ. Введеніе написано Джемсомъ Брайсомъ, и затѣмъ слѣдуетъ радъ очерковъ, написанныхъ различными авторами. Заглавія ихъ слѣдующія: «Описаніе турецкаго правительства; Балканскія государства; Исторія турецкихъ реформъ со времени берлинскаго трактата; «Расы, религія и пропаганда»; Турецкое управленіе въ Македоніи; «Македонскіе комитеты и возстаніе»; Поведеніе державъ; «Политика Франціи»; Политика Италіи; «Схема реформъ»; Приведеніе въ исполненіе реформъ; Защита британской политики».

(Bookseller).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова**. Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ**.

къ Индійскому Океану, установленіе твердой естественной границы съ Китаемъ» (стр. IV).

Россіи нуженъ земельный фондъ для «избытучествующаго» населенія европейскихъ губерній, такъ какъ-де намъ еще долго суждено вести экстенсивное земледѣліе для держанія хлѣбныхъ цѣнъ на низкомъ уровнѣ и возможности сплава хлѣба за границу. Что населеніе у насъ, въ извѣстномъ смыслѣ, «избытучествуетъ», это—вѣрно, но что земельный фондъ надо искать у монголовъ, съ этимъ врядъ ли можетъ согласиться человѣкъ, мыслящій реалистически, а не витающій въ области политическихъ фантасмагорій. Земельную нужду крестьянства придется все равно лечить на мѣстѣ и, кто знаетъ, можетъ быть, найдется и «достаточный земельный фондъ» для этой цѣли. А если центръ тяжести русской экономической политики рѣшительно перемѣстится въ сторону охраны интересовъ труда, то, съ Божьей помощью, мы и станемъ на путь нормальнаго экономическаго развитія. Но у г. Мигулина «широкая» душа: въ своей книжкѣ онъ преподаетъ на благо родины уроки международной политики, указываетъ, какъ мы можемъ мѣтко сразить коварнаго англичанина, двинувъ войска къ Персіи и Афганистану... Положительно становится жаль, что такой политическій талантъ гибнетъ втуне; будемъ надѣяться, что благодарные россіяне современемъ оцѣнятъ «гражданское мужество» почтеннаго профессора и поручатъ ему руководительство внѣшней политикой. Мы позволяемъ себѣ такъ высоко цѣнить заслуги г. Мигулина, что онъ и самъ, несмотря на присущую ему скромность, не прочь принять титулъ «россійскаго Чемберлена». «Авторъ за высказанныя имъ идеи довольно единодушно названъ «имперіалистомъ», создателемъ нарождающейся у насъ партіи имперіализма, подобно англійскому и германскому. Попутно не могли не побранить слегка Чемберлена, императора Вильгельма II и Рузвельта. Для автора слишкомъ много чести. Но, вѣдь, съ имперіализмомъ надо считаться какъ съ фактомъ». (VI),.. Мы, пожалуй, также склонны думать, что профессору Мигулину воздается слишкомъ много чести: можно было бы указать изрядное количество именъ весьма сановитыхъ лицъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія имперіализма (конечно, россійскаго), но, очевидно, авторъ считаетъ себя далеко не послѣднимъ въ ихъ спискѣ.

Можетъ быть, однако читатель подумаетъ, что авторъ—врагъ «внутреннихъ реформъ», которыхъ требуетъ Россія; нѣтъ, онъ—горячій ихъ сторонникъ и убѣжденъ, что только проектируемый имъ имперіализмъ даетъ прочную почву для ихъ проведенія. Аргументація автора настолько интересна и своеобразна, что мы позволимъ себѣ привести ее цѣликомъ (вообще, профессоръ очень обидчивъ и настойчиво, во имя свободы слова, требуетъ *уваженія* къ своему мнѣнію; также довольно любопытная игра словами): «Авторъ... глубоко убѣжденъ, что радикальныя реформы будутъ осуществлены только въ случаѣ доведенія борьбы за побережья Тихаго Океана и наши естественныя (!) границы—*до конца*. Если мы бросимъ борьбу на серединѣ и заключимъ позорный миръ, мы будемъ разорены, въ обществѣ установится недовѣріе къ своимъ силамъ, восторжествуютъ идеи милитаризма, ибо мы будемъ готовиться къ реваншу, и наступитъ неизбѣжная реакція. Только огромный подъемъ духа, вызванный побѣдой и ея *блестящими результатами* (безрезультатная побѣда—то же, что и пораженіе), можетъ подвинуть народъ и къ внутреннему обновленію, какъ это всегда и всюду въ исторіи наблюдается» (VII). Логика, кажется, достаточно ясно говоритъ, что гораздо болѣе шансовъ на уничтоженіе коренныхъ дефектовъ общественной жизни въ томъ случаѣ, если они выпукло обнаружились въ рядѣ крупныхъ событій, чѣмъ тогда, когда старая система, цѣною вырожденія и обнищанія кореннаго населенія, доводитъ свои затѣи «до конца»... Примите во вниманіе только взрывъ шовинистическаго энтузіазма, душу раз-

дирающіе звуки хора «русскихъ патріотовъ», которые не замедлили бы выступить въ качествѣ выразителей общественнаго настроенія. Да и что исправлять, если система ведетъ къ *блестящимъ* результатамъ? Но пусть авторъ думаетъ иначе, не столь ужъ большая вина; а вотъ что недопустимо въ профессорской книжкѣ: онъ серьезно думаетъ, что идеи милитаризма получатъ торжество лишь въ случаѣ пораженія Россіи. Какъ, развѣ имперіализмъ насквозь не проникнутъ милитаристическимъ духомъ, да еще въ высшей степени аггресивнымъ?

Какъ же г. Мигулинъ думаетъ завоевать Персію, Восточный Туркестанъ, Монголію? Допустимъ, что дипломатическія хитросплетенія много помогаютъ въ этой завоевательной политикѣ, но, вѣдь,—ultima ratio—разговоръ пушекъ! И какъ это не присмотрѣлся профессоръ къ тактикѣ Чемберлена, Рузвельта и Вильгельма II, которымъ онъ такъ близокъ по духу! Что касается идеи реванша, то, вѣдь, допустимость ея всецѣло основана, съ одной стороны, на увѣренности, что русскій народъ воинственъ и жаждетъ мірового господства, а съ другой—на предположеніи, что въ комбинаціи общественно-политическихъ силъ у насъ не произойдетъ никакой перемѣны и, буде народъ не пожелаетъ воевать, его заставятъ это дѣлать могучіе индивиды—воплотители «историческаго духа націи».

Первая глава книги, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ смыслѣ настоятельной рекомендаціи включенія ея въ учебники исторіи для низшихъ и среднихъ школъ: въ ней блестяще доказывается историческая необходимость для Россіи агрессивной политики и связь таковой съ внутренними преобразованіями. «Народъ нашъ никогда не боялся завоеваній и расширенія занимаемой имъ территоріи». «Онъ понималъ инстинктомъ то, чему учитъ насъ міровая исторія,—что расширеніе территоріи *всегда и вездѣ* служило источникомъ обогащенія государствъ, а не ихъ истощенія» (стр. 9)... Правда, изъ разныхъ нерекомендованныхъ руководствъ по исторіи мы знаемъ, что не только этотъ благодѣтельный инстинктъ завоеванія двигалъ русскій народъ на колонизацію, а кое-что и посущественнѣе... но стоитъ ли упоминать объ этомъ невыносимомъ гнетѣ московщины, о прелестяхъ крѣпостной зависимости и пр.? Извѣстно также, что сокращеніе территоріи Англіи послѣ отпаденія отъ нея нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ въ конечномъ итогѣ послужило экономическому преуспѣянію метрополіи, но что останавливаться на такихъ пустякахъ? Да у автора есть притомъ очень сильный аргументъ противъ всякихъ, несогласныхъ съ его идеями, фактическихъ указаній: значитъ, такъ случилось бы и безъ соотвѣтствующихъ прецедентовъ. Напр., мы до сихъ поръ думали, что Крымская война воочію показала язвы нашей жизни и дала могучій толчокъ къ ликвидаціи части стараго режима; это, по мнѣнію проф. Мигулина, сущій вздоръ: «Реформы 1860 годовъ послѣдовали бы безразлично, независимо отъ исхода войны и безъ самой войны: ихъ требовала жизнь, и часть ихъ (освобожденіе крестьянъ) была намѣчена даже въ предыдущее царствованіе» (стр. 45). Опроверженіе весьма убѣдительное, и мы склоняемся передъ стальной логикой русскаго имперіалиста.

Что касается нынѣшней несчастной войны, то авторъ становится на сторону того мнѣнія, что «дѣло наше въ Манджуріи было поставлено съ самаго начала безусловно неправильно... нельзя было тратить деньги, и при томъ громадныя, особенно при страшной нашей бѣдности, въ *чужой* странѣ, безъ всякой возможности когда-либо въ будущемъ получить ихъ обратно» (стр. 19), но, разъ война началась, надо идти до конца, ничѣмъ не смущаясь, т.-е. хотя бы продолженіе ея было верхомъ нелѣпости.

Какъ и подобаетъ имперіалисту, г. Мигулинъ благословляетъ завоеватель-

ную политику Россіи и приходитъ въ негодованіе отъ агрессивныхъ стремленій Японіи: какъ смѣетъ эта страна имѣть виды на материкъ Азіи. Профессоръ, отнеситесь же *съ уваженіемъ* къ чужому, хотя бы японскому, мнѣнію: можетъ быть, японцы полагаютъ, что у ихъ народа тоже есть завоевательные инстинкты и историческіе законы, аналогичные русскимъ!

Въ небольшой рецепціи нельзя даже и мимоходомъ остановиться на всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ г. Мигулинымъ въ его фельетонахъ: для этого необходима цѣлая журнальная статья, появленіе которой, вѣроятно, не заставитъ себя долго ждать.

Признавая, что необходимымъ условіемъ выясненія истины является девизъ «audiatur et altera pars», мы рекомендуемъ публикѣ внимательнѣе отнестись къ продуктамъ творчества харьковскаго профессора.

М. Бернацкій.

Составъ служащихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ въ отношеніи подданства, языка и образовательнаго ценза. Изд. Отдѣла промышленности М. Ф. Спб. 1904. Данныя министерства финансовъ касаются предпріятій, подчиненныхъ фабричной инспекціи: это исключаетъ горозаводскую промышленность и концентрируетъ вниманіе все же на болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, такъ какъ мелкія предпріятія, съ числомъ рабочихъ ниже 16, надзору фабричной инспекціи подчинены сравнительно рѣдко. Служащіе, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣлятся на низшихъ—мастеровъ и ихъ помощниковъ, и высшихъ—директоровъ и управляющихъ какъ цѣлыми предпріятіями, такъ и спеціальными отдѣленіями ихъ,—ткацкими, красильными и т. п.; къ этой же группѣ причислены и владѣльцы предпріятій въ тѣхъ случаяхъ, когда они непосредственно ведутъ дѣло.

Оказывается прежде всего, что только половина служащихъ (56,5%) прошла какую-либо школу; 1,1% не знаютъ даже грамоты; остальные получили такъ называемое домашнее образованіе; несомнѣнно, что среди послѣднихъ есть и такіе, которые, по словамъ введенія, достигли самостоятельно даже высокой степени образованія не только общаго, но и техническаго; но еще болѣе несомнѣнно, что такія исключенія очень рѣдки. На долю средняго образованія приходится 11,5% и на высшее—всего 8,6% всѣхъ служащихъ.

Еще интереснѣе распредѣленіе по образовательному цензу отдѣльно для высшихъ и низшихъ служащихъ. Управляющихъ съ высшимъ образованіемъ 11,9% мастеровъ—5,4%; со среднимъ первыхъ 15,4%, вторыхъ—7,8%; неграмотныхъ въ первой категоріи 0,6% (т.-е. одинъ на 200 человѣкъ), среди мастеровъ—1,5%. Въ общемъ разница между высшимъ въ низшимъ персоналомъ не такъ ужъ значительна; и если для мастеровъ и подмастеровъ высшее образованіе можетъ быть названо роскошью, то для отвѣтственныхъ постовъ, управляющихъ цѣлыми предпріятіями и отдѣленіями, % получившихъ высшее образованіе долженъ быть признанъ чрезвычайно низкимъ.

Но если извѣстная степень развитія нужна вообще, то спеціальная, техническая подготовка для людей, занятыхъ спеціальнымъ дѣломъ, еще болѣе необходима. Между тѣмъ, техническое образованіе получили только 15,9% управляющихъ и 16,2% мастеровъ, въ томъ числѣ высшее 9,2% первыхъ и 4,6% вторыхъ; среднее техническое образованіе имѣютъ 3,0% высшихъ служащихъ и 2,8% низшихъ, остальное падаетъ на низшія техническія школы. Изъ этихъ же цифръ слѣдуетъ, что если взять и управляющихъ и мастеровъ вмѣстѣ и распредѣлить ихъ на всѣ промышленныя предпріятія, то *изъ трехъ предпріятій только на одномъ найдется одинъ человѣкъ съ какой бы то ни было технической подготовкой.*

Правда, есть отрасли промышленности, гдѣ количество техниковъ значительно выше средняго, напр., въ химическихъ производствахъ, гдѣ съ технической подготовкой мы имѣемъ 38,2% управляющихъ и 22,3% низшихъ

служащихъ, причемъ на высшее образованіе падаетъ сравнительно очень большой процентъ: 29,4% и 16,9%. Но зато, напр., въ обработкѣ шелка, въ обработкѣ животныхъ продуктовъ технически подготовленный персоналъ не подымается выше 6%.

Таковы печальныя цифры,—печальныя даже для химическихъ производствъ, идущихъ впереди всѣхъ другихъ по спеціальной подготовкѣ служащихъ. Можно ли послѣ этого удивляться косности русской промышленности и техники: кому ее двигать впередъ? Если напр., нѣмецкая химическая промышленность удивляла міръ на парижской выставкѣ, то это потому, что чуть ли не на каждомъ заводѣ есть лабораторія, а на большихъ заводахъ десятки химиковъ работаютъ на пользу науки и... нѣмецкой промышленности; у насъ же изъ трехъ химическихъ заводовъ на одномъ только имѣется химикъ съ высшимъ образованіемъ—будь то управляющій или мастеръ,—а съ *высшимъ техническимъ* образованіемъ—*одинъ на четыре завода*. Къ сожалѣнію, въ изданіи министерства финансовъ данныя объ образовательномъ цензѣ служащихъ не поставлены въ связь съ величиной предпріятій; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что подготовленный технически и вообще грамотный персоналъ служащихъ сосредоточенъ на крупныхъ предпріятіяхъ, и что на долю среднихъ и мелкихъ остаются величины, близкія къ нулю.

Изъ управляющихъ русскихъ подданныхъ только 8% получили высшее техническое образованіе, 2,2%—среднее и 3,3%—низшее техническое образованіе; получили лишь общее образованіе и то очень жалкое: высшее 2,7%, среднее 11,2 и низшее—26,9%; дальше уже идутъ люди съ «домашнимъ» образованіемъ и безграмотные. Среди масторовъ-русскихъ на высшее техническое образованіе пападаетъ 4,4%, на среднее—1,9% и на низшее 7,4%. Результаты прямо плачевные, если не вспомнить еще, что и общимъ образованіемъ похвалиться могутъ очень немногіе.

Гдѣ учились всѣ эти техники-русскіе? Изъ управляющихъ русскихъ подданныхъ, имѣющихъ техническій дипломъ, 1/4 училась за границей; иностранные же подданные, изъ которыхъ многіе, какъ говорится, во введеніи къ работѣ министерства, нѣсколько поколѣній живутъ въ Россіи, сохраняя лишь иностранное подданство, въ Россіи училось всего 1,7%, остальные же 48,3%—за границей; точно то же и для мастеровъ. «Отсюда слѣдуетъ,—говоритъ авторъ введенія, что не только иностранцы, проживающіе въ Россіи, предпочитаютъ пріобрѣтать техническое образованіе за границей, но и довольно значительное количество русскихъ подданныхъ учится тамъ же. Число мастеровъ русскихъ подданныхъ, пріобрѣвшихъ техническое образованіе за границей, составляетъ 396 изъ 1.959, обладающихъ техническимъ образованіемъ, т.-е. 20,2%, среди же управляющихъ оно достигаетъ крупной цифры 634 изъ 2.053, т.-е. 30,9%».

И гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, прикажете учиться? Вотъ въ нынѣшнемъ году въ петербургскій технологическій институтъ подано было 1.389 прошеній, а принято всего 236 чел. И такъ было и въ прошломъ, и въ позапрошломъ году. Точно такая же картина получается въ провинціальныхъ институтахъ, точно то же получается и въ другихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Что же касается среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, то ихъ легко пересчитать на пальцахъ: на всю Россію около двухъ десятковъ среднихъ и не больше 300 низшихъ, вмѣстѣ съ сельскохозяйственными. А гдѣ же у насъ курсы для рабочихъ?

В. Шарый.

ФИЛОСОФІЯ.

Гансъ Корнеліусъ. „Введеніе въ философію“.

Гансъ Корнеліусъ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра, подъ редакціею и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Москва. Изданіе Д. П. Ефимова. 1905 г. Цѣна 2 р. Отъ позитивизма до философіи—этими немногими словами можно охарактеризовать настоящую работу Г. Корнеліуса. Исходя изъ позитивистической точки зрѣнія, изъ позитивистическаго пониманія задачъ философіи, словомъ, изъ «позитивной философіи», авторъ, логически развивая эту точку зрѣнія, съ неумолимою послѣдовательностью ведетъ читателя за ея предѣлы — въ сферу міросозерцанія, по отношенію къ которому уже въ большей степени оправдывается эпитетъ «философское».

Изъ всего многообразія бытія непосредственно даны намъ, думаетъ онъ какъ истый позитивистъ, лишь наши переживанія, протекающія во времени, и быстро смѣняющіяся явленія нашей психической жизни. Наше познаніе состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ описаніи этихъ переживаній,—не въ голомъ описаніи: таковое, пожалуй, было бы даже невозможно, а въ упрощающемъ, обобщающемъ описаніи данныхъ нашего опыта, въ связномъ изложеніи большого ряда ихъ съ одной общей точки зрѣнія. Такое стремленіе къ упрощенію и обобщенію всѣхъ явленій представляетъ собою принципъ, господствующій во всемъ нашемъ мышленіи,—его можно назвать принципомъ экономіи мышленія. Въ этомъ процессѣ упрощенія и обобщенія явленій, наряду съ другими науками, остается мѣсто и философіи, «истинно позитивной» философіи. Всякая частная наука, занимаясь обобщеніемъ явленій въ своей области, совершенно оставляетъ въ сторонѣ свою связь съ другими науками, наше же познаніе, стремленіе къ ясности, требуетъ объединенія всѣхъ наукъ, ихъ результатовъ въ единое, законченное цѣлое, оно требуетъ единаго и цѣльнаго міросозерцанія, которое охватило бы всю совокупность явленій вселенной. Эту задачу и должна взять на себя философія; она не должна только пользоваться въ этихъ цѣляхъ элементами, чуждыми опыту, и гипостазировать ихъ, какъ поступала она въ метафизическую фазу своего развитія. Однако, помимо сводки результатовъ наукъ въ одно гармоничное цѣлое, философія имѣетъ еще другую, болѣе важную задачу. Дѣло въ томъ, что наше познаніе при своихъ обобщеніяхъ пользуется логическимъ матеріаломъ, не обладающимъ достаточною ясностью. Цѣлый рядъ понятій, какъ-то: причинность, объективный міръ и др., которыя оно употребляетъ безъ критики, какъ само собою понятныя, не требующія объясненія и въ сведеніи къ которымъ всего прочаго для нашего мышленія и состоитъ объясненіе, на дѣлѣ усвоены нами по привычкѣ и требуютъ своей провѣрки. Постановка и разрѣшеніе проблемъ, которыя, касаясь значенія и правильности этихъ послѣднихъ предпосылокъ опытнаго познанія, выходятъ за его предѣлы, и должны составить теоретико-познавательную задачу философіи. Выполнить ее, не привнося при этомъ никакихъ новыхъ необоснованныхъ предпосылокъ, философія можетъ лишь путемъ возсозданія тѣхъ процессовъ, съ помощью которыхъ въ ходѣ развитія обобщенія и систематизаціи данныхъ опыта создались еще въ донаучную эру такія предпосылки всякаго научнаго познанія, т.-е. путемъ психологическаго анализа механизма процесса обобщенія, индукціи, или, такъ какъ результатомъ всякаго обобщенія является понятіе, механизма образованія понятій. Уже Юмъ ясно видѣлъ эту теоретико-познавательную задачу философіи и также прекрасно понималъ, что разрѣшить ее, доказать и выяснить основныя понятія наукъ возможно лишь на психологическомъ пути, при помощи анализа непосредственно данныхъ пере-

живаній. Если же его попытка въ этомъ отношеніи не увѣнчалась успѣхомъ и онъ пришелъ къ скептицизму, то этимъ онъ обязанъ лишь своему атомистическому взгляду на психическую жизнь, допущенію, что послѣдняя строится изъ изолированныхъ частей. Исходя изъ противоположнаго пониманія психической жизни, изъ того, что намъ въ качествѣ психическихъ фактовъ непосредственно даны не только отдѣльныя переживанія, но и факторы, дѣлающіе возможною ихъ связь, современная философія, думаетъ авторъ, въ состояніи путемъ изученія психическаго развитія понять механизмъ образованія понятій, т.-е. процессъ познанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыть тѣ формы мышленія, которыя лежатъ въ его основѣ и дѣлаютъ возможнымъ познаніе. Словомъ, она въ состояніи выяснить и обосновать послѣднія предпосылки всякаго опытнаго познанія. Хотя она не будетъ приписывать имъ реальности, независимой отъ нашихъ переживаній, какъ это дѣлала метафизика, но она будетъ въ силахъ защитить ихъ отъ скептицизма и релятивизма. Отъ скептицизма—указаніемъ на то, что эти предпосылки дѣлаютъ возможными связи нашихъ переживаній, наблюдаемыя въ дѣйствительности. Отъ релятивизма—ссылкою на то, что утвержденіе, будто въ ходѣ психическаго развитія онѣ смѣняются безпрестанно новыми и имѣютъ, слѣдовательно, временное значеніе, неизбѣжно ведетъ къ признанію безпрерывной ломки и безпрерывнаго преобразованія и переустройства всего нашего научнаго зданія и, такимъ образомъ, къ отрицанію дѣйствительной возможности цѣльнаго познанія, охватывающаго съ теченіемъ времени все бо́льшую и бо́льшую сферу явленій. Однимъ словомъ, по мнѣнію автора, философія должна приписать этимъ предпосылкамъ опытнаго знанія обсолютную значимость для опыта, à prior'ность въ кантовскомъ смыслѣ: кто стремится къ дѣйствительному познанію, долженъ признать ихъ. И не только ихъ: она должна, въ согласіи съ общимъ научнымъ убѣжденіемъ, въ цѣляхъ достиженія монистическаго познанія приписать абсолютную и вѣчную значимость опытнымъ понятіямъ, обозначающимъ дѣйствительные факты опыта, и опытнымъ законамъ. Возможность же этого авторъ обосновываетъ путемъ открытія среди категорій такихъ, которыя позволяютъ каждый противорѣчащій прежнимъ законамъ фактъ вводить въ контекстъ опыта посредствомъ подведенія его подъ болѣе общій законъ, охватывающій прежній законъ, а отнюдь не уничтожающій его. Выполнивъ свою теоретико-познавательную задачу на указанномъ пути, философія, продолжаетъ авторъ, будетъ въ силахъ дать намъ единое объясненіе мірового цѣлаго изъ общихъ принциповъ, которые, въ свою очередь, уже не будутъ нуждаться въ дальнѣйшемъ объясненіи. Міросозерцаніе, построенное на такихъ основахъ, по его мнѣнію, можно назвать теоретико-познавательнымъ эмпиризмомъ—телеологическомъ идеализмомъ, сказали бы мы. Ибо, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, авторъ въ существенныхъ пунктахъ вполнѣ примыкаетъ къ представителямъ этого идеализма, Виндельбанду и Риккерту. Вмѣстѣ съ ними онъ рѣзко выступаетъ противъ всякой метафизики, утверждая, что категоріи и законы природы не обладаютъ реальностью, независимою отъ опыта, а лишь значимостью для опыта; противъ позитивизма, приписывая имъ не временную, относительную, а вѣчную, абсолютную значимость для опыта. Вмѣстѣ съ ними онъ пытается обоснонать категоріи, доказать ихъ значимость, исходя изъ абсолютной цѣнности познанія, истины, т.-е. строитъ теорію познанія телеологически. Если, притомъ онъ все же утверждаетъ, что его теорія познанія покоится всецѣло на психологіи, то на дѣлѣ онъ поступаетъ совершенно иначе: онъ пользуется психологическимъ анализомъ лишь какъ вспомогательнымъ средствомъ для своего телеологическаго метода. И въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ миѳологическихъ, метафизическихъ и другихъ формъ мышленія авторъ выдвигаетъ лишь нѣкоторыя, какъ необходимыя для познанія; это же ему удается сдѣлать лишь

путемъ превращенія принципа экономіи мышленія, провозглашеннаго имъ первоначально въ качествѣ закона психической жизни, въ норму, которую мы должны выполнять, если хотимъ достигнуть познанія. Что же касается разногласій Г. Корнеліуса съ указанными выше представителями телеологическаго идеализма, то они или несущественны, или обусловлены тѣмъ, что автору не удалось еще впитать въ плоть и кровь ту точку зрѣнія, къ которой неизбѣжно привелъ его логическій ходъ мыслей.

Такимъ образомъ, исходя изъ позитивистической точки зрѣнія, авторъ приводитъ читателя къ телеологическому идеализму, къ точкѣ зрѣнія, во всякомъ случаѣ, уже философской. Развивать далѣе эту послѣднюю, показать, что она есть лишь переходная ступень къ болѣе высшей, не входитъ въ наши задачи. Также мы не намѣрены болѣе детально изслѣдовать воззрѣнія Г. Корнеліуса: это завело бы насъ слишкомъ далеко. Для насъ достаточно, если намъ удалось показать, что въ трудѣ Г. Корнеліуса нашелъ выраженіе и разрѣшеніе переживаемый нынѣ позитивизмомъ кризисъ; и мы не можемъ не рекомендовать читателю его книжку.

Что же касается перевода Котляра, то въ этотъ разъ переводчикъ удачно справился съ своею задачею. Вслѣдствіе дословности перевода, встрѣчаются довольно часто стилистическіе промахи. Также попадаются и терминологическія погрѣшности, напр., «Begrifflich» переводится словомъ «логическій»; «Begriffsbildung» мѣстами передается выраженіемъ «понятіе» (стр. 225, 226 и д.), что въ значительной степени затемнило смыслъ текста. «Gefühlwirkung» переводится то «эмоціональныя вліянія», то «дѣйствія на наши чувства», то, наконецъ, «дѣйствія, вызывающія опредѣленныя чувствованія»; «die Inhalte einer Gruppe» передано на стр. 208 выраженіемъ «группа содержаній» и др. Въ общемъ же переводъ можно назвать вполнѣ удовлетворительнымъ.

N. N.

ИСТОРІЯ И ГЕОГРАФІЯ.

И. Забѣлинъ. Исторія „города Москвы“.—*Г. И. Ивановъ.* „Начальный курсъ географіи“.—*Сергѣй Рунинъ.* „Въ Манджуріи“.—*Э. Реклю.* „Земля и люди“.

Исторія города Москвы. Сочиненіе Ивана Забѣлина, написанное по порученію Московской городской думы. Часть первая. Второе изданіе (автора) исправленное и дополненное съ рисунками въ текстѣ и въ особомъ альбомѣ. М. 1905 г. in 8-vo. Стр. XXVI + 652. Ц. 4 руб. Ив. Евг. Забѣлинъ—писатель своеобразный и рѣдкій въ нашей исторической литературѣ; занимаетъ онъ здѣсь совершенно особое мѣсто и по характеру своей эрудиціи, и по пріемамъ своего изложенія... Когда говоришь о г. Забѣлинѣ, то нельзя миновать одного соображенія, обыкновенно неумѣстнаго при критическомъ анализѣ ученой исторической работы. Г. Забѣлинъ—далеко не безстрастный изобразитель прошлаго, онъ преисполненъ опредѣленнаго «чувства и настроенія», страстной любви къ русскому прошлому; въ его созерцаніи родная старина живетъ дѣятельною жизнью, онъ увлеченъ реставраціей этой старины, какъ таковой и независимо отъ достиженія какихъ-либо теоретическихъ цѣлей; онъ влагаетъ въ свои работы много нравственныхъ эмоцій и смотритъ на старину глазами патріота, который дорожитъ прежде всего правдой. У г. Забѣлина нѣтъ тенденціозно-фальшивой реабилитаціи и вмѣстѣ ему не чуждъ опытъ развѣнчиванія скользкихъ преданій, какъ-то видно изъ его книги «Мининъ и Пожарскій—прямые и кривые въ смутное время». Въ книжкѣ «Русское искусство—черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ» г. Забѣлинъ возвышается до удиви-

тельно яркаго и сочнаго представленія стараго стиля, а въ «Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ»—до чрезвычайно широкаго и порой соблазнительнаго апоѳеоза незапамятныхъ временъ въ русской исторіи. Кто не знаетъ затѣмъ колоссальной работы г. Забѣлина (при наличности цѣлаго ряда другихъ сочиненій) «Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII ст.», гдѣ онъ обнаруживаетъ рѣдкое знакомство съ деталями русскаго быта и въ этомъ смыслѣ оспариваетъ въ русской исторической литературѣ классическое мѣсто. Обладай г. Забѣлинъ учеными свойствами нѣмца, не отличайся чувствами исторической страсти, онъ написалъ бы такіе Russische Alterthümer, которые далеко оставили бы за собой многія знаменитости изъ работъ такого типа. Почти исключительно г. Забѣлинъ изучалъ Русь до эпохи петровскихъ преобразованій, извѣстное вниманіе посвятилъ послѣдней и всегда археологическіе интересы предпочиталъ критикѣ, для которой у него нѣтъ недостатка въ благородной ядовитости (сравните его извѣстные «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи»), Литературной дѣятельности г. Забѣлина протекло *полстолѣтія*, онъ не только не бросаетъ своего историческаго пера, а продолжаетъ работать съ удивительной энергіей, застраховавъ себя отъ всякихъ увлеченій современными вопросами и всецѣло, безъ конца и до конца отдавшись прошлому. За послѣднюю *четверть столѣтія*, помимо переработки своихъ прежнихъ сочиненій, г. Забѣлинъ успѣлъ издать «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы» (въ двухъ частяхъ) и недавно вышедшую вторымъ изданіемъ первую часть «Исторіи города Москвы». Первое изданіе этого послѣдняго сочиненія появилось въ 1902 г., разошлось немедленно и почти не попало за предѣлы Москвы, такъ что второе изданіе «Исторіи города Москвы» является до нѣкоторой степени новостью. Исторіей Москвы авторъ началъ интересоваться очень давно и, если хотите, большинство его сочиненій имѣетъ прямое или косвенное къ ней отношеніе. Предложеніе городской думы взять на себя «полное описаніе» Москвы, «подробное во всѣхъ отношеніяхъ—историческомъ, топографическомъ, статистическомъ», заставило г. Забѣлина окончательно погрузиться въ археологическо-бытовое прошлое города Москвы; онъ намѣтилъ широчайшую програму такого описанія, которая подъ заголовкомъ «предполагаемыя задачи историко-археологическаго и статистическаго описанія города Москвы» и напечатана въ предисловіи. Эта программа невыполнима для одного лица не только по той причинѣ, что она безгранична, но и потому, что ея выполненіе требуетъ людей различныхъ спеціальностей; она вообще даетъ значительный просторъ для критическихъ нападокъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ въ этой программѣ, что надо составить «всѣ дробныя исторіи каждаго городского мѣста-урочища, каждаго храма, въ смыслѣ основы поселенія, каждой площади, улицы, переулка, по возможности каждаго сколько-нибудь замѣчательнаго двора и дома, съ показаніемъ происходившихъ перемѣнъ въ расположеніи и устройствѣ заселеннаго пространства». По такому масштабу и составлена первая часть исторіи города Москвы, а этотъ масштабъ—лишь одинъ крошечный абзацъ въ программѣ г. Забѣлина, примѣненъ только къ старому Кремлю и далъ въ результатѣ чуть не 700 страницъ убористой печати! Введеніемъ въ книгу служатъ очерки «Первобытное время» (стр. 1—21) и «Сказанія о началѣ Москвы-города» (стр. 22—59), а затѣмъ идетъ описаніе «стараго города Кремля» въ формѣ историческаго обзора его мѣстностей, раздѣленнаго на двѣ части: «общій обзоръ» (стр. 60—180) и «мѣстный обзоръ» (стр. 181—652). Главную основу книги составляетъ этотъ мѣстный обзоръ, направляемый авторомъ строго топографически: «историческій обзоръ мѣстностей древняго города Москвы, говоритъ онъ, мы начнемъ отъ Спасскихъ воротъ и будемъ слѣдовать по древнимъ

улицамъ Кремля отъ его воротъ, направляясь къ его серединной мѣстности, т.-е. къ Соборной площади». При такомъ построеніи всего труда знакомить детальнѣе съ его содержаніемъ не приходится и нельзя утверждать, чтобы *всѣ* читатели съ одинаковымъ интересомъ прочитали *всѣ* части перваго тома. Удивительный знатокъ первоисточниковъ, авторъ порою прибѣгаетъ къ цѣннымъ для изслѣдователя, но не для обычнаго читателя, перечисленіямъ по нимъ или прямо выдержкамъ. Знаетъ авторъ до мелочей и печатную литературу вопроса, не исключая новѣйшей. Перебираясь отъ храма къ храму, отъ двора къ двору, авторъ останавливаетъ вниманіе читателя передъ «патріаршимъ домомъ» (стр. 478—604). Какъ бы вспомнивъ свою прежнюю работу о домашнемъ бытѣ царей и царицъ въ XVI и XVII ст., г. Забѣлинъ не ограничивается простымъ «обзоромъ зданій», но предлагаетъ читателямъ и рядъ цѣнныхъ критическихъ замѣчаній, и опытъ характеристики патріаршаго быта по первоисточникамъ. Сильно достается здѣсь одному «новѣйшему изслѣдователю» Н. Писареву, который написалъ недавно книгу «Домашній бытъ русскихъ патріарховъ» (Казань. 1904). Г. Забѣлинъ, въ сущности, доказываетъ, что эта книга, повидимому, написана по книгѣ самого г. Забѣлина, которую мы теперь читаемъ во второмъ изданіи. Кто интересуется «новѣйшими изслѣдователями» и пріемами ихъ артистической работы, тотъ да заглянетъ на стр. 483—486 первой части «Исторіи города Москвы». Вслѣдъ за историческимъ обозрѣніемъ зданій патріаршаго дома г. Забѣлинъ, хотя это и находится внѣ всякой непосредственной связи съ его темой, переходитъ къ обзору домашней обстановки патріаршаго быта (стр. 533 и слѣд.), патріаршихъ одежды, пріемовъ, славильщиковъ, столоваго обихода, выходовъ и похоронъ... Все это нынѣ пріобрѣтаетъ и особенный интересъ при возникновеніи поэтическихъ мечтаній о реставраціи въ XX вѣкѣ покойнаго института патріаршества.

Книга г. Забѣлина полна большого историческаго интереса, представляетъ собою надежный матеріалъ не для одной научно-популярной работы и прежде всего заставляетъ высказать горячее пожеланіе, чтобы авторъ подарилъ насъ возможно скорѣе второй частью своей «Исторіи города Москвы». Никто въ наши дни не знаетъ лучше него археологической Москвы и ни у кого нѣтъ къ ней, именно къ этой археологической Москвѣ, такой страстной любви, какъ у г. Забѣлина. И самъ онъ, коротающій долгіе дни за неустанной исторической работой въ стѣнахъ Московскаго историческаго музея, наблюдающій за новой жизнью лишь изъ его оконъ, выступающихъ на Красную и Воскресенскую площади (мѣста историческія!), представляетъ теперь явленіе достопримѣчательное. И теперь, именно теперь, когда недалекъ дань нашего возрожденія на совершенно новыхъ началахъ, когда ядовитый газъ недавняго застоя скоро испарится въ безвоздушномъ пространствѣ, намъ особенно пріятно выразить живой привѣтъ «Исторіи города Москвы» Ив. Ег. Забѣлина, памятуя крѣпкую связь съ прошлымъ и направляя всѣ наши взоры въ лучшее будущее.

В. Сторожевъ.

Г. И. Ивановъ. Начальный курсъ географіи, Изд. третье, исправленное и дополненное. Стр. 155. Ц. 60 к. Спб. 1904. По выходѣ въ свѣтъ 2 изд. учебника г. Иванова мы имѣли случай отозваться о немъ на страницахъ «Міра Божія», какъ о лучшемъ въ настоящее время начальномъ курсѣ географіи. Въ 3 изд. учебника болѣе подробно разработанъ переходъ отъ плана къ картѣ, и самая карта напечатана въ краскахъ. Этотъ методическій пріемъ значительно облегчитъ трудъ начинающихъ, у которыхъ, въ соотвѣтствіи съ ихъ возрастомъ, еще такъ узка сфера болѣе или менѣе отвлеченныхъ представленій. Количество собственныхъ географическихъ именъ въ 3 изд. увеличено: авторъ полагаетъ, что учащіеся лучше и отчетливѣе представятъ себѣ

физико-географическія явленія на примѣрахъ изъ Россіи. По нашему мнѣнію, еще лучшихъ результатовъ можно было бы ожидать отъ каждаго отдѣльнаго преподавателя, который бы выяснялъ упомянутыя явленія на окружающихъ географическихъ фактахъ, несомнѣнно, вполнѣ доступныхъ учащимся той или другой мѣстности. Руссо въ своемъ «Эмилѣ» именно такъ и рекомендуетъ начинать изученіе географіи, съ родиновѣдѣнія въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. Объемъ книги увеличился (съ 106 до 155 стр.), впрочемъ, не только вслѣдствіе расширенія номенклатуры, но и прибавленія географическихъ разсказовъ (34 вмѣсто 23 второго изданія), расширеніемъ «краткихъ объясненій словъ» и прибавленіемъ нѣкоторыхъ чертежей, рисунковъ и картъ въ текстѣ. Въ заключеніе мы должны предостеречь г. Иванова отъ излишняго увлеченія указаніями оффиціальныхъ рецензентовъ, которые такъ склонны, въ силу соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой, «націонализировать» даже учебники общей географіи которые, такимъ образомъ, превращаются въ географическія описанія одной только Россіи: вѣдь, невозможно думать, чтобы Россія заключала въ своихъ предѣлахъ все типичное въ географическомъ смыслѣ на земномъ шарѣ. Опасно смѣшивать географію земного шара съ географіей Россіи. *П. Г—въ.*

Сергѣй Рупинъ. Въ Маньчжуріи. Изд. Сойкина. Спб. 1904 г. Стр. 170. Ц. 1 р. Русско-японская война вызвала на свѣтъ Божій такихъ авторовъ, которые безъ нея ограничились бы, конечно, устными разсказами роднымъ и знакомымъ о свѣтѣ маньчжурскихъ впечатлѣніяхъ. Къ числу такихъ авторовъ относиться и г. Рупинъ, очевидно, туристъ безъ солидной подготовки, не вдумчивый и мало наблюдательный. Достаточно было г. Рупину встрѣтиться съ какимъ-нибудь маньчжурскимъ торговцемъ или инженеромъ и ихъ точка зрѣнія становиться обязательной былъ, г. Рупина; онъ добросовѣстно передаетъ ихъ длинныя разсужденія, вполнѣ очевидно, соглашаясь съ ними. Поэтому тѣ главы книжки, которыя должны были бы явиться особенно интересными (напр., III—«русская культура въ Маньчжуріи», V—«Главнѣйшіе русскіе центры въ Маньчжуріи», XI—«Русская торговля въ Маньчжуріи»), оказались не только весьма слабыми, мало содержательными, то и съ совершенно невѣрными выводами и дать фактично. Г. Рупинъ вполнѣ увѣренъ, что русская культура пустила глубокіе и пробные плутни въ Маньчжуріи, что китайцы склонны къ быстрой ассимиляціи съ русскими, что «желѣзная дорога покорила Россію Маньчжурію» и что послѣдняя вообще «благодатная страна». Если русская торговля въ Маньчжуріи тогда, то это, по мнѣнію г. Купина, зависитъ не оттого, что для ея развитію тамъ вообще не было почвы, и лишь отъ отсутствія крупныхъ капиталовъ. Фабричное заведѣнія произведенія не оттого не идутъ сюда изъ Россіи, что поддержка транспорта почти превышаютъ цѣнность самихъ товаровъ, и вслѣдствіе «смертности» русскихъ предпринимателей. Иногда самъ авторъ, по наивности, раскрываетъ все убожество русской колонизаціи въ Маньчжуріи. Считая напр., Харбинъ «однимъ изъ центровъ русскаго духа», онъ перечисляетъ, какъ торговая спеціальность распредѣлились тамъ по національностямъ—тамъ есть и греки, и татары, и японцы—нѣтъ только однихъ русскихъ. Это же они дѣлаютъ? Но это долженъ быть данъ одинъ только отвѣтъ: они служатъ въ казенныхъ учрежденіяхъ. Ту не выдерживающую никакой критики безтолочь, происшедшую вслѣдствіе смѣшенія русской и китайской власти въ Маньчжуріи, г. Рупинъ считаетъ «мудрымъ устройствомъ». Авторъ утверждаетъ что, въ Харбинѣ и Портъ-Артурѣ русскихъ было больше, чѣмъ инородцевъ; данныя послѣднихъ мѣстныхъ переписей совершенно не подтвержданной этого. Вообще книжка г. Рупина, написанная неумѣло, тускло, не художественно, не сообщающая читателю пра-

вильныхъ и обоснованныхъ взглядовъ, снабженная нѣсколькими плохо исполненными рисунками, производятъ впечатлѣніе безполезной и непутной, бѣллисти на книжномъ рынкѣ, и разочаруетъ тѣхъ, кто пожелаетъ познакомиться съ нею, соблазнившись ея заглавіемъ. *П. Г—въ.*

Земля и люди. Всемірная географія, сочиненіе Э. Реклю. Выпускъ VII. Германія. Перев. съ французскаго подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 430—86. Съ 82 иллюстраціями и картой Германіи. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к. Этотъ трудъ знаменитаго географа, столь счастливо сочетавшаго огромную друдицію съ замѣчательной рѣдкостью, очень часто поэтической картинностью изложенія, конечно, не нуждается въ рекомендаціи, тѣмъ болѣе, что русская публика уже давно знакомила съ географическими трудами Э. Реклю. Слѣдуетъ только замѣтить, что двѣ послѣднія главы, трактующія объ общемъ состояніи Германіи, ея правительство и администрація въ нѣкоторыхъ частяхъ устарѣли и нуждались бы въ переработкѣ. Реклю, напр., мало говоритъ о политическихъ партіяхъ Германіи, и особенно о соціалъ-демократической, очень выдвинувшійся въ послѣднее время. Статистическія свѣдѣнія, особенно о различныхъ отрасляхъ фабричной промышленности, движенія судовъ въ германскихъ портахъ и т. п., устарѣли т. к. относятся къ 80-мъ и даже 70-мъ годамъ. Въ приложеніяхъ помѣщенъ интересный очеркъ г. Касливскаго «мѣстное управленіе въ Германіи» и библіографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ о Германіи. Списокъ представляетъ нѣкоторые промахи а также грѣшатъ нѣкоторой устарѣлостью. Въ отдѣлѣ исторіи пропущены, напр., труды Бауэра, Петрова, ни упомянуты уже совсѣмъ устарѣвшій Циммерманъ, не упомянуто тѣ исторіи нѣмецкой литературѣ, начатой подъ редакціей Кирша, въ отдѣлѣ водъ экономической, умственной и общественной жизни пропущена недавно вышедшая книга г. Іоллоса; пропущены также интересныя брошюры Бюхера объ исторіи экономической и промышленной и хозяйственной жизни страны. Вообще этотъ отдѣлъ слѣдовало бы составить съ большой осмотрительностью и подробнѣе. Политическая карта Германіи исполнена въ краскахъ. *П. Г—въ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Г. Г. Якобсонъ „Жуки Россіи и Западной Европы“.—*Г. В. Коннъ.* „Невидимые богатыри“.—*А. П. Нечаевъ.* „Почва и ея исторія“. *Онъ же.* „Картины родины“. *П. А. Костычевъ.* „Почва, ея обработка и удобреніе. *Онъ же.* „О борьбѣ съ засухами“. *Е. И. Поповъ.* „Хлѣбный огородъ или ручное земледѣліе“.

Г. Г. Якобсонъ. Жуки Россіи и Западной Европы. Руководство къ опредѣленію жуковъ. Изд. Девріена. Вып. I. Обѣщанное авторомъ содержаніе этой книги очень обширно; въ нее войдутъ, кромѣ введенія, о коемъ ниже, опредѣлитель всѣхъ родовъ жуковъ Россіи и Западной Европы, полный списокъ относящихся къ нимъ видовъ (свыше 25.000), съ ссылками на тѣ сочиненія, гдѣ можно почерпнуть ихъ описанія или характеристики, и, наконецъ, 83 таблицы, исполненныя хромолитографическимъ способомъ, на коихъ будутъ даны изображенія не только общераспространенныхъ формъ, но, что особенно важно и цѣнно, и 1.300 видовъ жуковъ русской фауны, не бывшихъ еще до сихъ поръ никогда изображенными. Если обѣщаніе это будетъ выполнено добросовѣстно, то колеоптерологовъ, не только начинающихъ, но и вполнѣ знающихъ свой предметъ, можно будетъ поздравить съ выходомъ настольной книги огромнаго практическаго значенія.

Первый выпускъ состоитъ изъ 80 страницъ текста и 11 таблицъ съ 297

фигурами въ краскахъ. Текстъ заключаетъ только часть введенія, посвященнаго объясненіямъ наружнаго строенія жуковъ и внутренней организаціи ихъ, полового диморфизма и проч., причемъ авторъ для облегченія пользованія иностранной литературой во всѣхъ почти случаяхъ сопровождаетъ русскіе термины переводомъ ихъ на латинскій, нѣмецкій, французскій и анлійскій языки, что представляется дѣйствительно необходимымъ въ виду недостаточно еще твердо установившейся русской терминологіи; непонятно, однако, для чего понадобилось ему переводить на латинскій языкъ также и такія общеизвѣстныя выраженія какъ «приборы и орудія ловли, умерщвленія, препарированія и сохраненія»—«utensilia sive requisita entomologica»,—вѣдь, такая тенденція, кромѣ увеличенія,—безъ нужды, объема текста, другихъ результатовъ имѣть не можетъ. Вообще излишняя растянутость текста это—это тотъ упрекъ, который мы готовы поставить автору, очевидно упустившему изъ виду, что справочная настольная книга должна отличаться возможно меньшимъ объемомъ. Съ этой точки зрѣнія, а равно имѣя въ виду цѣль книги—служить руководствомъ для опредѣленія жуковъ,—мнѣ кажутся излишними слѣдующіе параграфы введенія: «О насѣкомыхъ вообще», «Перечисленіе главнѣйшихъ мѣстонахожденій жуковъ» и «Ловля и умерщвленіе жуковъ»; пожалуй, даже безъ ущерба для цѣли книги могли бы быть выпущены: «Образъ жизни жуковъ» и все, что относится до ихъ нервной мускульной, кровеносной и пищеварительной системъ. Огромная книга въ 800 стр. сократилась бы тогда страницъ на 100, и это было бы ужъ очень хорошо. Что же касается до помянутыхъ параграфовъ, то ихъ мѣсто не въ опредѣлителѣ, а въ сочиненіяхъ подъ другими названіями. Другой упрекъ автору—это, мѣстами, очень тяжелый языкъ, производящій впечатлѣнія плохого перевода. Наконецъ, нельзя также не указать на не всегда удачный переводъ съ латинскаго цвѣтовыхъ терминовъ, при опредѣленіи насѣкомыхъ, играющихъ часто весьма существенную роль; такъ; «fuliginosus» значитъ вовсе не черный какъ сажа, а темнобурый съ красноватымъ оттѣнкомъ (темный каштановый), «anthracinus»—густой черный съ блескомъ, а не съ голубоватымъ отливомъ; для послѣдняго существуетъ особое обозначеніе—«coroinus»—густой черный съ синеватымъ или зеленоватымъ отливомъ; «aeneus» служитъ для обозначенія цвѣта темной бронзы, а не латуни; наконецъ, едва-ли кому будетъ ясно, если я скажу, что «testaceus» есть цвѣтъ буро-желтый, какъ обожженный англійскій кирпичъ.

Что касается таблицъ, исполненныхъ съ оригиналовъ «невиданнаго до сихъ поръ совершенства», *что безусловно вѣрно* *), то мнѣ хотѣлось бы видѣть ихъ лучше сработанными. Безусловно не удавшимися въ цвѣтовомъ отношеніи считаю Tetracha euphratica, Cicindela lacteola, Calosoma elegans, отчасти Anthia mannerheimi, Cic. galathea и нѣкот. друг.

Въ общемъ, однако, это новое изданіе Девріена производитъ очень хорошее впечатлѣніе, и я смѣло рекомендую его вниманію любителей колеоптерологіи, которыхъ не должна смущать высокая подписная цѣна—18 р. за 10 выпусковъ; при значительномъ, приложенномъ къ нему, художественно исполненномъ матеріалѣ она и не можетъ быть меньшей, да и то, надо думать, издатель оправдаетъ свои расходы въ одномъ только случаѣ, когда книга получитъ очень широкое распространеніе, чему да поможетъ настоящая замѣтка.

Н. Грумъ-Гржимайло.

Г. В. Коннъ. «Невидимые богатыри». Очеркъ жизни и дѣятельности бактерій. Съ 36 рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. Я. Л. Спб. Научная дешевая библіотека А. С. Суворина. Стр. IV+212. 1905 г. Ц. 1 р. — к. Книга Г. В. Конна съ достаточной полнотой и ясностью излагаетъ главнѣйшія добы-

*) Авторъ настоящей замѣтки имѣлъ случай любоваться этими оригиналами.

тыя наукой свѣдѣнія о жизни и значеніи бактерій. Кромѣ основныхъ свѣдѣній объ ихъ морфологіи, способахъ размноженія и классификаціи, книга даетъ также очеркъ роли бактерій въ различныхъ производствахъ, въ молочномъ хозяйствѣ и въ экономіи природы; укажемъ здѣсь же, что главу «О бактеріяхъ въ процессахъ природы» было бы умѣстнѣе помѣстить вслѣдъ за первой главой «бактеріи какъ растенія», а не относить ее почти къ концу книги. Послѣднія двѣ главы разсматриваютъ болѣзнетворныя бактеріи и способы борьбы съ этими послѣдними. Въ общемъ, авторъ вполнѣ справился съ своей задачей—дать обстоятельный популярно-научный очеркъ о бактеріяхъ; вполнѣ законны также его старанія «реабилитировать» репутацію бактерій: настойчиво, въ различныхъ мѣстахъ книги доказываетъ онъ, что, кромѣ огромнаго числа видовъ бактерій, въ отношеніи къ здоровью безразличныхъ, существуетъ значительное число и такихъ видовъ, которые приносятъ громадную, неизмѣримую пользу, и что предубѣжденіе широкой публики противъ бактерій вообще основано на недоразумѣніи. Языкъ книжки вполнѣ литературный; рисунки хорошо поясняютъ текстъ и сносно сдѣланы. Нѣсколько мелкихъ замѣчаній мы считаемъ все же не лишними. На стр. 140 сказано: «при отравленіи крови... *все тѣло одновременно* заполняется извѣстными видами болѣзнотворныхъ бактерій»; слѣдуетъ избѣгать такихъ неопредѣленныхъ и уже по одному этому ненаучныхъ выраженій. Говоря о путяхъ зараженія микробными болѣзнями, авторъ (стр. 148) не упоминаетъ почему-то о зараженіи половымъ путемъ. Говоря о бугорчаткѣ и ея заразительности (стр. 150 и дальше), авторъ не упоминаетъ о высыханіи и распыленіи мокроты, содержащей коховскія палочки, и вообще не говоритъ о пыли, какъ о передатчикѣ заразы. Еще два слова: переводчикъ въ выноскахъ даетъ ненужныя объясненія терминовъ, взятыхъ изъ греческаго языка, а объяснять смыслъ словъ, дѣйствительно могущихъ быть непонятыми, почему-то не считаетъ нужнымъ. Того читателя, на котораго разсчитана книжка, можетъ затруднить, напр., стр. 57—объ отношеніи молочной кислоты къ поляризованному свѣту и о вращеніи плоски паляризаціи. Неясными могутъ остаться также помѣщенныя въ текстѣ химическія формулы.

Врачъ *Л. В—ій.*

А. П. Нечаевъ. Картины родины 150 стр. 62 рис. 1905 г. Цѣна 1 р. Онъ же. Почва и ея исторія. 74 стр. 30 рис. 1905 г. Цѣна 60 к. А. П. Нечаевъ—одинъ изъ талантливыхъ нашихъ популяризаторовъ для «большой публики» и для юношества; его книга «Между огнемъ и льдомъ» пользуется вполнѣ заслуженной извѣстностью. Двѣ новыя составленныя имъ книжечки, заглавіе которыхъ мы выписали выше, вполнѣ подтверждаютъ данную характеристику.

«Картины родины»—это «типичные ландшафты Россіи въ связи съ ея геологическимъ прошлымъ». Для того, чтобы составить такую книжку нужно было много поработать по первоисточникамъ, многое и самому повидать. Вполнѣ естественно «Картины родины» распадаются на двѣ части. Первая—введеніе—даетъ общее понятіе о ландшафтѣ и о причинахъ, его созидающихъ, т.-е. представляетъ собою краткій очеркъ геологіи, набросанный преимущественно на почвѣ нашей родины.

Вторая часть посвящена спеціально ландшафтамъ Европейской Россіи, соединеннымъ въ нѣсколько большихъ группъ. Здѣсь проходятъ передъ вами типичные моренные ландшафты Валдайскихъ горъ, западныхъ окраинъ Бѣлорусско-Литовской гряды, гранито-гнейсовый ландшафтъ финляндско-олонецкаго массива съ яркими и характерными отпечатками ледниковой эпохи, и описанія водопадовъ—Иматры, Кивача, Поръ-Порога, и Галицко-Подольская возвышенность съ ея размытыми Кременецкими и Медоборскими горами и типичными для нихъ зубчатыми фантастическими «толтрами»; толтры смѣняются лёссовыми ландшафтами южной

Россіи съ ея черноземомъ и оврагами, затѣмъ идутъ ландшафты карстоваго характера—крымскіе, уральскіе, приволжскіе, олонецкіе и прибалтійскіе—грандіозныя пещеры, обвалы, провальныя озера, подземныя рѣки. Очерчены крупными штрихами и картины рѣчныхъ поймъ—ильмени, воложки, ерики, старицы, рѣчныя террасы, наконецъ, дельтовые и дюнные ландшафты.

Объясненія, главнымъ образомъ, въ первой части—просты и ясны, описанія—второй—опредѣленны и порой картинны. Мы раздѣляемъ мнѣніе автора, что «Картины родины» будутъ полезны не только юношеству и лицамъ, преслѣдующимъ цѣли самообразованія, но и художникамъ-пейзажистамъ, «для которыхъ истолкованіе типичныхъ ландшафтовъ нашей страны представляетъ несомнѣнное значеніе».

Цѣнность «Картинъ родины» увеличивается еще тѣмъ, что текстъ сопровождается большимъ количествомъ рисунковъ, часто оригинальныхъ и впервые увидѣвшихъ свѣтъ.

Вторая книжечка А. П. Нечаева—«Почва и ея исторія» представляетъ собою живое, популярное изложеніе взглядовъ почвовѣдовъ «докучаевской школы» на образованіе почвъ и ихъ географическое, такъ называемое—зональное распространеніе на всемъ земномъ шарѣ. Въ зависимости отъ этой основной точки зрѣнія находится и распредѣленіе матеріала: большая половина книжки посвящена вопросамъ вывѣтриванія и жизнедѣятельности животныхъ и растеній, какъ почвообразователей.

Принадлежа самъ къ «докучаевцамъ» и признавая громадное научное и педагогическое значеніе за работами этой школы, я въ популярной книжкѣ все же не сталъ бы выдавать зональную теорію, по крайней мѣрѣ въ ея современномъ видѣ, за нѣчто уже вполнѣ установленное; кромѣ того, мнѣ казалось бы необходимымъ для большей полноты книжки, посвященной спеціально почвѣ, удѣлить нѣсколько больше мѣста физическимъ свойствамъ почвы, чѣмъ то сдѣлалъ авторъ. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ появилась эта книжечка, она представляетъ, по нашему мнѣнію, большой интересъ для широкой публики и, конечно, найдетъ своего читателя. Также, какъ «Картины родины», «Почва и ея исторія» украшена многими рисунками и портретами нашихъ выдающихся почвовѣдовъ (Рупрехта, Докучаева, Костычева, Сибирцева); среди послѣднихъ мы съ нѣкоторымъ удивленіемъ остановились на портретѣ проф. Мушкетова: покойный ученый имѣлъ къ почвовѣдѣнію очень малое касательство.

В. Агафоновъ.

Проф. П. А. Костычевъ. «Почва, ея обработка и удобреніе. (Практическое руководство). Съ предисловіемъ проф. Д. Н. Прянишникова. 316 стр. Изд. 2-е. Москва. 1905 г. Цѣна 1 р. Онъ же. О борьбѣ съ засухами посредствомъ обработки полей и накопленія на нихъ снѣга. 80 стр. Изд. 3-е. Москва. Цѣна 20 к. В. Докучаевъ и П. Костычевъ были безспорно самыми крупными русскими почвовѣдами, два антипода, два врага—они взаимно дополняли другъ друга. Первый создалъ новую отрасль естествознанія—геологическое и географическое почвовѣдѣніе, создалъ, такъ сказать, «своимъ умомъ», на своихъ родныхъ русскихъ почвахъ и провелъ основныя, мощныя борозды этой науки, откидывая и сознательно игнорируя детали и частности, докучно противорѣчившія иногда его геніальной схемѣ; другой, выученикъ западно-европейекой науки, эрудитъ, экспериментаторъ и агрономъ, ставившій себѣ цѣлью не широкія обобщенія, а точно поставленный опытъ и непосредственно ближайшія практическія цѣли, не далъ ничего существенно новаго, не создалъ и школы, но зато, съ одной стороны, оставилъ послѣ себя рядъ точныхъ опытныхъ работъ, съ другой—оказалъ громадное вліяніе на развитіе агрономіи въ Россіи. Одной изъ этихъ заслугъ является выясненіе имъ вопроса о способахъ борьбы съ засухами въ черноземной полосѣ Россіи, при

помощи особой обработки почвы, благодаря которой усиливалось бы накопленіе воды въ почвѣ зимою, поддерживалась бы проницаемость почвы для воды съ тою цѣлью, чтобы дождевая и снѣговая вода проникала бы по возможности вся въ почву, и, наконецъ, прекращалось бы волосное движеніе воды въ почвѣ до самой поверхности ея, чѣмъ ослаблялось бы высыханіе почвы.

Означенная выше брошюра и посвящена была покойнымъ профессоромъ пропагандѣ и популяризаціи идей его по этому практическому, колоссальной важности вопросу. Самый фактъ появленія третьяго изданія показываетъ на то, что работа теоретика-агронома была оцѣнена практиками.

Другая книга—«Почва, ея обработка и удобреніе»—лебединая пѣсня П. Костычева, она напечатана уже послѣ смерти его, съ оставленной имъ неполной рукописи, которую проф. Прянишникову пришлось дополнять на основаніи другихъ работъ покойнаго ученаго. Въ этомъ видѣ книга состоитъ изъ 3-хъ отдѣловъ: 1) общее почвовѣдѣніе, 2) ученіе объ обработкѣ почвъ и 3) ученіе объ удобреніи почвъ. Въ этомъ сочиненіи долженъ былъ быть еще 4-й отдѣлъ, посвященный «кореннымъ улучшеніямъ» почвы, но онъ такъ и остался ненаписаннымъ. Впрочемъ, и въ такомъ неоконченномъ видѣ сочиненіе П. Костычева является наиболѣе полнымъ и оригинальнымъ изъ всѣхъ болѣе или менѣе доступныхъ для неспеціалистовъ руководствомъ по агрономіи: въ ней вся физика и химія почвы и вся теорія ея обработки и удобренія.

Изданы эти книги вполнѣ удовлетворительно, особенно принимая во вниманіе низкую цѣну изданія.

Намъ приходилось просматривать и нѣкоторыя другія изданія этой серіи—«Деревенское хозяйство и деревенская жизнь» (изд. Горбунова-Посадова)—самаго разнообразнаго содержанія («Общедоступный часовщикъ», «О правильномъ уходѣ за лошадьми», «Хлѣбный огородъ или ручное земледѣліе», и др.) и всѣ они производили самое благопріятное впечатлѣніе какъ содержательностью и общедоступностью изложенія, такъ и внѣшностью. *В. Аг.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го марта по 15-е апрѣля 1905 г.).

М. Гонецкая. Очерки изъ жизни. 7 разсказовъ. Москва. 1905. Ц. 75 к.

Сергѣй Маковскій. Собраніе стиховъ. Книга I. Спб. 1905. Изд. «Содружества». Ц. 1 р. 50 к.

Н. Г. Чернышевскій. «Что дѣлать?» Романъ. Спб. 1905. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Всевол. Буславскій. Просвѣтъ. Драматич. сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Евгенія Де-Турже-Туржанская. Разсказы и очерки. Смоленскъ. 1905. Ц. 75 к.

Н. Смирновъ. Разсказы. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Алекс. Килландъ. Новеллы. Спб. 1905. Соврем. научн. обр. библ. Ц. 10 к.

Сер... Сир... Ночныя бабочки. Разсказы и очерки. Москва. 1905 г. Ц. 50 к.

В. І. Дмитріева. На скалѣ. Очеркъ. Харьковъ. 1905. Изд. Раппъ и Потапова. Ц. 10 к.

Н. Темный. Обыскъ. Харьковъ. 1905. Изд. то же. Ц. 3.

Л. Н. Толстой. Тяжелое бремя. Изд. то же. Ц. 3 к.

Д. Айзманъ. Въ чужой сторонѣ. Изд. то же. Ц. 7 к.

А. Бибикъ. Пріятели. Изд. то же. Ц. 7 к.

А. О. Киселевъ. Погибшій городъ. Оренбургъ. 1905. Ц. 20 к.

Русскій. Думы и пѣсни. Посвящаются молодому поколѣнію. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Мруза. Теплое слово. Памфлеты и эскизы. Самаркандъ. 1905. Изд. «Самарканда». Ц.

В. Лункевичъ. Чудеса общежитія. Спб. 1905. Изд. Павленкова. Ц. 20 к.

«Библ. Юнаго Читателя». Страна долгой ночи. Перев. съ англ. М. Готовцевой. Спб. 1904. Ц. — Небесныя свѣтила. Сост. В. Вахтеровъ. Спб. 1905. 2-ое изд. Ц. 30 к. Юные австралійцы. Пов. Этель Тэрнеръ въ перераб. Н. Шишкова. Спб. 1904. Ц. 50 к. Англичане и ихъ страна. Сост. Э. Пименова. Спб. 1905. Ц. 30 к.

П. Дружбинъ. Объ умѣ и нравахъ собакъ. Изд. т-ва Сытина. Москва. 1905. Ц. 20 к.

Его же. Объ умѣ и нравахъ кошекъ. Изд. то же. Ц. 15 к.

Его же. Объ умѣ и нравахъ слоновъ. Изд. то же. Ц. 15 к.

Его же. Объ умѣ и нравахъ львовъ. Изд. то же. Ц. 10 к.

Владиміръ Ж. Бѣдная Шарлотта. Поэма. Спб. 1904. Ц. 5 к.

Мальтатули. Богъ хочетъ милости, а не жертвы. Перев. съ нѣм. В. Л. Изд. «Юн. Читателя». Ц. 5 к.

Вацлавъ Сѣрошевскій. Матросы корабля «Надежда». Разсказъ. Спб. 1905. Изд. Н. Глаголева. Ц. 20 к.

Библ. Горбунова-Посадова. Сестра Бѣленькая и другіе разск. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Георгъ Зиммель. Кантъ и современная эстетика.

К. Фонъ Келлесъ-Краузъ. Музыка и экономія. «Современ. библіотека», № 22. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Якушкинъ. Сперанскій и Аракчеевъ. Спб. 1905. Изд. «Всеоб. Библ.», Г. Львовича. Ц. 15 к.

Ив. Ив. Ивановъ. Ф. Шиллеръ. Біографич. очеркъ. Безплатн. прилож. къ журн. «Дѣтское Чтеніе». Спб. 1905.

О писателяхъ. Мелкіе штрихи для большихъ портретовъ. Собраны и запис. Ал. Мошинымъ. Спб. 1905. Изд. «Помощь». Ц.

К. М. Федоровъ. Жизнь русск. великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. Изд. ред. «Закасп. Обозрѣнія». Асхабадъ. 1904. Ц. 50 к.

Л. Фейербахъ, его жизнь и ученіе. Фр. Іодля. Перев. съ нѣм. Е. Максимовой. Спб. 1905. Изд. т-ва «Общ. Польза». Ц. 50 к.

Иммануилъ Кантъ его жизнь и ученіе. Фр. Паульсена. Пер. съ нѣм. Н. Лосскаго. Спб 1905. Изд. 2-ое «Образованія». Ц. 1 р.

Е. В. Бѣлявскій. Педагогическія воспоминанія 1861—1902 гг. Изд. ред. журн. «Вѣстникъ Воспит.». М. 1905. Ц. 1 р.

Памяти профессора Ивана Ник. Миклашевскаго. Сборникъ рѣчей, некрол. и т. д. Харьковъ. 1905. Изд. Ист. Фил. О-ва при Х. универс. Ц. 50 к.

Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сборникъ статей, некралоговъ, воспоминаній. Харьковъ. 1905. Изд. тоже. Ц. 1 р. 30 к.

В. Бузескулъ. Проф. М. М. Лунинъ. «Харьковскій Грановскій. Спб. 1905. Ц.

I. Малиновскій. Университетъ въ сочиненіяхъ А. П. Чехова. Лекція, чит. въ Томск. Ун-тѣ. Москва. 1904. Ц. 25.

Его же. Вопросы права въ сочиненіяхъ А. П. Чехова. Докладъ, чит. въ засѣд. Том. Юрид. О-ва. Томскъ. 1905. Ц. 75 к.

Японская конституція. Д-ръ юридическихъ наукъ Брукъ. Пер. съ нѣм. Н. И. Секерина. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Э. Вандервельдъ. Экономическ. факторы алкоголизма. Алкоголизмъ и народы. Спб. 1905. Изд. «Совр. Библ.» Ц. 10 к.

Рихардъ Кальверъ. Міровое хозяйство къ началу XX вѣка. Пер. съ нѣм. Ш. Гермера. Спб. 1905. «Совр. Библ.» Ц. 10 к.

Проф. В. Зомбартъ. О значеніи политической экономіи для каждаго. Пер. Д. Марголина. Кіевъ. 1905. Изд. книжн. магаз. Иванова. Ц. 15 к.

Современная Библіотека. 1) Женщина къ началу XX вѣка. Шцезингеръ-Экштейна. Пер. съ нѣм. С. Штернъ. Спб. 1905. Ц. 20 к. 2) Проституція начала XX вѣка. Д-ръ А. Блашко. Спб. 1905. Ц. 10 к. 3) Соціологія къ началу XX вѣка. Казиміръ фонъ Келлесъ-Краузъ. Пер. съ нѣм. Эдельмана и Малыхъ. Ц. 20 к.

Клара Цеткина. Женщина и ея экономическое положеніе. Пер. съ нѣм. Одесса. 1905. Книгоиздат. «Молотъ». Ц. 10 к.

В. Эйгесъ. Крит. феноменализма. Брянскъ. 1905. Ц. 85 к.

В. Колобаевъ. Забастовки и заработная плата. Харьковъ. 1905. Ц. 10 к.

А. Лоріа. Рабочее движеніе. Происхожденіе—формы—развитіе. Изд. С. Коренева. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

П. А. Берлинъ. Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители. Спб. 1905. Изд. «Всеоб. Библ.» Г. Львовича. Ц. 1 р.

Б. Уэббъ. Кооперативное движеніе въ Англіи. Пер. съ англ. К. и С. Алексѣевыхъ. Спб. 1905. Изданіе И. Балашова. Ц. 1 р.

Экономическое ученіе К. Маркса въ изложеніи Карла Каутскаго. Одесса. 1905. Книгоиздат. «Молотъ» Ц. 75 к.

Л. Кольдмерштейнъ. Война и очередныя задачи нашей жел.-дор. политики. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Н. Карѣевъ. Выборъ факультета. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Его же. Общій взглядъ на истор. запад. Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Веньяминъ Экдрузъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ. Пер. съ англ. Е. А. Гурвичъ. Спб. 1905. Книгоиздат. Пирожкова. Ц. 2 р. 50 к.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ Ист. О-ва при Спб. Ун—тѣ. подъ ред. Н. Карѣева. Т. 14-й. Спб. 1905. Ц.

Т. Цигенъ. Мозгъ и душа. Пер. С. Чулока. Спб. Ц. 10 к.

В. Бехтеревъ. Основы ученія о функціяхъ мозга Вып. I. Спб. 1903. Изданіе Брокгаузъ и Ефронъ. Ц.

F. Auerbach. Царица міра и ея тѣнь. Общедост. излож. основ. ученія объ энергіи и энтропіи. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

П. Бахметьевъ. Завѣщаніе милліардера. Методъ разработки естествен. наукъ въ будущемъ. Москва. 1905. Ц.

Д. Е. Лаппо. Общественное управленіе минусинскихъ инородцевъ. Томскъ. 1904. Ц.

П. А. Несторовскій. Бессарабскіе русины Ист.-этногр. очеркъ. Варшава. 1905. Ц. 1 р.

Ал. Калантаръ. Судьба табаководства на черноморск. побережьѣ. Тифлисъ. 1905. Ц.

Труды Студенческаго Кружка для изслѣдованія русской природы. Книжка II. Под. ред. Вл. С. Доктуровскаго. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Извѣстія Вост.-Сиб. Отдѣла Им. Рус. Геогр. О-ва. Иркутскъ. 1904. Ц.

Р. Келлеръ. Правдивое слово властямъ обществу и народу по поводу проекта новаго аптекарскаго устава.

Общее положеніе о крестьянахъ. Общедоступный сборникъ основн. крестьянскихъ законовъ. Сост. подъ ред. И. М. Тютрюмова. Спб. 1905. Изд. ред. журн. «Юристъ». Ц. 1 р. 50 к.

Реформа средняго образованія. Проф. А. П. Павловъ. Москва. 1905. Ц. 25 к.

М. Клочковъ. Земскіе соборы въ старину. Спб. 1905. Изд. «Об. Пользы». Ц. 15 к.

Л. Сокальскій. Матеріалы къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошл. вѣка. Кіевъ. 1905. Ц.

Г. А. Евреиновъ. Реформа высшихъ государственныхъ учрежд. Россіи и народное представительство. Спб. 1905. Изд. то же. Ц. 60 к.

Крестьянскій строй. Т. I. Сборникъ статей А. Корнилова и другихъ. Спб. 1905. Изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. Ц. 2 р. 50 к.

Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія. Вып. I. Ред.-изд. Холчевъ. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Докладъ о результатахъ разслѣдованія по поводу обвиненія газетою «Русь» гимназіи Имп. Человѣколюб. О-ва. Спб. 1905.

Г. С. Михайлов-Мучкин. Совершенствованіе русской грамоты и правописанія въ теоретическ. обоснов. и практич. рѣшенія вопроса. Одесса. 1905. Ц. 40 к.

Учебникъ русской этимологіи съ «приложеніемъ» для разбора и другихъ упражненій. Составилъ Ис. Терлинъ. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Техн. П. Федоровъ. Постройка дома. Справочная книга и руководство. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Указатель русской медицинской литературы. Книжный магазинъ К. Л. Риккера. Спб. 1905.

Указатель технической литературы. Книжный магазинъ К. Л. Риккера. Спб. 1905.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Les Plantes dans l'antiquité et au moyen-âge». Première partie. Les Plantes dans l'Orient classique. Tome II. Par Charles Joret, membre de l'Institut. (Librairie Emile Bouillon). (Растенія въ древности и въ средніе вѣка). Первый томъ этого большого труда вышелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и посвященъ былъ растительности древнихъ странъ, Египту, Халдеѣ, Ассиріи, Іудеи и Финикіи. Новый томъ касается только Ирана и Индіи, причемъ растенія разсматриваются съ различныхъ точекъ зрѣнія и указывается ихъ роль въ питаніи и промышленности, въ поэзіи и искусствѣ, въ религіозныхъ легендахъ и въ культѣ, въ магіи и медицинѣ и т. д. Изучая флору Индіи, авторъ попутно рисуетъ намъ исторію цивилизаціи этой обширной страны.

(Journal des Débats).

«Die Lebenswunder», von Ernst Haeckel. (Verlag von Alfred Kröner). Stuttgart. (Чудо жизни). Предшествующій трудъ маститаго ученаго, «Міровая загадка», вызвалъ массу разсужденій въ печати, за и противъ его взглядовъ и къ нему обращались съ безчисленнымъ множествомъ вопросовъ. Не имѣя возможности отвѣчать на нихъ отдѣльно и въ виду того, что у него накопился огромный матеріалъ, который могъ послужить къ разъясненію или опроверженію многихъ, заключающихся въ его первомъ трудѣ, толкованій, Геккель рѣшилъ издать, какъ дополненіе къ этому труду, названную книгу, въ которой онъ отвѣчаетъ на обращенные къ нему многочисленные вопросы и подробно излагаетъ монистическую философію.

(Berl. Tag.).

«Die bildende Kunst und das Jenseits», von Rudolf Kautzsch. (Eugen Diederichs). (Творческое искусство и вѣчная жизнь). Исторія искусства въ узкомъ смыслѣ этого слова требуетъ для своего дополненія исторіи культуры. Эстетическій анализъ художественнаго творчества и способовъ его проявленія оставляетъ нетронутой, при разъясненіи художественныхъ произведеній, такую область, которая подлежитъ изслѣдованію только историка культуры. Авторъ именно и исходитъ отъ такого положенія и посвящаетъ свой трудъ изслѣдованію отношеній, существующихъ между творческимъ искусствомъ и представленіями о загробной жизни.

(Frankfurt. Ziet.).

«The Story of an Irishman», by Justin Mc Carthy. London. (Chatto and Windus). 12 s. (Исторія одного ирландца). Очень интересная книга, въ которой заключается много свѣдѣній, касающихся современной политической исторіи Ирландіи. Авторъ былъ лидеромъ ирландской расы и принималъ участіе въ парламентской жизни, работая, кромѣ того, въ журналистикѣ, на поприщѣ которой онъ выступилъ тотчасъ же послѣ великаго ирландскаго голода. Проработавъ въ лондонскихъ газетахъ, гдѣ онъ находился въ близкомъ соприкосновеніи съ Брайтомъ и Кобденомъ, онъ отправился въ Соединенные Штаты, откуда, послѣ трехлѣтняго пребыванія, вернулся въ Лондонъ и былъ выбранъ депутатомъ въ палату общинъ. Эта талантливо написанная книга можетъ разсчитывать на широкій кругъ читателей, интересующихся парламентскою жизнью вообще и ирландскимъ вопросомъ въ частности.

(Daily News).

«The Balkan Question», by various Writers. Edited by Luigi Villari (Murray). 10 s. 6 d. (Балканскій вопросъ). Это сборникъ статей различныхъ авторовъ, излагающихъ свои взгляды на современное положеніе балканскаго вопроса и на отвѣтственность европейскихъ государствъ, въ частности по отношенію къ македонскому вопросу.

(Times).

«Slavery», by Bart Kennedy. (Anthony Treherne). (Рабство). Авторъ облекаетъ въ беллетристическую форму могучій протестъ противъ существующаго соціальнаго порядка и неравенства положенія «имущихъ» и «неимущихъ». Онъ описываетъ далѣе дѣтей рабочихъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ идущихъ на фабрику и становящихся тоже рабочими, но на половинной платѣ. Авторъ самъ, въ юности, былъ такимъ именно рабочимъ и потому ему хорошо извѣстенъ

быть этихъ бѣдняковъ. Послѣдняя глава называется «Логика революцій» и написана особенно сильно и съ характерною для автора рѣзкостью.

(Bookseller).

«Esquise Psychologique des Peuples Européens», par Alfred Fouillée. Bibliotheque de la Philosophie conteporaine. (Felix Alcan). (Психологическій эскизъ европейскихъ народовъ). Князь Бисмаркъ однажды сказалъ, что изученіе характера народовъ гораздо важнѣе знанія ихъ матеріальныхъ интересовъ. Авторъ, повидимому, раздѣляетъ этотъ взглядъ и поэтому онъ изучаетъ въ своей книгѣ характеръ европейскихъ народовъ, слагая его изъ различныхъ моментовъ, а именно: изъ отношенія народа къ собственной исторіи, къ землѣ, къ религіи, къ наукѣ, къ искусствамъ, изъ его соціальной и политической организаціи, изъ его политическихъ и экономическихъ стремленій и т. д. Такъ, напр., въ той части своей книги, которая посвящена Германіи, онъ говоритъ: о расахъ и климатѣ; о древнихъ германцахъ, о характерѣ германцевъ, о германскомъ духѣ и германскомъ языкѣ, религіи, поэтическомъ творчествѣ, философіи, исторіи, философіи права; нѣмецкомъ характерѣ и нѣмецкой исторіи, о нѣмецкомъ духѣ и теоріи великихъ людей; о развитіи научной промышленности; о народномъ движеніи и ростѣ городовъ; объ общественномъ воспитаніи, милитаризмѣ, капитализмѣ и соціализмѣ. Авторъ постарался освѣтить свою тему съ разныхъ сторонъ и представить матеріалъ богатый не только цифрами и датами, но и психологическими данными, изреченіями государственныхъ дѣятелей, ученыхъ и поэтовъ. Точно также авторъ изучаетъ въ своей книгѣ и другіе народы, старую и новую Грецію, Римъ и Италію, испанцевъ, англичанъ, русскихъ, французовъ, новую латинскую и англосаксонскую расу. Нѣмцевъ онъ рисуетъ только со словъ ихъ же собственныхъ авторовъ, очевидно опасаясь, чтобы его не упрекнули въ партійности и пристрастіи.

(Journal des Débats).

«Ernst Haeckel», von Wilhelm Bölsche. (Steemam Nachfalger). Berlin—Leipzig. (Эрнстъ Геккель). Несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, великій германскій ученый продолжаетъ съ юношескимъ пыломъ борьбу съ открытыми и скрытыми противниками безграничной свободы научнаго изслѣдованія природы. Кого интересуетъ личность этого неутомимаго маститаго борца, тотъ пусть прочтетъ эту книгу, авторъ которой съ любовью и талантомъ описываетъ его жизнь и дѣятельность.

(Frankfurt. Zeit.).

«Le Rêve d'un siècle», par Joseph Baruzzi (Calman Lévy). (Мечта вѣка). Авторъ, молодой философъ, повидимому, послѣдователь Карлейля, такъ какъ его идеи сквозятъ въ каждой строкѣ книгѣ. Но, во всякомъ случаѣ эта, книга указываетъ важное значеніе идеалистическаго направленія, которое воодушевляетъ новыя поколѣнія и которыми вдохновился ея авторъ.

(Journal des Débats).

«A Modern Utopia», by H. G. Wells. London (Chapman and Hall). 1905. 7 s. 6 d. (Современная утопія). Авторъ облекаетъ серьезныя соціальныя идеи въ беллетрическую форму, такъ какъ въ этой формѣ онѣ легче усваиваются болѣе широкимъ кругомъ читателей. Это новое произведеніе автора можетъ быть также названо соціологическою фантазіей, подъ видомъ которой онъ распространяетъ свои оригинальные и передовые взгляды на соціальныя проблемы.

(Saturday Review).

«Maners of Modern History», Napoleon III, Cavour, Bismarck. By the Hon. Edward Cadogon. (Murray). 8 s. (Творцы современной исторіи). Авторъ проводитъ параллель между Наполеономъ III, Кавуромъ и Бисмаркомъ, сыгравшими такую важную роль въ европейской исторіи XIX вѣка, и опредѣляетъ вліяніе каждаго изъ нихъ на ходъ историческихъ событій. Книга написана очень живо и интересно.

(Saturday Review).

Lhassa and its mysteries». A record of the expedition 1903—1904. By L. A. Waddell. With 200 illustrations. (Murray). 25 s. (Лхасса и ея тайны). Это описаніе послѣдней экспедиціи въ Тибетъ изобилуетъ новыми и подробными свѣдѣніями объ этой странѣ, ея жителяхъ, нравахъ и обычаяхъ и т. д. Книга читается съ большимъ интересомъ.

(Saturday Review).

«La vraie religion selon Pascal», par Sully Prudhomme. (Alcan). (Истинная религія по Паскалю). Авторъ разъясняетъ, то, что можетъ казаться загадочнымъ съ перваго взгляда въ нравственной жизни Паскаля. Онъ разсказываетъ о его происхожденіи, о его необыкновенной энергіи, объ антагонизмѣ, существовавшемъ между его склонностями и врожденными способностями и описываетъ различную среду, которая благопріятствовала ихъ развитію и вліяніе на нихъ его собственнаго болѣзненнаго состоянія и мышленія. Паскаль родился съ такими умственными способностями, которыя противодѣйствовали его елигіознымъ склонностямъ, но въ то же

время въ немъ былъ заложенъ религіозный мистицизмъ, наслѣдственный и болѣе сильный, чѣмъ у его отца, который, несмотря на свою ученость, вѣрилъ въ сверхъестественность. Такимъ образомъ, авторъ, изслѣдуя подробно жизнь и обстановку Паскаля, старается возстановить его нравственный образъ и объяснить тѣ противорѣчія, которыя такъ занимали всѣхъ религіозныхъ и антирелигіозныхъ мыслителей, изучавшихъ Паскаля.

(La Revue).

«La cité Jardin», par Georges Benoit Lévy. (*Городъ-садъ*). Вдохновленные ученіемъ Рёскина англійскіе фабриканты, между прочимъ Ливеръ изъ Ливерпуля и шоколадный фабрикантъ Кэдбюри изъ Бурневилля, основали прекрасныя поселенія, среди садовъ, гдѣ живутъ ихъ рабочіе. Каждый домикъ въ этихъ городахъ окруженъ деревьями и лужайками, и смертность среди жителей такихъ рабочихъ поселеній понизилась съ 21% до 9%. Теперь эти самые промышленники, соединившись съ другими и образовавъ общество, купили въ 50 километрахъ отъ Лондона участокъ въ 1.500 гектаровъ и собираются устроить на немъ «городъ-садъ», который могъ бы вмѣстить 82.000 жителей. Авторъ названной книги описываетъ уже существующіе города подобнаго рода и дополняетъ свои описанія многочисленными снимками съ этихъ рабочихъ поселеній.

(La Revue).

«La Societé Française sous la troisième république» (d'après les romanciers contemporains), par Marius Ary Leblond. (Alcan). (*Французское общество во времена третьей республики*). Эта книга не столько представляетъ исторію или описаніе современнаго общества, сколько критику романической литературы, которая какъ бы служитъ изображеніемъ этого общества. По этой литературѣ можно судить о томъ представленіи, которое имѣютъ авторы о своихъ современникахъ. Тутъ затрагивается проблема взаимодѣйствія литературы на жизнь и жизни на литературу. Изслѣдуя ее, авторъ обнаруживаетъ способность психологическаго анализа и большую эрудицію.

(La Revue).

«Recollections of troubled Times in Irish Politics», by T. D. Sullevan. (Sealy, Bryers, Walker). (*Воспоминанія о смутныхъ временахъ ирландской политики*). Воспоминанія ирландскаго журналиста, проработавшаго 45 лѣтъ въ ирландской газетѣ и принимавшаго активное участіе въ ирландской политикѣ, разумѣется, представляютъ интересъ, такъ какъ эта политика, за послѣднія полстолѣтія, отличалась большою возбужденностью. Притомъ же авторъ умѣетъ занимательно разсказывать и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаруживаетъ большую долю юмора. Конечно, онъ держится ирландской точки зрѣнія, но она не мѣшаетъ ему все-таки безпристрастно относиться ко многимъ фактамъ и осуждать внутреннія распри и взаимное недовѣріе, помѣшавшія реализаціи ирландскихъ національныхъ стремленій.

(Bookseller).

«Tales of Old Fiji» by Lorimer Fison. (Alex. Moring). (*Фиджійскія легенды*). Читатели, интересующіеся Фольклоромъ, найдутъ въ этой книгѣ богатый матеріалъ, такъ какъ фиджійцы занимаютъ довольно высокое мѣсто на соціальной лѣстницѣ и задолго до посѣщенія Фиджи бѣлыми, жители этихъ острововъ уже достигли значительнаго развитія, поэтому и легенды ихъ заслуживаютъ вниманія. Кромѣ легендъ, въ книгѣ находятся отдѣльные очерки, указывающіе на превосходное знакомство автора съ архипелагомъ и его населеніемъ.

(Bookseller).

«New Forces in Old China», by Arthur Judson Brown. (Fleming H. Revell). (*Новыя силы въ старомъ Китаѣ*). Цѣль этой книги—представить дѣятельность трехъ великихъ преобразовательныхъ силъ современнаго міра: западной торговли, западной политики и западной религіи, совмѣстно работающихъ и подчиняющихъ старый консервативный Китай своему вліянію. Въ предисловіи авторъ говоритъ о старомъ Китаѣ и его населеніи; затѣмъ идутъ главы: «Коммерческое вліяніе и экономическая революція»; «Политическое вліяніе и національный протестъ»; «Миссіонерская сила и китайская церковь»; заканчивающіяся разсужденіями о будущности Китая, о желтой опасности и объ обязанностяхъ христіанскаго міра по отношенію къ Китаю. Книга написана очень безпристрастно, съ большимъ знаніемъ дѣла и вдумчивостью. Къ ней приложена карта Китая и нѣсколько прекрасно исполненныхъ иллюстрацій, какъ бы дополняющихъ текстъ

(Bookseller).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.